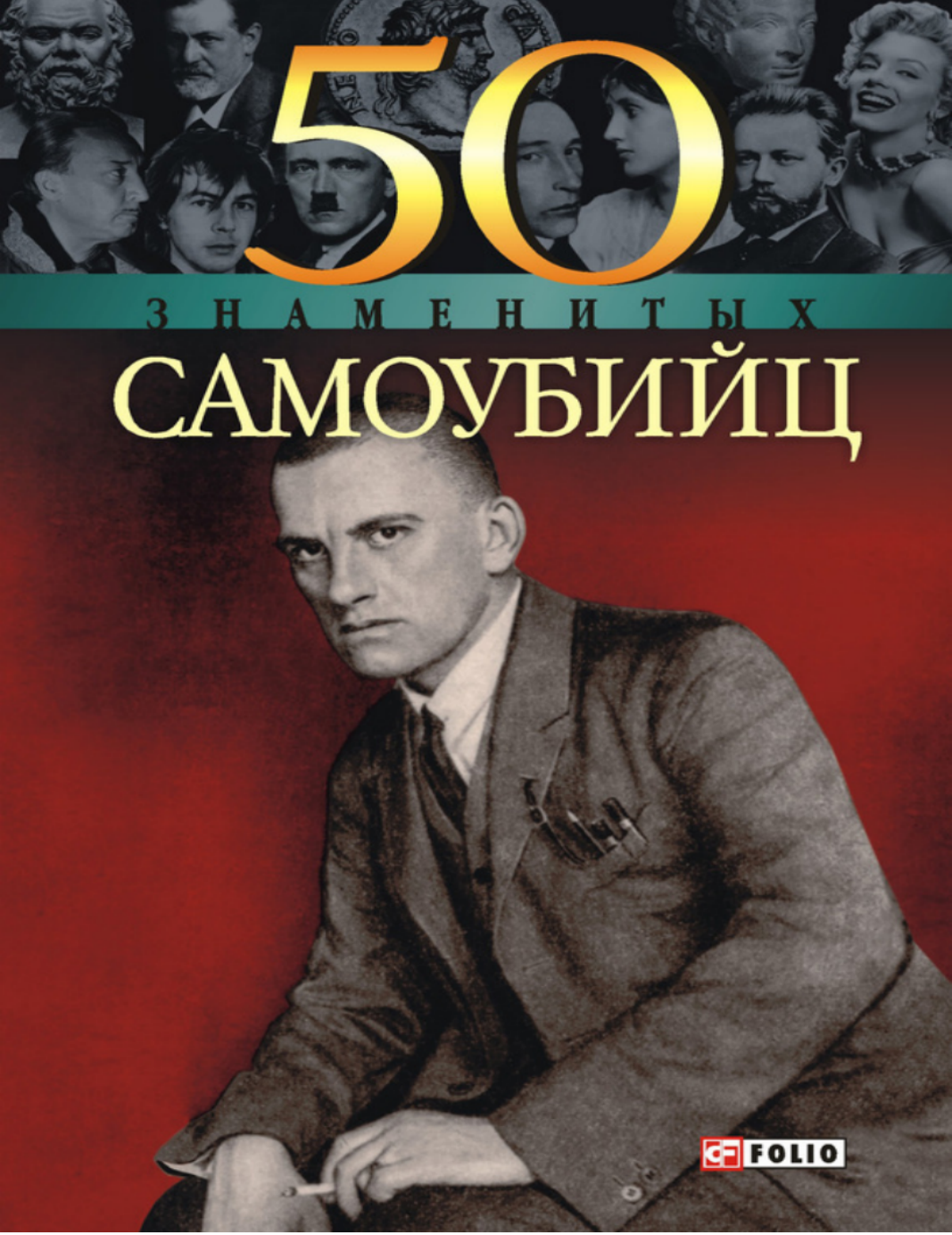

50
ЗНАМЕНИТЫХ
САМОУБИЙЦ
FOLIO

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сегодня считается, что основная причина суицида – ощущение человеком бессмысленности или невозможности своего существования. Зачастую проблемы разного рода, душевная и физическая боль, непонимание, несчастная любовь становятся той стеной, которой человек отгораживается от окружающих, а потом, оказавшись в эмоциональном вакууме, не может с ним справиться. Так ушли из жизни Марина Цветаева, Сергей Есенин, Акутагава Рюноскэ, Геннадий Шпаликов, Эрнест Хемингуэй, Всеволод Гаршин и многие другие.

О 50 самых известных самоубийцах и причинах, по которым они лишили себя жизни, и рассказывается в этой книге.

- Елена Кочемировская
  - Предисловие
  - АКУТАГАВА РЮНОСКЭ
  - АНТИСФЕН
  - АНТОНИЙ МАРК
  - БАШЛАЧЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ
  - БРУТ МАРК ЮНИЙ
  - БУССЕНАР ЛУИ АНРИ
  - ВАН ГОГ ВИНСЕНТ
  - ВЕЙНИНГЕР ОТТО
  - ВУЛЬФ ВИРДЖИНИЯ
  - ГАРИ РОМЕН
  - ГАРШИН ВСЕВОЛОД МИХАЙЛОВИЧ
  - ГИТЛЕР АДОЛЬФ
  - ДЕЛЁЗ ЖИЛЬ
  - ДЕМОКРИТ ИЗ АБДЕР
  - ДЕМОСФЕН
  - ДЖОПЛИН ДЖЕНИС
  - ДИОГЕН СИНОПСКИЙ
  - ДРУНИНА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА
  - ДЯГИЛЕВА ЯНА СТАНИСЛАВОВНА
  - ЕСЕНИН СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
  - ИУДА ИСКАРИОТ
  - КАРДАНО ДЖИРОЛАМО
  - КАТОН МЛАДШИЙ (УТИЧЕСКИЙ) МАРК ПОРЦИЙ
  - КЛЕОПАТРА VII ФИЛОПАТОРА
  - КОБЕЙН КУРТ ДОНАЛЬД
  - ЛАФАРГ ПОЛЬ
  - ЛОНДОН ДЖЕК

- МАЯКОВСКИЙ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ
- МИСИМА ЮКИО[25]
- МОНРО МЭРИЛИН
- МОРОЗОВ САВВА ТИМОФЕЕВИЧ
- НЕРОН
- ПЕТРОНИЙ ГАЙ (ТИТ) АРБИТР
- ПИФАГОР
- РАДИЩЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ
- САВИНКОВ БОРИС ВИКТОРОВИЧ
- САФО (САПФО)
- СЕНЕКА МЛАДШИЙ ЛУЦИЙ АННЕЙ
- СОКРАТ
- ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
- ТУРБИНА НИКА ГЕОРГИЕВНА
- ФАДЕЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ
- ФРЕЙД ЗИГМУНД
- ХЕМИНГУЭЙ ЭРНЕСТ МИЛЛЕР
- ХЕНДРИКС ДЖИМИ
- ЦВЕЙГ СТЕФАН
- ЦВЕТАЕВА МАРИНА
- ЧАЙКОВСКИЙ ПЕТР ИЛЬИЧ
- ШПАЛИКОВ ГЕННАДИЙ
- ЭМПЕДОКЛ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49

Елена Кочемировская
50 знаменитых самоубийц

Предисловие

Самоубийство, или суицид, – это намеренное прекращение собственной жизни. Решение покончить с собой может быть вызвано самыми разными причинами. Существует целый ряд закономерностей, связанных с самоубийством. Так, в мирное время суициды случаются чаще, чем в военное. Мужчины кончают с собой почти в три раза чаще, чем женщины, хотя частота суицидальных попыток (иногда демонстративных, то есть тех, которые преследуют цель обратить на себя внимание, а не расстаться с жизнью) у женщин значительно выше. В какой-то степени эти различия могут быть объяснены тем, что мужчины обычно совершают самоубийство такими решительными способами, как пистолетный выстрел, повешение или отравление угарным газом, в то время как женщины чаще прибегают к приему больших доз лекарств, что с меньшей вероятностью приводит к смерти. Число самоубийств в больших городах значительно превышает этот показатель в сельской местности. Если раньше самоубийства чаще всего совершались пожилыми людьми, то к концу XX века резко выросло количество суицидов среди молодежи 15–24 лет. Риск самоубийства повышают безработица и отсутствие собственной семьи.

Суициды совершались на протяжении всей истории человечества. Одно время полагали, что это болезнь современной цивилизации, неизвестная примитивным культурам, однако это обобщение неверно. Например, среди отдельных племен индейцев Южной Америки самоубийства являются основной причиной смерти (но в то же время есть племена, где не существует самого этого понятия).

Столь же неверно приписывать склонность к суицидам современности. Самоубийства были широко распространены уже в Древней Греции и Древнем Риме, причем такая смерть если и не была одной из самых почетных, то уж во всяком случае не осуждалась.

Иудейская религия, а вслед за ней христианство, подчеркивающие святость человеческой жизни, осуждают самоубийство. Тем не менее, в еврейской исторической литературе существует несколько примеров суицида; наиболее известно массовое самоубийство 960 человек в Масаде, предпринятое во избежание резни и порабощения римлянами в 73 г. н. э. Законы Талмуда запрещали произносить надгробное слово над телом человека, покончившего с собой, но поощряли сочувственное отношение к родственникам погибшего.

Самоубийство было, по-видимому, довольно распространенным явлением в раннехристианские времена, в период Римской империи. В христианстве официальное осуждение суицида впервые сформулировал св. Августин (354–430) в книге «О Граде Божием» (De civitate Dei). В XIII веке Фома Аквинский осуждал самоубийство на основании трех причин: как извращение природного чувства самосохранения, как прегрешение против общества и как прегрешение против Бога.

Некоторые азиатские культуры придерживались более терпимого отношения к суициду. Например, в ряде областей Индии и Китая до сих пор принято самоубийство вдов после смерти мужей (например, в Индии по этой причине число самоубийств среди женщин значительно превышает количество суицидов у мужчин). Другие типичные мотивы – попытка избежать пленения во время войны, стремление следовать за учителем и после его смерти, страх стариков стать обузой для семьи. В Японии многие воины и представители благородных классов прибегали к суициду как к альтернативе наказания за содеянное преступление и единственно достойному способу избавить от позора себя и свою семью.

В истории мусульман суицид – редкое явление. Коран строжайше запрещает его, и частота самоубийств среди мусульман и сегодня остается низкой.

Юридические установки по отношению к самоубийству тоже изменялись. Английский закон запрещал суицид и подвергал наказанию лиц, предпринимавших попытки нанести себе повреждения. В большинстве современных культур совершению самоубийства также препятствуют законодательные запреты или религиозные табу. Например, в большинстве штатов США действует закон, запрещающий помогать другому человеку покончить с собой. С другой стороны, в ряде стран, например в Нидерландах, разрешена эвтаназия («самоубийство с врачебной помощью»), т. е. прием быстродействующих и вызывающих летальный исход препаратов, назначенных врачом с целью положить конец мучениям больного изнурительной смертельной болезнью. Эвтаназия стала предметом горячих споров, поскольку современная медицина позволяет продлить жизнь даже безнадежно больных. В редких случаях, например в военное время, акты самоуничтожения могут рассматриваться как альтруистические, особенно если речь идет о смерти ради спасения других людей.

Социологи пытались объяснить самоубийство действием социальных и культурных факторов. Э. Дюркгейм, например, рассматривал его как следствие деградации социальных связей и

нарастающей изоляции человека в обществе. Другие ученые усматривали причину суицидов в росте городской цивилизации, чрезмерной урбанизации, крахе семейных ценностей и снижении влияния церкви.

Некоторые писатели воспевают самоубийство как проявление артистического самовыражения – такая романтизация игнорирует муки человека, замышляющего самоубийство, и страдания его близких, однако оказывается чрезвычайно привлекательной для эмоционально нестабильных людей (прежде всего, подростков и молодежи). Так, именно эта причина обусловила эпидемию самоубийств, которая прокатилась по Европе в конце XIX – начале XX веков, когда молодые люди расставались с жизнью, следуя «моде».

Сегодня считается, что основная причина суицида – ощущение человеком бессмысленности своего существования. Количество самоубийств зависит от положения, в котором находится общество, в частности от экономической нестабильности, идеологической неразберихи, переоценки общественных ценностей и норм морали. Что касается крупных городов, то здесь существует такое явление, как анонимность в толпе – ситуация, когда человек ощущает страшное одиночество, имея массу знакомых, коллег, приятелей.

В то же время причины самоубийства не сводятся к проблеме одиночества, хотя, безусловно, она очень важна. Зачастую накопившиеся проблемы, душевная боль, крушение жизненных планов, непонимание, несчастная любовь становятся той стеной, которой человек отгораживается от окружающих, а потом, оказавшись в эмоциональном вакууме, не может с ним справиться. Так ушли из жизни Марина Цветаева, Сергей Есенин, Акутагава Рюноскэ, Геннадий Шпаликов…

Однако, кроме одиночества, есть еще целый список не менее значимых предпосылок, которые в разное время приводили людей различных профессий, склонностей, достатка, семейного положения и религиозных взглядов к самоубийству:

– старение и болезни. Здесь, как это ни парадоксально, основным мотивом становится… страх смерти – не мгновенной, а долгого умирания. По этой причине расстались с жизнью Демокрит, чета Лафаргов, Ромен Гари, Жиль Делёз, Эрнест Хемингуэй, Джек Лондон, Зигмунд Фрейд. Впрочем, зачастую в основу решения о самоубийстве ложится психическая болезнь (как, например, в случае Вирджинии Вульф, Ван Гога, Всеволода Гаршина), а иногда алкоголизм или наркомания (Алексей Толстой, Глеб Успенский);

– политические и патриотические мотивы. Тут можно назвать

героические самоубийства (японские камикадзе, Гастелло, Александр Матросов), протест против существующего положения дел (самоубийства народовольцев Софьи Гинзбург, Егора Сазонова, смерть Серго Орджоникидзе и др.), страх разоблачения и/или репрессий со стороны режима (Александр Радищев, самоубийства организаторов ГКЧП), давление со стороны существующей власти (Сенека, Лукиан, Сократ, Александр Фадеев);

– творческий кризис, страх перед «снижением планки», снисходительным отношением критиков и бывших поклонников, боязнь услышать полупрезрительное: «Что ж, живет старыми заслугами, ничего нового создать уже не может». Этот мотив особенно значим для тех, кого принято называть «работниками творческих профессий» – писателей, актеров, художников, композиторов. Именно им зачастую объясняются «роковые годы творцов» – двадцать семь и тридцать семь лет. Дело в том, что на эти возрастные периоды приходятся так называемые «жизненные кризисы» – время осознания своих достижений и перспектив, переоценки своей жизни, выработки новых ценностей. Через эти кризисы, которые повторяются каждые 7–9 лет, проходит каждый человек, но большинство преодолевает их: кто-то меняет работу, кто-то семью, кто-то погружается в быт, кто-то переезжает на новое место, кто-то продолжает жить как раньше… Творческие люди переживают кризисы значительно острее, да и сменить род деятельности им не под силу. И в результате единственным выходом оказывается самоубийство. Список погибших из-за творческого кризиса, часто усугубленного алкоголем или наркотиками, очень велик. Большую роль в принятии решения об уходе из жизни играет желание сохранить и отстоять свои мировоззренческие позиции или хотя бы умереть в том же стиле, в котором прошла вся жизнь. Так ушли из жизни, например, Сократ, Юкио Мисима, Луи Буссенар, Отто Вейнингер, Джироламо Кардано…

Перечислять причины, приводящие к самоубийствам, можно до бесконечности, равно как и имена известных людей, которые расстались с жизнью по доброй воле. Конечно, рассказать о всех них под одной обложкой невозможно – разве что просто привести список.

В предлагаемой книге представлены жизненные истории знаменитых людей, покончивших с собой по таким причинам:

– самоубийства, связанные с политическими событиями Древнего Рима, Древней Греции и России (начиная со времен Российской империи и заканчивая распадом СССР). Особняком стоит описание жизненного пути Адольфа Гитлера, который был

включен в книгу после долгих колебаний – в назидание потомкам;

– самоубийства, связанные со страхом старости, одряхления, нежеланием быть обузой для окружающих. Эта фобия была свойственна людям во все времена – начиная с Древней Греции и до наших дней;

– самоубийство из-за болезни;

– самоубийство как следствие невыносимых жизненных условий, в которых оказывается человек. Речь, разумеется, идет о субъективной невыносимости – глубоком личностном кризисе, невозможности (или неспособности) увидеть выход из сложившейся жизненной ситуации, неумении справиться с ней;

– самоубийство под влиянием, условно говоря, «шоу-бизнеса». Здесь речь идет о суицидах, спровоцированных разрывом между собственными творческими устремлениями артиста и требованиями публики;

– самоубийство как продолжение жизни, как реализация жизненного стиля и мировоззренческих позиций.

АКУТАГАВА РЮНОСКЭ

(род. в 1892 г. – ум. в 1927 г.)

«Подрагивает весенняя ветка.
Мгновение назад
С нее упала мартышка».

Акутагава Рюноскэ

«Наверное, я постепенно лишился того, что называется инстинктом жизни, животной силой. Я живу в мире воспаленных нервов, прозрачном, как лед… Лишь природа стала для меня во много раз прекраснее. Тебя, наверное, это насмешит: человек, очарованный красотой природы, думает о самоубийстве. Но природа потому так и прекрасна, что отражается в моем последнем взоре».

Акутагава Рюноскэ, «Письмо к другу»

«…Еще никто не описал достоверно психологию самоубийцы. Видимо, это объясняется недостаточным самолюбием

самоубийцы или недостаточным психологическим интересом к нему самому. В этом своем последнем письме к тебе я хочу сообщить, что представляет собой психология самоубийцы. Разумеется, лучше не сообщать побудительные мотивы моего самоубийства…» Этими словами Акутагава Рюноскэ, один из известнейших японских писателей, начинает свое предсмертное «Письмо к другу». Его короткая жизнь оставила неизгладимый след в литературной жизни не только Японии, но и всего мира.

Никто так и не узнал, что именно побудило писателя свести счеты с жизнью. И мало кого его поступок удивил: задолго до этого Рюноскэ так много говорил и писал о самоубийстве, что его друзья и знакомые попросту привыкли к этому… Да и кроме того, незадолго до смерти Акутагава написал три рассказа о смерти, так что не было ничего удивительного в его разговорах на эту тему – просто еще один источник вдохновения. А ведь в этих рассказах Рюноскэ описал себя, свое мучительное душевное состояние, свой страх перед безумием и творческим опустошением. Но, конечно, это стало очевидно уже после его смерти…

Акутагава ушел из жизни, приняв смертельную дозу снотворного. Ему было всего тридцать пять – роковой возраст для гениев…

* * *

Япония и мы. Что мы Японии, что она нам? Мы – ей немного, она нам, пожалуй, поболе:

– две войны и патриотический репертуар («…Врагу не сдается наш гордый "Варяг"…»; «…На границе тучи ходят хмуро…»)…

– много-много красивых слов: «банзай», «самурай», «харакири», «камикадзе», «гейша», «покемоны», «кимоно», «ниндзя», «Йоко Оно», «Фудзияма», «сакура», «сакэ», «якудза», «суси», «Sony», «Panasonik», «Акунин»…

– несколько… э-э-э, фразеологизмов (японский городовой, например)…

– мультики с широкоглазыми персонажами…

А еще Страна восходящего солнца подарила нам хокку и танка, удивительное кино, прозу, картины… И – Дракона.

1 марта 1892 г. – в час Дракона день Дракона месяц Дракона – в семействе Ниихара родился мальчик Рюноскэ. Это имя было дано младенцу потому, что «Рю» – иероглиф Дракона, совершенного существа, священного для Японии. Через девять месяцев мать Рюноскэ сошла с ума… Болезнь матери стала для

мальчика серьезной травмой; уже став взрослым, он много размышлял об утрате рассудка, не без оснований опасаясь той же участи.

Рюноскэ родился, когда отцу, торговцу молоком, было сорок два года, а матери – тридцать три. Следуя старинному обычаю, родители сделали вид, будто ребенка им подкинули, и отдали его на воспитание в дом сестры матери, которая хотя и была замужем, но детей не имела. Это было сделано из суеверных соображений, поскольку в Японии считается не очень хорошей приметой, когда родителям новорожденного за тридцать. Мальчик воспитывался в семье своего дяди – Акутагавы Митиаки, и в итоге дядина фамилия прославилась, а родная – Ниихара – канула в Лету.

В 1910 г. Рюноскэ с отличием окончил Токийскую муниципальную среднюю школу и поступил в колледж на литературное отделение, окончив который в 1913 г., стал студентом английского отделения Токийского императорского университета. Занятия в университете разочаровали начинающего литератора – лекции оказались пресными и скучными, и он перестал их посещать, увлекшись изданием журнала «Синейте».

Англия, Франция, Германия, Россия – четыре страны, к которым было приковано внимание молодых японских гуманитариев того времени. Но только Акутагава решился раздвинуть рамки японской литературы того времени. Первая же новелла «Ворота Расёмон», написанная в 1915 г., принесла ему мировую известность. Оставаясь в пределах национальной тематики и географии, демонстративно обратившись к древней традиции, Рюноскэ писал так, как японцы никогда не писали.

В том же году Акутагава создал «Нос» – не менее знаменитое произведение, которое стало вехой творческого пути писателя. Отправной точкой для создания этой новеллы послужил гоголевский «Нос» – повесть о том, как нос майора Ковалева покинул свое законное место на его лице и отправился гулять по Санкт-Петербургу. Только сюжет японского «Носа» несколько отличался от повести Гоголя: нос монаха Дзэнти, главного персонажа, был слишком длинен, и он всю жизнь мечтал укоротить его. В конце концов ему это удалось, но вот жить с обычным носом монах не смог. Жизнь лишилась смысла…

В 1916 г. Акутагава окончил университет и получил должность преподавателя английского языка в Военно-морской школе. Он писал тогда своей будущей жене, что люто ненавидит преподавание: «Стоит мне увидеть лица учеников, как сразу же охватывает тоска – и тут уж ничего не поделаешь. Но зато я моментально оживаю, когда передо мной бумага, книги, перо и

хороший табак».

И тем не менее, это было самое светлое время в его жизни. За девять месяцев Акутагава создал около двадцати новелл, эссе и статей; он становится непревзойденным мастером короткого рассказа. Слава пришла к писателю довольно рано, и жизнь его была вполне благополучна: крепкая семья, литературный успех, признание публики. Однако сам Рюноскэ считал, что живет в аду.

Он жил в постоянном страхе, боясь безумия и творческого истощения. В последние годы этот страх стал неотвязно преследовать Акутагаву, хотя его рассудок оставался незамутненным, а писал он все больше. Однако после тридцати писателю стало все труднее браться за перо, и это вселяло в него «…смутную тревогу, какую-то смутную тревогу за свое будущее». Он все сильнее беспокоился о том, что сойдет с ума, как мать; все чаще ему казалось, что талант иссяк и он не может больше писать, что надвигается творческий кризис и пустота. Больше всего на свете Акутагава стремился к семейному уюту, «нормальной» жизни, и больше всего на свете боялся этой самой «нормальности», убивающей творчество.

Душевное напряжение достигло пика, и в довершение всего на писателя обрушилась бессонница, побороть которую удавалось только постоянным увеличением доз снотворного. И вскоре Рюноскэ уже не мог обходиться без него, а лекарственный дурман не оставлял его и днем.

В марте 1927 г. он написал рассказ «Мираж», в котором отчетливо прозвучал мотив предполагаемой смерти, но ярче всего состояние писателя раскрыто в автобиографической новелле «Зубчатые колеса» и повести-исповеди «Жизнь идиота»: «…У него дрожала даже рука, державшая перо. Мало того, у него стала течь слюна. Голова у него бывала ясной только после пробуждения от сна, который приходил к нему после большой дозы веронала. И то ясной она бывала каких-нибудь полчаса. Он проводил жизнь в вечных сумерках, словно опираясь на тонкий меч со сломанным лезвием…»

Именно тогда Акутагава окончательно утверждается в решении уйти из жизни. Вообще-то, его давно привлекала идея самоубийства, он даже когда-то провел эксперимент: сдавил себе горло веревкой и стал следить по секундомеру, сколько времени ему потребуется, чтобы умереть. Через две минуты двадцать секунд сознание начало меркнуть, и Акутагава на этом остановился – способ самоубийства путем удушения ему не понравился.

Многие новеллы Акутагавы посвящены христианству, встрече японской культуры и католичества, Востока и Запада… Изучение

Библии, осмысление жизни Христа и христианских догматов только укрепляют решимость писателя покончить с собой: «…Я не считаю самоубийство грехом, в чем убеждены рыжеволосые, – пишет он в своем «Письме к другу». – Шакья-Муни (Будда. – *Прим. авт.*) в одной из своих проповедей одобрил самоубийство своего ученика… Люди, решительно совершавшие… самоубийство, должны были в первую очередь обладать мужеством».

И Акутагава проявил мужество, как он его себе представлял. Он долго готовил свое самоубийство – иероглиф Дракона, совершенного существа, под которым Рю родился и прожил яркую жизнь, требовал, чтобы последний росчерк кисточки был совершенен:

«…Первое, о чем я подумал, – как сделать так, чтобы умереть без мучений. Разумеется, самый лучший способ – повеситься. Но стоило мне представить себя повесившимся, как я почувствовал переполняющее меня эстетическое неприятие. Не удастся мне достичь желаемого результата, утопившись, так как я умею плавать. Но даже если паче чаяния мне бы это удалось, я испытаю гораздо больше мучений, чем повесившись. Смерть под колесами поезда внушает мне то же эстетическое неприятие, что и повешение. Застрелиться или зарезать себя мне тоже не удастся, поскольку у меня дрожат руки. Безобразным будет зрелище, если я брошусь с крыши многоэтажного здания. Исходя из всего этого, я решил воспользоваться снотворным. Умереть таким способом мучительнее, чем повеситься, но зато не вызывает того отвращения, как повешение, и, кроме того, не несет опасности, что меня вернут к жизни…

Следующее, что я продумал, – это место, где покончу с собой… Я тревожился, как бы из-за самоубийства мой дом не стал пользоваться дурной славой… Я хочу покончить с собой так, чтобы, по возможности, никто, кроме семьи, не видел моего трупа.

И последнее. Я постарался сделать все, чтобы никто из семьи не догадался, что я замышляю покончить с собой. После многомесячной подготовки я, наконец, обрел уверенность. (Я вдаюсь в такие мелочи потому, что пишу не только для тех, кто питает ко мне дружеское расположение. Я бы не хотел быть виновником того, чтобы кого-то привлекли к ответственности по закону о пособничестве в совершении самоубийства…)

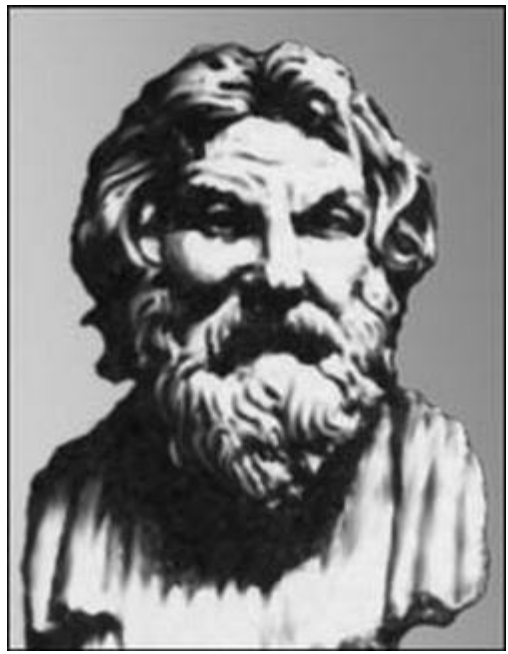
Я хладнокровно завершил подготовку и теперь остался наедине со смертью…»

24 июля 1927 г. в возрасте тридцати пяти лет Рюноскэ Акутагава покончил с собой. Его путь – от начала литературной славы до смертельной дозы веронала оказался очень короток –

всего 12 лет. В 1935 г. писатель и издатель Кикути Кан учреждает ежегодную премию имени Акутагава Рюноскэ, которой и по сей день удостаиваются талантливые молодые литераторы Японии.

АНТИСФЕН

(род. ок. 450 г. до н. э. – ум. ок. 360 г. до н. э.)



«Принято думать, что толпы оборванных молодых людей, которые слоняются по дорогам и улицам больших городов, появились только в нашу эпоху, пресыщенную цивилизацией. Между тем античный мир тоже знал своих хиппи; они во многом были похожи на нынешних, хотя, в отличие от них, исповедовали ясную и законченную философию опрощения».

о. Александр Мень, История религии. Т. 6

«В жизни своей, Антисфен,
ты псом был недоброго нрава,
Речью ты сердце кусать лучше, чем
пастью, умел…»

Диоген Лаэрций (Лаэртский); III в. н. э.

Сократ оставил достойных продолжателей своих идей. Одним

из них стал его ближайший друг и ученик Антисфен. Антисфен и смерть выбрал достойную памяти учителя – по легенде, достигнув глубокой старости, он закололся кинжалом.

Открытым остается вопрос относительно возраста, в котором Антисфен ушел из жизни: по одним сведениям, он умер около 370 г. до н. э., а по другим – не менее достоверным, – около 336 г. до н. э. Разброс, как видим, значительный. То же и с датой рождения – не то 455 г. до н. э., не то 445 г. до н. э, а то и вообще 435 г. до н. э. В общем, непонятно, когда родился, и тем более, когда умер.

Надо сказать, что вся эта неразбериха с датами, скорее всего, только порадовала бы Антисфена – очень уж он не любил людей и, подобно настоящему псу, кидался на всякого, кто ему не нравился, как по вздорности характера, так и из философских соображений. Вообще, по отзывам современников, Антисфен был настолько же необычным, насколько и неприятным человеком (хотя его ученик Диоген Синопский, о котором пойдет речь в другой статье, намного превзошел своего наставника).

Антисфен, сын афинского гражданина Антисфена, не был чистокровным и свободнорожденным афинянином – его родила фракийская рабыня, и потому он не имел гражданства. Очевидно, он страдал от своего «нечистого» происхождения, поскольку всю жизнь желчно высмеивал афинян, которые гордились чистотою крови, заявляя, что они ничуть не родовитее улиток или кузнечиков. Себя Антисфен кокетливо называл «непородистым псом», но когда его попрекнули тем, что он происходит не от свободнорожденных родителей, ответил: «Но ведь и атлетами мои родители не были, а я тем не менее атлет».

О детстве Антисфена нет никаких сведений. В юности он учился у знаменитого ритора и софиста Горгия, а потом примкнул к Сократу. Антисфен был настолько увлечен беседами с Сократом, что ежедневно ходил к нему из Пирея, расположенного в нескольких километрах от Афин, и даже убеждал своих учеников вместе с ним учиться у афинского мудреца.

Цицерон, древнеримский оратор, как-то сказал, что после разговоров с Сократом у разных людей складывались самые неожиданные и далекие друг от друга воззрения. Антисфен – лучший тому пример: Сократ оказал на него огромное влияние, но его философские взгляды очень далеки от идеалов учителя. Сократ свято чтил законы и традиции города (и даже лишил себя жизни, соблюдая их), а Антисфен их желчно высмеивал. Умозрительные поиски философа тоже не слишком интересовали ученика.

Главным Антисфен считал «искусство жить», и именно этому

он хотел научиться у Сократа. В знаменитом философе его восхищали выдержка, мужество, непритязательность и умение оставаться счастливым в нужде. Все это, в глазах Антисфена, было вершиной человеческого достоинства и добродетели.

Антисфен старался во всем подражать учителю, а иногда был даже не прочь перещеголять его в «простоте». Так, например, он стал носить лишь один дырявый плащ, сквозь который просвечивало голое тело; Сократ, видя это, заметил: «Сквозь плащ просвечивает твое тщеславие». Тем не менее он любил этого одаренного, хотя и вздорного человека и в последний день жизни пожелал видеть Антисфена среди самых близких людей. После казни Сократа Антисфен нашел способ отплатить его врагам и, как утверждают, стал причиной изгнания и смерти главных обвинителей мудреца.

Довольно скоро Антисфен вознамерился основать собственную школу, но поначалу у него ничего не получалось. Взлохмаченный, в ветхой одежде, с посохом и сумой, вызывавший улюлюканье мальчишек, он казался карикатурой на философа. Однако его образ жизни и философские воззрения стали привлекать все больше людей, которые собирались в гимнасии Киносарг в пригороде Афин, где преподавал Антисфен. Правда, иметь с ним дело было непросто, с учениками он обращался довольно строго, порой пуская в ход палку, приговаривая, что врачи тоже суровы с больными.

«Киносарг» означает «Зоркий пес», и его учеников стали звать киниками (или, в латинской транскрипции, циниками) по названию гимнасия. Впрочем, многие современники Антисфена издевательски производили имя его философской школы непосредственно от слова «кинос» («пес»), намекая на собачий образ жизни этих врагов цивилизации, ставивших ей в вину чуть ли не все человеческие бедствия и требовавших возврата к жизни «согласно природе». Но, несмотря на то, что слова «собака», «пес» были ругательствами, киники гордились своим прозвищем.

Киносарг стал, выражаясь современным языком, культовым местом. Многим нравилось, что Антисфен не требует знания математики, как Платон, что кинические правила доступны всем сословиям. Добровольное нищенство стало входить в моду среди людей, желавших прослыть мудрецами. Приверженцы кинизма, среди которых было немало отпрысков знатных и состоятельных семей, гордо расхаживали по улицам Афин, напялив на себя худшее тряпье и выглядя как последние оборванцы. Сложенный вдвое короткий плащ на голое тело, котомка и посох стали своеобразной униформой киников, которые также переняли обычай Антисфена не стричься, не бриться и ходить босиком.

Киников постоянно окружала атмосфера уличного скандала и сенсации. Так сбылась мечта Антисфена, и он стал Истинным Псом – основоположником школы кинизма.

Кинизм стал не столько философской теорией, сколько способом существования (надо заметить, что ни одно философское течение не оставило после себя столько анекдотов). Доктрина истинного циника – крайний индивидуализм человека, живущего сам по себе. Киники отрицали все земные приобретения, жили в самых грубых жилищах и питались только самой простой пищей. Окружение человека рассматривалось как причина страдания, заставляющая его все больше сосредоточиваться на своей внутренней природе.

Киники с вызовом именовали себя «космополитами» – «гражданами мира» и утверждали, что будут жить в любом обществе по своим собственным законам в качестве нищих и юродивых, считая такое не только бедственное, но и унизительное положение наилучшим. Киники хотели быть «нагими и одинокими»; социальные связи и культурные навыки казались им мнимостью, «дымом» (в качестве провокации они отрицали все требования стыда, настаивали на допустимости кровосмесительства и людоедства и т. п.). Все виды физической и духовной бедности для киников предпочтительнее богатства: лучше быть варваром, чем эллином, лучше быть животным, чем человеком.

Исходя из положений своей философской системы, Антисфен принялся за исправление нравов, считая это своим главным призванием. Он нападал на роскошь, высмеивал женские наряды. «Пусть дети наших врагов живут в роскоши!» – говорил он, а также: «Лучше безумие, чем наслаждение».

Антисфен буквально воспринял слова Сократа, призывавшего познать самого себя: человеку нужно лишь ясно определить, что ему дано природой, а что – наносное. Беда людей в том, что они засорили и затемнили представление о самих себе. Если же снять с понятия «человек» всяческие наслоения, то прояснится его истинное призвание, и философия нужна именно для того, чтобы помочь человеку найти свою истинную сущность – добродетель.

«Благородство и добродетель, – говорил он, – одно и то же. Достаточно быть добродетельным, чтобы быть счастливым; для этого ничего не нужно, кроме Сократовой силы духа. Добродетель проявляется в поступках и не нуждается ни в обилии слов, ни в обилии знаний». Добродетель есть подлинно человеческое поведение, настоящая свобода, достичь которой можно, следуя только своим естественным потребностям и отвергнув все лишнее. Полная независимость личности дороже всех благ, за

которыми гоняются лишь глупцы. Но не только жизненные удобства, а и любые общепринятые правила Антисфен считал ненужной обузой, которую человек взвалил на себя по недомыслию. Презрев богатство, фальшивые понятия о гражданском долге и чести, отказавшись от минутных удовольствий плоти, легче всего найти себя и, следовательно, свое счастье.

Будучи последовательным атеистом, Антисфен, тем не менее, верил в посмертную жизнь, но отнюдь не торопился познать все блага Аида, считая жизнь священным даром. На вопрос, что блаженнее всего для человека, он сказал: «Умереть счастливым».

Достигнув преклонного возраста, Антисфен все же решил собственноручно прервать свое земное существование, поскольку заболел чахоткой, причинявшей ему немало страданий, а смерть сулила избавление от них. Не дожидаясь, когда его покинут последние силы и оставит разум, он вскрыл себе вены кинжалом, принесенным для этой цели Диогеном Синопским – его ближайшим учеником и наиболее ярым последователем идей кинизма.

АНТОНИЙ МАРК

(род. в 83 г. до н. э. – ум. в 30 г. до н. э.)

«Время не движется. День длится вечность. Бесконечность скуки этой жизни мне не вынести».

Уильям Голдинг

Самоубийство было довольно частым финалом политической карьеры в Древнем Риме. Одним из «многих славных», прошедших по этому пути, стал Марк Антоний – римский полководец, триумвир, трибун, преемник Гая Юлия Цезаря. Впрочем, Марк Антоний прославился не выдающимися моральными качествами (таковых за ним не наблюдалось), дальновидной политикой, мудростью решений или твердостью политических принципов подобно Катону Младшему или Марку Бруту. Наоборот, его образ жизни и многие поступки постоянно навлекали на себя гнев современников.

Но наших дней слава Антония достигла благодаря его любви к египетской царице Клеопатре. Это была страсть, которой он отдался всецело. Она привела его к войне, поражению, позору и, в конце концов, к самоубийству. Любовь Антония и Клеопатры

воспета многими художниками слова, но наиболее ярко, пожалуй, она описана Уильямом Шекспиром. В пьесе «Антоний и Клеопатра» он с высокой исторической достоверностью живописует взаимоотношения главных героев и обстоятельства их смерти. Невозможно устоять перед соблазном не призвать великого драматурга в «соавторы», так что некоторые события будут сопровождаться цитатами из шекспировской пьесы[1].

По легенде, род Антониев вел свое начало от самого Геракла, что якобы подтверждалось необычайным сходством Антония с портретами греческого героя. Марк Антоний родился предположительно в 83 г. до н. э. и был старшим сыном Марка Антония Критского, который не совершил особых подвигов на поприще служения государству. Собственно, прозвище «Критский» он получил в насмешку, когда, будучи претором[2], проиграл войну против пиратов и ставших на их сторону жителей Крита.

После смерти мужа мать Марка Антония снова вышла замуж – за Корнелия Лентула. Он в свое время стал участником заговора Каталины и был казнен по приказу Цицерона. Это стало причиной лютой ненависти Антония к оратору, и Цицерон заплатил жизнью за казнь Лентула.

Семья Антония не отличалась богатством, чего не скажешь о друге его юных лет Курионе, который прожигал жизнь, много времени проводил в кутежах и быстро привил Антонию любовь к развлечениям подобного рода. Пристрастие к разгулу сохранилось у него до самой смерти, и он не раз бросал государственные дела ради веселой пирушки.

Из-за своих пагубных пристрастий Антоний попал в «дурную компанию» и некоторое время был сторонником народного трибуна Клодия. Клодий возглавлял настоящую «банду» единомышленников, на которую опирался для достижения своих личных целей. Впрочем, вскоре, то ли не соглашаясь с методами политической борьбы Клодия, то ли опасаясь мести врагов, Антоний уехал в Грецию, где занялся телесными упражнениями и посвятил себя изучению ораторского искусства.

Вскоре Марку Антонию представилась возможность начать самостоятельную карьеру. Некто Авл Габиний, бывший консул, отправляясь править Сирией, пригласил Антония с собой. Тот сначала отверг предложение сопровождать Габиния как частное лицо и отправился с консулом, только получив должность начальника конницы – одну из высших в тогдашней иерархии. Антоний быстро проявил себя как талантливый полководец, отличившись в войне с иудейским царем Аристобулом и подавив поднятое им антиримское восстание. Затем он прославил себя в

Египте, когда царь Птолемей XII Авлет был изгнан подданными из страны и предложил Габинию 10 000 талантов за помощь в захвате трона.

Кроме того, Антоний с легкостью завоевывал не только вражеские позиции, но и расположение солдат. Даже такие его черты, как хвастовство, постоянное зубоскальство, склонность к пьянству, и многочисленные любовные похождения импонировали солдатам.

Во время раздора между Гаем Юлием Цезарем и Гнеем Помпеем Магном Антоний вместе со своим другом Курионом принял сторону Цезаря. Ораторский талант Куриона и деньги Цезаря быстро принесли Антонию должность народного трибуна. В этой должности он оказал Цезарю немало услуг, но, в конце концов, вместе с Курионом был изгнан из курии[3]. После этого друзья присоединились к армии Цезаря, который, увидев, что политическая игра проиграна, перешел Рубикон и повел войска на Рим.

После захвата Рима Цезарь отправился в Испанию, чтобы разбить находящиеся там войска своего противника Помпея. Столицу он оставил под управлением претора Лепида, а Италию и войско доверил Антонию, который большую часть времени занимался не делами, а болтался среди солдат, упражнялся вместе с ними и раздавал подарки, чем завоевал популярность. Тем временем среди римлян нарастало недовольство Антонием, который не уделял должного внимания делам, был равнодушен к просителям и с упоением предавался разврату. Плутарх пишет: «…следует вообще заметить, что власть Цезаря, которая, поскольку это зависело от него самого, ничем не напоминала тиранию, была опорочена по вине его друзей; больше всего злоупотреблений приходится, по-видимому, на долю Антония».

Вернувшись из похода, Цезарь оставил без внимания многочисленные жалобы на Антония: полководческий талант неудачливого трибуна был нужен для грядущей войны с Помпеем. И Антоний не подвел. Он много раз выручал Цезаря: вовремя и с громадным риском обеспечил подкрепление при переправе через Ионийское море, дважды останавливал бегущих воинов в сражениях, в решающей битве при Фарсале командовал левым флангом войск Цезаря. Помпей был разбит.

Одержав победу, Цезарь стал диктатором и организовал преследование Помпея, а Антония назначил начальником конницы (фактически своим заместителем) и отправил в Рим. В Риме Антоний опять показал себя не с лучшей стороны: аристократии не нравился его, мягко говоря, нескромный образ жизни, а с представителем народа, трибуном Долабеллой,

Антоний рассорился, заподозрив его в связи со своей женой (ее он выгнал из дому).

Вернувшись с войны, Цезарь заставил Антония прекратить разгульный образ жизни (несмотря на то, что любовные похождения самого Цезаря вызывали массу пересудов). Антоний женился на Фульвии, вдове своего приятеля Клодия, женщине с властным и твердым характером. Вот что пишет Плутарх: «Фульвия замечательно выучила Антония повиноваться женской воле и была бы вправе потребовать плату за эти уроки у Клеопатры, которая получила из ее рук Антония уже совсем смирным и привыкшим слушаться женщин».

Убийство Цезаря и отношения Антония с заговорщиками уже описаны в статье, посвященной Бруту. После бегства Брута, Кассия и их сторонников вокруг Антония сплотились бывшие цезарианцы. Вдова убитого передала Антонию все деньги и бумаги Цезаря, в том числе и завещание. Антоний стал хозяином положения, он по собственному усмотрению распределял государственные должности, ссылаясь на волю покойного.

Однако такая безоблачная жизнь длилась недолго. На римской политической арене появился молодой человек, который, в конце концов, стал причиной смерти Марка Антония, – наследник Цезаря Гай Юлий Цезарь Октавиан. Он приехал в Рим к Антонию и напомнил о деньгах, отданных тому на хранение, ведь согласно завещанию из этих средств каждый римлянин должен был получить по 75 динариев. Антоний, разумеется, не спешил раздавать эти деньги гражданам Рима. Финансовые разногласия и открывшаяся нечистоплотность Антония в денежных делах привели к вражде между ним и Октавианом. Антоний мало того, что не отдавал деньги, но еще и унижал Октавиана, препятствуя его политической карьере. Вскоре сторону Октавиана принял Цицерон и другие противники Антония.

Через некоторое время, после неудачной попытки примирения, противники собрали войска, готовясь к кровопролитной войне. Цицерон настроил сенат против Антония, которого объявили врагом государства, Антоний проиграл битву с войсками консулов и был изгнан из Италии.

Бежав через Альпы, он добрался до войск Лепида, старого друга Цезаря. Тот, впрочем, не спешил поддержать Антония, и тогда он, умело используя свою популярность среди солдат, склонил воинов Лепида на свою сторону. К чести Марка Антония следует сказать, что с Лепидом он поступил по тем временам великодушно, сохранив за ним все почести и титул императора, который первоначально был почетным титулом полководца.

В это время в Риме произошел раскол между Октавианом и Цицероном: Цицерон был сторонником республики, а Октавиан стремился к единовластию. Октавиан предложил Антонию и Лепиду провести переговоры, в результате которых государство было разделено на три части. Единственную сложность на переговорах вызвало составление проскрибций – списков лиц, объявленных вне закона (людей, попавших в эти списки, мог безнаказанно убить кто угодно, а их имущество конфисковывалось). В конце концов договоренность была достигнута, произошел страшный и бесчеловечный обмен тяжелыми фигурами: Октавиан уступил Антонию Цицерона, а в обмен отдал жизнь своего дяди Луция Цезаря. Всего в проскрибций попало около трехсот человек.

Антоний приказал своим людям не просто найти и убить Цицерона, но отрезать ему голову и руки – орудия, которые помогали Цицерону писать «Филиппики» против него[4]. Получив эти трофеи, Антоний смеялся от радости, а затем велел разместить их на ораторском возвышении форума. Уже в те времена подобный поступок был беспримерной дикостью, и Антоний лишний раз дал повод считать себя варваром, рушащим традиции Римской империи.

После заключения договора с Лепидом и Октавианом Антоний использовал свою власть преимущественно для личного обогащения, продавая имущество проскрибированных и вводя новые налоги. Антоний предался безудержному кутежу – своему излюбленному занятию со времен юности.

В 42 г. до н. э. началась очередная военная кампания – Антоний и Октавиан выступили в поход против войск Брута и Кассия, одержав выдающуюся победу. После этого Октавиан отправился в Рим, а Антоний продолжил победоносный поход. Во главе большого войска он двинулся в Грецию, оттуда – в Азию, закатывая по пути грандиозные пиршества и собирая дань. Любовь к пирам и обильным возлияниям не осталась незамеченной; жители греческого Эфеса, желая польстить Антонию, устроили ему встречу, на которой прославляли его под именем Диониса – бога вина и веселья. Это сравнение и закрепилось за ним.

Добравшись до Киликии[5] и готовясь к войне с Парфией, Антоний решил примерно наказать египетскую царицу Клеопатру, предварительно выслушав ее оправдания по поводу того, почему она помогала деньгами не только войску Антония, но и его противнику Кассию. Антоний отправил в Египет гонца и велел Клеопатре явиться к нему для объяснений. Это, казалось бы, незначительное решение перевернуло всю его жизнь.

Клеопатра явилась к Антонию не как обвиняемая. Она прибыла покорять и, похоже, знала, что для этого нужно. Приготовив щедрые дары для Антония и роскошные наряды для себя, царица отправилась в Киликию.

Она плыла на специально построенной ладье с вызолоченной кормой, пурпурными парусами и посеребренными веслами. Под музыку флейт, свирелей и кифар дружно двигались весла. Клеопатра возлежала под навесом в наряде богини любви Афродиты. По сторонам ложа стояли переодетые Эросами мальчики с опахалами; самые красивые рабыни стояли на палубе, изображая нимф. Вдоль всей реки ладью провожали толпы почтительно согнувшихся египтян, вышедших взглянуть на это чудо; люди славили Клеопатру, без устали повторяя, что Афродита плывет навстречу Дионису.

Стоит ли говорить, что неравнодушный к чувственным наслаждениям Антоний не устоял перед таким великолепием вкупе с грубой лестью. Увлеченный Клеопатрой, Антоний бросил все свои дела и отправился с нею в Египет, где предался разгулу, какой не снился его далекому потомку Нерону.

Богатейшие граждане Александрии, города, где обосновались Антоний и Клеопатра, образовали группу и назвали ее «Союз неподражаемых». «Неподражаемые» ежедневно закатывали роскошные пиры, непременными участниками которых были Антоний и Клеопатра. В это время супруга Антония Фульвия вела войну против Октавиана, защищая интересы мужа, а парфяне хозяйничали в Месопотамии.

И вот в самый разгар своих развлечений Антоний получает две новости, причем обе плохие. Первая – его супруга Фульвия и брат Луций потерпели поражение в войне с Октавианом и бежали из Италии. Вторая – парфяне вторглись в Азию и успешно ее покоряют. Немного придя в себя, он решил идти против парфян, но тут получил письмо от Фульвии, которая потребовала Антония к себе. Прекратив поход, он во главе двухсот судов отправился в Италию, но, пока был в дороге, Фульвия, двигавшаяся ему навстречу, заболела и умерла.

Нет худа без добра. Смерть Фульвии помогла Антонию в 40 г. до н. э. заключить новое соглашение с Октавианом. Держава была поделена на две части. Западную получил Октавиан, восточную – Антоний, а Африку отдали Лепиду. Для укрепления отношений Марк Антоний женился на сводной и горячо любимой сестре Октавиана, Октавии. В Азию для борьбы с парфянами был отправлен полководец Вентидий, а сам Антоний остался править в Риме вместе с Октавианом. Казалось, отношения между ними наладились, однако самолюбие Антония постоянно страдало: в

забавах и играх Октавиан всегда превосходил его. Один египетский предсказатель как-то сказал ему: «Твой гений боится его гения, сам по себе он высокомерен и кичлив, но вблизи от него впадает в смирение и уныние».

В 38 г. до н. э. Антоний получил известие о победах Вентидия и отправился в Азию разделить с полководцем славу победителя. После этого он снова проникся враждой к Октавиану и отправился воевать с ним в Италию во главе флота из трехсот судов.

Однако в этот момент дала о себе знать жена Антония. Она смогла если не предотвратить, то отсрочить гражданскую войну. Покинув мужа, беременная Октавия отправилась к брату и убедила его не вступать в войну. После примирения и обмена любезностями Антоний оставил жену и своих детей (в том числе и от первого брака) на попечение Октавиана и отправился на войну с Парфией.

По мере приближения к Сирии все горячее становилась, казалось, угасшая любовь к Клеопатре, и Антоний не мог не увидеться с ней. Он поручил одному из своих приближенных привезти Клеопатру в Сирию, где сделал ей предложение и милый свадебный подарок: Кипр, часть Сирии, Киликии, Иудеи и Набатейской Аравии[6]. Двойняшек – Александра Гелиоса и Клеопатру Селену, рожденных от него царицей, Антоний признал своими детьми.

Отправив Клеопатру в Египет, Марк Антоний пошел на парфян. Кампания оказалась неудачной из-за поспешности полководца, которому не терпелось вернуться к египтянке. Формально римляне не проиграли ни одной битвы, но ничего не смогли и выиграть. Им пришлось отступить ни с чем, и отступление оказалось долгим и тяжким: в походе погибли 32 тысячи человек, в основном из-за болезней и голода. Завершив свой бесславный поход, Антоний не вернулся в Рим, а направился к Клеопатре.

В 33 г. до н. э. он собрался вступить в новую войну с парфянами, и, чтобы поддержать мужа, к нему собралась ехать Октавия. Ее брат Октавиан решил, что поездка может стать удобным поводом к войне, ведь Марк Антоний, скорее всего, окажет его сестре оскорбительный прием. По пути к мужу Октавия получила письмо, в котором Антоний просил ждать его возвращения в Греции. Она понимала, что он стремится отделаться от нее. Тем не менее, написала ответ, в котором спрашивала, куда направить войска (две тысячи великолепных воинов) и груз, который был при ней – вьючные животные, деньги, одежда для солдат, подарки для полководцев. Пока

Антоний развлекался, Октавия просчитывала стратегию и тактику ведения войны с Парфией.

Узнав о планах Октавии, Клеопатра испугалась потери влияния на Антония и начала всеми способами демонстрировать ему свою любовь. Она прибегала к всевозможным уловкам: практически ничего не ела, чтобы выглядеть истощенной, плакала «украдкой», но так, чтобы Антоний непременно заметил. Ее страдания удивительным образом совпали с предполагаемым сроком похода Антония и его нового союзника, царя Мидии, на парфян. Однако, испугавшись, что Клеопатра умрет, Антоний отложил войну и отправился к ней в Александрию.

Тем временем Октавия вернулась в Рим. Октавиан, оскорбленный выходкой Антония, просил сестру покинуть дом ее мужа, но она отказалась, продолжая жить там и воспитывать детей, причем не только своих, но и приемных, от брака Антония и Фульвии. Более того, Октавия пыталась уговорить брата не начинать войну с Антонием; она тепло принимала друзей мужа, при необходимости ходатайствовала за них перед братом. Ее поведение вызвало волну возмущения римлян, которые не могли простить Антонию черную неблагодарность по отношению к жене. Он между тем устроил в Александрии пышную церемонию раздела земель между Клеопатрой и ее детьми, что вызвало очередную волну недовольства, старательно поддержанную Октавианом.

Антоний стал готовиться к войне и собирался отправить Клеопатру в Египет. Она же, опасаясь, что Октавия вновь примирит соперников, подкупила одного из советников, который убедил Антония в том, что царица должна принимать участие в походе. В результате, пока войско готовилось к войне, Антоний и Клеопатра отправились развлекаться на остров Самос, где собрали громадное количество актеров и музыкантов. Там собрались все цари, которые должны были принять участие в грядущей войне, а пока соревновались в пышности пиров и подношений. Желая угодить Клеопатре, Антоний послал в Рим своих людей с приказом выгнать Октавию из дому. По легенде, Октавия, покидая дом, сокрушалась, что стала одной из виновниц грядущей войны.

Несмотря на непрекращающиеся кутежи, Антонию удалось собрать грандиозное войско, значительно превосходившее армию Октавиана. Тот отставал в приготовлениях и был вынужден ввести неслыханные дотоле налоги. Однако Антония подвела праздность – если бы он выступил против Октавиана летом 32 г. до н. э., то не оставил бы ему шансов на победу. Но Антоний продолжал наслаждаться жизнью, считая, что ему некуда

спешить.

Тем временем, под давлением Октавиана сенат принял два решения: объявить войну Клеопатре и лишить Антония властных полномочий.

К тому моменту под началом Антония находилось около пятисот боевых кораблей, на которых, правда, не хватало матросов: начальники триер ловили случайных прохожих по всей Греции, пытаясь пополнить ими корабельные команды (из-за нехватки гребцов Антоний даже приказал сжечь все египетские корабли, кроме шестидесяти лучших). Морские баталии для армии Антония были в новинку. Флотилия Октавиана была вдвое меньше, но его корабли были полностью укомплектованы гребцами, а команды имели опыт ведения войны на море.

Что до сухопутных войск, то у Октавиана было восемьдесят тысяч пехотинцев и двадцать тысяч всадников, у Антония – сто тысяч пехоты и двадцать тысяч кавалерии. Октавиан, страшась сражения на суше, вызвал его на морскую битву. В ответ Антоний предложил поединок, несмотря на то что был значительно старше. Поединок не состоялся.

Все говорило о том, что Антонию следует искать сражения на суше, но в угоду Клеопатре он решил добиться победы в морском сражении, что было, по меньшей мере, неразумно. Советники отговаривали его от морской битвы, но Клеопатра взяла верх.

Плохая погода в течение нескольких дней не давала возможности выйти в море, но 2 сентября 31 г. до н. э. наступил штиль и у мыса Акций (Акциум, Актий) началась битва. Долгое время вражеские флотилии не предпринимали никаких действий, но около полудня людям Антония наскучило ожидание и, полагаясь на размер своих кораблей, левое крыло пошло в наступление. Баталия началась.

И тут, в самый напряженный момент битвы, когда невозможно было предсказать ее исход, шестьдесят египетских кораблей под началом Клеопатры подняли паруса и обратились в бегство. Но даже в этой ситуации положение можно было исправить, однако действия Антония свидетельствуют о том, что страсть к египтянке лишила его остатков здравого смысла. Вместо того чтобы продолжать битву на море или, используя свои все еще громадные войска, дать битву на суше, он устремился следом за своей возлюбленной, бросив сражавшихся за него людей на произвол судьбы.

Любовь воинов к Антонию была настолько сильна, что даже те, кто видел его бегство собственными глазами, отказывались верить увиденному. Оставшиеся на берегу (девятнадцать легионов и двенадцать тысяч всадников) еще семь дней хранили

верность своему императору, веря, что он вот-вот даст о себе знать, а потом перешли на сторону противника. Поражение Антония было очевидно.

Догнав корабль Клеопатры, Антоний поднялся на борт. Переполняемый стыдом и гневом на царицу, он не захотел даже увидеться с ней, а сел на носу корабля и провел там три дня:

> …О! Сгорю я со стыда,
> Взглянув на ту, за кем вослед пустился.
> И волосы мои в междоусобье:
> Седые выговаривают черным
> За безрассудство; черные – седым
> За трусость и влюбленность…

Только на четвертый день Антоний заговорил с Клеопатрой, а после разделил с ней стол и ложе. Прибыв в африканский город Паретонию, он отправил царицу в Египет, а сам целыми днями бесцельно бродил по городу: африканские войска Антония тоже перешли на сторону Октавиана. Он был раздавлен и хотел лишить себя жизни, но его удержали друзья, отправив в Александрию к Клеопатре.

Царица тем временем готовила бегство, собираясь нагрузить корабли сокровищами, перетащить их волоком в Красное море и искать убежище в далеких от Рима странах. Однако перемещению кораблей воспротивились арабские племена, и потом, оставалась надежда, что Антонию хранят верность сухопутные войска при Акциуме. Поэтому она решила повременить с бегством.

Антоний предавался печали. Он велел протянуть от Фароса в море длинную дамбу, на которой в одиночестве лелеял свое горе, не заботясь о судьбе войска. Получив известие о потере войск, Антоний вернулся в город и запил. «Союз неподражаемых» уступил место «Союзу смертников», состоявшему из друзей Антония, которые решили принять смерть вместе с ним. Последние дни жизни они посвятили празднествам. Клеопатра тоже стала готовиться к смерти, собирая всевозможные яды и испытывая их действие на приговоренных к смерти преступниках и рабах.

Антоний и Клеопатра надеялись спастись и отправили к Октавиану послов. Антоний просил дать ему возможность прожить остаток дней в качестве частного лица в Египте или, на худой конец, в Афинах. Клеопатра просила передать власть над Египтом ее детям. Октавиан ответил, что поступит с Клеопатрой великодушно, если она изгонит или умертвит Антония. Этот ответ вкупе с ее долгой беседой с посланником Октавиана

возбудил подозрения Антония. Чтобы развеять их, царица старалась во всем угождать римлянину.

Тем временем дела призвали Октавиана в Рим. Поход был отложен до весны 30 г. до н. э., когда его войска двинулись на Египет через Сирию и Африку. Клеопатра велела перенести царские сокровища в усыпальницу и сложить там паклю и смолистые щепки, чтобы иметь возможность уничтожить богатства. Обеспокоенный судьбой сокровищ, Октавиан стал посылать Клеопатре письма, выражающие дружелюбные намерения, одновременно накапливая силы для решающего сражения с Антонием.

В битве под Александрией Антоний храбро сражался, и его войска обратили в бегство конницу Октавиана. Вернувшись во дворец, он представил Клеопатре отличившегося воина. Царица наградила храбреца золотыми доспехами, а ночью перешла на сторону Октавиана (ее солдаты понимали, что борьба с превосходящими силами противника безнадежна).

Антоний вновь вызвал Октавиана на поединок, но тот ответил, что к смерти ведет много дорог. Антоний стал искать ее в сражениях. За обедом он просил рабов наливать ему побольше вина и давать куски повкуснее, так как не знал, будут ли они служить ему завтра. Друзьям Антоний сказал, что не ведет их за собой в битву, ибо ищет не победы, а славной смерти.

По легенде, в ночь перед последним сражением тишину нарушила музыка, крики, топот, будто по улице двигалась свита Диониса. Призрачная толпа прошла через центр города и двинулась в сторону войск Октавиана, где шум смолк. Знамение толковали так: Антония покинул его бог.

Утром Антоний построил войска для обороны города и стал наблюдать, как его корабли выходят навстречу неприятельскому флоту. Как только флотилии сблизились, моряки Антония подняли весла, приветствуя суда Октавиана, и присоединились к врагу. Не лучше обстояли дела и на суше: конница перешла на сторону противника, а пехота потерпела поражение. Антоний понял, что Клеопатра предала его, и направился к ней.

В страхе перед гневом Антония царица заперлась в усыпальнице и приказала слугам сообщить ему о своей смерти. Это известие ошеломило Антония. «Что же ты медлишь, Антоний? – воскликнул он. – Ведь судьба отняла у тебя последний и единственный повод дорожить жизнью и цепляться за нее!» Войдя в спальню, он продолжал: «Ах, Клеопатра, не разлука с тобой меня сокрушает, ибо скоро я буду в том же месте, где ты, но как мог я, великий полководец, позволить женщине превзойти меня решимостью?!»

Когда-то Антоний взял со своего раба Эрота обещание, что тот убьет хозяина в случае надобности. Раб взял в руки меч, но не смог заколоть Антония и нанес смертельный удар себе. Со словами: «Спасибо, Эрот, что учишь меня, как быть, раз уж сам не можешь исполнить, что требуется», – Антоний вонзил меч себе в живот. Удар оказался несмертельным, и он пришел в себя, умоляя о смерти. Но все разбежались, оставив своего предводителя умирать в муках.

Вскоре явился посланец Клеопатры, чтобы доставить Антония к ней в усыпальницу. Узнав, что царица жива, Антоний велел нести себя к ней. Дверь усыпальницы, где кроме нее находились только ее служанки Ирада и Хармион, Клеопатра не открыла, опасаясь предательства слуг. Царица и ее помощницы сбросили из окна веревки, которыми слуги обвязали Антония, и втянули его наверх. Невозможно представить себе более трагичное зрелище: залитый кровью, борющийся со смертью Антоний беспомощно висел в воздухе, простирая руки к Клеопатре.

Когда он оказался наверху, Клеопатра уложила его на ложе и, разорвав на себе одежду, била себя в грудь и раздирала ее ногтями. Лицом она вытирала кровь с раны Антония, называя его своим господином, супругом и императором. Антоний попросил вина, то ли потому, что хотел пить, то ли надеясь, что это ускорит его кончину. Напившись, он стал уговаривать Клеопатру подумать о спасении, если при этом удастся избежать позора. Его же, Антония, горькую судьбу велел не оплакивать, ведь в ней было много прекрасного, и он счастлив, поскольку был знаменитейшим из людей, обладал могуществом, равного которому не было в мире, и погиб славной смертью римлянина, побежденного римлянином. С этими словами Антоний умер.

…Не надо сокрушаться о плачевном
Моем конце. Пускай тебя утешат
Воспоминанья о счастливых днях,
Когда прославленнейшим, величайшим
Я был среди властителей земных.
Я умираю не позорной смертью.
Я не склонился, сняв трусливо шлем,
Пред соплеменником победоносным,
Но принял смерть как римлянин, который
Был римлянином честно побежден…

В тот момент, когда раненого несли к Клеопатре, его телохранитель подобрал меч Антония и побежал к Октавиану, чтобы сообщить о смерти врага. Увидев окровавленный меч и

услышав о случившемся, Октавиан стал оплакивать смерть своего бывшего соправителя и товарища:

…Увы, Антоний,
Вот до чего ты мною доведен!
Но что же делать, если нам
На теле собственном пришлось вскрывать нарывы?
Двоим нам было тесно во вселенной.
И все ж позволь оплакать мне тебя
Тяжелыми слезами, кровью сердца…

Пригласив друзей, он стал читать им свою переписку с Антонием:

…Я покажу вам письма, по которым
Вы сможете судить, как был я сдержан,
Как миролюбив, и убедитесь,
Что я невольно втянут был в войну…

Непонятно, насколько искренен был Октавиан – возможно, он просто хотел снять с себя вину за смерть соперника, а может, подражал Цезарю, который никогда не радовался смерти врагов, если те были римлянами. Во всяком случае, он сразу же отправил к Клеопатре своего человека. Победителя волновала судьба сокровищ царицы, а кроме того, он хотел представить ее как свой трофей в триумфальном шествии в Риме.

Октавиан разрешил Клеопатре похоронить Антония, и она воздала своему возлюбленному царские почести.

И еще несколько слов о детях Антония. От брака с Фульвией у него было два сына, Антулл и Антоний. Антулла по приказу Октавиана казнили, дабы он не мог претендовать на наследство отца. Мальчика выдал его дядя Феодор, который похитил с шеи убитого драгоценный камень, когда Антуллу отрубили голову. Впрочем, справедливость по-римски восторжествовала: Феодор был распят.

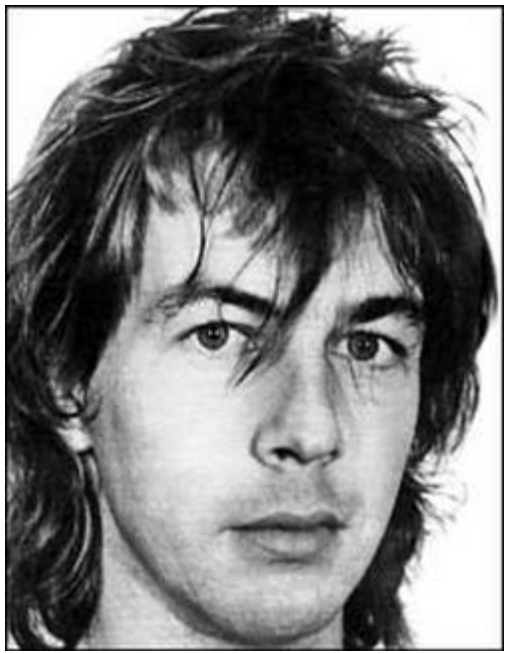
Остальных отпрысков триумвира взяла к себе на воспитание его жена Октавия, проявив редкое для любых времен благородство. Она даже выдала замуж за второго сына, Антония, собственную дочь от первого брака и возвысила его так, что он стал третьим лицом при Октавиане Августе. Клеопатру Селену, дочь царицы Египта и Антония, она выдала замуж за царя Нумидии, названного Плутархом самым ученым из царей.

Но наибольшую известность (хотя в ряде случаев печальную)

получили потомки дочерей Антония и Октавии; среди них следует назвать полководца Германика, императоров Гая Калигулу, Клавдия и Нерона.

БАШЛАЧЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

(род. в 1960 г. – ум. в 1988 г.)



«…По шершавому бетону
на коленях вниз
Разлететься, разогнаться – высота,
карниз».

Янка Дягилева

«…Если нам не отлили колокол,
Значит, здесь – время колокольчиков!»

Александр Башлачев

1980-е годы – целая эпоха в развитии отечественной музыки. Именно тогда сформировался и достиг своего апогея «русский рок» – совершенно особое явление в мировой культуре. 80-е были невероятно трудным, но фантастически плодотворным временем

существования отечественной рок-музыки – эпохой подпольных квартирных концертов, безденежья, травли со стороны властей, запретов на публичные выступления. Вообще, самый главный факт истории русского рока – это его полное официальное непризнание, чем рокеры (и музыканты, и «сочувствующие») весьма гордились. Более того, именно противодействие официально разрешенным формам досуга стало причиной расцвета контркультуры, нового «народного» творчества, существующей в противовес вокально-инструментальным коллективам, лубочным ансамблям народной песни и пляски и официозной эстраде с ее идеологически выдержанным репертуаром.

Казалось бы, 80-е годы были не так уж давно, но они уже овеяны легендами. Более того, у них даже есть собственное название – «время колокольчиков», которое, правда, закрепилось позже. А тогда так называлась знаменитая на весь Советский Союз песня Александра Башлачева, ранняя смерть которого стала одной из самых больших утрат русской поэзии XX века. Сегодня это имя редко где услышишь, а когда-то его песни знал весь Советский Союз.

В середине 80-х, когда советская цензура переживала свой очередной «золотой век», путь в официальную литературу для Башлачева был закрыт наглухо. В Центральный дом литераторов не пускали, если у тебя колокольчики на шее (да при этом еще и волосы длинные). А на рок-сцену – пожалуйста. И в театр на Таганке пускали: бери гитару и пой, если есть что сказать людям. Он так и делал, этот парень из пролетарского Череповца, поэтический гений с поразительным языковым чутьем. Интересно, что манера написания стихов была у него такой же, как у Осипа Мандельштама: сначала он пропускал по одному слову в каждой строчке, придумывая и вставляя их в текст позже.

Очень многие считали его знаменитым ленинградским рок-музыкантом, родившимся в Череповце, хотя на самом деле Александр – череповецкий рок-музыкант и поэт, погибший в Ленинграде. Двадцать четыре года из двадцати восьми, отпущенных ему судьбой, Александр жил в Череповце, учился в школе, влюблялся, писал стихи, работал корреспондентом и был, по сути, одним из 300 тысяч горожан. Так продолжалось до тех пор, пока его песни совершенно случайно не услышал музыкальный критик и знаток рока Артем Троицкий.

За короткий промежуток времени Башлачев создал более шестидесяти песен, принадлежащих его «золотому запасу». Хотя на формирование его стиля и поэтического языка, без сомнений, повлияли Высоцкий и Галич, Гребенщиков и Науменко,

поэтические эксперименты начала века и древнерусская эпическая поэзия, Башлачев создал свой собственный художественный мир.

В своих песнях он обратился к древнейшим славянским традициям, приметам и мифам и через какие-то неясные, туманные, но почему-то до боли знакомые нам образы передал всю мощь и силу славянства. У Башлачева не было всенародной популярности, его не показывали по телевизору и не приглашали выступать на стадионах. Обычно его надрывный голос звучал в прокуренных квартирах и маленьких залах местных Домов культуры. Его сравнивали с Джимом Моррисоном, обладавшим удивительным магическим даром завораживать слушателей, ведь концерты Александра Башлачева часто напоминали гипнотический сеанс.

При жизни советские газеты не написали о нем ни строчки, но сразу после его смерти ситуация изменилась и начали появляться высказывания следующего характера: «Он стал одним из наиболее значительных явлений в отечественной рок-музыке. В его многослойных, полных неожиданных ассоциаций, парадоксального юмора и виртуозной игры словами, смелых рифм и сложных размеров стихах-песнях причудливо переплелись архаика и современность, былинные сюжеты и реалии рок-бытия, высокая трагедия и откровенное скоморошество».

В сухом изложении творческая биография Александра Башлачева, титулованного после смерти родоначальником русского национального рока, выглядит так.

Александр Николаевич Башлачев родился 27 мая 1960 г. в Череповце Вологодской области. Его отец, Башлачев Николай Алексеевич, работал начальником участка на Череповецком металлургическом заводе в теплосиловом цехе, мать, Башлачева Нелли Николаевна, – преподавателем химии в школе рабочей молодежи № 4.

С 1967 по 1977 год Александр учился в средней школе города Череповца. В 1977 г. пошел работать на Череповецкий металлургический комбинат художником, а в 1978-м поступил в Уральский государственный университет (Свердловск) на факультет журналистики. Во время учебы писал тексты для череповецкой группы «Рок-Сентябрь». В 1983 г. появляются первые известные песни, в частности «Грибоедовский вальс» – одно из первых спетых им сочинений.

В этом же году Башлачев закончил учебу в университете и вернулся домой, где устроился журналистом в газету «Коммунист». В мае 1984 г. он посетил питерский рок-фестиваль, где, по слухам, купил себе гитару. В сентябре этого же года на

квартире у своего друга Леонида Парфенова (ныне известного тележурналиста) познакомился с опальным в ту пору музыкальным критиком Артемием (тогда еще Артемом) Троицким и показал ему свои песни. Троицкого очень заинтересовало творчество Башлачева, и он пригласил его сначала в Москву, а потом в Питер, где организовал несколько квартирных концертов.

Вскоре Саша купил билет на поезд «Череповец – Ленинград» и распрощался со своим маленьким городом навсегда. Он отказался от карьеры в журналистике, от беззаботной жизни с родителями. В Петербурге Башлачеву понравилось, и он решил остаться: «В Москве можно жить, а в Ленинграде стоит жить!»

А было это как раз в разгар правления Ю. Андропова. Летом 1983 г. начались массовые аресты рок-музыкантов. Первыми стали Арутюнов и Алексей Романов из «Воскресенья», которому в тюрьме так отбили ухо, что на какое-то время он потерял слух. Запретили печатать Артемия Троицкого. Юрию Шевчуку сломали два ребра. В марте 1984 г. «взяли» Жанну Агузарову. Летом следующего года множество людей были арестованы «за нетрудовые доходы».

В 1984 г. Башлачев устроился на работу в знаменитую питерскую котельную «Камчатка», через которую прошли многие музыканты. Туда же приезжали любители альтернативной музыки, а также иностранцы – послушать «русский рок». Именно в стенах «Камчатки» кто-то придумал ему прозвище СашБаш.

В марте 1985 г. в зале медицинского училища состоялось первое публичное выступление, где он вместе с Юрием Шевчуком спел несколько песен на неофициальном концерте. В 1995 г. эти песни будут изданы фирмой «Manchester Files» на совместном альбоме под названием «Кочегарка». В 1985 г. Александр Башлачев записал альбом «Третья столица» (по словам Александра, первые две столицы – Москва и Питер, а третья – самая главная – вся Россия).

Январь 1986 г. стал для него необычайно активным концертным месяцем, в течение которого были произведены две записи, впоследствии рассматриваемые издателями как студийные – запись в домашней студии А. Агеева и запись концерта в Театре на Таганке. В апреле 1986-го в домашней студии А. Липницкого был записан альбом «Вечный Пост», оригинал которого Башлачев затер в октябре того же года, а в мае была написана последняя из сохранившихся песен – «Вишня».

Весной 1986 г. Александр случайно (впрочем, как всегда бывает, когда речь идет о судьбе) познакомился с Настей Рахлиной, с которой не расставался до самой своей смерти. Они

жили без денег, без прописки, без крыши над головой. Сейчас довольно трудно представить себе, что это такое «жить без прописки»… Хотя, пожалуй, аналог есть: жизнь «без регистрации» в тех же Москве или Санкт-Петербурге – полулегальное положение, невозможность найти постоянную работу, всевозможные ухищрения, чтобы не встретиться с милицией.

Настя, коренная тулячка, оформила временную прописку в московском общежитии как студентка. Саша фиктивно женился на некоей Жене Каменецкой из Питера – тоже ради прописки.

Иногда друзья пускали переночевать к себе влюбленную пару. Если везло, они получали ключи на две-три недели. Настя никак не могла устроиться на работу. Башлачев все реже и реже давал концерты и совсем перестал писать стихи. У него участились приступы депрессии. «Что-то произошло, – недоумевал он. – Я потерял творческий дар».

В середине 1986 г. Саша перебрался в Москву, поближе к Насте, и следующие два года были для них очень тяжелыми. В Москве Башлачев кормился исключительно квартирными концертами, а когда совсем не было денег, ходил по окрестным подъездам, собирал бутылки, покупая на вырученные деньги еду.

В начале 1987 г. он дал несколько квартирных концертов, а весной начал сниматься в документальном фильме А. Учителя «Рок». Неожиданно для всех в процессе съемок Башлачев отказался от своей роли, а из фильма были вырезаны все кадры с его участием.

С 3 по 7 июня в Питере проходил пятый рок-фестиваль, где Александру вручили приз «Надежда».

Артемий Троицкий вспоминал: «В 1987 г. мы встретились с Башлачевым на питерском рок-фестивале, и я спросил, есть ли что-то новенькое. Он ответил, что как-то не пишется, а потом стал рассказывать странные вещи. Говорил, что в конце 1986 г. попал в «черную компанию», связанную с наркотиками. Причем там ставили своего рода эксперименты с наркотиками, дело доходило до суицида. А к смерти он был готов всегда. Последние два года он балансировал на тонкой грани. Он часто говорил о смерти – и почти все его последние песни были о смерти».

Потом Башлачев появился на фестивале в подмосковной Черноголовке, принял участие в работе над фильмом Петра Солдатенкова «Барды проходных дворов» (в прокате шел под названием «Игра с неизвестным»), однако по неясным причинам в последний момент снова отказался сниматься. В августе поэт написал свою последнюю песню, которая не сохранилась. Предпринятая тогда же попытка профессионально записать Башлачева для пластинки на ленинградском отделении

«Мелодии» тоже не удалась.

В последний год своей жизни Александр явно испытывал внутренний кризис: не мог писать, на него накатывали приступы депрессии, совершил несколько попыток самоубийства, причем одну – накануне пятого рок-фестиваля. В течение последнего года Башлачев редко бывал трезвым (и это притом, что он пьянел буквально от стакана вина).

В ноябре 1987 г. Настя забеременела, причем и она, и Александр были уверены, что у них будет мальчик. Сразу всплыли три имени из башлачевских песен: Ваня («Ванюша»), Степан («Грибоедовский вальс») и Егор («Егоркина былина»). Выбор пал на последнее. Егор родился через полгода после смерти отца. Многие знакомые Александра были удивлены, узнав, что у Башлачева была гражданская жена, а позже появился и сын.

В начале 1988 г. в настроении Башлачева, казалось, наступил просвет: он дал несколько концертов в Москве и запланировал свои новые выступления. Последним был концерт на квартире Марины Тимашевой 29 января.

3 февраля Башлачеву надо было ехать в Ленинград, чтобы получить зарплату в кочегарке, где он по-прежнему числился, и решить накопившиеся проблемы. Остановился он у фиктивной жены Жени Каменецкой.

Вечером 16 февраля на ее квартире состоялась бурная вечеринка с огромным количеством вина. Саша в тот вечер не пил: утром они собирались с Женей и ее молодым человеком пойти в баню. Ночью он позвонил в Москву, Насте, она очень обрадовалась этому звонку, щебетала без умолку. Саша молчал. За весь разговор он сказал только одну фразу: «Нюсенька, береги дитя!» Саша положил трубку и завел будильник на 10 утра.

Проснувшись, он не смог разбудить остальных: «Ты что, с ума сошел: какая баня в такую рань! Голова еще трещит». Никто не знал, сколько прошло времени, просто в какой-то момент Женю Каменецкую как будто подбросило. Она выбежала на кухню. Окно было распахнуто настежь. Дату на настенном календаре – 17 февраля 1988 г. – кто-то обвел черным фломастером. Через несколько минут в дверь позвонили. «Не у вас из окна человек упал?..» – осторожно осведомился мужчина с погонами.

Смерть Башлачева долго мусолили в околомузыкальных кругах. Одни приписывали ему шизофрению, другие – увлечение алкоголем, третьи – наркотики. Очевидно одно: решение это было принято не под влиянием момента, а стало результатом мучительного выбора. По свидетельству друзей, в последние месяцы Александр почти все время говорил о смерти, а точнее, о способах самоубийства. Казалось, он выбирает, как ему

эстетичнее уйти из жизни. Без крови и грязи…

Его похоронили на Ковалевском кладбище в Ленинграде.

Через полгода после смерти Александра Настя отправилась рожать сына к его родителям в Череповец. Полгода она провела в Череповце с Сашиным отцом, матерью и его младшей сестрой Леной. Замуж Настя так и не вышла.

В 1991 г. петербургское издательство «Новый Геликон» выпустило единственное на данный момент собрание песен и стихов Башлачева «Посошок». Начиная с 1989 г., вышло более двух десятков пластинок, кассет и компакт-дисков с его записями.

Сейчас его поступок уже не выглядит таким логичным, хотя ранний уход поэтов и по сей день не кажется чем-то противоестественным – очень уж много примеров, когда талант погибал в самом расцвете творческих сил. Бытует даже мнение, что настоящий художник предпочтет яркую жизнь и раннюю смерть, чем долголетие и постепенное угасание таланта. Возможно, в этом высказывании есть доля правды, но оно больше похоже на попытку сгладить боль утраты и примириться с ней, чем на утверждение окончательной истины.

БРУТ МАРК ЮНИЙ

(род. в 85 г. до н. э. – ум. в 42 г. до н. э.)

«Полно раздумывать,
Так решено уж.
Судьбы не избегнуть,
Коль в путь я собрался».

Гуннар, «Песнь о Нибелунгах»

«Во время политических кризисов наибольшая трудность для честного человека состоит не в том, чтобы исполнять свой долг, а в том, чтобы знать его».

Л. Бональд

Сегодня имя Марка Юния Брута ассоциируется у нас с предательством и черной неблагодарностью. Еще бы – ведь он стал убийцей человека, вознесшего его на вершину власти и сделавшего своим ближайшим другом. Фраза «И ты, Брут» стала крылатой. Однако если рассматривать его судьбу беспристрастно, то окажется, что такая оценка как минимум спорна.

Брут родился в 85 г. до н. э. Предком нашего героя был Луций Юний Брут, который, согласно легенде, изгнал из Рима последнего из царей, Тарквиния Гордого. Так что ненависть к единовластию была у Марка Юния Брута в крови.

Кроме того, Катон Младший, погибший из-за Юлия Цезаря, приходился Бруту дядей, а впоследствии и тестем. С самого детства Брут старался во всем походить на своего дядю: он получил отличное образование, прекрасно разбирался в философии, великолепно владел греческим языком.

Отец Брута, Марк Юний Брут Старший, участвовал в восстании против диктатора Суллы, которое было подавлено Помпеем, а Марк Юний Брут Старший казнен. Брут возненавидел Помпея как убийцу отца, никогда не разговаривал и не здоровался с ним. Именно поэтому, когда первый триумвират распался, все ожидали, что он примет сторону Цезаря. Но Брут не стал руководствоваться личными мотивами и, считая, как и Катон, что справедливость на стороне Помпея, присоединился к нему.

Перед началом Фарсальской битвы Цезарь дал приказание всем начальникам легионов не убивать Брута, а доставить к нему живым. Более того, если он откажется сдаться в плен – отпустить, не причиняя вреда. Надо заметить, что подобное отношение совершенно не означало, будто Цезарь питает уважение к высоким моральным качествам Брута. По всей видимости, существует иное объяснение: когда-то Цезарь был более чем близок с матерью Брута и вполне мог считать его своим сыном.

По окончании Фарсальской битвы Брут спасся от преследователей, спрятавшись в зарослях камыша на болоте, а ночью, добравшись до города Ларисса, написал Цезарю. Тот пригласил его к себе и не только простил, но и сделал одним из ближайших друзей. По просьбе Брута Цезарь простил и Кассия, бывшего сторонником Помпея.

В 47 г. до н. э., отправляясь в Африку для борьбы с Ка-тоном и Сципионом, Цезарь назначил Брута правителем Пред альпийской Галлии, и тот блестяще справился с возложенными на него обязанностями. Его управление отличалось мягкостью, разумностью и тем, что он не пытался использовать власть для личного обогащения. Вернувшийся из Африки Цезарь был очень доволен своим ставленником.

В 44 г. до н. э. Брут и Кассий с подачи Цезаря были назначены преторами. Пользуясь расположением Цезаря, Брут фактически мог стать вторым, а со временем – и первым человеком в государстве. Причем для этого ему не надо было становиться заговорщиком; достаточно было дождаться, пока

Цезарь уйдет на покой или умрет. Но Брута, как и многих аристократов, возмущала сама идея единовластия, а потому он – из идейных соображений – решил принять участие в заговоре.

Первоначально организатором и вдохновителем заговора был Кассий, а Брут долго хранил Цезарю верность, помня о его добром отношении. Однако сторонники республики, не желавшие мириться с единовластием Цезаря, активно подстрекали Брута вступить на путь борьбы с тираном. На статуе Луция Юния Брута появлялись надписи: «О, если бы ты был сегодня с нами!», «Если бы жил Брут». Однажды судейское возвышение, на котором сидел Брут, исполняя свои обязанности, оказалось завалено записками: «Ты спишь, Брут?», «Ты не настоящий Брут!». Кроме того, многие друзья Кассия говорили, что готовы восстать против власти Цезаря, но только если их возглавит Брут.

Заговорщикам стало известно, что вскоре в сенат внесут предложение о предоставлении Цезарю царской власти. Кассий отправился к Бруту, сообщил об этом и спросил, собирается ли он присутствовать на этом заседании. Брут сказал, что не придет. «А что, если нас позовут?» – спросил Кассий. «Тогда долгом моим будет нарушить молчание и, защищая свободу, умереть за нее», – отвечал Брут. Тогда, поняв, что он на их стороне, Кассий произнес: «Но кто же из римлян останется равнодушным свидетелем твоей гибели? Разве ты не знаешь своей силы, Брут? Или ты думаешь, что твое судейское возвышение засыпают письмами ткачи и лавочники, а не первые люди Рима, которые от остальных преторов требуют раздач, зрелищ и гладиаторов, от тебя же – словно исполнения отеческого завета! – низвержения тирании? И сами готовы ради тебя на любую жертву, любую муку, если только и Брут покажет себя таким, каким они хотят его видеть?»

Так Брут оказался во главе заговора и привлек к общему делу еще нескольких преданных делу республики римлян. Некоторые заговорщики предлагали склонить на свою сторону и Марка Антония, но один из них сказал, что уже пытался, соблюдая предосторожности, говорить с Антонием о заговоре. Тот якобы Цезарю не донес, но и не высказал желания принять участие. Тогда возникло предложение убить вместе с Цезарем и Антония, однако против этого категорически возражал Брут. Было принято решение оставить Антония в живых. В то же время Антоний был известен своей физической силой, и заговорщики боялись, что если он бросится на защиту Цезаря, то вся затея провалится. Поэтому было решено, что перед покушением кто-то из заговорщиков должен будет задержать его перед входом в курию, когда Юлий уже зайдет внутрь.

На людях Брут старался хранить полное спокойствие, чтобы не выдать своих намерений, однако дома он не смог скрыть своих волнений и забот от жены Порции. Услышав от мужа о заговоре, она повела себя странно, но, без сомнения, мужественно – закрывшись в спальне, она сделала себе ножом глубокий надрез на бедре. Через некоторое время от потери крови у нее начались сильные боли и лихорадка, и Брут, который не знал о ее поступке, очень испугался за нее. Тогда Порция обратилась к нему с пламенной речью: «Я – дочь Катона, Брут, и вошла в твой дом не для того только, чтобы, словно наложница, разделять с тобой стол и постель, но чтобы участвовать во всех твоих радостях и печалях. Ты всегда был мне безупречным супругом, а я… чем доказать мне свою благодарность, если я не могу разделить с тобой сокровенную муку и заботу, требующую полного доверия? Я знаю, женскую натуру считают неспособной сохранить тайну. Но неужели, Брут, не оказывают никакого воздействия на характер доброе воспитание и достойное общество? А ведь я – дочь Катона и жена Брута! Но если прежде, вопреки всему этому, я полагалась на себя не до конца, то теперь узнала, что неподвластна и боли». После чего она показала мужу рану на бедре и рассказала об испытании, которому себя подвергла.

И вот настал роковой день заседания, знаменитые мартовские иды (так римляне называли пятнадцатый день марта, мая, июля, октября и тринадцатый день всех остальных месяцев). По легенде, прорицатель предупреждал Цезаря, что мартовские иды принесут ему смерть. В этот день по дороге в сенат живой и невредимый Цезарь встретил прорицателя и сказал насмешливо: «А ведь мартовские иды пришли!» Прорицатель ответил: «Пришли, но не прошли».

Втайне от всех, кроме жены, Брут опоясался кинжалом и пошел в помещение, где должно было состояться заседание. Остальные участники заговора пришли вместе с Кассием. Они сочли счастливым предзнаменованием то, что сенат собрался в одном из портиков, которые окружал построенный Помпеем театр. В портике находилась статуя Помпея – противника Цезаря, и это тоже было для них хорошим знаком.

Цезарь же, взволнованный встречей с прорицателем, дурными предчувствиями и дурными предзнаменованиями, напротив, долго не решался войти в сенат. Брут и некоторые другие заговорщики, скрывая волнение, исполняли свои повседневные обязанности и разбирали судебные дела. Брут, как обычно, выносил обдуманные и взвешенные решения, словно ничего больше в данный момент его не беспокоило.

Время шло. Цезарь не появлялся. И тут прибыл кто-то из

домашних Брута с известием, что Порция умирает. Несмотря на это известие, он не покинул сенат, зная, что жена одобрила бы его решение. К счастью, оказалось, что Порция просто потеряла сознание от волнения и вскоре пришла в себя. Бруту же сообщили только о первом из событий.

В конце концов, поддавшись на уговоры еще одного заговорщика, Цезарь все же вошел в курию, Марка Антония, согласно уговору, отвлекли у входа в портик. Заговорщики окружили Цезаря плотным кольцом.

К нему обратился некто Туллий Кимвр с прошением помиловать находящегося в изгнании брата. Когда Цезарь отказал, Туллий сорвал с его плеч тогу, что было условным сигналом для начала нападения. Другой заговорщик, Каска, нанес Цезарю удар в плечо сзади. «Каска, злодей, да ты что?» – закричал Цезарь, но тут на него со всех сторон посыпались удары. Цезарь как мог отбивался от врагов, но, увидев среди нападавших Брута, прекратил сопротивление, натянул край тоги на голову и подставил тело под удары. Согласно легенде, он произнес свои знаменитые слова: «И ты, Брут» (по другим источникам, «И ты, дитя мое»), но доподлинно это не известно.

После похорон Цезаря заговорщикам пришлось покинуть Рим, ибо заговор не достиг своей цели. Да, Цезарь был убит, однако восстановить республику не удалось, и вскоре к власти пришел второй триумвират, в который вошли Марк Антоний, Октавиан Август и Ледип.

Заговорщики тем временем собрали целую армию, в чем им помогли города Греции, Малой Азии и Сирии, некоторые – добровольно, некоторые – по принуждению. В состав войска вошли также бывшие солдаты и военачальники Помпея. Что касается их противников Марка Антония и Октавиана, то они, в свою очередь, тоже собрали войско для борьбы с республиканцами.

Решающие битвы произошли в Македонии на Филиппийских полях через два с лишним года после убийства Цезаря. Никогда еще до этого такие большие силы римлян не сражались друг против друга. Противники выстроились таким образом: против Октавиана стоял со своими войсками Брут, а против Антония – Кассий.

Перед самой битвой между союзниками произошел следующий разговор. Кассий сказал: «Я хочу, чтобы мы победили, Брут, и счастливо прожили вместе до последнего часа. Но ведь самые великие из человеческих начинаний в то же время имеют самый непредсказуемый исход, и если битва решится вопреки нашим ожиданиям, нам нелегко будет свидеться снова. Так скажи

мне теперь, что ты думаешь о бегстве и смерти?» Брут ответил: «Когда я был молод и неопытен, Кассий, у меня каким-то образом – уж и сам не знаю как – вырвалось однажды опрометчивое слово: я порицал Катона за то, что он покончил с собой. Мне представлялось и нечестивым, и недостойным мужа бежать от своей участи, не претерпеть бесстрашно все, что выпало на твою долю, но скрыться, исчезнуть. Теперь я иного мнения. Если бог не судил нам удачи в нынешний день, я не хочу подвергать испытанию новые надежды и новые приготовления, но уйду с благодарностью судьбе за то, что в мартовские иды отдал свою жизнь отечеству и, опять-таки ради отечества, прожил еще одну жизнь, свободную и полную славы». Кассий улыбнулся, обнял Брута и произнес: «Что же, с этими мыслями – вперед, на врага! Мы либо победим, либо не узнаем страха перед победителями».

В первой битве при Филиппах (октябрь 42 г. до н. э.) окончательной победы не достиг никто. Воины Брута, даже не дождавшись команды, стремительно пошли на врага, обойдя его слева и захватив лагерь неприятеля. Октавиана, по его же собственным словам, спасло чудо: он не участвовал в битве, так как был болен и лежал в своей палатке, и во сне услышал голос, повелевший подняться и покинуть лагерь. Октавиан повиновался и не зря – почти сразу после этого лагерь захватил Брут.

А в это время на другом фланге Кассий и его военачальники растерялись из-за того, что солдаты Брута бросились в бой, не дождавшись приказа. Пока воины союзника, вместо того чтобы завершить окружение противника, грабили лагерь Октавиана, Кассий пребывал в нерешительности. За это время силы Антония зашли к нему в тыл и обратили в бегство сначала конницу, а затем и пехоту Кассия. Сам полководец мужественно сражался, но даже своим примером не смог остановить бегущих. Отступая, он с небольшой группой воинов поднялся на холм, где произошло недоразумение, стоившее Кассию жизни.

С холма Кассий увидел большой отряд всадников, скачущих в его сторону. Это были солдаты Брута, но Кассий по слабости зрения принял их за вражескую погоню и, чтобы полностью удостовериться в этом, послал на разведку своего приближенного. Среди всадников Брута оказались приятели посланника, и, узнав друга, они спрыгнули с коней и бросились его обнимать. Остальные всадники радостно потрясали оружием, звон которого близорукий Кассий принял за звуки схватки и уверился, что послал друга на смерть. Воскликнув: «Вот до чего довела нас постыдная жажда жизни – на наших глазах неприятель захватил дорогого нам человека!» – Кассий ушел в какую-то пустую палатку в сопровождении своего вольноотпущенника Пиндара,

которого держал рядом как раз для такого случая. В палатке Кассий, накинув плащ на голову, подставил шею под меч вольноотпущенника. В это время посланник вернулся, чтобы обо всем доложить Кассию, и, узнав о смерти друга, закололся мечом, проклиная свою медлительность.

Брут возглавил оба войска, однако командиры и солдаты Кассия с неохотой подчинялись новому полководцу и к тому же завидовали воинам Брута, отличившимся в первой битве.

Не лучшим было положение Октавиана и Антония: у них не было достаточного запаса продовольствия, лагерь находился в низине у болот (а дело было осенью). После первого сражения начались дожди, и без того влажная почва в лагере превратилась в жидкое месиво, палатки промокали, начались болезни. В довершение всех бед солидное подкрепление, плывшее по морю, было встречено флотом Брута и уничтожено. Узнав об этом, Октавиан и Антоний стали торопиться с битвой. К их счастью и на свою беду, Брут вовремя не узнал о победе на море, иначе он, располагая достаточным запасом продовольствия и выгодным положением для зимовки, не начал бы решающей битвы.

Вторая битва при Филиппах состоялась в середине ноября 42 г. до н. э. Опять войска под командованием Брута одержали временную победу, но на другом фланге военачальники все дальше и дальше растягивали войска, чтобы предотвратить их окружение. В конце концов, противник ударил в середину образовавшейся линии, и бывшие воины Кассия бросились в бегство, уже ставшее для них привычным. Враг зашел в тыл воинам Брута.

Брут, его солдаты и приближенные храбро сражались. В битве, не пожелав отступить ни на шаг, погиб сын Катона Младшего Марк Порций. Отвагу проявил друг Брута Луцилий. Когда войско уже побежало, он увидел, что отряд вражеской конницы упорно преследует Брута и его приближенных. Тогда, несколько отстав, Луцилий стал кричать преследователям, что он – Брут и хочет сдаться, при условии, что его доставят не к Октавиану, а к Антонию. Когда Луцилия доставили к Антонию, он смело сказал ему: «Марка Брута, Антоний, ни один враг не поймал и, верно, никогда не поймает – судьба да не одержит такой победы над доблестью!.. Я обманул твоих воинов – и потому я здесь и без возражений приму любую, самую жестокую кару за свой обман». Антоний, несмотря на разочарование, оказался на высоте, сказав солдатам: «…вам досталась добыча еще лучше той, какую вы искали. Ведь вы искали врага, а привели нам друга. Что бы я сделал с Брутом, если бы он живым попал в мои руки, – клянусь богом, не знаю, но такие вот люди пусть

всегда будут мне друзьями, а не врагами». Впоследствии Луцилий стал верным сторонником Антония.

Уже в темноте Брут вместе с небольшим количеством соратников переправился через неширокую речку с крутыми лесистыми берегами. Укрывшись в какой-то лощине, беглецы расположились на отдых. Опустившись на землю и подняв глаза к небу, Брут произнес строку из Еврипида: «Зевс, кару примет пусть виновник этих бед». Он принялся оплакивать погибших в битве друзей, называя каждого по имени.

Один из воинов Брута, Статилий, вызвался пойти на разведку и осмотреть лагерь. Оставалась надежда на то, что в сражении погибло не так много солдат и лагерь цел. Условились, что, если надежды оправдаются, Статилий зажжет факел и подаст сигнал. До лагеря разведчик добрался беспрепятственно и зажег факел, однако окончательно положение так и не прояснилось. Время шло, а Статилий все не возвращался. Брут говорил: «Если Статилий жив, он непременно будет с нами». Но разведчик не вернулся назад. На обратном пути он наткнулся на врагов и был убит.

Уже глубокой ночью Брут наклонился к своему рабу, Клиту, что-то шепнул ему, и тот молча заплакал в ответ. Тогда Брут позвал щитоносца и стал его жарко убеждать в чем-то. В конце концов он стал обращаться ко всем спутникам с одной и той же просьбой: помочь ему пронзить себя мечом. Но никто не согласился оказать своему предводителю эту ужасную услугу, кто-то сказал, что нужно спасаться бегством. На это Брут ответил: «Вот именно, бежать, и как можно скорее, но с помощью рук, а не ног». Попрощавшись с каждым из своих спутников, он сказал, что для него было огромным счастьем убедиться в искренности и преданности каждого из друзей. Брут говорил, что может упрекать судьбу только за жестокость к его отечеству, потому что сам он многократно счастливее своих победителей. Он оставляет после себя славу высокой нравственной доблести, какой победителям ни оружием, ни богатствами не стяжать, ибо никогда не умрет мнение, что людям порочным и несправедливым, которые погубили справедливых и честных, не подобает править государством. Затем Брут попросил всех друзей позаботиться о собственном спасении.

В сопровождении двоих или троих спутников, среди которых был и его давний друг Стратон, он отошел в сторону. По одной из версий, Брут попросил Стратона стать рядом с ним. Затем упер меч рукояткой в землю и, придерживая лезвие обеими руками, бросился на него. По второй версии, Стратон уступил горячим уговорам Брута и помог ему совершить задуманное. Он якобы

держал меч, а Брут бросился на него с такой силой, что лезвие вышло из спины.

Жена Брута, Порция, тоже добровольно ушла из жизни. Но источники расходятся в сроках этого события, поэтому неизвестно, произошло оно до или после самоубийства Брута. Также до конца неизвестны и мотивы этого поступка. По свидетельствам одного из современников, Порция после смерти супруга решила покончить с собой, но ее друзья не только отказались помочь в осуществлении этого замысла, но и пристально следили за ней. Тогда она выхватила из огня уголь и проглотила его. Другие свидетели говорят, будто в одном из писем Брут упрекал своих друзей в том, что они не позаботились о его супруге. Заболев и не имея поддержки, она решилась на самоубийство.

Не только соратники, но и враги питали глубокое уважение к Бруту. Тело Брута Антоний велел похоронить с почестями, приказав завернуть его в самый дорогой из своих плащей. Один из вольноотпущенников Антония попытался похитить плащи и большую часть отведенных на похороны денег. Узнав об этом, Антоний приказал его казнить.

Октавиан тоже питал уважение к погибшему противнику, о чем свидетельствует такой случай. Однажды, уже через многие месяцы после описанных событий, он прибыл в Галлийский город Медиолан (нынешний Милан), где находилась бронзовая статуя Брута. Заметив ее, Октавиан сначала прошел мимо как ни в чем не бывало, но затем, созвав представителей города, заявил, что ему известно, будто Медиолан укрывает у себя его врага. Городские старейшины стали уверять Октавиана в своей невиновности. Тогда он указал на статую и спросил: «А вот этот, который здесь стоит, разве он нам не враг?» Медиоланцы в смущении умолкли, и тогда Октавиан улыбнулся и похвалил их за то, что и в беде они остались верными друзьями. Статую же велел оставить на прежнем месте.

БУССЕНАР ЛУИ АНРИ

(род. в 1847 г. – ум. в 1910 г.)

В конце концов, что такое смерть?
Смерть, дорогие товарищи, это самое интересное приключение, которое мы испытаем в жизни.

Аркадий Стругацкий

Луи Анри Буссенар, любимый писатель многих поколений мальчишек, певец романтических приключений и дальних странствий, автор приключенческих романов и неутомимый путешественник, родился 4 октября 1847 г. в Эскренне (департамент Луаре, Франция).

Получив медицинское образование, Луи Буссенар стал врачом (пожалуй, эта профессия дала миру больше писателей, чем любая другая, – достаточно вспомнить А. Чехова, М. Булгакова, А. Конан-Дойла), однако начать частную практику ему было не суждено. Здесь, по-видимому, уместно сделать вставку в духе творчества самого Буссенара, который (как и Жюль Берн) никогда не упускает «…случая просветить читателя: в самый напряженный момент они обрывают нить повествования и принимаются описывать ядовитое растение или туземное жилище» (Ж.-П. Сартр, «Слова»).

Итак, в день выпуска, 19 июля 1870 г., когда Луи и его товарищам вручали дипломы, Наполеон объявил войну Пруссии, стремясь помешать объединению Германии под ее началом и ослаблению влияния Франции в Европе. Надо сказать, что война закончилась для Франции поражением: в ходе военных действий было завершено объединение Германии под гегемонией Пруссии, возникла Германская империя; во Франции же империя, напротив, рухнула, а на ее обломках появилась Третья республика. 10 мая 1871 г. во Франкфурте был подписан мирный договор, по которому Франция передала Германии Эльзас и часть Лотарингии, а также выплатила огромную контрибуцию.

Из-за начавшейся войны Луи сразу же был мобилизован и отправился на фронт в качестве полкового лекаря. В одном из боев его легко ранило, и после излечения Буссенар вернулся в полк, где прослужил до окончания военных действий. Вместе с армией он пережил позор разгрома и капитуляции, а увиденное на войне сделало будущего писателя убежденным пацифистом

(хотя действие многих его произведений разворачивается на фоне военных событий). Буссенар, понимавший чисто политическую подоплеку войны с Пруссией, позже писал, что единственным оправданием войны может быть защита Отечества, но никогда – порабощение другого народа.

Фронтовые впечатления – помимо отвращения к армейским будням и войне как таковой – принесли с собой нежелание заниматься рутиной врачебной практики. Луи Буссенар, будучи искателем приключений и убежденным пацифистом, был вынужден искать применение своим авантюрным наклонностям. И он нашел то, что искал, когда после демобилизации вернулся в Париж.

Навсегда оставив медицину, Буссенар стал постоянным сотрудником «Журнала путешествий» («Journal du Voyages»). Ему настолько понравилась работа в этом издании, что он оставался там до самой смерти, несмотря на выгодные предложения конкурентов. Журналистская деятельность пришлась Буссенару по душе, и он решил расширить рамки своего творчества и выйти за пределы журнального формата. Он стал профессиональным литератором, причем стилистика «Журнала путешествий» оказала значительное влияние на направленность и характер его творчества.

Буссенар, который начинал с написания познавательных статей об экзотических уголках планеты, сохранил верность этой традиции. В подавляющем большинстве его приключенческих романов и повестей авантюрная линия время от времени прерывается для того, чтобы познакомить читателя с флорой, фауной и обычаями местности, в которой разворачиваются события. Впрочем, стиль «занимательного учебника по всем предметам» был распространен в XIX веке – не было ни радио, ни телевидения, ни кино, и подобные книги заменяли их, давая богатую пищу воображению и уму читателя.

В 1877 г. вышел из печати первый роман писателя «Через Австралию. Десять миллионов Рыжего опоссума», который сразу принес ему бешеный успех. Действие романа происходит в малоисследованных областях Австралии. Главный герой книги, натуралист-любитель, присоединяется к искателям сокровищ, которые когда-то были зарыты братом главы экспедиции. Персонажи постоянно преодолевают трудности и выпутываются из сложных ситуаций, в промежутках между которыми главный герой делится своими познаниями в области животного и растительного мира Зеленого континента. Исследователи, правда, утверждают, что в этом и других романах Буссенара довольно много неточностей, но достоверность фактов с лихвой окупалась

головокружительными приключениями и мужеством главных героев (в конце концов, мы же не требуем документальной точности от фильмов вроде «Тарзана»). «Им, – писал Буссенар, – нужна опасная борьба, захватывающие победы, незабываемые воспоминания». А какие названия у этих книг: «Адское ущелье», «Ледяной ад», «Похитители бриллиантов», «Приключения в стране львов»… И, разумеется, «Капитан Сорвиголова», без которого просто невозможно представить себе детство мальчишки.

Буссенар стал столь же модным, сколь и плодовитым писателем, и на волне успеха, в 1880 г. вышла его вторая книга – «Путешествия парижского гамена вокруг света». Гамен – это беспризорник, бродяга. Согласно общепринятым представлениям, он обладает недюжинной ловкостью, хитростью, изворотливостью и неприхотливостью, то есть всеми качествами, которые делают его идеальным героем приключенческого романа. Вообще, героями произведений Буссенара обычно становились молодые французы, выказывающие чудеса храбрости и сообразительности, а действие разворачивалось в отдаленных и малоизвестных странах.

Надо сказать, что в образ гамена Луи Буссенар вложил и свои черты страстного путешественника, стремящегося как можно больше узнать об окружающем мире. Поэтому, когда в 1880 г. Министерство народного просвещения предложило ему стать членом научной экспедиции во Французскую Гвиану (экваториальную колонию Франции в Южной Америке), он с восторгом согласился. Официальная цель экспедиции – проверка состояния медицины и здоровья населения в Гвиане.

Буссенар полностью использовал отпущенные ему возможности. За семь месяцев пребывания в стране он обошел ее вдоль и поперек. Ему довелось продираться через дебри тропических лесов, встречаться с племенами, которые до него не видели белого человека, бороться с малярией и тропической лихорадкой.

В общем, вернувшись во Францию, писатель по горячим следам опубликовал в 1882 г. роман «Гвианские Робинзоны» (в русском переводе – «Беглецы в Гвиане»). Главный герой книги – политический заключенный, который бежит из тюрьмы (преодолевая массу препятствий и попутно предоставляя сведения о природе Гвианы), а потом, тайно вызвав из Европы свою семью и друзей, основывает поселение (снова преодоление трудностей мирной жизни и описание флоры и фауны). Колония процветает, все честно трудятся и пожинают плоды своих трудов.

После Гвианы Буссенар побывал в Австралии, во многих

странах Америки и Африки, и все полученные впечатления были перенесены на бумагу. Так появились романы «Под Южным крестом» (1883), «Из Парижа в Бразилию» (1885), «Приключения в стране львов» (1886), «Приключения в стране тигров» (1887), «Приключения в стране бизонов» (1887), «Горбунок» (1901) и другие.

Надо сказать, что литературная деятельность Буссенара не ограничивается приключенческой прозой, он пишет и фантастику. Его перу принадлежит дилогия (позднее экранизированная) «Тайна доктора Синтеза» (1887–1888) и «Десять тысяч лет в ледяной глыбе» (1890). Первый роман посвящен жизни доктора Синтеза в XIX веке, а второй – его же приключениям, но десять тысяч лет спустя.

В поздний период своего творчества Луи Буссенар от натуралистики и географии перешел к истории; теперь приключенческие романы содержали в себе общественно-политические и исторические сведения. В этот период появляются «Герои Малахова кургана» (1890; рассказ о Крымской войне 1854–1855 гг. глазами француза), «Подвиг санитарки» (в русском переводе получил название «С красным крестом»), «Пылающий остров» (1897; повествует о периоде восстания кубинцев против испанского господства).

Но, пожалуй, самым известным историко-приключенческим романом Луи Буссенара, которым больше ста лет зачитываются мальчишки, стал «Капитан Сорвиголова». Действие романа происходит в Южной Африке времен англо-бурской войны 1899–1902 гг., и Буссенар, выведя себя в качестве одного из персонажей, доктора Тронта, высказывает, в частности, ряд критических замечаний относительно колониальной политики европейских стран. Однако основная составляющая романа – приключения, опасные переделки, погони, трудности и, конечно же, счастливый конец и торжество справедливости.

Вообще, Луи Буссенар и по сей день считается одним из лучших писателей для юношества (собственно, это подтверждается его неувядающей популярностью у читающих семи-восьмиклассников). Его произведения написаны легким, образным языком, а их особенная привлекательность состоит в том, что автор делится личными впечатлениями, а не вычитанными из энциклопедии сведениями. Познавательная ценность его творчества оказалась настолько велика, что Французская академия наук готовилась торжественно отметить заслуги Буссенара как ученого-натуралиста. Церемония была запланирована на конец 1910 г., но она не состоялась – умерла жена писателя, а потом и он сам.

Буссенар крайне тяжело переживал смерть жены. Эта потеря серьезно отразилась на здоровье писателя, который все же не оставил литературной деятельности. В это время он вел активную переписку с санкт-петербургским книгоиздателем и редактором журнала «Природа и люди» П. И. Сойкиным по поводу перевода своих книг на русский язык. Работа была завершена уже после смерти писателя, и его наследие, изданное в России, составило сорок томов (это притом, что около двадцати романов не вошли в издание, а большая часть опубликованных произведений сокращена).

Несмотря на активную деятельность, Луи Буссенар чувствовал себя все хуже и хуже. И тогда он принял решение уйти из жизни добровольно – не мог путешественник, искатель приключений и романтический идеал многих людей поступить по-другому. Сцена ухода Буссенара из жизни соответствовала духу его произведений: ирония, бесстрашие и спокойствие перед лицом смерти, а также стремление найти необычный выход из сложившейся ситуации.

Луи Буссенар заморил себя голодом, а перед смертью разослал всем своим знакомым приглашение на собственные похороны. Он умер 11 сентября 1910 г. в Орлеане, столице родного ему Луаре.

ВАН ГОГ ВИНСЕНТ

(род. в 1853 г. – ум. в 1890 г.)

«Пускай меня простит Винсент Ван Гог
За то, что я помочь ему не мог,
За то, что я травы ему под ноги
Не постелил на выжженной дороге,
За то, что я не развязал шнурков
Его крестьянских пыльных башмаков,
За то, что в зной не дал ему напиться,
Не помешал в больнице застрелиться…»

Св. Арсений Тарковский

«Я заранее знал, что Ван Гог либо сойдет с ума, либо оставит всех нас далеко позади. Но я никогда не предполагал, что он сделает и то, и другое».

Св. Камиль Писарро

Далеко не каждый великий человек после смерти обзаводится

мифом, особенно если он сам не старался этот миф создать. Винсент Ван Гог не стремился, он «всего лишь» искал и нашел свое предназначение – быть художником. А в итоге стал для нас не столько одним из величайших художников в истории человечества, сколько мифическим персонажем… И что мы о нем знаем? Да почти ничего, кроме, пожалуй, двух-трех историй, ставших неотъемлемой частью мифа…

История первая. На протяжении десяти лет своего служения искусству Ван Гог жил в нищете, а после смерти его творения стали самыми дорогими в истории человечества произведениями искусства. Собраниями картин и отдельными работами Ван Гога гордятся многие музеи мира и частные коллекционеры. Время от времени его полотна выставляют на престижных аукционах, причем часто их продажа сопровождается если не скандалом, то каким-нибудь таинственным происшествием. Например, в Японии на торги выставляется картина неизвестного автора. Стартовая цена – 80 долларов. За два дня до начала торгов начальную цену меняют, и в результате она уходит за… 550 тысяч. «Неизвестный художник» оказался Ван Гогом – эксперты вовремя определили автора. А бывает и по-другому: на знаменитых «Подсолнухах», проданных с молотка чуть ли не за 40 миллионов долларов, искусствоведы недосчитываются двух цветков. Винсент, видите ли, писал своему брату Тео, что принес домой 44 подсолнуха, а на картине всего 42. Провели экспертизу – подделка. И так далее, и тому подобное…

Во-вторых, он был болен – не то эпилепсией, не то шизофренией, не то прогрессивным параличом, – в общем, был ненормальным, как и все гении. Вот яркий пример: как-то Ван Гог захотел встретиться со своим любимым художником Жюлем Бретоном и прошел ради этой встречи 70 километров пешком. Однако, подойдя к дому художника, Винсент постеснялся войти и вернулся обратно. Тоже пешком. Опять же, как и положено настоящему гению, умер не в собственной постели, а застрелился. Причем в 37 лет – возрасте, критическом для гениев.

Ну и, в-третьих, конечно же, знаменитая история с ухом… Какая? Ну как же – к Ван Гогу приехал Гоген. Они много говорили об искусстве (за стаканчиком вина, разумеется), но вся обстановка провинциального городка Арль, где жил тогда Винсент, раздражала Гогена, и художники ссорились. И все бы закончилось благополучно, если бы Ван Гог не впал в помешательство. Вот что пишет сам Гоген: «…Винсент то был необычайно резок и буен, то снова становился молчалив. Несколько раз я с изумлением наблюдал, как Винсент ночью встает, подходит к моей кровати и стоит надо мной… Достаточно

мне было строго сказать ему: «В чем дело, Винсент?» – как он, не говоря ни слова в ответ, отходил, ложился в постель и погружался в свинцовый сон… Вечером мы идем в кафе. Он берет себе стаканчик легкого абсента. И вдруг швыряет этот стакан с его содержимым мне в голову». На следующий вечер Гоген встретил Ван Гога на улице, и тот бросился к нему с раскрытой бритвой в руке. Гоген пристально посмотрел на него, и Ван Гог побежал прочь. Потом он отрезал себе кусок уха, положил его в конверт и отнес в бордель знакомой проститутке, девице Рашель. Его нашли в кровати, окровавленного и без памяти, и увезли в больницу…

Ах, если бы девица Рашель знала, чье отрезанное ухо досталось ей 23 декабря 1888 г., то, конечно, вняла бы совету безвестного художника «беречь это сокровище» и поместила бы его в формалин. И возможно, сейчас бы этот экспонат оценили на престижных аукционах подороже, чем даже «Портрет доктора Гаше», ушедший в 1990 г. в Нью-Йорке за рекордную цену – 82,5 миллиона долларов.

А с портретом тоже произошла любопытная история… На протяжении XX века он побывал в руках множества людей – от безвестной студентки из Франкфурта до Германа Геринга. Наконец, на аукционе в Нью-Йорке некий японский бизнесмен выложил за него астрономическую сумму, через три года попал в тюрьму и умер за решеткой. Что произошло с картиной дальше – неизвестно…

И таких историй – масса. А что кроется за ними, что находится за пределами мифа? Что, например, мы знаем о брате Винсента – Тео? Кто такой доктор Гаше? Почему Винсент добровольно ушел из жизни? И самое главное – почему Ван Гог вообще стал художником?

* * *

Винсент Ван Гог родился в деревне Гроот Зюндерт (Голландия) 30 марта 1853 г. в семье Теодора Ван Гога, пастора Голландской протестантской церкви, и Анны Корнелии Карбендус. О первых пятнадцати годах его жизни мало что известно, кроме того, что два года Ван Гог проучился в школе-интернате в деревне Зевенберген, потом еще два года в средней школе Короля Вильяма II, а в возрасте 15 лет окончательно оставил учебу.

И вот еще что – ровно за год до рождения Винсента, день в день, его мать родила другого ребенка, также названного Винсентом. Мальчик родился мертвым, и, возможно, художник

тяжело переживал то, что был как бы «заменителем» того ребенка, но документальных подтверждений этому нет.

В 1869 г. Винсент Ван Гог поступил на работу в Гаагское отделение компании «Гупиль и К°», занимающейся продажей предметов искусства. Это вполне соответствовало традициям семьи, многие поколения которой торговали произведениями искусства, да и младший брат художника Тео всю свою сознательную жизнь продавал картины. Винсент проработал в компании «Гупиль и К°» более семи лет, и в 1873 г. его перевели в Лондон. Он был очарован культурной атмосферой Англии и пережил влюбленность, к сожалению, безответную. Ван Гог прожил в Лондоне два года, после чего «Гупиль» возвращает его в парижское отделение фирмы. Проработав там еще год, Винсент понимает, что не создан для торговли картинами, и покидает галерею Гупиля в марте 1876 г.

Он вернулся в Англию и провел там еще два года, в течение которых чувствовал себя вполне счастливым. Ван Гог начинает учительствовать, сначала в церковной школе для мальчиков преподобного Вильяма П. Стоука, а потом в школе преподобного Т. Слэйда Джонса, сыгравшего в жизни Винсента важную роль. В свободное время он посещает художественные галереи (впрочем, как и в первый свой приезд в Англию).

Учительствуя, Ван Гог обнаруживает интерес к Библии, и его отношение к религии значительно меняется: он задумывает посвятить свою жизнь Церкви. Приняв такое решение, он обращается к преподобному Джонсу с просьбой помочь ему в осуществлении своего намерения. Тот соглашается, и Винсент приступает к чтению молебнов, а потом и проповедей для прихожан церкви Тернхам Грин. Несмотря на решение стать священником, он оказался неважным проповедником: его проповеди были довольно тусклыми и скучными. Винсент любил проповедовать, но ему, как и его отцу, не хватало эмоциональности и умения владеть аудиторией.

Приехав домой на Рождество, Ван Гог остается в Голландии и начинает изучать теологию в Амстердаме. Поначалу он был полон энтузиазма, но чем дальше, тем больше охладевал к учебе; ему казалось, что занятия отвлекают его от главной цели – иметь свой приход. Тем не менее, Винсент упорно продолжал учиться почти до конца 1878 г. (по иронии судьбы, он, владеющий четырьмя языками, так и не смог до конца освоить латынь).

В ноябре 1878 г., не пройдя испытательный срок в миссионерской школе в Лаэкене, Ван Гог договорился с представителями Церкви еще об одной попытке. На этот раз испытательный срок был назначен в одном из беднейших мест

Европы – в Боринаже (Бельгия), где влачили свое существование угольщики. В январе 1879 г. Винсент становится приходским священником в шахтерском поселке Васмес. Он очень сочувствовал шахтерам и как духовный наставник всячески старался облегчить их жизнь. Его стремление помочь быстро обрело форму фанатизма: Винсент отдавал большую часть своей еды и одежды самым страждущим из прихожан. В результате он оказался едва ли не духовным лидером шахтерской забастовки… Церковные власти, разумеется, не оценили усилий Ван Гога, и к лету он был лишен прихода.

Тем не менее, он не покинул Боринаж и, не желая расставаться с угольщиками, переехал в соседнюю деревню, где жил в полной нищете. В это самое время Винсент начинает заниматься графикой и рисовать шахтеров и их семьи, запечатлевая ужасные условия, в которых они жили. Именно тогда, в возрасте 27 лет, Винсент Ван Гог наконец обретает свое истинное призвание – быть художником. Без образования, без каких-либо материальных стимулов; с одной лишь уверенностью, что истовая вера в свое призвание, помноженная на поистине титанические усилия, в конце концов во что-то воплотится.

И вот, после года нищенского существования, осенью 1880 г. Винсент отправляется в Брюссель учиться живописи на деньги своего младшего брата, торговца картинами Тео Ван Гога, который продолжал содержать Винсента на протяжении последующих десяти лет, до самой его смерти. Братья были очень близки с самого детства, и их переписка, в которой они делились самым сокровенным, стала для биографов основным источником сведений о Ван Гоге. Вообще же Тео, хотя и был успешным торговцем картинами, смог продать лишь одну картину брата, причем за сущие гроши. Лишь после смерти обоих картины Винсента Ван Гога получили настоящее признание и нашли своих ценителей.

Итак, Винсент учится живописи в Брюсселе и приезжает на лето в Голландию, к семье. То лето было переполнено драматическими событиями. И главным из них стала встреча с недавно овдовевшей кузиной Кее (Корнелией Адрианой Вое Шрикен). Винсент полюбил Кее, но, как и в 1873 г. в Лондоне, был отвергнут. Не веря в неудачу, он решает встретиться с Кее в доме ее родителей, однако и отец отказывает ему в свидании с дочерью. Ван Гог, полный решимости добиться своего, устраивает настоящий спектакль: он вытягивает руку над открытым пламенем масляной лампы, угрожая поджаривать ее до тех пор, пока ему не позволят увидеть Кее. Однако ее отец просто-напросто задувает огонь, и Винсенту приходится уйти несолоно

хлебавши.

Тем же летом у него начинаются разногласия с собственным отцом, недовольным тем, что сын сошел со стези священника и посвятил себя живописи.

В это трудное время Винсент находит поддержку у Антона Мауве, мужа одной из своих кузин и довольно известного художника (что бы мы знали о нем сегодня, если бы не Ван Гог?). Он выслал Винсенту из Гааги набор акварельных красок, предоставив ему возможность впервые попробовать рисовать в цвете. Ван Гог некоторое время берет уроки у Мауве, ценя его советы и получая удовольствие от общения с ним, но их дружбе не суждено было продлиться долго. Мауве порвал отношения с Винсентом из-за того, что тот жил с проституткой.

Ван Гог встретил Класину Марию Хурник, проститутку по прозвищу Син, в феврале 1882 г. в Гааге. В то время она носила под сердцем второго ребенка и вскоре переехала к Винсенту. Они прожили вместе полтора года в абсолютной нищете, и их отношения были довольно бурными. Ван Гог был привязан к Син, и особенно к ее детям, но искусство всегда было для него на первом месте, что давало пищу для многочисленных скандалов. Син и ее дети позировали для десятков работ Винсента, и за время их совместной жизни он значительно вырос как художник.

1883 г. стал годом очередных перемен как в личной, так и в творческой жизни Ван Гога. Он начинает чаще писать масляными красками, растет как художник, одновременно теряя Син. Их отношения становятся все хуже и хуже, и в сентябре 1883 г. Винсент и Син расстаются. Ван Гог отправляется на север Голландии и остается там на некоторое время, рисуя пейзажи и портреты местных жителей.

К концу декабря Винсент возвращается домой и живет там больше года, постоянно работая над пейзажами и портретами крестьян, ткачей и прядильщиков. 26 марта 1885 г. умирает его отец. Их отношения были очень трудными, и известие о смерти отца не вызвало у Винсента глубокого эмоционального отклика. Он лишь ненадолго прерывает свою работу, отдавая дань приличиям.

В это время Ван Гог создает свои первые шедевры, но их не понимают даже его близкие друзья, и Винсент рвет с ними отношения. Напряженная работа истощила художника, и к концу 1885 г. он решил сменить обстановку. В начале 1886 г. он поступает в Академию художеств в Антверпене, но через месяц бросает учебу, считая, что формальное обучение не может помочь ему достичь успеха.

Тем не менее, Винсент самостоятельно совершенствуется в

живописи, ищет новые идеи, применяет новые техники… Наконец он чувствует, что получил от Голландии все, что та могла ему дать, и отправляется в Париж, где знакомится с импрессионистами.

Приехав в Париж, Винсент явился к Тео, и тому ничего не оставалось делать, кроме как принять брата. Парижский период Ван Гога очень много дал ему как художнику. Благодаря связям Тео он знакомится со многими парижскими художниками. Два года пребывания в Париже Винсент провел, посещая ранние выставки импрессионистов. Их методы оказали большое влияние на творчество Ван Гога, который, тем не менее, оставался верен своему неповторимому стилю. Благодаря импрессионистам его палитра стала отходить от традиционно темных голландских цветов, и в картинах появляются свежие, сочные, яркие краски. Тогда же Ван Гог увлекается искусством Японии, и эта страсть накладывает отпечаток на все его дальнейшее творчество (и объясняет огромную популярность картин Ван Гога у японских коллекционеров). Винсент влюбляется в Японию, «землю обетованную» для художника.

Жизнь в Париже много дала Винсенту как художнику, но столько же отняла у него как у человека. Он подорвал здоровье из-за неполноценного питания, чрезмерного потребления алкоголя и курения, а кроме того, совместное проживание не пошло братьям на пользу, и их отношения испортились. Наконец, Ван Гога угнетала плохая погода; он жил для солнца. Тусклая парижская зима высосала все его силы, и он решил покинуть Париж, чтобы последовать за солнцем на юг.

В начале 1888 г. Винсент Ван Гог отправляется в Арль, мечтая создать там своего рода коммуну художников, где они могли бы вместе жить, работать и помогать друг другу. Поначалу Арль разочаровал художника: он искал солнца, а нашел холод и грязный снег. Но вскоре потеплело, показалось солнце, и… Ван Гог нашел свою «Японию». «Луг, полный желто-золотых бутонов, – писал он Тео, – канава, засаженная ирисами с зелеными листьями и фиолетовыми цветами; на заднем плане – город, несколько серых ветел и полоса синего неба… Знаешь, это было прямо японское видение».

В следующие месяцы Винсент прилежно работал, высылая Тео посылки со своими работами. Тео в ответ высылал ему деньги на жизнь, но тот продолжал тратить их на художественные принадлежности, а не на предметы первой необходимости. Изнуренный и истощенный, Ван Гог к осени окончательно подорвал свое здоровье.

Сейчас, по прошествии полутора столетий, художник

воспринимается как угрюмый отшельник и мизантроп, но это не так. На самом деле ему нравилось общество, и за прекрасные весну и лето в Арле он приобрел массу друзей.

Винсент не терял надежды создать коммуну художников и развил бурную деятельность, чтобы уговорить Поля Гогена – парижскую знаменитость – погостить у него на юге. Это предприятие потребовало ассигнований со стороны Тео, оплатившего поездку Гогена в Арль. Тео был заинтересован в ней не только как заботливый брат, но и как бизнесмен: он надеялся, что Гоген вышлет ему свои работы, которые можно будет выгодно перепродать. В отличие от Винсента Ван Гога, у Поля Гогена получалось извлекать прибыль из своего творчества. Гоген приехал в Арль в конце октября.

Следующие два месяца были ужасны и для Винсента, и для Поля Гогена. Поначалу они неплохо ладили, но проходили недели, портилась погода, а вместе с ней настроение Ван Гога (впрочем, Гогена тоже). В декабре их отношения обострились, ссоры становились все более частыми, и пиком стал приступ душевного расстройства, во время которого Ван Гог попытался напасть на Гогена.

23 декабря Винсент Ван Гог, находясь в состоянии безумия, лезвием отрезал нижнюю часть своего левого уха, завернул ее в тряпку и отнес «подарок» в бордель, где вручил одной из проституток. Потом он вернулся домой, где его нашли и поместили в больницу. Гоген, отправив Тео телеграмму о случившемся, немедленно покинул Арль. Позже Ван Гог и Гоген иногда писали друг другу, но так больше и не встретились.

Следующая после истории с ухом неделя стала для Ван Гога критической: он потерял много крови, участились приступы безумия, в течение которых Винсент был недееспособен. Тео, примчавшийся из Парижа, был уверен, что брат умрет, но к новому году он уже почти полностью поправился. В это время художник создает свои знаменитые «Подсолнухи».

7 февраля у Винсента опять случается приступ, на этот раз ему представилось, будто его отравили. Его снова помещают в больницу в Арле, а через десять дней выписывают.

К тому времени жители Арля начали выказывать недовольство поведением Ван Гога и написали петицию мэру города. Тот передал ее начальнику полиции, который приказал вновь поместить Винсента в больницу. Посоветовавшись с Тео, Винсент решает лечь в психиатрическую лечебницу в Сен-Реми. 8 мая он покидает Арль.

По прибытии в лечебницу Ван Гог попал под наблюдение к доктору Теофилю Ц. А. Пейрону, который пришел к заключению,

что пациент болен одной из разновидностей эпилепсии (этот диагноз с тех пор не был ни подтвержден, ни опровергнут). Лечебница была довольно приличной для своего времени, но Ван Гога беспокоили крики «постояльцев», кроме того, там плохо кормили и, наконец, не давали ничего делать. Все это очень угнетало его.

Проходили недели, душевное состояние Винсента оставалось более или менее стабильным, и ему снова было позволено рисовать. Однако относительное спокойствие длилось недолго, и в середине июля у Ван Гога случается очередной припадок – на этот раз он попытался проглотить свои собственные краски. В результате его лишили доступа к материалам, что очень огорчило Винсента. Через неделю доктор Пейрон смягчился и разрешил ему возобновить рисование, что значительно улучшило состояние пациента.

Однако 23 декабря 1889 г., ровно через год, день в день после истории с ухом, у Винсента случился новый приступ, который продлился около недели, но он довольно быстро оправился и вновь приступил к работе. С течением времени приступы учащаются и становятся все более тяжелыми.

Ван Гог не мог покинуть своей комнаты в течение двух месяцев, хотя все время стремился к этому. Он начал планировать свой предстоящий отъезд из лечебницы и поделился своим желанием с Тео, который стал подыскивать возможные варианты для перевода Винсента куда-нибудь поближе к Парижу. Кое-что разузнав, Тео решил, что брату лучше всего будет сначала вернуться в Париж, а затем начать лечение у доктора Гаше, терапевта-гомеопата. Винсент соглашается и в мае 1890 г. покидает Сен-Реми и отправляется в Париж.

По приезде Ван Гог почти сразу встретился с доктором Полем Гаше, который жил в Овере. Хотя сначала Гаше понравился ему, позже он будет высказывать сомнения по поводу компетентности доктора: «…думаю, что он еще более болен, чем я, или, скажем, такой же. А когда слепой ведет слепого, разве они оба не упадут в яму?» После двух недель общения с доктором Гаше художник смягчил свое мнение о нем, поселился в Овере невдалеке от него и полностью погрузился в работу.

Поль Гаше сам был художником и очень ценил импрессионистов. Он был одним из немногих, кто высоко ценил картины Ван Гога и считал тяжелое состояние Винсента не следствием душевной болезни, но мучительных страданий души художника. Вообще у них было много общего: тревожное, трагическое мировосприятие, неудовлетворенность избранным делом и даже внешность…

Первые недели прошли для Винсента спокойно и приятно. Казалось, что он вполне здоров, как психически, так и физически: терапия Гаше оказывала самое благостное воздействие. Весь июнь художник пребывал в хорошем расположении духа и много работал; в этот период были написаны некоторые из наиболее известных его работ (в том числе и «Портрет доктора Гаше»).

У Тео же, напротив, был очень тяжелый период в жизни: неопределенность с работой, стремительное ухудшение здоровья и в довершение ко всему – болезнь сына. Тем не менее, 6 июля Винсент решил навестить Тео и его семью, однако визит вышел неудачным. Он очень быстро почувствовал подавленность и раздражение и поскорее уехал.

В течение следующих трех недель художник много работает. «В настоящий момент я чувствую себя более спокойным, чем в прошлом году, и на самом деле беспокойство в моей голове значительно уменьшилось», – пишет он матери. Казалось, жизнь Винсента стала, по крайней мере, спокойной… Он пишет много и быстро; его пейзажи, выполненные рукой настоящего мастера, пронизаны каким-то мрачным ожиданием, он создает полную предчувствия скорой смерти картину «Стая ворон над хлебным полем». Закончив работу над этой картиной, во время очередного приступа депрессии он кончает жизнь самоубийством.

В воскресенье вечером 27 июля 1890 г. Винсент Ван Гог выходит из дома с мольбертом, кистями и красками. Выйдя в поле и начав рисовать с натуры, он бросает работу, достает из кармана револьвер, который носил с собой уже несколько дней под предлогом, что хочет стрелять ворон, и стреляет себе в грудь. Затем он направляется в пансион Раву и ложится в постель. Обнаружив окровавленного постояльца, Раву зовет местного практикующего врача и доктора Гаше, который вызывает Тео. Принимается решение не вынимать пулю из груди.

Последние минуты своей жизни Винсент провел в обществе брата. Тео держал его за руку и разговаривал с ним по-голландски. Винсент смирился со своей судьбой, и Тео позже писал: «Он хотел умереть. Когда я сидел рядом с ним и говорил, что мы поможем ему выздороветь, что надеемся, что он избавится от своего отчаяния, он сказал мне: «La tristesse durera toujours» («Печаль продлится вечно»). И я понял, что он хотел этим сказать»…

Судьбе было угодно, чтобы последнее десятилетие своей жизни В. Ван Гог провел, ощущая радость от своего творчества и ведя полуголодное существование на деньги своего брата Тео, единственного человека, который поддерживал его до самого конца.

Винсент Ван Гог скончался в полвторого ночи 29 июля 1890 г. Католическая церковь в Овере не разрешила хоронить его на своем кладбище, потому что он покончил жизнь самоубийством. Однако в поселке Мери, что неподалеку, согласились на захоронение, и похороны состоялись 30 июля.

Тео Ван Гог скончался через полгода. Он был похоронен в Утрехе, но в 1914 г. вдова Тео, Иоганна, горячая поклонница работ Ван Гога, перезахоронила тело Тео рядом с Винсентом на кладбище в Овере. Она попросила, чтобы между могилами посадили веточку плюща из сада доктора Гаше. Этот плющ и по сей день покрывает ковром могилы Винсента и Тео.

* * *

Он мог бы всю жизнь торговать чужими картинами – как младший брат Тео, тоже, впрочем, не особенно преуспевший в фамильном бизнесе. Мог бы стать священником – в старинном голландском роду Ван Гогов и это дело было в почете. Винсент честно испробовал и то и другое.

«Если ты слышишь внутри себя голос, говорящий: «Ты – не художник», тогда, приятель, рисуй, несмотря ни на что, и этот голос умолкнет… Разве нельзя научиться терпению у природы, видя, как медленно созревает пшеница?..» – писал Винсент брату. И рисовал, несмотря ни на что. У него было катастрофически мало времени.

Творчество любого художника принято делить на периоды. В «периодизации» Ван Гога поражает сопоставление цифр: огромное количество рисунков и полотен относительно за короткие промежутки времени. Вот только некоторые из них: за два года в родительском доме, куда он вернулся из Боринажа, – 185 картин и около 240 рисунков; в Арле с февраля 1888 по май 1889 года – 200 картин, сотня рисунков и акварелей; за два последних месяца жизни в городке Овер на Уазе – семьдесят работ. А ведь Винсент Ван Гог рисовал только десять лет…

ВЕЙНИНГЕР ОТТО

(род. в 1880 г. – ум. в 1903 г.)

Я – память без добра.
Я – знанье без стремлений.
Остывшая звезда
Пропавших поколений.

Юрий Шевчук, «Церковь»

Двуглавый орел в качестве герба, многомиллионное и многонациональное население присоединенных земель, антисемитизм, огромный бюрократический аппарат, неэффективная власть, агонизирующая монархия, расцвет музыки, литературы и философии (особенно в столице)… На первый взгляд, речь идет о Российской империи. Но в начале XX века было еще одно государство, полностью подходящее под такое описание, – Австро-Венгрия.

Это сейчас Австрия – крохотная европейская страна. А когда-то она была частью огромной империи Габсургов, объединявшей, кроме собственно австрийских и венгерских земель, Богемию,

Моравию, Силезию, Галицию, Буковину, Далмацию, Хорватию, Словению, Боснию-Герцеговину и так далее. Пятидесятимиллионное население Какании – так писатель Р. Музиль обозвал Австро-Венгрию, образовав это слово от официальной аббревиатуры «К.-К.» (кайзеровско-королевская) и латинского глагола «сасаге» (значение очевидно) – не знало, что через десяток лет империя просто исчезнет с лица земли. Однако предчувствие распада, близящейся гибели пронизывало все сферы ее интеллектуальной жизни. Искусство, естественные и гуманитарные науки находились под прессом многовекового конфликта между духом и телом: стремление избавиться от пуританских табу и запретов соседствовало с желанием установить новые, подчас не менее жесткие, правила общественной жизни, а потребность найти выход подавленной сексуальной энергии сталкивалась с отрицанием собственной телесности и страхом перед влечениями плоти.

Вот лишь несколько фамилий, которые как нельзя лучше иллюстрируют тот период австро-венгерской истории: писатели Франц Кафка, Стефан Цвейг, композитор Густав Малер, поэт Райнер Мария Рильке, художник Адольф Гитлер. Наконец – и прежде всего – психолог Зигмунд Фрейд и философ Отто Вейнингер. Вейнингер создал фундаментальный труд «Пол и характер», где впервые показал, что человек бисексуален, в нем скрыты и мужские, и женские черты характера. Сейчас нам это кажется само собой разумеющимся, но по тем временам это утверждение было революционным.

Вейнингер доказывал, что ни в растительном, ни в животном мире нет полностью однополых особей. Человек тоже не является исключением: нет ни стопроцентных мужчин, ни абсолютных женщин – есть только «мужское» и «женское» начала, в разной пропорции представленные у каждого индивидуума (в дальнейшем эта идея подтвердилась благодаря достижениям биохимии и генетики, открытию гормонов и хромосом). Именно эта пропорция и определяет характер конкретного человека – из этого постулата Вейнингер делает поистине шокирующие выводы.

Все активное, духовное, возвышенное и творческое в человеке философ относит к проявлениям мужского начала, а все материальное, низменное и пассивное считает чисто женским (в лучших традициях средневековых теологов, утверждавших, что женщина – «сосуд греха»). Иными словами, мужское начало несет добро, а женское – зло. Вейнингер отказал женщине в логике, разуме, наличии чувства прекрасного, способности любить… Вот один из самых известных афоризмов книги «Пол и характер», полюбившийся Адольфу Гитлеру: «Самый низкий мужчина выше

самой достойной женщины». Или такой: «Женственность – это хаос, женское начало – это бездушная материя, это ничто: небытие, абсурд. Мужество – это Суть. Мужское начало – это символ всего… Мужчина в чистом виде есть образ и подобие Бога, то есть абсолютного Нечто. Женщина символизирует Ничто. Таково ее вселенское значение, и в этом смысле мужчина и женщина дополняют друг друга».

Возникает вопрос: если женщина (точнее, женственность) – действительно Ничто, то стоит ли вообще уделять ей столько внимания? Получается, что «ничтожество» обладает удивительной притягательностью и какой-то демонической властью. В общем-то ответ на поставленные вопросы можно найти у самого Вейнингера, и он вполне предсказуем: «Ненависть к женщине – всегда лишь еще не преодоленная ненависть к собственной сексуальности». По большому счету, многие поражающие своей агрессивностью пассажи являются следствием неудач молодого Отто на любовном фронте.

Второй аспект работы связан с происхождением Вейнингера и с тем загадочным психологическим явлением, которое позднее философ Теодор Лессинг назвал «еврейской самоненавистью». В труде «Пол и характер» еврейству посвящена отдельная глава. Вейнингер, стараясь оградиться от упреков в антисемитизме, заявляет, что описывает не расу, не народ и не вероисповедание. Под «еврейством» он понимает определенный набор душевных свойств, который в наибольшей степени проявляется именно у евреев, но может обнаружиться у любого человека (даже у арийца). Например, у любимого композитора Вейнингера, чистокровного немца Рихарда Вагнера, элемент еврейства проявляется в навязчиво громкой и бравурной музыке, в усиленном внимании к оркестровке своих произведений. Яркими представителями еврейства Вейнингер и считает антисемитов, утверждая, что антисемит чувствует свою еврейскую психологию и старается освободиться от нее. В целом же Вейнингер говорил о родственности «еврейства» и «женского» начала, он практически отождествлял их.

Одержимость, с которой Вейнингер пытается откреститься от собственного происхождения, понятна – себя-то он считает гением, а гений и еврейство, согласно его же собственной концепции, несовместимы. С таким же фанатизмом он стремится уничтожить женщину в себе, стать «абсолютным мужчиной» – что тоже невозможно, если принять бисексуальность человека как данность. Вейнингер загнал себя в тупик собственных философских воззрений, а «Пол и характер» определил скорую гибель Вейнингера-человека и бессмертие Вейнингера-философа:

«Книга эта означает смертный приговор, который предназначен или для самой книги, или для ее автора», – писал он.

Философские воззрения Вейнингера вызывали бурную реакцию современников и по сей день продолжают возбуждать противоречивые толки. Одни считают его выдающимся мыслителем, во многом предвосхитившим открытия в области физиологии и психологии пола. Другие воспринимают «Пол и характер» как отражение психологического неблагополучия автора: страха перед женщинами и собственной сексуальностью, чувства ущербности из-за своей национальности, сочетающегося со всепоглощающим желанием возвышения и всеобщего признания. Третьи отзываются о книге Вейнингера с омерзением и гадливостью – слишком много в ней откровенного шовинизма. Четвертые расхваливают «Пол и характер», цитируя подходящие к случаю афоризмы о низменности женского начала, а заодно – чего уж там – находя обоснованным антисемитизм Вейнингера. К последним, кстати, относится и Адольф Гитлер, который настолько проникся идеями философа, что назвал его «приемлемым евреем» и даже не стал сжигать его книги и лишать докторской степени (в отличие, например, от Цвейга). Вейнингер стал единственным «не-арийцем», книги которого не сжигались в нацистской Германии.

Отто Вейнингер родился 3 апреля 1880 г. в Вене, самом антисемитском городе Европы того времени. Он стал вторым сыном в многодетной семье еврейского живописца-ремесленника (у Отто были и сестры). Все, кто знал Отто ребенком, рассказывали, как открыт и восприимчив он был в детстве. Любое природное явление имело для него свой особенный смысл, который он стремился найти. Малейшие несчастья и неприятности больно ранили его.

С детства мальчик проявлял необычайную умственную зрелость, его любопытство не знало предела – все увлекало и захватывало его. Ни о какой конкретной профессии долгое время не могло быть и речи, и, поступив в университет, Отто старался максимально использовать свои способности. Он изучал естественные науки, затем переключился на философию и психологию, слушал курсы математики, физики, медицины. Конечно, в этом таилась опасность распылить силы, но только не для Вейнингера – в двадцать лет он писал: «…Мои духовные силы таковы, что я мог бы в известном смысле решить все проблемы».

Однако духовная жизнь философа вступала в постоянное противоречие с жизнью материальной. Круг его знакомств был, мягко говоря, невелик, он с большим трудом устанавливал контакты с людьми. Нет никаких сведений о взаимоотношениях

Отто с женщинами, у него не было ни подруги, ни невесты. Похоже, он не знал радостей любви: если у него и были какие-то отношения с противоположным полом, то, по-видимому, они заканчивались неудачей. Стефан Цвейг, который учился в университете в одно время с Вейнингером, вспоминал: «У него всегда был такой вид, как будто он только что сошел с поезда после тридцатичасовой езды: грязный, усталый, помятый; вечно ходил с отрешенным видом, какой-то кривой походкой, точно держался за невидимую стенку, и так же кривились его губы под жидкими усиками…»

Похожее описание внешности сделал Артур Гербер, один из немногих друзей Отто Вейнингера: «Отто был худ, неловок, небрежно одет, в движениях было что-то судорожное; ходил опустив голову, неожиданно срывался и несся вперед». И добавлял: «Никогда я не видел его смеющимся, улыбался он редко». Впрочем, во время совместных прогулок с Гербером Вейнингер преображался, он «…как будто становился выше ростом. Увлеченный разговором, фехтовал зонтом или тростью, как будто сражался с призраком».

Отто Вейнингер выработал в себе высокомерное отношение к «земному», «житейскому», которое мешает возвыситься и жить исключительно духовной жизнью. Он как будто возвращался в Средневековье с его противопоставлением души и тела, плотской «грязи» и духовного «величия», фанатичной верой в необходимость избавления от телесной греховности. Вейнингер смотрел на мир сквозь призму собственных теорий, а такая картина не могла не быть искаженной. Он не мог принять красоту реального «низменного» мира (ведь это значило бы «упасть в грязь»), а потому живописал его мерзость. И чем больше манил его недоступный мир, тем более отталкивающие картины он рисовал, убеждая в первую очередь самого себя.

Ни одно слово не встречается в его бумагах чаще, чем «преступление». Вся философия Вейнингера построена на идее греха и искупления, само понятие первородного, неизбежного греха было очень близко ему. В чем же он видел возможность очищения? В том же, в чем и монахи: в восхождении к высотам духа, где царят разум и мораль и нет места плотским желаниям. Казалось бы – Вейнингер мог обратиться к религии, уйти в монастырь и стать теологом. Но он поставил перед собой другую цель: не только очиститься самому, но и привести человечество к истинному счастью, освободив от греха. Вейнингер дал клятву не отступить от своей цели и заставить человека навсегда покинуть грешную землю и жить в мире высокого.

Захваченный страстной идеей открыть миру истинную

систему морали и указать верный путь, Отто написал диссертацию. В день защиты – а Вейнингеру был двадцать один год – он принял крещение по лютеранскому обряду. Многие восприняли этот шаг с пониманием, считая, что тем самым он рассчитывает начать карьеру – многие австрийские евреи в условиях государственного антисемитизма крестились, желая обеспечить себе более высокое положение в обществе, хорошую работу, выгодную женитьбу и т. п. Однако в случае Вейнингера подобное предположение далеко от истины: если бы он жаждал карьеры, то стал бы католиком, ибо основным вероисповеданием в Австро-Венгрии был католицизм. Крещение стало для него символом отречения от своего народа, который он считал воплощением низменных, греховных качеств, присущих человеку.

Возможно, крещение все же сыграло свою роль: в возрасте двадцати двух лет Вейнингер занял кафедру и стал профессором. По совету своего научного руководителя профессора Йодля (который, правда, советовал убрать «некоторые экстравагантные и шокирующие пассажи», а в частном письме признавался, что автор, хотя и является талантливым ученым, глубоко антипатичен ему как личность) Вейнингер расширил свою докторскую диссертацию, превратив ее в труд под названием «Пол и характер. Принципиальное исследование».

Книга с предисловием автора и комментариями увидела свет весной 1903 г. и сразу же вызвала большой резонанс. Это был одновременно и скандальный бестселлер, и серьезный труд, с которым полемизировали, чьему влиянию поддались прославленные умы. Появилось множество последователей – вейнингерианцев, а несколько экзальтированных девушек по прочтении книги покончили с собой. О «принципиальном исследовании» говорили в своих лекциях выдающиеся философы, ей посвящали критические заметки знаменитые писатели. Несмотря на спорность многих суждений философа, все сходились во мнении, что Вейнингера ждет блестящее будущее.

Европейская слава поразила бедного еврея-студента. Для него открылись прежде недоступные блага ненавистного «земного» мира – почет, деньги, власть, путешествия, женщины. А Вейнингер требовал абсолютной целомудренности – прежде всего от себя и не мог отступиться от своей клятвы, ибо это означало бы крах его философской системы. Он всеми силами вытравлял из своей души «женское», чтобы достичь своего идеала Человека, несмотря на бесплодность таких попыток, ведь человек, по собственным словам Вейнингера, бисексуален. В конце концов, противоречие между стремлением к вершинам духа и невозможностью преодолеть «земное» закончилось трагедией.

Летом 1903 г. Вейнингер совершил поездку в Италию. В конце сентября он вернулся в Вену и, проведя пять дней у родителей, снял на одну ночь комнату в доме, где умер Бетховен. В этом доме в ночь с 3 на 4 октября 1903 г. Отто Вейнингер выстрелил себе в сердце. Он умирал всю ночь и еще был жив, когда полиция рано утром обнаружила его с огнестрельной раной в области сердца. Вейнингер скончался по пути в больницу.

Почему он выбрал именно дом Бетховена? А потому, что Бетховен был одним из немногих художников, чье величие признавал философ. «Истинно великий музыкант, – говорится в книге «Пол и характер». – Может быть таким же универсалом, как поэт или философ, может на своем языке точно так же измерить весь внутренний мир человека и мир вокруг него; таков гений Бетховена». Все же Вейнингер, вероятно, предпочел бы свести счеты с жизнью не в родном городе, а в Венеции, во дворце Вендрамин-Калерджи, где скончался Вагнер, «величайший человек после Христа». Однако это оказалось невозможным, и даже в смерти ему пришлось сделать уступку реальному миру.

Артур Гербер отыскал Отто в морге венской Общей больницы в половине одиннадцатого утра 4 октября 1903 г.: «…ни единого намека на доброту, ни следа святости и любви не было в этом лице… нечто ужасное, нечто такое, что вложило в его руку оружие смерти, – мысль о Зле. Но спустя несколько часов облик его изменился, черты смягчились… и, взглянув в последний раз на мертвого друга, я увидел глубокий покой вечности».

Самоубийство философа и писателя озадачило читающий мир. В гибели Вейнингера усматривали идейные мотивы, и все содержание книги подтверждало предположение, что самоубийство стало следствием его философской системы отрицания реального мира.

Отто Вейнингер оставил два завещания. Одно из них было написано в феврале 1903 г., за восемь месяцев до смерти, другое – в августе, на вилле Сан-Джованни в Калабрии. В завещаниях содержались распоряжения об урегулировании мелких денежных дел; друзьям он оставил на память маленькую домашнюю библиотеку и две сабли. Кроме того, просил разослать некоторым известным людям – Кнуту Гамсуну, Якобу Вассерману, Максиму Горькому – экземпляры своего трактата «Пол и характер». В бумагах умершего была обнаружена загадочная запись, сделанная перед смертью: «Я убиваю себя, чтобы не убить другого».

В результате смерти Вейнингера его книга приобрела невиданную популярность, долгие годы она успешно конкурировала с самыми модными новинками. За первые десять лет произведение было переиздано двенадцать раз, а к началу

тридцатых годов выдержало около тридцати изданий. Книга была переведена на все языки, включая русский (два издания).

Под обаянием Вейнингера всю жизнь находился философ Людвиг Витгенштейн. О Вейнингере уважительно писали Николай Бердяев в книге «Смысл творчества» (что, возможно, следует сопоставить с его позднейшими профашистскими симпатиями) и Василий Розанов (который считал «Пол и характер» признанием в гомосексуальности). Вейнингер стал главной фигурой в нашумевшей книге Теодора Лессинга «Самоненависть евреев» (1930).

Сегодня это произведение почти забыто. Оно утратило самостоятельное философское и научное значение, но осталось важным документом эпохи, его породившей, и отражением личности автора, которая не раз становилась предметом психологических толкований. Сегодня его имя переживает определенное возрождение: о Вейнинге-ре написан роман, с десяток лет назад в Вене была поставлена пьеса под названием «Ночь Вейнингера». И каждый раз, когда обращаешься к книге «Пол и характер», отдельным записям Отто Вейнингера, опубликованным после его смерти, к биографии философа, понимаешь – этот человек не мог не истребить себя.

ВУЛЬФ ВИРДЖИНИЯ

(Полное имя – Вирджиния Эделин Стефенс-Вульф)

(род. в 1882 г. – ум. в 1941 г.)

«…Я в сомкнутом,
я в сдавленном кольце.
Мне остается пробавляться ныне
Запавшей по случайности латынью
Memento mori. Помни о конце.
Какие сны и травы? – Не взыщите!
Какая благость? – Лживый, малый сон.
И нету сил! (И где мой утешитель?!)
И худо мне! (И чем утешит он?)»

Илья Габай

Вирджиния Вульф, урожденная Стефенс – знаменитая английская писательница, критик, литературовед, переводчик (в том числе русских классиков: Аксакова, Толстого, Тургенева). Ее

перу принадлежат романы «На маяк», «Миссис Дэллоуэй», «Волны», «Между актами», множество рассказов, эссе и критических статей. Вместе с мужем, Леонардом Вульфом, Вирджиния основала элитарное издательство «Хогарт Пресс», существующее и поныне.

Вирджиния Эделин родилась 25 января 1882 г. в Лондоне, в аристократическом Кенсингтоне. Надо сказать, что ее литературная карьера была предопределена – она появилась на свет в семье профессионального литератора в одном из центров литературной жизни Англии. Ее отец, Лесли Стефенс, был популярным писателем и критиком, философом и историком литературы, а мать – леди Джулия Дакворт – светской львицей, происходившей из старинного аристократического рода. Джулия стала второй женой Лесли Стефенса; она «унаследовала» его от своей близкой подруги Мариам Хэрриет. Мариам была дочерью классика английской литературы Уильяма Теккерея и быстро ввела своего мужа в самые изысканные литературные круги. В 1878 г. она умерла, а Лесли женился второй раз – на Джулии Дакворт, которая добавила к дому Стефенсов светского лоска.

Их дом слыл знаменитейшим литературно-художественным центром артистического, «богемного» Лондона. На коктейли миссис Дакворт-Стефенс слетались начинающие поэты, музыканты, художники чуть не всей Англии. Здесь утверждалась литературная и интеллектуальная мода. Здесь свободно и непринужденно говорили и о выставке порицаемых «истеблишментом» импрессионистов, недавно открывшейся в Лондоне, и о новых книгах американского психолога Уильяма Джемса, с легкой руки которого в обиход вошло понятие «поток сознания», затем прочно вошедшее в литературу. Здесь читали и без стеснения обсуждали слывшие скандально непристойными работы Зигмунда Фрейда и считавшиеся трудными для понимания работы Карла Юнга. Новички, впервые попадавшие в этот дом, чувствовали себя довольно неуютно – достаточно было несколько отстать от «моды», как они тут же теряли нить беседы и оказывались за бортом всеобщего обсуждения. В то же время достаточно было запомнить несколько фамилий, названий и критических замечаний, звучащих в доме Стефенсов, чтобы потом щеголять ими в обществе менее просвещенных собратьев.

Четверо детей Стефенс, таким образом, воспитывались в среде, где искусство и разговоры о нем создавали особую атмосферу. Книги и мольберт были для сестер Ванессы и Вирджинии, как и для двух старших мальчиков – Тобиаса и Эндриена, более привычны, чем куклы и любые другие игрушки. Мальчикам прочили карьеру, а девочкам, кроме рисования,

преподавали языки, музыку, рукоделие и домоводство. Они должны были стать образцовыми домохозяйками, идеальными женами и светскими дамами, которые в то же время обладают достаточной широтой взглядов, чтобы поддерживать передовое искусство, – мистер Стефенс был сторонником прогресса.

Леди Джулия (именно так должно было называть миссис Дакворт-Стефенс – ведь это так аристократично, демократично и романтично одновременно), напротив, считала, что муж слишком много позволяет Вирджинии. Девочка слишком много и бесконтрольно читает – бог весть, что это за литература, вдруг эти произведения содержат что-то неподходящее для благовоспитанной юной леди. Впрочем, этим воспитательная деятельность леди Джулии исчерпывалась – ее значительно больше интересовали светские рауты, «ловля» знаменитостей и изобретение «неожиданных» суждений о последних литературных новинках.

В общем, у детей было нетипичное для тех времен детство, ведь благовоспитанные мальчики и девочки должны были чинно ходить, не шалить, молчать, если их не спрашивают, послушно отвечать на вопросы, если такие возникнут, – в общем, делать все, чтобы их было не видно и не слышно. Дети, склонные к типичному для ребенка поведению – беготне, смеху, любопытству, расспросам, – считались сорванцами и позором для семьи. Если бы четверо детей Стефенс вдруг попали в какое-то другое семейство, то их, наверное, сочли бы сущими разбойниками: они много читали, рисовали, шалили, смеялись, бегали, шумели. Все четверо были очень привязаны друг к другу, и можно было бы сказать, что детство и раннее отрочество Вирджинии протекало безмятежно и счастливо, если бы не одно страшное событие.

Когда Вирджинии было чуть больше тринадцати лет, она была едва не изнасилована своими пьяными аристократами-кузенами, гостившими в доме леди Джулии. Два молодых лорда прибыли с целью поступить в университет, но готовились к экзаменам довольно странным способом: они целыми вечерами пропадали в кабаках и клубах, возвращаясь за полночь. И вот как-то они наткнулись на Вирджинию, выбиравшую себе очередную книгу в библиотеке. Дело было ночью, и девочка, вышедшая из спальни и не подозревавшая ничего плохого, была одета только в ночную сорочку. Видимо, это распалило пыл двух повес, вернувшихся из очередного набега на злачные места Лондона.

Вирджиния вырвалась из их рук и разбудила весь дом своим диким криком. В библиотеку сбежалась прислуга и все семейство Вульф; рассвирепевший отец девочки вышвырнул беспутных

племянников из дому. Вирджиния впала в глубокий шок, и к ней вызвали домашнего врача. Тот, осмотрев девочку, нашел, что физически она не пострадала – спас поднятый шум, но испытала глубочайшее душевное потрясение и требует лечения. Лечение было предоставлено, но оно было странного свойства и заключалось в душеспасительных беседах, которые вела с дочерью просвещенная и прогрессивная леди Джулия. Прежде всего, девочке было внушено, что она сама навлекла на себя беду, появившись в мужском обществе в столь соблазнительном и неприличном виде (о том, что Вирджиния вовсе не стремилась встретить своих кузенов, было забыто). А раз она сама виновата в происшедшем, то в интересах самой же Вирджинии хранить тайну об этом досадном происшествии, ведь оно компрометирует юную особу. Поэтому леди Джулия запретила дочери не только рассказывать кому-либо из близких, но даже вспоминать об этом досадном происшествии! Она потребовала от очевидцев строго хранить «семейную тайну», свалив всю вину на тринадцатилетнего ребенка.

В результате у Вирджинии, девочки впечатлительной, сформировался устойчивый комплекс вины, и она впала в тяжелейшую депрессию, приступы которой преследовали ее потом на протяжении всей жизни.

А когда той же осенью, простудившись в театре, от воспаления легких умерла ее мать, девочка в первый раз попыталась покончить с собой. Но ее спасли, снова строго-настрого наказав хранить в тайне компрометирующий семью поступок. Вирджиния окончательно замкнулась в себе, отказалась поступать в университет, не появлялась в обществе. Она ушла в мир книг – рядом с ними ей не надо было опасаться за свою репутацию, стала вести дневник, куда записывала свои переживания. Тяжелейшая депрессия, приступы которой периодически накатывали на девушку, давала о себе знать – Вирджиния совершила еще несколько попыток самоубийства.

Когда в 1904 г. умер отец Вирджинии, она вместе с любимыми братьями и сестрой перебралась в новый дом на Гордон-сквер. Ванесса, Тобиас и Эндриен часто приглашали молодых литераторов и журналистов, захаживали и старые друзья семьи. Вирджиния начала понемногу выбираться из своей скорлупы, общаться с мужчинами, участвовать в литературных спорах и пробовать перо.

Ее первая литературная рецензия была опубликована в газете «Гардиан» в декабре 1904 г., а в 1905 г. она стала постоянным и довольно популярным обозревателем литературного приложения в газете «Тайме». Вирджиния продолжала сотрудничество с

«Тайме» более тридцати лет, опубликовав свыше сотни рецензий, статей и эссе. В своих статьях Вирджиния Вульф была больше читателем, чем критиком, в чем проявлялась ее особая манера – встав на позицию обычного читателя, она смотрела на произведения литературы его глазами.

В 1906 г. умер от сердечного приступа брат Тобиас, что повлекло новый виток глубочайшей депрессии и очередную попытку самоубийства (все нюансы своего душевного состояния того времени она позднее опишет в романе «Волны»). Вирджинию спасла Ванесса, с которой они были очень близки, и когда в 1907 г. та вышла замуж, Вирджиния признавалась ей в письме, что «будто осиротела». Ванесса обладала незаурядным талантом карикатуриста, писала акварелью и позже не раз мастерски иллюстрировала романы и рассказы сестры, успехами которой очень гордилась.

Оставшись вдвоем с Эндриеном, Вирджиния снова сменила адрес и основала «блумсберийскую группу»[7], в которую вошли образованные молодые люди, провозгласившие своей целью борьбу с отжившим и ветхим, ниспровержение авторитетов и поиск новых форм в искусстве. В общем, это было достаточно распространено в начале XX века – во всех сферах искусства возникали новые течения, стремившиеся утвердиться, сломать старые традиции. Одним из молодых людей, завсегдатаев встреч «группы», был Леонард Вульф, который в 1912 г. стал мужем Вирджинии.

Они прожили вместе 29 лет. Их союз был «образцом душевного взаимопонимания и эмоциональной поддержки». Бытовало убеждение, что только благодаря чуткости и заботе Леонарда Вирджиния смогла раскрыть свой писательский дар. Она обладала удивительной способностью перевоплощения, полностью погружаясь в душевный мир своих героев. Леонард был первым читателем и критиком любого произведения Вирджинии: от короткой рецензии до романа. Она свято верила в его критику и всегда следовала замечаниям мужа.

В 1923 г. уже успевшая прославиться Вирджиния Вульф начинает работу над своим знаменитым произведением – «Миссис Дэллоуэй». Она испытывает жесточайшую депрессию, связанную с нервным заболеванием и растущей неудовлетворенностью жизнью. В ее измученном мозгу постепенно складывается история миссис Дэллоуэй, респектабельной замужней дамы, которая готовится к праздничной вечеринке, хотя чувствует себя глубоко несчастной. Миссис Дэллоуэй несчастна: она не состоялась как личность и как мать, но осознает это лишь в один летний день, когда, спускаясь

по лестнице в Риджент-парке, встречает случайно Питера Уэлша, старого знакомого, неосознанную, запрятанную, задавленную первую любовь… А тот, потерявший в жизни многое: любимую женщину, друзей, идеалы, – растерянно делает шаг навстречу женщине. Роман заканчивается фразой: «И он увидел ее». Все обрывается на полуслове, сон души окончен, жизнь героев только начинается, и все еще может быть. Миссис Дэллоуэй, решившая покончить с собой, в конце концов остается в этом мире, чтобы попытаться обрести в нем свое место.

Ее считали и считают трудной для восприятия, слишком «интеллектуальной писательницей». Многие романы Вирджинии Вульф («На маяк», «Волны») написаны в манере потока сознания, недосказанности, самообнажения, что неизменно вызывало противоречивые высказывания критики и читателей: от абсолютно восторженных до недоуменных. Сама писательница говорила: «Писать из самых глубин чувства, – так учит Достоевский», и судя по всему, Вирджиния творила именно так.

Огромной популярностью пользовались ее рассказы, напоминающие по форме лирические стихотворения в прозе. Вульф называли создательницей новой манеры письма. Тогда она вызывала яростную полемику, а сейчас стала общепризнанной. В общем, признание и слава доставляли Вирджинии больше горечи, чем удовлетворения. Если бы не поддержка мужа и сестры, то она бы ушла из жизни намного раньше.

Вирджиния Вульф была очень красива, она привлекала внимание многих, но настоящей любовью отвечала лишь своему мужу Леонарду. Она высоко ценила чувство дружбы и часто бывала искренне увлечена своими подругами. С одной из них, Викторией, она дружила двадцать лет, написав множество прекрасных писем, почти что любовных признаний. Писательница посвятила ей свой роман-фантазию «Орландо» – книгу о любви и перевоплощении душ.

Это посвящение и полные нежности письма к Виктории дали повод многим современным исследователям делать вывод о том, что у писательницы была «нетрадиционная ориентация». Однако мы часто забываем о том, что в то время было принято по-другому выражать свои чувства: более открыто, более ярко, а обращение «Милый друг» или подпись «С любовью» часто оказывались не более чем фигурой речи.

Конечно, насилие, пережитое Вирджинией в детстве, оставило глубокий след в ее душе; она долгое время испытывала страх перед обществом мужчин, но постепенно он сгладился. Подруги замечали, что Вирджиния весьма сдержанно говорила об интимных отношениях между мужчиной и женщиной, – но разве в

этом есть что-то необычное или странное?

Своих детей у четы Вульф никогда не было, и Вирджиния очень переживала свое несостоявшееся материнство. Она чрезвычайно любила своих многочисленных племянников, детей Ванессы, особенно Джулиана – молодого, подающего большие надежды поэта. Но как и многие люди, которых коснулась привязанность Вирджинии, Джулиан погиб во время гражданской войны в Испании в 1938 г. Писательница с трудом оправилась от горя – ей казалось, что ее прикосновение убивает.

Она ушла от реальности в работу над новым романом «Между актами», несмотря ни на расшатанное здоровье, ни на начавшуюся войну и бомбежки, ни на гибель друзей. Ее все чаще посещали мрачные галлюцинации, ночные видения, кошмары, и врачи стали настаивать на ее помещении в психиатрическую лечебницу. Вирджиния пыталась справиться с недугом самостоятельно, не желая обременять родственников необходимостью ухода за ней.

Наверное, она бы выкарабкалась и на этот раз, но ночная бомбардировка Лондона перечеркнула ее жизнь. В ту ночь был разрушен дом писательницы, сгорела библиотека, едва не погиб любимый муж, которого она умоляла уехать в Лондон.

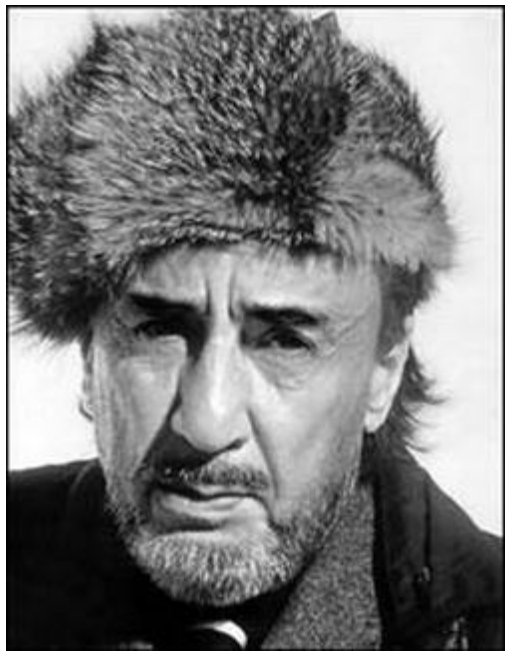
28 марта 1941 г. знаменитая писательница Вирджиния Вульф вышла из своего дома в графстве Сассекс, Англия, и не вернулась. Ее муж Леонард обнаружил предсмертное письмо Вирджинии, в котором она писала, что не может больше жить, что сходит с ума и хочет покончить и со своей ужасной болезнью, и со своим жалким бессмысленным существованием. Далее говорилось, что он, Леонард, подарил ей наивысшее счастье, какое только можно себе представить, и что она уходит, чтобы не мешать ему жить и заниматься творчеством.

Не желая, чтобы остаток своей жизни он провел в заботах о сумасшедшей жене, и словно сознавая, что ее собственная душа не выдержит дальнейших ударов судьбы, она покончила с собой, утопившись в реке Оутс. Чтобы не всплыть на поверхность реки, Вирджиния привязала к платью два больших камня. Она не хотела, чтоб ее спасали, – она была уверена, что это только добавит горя в мире.

ГАРИ РОМЕН

(Настоящее имя – Роман Касев, второй псевдоним – Эмиль Ажар)

(род. в 1914 г. – ум. в 1980 г.)



Быть чем-то одним неизбежно означает не быть всем другим, и смутное ощущение этой истины навело людей на мысль о том, что не быть – это больше, чем быть чем-то, что в известном смысле это означает быть всем.

Хорхе Луис Борхес

…Я снова затосковал по молодости, по первой книге, по новому *началу*. Начать все заново, еще раз все пережить, стать другим – это всегда было величайшим искушением моей жизни…

Ромен Гари, «Жизнь и смерть Эмиля Ажара»

Ромен Гари. Некролог Эмиля Ажара – всемирно известного

писателя, лауреата Гонкуровской премии 1975 г., умершего 2 декабря 1980 г. (написан 21 марта 1979 г., опубликован в 1981 г.): «Я пишу эти строки в такое время, когда наш мир, отсчитывающий в своем вращении последнюю четверть века, все настойчивее ставит перед писателем вопрос, убийственный для всех видов художественного творчества: кому это нужно? От всего того, к чему литература стремилась и в чем видела свое назначение – содействовать расцвету человека, его прогрессу, – не осталось сегодня даже красивой иллюзии. И я вполне отдаю себе отчет в том, что эти страницы могут показаться нелепыми к моменту их публикации, ибо, коль скоро я собрался объясняться перед потомками, значит, я вольно или невольно предполагаю, что для них будут представлять какой-то интерес мои книги…»

Роман Касев. Некролог Ромена Гари – всемирно известного писателя, лауреата Гонкуровской премии 1975 г., ушедшего из жизни 2 декабря 1980 г. (написан 2 декабря 1980 г.): «Можно объяснить все нервной депрессией. Но в таком случае следует иметь в виду, что она длится с тех пор, как я стал взрослым человеком, и что именно она помогла мне достойно заниматься литературным ремеслом». А может, это некролог Романа Касева, ушедшего из жизни 2 декабря 1980 г., написанный Роменом Гари? Или все того же Эмиля Ажара, по странному совпадению погибшего в тот же день?

Кто теперь может в этом разобраться? Понятно одно – трагедией закончилась жизнь выдающихся писателей современности Ромена Гари и Эмиля Ажара, а также авторов помельче – Люсьена Брюляра, Фоско Синибальди и Шатан Бога, а кроме того, юриста, летчика, кавалера ордена Почетного легиона, кинематографиста, дипломата Романа Касева. Кажется, что в тот декабрьский день в одной из парижских квартир раздался взрыв, унесший жизни десятка людей.

Однако это был не взрыв, а «всего-навсего» пистолетный выстрел – тот самый случай, когда «одним махом семерых убивахом», событие настолько маловероятное, что вряд ли оно когда-нибудь повторится. Правда, этот выстрел не попал в Книгу рекордов Гиннесса, хотя по всем статьям он этого достоин. Зато вошел в историю французского и мирового искусства, ибо завершил, пожалуй, самую грандиозную литературную мистификацию XX столетия и оборвал жизнь одного из известнейших французских прозаиков.

Итак, и Ромен Гари, и Эмиль Ажар, и все остальные персонажи – это грани личности Романа Касева, дипломата, генерального консула Франции в США. «Если я долго остаюсь собой, становится тесно – меня душит мое Я», – говорил Роман

Касев, превращаясь в Ромена Гари, знаменитого французского писателя. «Это было для меня новым рождением. Я начинал сначала. Все было подарено мне еще раз. У меня была полная иллюзия, что я сам творю себя заново. Моя мечта о «тотальном романе», охватывающем и персонаж, и автора… стала наконец достижима», – это уже говорит Ромен Гари о своем перевоплощении в не менее знаменитого французского писателя Эмиля Ажара.

Впрочем, их вместе и каждого в отдельности можно считать достоянием русской, литовской, польской и еврейской культуры, ибо «родоначальник» всей этой писательской династии – Роман Касев – родился в 1914 г. в польском Вильно (ныне Вильнюс), входящем в состав Российской империи.

Само появление Романа на свет сопровождалось романтической легендой, созданной его матерью, актрисой провинциального театра, которая твердила, что отец мальчика – знаменитейший русский киноактер Иван Мозжухин. Она с удовольствием рассказывала пикантные подробности встречи с Мозжухиным и своего последующего падения. В общем, окружающие не сомневались, что Нина просто-напросто сочинила «всю эту любовь».

Единственным человеком, всю жизнь верившим в правдивость слов матери, был ее сын Роман. Он с удовольствием пересказывал историю ее роковой влюбленности, но ему – верили. В том числе потому, что взрослый Роман Касев, точнее, Ромен Гари, был невероятно похож на Ивана Мозжухина, ставшего к тому моменту достоянием истории кинематографа.

В возрасте трех с половиной лет он вместе с матерью покинул Россию и эмигрировал, как и многие другие, во Францию, в Ниццу. Мать решила уехать ради будущего Романа и полностью посвятила себя ему (точнее, воплощению в нем своих честолюбивых замыслов): «Мой сын станет французским посланником, кавалером ордена Почетного легиона, великим актером драмы, Ибсеном, Габриелем Д'Аннунцио. Он будет одеваться по-лондонски!»

Ради успеха она поставила крест на своей артистической карьере, взялась за поденную работу, голодала, отдавая сыну лучшие куски, – лишь бы дать мальчику хорошее образование и ввести в круг достойных людей, которые помогут ему в дальнейшем.

К чести Романа нужно сказать, что он сторицей воздал матери за все ее труды и жертвы. Он получил диплом юриста в Сорбонне и филолога-слависта в Варшавском университете. В конце тридцатых, когда началась война, Ромен Гари стал

летчиком-истребителем, воевал в Северной Африке и в Европе, а после капитуляции Германии присоединился к генералу де Голлю, с которым сблизился. Он участвовал во французском Сопротивлении и был награжден орденом Почетного легиона. После войны Роман Касев стал дипломатом, сотрудником французских посольств в Софии, в Берне (1949), в Лондоне (1955), а позже генеральным консулом Франции в Лос-Анджелесе (1956–1960). Тогда же, после войны, началась его литературная деятельность.

В 1945 г. под псевдонимом Ромен Гари вышла первая книга Касева, «Европейское воспитание» – об антифашистском подполье в Польше. Интересно происхождение этой «типично французской» фамилии; сам Касев объяснял выбор псевдонима так: «По-русски «гори» – это повелительное наклонение глагола «гореть»; от этого приказа я никогда не уклонялся ни в творчестве, ни в жизни». Его первый роман сразу завоевал признание, и затем он почти каждый год публиковал по роману.

Гари утверждал: «Все мои книги насыщены нашим веком до бешенства», – и писал романы о современности: в них и польское сопротивление фашизму («Европейское воспитание»), и гибель природной среды («Корни неба»), и концентрационные лагеря («Брат Океан»), и американский расизм («Белая собака»), и многое другое.

В 1956 г. за роман «Корни неба» Ромен Гари получил Гонкуровскую премию – главную литературную награду Франции. По условию, эта премия не может присуждаться одному и тому же автору дважды… Писатель нарушил это правило в 1975 г., когда ему надоело быть Роменом Гари. Но до этого еще далеко, а пока с успехом шли его фильмы, в которых играла вторая жена писателя – американская киноактриса Джин Сиберг (первой женой Гари была писательница Лесли Бланш, ставшая прототипом главной героини романа «Леди Л.»).

Джин была младше Ромена на 24 года. Будущая кинозвезда родилась 13 ноября 1938 г. в маленьком городке «…в Айове, в сердце Среднего Запада, которая несомненно остается самым «старозаветно-американским» местом Америки», как описывал его Ромен Гари.

Она впервые появилась на экране в 1957 г., в фильме «Святая Жанна»; режиссер выбрал Джин из восемнадцати тысяч претенденток на эту роль. Фильм большого успеха, мягко говоря, не снискал: один гарвардский журнал назвал «Жанну» худшим фильмом 1957 г., а об игре Сиберг говорил, что она в состоянии усыпить зрителя, когда пытается изобразить святость, и выглядит безжизненной, когда играет грешницу…

Тем не менее красота Джин произвела впечатление на зрителей, и студия «Коламбиа пикчерз» подписала с актрисой многолетний контракт. Впрочем, последующие фильмы тоже не приносили ей славы, пока Джин не приметил француз Жан-Люк Годар, который только собирался снимать свой первый фильм. С этого фильма – «На последнем дыхании» (1959) – началась, кстати, триумфальная карьера Жана-Поля Бельмондо. Фильм мог стать стартом и для Джин, но – не сложилось, она снялась еще в нескольких фильмах, однако повторить свой успех ей так и не удалось.

Ромен Гари встретил Джин в Лос-Анджелесе, находясь там в качестве генерального консула. В то время он писал роман «Белая собака» о расовой нетерпимости. Джин Сиберг ему представили не как актрису, а как белую женщину, увлеченную борьбой против расовой нетерпимости и угнетения женщин, – по тем временам это было очень смело и прогрессивно. Поначалу это забавляло писателя – сам он давным-давно прошел через все эти ребяческие романтические порывы. Джин казалась ему ребенком, воспитание которого всецело находилось в его руках. Он, наверное, чувствовал себя Пигмалионом: «Посмотрите, какие книги я ей даю – Пушкин, Достоевский, Бальзак, Стендаль, Флобер, – говорил он в интервью. – Она великолепный читатель. Она всегда дочитывает книги до конца!» Сиберг злилась: «На самом деле Ромен считает меня тупой фермерской дочкой».

Однако постепенно революционные эскапады жены стали раздражать и утомлять Ромена Гари. «Джин Сиберг с четырнадцати лет состоит во всех организациях, борющихся за равноправие, что создает серьезные проблемы в наших отношениях. Поскольку я старше жены на двадцать четыре года и раньше ее прошел свою дистанцию, проделав все эти акробатические трюки, на которые толкают нас братские порывы, в возрасте от семнадцати до тридцати лет, я решительно отказываюсь еще раз пережить эту затяжную агонию. Я слишком часто расшибался и не имею никакого желания присутствовать при ее падениях…»

Кроме того, Джин постоянно финансировала каких-то темных личностей, которые объявляли себя борцами против дискриминации и войны и довольно агрессивно требовали у нее денег, «…делая ставку на ее двойное чувство вины: во-первых, кинозвезды (одного из самых презираемых существ, ибо никому на свете так не завидуют); во-вторых, лютеранки с ее обостренным ощущением первородного греха… Неплохо было бы выставить за дверь несколько черных проходимцев, взимающих с моей белой супруги налог за "виновность"».

Этими «проходимцами» были не кто иные, как представители террористической организации «Черные пантеры», которые боролись за расовое равноправие путем физического устранения белых. Джин была дружна с лидером «Пантер» Робертом Сейлом и помогала им словом и делом: пламенными речами в их защиту и деньгами, которые с безграничной щедростью жертвовала «на борьбу».

В 1970 г. это привело к несчастью, перечеркнувшему благополучие супругов. Джин ждала второго ребенка (к тому времени у них с Роменом был восьмилетний сын Диего-Александр) и, стремясь полностью посвятить себя материнству, порвала с «Черными пантерами». Однако беременность была омрачена кампанией травли, устроенной против нее в американской прессе (по некоторым сведениям, к этому приложило руку ФБР). Журналисты не только припомнили Джин все ее речи в защиту черных, но и стали утверждать, будто она ждет ребенка от Сейла, а муж просто покрывает ее грехи.

Травля продолжалась несколько недель, и в итоге Джин, которая в то время наблюдалась у психиатра, приняла слишком большую дозу снотворного, что привело к преждевременным родам и смерти младенца. Новорожденная девочка, названная Ниной в честь матери Ромена Гари, прожила всего несколько часов, а Джин больше никогда не могла стать матерью. Смерть дочери настолько повлияла на актрису, что она заказала для нее стеклянный гробик и выставила ее напоказ – пусть все видят, что у ее девочки белая кожа.

Супруги вернулись во Францию, но уже не смогли вернуться к прежней жизни. Джин тяжело переживала случившееся и несколько раз пыталась покончить с собой. Врач прописал ей снотворное и антидепрессанты, и очень скоро она впала в зависимость от таблеток, а потом перешла на тяжелые наркотики. Гари пытался бороться за нее, помещал ее в лучшие клиники, но Джин каждый раз возвращалась к пагубной привычке. В конце концов, она включилась в борьбу за права угнетенных алжирцев.

В общем, несовпадение образа жизни Джин и Ромена привело к их разрыву. «Я обнимаю Джин. Чувствую себя совсем как безутешная супруга, чей муж отправляется в крестовый поход, – писал Гари. – Но для Джин лучше, чтобы я уехал. Разница в возрасте – ужасная вещь, если вы женились на молодой женщине, которая младше вас на несколько столетий».

Сиберг продолжала работать во Франции и даже сняла фильм, но страдала сильнейшей депрессией. Каждый год, в день смерти ребенка, она предпринимала очередную попытку самоубийства. Джин снова вышла замуж в 1972 г., потом еще раз,

в 1979 г. Ромен Гари продолжал поддерживать Сиберг и ее мужей материально, хотя не одобрял ни ее образа жизни, ни сомнительных знакомств. «…Так бывает трудно любить женщину, которой ты не в состоянии помочь и которую не можешь ни изменить, ни покинуть».

Жизнь Джин Сиберг закончилась в 1979 г. 7 сентября 1979 г. на экраны Франции должен был выйти фильм Коста Гавраса и Ромена Гари «Свет женщины» (в нем сыграла свою последнюю роль Роми Шнайдер, незадолго до этого потерявшая сына). В тот же день в машине, припаркованной неподалеку от квартала, где жил Гари, нашли тело Джин, завернутое в одеяло. Она была мертва уже несколько дней. Смерть наступила от смертельной дозы барбитуратов. Кто завернул ее тело в одеяло и положил на заднее сиденье машины, так и осталось неизвестным.

События последних лет стали причиной глубокого личного кризиса Ромена Гари и одновременно обусловили творческий всплеск. Писатель решил зачеркнуть прошлую жизнь, и на литературную арену вышел начинающий молодой прозаик Эмиль Ажар. «Мне надоело быть только самим собой[8], – пишет он. – Мне надоел образ Ромена Гари, который мне навязали раз и навсегда тридцать лет назад… Тридцать лет!.. Главное, я снова затосковал по молодости, по первой книге, по новому началу». Писатель-фантом Эмиль Ажар «родился», когда критика единодушно списала самого Гари в разряд устаревших литературных авторитетов.

В 1974 г. Эмиль Ажар прислал из Бразилии рукопись своего первого философского романа «Голубчик». В парижском издательстве «Галлимар» к рукописям безвестных авторов относились настороженно, но роман показался удачным, и его издали. Рецензии критиков были более чем восторженными, и уже следующий роман Ажара – «Жизнь впереди» (современная версия «Отверженных»; в книге повествуется об арабчонке Момо, которого воспитала недавняя проститутка) – в 1975 г. был удостоен Гонкуровской премии. Правда, писатель отказался от нее и на церемонию вручения не явился. «Те, кому сейчас, когда все уже давно закончилось, это еще интересно, могут заглянуть в прессу тех лет, чтобы представить себе восторги и любопытство, шум и ярость, которые поднялись вокруг имени Эмиля Ажара после выхода "Жизни впереди"», – пишет в 1980 г. Ромен Гари.

Он вообще был затворником, этот Ажар: не давал интервью, не встречался с читателями, получал гонорары почтовыми переводами. Но вскоре выяснилось, что под псевдонимом «Эмиль Ажар» скрывается русский эмигрант Поль Павлович, племянник Ромена Гари, который «…попросил Павловича, у которого было

«лицо» такое, какое надо, ненадолго взять на себя роль Ажара, с тем чтобы потом исчезнуть, дав прессе вымышленную биографию и сохраняя строжайшее инкогнито. Его дело объяснить, если он когда-нибудь пожелает, зачем… он обнародовал свою подлинную биографию и почему, хотя я был против, позволил напечатать свою фотографию. С этой минуты мифический персонаж, которого я так старательно создавал, прекратил свое существование и его место занял Поль Павлович. Выяснить, кто он такой, ничего не стоило – и наше родство выплыло на свет. Я защищался, как дьявол, публиковал опровержение за опровержением, используя в полной мере свое право на анонимность, и в конце концов сумел убедить пишущую братию, причем даже без особого труда, поскольку я давно уже всем надоел и им хотелось чего-нибудь "новенького"».

Мать Павловича, как когда-то и мать Гари, бежала из России в Ниццу, где стала ювелиршей, потом разорилась, сошла с ума… И сам Павлович тоже был не в себе – несколько месяцев в год он якобы проводит в психиатрических клиниках. Но это нисколько не влияет на писательский талант: из-под его пера выходят все новые бестселлеры. В одном из них – «Псевдо» (1976) – Павлович-Ажар даже нарисовал весьма нелицеприятный портрет своего знаменитого дядюшки, Ромена Гари… «Желая понадежнее обезопасить себя, я написал «Псевдо» как «автобиографический» роман Поля Павловича, и таким образом мне удалось наконец осуществить замысел романа о юношеской тревоге, о котором я грезил со времени своих двадцати лет…. Но я уже знал, что Эмиль Ажар обречен…»

Все в восторге от юного гения. Кстати, Гари продолжает писать, но его опусы, конечно, не идут ни в какое сравнение с чудесной прозой Ажара. «…И никто из читателей, упивавшихся книгами новомодного гения, никто из критиков, превозносивших его, не догадывался о том, что романы Ажара пишет все тот же Ромен Гари, что Поль Павлович подставное лицо и правдиво в его истории только то, что он – племянник Гари и психически больной человек. Когда я работал над своим первым «ажаровским» романом «Голубчик», я еще не знал, что опубликую его под псевдонимом. Поэтому я не таился, рукописи у меня, как обычно, валялись где попало. Одна моя приятельница, мадам Линда Ноэль, навестившая меня на Майорке, видела на столе черную тетрадь с четко выведенным на обложке названием. Потом, когда вокруг имени Эмиля Ажара, этого загадочного невидимки, поднялся шум, о котором можно получить представление, полистав газеты тех лет, мадам Ноэль безуспешно всюду ходила и говорила, что автор книги – Ромен Гари, что она

это видела, видела собственными глазами. Никто и слушать ничего не желал, хотя эта благородная женщина приложила немало усилий, чтобы восстановить меня в моих правах. Но куда там: Ромен Гари никогда бы не смог такое написать! Именно это, слово в слово, заявил Роберу Галлимару один блестящий эссеист. Другой в разговоре все с тем же моим другом, который был мне очень дорог, сказал: «Гари – писатель на излете. Этого не может быть». Я как автор был сдан в архив, занесен в каталог, со мной все было ясно, и это освобождало литературоведов от необходимости разбираться в моих произведениях, вникать в них. Еще бы, ведь для этого пришлось бы перечитывать! Делать им, что ли, нечего?

Я настолько хорошо это знал, что на протяжении всей истории с Ажаром (четыре книги) ни минуты не опасался, что самый обыкновенный и несложный анализ текстов может меня разоблачить. И я не ошибся: никто из критиков не услышал моего голоса в «Голубчике». Ни один – в "Жизни впереди"».

И еще: «…По-настоящему я насладился плодами своей дерзости после выхода в свет «Псевдо». Притом что я изобразил там самого себя – таким, каким воображают меня критики, и все они узнали меня в персонаже дядюшки по прозвищу Тон-Тон Макут, – никому из них не пришло в голову, что это не Поль Павлович сочинил Ромена Гари, а Ромен Гари сочинил Поля Павловича».

Действительно, трудно было предположить, что один автор за пять лет мог написать семь книг – за себя, еще четыре – за вымышленного автора, а еще сценарии, статьи… Между тем Поля Павловича пригласили работать главным редактором в издательство «Меркюр де Франс», и эта работа принесла ему больше денег, чем получал Гари в качестве гонораров. Поль Павлович купался в лучах славы. А Гари – почти позабытый «живой классик» – чувствовал себя бедным родственником рядом с блестящим молодым «Эмилем Ажаром». И в начале 1980 г. он решил покончить с Ажаром. «…Почему – вероятно, удивится кто-то – я готов был дать погибнуть источнику, который еще не иссяк во мне и продолжал приносить идеи и темы? Черт побери, да потому, что он мне больше не принадлежал. Теперь вместо меня мою фантастическую эпопею переживал другой. Материализовавшись, Ажар вытеснил меня из мифа… По правде говоря, я не думаю, чтобы полное «раздвоение» было вообще возможно. Слишком глубоко уходят корни литературных произведений, и как бы далеко ни вели их ответвления, какими бы несхожими они ни казались, им не укрыться от настоящего исследования».

Решение «покончить» с Ажаром, по-видимому, стало следствием разочарования в результатах мистификации – слава Ромена Гари пошла на убыль, а Ажар, существующий отдельно от писателя, процветал.

2 декабря 1980 г. Ромен Гари застрелился, сделав это весьма театрально. Накануне самоубийства он позвонил первой жене и сказал: «Я неправильно разыграл свои карты». Оставил записку: «Никакого отношения к Джин Сиберг. Ревнителям культа разбитых сердец обращаться по другому адресу». Кроме того, добавил: «Можно объяснить все нервной депрессией. Но в таком случае следует иметь в виду, что она длится с тех пор, как я стал взрослым человеком, и что именно она помогла мне достойно заниматься литературным ремеслом».

В общем, причины самоубийства до конца не ясны, но наиболее вероятным кажется предположение, что Гари хотел избежать старческого увядания, угасания своей литературной славы, он боялся дожить до того времени, когда голоса о том, что Ромен Гари исписался, станут совсем громкими (а он довольно наслушался подобных высказываний в период существования Эмиля Ажара). Правду о себе – и об Эмиле Ажаре – он рассказал в книге, которую написал в последний год жизни и которая согласно завещанию должна была выйти в свет через год после его смерти. Французы только тогда заметили, что обе фамилии (Гари и Ажар) в русском языке связаны образом огня: первая от «гореть», вторая от «жар».

А позже и Поль Павлович, наконец, написал свою книгу «Человек, которому верили» – историю одной из удивительнейших литературных мистификаций. Мишель Турнье, крупный французский прозаик, сказал: «Меня восхищает удача Гари. Он играл до конца».

ГАРШИН ВСЕВОЛОД МИХАЙЛОВИЧ

(род. в 1855 г. – ум. в 1888 г.)

Из мешка
На пол рассыпались вещи.
И я думаю,
Что мир —
Только усмешка,
Что теплится
На устах повешенного.

Велимир Хлебников

Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженным.

А. Стругацкий, Б. Стругацкий

Даже те, кто никогда не читал рассказов Всеволода Гаршина (хотя представить это достаточно сложно – сказка «Лягушка-путешественница» известна всем) и не встречал портретов

писателя, вполне могут представить его лицо по знаменитой репинской картине «Иван Грозный и сын его Иван». Илья Ефимович Репин писал убиенного царевича с Всеволода Гаршина, ища не внешнего сходства, но подчеркивая их общую обреченность.

Гаршина называли «Гамлетом сердца». С принцем Датским его роднило абсолютное и мучительное неприятие малейшей несправедливости, которое превращалось для писателя в постоянные, почти физические страдания. Сам Гаршин в конце своего одиннадцатилетнего творческого пути признавался: «Хорошо или нехорошо выходило написанное – это вопрос посторонний; но что писал я в самом деле одними своими нервами и что каждая буква стоила мне капли крови, – то это, право, не будет преувеличением».

Да и о каком преувеличении может идти речь, если 19 марта 1888 г. тридцатитрехлетний Всеволод Гаршин, страдавший серьезным душевным расстройством, во время очередного приступа бросился с площадки 4-го этажа в просвет лестницы одного из петербургских домов и через пять дней умер. Перед смертью он непрерывно повторял: «Так мне и надо».

Всеволод Михайлович Гаршин – один из наиболее выдающихся писателей семидесятых годов XIX в. – родился 2 (15) февраля 1855 г. в дворянской семье в селе Переездное, недалеко от Бахмута (ныне Артемовск). У него была дурная наследственность: дед отличался неуравновешенным, деспотичным характером, а у отца имелись явные нарушения психики: он был нелюдим, необщителен, резок и чудаковат. Так, одно время отец был одержим идеей постройки воздушной железной дороги, по всему дому висели веревочки, по которым носились маленькие вагонетки. Мать Всеволода была взбалмошной женщиной, склонной к резким перепадам настроения, не имевшим явной внешней причины. Старший брат писателя покончил с собой в возрасте 20 лет.

Так что детство Всеволода Гаршина не было счастливым и безоблачным, и он очень рано усвоил тот безнадежно-мрачный взгляд на жизнь, который определил его судьбу. Этому немало содействовало и весьма раннее умственное развитие мальчика: в семь лет он прочел «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго, а перечитав его 20 лет спустя, не нашел в нем для себя ничего нового.

Болезнь у него начала развиваться еще в отрочестве: весной без видимых причин возникали депрессии, тоска с переживанием собственной измененности, идеями вины и суицидальными мыслями. Ближе к осени, также без внешних причин, настроение

выравнивалось и становилось радужным, появлялось стремление к деятельности, общению, новым впечатлениям. Люди, видевшие Гаршина в обоих полюсах его болезни, говорили, что это – два совершенно разных человека. Однако и по длительности, и по глубине изначально преобладали депрессии, и именно они стали определяющими впоследствии.

В семнадцать лет у него случился первый по-настоящему серьезный приступ болезни. «…Разыгралась страшная гроза, – вспоминал он позднее. – Мне казалось, что буря снесет весь дом, в котором я тогда жил. И вот, чтобы воспрепятствовать этому, я открыл окно, – моя комната находилась в верхнем этаже, – взял палку и приложил один ее конец к крыше, а другой – к своей груди, чтобы мое тело образовало громоотвод и, таким образом, спасло все здание со всеми его обитателями от гибели». Кто-то строит иллюзии, что он властитель мира и вершитель чужих судеб, а кто-то жертвует своей жизнью ради спасения человечества и победы над мировым злом. В сущности, Всеволод Гаршин относился ко второй категории.

Болезнь развивалась, и Всеволод погрузился в экстатические переживания постижения «высшего знания, Вселенского закона»: «…я почувствовал себя переродившимся. Чувства стали острее, мозг работает, как никогда. Что прежде достигалось длинным путем умозаключений и догадок, теперь я познаю интуитивно. Я достиг реально того, что выработано философией. Я переживаю самим собою великие идеи о том, что пространство и время – суть фикции. Я живу во всех веках. Я живу без пространства, везде или нигде, как хотите…».

Через много лет Гаршин напишет страшный рассказ (или сказку) «Красный цветок», где изнутри покажет процесс нарастания безумия и распада сознания, притом настолько точно, что в психиатрии это творение с восхищением признают медицински точным клиническим описанием. Писатель и критик Н. К. Михайловский довольно язвительно прокомментировал это заявление медиков: «Мы, читатели, были, конечно, обрадованы и даже как будто польщены таким отзывом специалиста об одном из наших любимцев… Но… для нас «Красный цветок» не только психиатрический этюд, а вместе с тем все-таки беллетристика и именно сказка, то есть нечто такое, в чем надо искать аллегории, подкладки чего-то большого, общежитейского, не вмещающегося в рамки той или другой специальной науки…»

Сюжет этой страшной сказки таков: пациенту сумасшедшего дома представляется, что цветок мака, растущий в больничном саду, является средоточием всего мирового Зла. Борьба с цветком Зла требует концентрации всех духовных и физических сил,

преодоления многих реальных и воображаемых препятствий. Но больной верит в свою миссию спасения человечества, выполнить которую под силу только ему одному. И тогда он жертвует собой во имя Добра: «Утром его нашли мертвым. Лицо его было спокойно и светло; истощенные черты с тонкими губами и глубоко впавшими закрытыми глазами выражали какое-то горделивое счастье. Когда его клали на носилки, попробовали разжать руку и вынуть красный цветок. Но рука закоченела, и он унес свой трофей в могилу».

В 1864 г. Гаршин поступил в петербургскую гимназию, а по окончании, в 1874 г. – в горный институт. День объявления Россией войны Турции Гаршин, студент горного института, встретил так: «12 апреля 1877 г. я с товарищем готовился к экзамену по химии. Принесли манифест о войне. Наши записки остались открытыми. Мы подали прошение об увольнении и уехали в Кишинев, где поступили рядовыми в 138-й Волховский полк и через день выступили в поход…» (Позже этот поход Гаршин опишет в рассказе «Из воспоминаний рядового Иванова».)

11 августа в сражении под Аясларом (Болгария) «рядовой из вольноопределяющихся В. Гаршин примером личной храбрости увлек вперед товарищей в атаку, во время чего и ранен в ногу». Рана была неопасная, но в дальнейших военных действиях он участия не принимал.

В мае 1878 г. Гаршин был произведен в офицеры, но не стал продолжать военную карьеру своего деда – отставного моряка и отца – офицера кирасирского полка, участника Крымской войны, и по состоянию здоровья вышел в отставку. После этого он с полгода пробыл вольнослушателем филологического факультета Петербургского университета, а затем отдался литературной деятельности, которую незадолго до того начал с блестящим успехом.

Если считать началом первый рассказ, то на весь литературный путь Гаршину было отпущено 11 лет. Однако без его военной прозы «…невозможно представить не только лучшие произведения писателей – участников Великой Отечественной войны (В. Астафьева, В. Некрасова и др.), но и военные страницы А. Куприна, Е. Замятина, Л. Леонова, А. Толстого, М. Шолохова…» – пишут критики конца XX века.

Вот как, например, описывает Всеволод Гаршин движение армии к месту будущих сражений: «Мы обходили кладбище, оставляя его вправо. И казалось мне, что оно смотрит на нас сквозь туман в недоразумении. «Зачем идти вам, тысячам, за тысячи верст умирать на чужих полях, когда можно умереть и здесь, умереть покойно и лечь под моими деревянными крестами

и каменными плитами?.. Останьтесь!»

Но мы не остались… Каждый отдельно ушел бы домой, но вся масса шла, повинуясь не дисциплине, не сознанию правоты дела, не чувству ненависти к неизвестному врагу, не страху наказания, а тому неведомому и бессознательному, что долго еще будет водить человечество на кровавую бойню – самую крупную причину всевозможных людских бед и страданий…»

По складу своей души Гаршин был натурой необыкновенно гуманной, но он не верил ни в торжество добра, ни в то, что победа над злом может доставить душевное равновесие. Жизненный и творческий путь писателя слились воедино и находились в гармонии (если это слово применимо к болезни), хотя сам он считал писательство тяжкой ношей, истощающей его душевные силы и сводящей с ума. В творчестве Гаршина отразился тот душевный разлад, который и составлял основу его личности: острое ощущение своей уникальности, богоизбранности, желание осчастливить человечество (на подъеме настроения) и вселенское чувство вины и покаяния (в депрессиях) красной нитью проходят через все его творчество.

Первое же художественное произведение – «Четыре дня» – отразило именно эту сторону его души. Если Гаршин и пошел на войну, то лишь потому, что ему казалось стыдно не помочь братьям, изнывавшим под турецким игом. Но достаточно оказалось первого же знакомства с театром военных действий, чтобы понять весь ужас истребления человеком человека. К «Четырем дням» примыкают рассказы «Трус» и «Из записок рядового Иванова» – такой же глубоко прочувствованный протест против войны.

Искренний гуманизм проявился и в рассказе Гаршина «Происшествие», где без всякой сентиментальности он описал человеческую душу на крайней ступени нравственного падения. Рассказ, написанный в форме дневников, передает историю отношений падшей женщины и маленького чиновника, оканчивающуюся самоубийством последнего.

Даже в почти юмористической сказке «То, чего не было» рассуждения компании насекомых, собравшихся на лужайке потолковать о целях и назначении жизни, кончаются тем, что приходит кучер и сапогом раздавливает всех участников беседы. Пожалуй, единственная светлая и оптимистическая вещь в его творчестве – детская сказка «Лягушка-путешественница» (как ни странно, в индийской легенде, сюжет которой Гаршин позаимствовал для своей сказки, финал оказывается более трагичным).

Вообще в творчестве писателя, как и в нем самом, жила

глубокая потребность в борьбе со злом, которая ярко раскрылась в рассказе «Художники». Он доказывал, что нравственно-чуткий человек не может спокойно предаваться эстетическому восторгу творчества, когда вокруг так много страданий. При этом Гаршин, как справедливо отмечает Ю. Айхенвальд, «ничего больного и беспокойного не вдохнул в свои произведения, никого не испугал, не проявил неврастении в себе, не заразил ею других…».

Когда-то В. Г. Короленко в разговоре с А. П. Чеховым коснулся темы болезни Всеволода Михайловича, предположив, что если бы его можно было оградить «от мучительных впечатлений нашей действительности, удалить на время от литературы и политики, а главное – снять с усталой души то сознание общественной ответственности, которое так угнетает русского человека с чуткой совестью…», то его больная душа могла бы прийти в состояние равновесия. На что Чехов с категоричностью врача ответил: «Нет, это дело непоправимое: раздвинулись какие-то молекулярные частицы в мозгу, и уж ничем их не сдвинешь…».

Но в своем творчестве Гаршин всеми силами пытается соединить, связать распавшиеся «молекулярные частицы» современного ему мира, морали, общества, государства: «… захотелось той чистой и простой любви, которую знают только дети да разве очень уж чистые, нетронутые натуры из взрослых… Господи! хоть бы какого-нибудь настоящего, неподдельного чувства, не умирающего внутри моего Я! Ведь есть же мир!..» – пишет он в рассказе «Ночь».

А тем временем здоровье писателя ухудшалось, и в 1880 г. вновь появились серьезные признаки психического расстройства. Сперва оно выражалось таким образом, что трудно было определить, где кончается высокий строй души и начинается безумие. Так, тотчас после назначения графа Лорис-Меликова начальником «верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия»[9] Гаршин отправился к нему поздно вечером и добился свидания. Во время разговора, продолжавшегося более часа, он вел себя «с лихорадочным исступлением», делал опасные признания и просил помиловать и простить всех революционеров и террористов. Граф отнесся к писателю чрезвычайно ласково, но не подписал ни одного оправдательного приговора. В ответ на это Гаршин пригрозил исцарапать его ногтями, под которыми спрятаны пузырьки с ядом. Обезумевшего от отчаяния писателя вывели.

Не получив желаемого в Петербурге, Гаршин отправился с проектами всепрощения сначала в Москву к обер-

полицеймейстеру генералу А. А. Козлову, потом в Тулу. Оттуда он пешком проследовал в Ясную Поляну к Льву Толстому, с которым провел целую ночь в восторженных мечтаниях об устройстве счастья всего человечества.

Через некоторое время душевное расстройство Всеволода Гаршина приняло такие формы, что родным пришлось поместить его в харьковскую психиатрическую клинику. После лечения его рассудок несколько прояснился, причем писатель сохранил критическое отношение к болезненным переживаниям острого периода. Характер болезни изменился: усилился тревожный компонент, главенствующим стал страх нового приступа, т. к. Гаршин не только в мельчайших подробностях помнил содержание своего психоза, но и страшился мучений пребывания в «скорбном доме» (основными методами лечения по тем временам были пиявки, шпанские мушки, а также литье холодной воды на темя – старинная китайская пытка, призванная свести человека с ума).

Чтобы иметь хоть какой-то нелитературный заработок, Гаршин поступил в контору бумажной фабрики, а затем получил место в системе русских железных дорог. Тогда же он женился на Надежде Михайловне Золотило-вой, которая была врачом-психиатром, и почувствовал себя, по собственному признанию, «более уверенным в жизни», хотя временами на него наваливалась глубокая, беспричинная тоска.

В начале 1887 г. вновь проявились угрожающие симптомы: бессонница, бред, лихорадочное бормотание непонятных слов… Болезнь развивалась стремительно, и 19 марта 1888 г. Гаршин бросился в лестничный пролет. Он умер через пять дней. Его похоронили на Волковом кладбище, которое когда-то было местом погребения бедных.

Однако в 1802 г. здесь был похоронен Александр Радищев, позже – Виссарион Белинский, Николай Добролюбов, Дмитрий Писарев. И в конце концов кладбище стало традиционным местом погребения писателей, ученых, деятелей культуры, государственных и общественных деятелей. Здесь покоятся Тургенев, Салтыков-Щедрин, Гончаров, Лесков, Куприн, Андреев, Блок, Лозинский, Берггольц, Менделеев, Павлов, Миклухо-Маклай, Бехтерев, Попов, Иоффе, Акимов, Бенуа, Ваганова, Петров-Водкин, Симонов и др.

После похорон Всеволода Гаршина дорожка к могилам через деревянные Надтрубные мостки стала называться «Литераторскими мостками», позже это название распространилось на всю прилегающую территорию кладбища.

«…В последний раз я беру в руки и рассматриваю начатую

работу. Она оборвалась и лежит мертвая, недоношенная, бессмысленная. Вместо того чтобы кончить ее, ты идешь, с тысячами тебе подобных, на край света, потому что истории понадобились твои физические силы. Об умственных забудь: они никому не нужны.

Что до того, что многие годы ты воспитывал их, готовился куда-то применить их? Огромному, неведомому тебе организму, которого ты составляешь ничтожную часть, захотелось отрезать тебя и бросить. И что можешь сделать против такого желания ты, …ты, палец от ноги?!»

ГИТЛЕР АДОЛЬФ

(род. в 1889 г. – ум. в 1945 г.)

«Ужасный феномен, производящий сильное впечатление своей поистине гранитной грубостью и бесконечной убогостью; он напоминает первобытного каменного истукана… в окружении гнойной мусорной кучи: старых жестянок и дохлых паразитов, огрызков, яичной скорлупы и навоза – интеллектуальных объедков столетий».

Хью Рейнуолд Тревор-Ропер

…Когда-то жители Браунау гордились тем, что их городок – родина человека, покорившего всю Европу. В доме на Линценбургер Форштадт, где он появился на свет, открыли музей, у которого несли почетный караул отличники в форме гитлерюгенда, а саму улицу переименовали в Гитлерштрассе.

Сегодня в «Исторической хронике Браунау» о Гитлере нет ни слова, а год его рождения вообще не упоминается: за 1888 г. следует 1890-й. В школьных учебниках то же самое: дата рождения Гитлера есть, место не упомянуто… Ни на одной

открытке с видами городка нет той самой улицы, только церковь и городская площадь. Гитлера попросту не было. Не было и все.

Но Гитлер был. Об этом напоминают свастики, до сих пор появляющиеся на наших домах; осквернённые могилы; нетерпимость и самосуды бритоголовых… До сих пор по нему меряют преступления тиранов в разных странах мира, а его имя вошло в историю как синоним абсолютного зла. Стечение обстоятельств вознесло Гитлера на вершину власти, а для его свержения потребовались объединенные усилия всего мира.

И вот чудеса столь ненавидимой Гитлером демократии – он пришел к власти законным путем, использовав экономическую депрессию и волну фашизма, шедшую через Европу после Первой мировой войны. Он стремился к смерти и саморазрушению – и был, в конечном счете, побежден, но сначала его варварское господство разрушило Германию, разорило другие европейские страны и погубило миллионы человек.

* * *

Адольф Гитлер родился 20 апреля 1889 г. в приграничном городке Браунау-на-Инн в семье 52-летнего таможенника Алоиса Шикльгрубера и 29-летней крестьянки Клары Пёльцль.

Хотя до австрийской столицы было рукой подать (всего-то 80 км), места эти считались глухоманью. Здесь нередки были браки между родственниками, иногда довольно близкими, но на них смотрели сквозь пальцы, так же как и на внебрачных детей. Вот и отец будущего фюрера Алоис Шикльгрубер появился на свет вне брака; его мать, Анна-Мария, вышла замуж за Иоганна Георга Гидлера, когда мальчику исполнилось 5 лет, а через несколько лет умерла. Очевидно, супруги Гидлер злоупотребляли алкоголем – по словам соседей, у них не было даже кровати, и они спали в корыте, из которого кормили скот.

Кто был отцом Алоиса – Иоганн Георг Гидлер, его родной брат Иоганн Непомук Гюттлер, в семье которого воспитывался Алоис, или лавочник, у которого служила Анна-Мария, – достоверно неизвестно. Как бы то ни было, в 1874 г. Алоиса усыновил его дядя – Иоганн Непомук Гюттлер, давший Шикльгруберу свою фамилию. При усыновлении фамилия Алоиса была записана в церковную книгу на слух, и он стал Гитлером[10].

Алоис Шикльгрубер был женат трижды: первый брак окончился уходом из семьи и повторной женитьбой после смерти первой жены. Вторая жена тоже вскоре умерла. В третий раз он женился на своей племяннице Кларе – внучке Иоганна Непомука

Гюттлера, на что пришлось просить разрешения Церкви (интересно, что Клара после замужества продолжала звать Алоиса дядей).

Первый брак Алоиса был бездетным, от второго в живых осталось двое детей – Алоис и Ангела. Третья жена родила ему пятерых детей, но лишь двое из них достигли зрелости – Адольф и его младшая сестра Паула (под фамилией Вольф она дожила до 1960 г.).

Адольф крайне холодно относился к родственникам. Единственным человеком, к которому он питал родственные чувства, была его сестра Ангела Гитлер (по мужу Раубаль). Когда Гитлер стал влиятельным человеком, он вызвал овдовевшую к тому времени Ангелу и сделал ее своей экономкой; она вела хозяйство Гитлера и в Мюнхене, и в его резиденции в Баварских Альпах.

Подытоживая сведения о предках Адольфа Гитлера, можно сказать, что со стороны отца его наследственность была отягощена алкоголизмом. Отец был вспыльчивым, грубым, педантичным, склонным к насилию и жестокости по отношению к детям и жене человеком. Адольф боялся его и вспоминал как пьяного садиста, пропивавшего семейные деньги. Однако послевоенные биографы Гитлера показали, что миф о тиране-отце и страдальце-сыне не соответствует действительности. Алоис Шикельгрубер был всего лишь обывателем, которому удалось подняться выше своих родителей, выскочить из ремесленников в чиновники. Он умер, когда Адольф был еще ребенком, успев, однако, вложить в него чувство превосходства и веру в право силы.

Мать Адольфа Гитлера была тихой работящей женщиной, которая никогда не улыбалась. Она аккуратно вела домашнее хозяйство и всячески угождала мужу. Адольф был ее любимым ребенком, несмотря на то, что она считала его помешанным (а быть может, и благодаря этому). Она баловала его, уверяя, что он не такой, как все, и Адольф рос вздорным и обидчивым ребенком. Мать заронила в него веру в мессианскую роль и величие, как бы компенсируя собственную нереализованность.

В шесть лет Адольфа определили в школу. В младших классах он успевал хорошо, но затем, в средней (реальной) школе в г. Линц, его оценки резко ухудшились. Не имея никакого интереса к учебе, он оставался на второй год и переходил из класса в класс только после переэкзаменовок. Влияние на Гитлера оказал, пожалуй, лишь учитель истории – фанатичный немецкий националист (став диктатором, Гитлер утверждал, что именно в школе проник в суть исторической науки, хотя его

оценки по предмету были весьма низкими).

В 1905 г. Гитлер оставил школу, не получив полного образования. По одной из легенд, он якобы тяжело заболел легочным заболеванием – во всяком случае, сам Гитлер объяснил в «Майн кампф» свой уход из реального училища именно этим, но никаких данных о его недуге не обнаружено. Другая легенда, также распространявшаяся будущим фюрером, гласила, что Адольфу пришлось покинуть школу, поскольку после смерти отца семья Гитлер впала в нищету. Однако эта версия также несостоятельна.

Бросив школу, Гитлер два с лишним года бездельничал, с презрением отвергая все предложения найти работу. Он рисовал, посещал театр, сочинял стихи и даже брал уроки игры на рояле. В те времена, как писал биограф Гитлера К. Хайден, тот «был почти элегантен», носил «черную шляпу с широкими полями и неизменные черные лайковые перчатки, ходил с черной тростью, украшенной набалдашником из слоновой кости, в черном костюме, а зимой – в черном пальто на шелковой подкладке».

С юношеских лет Адольф был поклонником Вагнера, германской мифологии и приключенческой прозы Карла Мая. Мальчиком Гитлер любил смотреть на красивых девушек, пирожные и пикники, ему нравились долгие разговоры за полночь; эти пристрастия сохранились и даже усилились в зрелости.

Родители Гитлера видели сына чиновником, но он мечтал стать художником. И вот в 1907 г., получив причитающееся ему после смерти отца наследство, Гитлер, несмотря на тяжелую болезнь матери, уехал в Вену – поступать в Академию художеств. Экзамен он провалил. И хотя в Линце осталась больная раком мать, Гитлер продолжает жить в Вене. По одним сведениям, он приехал в Линц уже после смерти матери, но его друг, некто Кубичек, утверждал, что, когда она стала совсем беспомощной, Адольф приехал ухаживать за ней. Однако словам Кубичека нельзя верить, ибо все воспоминания должны были соответствовать официальному образу Гитлера.

Гитлер провалился и в 1908 г., точнее, его вообще не допустили к экзамену. Ректор Академии художеств посоветовал Гитлеру попытать счастья в архитектурном училище, но там требовался аттестат зрелости, которого Адольф так и не получил, поскольку бросил школу.

Гитлер, тем не менее, остался в Вене, назвав впоследствии пребывание в столице «несчастнейшим временем» своей жизни. Он постепенно опускался, переселяясь из ночлежки в ночлежку, и прожил таким образом до 1913 г. Поначалу он перебивался

случайными заработками, но под конец своего пребывания в столице стал малевать картинки с изображением венских красот, которые сбывал продавцам рамок и мебельщикам, – те наклеивали аляповатые рисунки на спинки диванов и кресел. Весь этот товар Гитлер сбывал с помощью некоего Ханиша, с которым вскоре порвал, обвинив в краже (через годы Гитлер приказал избавиться от него как от свидетеля «падения» «великого фюрера»).

Годы пребывания в Вене во многом повлияли на мировоззрение будущего диктатора: там, по его словам, он научился ненавидеть, и ему осталось только добавить некоторые детали к приобретенным «великим идеям» (животный антисемитизм, ненависть к демократам, интеллигенции и ученым, вера в необходимость расширения жизненного пространства для Германии). Сильнейшее влияние на Гитлера оказали взгляды бургомистра Вены Люгера, а также сочинения фон Либенфельса (Ланца), утверждавшие необходимость очищения арийской расы путем порабощения или убийства «недочеловеков». Его характер формировался под воздействием разочарований, враждебности и ненависти, источником которых были безвестность и неудачи.

В мае 1913 г. Гитлер уехал в Мюнхен и, несмотря на то что был признан не годным к военной службе, в августе 1914 г. добровольцем отправился на фронт, где стал связным. Он прошел всю войну, дослужился до звания ефрейтора, был дважды ранен и дважды награжден «Железным крестом» за храбрость. Война также оставила глубокий след в его жизни: он познал жестокость и научился ее использовать.

После заключения унизительного для Германии перемирия Гитлер вернулся в Мюнхен и стал тайным осведомителем, который «курировал» политические партии. Одним из заданий стала «разработка» Немецкой рабочей партии. Эта партия не имела внятной программы, ее казна насчитывала несколько марок, но Гитлера поразило совпадение партийных идей с его собственными. По настоянию военного начальства он вступил в партию под № 55, а позднее стал № 7 ее исполнительного комитета.

Через некоторое время Гитлер ушел из армии, чтобы посвятить себя становлению партии. Условия для этого в Германии той поры были самые благоприятные: крайнее недовольство экономическим положением и лютая ненависть к победившему противнику. На протяжении последующих двух лет Гитлер добился почти абсолютной власти в партии и изменил ее название. Теперь партия называлась Национал-социалистической

немецкой рабочей партией (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei; NSDAP).

Идеи, выношенные еще в Вене, Гитлер выразил в 25 пунктах партийной программы, оглашенной 24 февраля 1920 г.: антисемитизм, крайний национализм, превосходство арийской расы, презрение к демократии и принцип фюрерства. Программа привлекала любого, у кого был хоть малейший повод для недовольства, а их в Германии хватало. Большинство идей Гитлера не были новы, но он умел преподносить их весьма зрелищно и красноречиво.

Он дал нацистской партии символ – свастику и приветствие «Хайль!», позаимствовав и то и другое у своих предшественников. Для пропаганды партийных взглядов он купил газету «Фёлькишер беобахтер», а для охраны партийных сборищ организовал штурмовые отряды СА (Sturmabteilung) под командованием своего ближайшего друга капитана Эрнста Рема. Другая организация – СС (Schutzstaffel), стала личной гвардией Гитлера, а ее члены клялись сражаться за своего фюрера до последней капли крови.

В 1923 г. Гитлер решил, что настала пора идти «походом на Берлин» и свергнуть «предателей нации», и 8 ноября 1923 г. в мюнхенском пивном зале «Бюргербройкеллер» провозгласил начало «национальной революции», вошедшей в историю как «Пивной путч». На следующий день партийные лидеры возглавили колонну нацистов, шедшую к центру города. Им преградил путь полицейский кордон, открывший огонь по демонстрантам; Гитлеру удалось спастись бегством. «Пивной путч» провалился и освещался прессой преимущественно в виде карикатур на Гитлера в юмористических и сатирических разделах.

Однако Гитлер, привлеченный к суду за государственную измену, защищал себя сам и превратил скамью подсудимых в пропагандистскую трибуну. Он был приговорен к пяти годам лишения свободы, но вышел из Ландсбергской тюрьмы по амнистии через девять месяцев, за которые надиктовал Рудольфу Гессу первый том книги «Четыре с половиной года борьбы против лжи, глупости и трусости». Она вышла под названием «Моя борьба» (Mein Kampf). К 1939 г. эта книга была переведена на 11 языков, ее общий тираж составил более 5,2 млн экземпляров. Гитлер разбогател.

Тюрьма дала ему понять – идти к власти нужно законным путем. На протяжении последующих лет он упорно добивался ее – жестокостью, хитростью, подкупом, интригами, ложью, игрой на низменных инстинктах толпы, – но никогда не переходя рамок закона (во всяком случае явно). Гитлер постепенно сместил

руководителя партии Штрассера и к 1930 г. стал бесспорным и бессменным лидером нацистского движения Германии.

Шаг за шагом Гитлер добился поста канцлера Германии, а потом обвинил коммунистов в поджоге рейхстага и диктаторских полномочиях. Поджог рейхстага в ночь на 27 февраля 1933 г. стал предлогом для устранения политических противников и укрепил почву для установления тоталитарной системы. Формально виновным в поджоге был признан бродяга, состоявший одно время членом коммунистического клуба в Голландии, но было очевидно, что пожар устроили сами нацисты.

24 марта 1933 г. был принят Закон «О защите народа и рейха», который фактически лишал Германию парламентаризма и на 4-летний срок передавал все функции рейхстага правительству. Не прошло и нескольких месяцев, как все до одной партии, кроме НСДАП, были запрещены, профсоюзы распущены, а все население вовлеклось в бесчисленные нацистские союзы и организации. Гитлер укреплял свою власть, широко используя террор: тех, кто пытался протестовать против его правления, арестовывали и уничтожали. Он создавал послушное правительство, подчинял законодательство, образование и религию своим интересам и болезненному тщеславию. «Хайль Гитлер!» стало обязательной формой приветствия, свастика превратилась в символ нацистского государства, «Хорст Вессель» стал официальным гимном.

На пути к абсолютной диктатуре оставалось единственное препятствие – радикальные элементы внутри самой НСДАП, группировавшиеся вокруг СА и капитана Эрнста Рема. 30 июня 1934 г. произошла резня, известная как «Ночь длинных ножей». Гитлер вылетел в Бад-Висзее, где в частном санатории находился Эрнст Рем. Рем был арестован, и два дня спустя Гитлер предложил ему покончить с собой. Тот отказался и был застрелен. В это же время в Берлине были казнены около 150 высших руководителей СА. «В те часы, – вспоминал Гитлер, – я чувствовал себя высочайшим судьей германской нации».

Много позднее, в 1968 г., события «Ночи длинных ножей» были положены в основу пьесы Юкио Мисимы «Мой друг Гилер», главным персонажем которой стал вождь штурмовиков Эрнст Рем. В день премьеры зрители получили листки со следующим текстом: «Опасный идеолог Мисима посвящает эту зловредную оду опасному злодею Гитлеру, хотя Мисиму не интересовала идеология немецкого национал-социализма, равно как и фигура Адольфа Гитлера. Несмотря на точность в воспроизведении канвы событий, автора меньше всего заботит историческая правда; Мисима любуется тем, как сильная личность, художник Гитлер,

растаптывает в себе человеческие чувства, поднимаясь на некую «высшую ступень», достигая новых высот зла».

Из этой бойни Гитлер вышел непререкаемым диктатором Третьего рейха и после смерти рейхспрезидента Гинденбурга 2 августа 1934 г. отменил этот пост, присвоив себе звания фюрера и канцлера. Все армейские офицеры обязаны были присягнуть на верность лично Адольфу Гитлеру. Он вознесся на вершину мира: «Когда-то в Европе был только один пруссак, он жил в Риме. Потом появился второй, в Мюнхене. Это был я»; «Каждый, входящий в рейхсканцелярию, должен чувствовать, что посетил властителя мира».

С этого момента основной заботой Гитлера стало проведение политики полного подчинения высших должностных лиц, осуществление системы террора – достигнув высшей власти, Гитлер страшился ее утратить, а потому организовал в стране сложнейшую систему слежки и доносительства.

Гитлер стремился не только к диктатуре. «Наша революция, – подчеркивал он, – не завершится до тех пор, пока мы не дегуманизируем людей». С этой целью он учредил тайную полицию (гестапо), создал концентрационные лагеря, министерство народного просвещения и пропаганды. Евреи, объявленные злейшими врагами человечества, были лишены прав и подвергались публичным унижениям. Германия превратилась в сплошной концлагерь. Агенты гестапо врывались в дома среди ночи. Преступления – от ограбления до убийства – называли «политикой» во имя «национальной революции». Смещались с постов профессора университетов, а на их место назначались некомпетентные нацистские чиновники. Ценность образования была низведена до нижайшего уровня, сжигались книги, уничтожались шедевры искусства – и все во имя процветания новой Германии.

Будучи человеком с нарушенной психикой, Гитлер обнаружил в душевном состоянии германского народа, пережившего шок от поражения в Первой мировой войне, отражение собственного душевного нездоровья, крайнего расстройства, враждебности и агрессивности. Всю жизнь он, австриец, упрямо олицетворял себя с немецким народом и, будоража его своими гипнотическими ораторскими способностями и злобной пропагандой, находил в этом отдушину для собственной ненависти и честолюбия.

Он мстил мировой цивилизации и немецкой культуре за то, что его не признали как художника: были запрещены книги великих Гете и Гейне, музыканты исполняли только Вагнера, вычеркнув из репертуара Моцарта и Бетховена (не говоря уже о

всяких там «неарийских» бизе, верди и чайковских). Любой обыватель чувствовал себя полубогом просто потому, что был «арийцем»; перед ним меркли все гении человечества: ничего не стоила Нобелевская премия Эйнштейна, фильмы Чаплина, философия Гегеля, картины импрессионистов… Гитлер сам определял, что писать и как писать, что изображать на картинах и как изображать, что ваять и как ваять. И горе тому, кто осмеливался нарушать предписания фюрера! Не только искусство, но и наука подлежала «нацификации». Гитлер считал себя великим ученым, сведущим во всех науках, и не стеснялся высказывать самые сумасбродные идеи. Он заявлял, что рак вызывается пищевым отравлением, а кратеры на Луне образовались в результате ее столкновения с другими «маленькими лунами»; что за 10 тысяч лет до нашего летосчисления произошло столкновение Луны с Землей; что конструкция велосипеда соответствует «законам природы», а конструкция воздушного шара – «противоестественна», и т. д., и т. п.

Гитлер свысока смотрел на любой предмет – от пищи до политики, от музыки до чистоты расы, отказываясь воспринимать чужие мысли. Самонадеянно доверяя собственной интуиции, он отвергал научные факты. Живя в придуманном им самим мире, он отбрасывает любую идею, не соответствующую его представлениям и невнятным монологам.

Из Германии и Австрии бежали величайшие умы, лучшие артисты, художники – и все это служило поднятию духа нации, наливавшейся пивом и хором исполнявшей «Хорст Вессель». В Нюрнберге проводились слеты: многотысячные колонны маршировали в буйстве красок от флагов и штандартов, заполняли громадный стадион, чтобы услышать слова диктатора, который, произнося речи, впадал в экстатическое состояние.

Популярность Гитлера в Германии не уступала популярности именитых кинозвезд. Любовные письма приходили к нему буквально мешками, многие женщины хотели родить от него ребенка. Но… Гитлер не имел прочных отношений с женщинами почти до сорокалетнего возраста – в «доисторический» период они не играли в его жизни никакой роли, и даже вездесущие журналисты не смогли разыскать хотя бы одну, связанную с ним в прошлом. Он был просто не способен к нормальной человеческой близости.

Сам Гитлер, конечно, считал, что проблема не в нем – просто не было женщины, достойной его. Он был абсолютным шовинистом по отношению к противоположному полу, пряча за враждебностью свой страх перед зрелыми отношениями: «…самая

«высшая» женщина бесконечно ниже самого «низшего» мужчины. Это «ничто» стремится достигнуть «бытия», которым для нее может стать только мужчина. Женщина может существовать в двух ипостасях: мать и проститутка… Мир нормальной женщины – это мужчина и только мужчина».

Тем не менее, в 1928 г. в его жизни появилась женщина. Тридцатидевятилетний Адольф предложил своей овдовевшей сестре Ангеле Раубаль стать у него экономкой, и она прибыла с дочерьми – Фридл и Гели, в последнюю из которых Гитлер влюбился чуть ли не с первого взгляда. Гели – совсем молоденькая девушка – по свидетельству знавших ее, была жизнерадостной и уравновешенной особой.

Гитлер завел с ней – своей племянницей – роман, что вызывало недоумение соратников, которые пытались говорить об этом фюреру, но это вызывало лишь вспышки неконтролируемой ярости. Это была, в общем-то, кровосмесительная связь, которая повторяла модель отношений отца Адольфа с его матерью Кларой: скованный различными комплексами, Гитлер мучился ревностью и собственническими чувствами.

Такие нездоровые отношения не могли закончиться нормально. Существует несколько версий развития событий. По одной из них, 18 сентября 1931 г. Гели ушла от фюрера единственно возможным способом – застрелилась в своей комнате. По другой версии, Гитлер убил свою племянницу собственноручно в припадке ярости, что косвенно подтверждается словами патера Палста: «Я сам хоронил Ангелику Раубаль… Никогда я не разрешил бы похоронить самоубийцу в святой земле. Из того, что я похоронил ее по христианскому обряду, вы можете сделать выводы, которые… я не могу вам сообщить».

После ее смерти Гитлер отказался от употребления алкоголя и стал абсолютным вегетарианцем. Ему хотелось окружить себя красавицами, но он опасался слишком близкой привязанности. Наконец Гитлер обратил внимание на Еву Браун – помощницу фотографа Гофмана, летописца нацизма.

Гитлер обладал абсолютным влиянием на нее. Ева Браун отлично вписалась в среду гитлеровской резиденции, куда была введена как любовница фюрера. Она неизменно держалась в тени, отгородившись стеной молчания – прислуге было запрещено разговаривать с ней, кроме как по необходимости. Хотя Ева Браун и входила в ближайшее окружение, но ее отсылали в апартаменты всякий раз, когда появлялись важные гости. Очень немногие в Германии вообще знали о ее существовании. Ева Браун мало интересовалась политикой, предпочитая уделять больше внимания спорту, чтению романов и просмотру кинофильмов.

Единственной целью в жизни стало для нее – быть полезной фюреру. Ее участью было печально ожидать возвращения своего хозяина, причем страдала она так сильно, что несколько раз пыталась покончить с собой.

Гитлер окончательно уверился в своей божественной миссии и говорил о себе как о высшем существе: «Я никогда не ошибаюсь. Каждое мое слово – историческое». В 1936 г. он заявил: «Я иду с уверенностью лунатика той дорогой, которой ведет меня провидение». Накануне Второй мировой войны Гитлер с самым серьезным видом утверждал, что нападение на Польшу надо совершить как можно скорее, пока он находится в «расцвете сил». «В качестве причины, – сказал он, – я привожу мою собственную личность. Это решение тесно связано со мной, с моим существованием, с моим политическим даром…» И далее: «То, что я существую, – важнейший фактор».

А мировая общественность словно не замечала происходящего в Германии: Гитлер демонстративно попрал Версальский договор, вышел из Лиги Наций, вооружил страну, создал Люфтваффе (военно-воздушные силы). В 1935 г. Англия подписала с Германией военно-морской пакт. В 1936 г. Гитлер заключил союз с Муссолини. В марте 1938 г. Гитлер вторгся в Австрию и присоединил ее к Германии, при полной поддержке местного населения. В сентябре 1938 г. Англия и Франция дали согласие на раздел Чехословакии, и Германия присоединила к себе всю ее западную часть. 23 августа 1939 г. СССР и Германия заключили договор о ненападении, содержавший в себе протокол о разделе Польши. 1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу. Началась Вторая мировая война, ставшая трагедией для народов, подвергшихся геноциду. Только в самой Германии в концентрационных лагерях погибли миллионы евреев и славян, которых Гитлер планировал превратить в нацию рабов.

22 июня 1941 г. Германия напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война, унесшая десятки миллионов жизней и коснувшаяся практически каждой советской семьи – гибелью, голодом, эвакуацией или концлагерем… В декабре 1941 г. гитлеровские войска были остановлены под Москвой, а в 1942 г. потерпели сокрушительный разгром под Сталинградом. В 1943 г. на Курской дуге Советский Союз переломил ход войны в свою пользу. Победы советских войск подтолкнули союзников по антигитлеровской коалиции открыть второй фронт.

20 июля 1944 г. несколько высших военных и гражданских должностных лиц попытались осуществить покушение на Гитлера во время совещания в его прифронтовой ставке в Растенбурге.

Была принесена бомба с часовым механизмом, которая взорвалась во время совещания. Отделавшись легкими повреждениями, Гитлер учинил страшную месть заговорщикам. Спасение от гибели лишь укрепило его в сознании своего избранничества, он уверился, что немецкая нация не погибнет, пока он будет оставаться в Берлине.

16 января 1945 г. Гитлер окончательно перенес свою ставку в Берлин, в подземный бункер. К середине апреля стало ясно, что Германия проиграла войну, но Гитлер, потерявший чувство реальности, продолжал утверждать, что конец Третьего рейха не предрешен, что к Берлину идут новые армии, что у него есть «секретное оружие», которое изменит ход войны. Он проводил многие часы над картами боевых действий, перемещая разноцветные булавки и определяя дислокацию подразделений, которых уже не существовало.

15 апреля к Гитлеру присоединилась Ева Браун. Когда он приказал ей покинуть бункер, она не подчинилась, сказав: «Германия без Адольфа Гитлера непригодна для жизни».

20 апреля он отметил свой 56-й день рождения в кругу ближайших сподвижников. К этому времени Гитлер находился в состоянии крайнего нервного истощения, двигался как дряхлый старик, и, несмотря на все старания докторов, его здоровье стремительно ухудшалось. Все, за исключением Геббельса, Бормана и секретарей, начали покидать фюрера, но он продолжал верить в окончательную победу, видя себя последним бастионом, сдерживающим большевизм.

22 апреля Гитлер наконец заявил: «Война проиграна». Признав поражение, он решил покинуть этот мир в вагнеровском стиле. «Германия также должна покончить с собой, – говорил он. – Немцы оказались недостойны моего гения и обречены на проигрыш в борьбе за жизнь». Фюрер искренне верил, что с его смертью жизнь в Германии остановится.

Перед смертью Гитлер решил исполнить заветное желание Евы Браун и жениться на ней. 29 апреля 1945 г. состоялось их бракосочетание. Величайший момент в жизни Евы Браун наступил, когда на обычное обращение прислуги «фрейлейн» она ответила: «Теперь зовите меня фрау Гитлер».

Сразу же после бракосочетания Гитлер продиктовал свою последнюю волю и политическое завещание, где оправдывал свою жизнь и деятельность. 30 апреля начался штурм рейхстага. Гитлер решил, что пришла пора покончить жизнь самоубийством, и завещал сжечь свое тело. Он удалился в свои апартаменты и застрелился, а Ева Браун приняла яд. В соответствии с завещанием их тела бросили в котлован в саду канцелярии и

сожгли.

Через день Магда Геббельс отравляет своих спящих детей. После этого они с Йозефом Геббельсом идут в сад и убивают друг друга. Их трупы тоже были сожжены.

Последнее убежище фюрера было занято советскими войсками 2 мая 1945 г. В тот же день офицеры «СМЕРШ» обнаружили обгоревшие трупы мужчины и женщины, в которых немцы признали Геббельса и его жену. 5 мая неподалеку от места, где были найдены трупы четы Геббельс, в воронке от бомбы обнаружились сильно обгоревшие мужской и женский трупы, засыпанные слоем земли.

Спустя несколько дней для осмотра пригласили сотрудника охраны имперской канцелярии, который рассказал все, что ему было известно о смерти и сожжении тел Гитлера и Евы Браун. Правдивость показаний немца-охранника подтверждалась найденными в той же воронке трупами отравленных собак фюрера, которые косвенно свидетельствовали о том, что обгоревшие останки принадлежат Адольфу Гитлеру и Еве Браун.

Останки перевезли для экспертизы с целью подтвердить или опровергнуть выводы об идентичности трупов; была сформирована группа военных медиков, которые провели необходимую работу по их идентификации.

Тем не менее Г. К. Жуков на пресс-конференции 10 июня 1945 г. заявил: «Обстановка очень загадочная… Известно, что за два дня до падения Берлина Гитлер женился на киноактрисе Еве Браун. Опознанного трупа Гитлера мы не нашли. Сказать что-либо утвердительно о судьбе Гитлера я не могу. В самую последнюю минуту он смог улететь из Берлина, так как взлетные дорожки позволяли это сделать».

В январе 1946 г. была подписана аналитическая справка о версии самоубийства Гитлера, в которой отмечались некоторые сомнения, основанные на отдельных противоречиях в показаниях свидетелей. В результате в 1946 г. специально созданная комиссия провела дополнительные раскопки на месте обнаружения трупов Гитлера и Евы Браун, которые 21 февраля 1946 г. были перезахоронены на территории военного городка в Магдебурге. Результаты повторных исследований не оглашались.

В 1948 г. обгоревшие останки из бункера были направлены в Москву, в следственный отдел 2-го Главного управления МГБ СССР, который суммировал все факты, связанные с обстоятельствами смерти главарей рейха.

Окончательно уже не раз сожженные тела были уничтожены (но не захоронены) только в 1970 г.

АКТ

(о физическом уничтожении останков военных преступников)

Согласно плану проведения мероприятия «Архив» оперативной группой в составе начальника ОО КГБ при СМ СССР в/ч п/п 92626 полковника Коваленко Н. Г. и сотрудников того же отдела… произведено сожжение останков военных преступников, изъятых из захоронения в военном городке по ул. Вестенд-штрассе возле дома № 36 (ныне Клаузенер-штрассе). Уничтожение останков произведено путем их сожжения на костре на пустыре в районе г. Шенебек в 11 км от Магдебурга. Останки перегорели, вместе с углем истолчены в пепел, собраны и выброшены в реку Бидериц, о чем и составлен настоящий акт.

Начальник ОО КГБ в/ч п/п 92626

полковник Коваленко

Сотрудники ОО КГБ в/ч п/п 92626 (подписи)

ДЕЛЁЗ ЖИЛЬ

(род. в 1925 г. – ум. в 1995 г.)

«"Предела нет, Джонатан?" – подумал он с улыбкой. И ринулся в погоню за знаниями».

Ричард Бах, «Чайка по имени Джонатан Ливингстон»

Жиль Делёз – один из крупнейших и знаменитейших философов современности, столп философской мысли XX века (это даже как-то удивительно – почему-то кажется, что все философы жили давно-давно). Он вырос в Париже, окончил лицей Карно. После Освобождения учился на философском факультете Сорбонны. Много лет преподавал философию в различных лицеях и университетах, в том числе Венсеннском и Сорбоннском, но в последние годы жизни отошел от преподавательской деятельности.

Всемирную известность принесли Делёзу его работы о философах Юме, Анри Бергсоне и Фридрихе Ницше, а также о писателях Марселе Прусте и Захер-Мазохе. Своеобразие мышления этого философа связано в первую очередь с двумя

основными темами, к которым он возвращался на всем протяжении своего творчества. Это, во-первых, природа отношений, определяемых им как чистые столкновения, или встречи. А во-вторых, множественный характер существования времени и мышления, которые состоят из разнородных пластов, образующих особое поле, которое не навязывает опыту никакой формы. Из положения о множественности существования, времени и мышления вытекает мысль Делёза о сугубо прикладном и опытном характере этики как изменчивой оценки способов мышления. Эта мысль диаметрально противоположна установкам классической морали, основанной на незыблемости ценностей, изначальном существовании «плохого» и «хорошего». Наконец, в противовес всем крупнейшим течениям современной мысли Делёз не склонен наделять философию каким-либо предназначением. Он чужд мысли о том, что какая-либо философская система способна отвечать за радикальный и необратимый разрыв в истории мысли.

В последние годы жизни он работал над книгой «Величие Маркса», посвященной не столько Марксу, сколько проблеме значимости философа. Согласно Делёзу, она не измеряется созвучием философских идей духу времени или вечным ценностям – истинное величие состоит в несвоевременности мысли. Мысль не имеет другой меры, кроме актуальности: философия жива ровно настолько, насколько она представляет собой акт мысли, творчество.

После этой книги Жиль Делёз думал оставить сцену философии, перейти к живописи; по-видимому, его все сильнее увлекали линии, сгибы, перегибы, переходы, о которых он столь часто и столь красиво писал; возможно, он искал перспективу ухода с территории слова. Жизнь распорядилась иначе. 3 ноября 1995 г. философ выбросился из окна своей парижской квартиры, положив конец болезни, от которой страдал долгие годы. Его самоубийство стало гимном жизни – во всяком случае, сам Жиль Делёз интерпретировал бы его именно так.

Вообще говоря, писать о личности Делёза непросто, ибо он придерживался мнения, что факты личной биографии незначимы для творчества. Разве возможна частная жизнь мыслителя? Существование философа, утверждал Делёз, всегда строится на творческих основаниях; философ – не просто артист, но изобретатель собственного стиля жизни. Так или иначе, информация о его жизни обрывочна и представляет собой скорее наплыв ассоциаций и рефлексий, чем структурированный набор фактов. С другой стороны, такая «биография» позволяет лучше понять, как выкристаллизовалось решение философа уйти из

жизни, которое не было, да и не могло быть спонтанным – Делёз даже интервью не любил давать, т. к. приходилось отвечать на вопросы без предварительных раздумий.

Впрочем, кое-что о его жизни все же известно: у него была семья, он жил в престижном районе Парижа, в последние годы тяжело болел, что и побудило его, в подражание древнегреческим философам, выброситься из окна в декабре 1995 г., восславив таким парадоксальным образом жизнь и подтвердив свое жизнелюбие. И еще – будучи создателем целого ряда концептов философии постмодернизма[11], он самой смертью удостоверил свою глубинную приверженность идеям множественности существования: переживание собственной болезни роднило его со Спинозой и Ницше, а добровольная смерть – с философами Древней Греции.

Делёз прожил всю свою жизнь в 17-м округе Парижа – одном из наиболее «престижных» районов столицы. Его жизнь там была чем-то сродни «падению» из довольно богатого квартала возле Триумфальной арки, где он родился, через различные квартиры во время войны, в ремесленный, «пролетарский» квартал округа. Даже само это передвижение может трактоваться как символ постепенного перехода философа к левой идеологии, к которой он, однако же, не относился уж очень серьезно.

Жиль родился в буржуазной семье, придерживавшейся консервативных (правых) политических убеждений. В одном из телеинтервью, обнародованных – по его настоянию – уже после смерти философа, он говорит, что почти не помнит своего детства. Отмечает, что у него исчезли самые ранние воспоминания, что он не является архивом – нет смысла хранить вехи личной жизни, поскольку их наличие ограничивает мыслительную свободу творца.

Делёз утверждает, что его детство на самом деле ничего не значит, полагая, что писательская деятельность не имеет ничего общего с индивидуальностью, она не является личным или частным делом. Письмо, говорит он, – это становление-животным, становление-ребенком, и каждый, кто пишет, делает это ради жизни, ради того, чтобы стать кем-то, кроме писателя, или чем-то, кроме архива. Делёз настаивает на том, что рассказывать о собственной жизни – занятие столь же неинтересное, сколь быть личным архивом, хранящим воспоминания о прожитых годах. Намного интереснее быть автором, а не собственным мемуаристом. Автор – как его понимает Делёз – не обращается непосредственно к своей личной жизни, не копается в семейном архиве, а, наоборот, старается быть «ребенком вообще» и описывает мир сквозь призму детского безоценочного взгляда,

признающего многообразие форм культуры. Что интересного в детстве? – спрашивает Делёз. Возможно, отношения с родителями, братьями и сестрами, друзьями, но все это – лишь интерес к конкретному человеку, а не к его творчеству. Что на самом деле интересно, так это испытать чувства ребенка – но не воспроизводить чувства из своего детства, а пытаться стать ребенком как таковым.

Тем не менее, можно попытаться ухватить обрывки личной истории Жиля Делёза. Когда он был ребенком, из-за нехватки денег его отправили в обычную среднюю школу, а не в частную, католическую. Он был последним учеником в классе до тех пор, пока не началась война, которая дала ему возможность познакомиться со своим первым Учителем.

Делёз вспоминает довоенный период и террор против консервативной буржуазии, развязанный пролетарским Народным фронтом на волне всеобщего увлечения левацкими идеями, в котором буржуа видели наступление всемирного хаоса. Во многом это объяснялось антисемитизмом буржуа, определившим особенно негативный настрой относительно Леона Блюма, лидера французской социалистической партии и главы Народного фронта, который был для них страшнее дьявола. Ненависть была настолько сильна, что во время войны власть захватил Анри Филипп Петен, противник Блюма, ставший главой фашистского правительства Виши. Петен проводил политику сотрудничества с немецкими оккупантами и преследовал французских патриотов. В августе 1945 г. он был приговорен Верховным судом Франции к смертной казни, замененной пожизненным заключением.

Итак, Жиль Делёз вышел из совершенно некультурной буржуазной «правой» семьи. Его отец (Делёз отзывается о нем с нежностью, вспоминая атмосферу кризиса и ненависть его отца, ветерана Первой мировой, к «левым») был инженером, изобретателем, его первое дело развалилось как раз перед войной, затем он работал на заводе по производству дирижаблей, который немцы переоборудовали в фабрику по производству резиновых плотов.

Философ вспоминает, что, когда во Францию вторглись немцы, он находился в Нормандии в городке под названием Довиль, где его семья проводила каждое лето. Он вспоминает образ Довиля как иллюстрацию огромной социальной силы Народного фронта: с появлением оплачиваемых отпусков люди, которые никогда не путешествовали, могли поехать на побережье и увидеть море.

Делёз вспоминает маленькую девочку, которая с восторгом

следила за невероятным спектаклем моря, простояв несколько часов на частном пляже для состоятельных буржуа. Он также вспоминает ненависть, которая явственно звучала в словах матери, увидевшей ту же девочку, когда она бросила фразу о том, что решительно невозможно посещать пляжи, куда приходят «эти». Для буржуа, какими были его родители, предоставление отпусков рабочим означало утрату привилегий и потерю территории, худшую, нежели оккупация пляжей немецкими танками.

В Довиле Жилю пришлось на год остаться в местной средней школе. Без родителей, только с младшим братом, он был полным нулем в учебе, пока не повстречал молодого учителя Пьера Хальбвакса, сына известного социолога и социального психолога Мориса Хальбвакса (он погиб в 1945 г. в Бухенвальде). Пьер был слаб здоровьем, и его освободили от воинской обязанности. Для Делёза эта встреча была подобна пробуждению – он стал Учеником и обрел Учителя. Хальбвакс брал его с собой зимой на пляж, в дюны, и знакомил с французскими писателями: Андре Жидом, Анатолем Франсом, Шарлем Бодлером. Делёз совершенно преобразился. Он говорит, что уже точно не помнит почему, но Хальбвакс помог ему почувствовать что-то важное в литературе.

Через некоторое время Делёз продолжил учебу в лицее. Его определили в класс, где преподавателем философии был Виаль, но он мог попасть и в класс, где преподавал Мерло-Понти – знаменитый французский философ-идеалист, феноменолог. Он вспоминает, что Мерло-Понти был довольно меланхоличным, тогда как Виаль, находившийся на закате своей карьеры, очень нравился Делёзу.

На первых же занятиях по философии Жиль понял, что это то, чем он будет заниматься всю оставшуюся жизнь. Изучение философских концептов действовало на него точно так же, как на некоторых людей действует знакомство с яркими литературными героями; философия была столь же живой, как и любое литературное произведение. У него больше не было никаких проблем с учебой, он стал хорошим студентом.

В лицее были представители всех политических направлений, его одноклассники в какой-то степени были политически сознательными благодаря их товарищу, который участвовал в Сопротивлении и был расстрелян немцами. Однако это было не то политическое сознание и деятельность, которые можно наблюдать в мирное время, – политика в период оккупации была тайным занятием, поскольку в классе были ученики самых разных политических убеждений: от симпатизировавших Сопротивлению

до сторонников правительства Виши.

Для Делёза детством и юностью стали демонстрации Народного фронта, политическая настороженность в лицее и наблюдение за тем, как его отец мечется между честностью и антисемитизмом. В итоге, хотя он рос в буржуазной семье, придерживавшейся «правых» политических убеждений, со времен Освобождения в 1945-м он был «леваком».

Однако Делёз не вступил в Коммунистическую партию, несмотря на всеобщий энтузиазм и тот факт, что многие из его друзей стали коммунистами. По собственным словам, его удержало от этого шага лишь то, что он всегда был трудоголиком и не выносил никаких собраний! Он вспоминает, что это был период Стокгольмского обращения[12]. Все его друзья, очень талантливые люди, тратили время на сбор подписей под этой петицией… Делёзу казалось, что для партии было бы гораздо важнее, если бы они направляли свою энергию на то, чтобы дописывать диссертации, а не собирать подписи. Его же все это не интересовало, он не питал склонности к разговорам, а идея сбора подписей вызывала у него тихую панику. Делёз никогда не чувствовал полной солидарности с идеями партии.

Во многом это определялось его видением взаимоотношений философа и власти: философ всегда должен находиться как бы в оппозиции к любым властным структурам, ибо они несут однозначность интерпретаций («хорошо-плохо», «правильно-неправильно»), а задача философа – как можно полнее сформулировать и использовать относительность этики и множественность культурных подходов. Власть хочет быть вездесущей, она гасит один за другим очаги сопротивления, проникает в частную жизнь философа, превращая его в «публичного профессора», властителя дум, наставника. Сила философа – в сопротивлении всякой власти: «Отношения сил важно дополнить отношением к себе, позволяющим нам сопротивляться, уклоняться, поворачивать жизнь или смерть против власти…Именно это было придумано греками. Речь не идет уже об определенных, как в знании, формах, ни о принудительных правилах власти; речь идет о правилах произвольных, порождающих существование как произведение искусства, правилах этических и эстетических, составляющих манеру существования, или стиль жизни (в их число входит даже самоубийство)».

Кроме того, любая власть направлена на подавление желания, то есть в конце концов свободы, а левые идеи как раз и утверждали необходимость освобождения, раскрепощения личности. Фактически полное их принятие означало их

отторжение, а потому Делёз не стал убежденным социалистом (и не разочаровался в идеях социализма, как это произошло с его более «правоверными» друзьями).

В 1968-м он был госпитализирован с тяжелейшим приступом туберкулеза. Как и Спиноза, и Ницше, Делёз был вынужден жить с болезнью начиная с 1968 г. До приступа он не знал, что у него туберкулез, – чувствовал, что с его здоровьем что-то происходит, но у него не было желания выяснять все окончательно. Философ считал, что у него рак, и не особенно беспокоился. То, что он болен туберкулезом, Делёз узнал только тогда, когда начал кашлять кровью.

Болезнь оказалась очень запущенной, и случись такое несколькими годами ранее, он не выжил бы, но в 1968-м это уже не было проблемой благодаря антибиотикам. Это была болезнь без особой боли, и он полагал, что это огромная удача – болезнь без боли. Делёз считал, что слабо выраженная болезнь помогает, позволяя настроиться не на собственную жизнь, но на жизнь в целом. Настроиться на жизнь – это не значит начать думать о собственном здоровье, это значит ощущать каждый момент жизни.

С этого времени изменилось его отношение к докторам: лично он ничего не имеет против конкретных врачей, но ненавидит их специфическую власть. Делёз считает гнусным то, каким образом врачи манипулируют властью. Он полагает, что, к несчастью для пациента, обследования только позволяют докторам чувствовать себя увереннее относительно того диагноза, который они уже поставили. «Итак, – говорит философ, – хотя как люди врачи могут быть чрезвычайно привлекательны, но при исполнении своих должностных функций они смотрят на других как на собак. Это образец настоящей классовой борьбы».

У Делёза всегда было слабое здоровье, и это обстоятельство было лишь подчеркнуто, когда у него диагностировали туберкулез. В тот момент он приобрел все права, положенные больному, будучи уверенным, что болезнь необходимо использовать. Для Делёза болезнь – не враг, не то, что приносит ощущение смерти, скорее, это нечто, позволяющее ощутить жизнь, но не в смысле «я все еще хочу жить, я выздоровел, я начну жить». Болезнь обостряет видение жизни или ощущение жизни во всей ее силе и красоте.

Необходимо использовать болезнь, хотя бы с целью стать более свободным, иначе она будет сильно мешать. Получить пользу от болезни – это значит освободить себя от вещей, от которых невозможно избавиться в обычных условиях. Например,

когда-то Делёз много пил, но вынужден был прекратить это из-за своего здоровья. Он полагал, будто выпивка помогает ему создавать философские концепты, но затем, прекратив пить из-за болезни, понял, что это совсем не так. Или еще – Делёз никогда не любил путешествовать, потому что никогда в действительности не знал, как это делать, хотя испытывал огромное уважение к путешественникам. Но тот факт, что его здоровье настолько ослаблено, позволяет ему отклонять приглашения куда-нибудь съездить.

Или, например, ему всегда было трудно ложиться спать поздно, но, поскольку у него хрупкое здоровье, для него больше не проблема пойти спать раньше. Болезнь является очень хорошим средством и с точки зрения освобождения от социальных обязательств.

Однако не нужно путать болезнь и слабость, поскольку слабость означает: сегодня я сделал все, что мог, день окончен. Слабость – это формула окончания дня, невозможности больше ничего из себя выжать. Если подходить к ней так, говорит Делёз, тогда это не надоедливое чувство, она довольно приятна. Ему нравится это состояние, состояние завершения чего-либо. С этой точки зрения слабость близка к старости.

Делез считает старость блестящим возрастом. Конечно, есть некоторые проблемы, например определенная медлительность. Самое ужасное в старости – боль и нужда, но они ей не свойственны. Делёз уточняет, что он имеет в виду: старость делают патетической, скорбной нищие старики, которым не хватает денег на то, чтобы жить, у которых нет даже здоровья, только еле теплящаяся жизнь и бесконечные страдания. Вот что отвратительно, но дело не в старости, полагает он, сама по себе она не несет зла. Если у вас достаточно денег и сохранилось кое-какое здоровье, она великолепна, потому что вы понимаете, что дожили до старости. Старость – это апофеоз жизни.

Последний поступок Делёза имеет символическое значение. Таким же символическим было сумасшествие Ницше. Символическими – если обратиться к другой реальности – были смерть Блока и самоубийство Маяковского. В последнем случае человек, который воспринимал революцию как квинтэссенцию поэзии, вдруг обнаружил, что она привела к господству именно той бюрократической сволочи, ненависть к которой и сделала его революционером. Нечто подобное, скорее всего, можно найти и в самоубийстве Делёза.

Вот почему страшное самоубийство Жиля Делёза видится не актом отчаяния, тем более не знаком торжества смерти, но последней попыткой ответить зову жизни, последним творческим

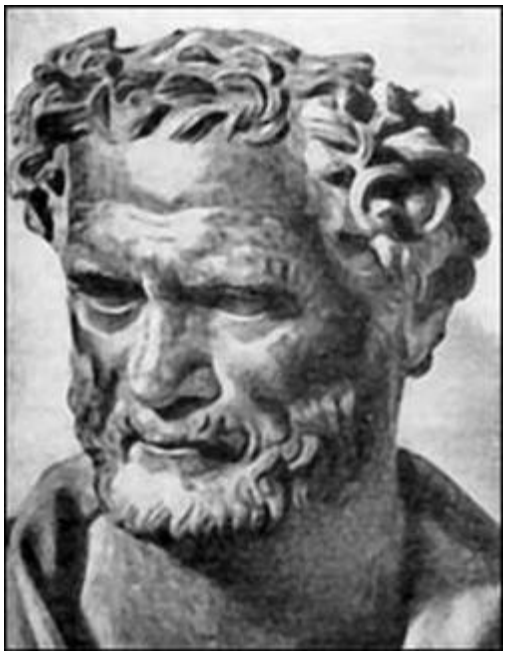
жестом философа, сломившего болезнь силой воли к жизни, к свежему, чистому воздуху жизни: «Жест, что развертывается между креслом, в котором страдаешь и задыхаешься, и окном, которое открываешь. Жест, что развертывается между нестерпимым приступом кашля и последним глотком воздуха. Одно-единственное стремительное движение. Переход через линию».

Он, будучи тяжелобольным, сумел все-таки сотворить ослепительное, предельное событие. Сумел организовать последнее преодоление черты. Не умереть, но покончить с этим в каком-то нескончаемом парадоксе. Совершив жест, который нас и поразил, и ранил, – и все-таки жест философа, чисто делёзовский жест, в котором сказалось если и не презрение к смерти, то, по меньшей мере, глубокое доверие к жизни.

А жизнь не сводится ни к бытию-лицом-к-смерти, ни к драме индивидуального существования. Жизнь философа не свести к работе над книгами, как не свести ее к занятным анекдотам из его частного быта. Философская жизнь – не что иное, как опытная, экспериментальная работа философа над самим собой, рискованное сотворение себя. Достаточно вспомнить, что французское слово «expérience» (опыт) идет от латинского «experiri» (проходить через опасность) – гибельный («péril») переход.

ДЕМОКРИТ ИЗ АБДЕР

(род. в 460 г. до н. э. – ум. в 371/70 или 361 г. до н. э.)



Над собственной жизнью стою,
Как над обрывом…
За жизнь я свою
Не дам ни гроша.
И со смерти порывом
Упаду в никуда.
Отдам все, что было
В жизни моей,
Для мира, Земли,
Для добрых людей.

Игорь Сазонов, ученик 8-го класса

школы № 3 г. Бийска

V век до н. э. – это век расцвета античной демократии и греческих государств-полисов, в которых била ключом не только политическая, но и научная мысль. К этому времени уже

появились величайшие писатели античности – Эсхил, Софокл, Еврипид, творцы классической греческой скульптуры – Фидий и Поликлет, знаменитые философские школы, оказавшие огромное влияние на дальнейшее развитие мировой науки и культуры (в их числе элейская, милетская, ионийская, пифагорейская). Рост влияния полисов, оживление общественной жизни принесли с собой дальнейший расцвет античной науки и материалистической философии, одним из выдающихся представителей которой был Демокрит из Абдер. Надо сказать, что в древности жители Абдер считались простофилями и дурачками, а слово «абдерит» было синонимом глупости и ограниченности. Однако философия Демокрита стала прототипом материалистического учения, оказавшим в дальнейшем огромное влияние на развитие европейской философской и естественно-научной мысли.

Демокрит за свою долгую жизнь приобрел огромное количество знаний. Его труды представляют нечто вроде энциклопедии знаний того времени. Диоген Лаэртский приводит более 70 названий его работ из области физики, этики, математики, музыки, риторики, астрономии и т. д. Широта, глубина, систематичность и цельность его трудов снискали ему уважение всех выдающихся мыслителей древности, таких, как Аристотель, Цицерон, Плутарх.

Биографические данные о философе сильно разнятся. По словам Диогена Лаэрция (III в. н. э.), Демокрит родился в 460–457 гг. до нашей эры, по другим свидетельствам – в 470 г. до н. э. Нет единодушия и относительно продолжительности жизни Демокрита – она варьируется от 85 до 104 лет (последнее маловероятно и относится, видимо, к области легенд).

Демокрит родился в городе Абдеры. По одним данным, он был сыном Гегестрата, по другим – Афинокрита. После смерти отца он взял часть отцовского наследства (в основном состоящую из денег) и отправился в путешествие. Объехал Египет, Эфиопию, Персию, Вавилон (Халдею) и Индию; согласно легенде, был учеником персидских магов и стал приверженцем восточной мудрости. Демокрит путешествовал несколько лет, вот его собственные слова: «…Я объездил больше земли, чем кто-либо из современных мне людей, подробнейшим образом исследуя ее, я видел больше, чем все другие, мужей и земель и беседовал с наибольшим числом ученых людей. И никто не обличил меня в ошибках при складывании линий, сопровождающихся доказательством… Я провел на чужбине около восьми лет». Путешествия Демокрита, его общение с философами и выдающимися учеными способствовали возникновению такой

совершенной системы представлений о мире, какой являлось его учение.

Демокрит посетил и Афины, стараясь остаться неузнанным, а некоторые исследователи даже считают, что он никогда не был в этом полисе. Однако на самом деле Демокрит провел в Афинах несколько лет, «…используя каждую минуту для того, чтобы научиться мудрости и упражняться в ней». Точных данных о том, когда именно Демокрит был в Афинах, нет – скорее всего, это произошло либо в начале, либо накануне Пелопоннесской войны (около 431 г. до н. э.). Все рассказы об этом путешествии подчеркивают скромность Демокрита, стремление учиться у других и желание держаться в тени.

Есть свидетельство о том, что Демокрит «знал и Сократа, но Сократ не знал его». Именно в это время был написан «Малый миростроЙ», одно из главных произведений Демокрита, в котором он писал о человеческом обществе, в частности о возникновении государства. В Афинах Демокрит познакомился с другим выдающимся философом древности – Анаксагором (чувствуя приближение старости, Анаксагор, так же как и Демокрит, покончил с собой). Согласно различным источникам, отношения Демокрита с Анаксагором были прохладными, но по многим вопросам мнения двух великих материалистов античности совпадали. В частности, они сходились в том, за что Анаксагор был осужден афинским судом – за неуважение к богам – и едва избежал наказания (возможно, именно поэтому Демокрит старался быть в Афинах незаметным, ибо, как и Анаксагор, был атеистом).

С большим вниманием и редкой для молодого человека сосредоточенностью Демокрит изучал эллинскую философию. Решающее влияние на формирование его взглядов оказал философ Левкипп, верным учеником которого он стал, восприняв и развив атомистическую систему.

Личность Левкиппа таинственна и спорна – о нем осталось крайне мало свидетельств, о его жизни ничего не известно, а Эпикур, прямой продолжатель атомистики, утверждал, что такого философа вообще не было. Еще в начале XX в. ученые спорили о достоверности факта существования Левкиппа, но сегодня большинство исследователей полностью признало его реальность.

Аристотель пишет о теории Левкиппа – Демокрита как о едином учении. Создателем атомистической теории был Левкипп, однако Демокрит ее усовершенствовал и дополнил. Невозможно точно определить вклад Демокрита, поскольку еще в древности не было отчетливого разделения между учением Левкиппа и взглядами Демокрита. Левкипп создал свое учение, пытаясь

примирить аргументы элейской школы о невозможности движения с данными чувственного опыта. Он допускал существование небытия, т. е. пустоты, разделяющей мельчайшие частицы бытия (атомы). Атомы, будучи неделимыми и неизменными, отличаются друг от друга лишь величиной и формой и находятся в состоянии вечного движения. Сталкиваясь и сцепляясь друг с другом, атомы образуют все вещи реального мира, а сочетания атомов обусловливают их разнообразие. Атомы различной формы и величины образуют первичные сочетания: огонь, воду, воздух и землю.

Носясь в пустоте, бесчисленные множества атомов порождают вихри, из которых возникают миры. Каждый вихрь окружает себя как бы оболочкой, препятствующей отдельным атомам вырываться наружу. Кружась в таком вихре, атомы сортируются по принципу «подобное стремится к подобному»: более крупные из них собираются в середине и образуют плоскую Землю, более мелкие устремляются к периферии. Некоторые скопления атомов воспламеняются из-за скорости движения – так возникают видимые нам небесные светила. Процесс космообразования, как и все, что совершается в мире, обусловлен некоей высшей необходимостью (ананке).

Левкипп сыграл важную роль в развитии представлений о космосе, и современными астрономами в его честь названа малая планета (астероид) 5950 Leukippos и лунный кратер Leucippus.

В остальном взгляды Левкиппа практически неотделимы от дальнейшего развития атомистики в трудах Демокрита, являющихся закономерным результатом развития предшествующей философской мысли. В учении Демокрита можно найти части материалистических систем Древней Греции и Древнего Востока, в том числе принцип сохранения бытия («ничто не возникает из ничего»), принцип притяжения подобного к подобному, само понимание физического мира как возникшего из соединения первоначал (огня, воды, земли, воздуха, разума), зачатки этического учения.

Согласно Демокриту, Вселенная – это движущаяся материя, атомы веществ (бытие) и пустота (небытие), которая является такой же реальностью, как и бытие. Вечно движущиеся атомы, соединяясь, создают вещи, их разъединение приводит к гибели и разрушению последних. Введение атомистами понятия небытия имело глубокое философское значение, поскольку эта категория дала возможность объяснять возникновение и изменение вещей.

Понятие пустоты привело к понятию пространственной бесконечности как постоянного количественного накапливания или уменьшения, соединения или разъединения «кирпичиков»

бытия. Однако Демокрит не отрицал качественные превращения, наоборот, они играли в его картине мира огромную роль. Целые миры превращаются в другие, то же происходит и с отдельными вещами, ибо вечные атомы не могут исчезать бесследно, а дают начало новым вещам (согласно принципу сохранения бытия). Превращение происходит в результате разъединения атомов, которые затем составляют новую комбинацию, а значит, новую вещь. Сами атомы неделимы (atomos – «неделимый»), абсолютно плотны и не имеют физических частей, но во всех телах они сочетаются так, что между ними остается хотя бы минимальное количество пустоты; именно от этих промежутков между атомами зависит структура тел.

Каждый атом конечен, ограничен определенной поверхностью и имеет неизменную геометрическую форму. Наоборот, пустота, как «беспредельное», ничем не ограничена и формы не имеет. Атомы не могут быть восприняты органами чувств; они похожи на пылинки, носящиеся в воздухе и незаметные вследствие слишком малой величины, пока на них не упадет луч солнца, проникший через окно в помещение. Атомы гораздо меньше этих пылинок; только луч мысли, разума может обнаружить их существование. Они невоспринимаемы еще и потому, что не имеют обычных качеств – запаха, цвета, вкуса и т. п.

Чем же, однако, различаются между собой атомы по Демокриту? Речь идет о различии форм атомов и о разном их местоположении. В то же время понятно, что положением различаются не единичные атомы, а их группы или составные (как, например, ОН и НО), что видоизменяет тело, делает его другим. Демокрит не мог предугадать законов современной биохимии, но именно из этой науки известно, что несходство двух одинаковых по составу органических веществ зависит от порядка, в котором выстроены их молекулы (разнообразие белковых веществ зависит от порядка расположения в их молекулах аминокислот, причем число возможных комбинаций при их сочетаниях огромно).

Атомы различались также величиной, от которой в свою очередь зависела тяжесть. Демокрит был на пути к этому понятию, признавая относительный вес атомов, которые в зависимости от размеров бывают тяжелее или легче. Так, например, самыми легкими атомами он считал самые мелкие и гладкие шаровидные атомы огня, составляющие воздух, а также душу человека. Вообще, единичные частицы материи, существование которых предполагал Демокрит, соединяли в себе свойства атома, молекулы, микрочастицы, химического элемента

и более сложных соединений.

С формой и величиной атомов связан вопрос о так называемых амерах или «математическом атомизме» Демокрита, математика которого отличалась от общепринятой. Она основывалась на атомистических понятиях, но демокритовский атом не совпадал с математической точкой. Атомы имели разные размеры и формы: крючкообразные, якоревидные, шероховатые, угловатые, изогнутые – иначе бы они не сцеплялись друг с другом. Демокрит считал, что атомы неделимы физически, но мысленно в них можно выделить части – точки, которые не имеют своего веса, но тоже являются протяженными. Это не нулевая, а минимальная величина, дальше неделимая, мыслимая часть атома – «амера» (бесчастная). В самом мелком атоме было 7 амер: верх, низ, левое, правое, переднее, заднее, середина. Это была математика, согласная с данными восприятия, которые говорили, что, как бы мало ни было физическое тело, например невидимый атом, в нем всегда можно вообразить стороны, делить же до бесконечности даже мысленно невозможно. Из амер Демокрит составлял протяженные линии, из них – плоскости (конус, например, состоит из тончайших кружков, параллельных основанию, и т. д). Авторы, сообщающие о взглядах Демокрита, слабо разбирались в его математике, а Аристотель и его последователи ее резко отвергли, и она была забыта.

Атомы неисчислимы, количество конфигураций атомов бесконечно, поскольку «нет основания, почему бы они были скорее такими, чем иными». Этот принцип индифферентности, или равновероятности, характерен для демокритовского объяснения Вселенной, так как с его помощью можно было обосновать бесконечность движения, пространства и времени. Согласно Демокриту, все мирообразование обусловлено высшей необходимостью и является естественным следствием вечного движения материи.

Вечное движение – это сталкивание, отталкивание, сцепление, разъединение, перемещение и падение атомов, вызванное первоначальным вихрем. Больше того, у атомов имеется свое, первичное движение, не вызванное толчками: «трястись во всех направлениях» или «вибрировать». В своей картине строения материи Демокрит исходил из принципа сохранения бытия «ничто не возникает из ничего», связывая его с вечностью времени и движения. На основе наблюдений и, возможно, философского переосмысления традиционного мифа о первоначальном «хаосе» Левкипп пришел к одной из самых плодотворных идей древности о «вихре» (dinos) атомов – начальном состоянии и движущей силе возникновения космоса.

Демокрит принял и дальше развил концепцию Левкиппа, понимая вихрь как «такое движение элементов, вследствие которого они отделяются друг от друга».

Первичное движение атомов присуще им изначально, оно не требует внешнего толчка. Эта сила действует как закон природы и является первичной причиной образования самого вихря. Хаотическое движение атомов в пространстве постоянно приводит к образованию вихрей, из которых создаются бесчисленные миры. Все эти миры рождаются и погибают, но Вселенная вечна: безначальна и бесконечна. Она не имеет создателя, и в ней нет цели; все в ней подчинено всеобъемлющему закону необходимости (ананке), и ничто не случается без естественной причины.

Мысль о бесконечных мирах во Вселенной всегда ассоциировалась с фигурой Джордано Бруно. Но эта идея, выдвинутая итальянским мыслителем в конце XVI в., была «возрождением» идей древних атомистов. О бесконечных мирах говорили Левкипп и Демокрит, согласно которым множество различных миров существуют одновременно. Они находятся на разных расстояниях друг от друга и на разных стадиях развития; каждый из них рождается, расцветает и погибает. Столкновение миров может вызвать космическую катастрофу, но Демокрит говорит не о падении целых миров друг на друга, а только о выпадении (так сказано у Плутарха) отдельных атомов одного мира в другой, что имеет пагубные последствия.

Согласно Демокриту, вихреобразное движение было причиной образования и нашего мира, и этот мир, сейчас находящийся в расцвете, подчинен естественным законам Вселенной. В результате действия закона притяжения подобного подобным относительно однородные атомы объединились вместе, возникли Земля и небесные светила, раскалившиеся от быстроты движения. Одновременно несходные атомы отталкивали друг друга. Таким образом, процессы притяжения и отталкивания привели к образованию всего окружающего мира.

По Демокриту, все происходящее в мире подчинено не сверхъестественной силе, а только закону необходимости, бесконечной цепи причинно-следственных связей. Философ отрицал первопричину мира, но постоянно искал причинные основания всех явлений, о чем говорят заглавия целого цикла его произведений: «Небесные причины», «Наземные причины», «Причины звуков», «Причины благоприятного и неблагоприятного», «Причины законов». Найти причины явлений – это одна из главных задач науки и деятельности ученого («мудреца»).

В целом гипотеза об атомарном строении вещества была самой научной и самой убедительной из всех, созданных до Демокрита. Она опровергала основную массу религиозно-мифологических представлений о надприродном мире и вмешательстве богов. Картина движения атомов в мировой пустоте, их столкновения и сцепления стала моделью причинности, противоположной мифологическому миропониманию древних.

Даже если заглавия «Причин» переданы неточно и если знаменитое изречение Демокрита о том, что он предпочтет найти одну причину, чем занять персидский престол, – легенда, то все содержание трудов Демокрита свидетельствует, что главным для него был поиск причинной закономерности явлений. Социальная философия, теория ощущений, учение о происхождении живой природы, вопросы зоологии, ботаники, психологии – вот круг научных интересов Демокрита, судя по дошедшим до нас фрагментам. При этом рассмотрение каждого вопроса было насыщено у него причинными объяснениями.

Начиная с Аристотеля и кончая христианскими писателями, верящими в «божественное провидение», все противники материалистического учения нападали на Демокрита. «Демокрит оставил в стороне цель и не говорил о ней, а возводил все, чем пользуется природа, к необходимости», – писал Аристотель. Христианские авторы называли Демокрита философом, воспевающим «бестолковость» и «случай». Отрицание промысла Божьего, с их точки зрения, делало философию Демокрита «вредной» и «опасной», и они, не задумываясь, отвергали ее.

Демокрит же был настолько увлечен возможностью найти причинное объяснение всех событий, происходящих в мире, что объявлял всякого рода случайности лишь субъективной иллюзией, порожденной незнанием подлинных причин происходящего, превращающих любую случайность в необходимость.

Демокрит, широко пользуясь распространенным в древности принципом аналогии микрокосма и макрокосма[13], приводил в своих сочинениях главным образом примеры из человеческой практики. Согласно Демокриту, если человек нашел клад – это не случайно, ибо причиной было вскапывание земли или посадка оливкового дерева. Если человек встретил приятеля, которого не расчитывал встретить, – причиной было то, что он пошел на рынок, и т. д. Таким образом любое явление имеет свою причину, поэтому нет случайности. Необходимость в философии Демокрита фатальна и непреодолима, но он не был фаталистом. Он отрицал слепую «судьбу», «рок», «фатум», который может

внести внезапное изменение в естественный ход явлений.

После продолжительных странствий Демокрит вернулся в Абдеры, где существовал закон, согласно которому каждый гражданин должен был приумножать имущество, доставшееся ему в наследство. Нарушивших этот закон изгоняли из города. Демокрит же во время путешествия истратил все наследство и поэтому подлежал изгнанию. По легенде, философа вызвали на суд, и там, чтобы избежать наказания, он прочитал свой трактат «Большой миростроЙ» («Megas Diakosmos»[14]). Произведение Демокрита произвело неизгладимое впечатление на судей и было оценено в 500 талантов – сумму, в пять раз превышающую его наследство.

Когда Демокрит вернулся на родину, его взгляды разделило множество последователей. Целая плеяда «демокритовцев», непосредственных или отдаленных продолжателей великого философа и ученого, упоминается в различных источниках. Последователи Демокрита обычно развивали только отдельные стороны его учения, в целом же, как правило, их взгляды во многом не совпадали с учением философа.

На заре жизни товарищем юности и первым слушателем Демокрита был Протагор. В молодости он не учился, а работал носильщиком корзин и дров, что привело к знакомству с Демокритом: «…случайно Демокрит… выйдя за черту города, увидел Протагора, когда тот легко и проворно шагал с тяжелым и неудобным грузом. Демокрит подошел к нему поближе, рассмотрел расположение и соединение поленьев, сделанное искусно и опытной рукой, и попросил… чтобы Протагор распустил вязанку и снова сложил ее таким образом. Эта просьба была выполнена. Демокрит пришел в восхищение от ловкости и остроумия этого необразованного человека. Демокрит тотчас повел Протагора, взял его к себе, назначил ему содержание и научил его философии, и сделал его таким, каким он был впоследствии».

Скорее всего, это легенда. Протагор был на 10–11 лет старше Демокрита и слыл довольно образованным человеком. И все же это не совсем вымысел. Многие источники указывают на Протагора как на ученика и слушателя Демокрита, а о его бедности говорит тот факт, что он, в конце концов, занялся платным преподаванием, чем положил начало деятельности софистов – профессиональных учителей Греции.

Протагор многое заимствовал у Демокрита, но в дальнейшем их пути разошлись. В то время, когда Демокрит путешествовал по Востоку, накапливая все новые знания, Протагор уже преподавал. В рассказах о Демокрите и его слушателях обращает на себя

внимание одна повторяющаяся деталь, которая не может быть случайной: Демокрит с уважением относился к физическому труду и считал вполне допустимым, что бедняк или бывший раб может стать выдающимся философом, и активно этому содействовал.

Кстати, второй его ученик, Диагор, когда-то был рабом у одного абдеритянина, дом которого посещал Демокрит. Он заметил, что раб сметлив, одарен, умен и знает больше хозяина. Философ выкупил Диагора, отдав за него десять тысяч драхм. Диагор стал учеником Демокрита и был известен не только как философ, но и как тонкий лирик.

Обращает на себя внимание и еще один факт: слушатели Демокрита – материалисты и атеисты или же те, кто впоследствии становится ими. Сам Демокрит, не веря в загробную жизнь души, занимался анатомированием трупов и некоторое время даже жил на кладбище. Однажды «какие-то юноши захотели его попугать ради шутки, – рассказывает римский поэт Лукиан, сатирик II в. н. э. – Нарядившись покойниками, надев черное платье и личины, изображающие черепа, они окружили его и стали плясать вокруг плотной толпой. Он не только не испугался их представления, но и не взглянул на них, а сказал, продолжая писать: «Перестаньте дурачиться». Так твердо он был убежден в том, что души, оказавшиеся вне тела, – ничто».

Протагор за скептическое отношение к богам был приговорен к смерти и погиб, убегая от приговора. Как самый решительный атеист прослыл в Греции Диагор, бывший раб. Афиняне заочно осудили его на смерть за насмешки над культом и разглашение тайны мистерий, и за его голову была объявлена награда.

Демокрит был известен как большой знаток политической истории Греции. Он говорил, что «политика есть величайшее искусство. Выгодно изучать ее и посвящать себя политической деятельности, которая дает жизни человека величие и блеск». Демокрит считал, что благодаря высшей мудрости человек имеет три результата: он должен и может хорошо мыслить, он должен хорошо говорить, и он должен хорошо делать, то есть придерживаться «золотой середины»: не вдаваться в крайности ни в накоплении богатств, ни в политических воззрениях. Деятельность Демокрита на пользу города принесла ему уважительное прозвище «Мудрый».

Точно неизвестно, в какое время, но возможно, когда родина оказалась в опасности, его сделали архонтом, доверив высшую власть в городе, и за свои заслуги он получил прозвище «Патриот». Демокрит всегда был доброжелателен и никто не видел его в плохом расположении духа, за что его называли

«смеющимся философом». Вообще горожане очень уважали ученого, о чем свидетельствует древняя монета с гербом Абдер и надписью «При Демокрите».

Демокрит был долгожителем и прожил до глубокой старости, не прекращая научных занятий. Среди легенд рассказы о старости и смерти Демокрита занимают особое место.

Под конец жизни философ потерял зрение, и вокруг этого факта ходили разные слухи. В общем-то, немудрено потерять зрение в девяносто лет, но говорили, будто Демокрит сам ослепил себя: он якобы сконцентрировал в вогнутом медном зеркале (щите) луч солнца и, направив на свои глаза, выжег их. Он поступил так для того, чтобы воспринимаемый глазом свет не затмил ум, стремящийся познать невидимое глазу. Это, конечно, вымысел (так считал Плутарх), но он выглядит правдоподобным, поскольку подчеркивает внутренний конфликт разума и чувства, присущий Демокриту: отчаявшись в чувственном познании, он лишает себя зрения, чтобы обострить ум.

Легенда о столь фантастическим способе ослепления основана, видимо, на теории Демокрита о познании, а также его интересе к зажигательным зеркалам, которыми он занимался в последние годы. «Эмпирическому естествоиспытателю», пользовавшемуся опытом и наблюдением, зрение было необходимо. Но, ослепнув, Демокрит решил, что сможет полностью углубиться в исследование умопостигаемой истины, которая глубоко сокрыта и часто противоречит чувственному восприятию. Цицерон писал: «Демокрит, потеряв зрение, не мог отличать белое от черного, но хорошее и дурное, справедливое и несправедливое, благородное и позорное, полезное и вредное, великое и малое различать он мог; не умея различать цвета, он мог жить счастливо, а без правильной оценки вещей он не мог».

В более поздних источниках мотивировки мнимого самоослепления Демокрита меняются. Самая оригинальная версия (неудивительная, впрочем, для христианского аскета, умерщвляющего плоть) высказана богословом Тертуллианом (II–III в. н. э.): «Демокрит ослепил себя, так как не мог смотреть на женщин без вожделения…» – и это в девяносто лет. Воистину, враждебность к «безбожнику», с которой церковь относилась к Демокриту, ослепляет без зажигательных стекол. Демокрит, занятый наукой, вообще обращал мало внимания на женщин и считал, что философу и мудрецу лучше не иметь своих детей. Это было связано с пережитым им горем: его жена Адолия забеременела лишь в тридцать девять лет, но родить не смогла. Она и сын умерли при родах. У Демокрита не было наследников, и он больше не женился, но никогда не проповедовал аскетизм, а

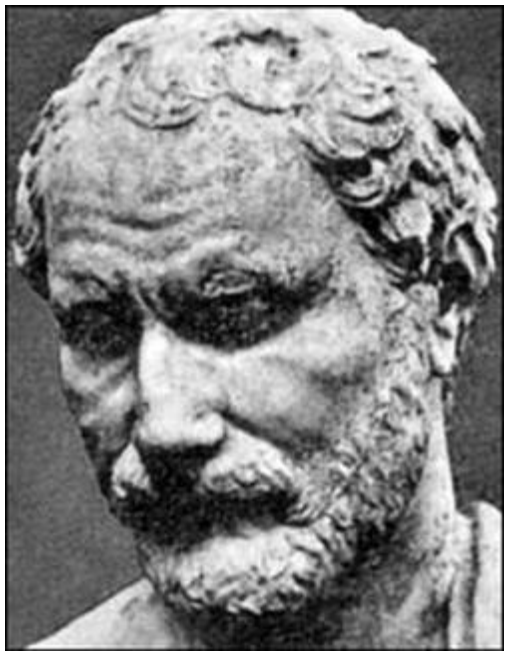
среди предметов его научных изысканий были и вопросы эмбриологии.

Когда Демокрит почувствовал, что стал немощен, то добровольно ушел из жизни. Римский поэт Лукреций Кар передает, что он, чувствуя приближение старческого слабоумия, перестал принимать пищу. По преданию, к умирающему Демокриту пришла племянница и попросила его повременить со смертью, чтобы не омрачать праздник Фесмофорий, который в это время начинался в городе. Он был посвящен богине плодородия Деметре и длился три дня. Племянница принесла ему горячие лепешки, чтобы философ мог подкрепиться. Демокрит, который очень высоко ставил интересы города, согласился отложить смерть, но лепешки есть не стал, а лишь вдыхал их аромат. Это продлило его жизнь до окончания празднеств.

Когда Демокрит умер, горожане похоронили его за государственный счет и воздвигли медные памятники, на которых он предстает мудрецом с открытым, спокойным и доброжелательным лицом, с тонкими губами, изогнутыми в лукавой усмешке. На одном из памятников изречение Демокрита: «Ни искусство, ни мудрость не могут быть достигнуты, если им не учиться».

ДЕМОСФЕН

(род. около 384 г. до н. э. – ум. в 322 г. до н. э.)



«Если бы мощь, Демосфен, ты имел
такую, как разум,
Власть бы в Элладе не смог взять
македонский Арей».

Надпись на памятнике Демосфену

Биография Демосфена вошла в учебники как образчик целеустремленности и способности преодолевать природные недостатки, ораторского мастерства и искусства политического влияния, патриотизма и верности интересам государства. Его жизнь похожа на приключенческий роман, да и ее окончание тоже вполне вписывается в каноны жанра. Выражаясь языком передовицы, афинский государственный деятель и великий оратор древности Демосфен всю свою жизнь посвятил родине и умер в борьбе за ее свободу.

Конечно, по прошествии двух с половиной тысяч лет трудно с уверенностью судить о событиях того времени и мотивах,

двигавших Демосфеном, – в его биографии (впрочем, как и любого политика) немало неоднозначных поступков. Но далеко не так часто добрая слава о деяниях политического деятеля переживает тысячелетия, а его имя становится почти нарицательным, и далеко не каждый политик становится примером для подражания для многих поколений.

* * *

Демосфен родился в Афинах в 384 г. до н. э. и был старшим сыном в семье оружейника Демосфена. Когда мальчику исполнилось семь лет, отец умер, оставив в наследство будущему оратору и его пятилетней сестре крупное состояние.

Содержание и воспитание детей было поручено опекунам, которые полностью распоряжались их наследством. Опекунами стали братья матери Демосфена, которая должна была подчиняться их решениям в соответствии с законами того времени. Однако они практически не занимались Демосфеном и его будущим, не заботились о его образовании и физическом развитии, а это означало, что мальчик попадает на обочину общества и не сможет добиться высокого положения в нем. Должно быть, именно чувство, что судьба обошлась с ним несправедливо, возможно, даже детская зависть к более «удачливым» сверстникам стали первыми камнями, которыми Демосфен вымостил путь к славе и политическому влиянию.

Еще в ранней юности он услышал выступление знаменитого оратора в суде и увидел, как толпа покорилась его красноречию. С тех пор у мальчика появилась мечта – стать знаменитым оратором, тем более что они пользовались в Афинах всеобщим уважением и их избирали на почетные должности в государстве. Но пока что он оставался заброшенным ребенком, о будущем которого никто не заботился, кроме матери, но она не имела имущественных прав и не могла платить за его обучение.

Демосфен отчетливо понимал, что его интересы не сможет защитить никто, кроме него самого, и, когда он повзрослел, опекунам пришлось несладко. Когда Демосфен достиг совершеннолетия, они отдали ему лишь дом с рабами, а деньги и остальное имущество присвоили себе. Молодой человек пытался решить дело мирным путем, убеждая опекунов добровольно вернуть наследство, но они отказались. Тогда Демосфен решил добиваться возврата своих денег в суде, но не смог сразу осуществить свои планы – не получив достойного образования, он не знал законов и совершенно не владел искусством речи. А

именно это было нужно, чтобы затевать тяжбу и выигрывать процессы – в демократических Афинах человек, желающий отстоять свои интересы, должен был выступать в суде самостоятельно.

Демосфен обратился к лучшему адвокату по делам о наследствах и четыре года учился у него, но на учителя ораторского искусства денег уже не хватило. Окончив учение, он начал судиться с опекунами, что продолжалось пять лет, и в конце концов выиграл дело.

Так опекуны, сами того не желая, помогли Демосфену: за девять лет он досконально изучил философию и право, обучился мастерству оратора, развил дар убеждения, завязал нужные знакомства. В общем, теперь Демосфен мог исполнить свою давнюю детскую мечту – стать общественным деятелем.

Первое выступление молодого оратора закончилось плачевно: шум, смех и шиканье толпы не дали ему даже закончить речи. Это было закономерно – Демосфен от природы имел очень слабый голос, говорил невнятно, заикался, картавил, постоянно подергивался и, кроме того, совершенно не умел держаться перед публикой. Ничуть не лучшей оказалась и вторая попытка.

Демосфен не понимал, в чем причина неудачи – ведь содержание речи было исполнено глубокого смысла. Очевидно, народ просто не в состоянии понять и оценить всю глубину его мысли… К счастью, он поделился своими мыслями с приятелем-актером, который открыл ему глаза на важность выразительности речи и умения выступать на публике. И Демосфен занялся самосовершенствованием.

Он уединился и целыми днями упражнял дикцию. Набрав в рот камней и читая так стихи, он стремился добиться внятности речи. Молодой человек подобрал щенка и заставлял того рычать, чтобы научиться произносить «р» и перестать картавить. Выйдя на берег моря, он громко читал стихи, стараясь заглушить шум волн. Идя в гору, не переставал громко говорить, чтобы выработать правильное дыхание. Демосфен на несколько месяцев заперся в доме, обрив себе полголовы (чтобы стыдно было выходить на улицу), и научился красиво жестикулировать. В конце концов, после долгих усилий он достиг своей цели и стал выдающимся оратором, хотя так и не научился говорить без подготовки; каждый раз ему приходилось учить наизусть заранее написанную речь. О речах Демосфена говорили, что они пахнут маслом, ведь он старательно готовил свои выступления по ночам, при свете масляной лампы.

Когда ему исполнилось 30 лет, он стал принимать участие в государственных делах. В то время на Грецию наступал царь

Филипп Македонский, и всю силу своего ораторского дарования Демосфен обратил против него. В 351 г. он произнес первую речь против Филиппа Македонского (отсюда «филиппики»), где резко критиковал пассивную позицию Афин по отношению к захватнической политике Македонии. Еще недавно Македония была слабым государством, с которым греки мало считались, но во время правления царя Филиппа она стала грозной силой. Греки же вели между собой постоянные войны, и Филипп ловко пользовался внутренними раздорами, стремясь к завоеванию Греции.

Несмотря на активное противодействие Демосфена, Афины заключили мир с Македонией на невыгодных для себя условиях. А потом Филипп, несмотря на перемирие, разгромил союзников Афин. В общем, «партия войны» победила – Демосфен был избран первым стратегом и стал во главе афинского государства, готовясь к новой войне с Македонией и убеждая греческие полисы присоединиться к Афинам. Он всячески убеждал греческие города не подчиняться Македонии, порицая все действия Филиппа и используя любой его шаг, чтобы восстанавливать греков против македонского царя. В общем, Демосфен стал для македонян бельмом на глазу, однако пока они не могли ничего с ним поделать.

Летом 338 г. до н. э. произошло роковое для Афин сражение при Херонее. Войска греков были разгромлены, снова пришлось заключать мир с Македонией, а греческие государства потеряли свою независимость. На Демосфена посыпались обвинения во всех смертных грехах, и ему не удалось сохранить свой пост главы государства.

В 336 г. до н. э. Филипп Македонский был убит на свадьбе своей дочери, и первым это счастливое известие получил Демосфен, сообщивший афинянам об этой радости. В связи с этим в тот день великий оратор пришел в народное собрание в праздничной одежде, хотя всего несколько дней назад скончалась его дочь. Народное собрание постановило принести богам благодарственную жертву, а убийцу царя наградить венком.

Снова к власти был призван Демосфен. Афины вступили в сношения с персами, побуждая их немедленно начать войну с сыном Филиппа, Александром Македонским. Демосфен полагал, что с наследником македонского царя, мальчишкой и дурачком, как он называл Александра, справиться будет легко. Вопреки ожиданиям, Александр быстро покончил со своими противниками в Македонии и Фессалии и заставил признать себя вождем общегреческого войска для похода на Персию.

Однако перед персидской войной Александру пришлось

предпринять поход на север. Пользуясь его отсутствием, восстали Фивы, а за ними и другие греческие государства, но македонец неожиданно появился под стенами Фив с войском. Город был разрушен до основания, а уцелевшие жители, числом около 30 тысяч человек, безжалостно проданы в рабство. В ожидании осады в Афинах царило страшное смятение, но ценой полной покорности удалось вымолить у победителя пощаду. Александр потребовал только выдачи Демосфена и других противников Македонии. К счастью, его внимание было отвлечено приготовлениями к персидскому походу, и он не стал настаивать на своем требовании. Демосфен остался в Афинах. Александр был всецело занят азиатскими делами, предоставив полновластно распоряжаться в Греции своему полководцу Антипатру, ненавидевшему Демосфена еще со времен Филиппа.

Между тем к власти в Афинах опять пришла македонская партия, и противники великого оратора решили, что это самое подходящее время, чтобы расправиться с ним. Еще несколько лет назад один из сторонников Демосфена предложил увенчать его за заслуги перед Отчизной, и народное собрание постановило наградить великого гражданина Афин золотым венком. Сторонники Македонии, разумеется, возражали, и теперь в суд присяжных была подана жалоба, утверждавшая, что Демосфен не заслуживает такой высокой награды. Несмотря на давление, судьи решили, что он достоин награды. Внесший жалобу оратор Эсхин был оштрафован и отправлен в изгнание, а политическое влияние Демосфена только возросло.

В это время произошло событие, ставшее роковым для нашего героя. Казначей Александра Македонского, Гарпал, похитил казну персидских царей и прибыл в афинскую гавань, желая подкупить афинских политиков и переманить их на свою сторону, обещая Греции независимость. Гарпала не пустили в Афины, и он, оставив войско и сокровища на мысе Тенар, вернулся в город и стал просить о предоставлении ему убежища. При этом у Гарпала были с собой 750 талантов. Антипатр требовал выдачи похитителя казны, но по предложению Демосфена Гарпал был задержан, а привезенные им деньги положены на сохранение в Акрополь, чтобы вернуть их потом Александру. Гарпалу удалось бежать на Крит, где его вскоре убили.

Когда через некоторое время деньги подсчитали, то оказалось, что осталось всего 350 талантов, а остальные пропали. Демосфена привлекли к суду по обвинению в расхищении денег, подкупе и устройстве побега Гарпала. Суд признал оратора виновным и присудил большой штраф. Денег у Демосфена не было, и его заключили в тюрьму. Друзья, однако, помогли ему

бежать на остров Эгин, что недалеко от Афин.

Демосфен горько жаловался на несправедливый приговор: он, человек безукоризненно честный и имеющий великие заслуги перед государством, осужден, а обвинявшийся вместе с ним заведомый негодяй оправдан. Справедливости ради надо заметить, что есть и другая версия случившегося: персидский царь, считая Демосфена своим главным союзником против Александра, посылал ему золото, и когда Демосфен был пойман на мздоимстве, противники отправили его в изгнание.

Однако изгнание великого оратора оказалось непродолжительным: неожиданно пришло известие о смерти Александра в Вавилоне. Афинское народное собрание постановило вернуть великого оратора, и когда Демосфен вступил на родную землю, ему устроили торжественную встречу, как национальному герою.

Итак, Александра не было в живых, но для Демосфена наступил час расплаты: Антипатр все настойчивее требовал от афинян его выдачи. Когда стали поступать сведения о приближении македонского войска к Афинам, Демосфен бежал на Калаврию (остров у северо-восточного берега Пелопоннеса) и просил защиты у алтаря Посейдона, что обеспечило ему неприкосновенность, пока он находится в храме.

Вот что пишет о дальнейшем развитии событий Плутарх. Узнав, что Демосфен нашел прибежище на Калаврии в храме Посейдона, Архий, бывший актер, получивший прозвище охотника за беглецами, вместе с фракийскими копейщиками переправился туда. Он стал уговаривать оратора покинуть храм и отправиться с ним вместе к Антипатру, уверяя, что ему не сделают ничего плохого.

Но дело в том, что накануне ночью Демосфену привиделся странный сон. Ему снилось, будто он состязается с Архием в исполнении трагической роли и, хотя игрою своей он покорил весь театр, из-за бедности и скудости постановки победа достается сопернику. Поэтому, сколь ни дружелюбно разговаривал с ним Архий, Демосфен, не сходя с места ни на шаг, посмотрел на него и сказал: «Архий! Никогда не верил я твоей игре, не верю сейчас и твоим посулам!»

Когда же Архий начал угрожать, Демосфен воскликнул: «Вот это прорицания уже безошибочные, а все, что ты говорил перед этим, было только актерской игрой. Подожди уж немного, я напишу домой пару слов». Сказав это, он отошел в глубь храма, взял в руки табличку, как бы намереваясь писать, поднес к губам тростниковое перо и, закусив его кончик, оставался некоторое время неподвижен, как он это обычно делал, обдумывая то, что

пишет. Потом он полностью закутался в плащ, и голова его бессильно поникла. Демосфен принял яд, а на табличке позже обнаружили лишь два слова: «Демосфен – Антипатру».

Существует несколько версий того, откуда Демосфен добыл яд. Одни считают, что им было пропитано тростниковое перо, которым писал оратор. Другие утверждают, что он извлек яд из тряпицы, которую уже давно носил на шнурке вместо амулета. Третьи уверяют, что Демосфен хранил яд в полом браслете, который постоянно носил на запястье. Четвертые говорят, что не яд, а боги избавили Демосфена от жестокости македонян, послав ему легкую безболезненную смерть.

Столпившиеся у двери копейщики, не разобравшись, что происходит с Демосфеном, и решив, что он малодушничает, стали издеваться над ним, обзывая трусом, а Архий, подойдя поближе, просил его подняться и снова завел те же речи, обещая помирить с Антипатром. Но Демосфен, едва почувствовав, что действие яда уже сказывается, отбросил плащ, потребовал, чтобы ему помогли встать, и сделал несколько шагов, шатаясь и дрожа всем телом. Но как только алтарь остался позади, он рухнул и со стоном испустил дух.

Это произошло 12 октября 322 г. до н. э. Демосфен был похоронен в ограде храма. Позже прах перенесли в Афины, которые его предали. Афинский народ поставил в честь Демосфена медную статую, на которой он был представлен со скорбным выражением лица и сжатыми в отчаянии руками. На пьедестале была сделана надпись: «Если бы мощь, Демосфен, ты имел такую, как разум, власть бы в Элладе не смог взять македонский Арей».

ДЖОПЛИН ДЖЕНИС

(род. в 1943 г. – ум. в 1970 г.)

«Я счастлив – и все тут! Буду сегодня кутить, весело, добродушно, со всякими безобидными выходками… Откройте бочку вина! Две бочки! Три! Приготовьте тарелки – я их буду бить! Уберите хлеб из овина – я подожгу овин! И пошлите в город за стеклами и стекольщиком! Мы счастливы, мы веселы, все пойдет теперь как в хорошем сне!»

Евгений Шварц, «Обыкновенное чудо»

1960-е годы были годами молодежи – было модно быть молодым. Империя Юности просуществовала с 1966-го, с призыва Мао «Огонь по штабам!», до 1978 г. Только в этот промежуток времени молодежь была признана как класс, с особыми запросами и потребностями. Она была близка к тому, чтобы навязать свою позицию миру. Но этого не произошло.

Юношей посылали во Вьетнам, и они там погибали, так и не поняв, что такое война. Тех, кто понимал, убивали дома: в 1966 г. полиция расстреляла антивоенную демонстрацию в Детройте;

в мае 1968 г. в Париже прошли массовые студенческие выступления; летом этого же года в Чикаго состоялась антивоенная демонстрация, закончившаяся кровавой расправой.

Сейчас как-то неловко осознавать, что сама идея терпимости к многообразию жизни рождалась в психоделическом угаре. Сейчас эти идеи существуют совсем в другом антураже: их излагают в торжественных речах на приемах и политических форумах, обсуждают видные общественные и политические деятели. И мало кто вспоминает об истоках идеи толерантности, хотя все чаще из окон фешенебельных гостиниц и дорогих авто доносятся композиции Джима Моррисона, Джимми Хендрикса и Дженис Джоплин. Да и голливудский кинобизнес с маниакальным упорством воспевает идолов 60-х: снят фильм о Джиме Моррисоне, выпущены в прокат несколько фильмов о Дженис Джоплин, готовится к съемке еще один… Революция пущена на поток и разобрана на сувениры.

Вряд ли Дженис чувствовала всю глубину философии мира и всеобщего братства, но следовала ей с упоением. Исполняя блюз с потрясающей чувственностью и эмоциональностью, свойственной только черным певцам, она стала единственной представительницей женского рока, которая не только смогла конкурировать с «мужскими командами», но и добиться такого же бешеного поклонения. Джоплин и по сей день считается рок-певицей всех времен и народов, к которой с полным правом можно применить эпитет «великая». Дженис обладала уникальным, абсолютно узнаваемым голосом – мощным, с диапазоном в три октавы. Она владела голосом, как Хендрикс – гитарой: свободно, без технических и эмоциональных преград.

Музыкальное наследие «талантливой певицы, погибшей в чудовищном мире чистогана и наживы» (из книги советских лет «Музыка бунта»), невелико – всего пять студийных альбомов (не считая тех, которые выходили через много лет после ее смерти). Это вполне понятно, ведь артистический взлет Дженис пришелся всего на четыре года – с 1966 по 1970 г.

«Взбесившаяся оса», как назвал Дженис Джоплин журнал «Ньюсуик», родилась 19 января 1943 г. в Порт-Артуре, захолустном техасском городке, где население работало на предприятиях очистки и переработки нефтяных продуктов. В Порт-Артуре царила атмосфера, типичная для южных штатов: хлебосольные и добродушные жители становились агрессивными, как только речь заходила о «неправильных» или «неприличных» вещах, вроде прав чернокожих (ответом были костры ку-клукс-клана), битниках или еще о чем-нибудь подобном. Подруга и биограф Дженис точно определила его как «плато

посредственности с подземными водами насилия». Позже сама Джоплин скажет: «Техас – отличное место для тех, кто вздумал здесь поселиться и потихоньку заниматься своим делом, но не для возмутителей спокойствия. А я всегда была именно возмутителем спокойствия».

Ее отец, Сет Джоплин, дипломированный инженер, был помощником управляющего в нефтеперерабатывающей компании «Тексако», а мать, Дороти, имела музыкальное образование, но работала архивариусом в местном колледже, который готовил будущих бизнесменов. Кроме Дженис, самой старшей, в семье было еще двое детей: Майкл и Лаура.

О своем детстве Дженис всегда вспоминала с горечью, ведь она была изгоем. Умилительный ангелочек, миленькая белобрысая крошка к четырнадцати годам утратила всю свою привлекательность и превратилась в толстушку с плохой кожей и жирными волосами непонятного цвета (которые к тому же казались вечно нечесаными). В школе – теплице для «настоящих» мисс и джентльменов – ее называли не иначе как «свиное рыло». «Представляете, каково было ребенку слышать о себе такое?» – спросила она однажды.

Разумеется, девочка пыталась спастись от агрессии сверстников, решив, что лучшая защита – нападение. Она отказалась от того, чтобы стать юной леди, и надела на себя маску «чокнутой». Одежда Дженис – грязные джинсы и мужские рубахи – вкупе с «изяществом» манер вызывали в памяти образ портового грузчика или пьяного матроса.

Ее переполняла энергия, стремление к свершениям, но вокруг были только неприязнь и пустота. Дженис чувствовала себя непонятой и одинокой: «В детстве я была очень чувствительным ребенком, на мою долю выпало слишком много страданий. Вы, наверное, знаете, как это тяжело, когда вы отличаетесь от других детей и полны самых разнообразных желаний, с которыми не знаете что делать». Но были в ее жизни и светлые моменты. Например, отец уделял Дженис много внимания. Он мог часами спорить с ней о жизни: «Мой отец был скрытым интеллектуалом, думающим и любящим поговорить человеком, – вспоминала Джоплин. – Он сыграл важную роль в моей жизни, потому что заставил меня думать о многих вещах. Именно благодаря ему я стала такой, какая я есть».

Тем не менее, отрочество превратилось для Дженис в бесконечную пытку, и в 16 лет девушка сорвалась. Она стала необузданной психопаткой: попадая на вечеринки, хулиганила, сквернословила, оскорбляла тех, кто делал ей замечания, начала пить и употреблять наркотики. Ровесники возненавидели Дженис,

и она стала еще более агрессивной, замкнутой и закомплексованной. «Я много читала, рисовала, думала. Я не испытывала ненависти к неграм. В Порт-Артуре не было никого, кто был бы таким же, как я. Ни одного человека, с которым я могла бы поговорить, когда мне было плохо. Для всех я была просто «глупая, странная Дженис». Эти люди делали мне больно, и мне приятно вспоминать о том, что я тогда вытворяла, а они… Жители Порт-Артура думали, что я была битником, а они ненавидели битников, хотя сами их никогда и в глаза не видели».

Дженис связалась с компанией таких же, как она, «отщепенцев». Основой этого сообщества была свобода – свобода одеваться как тебе хочется, разговаривать не как в школе, выпивать и слушать «другую» музыку. Они целыми днями торчали в кафе «Пейси», слушая джаз и кантри. Это требовало денег, и Джоплин находила случайные заработки, тратя потом все деньги на пиво. Ее приятели интересовались поэзией и живописью, пытались сочинять сами и, конечно же, любили шумные компании.

Однажды ночью они отправились на пляж, где устроили вечеринку. Кто-то посетовал, что не хватает музыки, и тогда Дженис запела. Она сама удивилась своему невероятному голосу, а приятели прозвали ее «настоящей певицей», и обрадованная Джоплин стала упражнять свой голос, подпевая записям любимых исполнителей.

Постепенно она серьезно увлеклась блюзом и умудрилась собрать большую коллекцию пластинок. Особенно ее увлекла певица Смит, поразившая воображение девушки и ставшая ее кумиром: «Она показала мне воздушное пространство и научила меня, как его заполнить. Благодаря ей я стала петь по-настоящему». Становление Дженис как певицы происходило под влиянием Смит, а как личности – под воздействием философии битников (вкратце она сводится к следующему: мир несовершенен, но никто не в силах его изменить, так что надо веселиться и оттягиваться по полной программе).

Для Дженис блюзы были спасением от одиночества и отчаяния, но проблемы с окружающими остались; своими выходками она вконец раздразнила учителей и соседей. Но как бы там ни было, в 1960 г. она закончила среднюю школу. Окончание было отпраздновано грандиозной семейной ссорой, после которой семнадцатилетняя Дженис убежала из дома: «Я продала все, что только могла, даже те подарки, которые мне дарила на Рождество мать. Наверное, я была плохой дочерью. Потом я отправилась в Хьюстон, где все потратила всего за месяц и вернулась домой».

Произошло примирение с семьей, и после каникул Дженис стала студенткой колледжа, но скоро забросила учебу и начала скитаться по самым злачным местам штата, зарабатывая как придется. Ее неудержимо влекла кочевая жизнь. Дженис изъездила все близлежащие штаты, добралась даже до Нью-Йорка, но летом 1961 г. ее свалила болезнь почек, вызванная неумеренным пьянством. Снова пришлось возвращаться домой.

После выздоровления родители отправили дочь с глаз долой – к тетке в Лос-Анджелес. Там Дженис стала работать оператором по набивке перфокарт для ЭВМ в телефонной компании, но однообразная работа скоро надоела девушке. Она бросила ее и поселилась в коммуне в одном из богемных районов Лос-Анджелеса, где наконец-то нашла общество, которое вело такую же, как и она, неприкаянную жизнь: «Я была уверена, что никто в мире не думает так же, как и я. Каково же было мое удивление, когда я вдруг обнаружила, что еще есть люди, похожие на меня!» Вкусив прелестей свободной жизни и вдоволь насладившись чувством независимости, в декабре 1961 г. Дженис снова вернулась в постылый Порт-Артур.

31 декабря 1961 г. в одном из техасских клубов состоялся дебют Дженис Джоплин как певицы. Потом она пела во многих кафе и барах за символическую плату, которая часто заменялась бесплатной выпивкой. Весной 1962 г. Дженис решила возобновить учебу в колледже, а летом поступила в университет в Остине.

Однако главным для нее была не учеба, а возможность выступать со своей первой группой. Они выступали прямо на улицах, жили все вместе в районе с ласковым названием «Гетто» и вместо того, чтобы посещать семинары, целыми днями слонялись без дела, потягивая пиво. Не обходилось и без драк – у Дженис на теле осталось несколько шрамов от тех славных времен. Но при этом их аранжировки известных песен были очень и очень оригинальны, и группу пригласили петь в бар Threadgill's, где каждую субботу собирались «свои» – битники, профессора колледжа и университета, любители кантри и этнической музыки.

Пение Дженис сразу же пришлось всем по душе, и, став желанной гостьей, она как-то решилась исполнить свои коронные блюзы. По стечению обстоятельств ее пение услышал бывший студент-богослов Чет Хелмс, отчисленный из университета за неуспеваемость и подстрекательство к беспорядкам.

Чет был загадочной личностью. Он воспитывался в глубоко религиозной семье, где музыка, танцы и кино считались дьявольским изобретением. Чет решил избрать собственную дорогу в жизни и стал сначала ревностным борцом за права человека, а потом вступил в Социалистическую Лигу Молодежи. В

1962 г. он съездил в Сан-Франциско и вернулся в Остин убежденным хиппи. Собственно, он был в городке проездом – заглянул навестить родной вуз.

Услышав Дженис, Чет был потрясен. Оправившись от шока, предложил отправиться с ним вместе в Сан-Франциско. Джоплин не пришлось долго уговаривать – в университете «дружелюбные» сокурсники называли ее «самым уродливым человеком в кампусе», и она была готова ехать хоть на край земли, но не решалась отправиться в путешествие в одиночку. Вдвоем с Четом они добрались до Сан-Франциско на перекладных. Он был уверен, что во Фриско Джоплин ждет блестящая карьера, но сама Дженис думала несколько иначе: «Если говорить по правде, то пение меня не особенно интересовало, я не воспринимала это всерьез».

В Сан-Франциско они прибыли в январе 1963 г. без гроша в кармане. В тот же день Дженис пела в клубе и получила за свое выступление 14 долларов. Она развила бешеную активность, начала постоянно выступать. Джоплин пела очень громко, заставляя людей слушать ее не в кафе, а в отдалении на тротуаре.

Тогда же состоялся ее дебют на радио, а летом 1963 г. Дженис впервые пела на фестивале в Монтерее в сопровождении диксиленда. Денег все равно не хватало, и она кое-как перебивалась, то получая пособие по безработице, то пытаясь торговать собой (правда, из-за внешности у нее ничего не получалось, и Дженис просто шаталась по улицам, пела в кафе и барах или часами выпрашивала в клиниках наркотики).

В это время у девушки начались очень серьезные проблемы с наркотиками; в мае 1963 г. она решила избавиться от своего пагубного пристрастия и даже прошла реабилитационный курс, но результаты были мизерными. К лету 1965 г. Дженис весила всего лишь 32 килограмма, и Чет Хелмс с друзьями в спешном порядке «скинулись» и отправили «неприкаянную птицу высокого полета» обратно в Порт-Артур.

Целый год она прожила со своими родителями, с грехом пополам училась в колледже на факультете социологии и лелеяла в душе надежду выйти замуж за приличного молодого канадца, который казался ей антиподом всех ее прошлых приятелей. Она готовилась к свадьбе, но жених на церемонию не явился. Это был страшный удар. И Дженис, которая всеми силами старалась вести себя как настоящая техасская леди, снова сорвалась. Деньги, которые ей поступали, она снова начала тратить на выпивку и наркотики.

«Я побывала в большом городе, – вспоминала позже Джоплин. – И нашла там много хорошего и много плохого, а потом вернулась домой с подарком в душе в виде рок-н-ролла…

Все закончилось опять в Техасе, где я попыталась вновь обрести себя. Но я боялась, что после моего возвращения снова начнутся все эти придирки и поношения. Я пробыла там около года, но этого оказалось достаточно, чтобы меня снова начало тошнить».

Единственной поддержкой для Дженис в ее вынужденной «ссылке» была музыка. Она не только не перестала петь, но и начала сочинять свои собственные песни. Снова пела в барах, а в мае 1966 г. присоединилась к группе The Thirteenth Floor Elevators. Но 30 мая в Остин прибыл помощник Чета Хелмса, и в жизни Дженис Джоплин начался новый этап – они вдвоем укатили в Калифорнию.

За этот год музыкальная сцена Калифорнии претерпела значительные изменения, появилось множество новых рок-групп, в том числе The Doors, Grateful Dead, Jefferson Airplane. Возникло целое направление, которое окрестили «рок-андеграундом», представлявшее собой смесь различных музыкальных стилей, политических и социальных деклараций, проповедей о свободной любви и наркотических путешествиях.

Старый знакомый Дженис, Чет Хелмс, тоже далеко продвинулся за этот год. Он не только стал одним из соучредителей хипповой коммуны, но вынашивал огромное количество других, не менее гениальных планов. В частности, стал инициатором приглашения Дженис Джоплин в качестве вокалистки в группу Big Brother & Holding Company. Сначала музыканты отвергли ее кандидатуру, Дженис показалась им слишком странной, но поскольку найти подходящего вокалиста они так и не смогли, то в итоге согласились.

Дженис Джоплин прибыла в Сан-Франциско 5 июня 1966 г. и сразу же начала репетировать. Для нее все было в новинку: «Я не знала, что из этого получится. Раньше я спокойно стояла на сцене и просто пела, но вы не можете так петь в рок-группе, когда на всю катушку прет этот ритм и громкость. Вы должны петь громче и быть ужасно подвижной».

Но Дженис, хлебнув вольной жизни, так завелась, что ее было трудно остановить даже танковому дивизиону. Она словно попала в новое измерение, в котором даже время текло по-другому, и решила отыграться за все свои прошлые неудачи и обиды. «Сначала я боялась петь с Big Brother, но после того, как меня приняли и мы начали совместно работать, я по-настоящему полюбила это дело… Чет меня хорошо знал, и он был к тому же их менеджером. Он хотел, чтобы я стала центральной фигурой в его группе, потому что он думал, что я была достаточно хорошей певицей, чтобы справиться с этим».

А вот как Дженис описывает свой дебют с Big Brother,

который состоялся 10 июня: «Мы репетировали всю неделю, а потом играли на уикэнде в «Авалоне»[15]. Ребята сыграли пару своих вещей, а потом сказали: «Сейчас мы хотим представить вам…» Никто раньше вообще не слышал обо мне, я была просто цыпленком. У меня не было модных одежд и вообще ничего, кроме того, что я носила еще в колледже. Я взобралась на сцену и начала петь. Я вообще не помню, что тогда творилось, но я произвела сенсацию… Музыка звучала, все танцевали, и кругом сверкали огни. Я стояла на помосте и пела в микрофон, а представление продолжалось. Вот тогда-то я и поняла все. Я сказала: «Мне кажется, что я остаюсь с вами, ребята». …Никогда я даже не думала об этом, но я и не предполагала, что просижу в какой-нибудь гримерной всю свою жизнь. Но даже когда я стала певицей, я не хотела быть звездой. Мне просто нравилось петь, потому что это доставляло мне удовольствие, как, например, людям доставляет удовольствие игра в теннис, все ваше тело при этом чувствует себя прекрасно. Каждый угощает вас бесплатным пивом. У меня сохранилось немного воспоминаний об этом периоде, все мы тогда вкалывали и голодали. Зато я смогла послать немного денег своим родителям».

Слух о Дженис быстро распространился, и все хиппи Сан-Франциско пришли посмотреть на выступление группы. Город был словно охвачен лихорадкой безумия. Казалось, что сам Фриско влюбился в нее, как будто она была единственной женщиной на земле.

В эти годы она осознала, что прыщи на лице, склонность к полноте и прочие физические недостатки вовсе не мешают ей пользоваться успехом у лиц обоего пола. Бешеный темперамент и возрастающая слава культовой певицы создавали вокруг Джоплин сильнейшее магнитное поле. Среди ее любовников было много знаменитых личностей: кратковременный роман связывал ее с гитаристом Джимми Хендриксом, не избежала она и встречи с солистом The Doors Джимом Моррисоном.

К концу лета 1966 г. симбиоз певицы и группы стал полным. Дженис чудесным образом преобразила избитые ритм-энд-блюзы, убрала психоделические экспериментальные пьесы и добавила новые нюансы в песни группы. Короче говоря, Дженис Джоплин стала центральной фигурой. Наклонившись над микрофоном так, что ее длинные волосы полностью скрывали лицо, и сцепив руки в яростной судороге, она не пела, а скорее надрывно кричала, достигая в своем неистовстве эмоционального предела. Мрачная настойчивость ее голоса на корню разрушала ту праздничную атмосферу, которая царила на концертах других представителей калифорнийской рок-сцены.

Big Brother вместе с новой вокалисткой произвели впечатление на руководство Columbia Records, и в 1967 г. вышел их первый альбом, сразу занявший верхние строчки в хит-парадах. Дженис стала приобретать статус национальной знаменитости. В январе 1968 г. группа Big Brothers & Holding Company и Дженис Джоплин записывают пластинку Cheap Trills, которая уже к сентябрю 1968 г. расходится тиражом более миллиона экземпляров.

Все происходящее вполне устраивало Дженис: критики пели осанну, поклонники бились в экстазе. Жизнь была прекрасна. Однажды ей пришлось ответить на вопрос репортера: «В чем заключается смысл жизни?». Ответ был таков: «Хорошая выпивка, ощущение счастья и наслаждение прекрасными мгновениями. Свою жизнь я устраиваю так, как хочу. Мне нужны от жизни удовольствия и ничего более». Своим друзьям она говорила: «Лучше десять лет, в которых счастье перехлестывает через край, чем семьдесят прозябания в проклятом кресле перед телевизором».

К концу года становится очевидно, что певица и группа находятся на разных уровнях популярности, и это приводит к тому, что Джоплин уходит из группы и начинает сольную деятельность. Big Brother & Holding Company благополучно пережила разрыв со своей известной солисткой, нашла себе другую певицу и продолжала выпускать пластинки.

Дженис собирает собственную группу Kozmic Blues, звучание которой сильно отличается от Big Brother. Ее прохладно принимают в Штатах, но очень хорошо в Европе. Джоплин и ее группа много гастролировали, участвовали в различных телевизионных шоу. В 1969 г. появился ее дебютный сольный альбом, благодаря знаменитому блюзовому вокалу солистки получивший широкое признание.

В эти годы Дженис впервые ощущает обратную сторону своей славы. Она начинает беспокоиться по поводу того имиджа, который создала ей пресса. Ей кажется, что образ заводной, сгорающей на сцене белой блюз-певицы, наркоманки и гедонистки слишком дешев для нее. Похоже, она устала от девиза «Хочешь – делай», по которому жила все эти годы. В ее интервью все чаще и чаще проскальзывают разочарование и усталость. Теперь она говорит об опасностях героина для молодых людей.

Но публика ждет все того же напряжения связок и нервов, а этот тонус нужно поддерживать. И Дженис оказывается пленницей собственных допингов: секса, наркотиков и алкоголя – того, что еще недавно олицетворяло свободу. Ей все труднее управлять ситуацией, к тому же судьба наносит удар за ударом.

В 1970 г. Дженис встретила Сета Моргана, который предложил ей руку и сердце. Она влюбилась в него и надеялась, что они откажутся от наркотиков, поженятся, она уйдет из музыки. Ей предлагали роль в кино. Вскоре Сет Морган попал в аварию. Мотоцикл был искорежен, и, хотя сам Морган выжил, для Дженис это происшествие все равно осталось моральной катастрофой, потому что вместе с ее женихом в той поездке была другая девушка… Но скоро она поняла, что Сет не собирается на ней жениться.

В том же году Дженис с новой группой Full Tilt Boogie Band приступила к записи новой пластинки «Perl» – «Жемчужина» (это было ее прозвище среди музыкантов). Несмотря на очевидные разрушительные последствия регулярного приема наркотиков, певица свято верила в то, что именно героин помогает ей сохранять рабочую форму на репетициях и концертах. Одиннадцать песен новой пластинки были уже записаны и вдруг…

4 октября 1970 г. полиция обнаружила тело Дженис Джоплин в Landmark Motor Hotel в Голливуде. Официальное заключение гласит, что смерть наступила от случайной передозировки героина, но многие друзья певицы не сомневаются в том, что это было самоубийство. Тот факт, что всего за три дня до смерти она оформила завещание, подтверждает данную версию. В частности, Дженис завещала своим друзьям пропить оставшиеся после ее смерти деньги, что было в точности исполнено двумястами фанатами. Две тысячи пятьсот долларов были пропиты на вечеринке в Сан-Ансельмо, а прах певицы развеян по ветру на берегу океана.

Пластинка «Perl» вышла уже после смерти Дженис Джоплин.

В 1974 г. из документальных записей был сделан фильм «Дженис», а в 1979-м – художественная лента «Роза», где роль певицы играла актриса Бетт Мидлер. Вскоре вышли две биографические книги: «Погребенная заживо», автором которой была подруга певицы Мира Фридман, и книга Донни Кассета «Опускаясь вместе с Дженис».

Ранняя смерть Дженис Джоплин очень символична. «Она не дожила даже до тридцати и свела счеты с жизнью в возрасте двадцати семи лет, когда седьмая попытка самоубийства оказалась роковой», – пишет Вольфганг Бюне. С одной стороны, ее образ жизни, безудержное веселье, наркотики, алкоголь, свободная любовь – не могли не дать себя знать. «Она пронеслась через свою жизнь, давя на газ и не обращая никакого внимания на красный свет», – сказал Александр Галин. Смерть Дженис обозначила, что эра молодых бунтарей заканчивается.

Начиналась эпоха молодых карьеристов.

ДИОГЕН СИНОПСКИЙ

(род. ок. 400 г. до н. э. – ум. ок. 323 г. до н. э.)

«…Не таков был мудрец из Синопа,
С палкой, в двойном плаще,
Под открытым небом живущий:
Принял он смерть, закусив себе губы
зубами
И задержавши дыхание.
Был он поистине
Отпрыском Зевса и псом-небожителем».

Керкид Мегалополец

В плеяде греческих философов, чью смерть связывают с их мировоззрением, попадаются весьма колоритные личности – например, Диоген из Синопа по прозвищу Небесный Пес. Ученик основателя кинизма Антисфена, он презирал всех и вся, предпочитая общаться с бродячими собаками. Школа киников, к которой относился и Диоген, вообще отрицала все традиционные ценности: богатство, удовольствия, моральные каноны и т. д., но

он был самым ярым киником. Даже его учитель Антисфен, основоположник философии кинизма, был менее радикален.

Благодаря своим экстравагантным поступкам Диоген Синопский стал, пожалуй, самым знаменитым философом-киником, затмив своего учителя. Правда, слава Диогена носила несколько скандальный характер, а история жизни представляла собой нечто среднее между плутовским романом и неприличным анекдотом. Однако для современников он был настоящим мудрецом, строго следовавшим принципам кинизма.

Любители мудрости и путешественники постоянно окружали Диогена и с любопытством слушали его монологи о совершенной жизни. Правда, он не раз шокировал толпу своими грубыми выходками, но это еще больше увеличивало интерес к нему. Память об экстравагантных поступках Диогена пережила тысячелетия – каждый знает, что он жил в бочке, требовал, чтобы Александр Македонский не заслонял ему солнце, просил милостыню у статуй, дабы приучить себя к отказам…

* * *

За давностью лет о детстве Диогена Синопского нет никаких сведений. Известно, что он родился в Синопе (отсюда и прозвище) около 400 г. до н. э. и часть своего жизненного пути занимался мошенничеством. Диоген был сыном менялы Гикесия, заведовавшего казенным меняльным столом. Гикесий довольно долго занимался фальшивомонетничеством и привлек к этому делу сына. Диоген, однако, не сразу решился стать помощником отца – для начала, отправившись в Дельфы, он спросил у оракула, как ему поступить – согласиться ли на такое предложение. Оракул велел ему заняться «перечеканкой монеты», и Диоген взялся за порчу монеты. В результате отца и сына изгнали из Синопа, и они долгие годы скитались. Гикесий умер в тюрьме.

После смерти отца Диоген направился в Афины, где ему открылся истинный смысл предсказания оракула – «перечеканка монеты» подразумевала переоценку ценностей. Дело в том, что слово «nomisma» («монета» по-гречески) имеет и второй смысл: уложение, закон, обычай, так что он нашел свое призвание – менять законы и обычаи.

Придя в Афины, Диоген застал там немало слушателей Сократа и проникся презрением ко всем им, кроме Антисфена, основателя школы киников, пожелав стать его учеником. Антисфен по традиции гнал от себя учеников свирепой палкой, но Диоген подставил голову и сказал, что у того нет такой палки,

чтобы прогнать его. Так он стал учеником Антисфена и принял философию жизни, в которой превзошел учителя.

С Антисфеном Диоген общался охотно, но хвалил, впрочем, не столько его самого, сколько его учение, полагая, что только оно раскрывает истину и может принести пользу людям. Сравнивая Антисфена с его учением, он нередко упрекал его в недостаточной твердости и, порицая, называл его «трубой, не слышащей собственного гласа».

Диогену казалось, что слова учителя часто расходятся с делом, и он решил показать всем, что такое настоящий киник. К этой цели он шел с прямолинейностью, часто граничившей с непристойностью.

Диоген постоянно совершенствовался в самоограничениях, причем желание опроститься приняло у него гротескные формы. Человек образованный, писатель и моралист, он стал ходить по улицам полуголым, ночевать в большом кувшине из-под зерна, лакать воду, как собака, прилюдно отправлять естественные нужды, заявляя: «Что естественно, то не безобразно», и даже есть сырое мясо.

Он, по его собственным словам, осознал, как надо жить, когда поглядел на пробегавшую мышь, которая не нуждалась в подстилке, не пугалась темноты и не искала никаких мнимых наслаждений. Философ понял, что человек неуязвим, если он «наг, бездомен и неискусен», если он «гражданин и обитатель всего мира», если у него нет никаких привязанностей, если он перестает быть рабом условностей. Согласно Диогену Синопскому, «…нет ничего дурного в том, чтобы украсть что-нибудь из храма или отведать мяса любого животного: даже питаться человеческим мясом не будет преступно, как явствует из обычаев других народов».

Диоген говорил, что ни в чем не нуждаются только боги, и если человек хочет походить на богов, он также должен стремиться обходиться минимальным. И он неукоснительно следовал своим воззрениям. Увидев мальчика, пившего воду из пригоршней, Диоген сказал: «Мальчик превзошел меня в простоте!» – и выкинул из котомки чашку. Желая всячески закалить себя, летом он перекатывался на горячий песок, а зимой обнимал статуи, запорошенные снегом.

Когда Диогену строили дом и строители не выдержали намеченные сроки, то он, увидев улитку, решил, что может обойтись без дома, и поселился в глиняной бочке-пифосе. Когда какой-то мальчишка разбил ее, то афиняне наказали сорванца, а Диогену подарили новую бочку.

Вообще, философ стал местной достопримечательностью,

хотя доходил до полного бесстыдства, навлекая на себя презрение и насмешки. Он всегда дерзко отвечал на них, стараясь смутить тех, кто хотел его пристыдить. Своим вызывающим поведением Диоген хотел не просто привлечь к себе внимание, но подчеркнуть превосходство мудреца над остальными людьми, которые заслуживают лишь презрения, поскольку соревнуются, кто кого столкнет пинком в канаву, но не в искусстве быть прекрасным и добрым.

В своем пренебрежении людьми Диоген заходил так далеко, что не делал никому исключения: ни жрецам, ни царям, ни обыкновенным людям. Иронические, а иногда и просто оскорбительные высказывания часто сопровождались действиями, достойными худших образцов низкопробных комедий, но, несмотря на эпатирующие выходки и скверный нрав, возле него постоянно собирались слушатели. Однако же, кроме этого, Диоген вошел в историю философии как автор сочинений «О любви», «Государство» («Политея»), «Эдип», «Фиест» (трагедии).

Внешний вид философа был под стать его поступкам. Он был совершенно лыс, хотя носил длинную бороду, дабы не изменять вида, данного ему природой, постоянно горбился, из-за чего всегда смотрел исподлобья, ходил, опираясь на палку, в верхней части которой был сук, на котором висела котомка странника. Своей нищетой и бездомностью Диоген «был горд не меньше, чем Александр Македонский своей властью». Широко известен рассказ об Александре, который будто бы посетил Диогена у его странного убежища и предложил исполнить любое его желание. Но поскольку философ считал, что он ни в чем не нуждается, он лишь попросил царя не загораживать от него солнце. Александр, пораженный ответом, воскликнул: «Не будь я Александром, я хотел бы быть Диогеном!»

Как и все киники, своим героем-покровителем Диоген считал Геракла. Ему казалось, что он призван трудиться, очищая авгиевы конюшни ложных идей, излишеств и предрассудков. Диоген хотел, чтобы люди уважали его, делились с ним пищей и кровом, но они не делали этого, хотя подавали при этом хромым и нищим, и, чтобы приучить себя к постоянным отказам, он просил подаяние у статуй.

Философ огорчался малому числу людей, желающих следовать его советам. Он бродил по улицам с фонарем среди бела дня, заявляя, что тщетно ищет хотя бы одного настоящего человека. «Будь я глазным врачом или дантистом, – сетовал Диоген, – за мной бы бегали толпы, а когда я говорю, что излечу тех, кто последует моим указаниям, от невежества, от подлости, от необузданности – никто не приходит».

Своим поведением он искал ответ на волновавший его вопрос: как противостоять презрению со стороны богатых и знатных. Диоген научился презирать то, что ценит знать, научился находить наслаждение в самом презрении к наслаждению. Он отвергал государство, семью, социальное неравенство, высмеивал знатное происхождение, славу, богатство, обзывая все это прикрасами порока. Единственным истинным государством считал весь мир. Его не связывало никакое отечество, он много путешествовал. Когда его спрашивали, откуда он, Диоген отвечал: «Отовсюду. Я гражданин мира».

Во время одного из путешествий корабль, на котором находился философ, подвергся нападению пиратов. Все пассажиры были захвачены в плен и выставлены на невольничьем рынке. Когда Диоген был выведен на продажу, то на вопрос, что он умеет делать, ответил: «Властвовать людьми», после чего попросил глашатая: «Объяви, не хочет ли кто купить себе хозяина?» Богатому коринфянину по имени Ксениад, который купил его, Диоген заявил, что хозяин обязан его слушаться, как слушался бы врача или кормчего, если бы врач или кормчий были бы рабами. Ксениад приставил его воспитателем к своим сыновьям и доверил ему все хозяйство. И Диоген повел его так, что хозяин повсюду рассказывал: «В моем доме поселился добрый дух». Ученики хотели выкупить своего учителя, но он, стремясь доказать, что его не может унизить ничто, даже рабство, отказался.

Диоген Синопский прожил около восьмидесяти лет и умер, будучи рабом. Готовясь к смерти, он приказал оставить свое тело без погребения, чтобы оно стало добычей зверей, или же сбросить в канаву и лишь слегка присыпать песком.

О его смерти существуют различные рассказы. Одни говорят, что Диоген съел сырого осьминога, заболел холерой и умер; другие – что, когда он хотел разделить осьминога между собаками, они искусали ему ноги, и он умер от заражения крови. Третьи – и их довольно много – говорят, что философ покончил жизнь самоубийством, задержав дыхание. Диоген жил в это время в Крании – так назывался гимнасий поблизости от Коринфа. Однажды, явившись к нему, ученики увидели, что он лежит, закутавшись в плащ, и решили, будто Диоген спит. Откинув плащ, они увидели, что философ мертв.

Между учениками разгорелся спор, кому его хоронить, и дело даже дошло до драки; но вмешались родители и старейшины и приказали похоронить Диогена возле ворот, ведущих к Истму. На его могиле поставили столб, а на столбе – собаку из паросского камня. Впоследствии сограждане Диогена также почтили его

медными изображениями, написав на них так:

> Пусть состарится медь под властью времени – все же
> Переживет века слава твоя, Диоген:
> Ты нас учил, как жить, довольствуясь тем, что имеешь,
> Ты указал нам путь, легче которого нет.

ДРУНИНА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА

(род. в 1924 г. – ум. в 1991 г.)

И тембр, и интонацию храня,
На фоне учащенного дыханья
Мой голос, отсеченный от меня,
Отдельное начнет существованье.

Уйду… Но, на вращающийся круг
Поставив говорящую пластмассу,
Меня помянет добрым словом друг,
А недруг… недруг сделает гримасу.

Юлия Друнина

Сейчас имя Юлии Друниной почти забыто, а когда-то она была одной из самых известных советских поэтесс. Ее имя ассоциировалось с фронтовой романтикой, ведь большая часть творчества поэтессы была посвящена Великой Отечественной войне, которую она прошла санинструктором пехотного батальона. Война стала точкой творческого и нравственного

отсчета для всей ее послевоенной жизни. Война легла в основу творчества, стала сквозным персонажем всех ее поэтических сборников, первый из которых вышел в 1948 г., а последний – уже после смерти. Юлия Друнина получила награды и за военную доблесть (ордена Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, медали «За отвагу», «За оборону Москвы», «За победу над Германией»), и за поэтические заслуги (ордена Трудового Красного Знамени (дважды), «Знак Почета»).

Она могла тысячу раз погибнуть на войне, а ушла из жизни по своей воле 20 ноября 1991 г., отравившись выхлопными газами в гараже своего дома в подмосковном селе Красная Пахра. Перед смертью поэтесса написала несколько писем: друзьям, в Союз писателей и даже в милицию – чтобы снять малейшие подозрения и недомолвки, чтобы в ее смерти никого не винили. Она умерла вместе с Советским Союзом, который стал для нее страной детства, юности, большой любви и поэтического успеха. Она не хотела – да и не смогла бы – жить в другой стране, даже если это Россия…

Юлия Друнина родилась 10 мая 1924 г. в семье учителя истории Владимира Друнина и его жены Матильды Борисовны. Мать Юлии родилась в Варшаве и, кроме русского, владела польским и немецким языками (немецкий она даже преподавала в школе). Матильда Борисовна была женщиной непоследовательной, сумбурной, и такими же были ее отношения с Юлей. Отца же девочка обожала, считая образчиком справедливости, ума, порядочности.

Они жили в обычной московской коммуналке, не считая это большой трагедией. Вообще в конце 20-х годов самым ругательным словом считалось «буржуй», причем буржуйством называлось не только любовь к роскоши, а даже самое маленькое украшение в одежде. И Юля еще маленьким ребенком восставала против «буржуйства» как могла: «Мама по случаю прихода гостей решила водрузить на мою голову большой бант! Я упорно сдергивала со своих коротких вихров это позорное украшение. На помощь был призван отец. Он укрепил бант таким хитроумным узлом, что сдернуть его я уже не могла. Покориться? Не тут-то было! Я схватила ножницы – и роскошный бант полетел на пол вместе с тощим хохолком. Я не дала водрузить неприятельский флаг!»

В 1931 г. Юля поступила в школу, где директорствовал ее отец, и начала посещать литературную студию при Центральном Доме художественного воспитания детей, помещавшуюся в здании Театра юного зрителя. Литературой девочка увлеклась очень рано, чему немало способствовала семейная библиотека,

«…читать стала рано – от Лидии Чарской… до «Одиссеи» Гомера. Писала стихи…». В конце 30-х годов Юля Друнина приняла участие в конкурсе на лучшее стихотворение о Гражданской войне. В результате ее стихотворение было напечатано в «Учительской газете» и передано по радио.

Так начался творческий путь девочки, даже не подозревающей о том, что ее ждет. Юля, как и все ее поколение, мечтала о подвигах, сожалея о своем малолетстве и сетуя на то, что поздно родилась. Тогда она и ее ровесники еще не знали, что подвиг станет главным способом их жизни – военной и послевоенной. Характер у девочки соответствовал духу времени: упрямая, прямолинейная, романтичная. Ее жизненный принцип: «Жизнь – Родине, честь – никому!» определился еще тогда, и с ним она прошла по жизни.

Вполне закономерно, что в сорок первом она стала одной из армии добровольцев, оккупировавших призывные пункты в первые дни войны. Страх «опоздать на войну» погнал ее, девчонку, в военкомат уже 22 июня. Она стала санитаркой в госпитале, затем вошла в народное ополчение под Можайском, позже отправилась санинструктором в пехотный полк, попала в окружение, из которого выходила тринадцать дней. К счастью, прорыв удался, и она вернулась в Москву.

Разумеется, родители настояли на том, чтобы Юля прекратила свои подвиги и отправилась с ними в эвакуацию в Тюменскую область, в поселок Заводоуковск. Казалось бы, девушку удалось увезти с линии фронта, можно было надеяться на относительно спокойную жизнь, но не тут-то было. Несмотря на сильнейшее сопротивление родителей, Юлия все-таки сбежала на войну:

> …Я видела один военкомат —
> Свой дом, что взять упорным штурмом надо…

И это притом, что в Заводоуковске не было призывного штаба. Чтобы попасть в штаб, будущая поэтесса прошагала более двадцати километров до районного центра Ялуторовска. Самым трудным препятствием на ее пути оказался мост через реку Тобол – стратегический объект, находящийся под усиленной охраной. Часовые задержали девушку, допросили ее, а потом… помогли добраться до военкомата.

Юлию Друнину направили в Хабаровск, в школу младших авиаспециалистов. В это время умер ее отец, она приехала домой на похороны, а после направилась в Москву. Там она сочинила историю о том, что «отстала от своих», и ее направили – наконец-

то! – в пехотный полк: «Два с лишним года понадобилось мне, чтоб вернуться в дорогую мою пехоту». Она пришла на передовую сестрой милосердия. В 1943 г. в Белоруссии Друнина получает медаль «За отвагу» и страшное, почти смертельное ранение – «осколок застрял рядом с сонной артерией». Ей повезло – еще пару миллиметров, и поэтессы Юлии Друниной не было бы.

Ее признали негодной к военной службе и отправили в госпиталь, и там, в тыловой больнице в Горьковской области, ее «…впервые за всю войну потянуло к стихам. Впрочем, «потянуло» – не то слово. Просто кто-то невидимый диктовал мне строки, я их только записывала. Этот невидимый назывался Войной…».

Выйдя из госпиталя, она пыталась поступить в Литературный институт им. Горького, но получила отказ и вернулась на фронт, но уже с повышением – старшина медслужбы. Снова передовая – Белоруссия, Прибалтика, контузия и демобилизация – 21 ноября 1944 г. С фронта Друнина возвращалась с орденом Боевого Красного Знамени.

В октябре 1944-го, еще находясь в госпитале, Юля послала письмо парторгу Литинститута со своим стихотворением и просьбой дать на него рецензию. После демобилизации, в декабре она самовольно пришла в Литинститут и села в аудитории вместе со студентами. А потом «…прижилась и сдала сессию. На войне, как на войне». И еще: «…никогда я не сомневалась, что буду литератором. Меня не могли поколебать ни серьезные доводы, ни ядовитые насмешки отца, пытающегося уберечь дочь от жестоких разочарований. Он-то знал, что на Парнас[16] пробиваются единицы. Почему я должна быть в их числе?» Юля взяла Парнас приступом.

В институте она познакомилась со своим будущим мужем, поэтом Николаем Старшиновым. Он родился в Замоскворечье, был самым младшим, восьмым ребенком в семье. Николай начал писать стихи в 12 лет, занимался в литературной студии, а в 1941 г. был призван в армию. На фронте он был ранен, попал в госпиталь, и в 1944 г. его комиссовали. Старшинов вспоминал: «После лекций я пошел ее провожать. Она, только что демобилизованный батальонный санинструктор, ходила в солдатских кирзовых сапогах, в поношенной гимнастерке и шинели. Ничего другого у нее не было. Мне казалось, что это ее нисколько не смущало – она привыкла к такой одежде настолько, что не придавала ей никакого значения… По дороге мы взахлеб читали друг другу стихи – в Литинституте это было принято, считалось нормальным, – хотя многие прохожие посматривали на нас не только с любопытством, но и с удивлением.

Поскольку большинство стихов было посвящено войне, мы

заговорили и о ней, о фронте. Потом перенеслись в довоенное время. И обнаружилось, что в конце тридцатых годов мы оба ходили в литературную студию при Доме художественного воспитания детей, которая помещалась в здании Театра юного зрителя.

Теперь нам было по двадцать лет. Она была измучена войной, бледна, худа и очень красива. Я тоже был достаточно заморенным. Но настроение у нас было высоким – предпобедным…»

Знакомство переросло в супружество, а в 1946 г. у второкурсников Юлии и Николая родилась дочь Лена. Маленькая семья ютилась в крохотной комнатушке в коммуналке и жила очень бедно, впроголодь. Дочка, тяжело переболев в первые месяцы, росла. У нее был хороший аппетит; если она обнаруживала на кухне плошку с варевом, предназначенным для соседского кота, то тут же съедала весь корм.

«Все трудности военной и послевоенной жизни Юля переносила стоически, – писал Николай Старшинов. – Я не услышал от нее ни одного упрека, ни одной жалобы. И ходила она по-прежнему в той же шинели, гимнастерке и сапогах еще несколько лет…»

В 1948 г. был издан ее первый сборник «В солдатской шинели», в который вошли стихи, написанные за годы фронтовой и послевоенной жизни. С этой книгой был связан курьез: из-за типографских правил Юлию попросили заполнить еще три страницы стихами или, наоборот, отказаться от публикации каких-то стихов. Но заполнить эти страницы ей было нечем, а выкидывать ничего не хотелось. И Николай Старшинов придумал выход – он дал ей свое стихотворение, которое как раз занимало недостающие три страницы. Книга получила доброжелательные отзывы, и критики особое значение придали именно старшиновскому стихотворению, отметив, что поэтесса находится в поиске. Разумеется, это произведение больше нигде не печаталось.

После выхода первой же книги Юлию Друнину навсегда зачислили в ряды поэтов-фронтовиков, и на протяжении всей дальнейшей жизни критики будут относить ее к военному поколению, объясняя этим главные тенденции ее лирики. Собственно, сама Юлия не возражала – она судила жизнь как фронтовичка, принеся с войны тоску по поколению героев и преданность армии. Она много писала – и все никак не хотела расстаться с фронтовой юностью.

После выхода своей первой книги Друнина подала заявление с просьбой принять ее в Союз писателей. Заявление было принято

благожелательно, но на секретариате, утверждавшем приемные дела, с резкой критикой выступил некий поэт, что привело к отказу. Ее утвердили в кандидаты Союза писателей. И только в 1952 г., при поддержке Твардовского, Юлия Владимировна была принята в Союз писателей.

Из-за чего же возникли такие трудности? Юлия была красивой девушкой, а «…привлекательная внешность нередко помогала молодым поэтессам «пробиться», попасть на страницы журналов и газет, обратить особое внимание на их творчество, доброжелательно отнестись к их поэтической судьбе. Друниной она, напротив, часто мешала в силу ее неуступчивого характера…» – говорили современники.

Один из конфликтов произошел с поэтом Павлом Антокольским, который тогда был ее преподавателем: на вечере в честь выхода первой книги Антокольский настойчиво приставал к Юлии, и свидетелем этой сцены стал Старшинов. Они повздорили, и учитель, который до этого всегда хвалил стихи своей студентки, отчислил ее с курса за бездарность… К счастью, ей удалось перевестись к другому преподавателю. Впрочем, Друнина не осталась в долгу – в разгар борьбы с космополитизмом, пришедшимся на те годы, она проявила принципиальность и поддержала кампанию против Антокольского.

Институт Юлия Друнина закончила только в 1952 г., пропустив несколько лет из-за рождения дочери, а в 1954-м поступила на сценарные курсы при Союзе кинематографистов. Здесь она познакомилась с человеком, который позже стал для нее самым близким и родным, ее судьбой, опорой и другом – Алексеем Яковлевичем Каплером, знаменитым киносценаристом. К тому моменту за плечами Каплера была не только созданная им кинематографическая лениниана и всенародная слава, но и опыт тюремно-лагерного существования. Он был арестован и сослан за свою любовь к дочери Сталина Светлане Аллилуевой. В 1949 г. между ними был бурный роман, который очень досаждал отцу народов. Пришлось прибегнуть к решительным мерам, чтобы избавиться от неугодного воздыхателя – воркутинский лагерь оказался наилучшим выходом. В лагере Каплера ждала новая страстная любовь – женщина, на которой он впоследствии женился. В 1953 г. киносценарист вернулся в Москву к жене, а в 1954-м познакомился с Юлией Друниной.

Жизнь шла своим чередом: в 1955 г. у поэтессы вышел очередной сборник «Разговор с сердцем», в 1958 г. она стала членом редколлегии журнала «Знамя», издали еще один сборник «Ветер с фронта»… Некоторые критики осторожно замечали, что

тема войны слишком долго держится в ее творчестве, но Друнина не отступила от нее и в дальнейшем.

В 1960 г. Юлия Друнина рассталась с Николаем Старшиновым, с которым они прожили пятнадцать лет. Их браку многие завидовали – почти все «литературные» браки быстро распадались, а они оставались вместе долгие годы… Но даже их «идеальный» брак оказался не вечным… Так или иначе, они остались друзьями, а Юлия вышла замуж за Алексея Каплера (который ради нее тоже покинул семью).

Он изменил ее жизнь – банальные, избитые слова, но по-другому не скажешь. Классическим стал эпизод, связанный с возвращением Друниной из какой-то загранкомандировки: Алексей Яковлевич помчался встречать ее в Брест, так как дожидаться жену в Москве уже не мог. Он оградил ее от всех бытовых забот, чтобы она могла посвятить себя только литературной деятельности.

Он приучил Юлию к постоянному литературному труду. Если прежде поэтесса писала от случая к случаю, по вдохновению, то теперь она стала много и упорно работать. Расширилась не только тематика, но и жанровая разновидность ее произведений; она обратилась к публицистике и прозе. С 1943 по 1960 г. она написала вдвое меньше стихов, чем за следующие семнадцать лет. А если прибавить написанную в 60–70-е годы прозу, то получится, что ее «производительность» возросла вчетверо, а то и впятеро…

Юлия Друнина была моложе Каплера на 20 лет. Значительная часть их жизни была связана со Старым Крымом и Коктебелем (он даже завещал похоронить себя в Старом Крыму). Друнина любила море и горы, много раз поднималась на Кара-Даг. Если она отдыхала одна, Каплер слал ей телеграммы из Москвы. Например, такие: «Сидел дома, занимался, и вот меня выстрелило срочно бежать на телеграф, сказать, что я тебя люблю, может быть, ты не знаешь или забыла. Один тип»; «Джанкой поезд тридцать первый вышедший Москвы двадцать четвертого декабря вагон тринадцатый место двадцать пятое пассажиру Друниной доброе утро Каплер».

Все это время у Друниной один за другим выходят поэтические сборники, а в 1963 г. ее избирают секретарем Союза писателей СССР и Союза писателей России. Она начала быстро продвигаться по служебной лестнице, хотя никогда не стремилась к высоким постам. В ее жизни все складывалось удачно – к фронтовым наградам прибавились трудовые ордена, престижные премии. Поэтесса стала председателем Совета по военно-художественной литературе, членом редколлегий центральных

газет и журналов. Но эта окололитературная, чиновничья работа была ей не по душе.

А в 1979 г. началась черная полоса, которая так и не закончилась. После тяжелой болезни умер Алексей Каплер. Его похоронили – как он и завещал – в Старом Крыму. Позже, уже в перестроечные времена, его могилу назвали памятником середине XX века. На черной надгробной плите надпись: «Кинодраматург, писатель, автор сценариев «Она защищает Родину» и других». Между словами «сценариев» и «Она защищает Родину» – шершавая полоса на отполированном граните. Здесь были названия других сценариев Каплера – «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году».

По мнению многих, после смерти мужа в Друниной что-то сломалось, она потеряла внутренний стержень. Лишившись опоры, Юлия Владимировна осталась один на один с реальной жизнью. Тогда ее поддержала работа, «бруствер письменного стола»: выходили ее поэтические сборники, увидел свет двухтомник, посвященный Алексею Каплеру, в нем были собраны стихи и проза, написанные за прошедшие годы.

Но десять лет между 1979 и 1989 гг. вместили в себя больше бед, чем вся ее предыдущая жизнь, – Чернобыль, землетрясение в Армении, танки на улицах, игры политиков, «реки крови, море лжи», обнаружившиеся в советской истории. Той самой истории, которую она строила и которую воспевала. «Узнав жестокую правду о второй – трагической, чудовищной, апокалипсической стороне жизни тридцатых годов, – писала Друнина, – я (не примите это за красивые слова) порой искренне завидую тем сверстникам, кто не вернулся с войны, погиб за высокие идеалы, которые освещали наше отрочество, нашу юность и молодость…»

Юлия Друнина продолжала заниматься общественной деятельностью, в 1990 г. даже стала депутатом Верховного Совета СССР, но в 1991 г. оставила свою должность. Вступая в депутатский корпус, она хотела защитить интересы и права участников Великой Отечественной войны и войны в Афганистане. Она не могла видеть, как страдают фронтовики ее поколения, как просят милостыню в переходах покалеченные мальчишки, устала слышать, как жалеют ветераны, что не остались с теми, кто погиб. Она так комментировала свой поступок: «Мне нечего там делать, там одна говорильня. Я была наивна и думала, что смогу как-то помочь нашей армии, которая сейчас в таком тяжелом положении… Пробовала и поняла: все напрасно! Стена. Не прошибешь!»

События 21 августа 1991 г. Друнина, одна из защитниц «Белого дома», встретила восторженно. Однако уже 15 сентября

писала: «И все же, все же не хотелось бы впадать в эйфорию. Кое-что беспокоит очень. Не слишком ли подчас легко и лихо принимаются решения по сложным вопросам?»

Ее душевное состояние в это время лучше всего отражает одно из писем к подруге: «Почему ухожу? По-моему, оставаться в этом ужасном, передравшемся, созданном для дельцов с железными локтями мире такому несовершенному существу, как я, можно, только имея крепкий личный тыл… А я к тому же потеряла два своих главных посоха – ненормальную любовь к Старокрымским лесам и потребность творить… Оно лучше – уйти физически неразрушенной, душевно несостарившейся, по своей воле. Правда, мучает мысль о грехе самоубийства, хотя я, увы, неверующая. Но если Бог есть, он поймет меня…»

Ее решение не было истерической вспышкой. Уход из жизни был хорошо продуман и тщательно подготовлен. Перед смертью она написала письма дочери, зятю, внучке, подруге Виолетте, редактору своей новой рукописи, в милицию, в Союз писателей. Никого ни в чем не винила. На двери дачи, в гараже которой она отравилась выхлопными газами автомобиля, предварительно приняв снотворное, оставила записку зятю: «Андрюша, не пугайся. Вызови милицию и вскройте гараж».

После смерти поэтессы вышли еще два сборника ее стихов – «Судный час» и «На печаль я наложила вето».

Последний сборник был составлен ее дочерью Еленой Липатниковой и вышел в 1998 г.

Юлия Друнина завещала похоронить ее рядом с мужем:

Старый Крым – последняя обитель.
Черный камень – все как в страшном сне…
Не судите, люди, не судите:
Здесь лежать положено и мне.

Крымские астрономы Николай и Людмила Черных открыли новую малую планету и назвали ее именем Юлии Друниной.

ДЯГИЛЕВА ЯНА СТАНИСЛАВОВНА

(Янка)

(род. в 1966 г. – ум. в 1991 г.)

Хижина в лесу,
Такая убогая.
В столице люди
Мой мир и всю мою жизнь
Зовут – гора Печали.

Монах Кисэн

17 мая 1991 г. на берегу сибирской реки Иня было обнаружено тело Янки Дягилевой, самой, пожалуй, знаменитой певицы российского рока. Она ушла из жизни 9 мая 1991 г., за четыре месяца до своего 25-летия.

Ее самоубийство (которое некоторые считают убийством: якобы ей был нанесен сильный удар по затылку, а в легких не было воды) вызвало двоякое отношение. С одной стороны, была

скорбь и жалость, с другой – чуть ли не насмешка, слишком уж цинично многие рокеры относились к смерти. Тем более к чужой смерти. Многие оппозиционеры от рок-музыки восприняли самоубийство как дань моде: «Башлачев протоптал дорожку коллегам», – так комментировали ее смерть. Действительно, по рок-сообществу прошла волна самоубийств, начавшаяся со смертью Александра Башлачева в 1988 г. Но если даже предположить, что такая мода существовала, то Янка наверняка пошла бы против нее – она была вне моды. Возможно, это и сделало ее знаменитой.

Невысокая, плотная, круглолицая, рыжая… Она стала символом сибирского рока. Ее звали Янка, и никак по-другому, многие даже не знали ее фамилии. Она никогда не отмечала день рождения, в ее гардеробе не было ни одной юбки, она не хотела иметь детей и очень серьезно относилась к произносимым словам. Настолько серьезно, что последние месяцы жизни практически не разговаривала: «А я сижу книжечку читаю, очень нравится мне это занятие, а разговаривать не нравится. Я мало теперь разговариваю, потому что все какое-то вранье, а если не врать, то всех обижать – вот я скоро научусь думать, что вранье – оно как будто и не вранье вовсе, а так и надо, – и опять начну со всеми разговаривать и шутить» – это из письма к подруге.

За свою жизнь Янка написала 80 стихотворений и 29 песен, многократно перепетых ею, записанных с разными группами, в электрическом и в акустическом варианте. Она отказывалась от записей на «Мелодии», уничтожала записи собственных концертов, если была вероятность их выхода в телеэфир, – но это не мешало ее славе. После Янки остались альбомы «Не положено» (1988), «Деклассированным элементам» (1988), «Ангедония» (1989), «Домой!» (1989), запись квартирного концерта «Красногвардейская», сведенный после ее смерти «Стыд и Срам» (1991), ну и, конечно, любительские аудио– и видеозаписи. На них все те же 29 песен, спетые и перепетые в разных вариантах.

Янка практически никогда не давала интервью и не раскрывала душу даже самым близким друзьям. «Скрытность и доброта – вот, пожалуй, основные ее черты», – утверждают одни. И тут же: «Янка была одним из самых настойчивых людей, которых я встречала. Ее настырность граничила с тупым стремлением добить ту или иную ситуацию. В итоге под ее гусеницами оказывалось все больше и больше людей» – это слова одной из подруг.

Янка была не вполне женщиной – во всяком случае, так ее воспринимали многие мужчины. Она была для них «своим парнем», причем сама Янка часто говорила о себе в мужском

роде. Она была лишена каких бы то ни было семейных установок: стороной обходила загсы, иронизировала по поводу свадебных салонов, с жалостью смотрела на беременных. Для нее замужество и материнство были исключены из жизненного сценария. Впрочем, однажды она собралась замуж, но после просмотра семейного альбома родителей избранника прервала роман, заявив: «Вот это называется бытовуха, а для меня это путь на эшафот».

Янка не пользовалась косметикой и парфюмерией, в ее гардеробе отсутствовали юбки и платья – только брюки, свитера, рубахи. Всегда одна и та же прическа – длинные распущенные волосы рыжего цвета. Тем не менее, в родном Новосибирске она слыла роковой женщиной: сама завоевывала мужчин, сама бросала – возможно, как раз потому, что не стремилась им нравиться.

В общем-то, ее вспоминают как доброго, веселого человека, простого и приятного в общении. Она была энергичной, заводной, хотя временами оставалось ощущение некоторой странности ее слов и поступков. Но о ком из рок-музыкантов этого нельзя сказать? Правда, у Янки были и непонятные перепады в настроении: от безудержного веселья, местами даже суетливой активности, до полной апатии и безучастности. В такие моменты ее преследовали идеи самоуничижения, постоянное и иррациональное чувство вины за неприятности, случившиеся с другими людьми, ей казалось, что она приносит им беду (кстати, это свойственно людям, страдающим депрессией).

Янка никогда не жаловалась. Возможно, считая себя виновной в бедах других, она думала, что должна нести бремя своих проблем самостоятельно. Самое большее, на что ее хватало даже с близкими друзьями, – поделиться какими-то мелкими неприятностями. Вообще, что касается друзей, то Янка избегала «приятельства», искала настоящей дружбы, и в результате в последние месяцы своей жизни осталась одна. В том числе и потому, что сознательно стремилась к одиночеству, уходу от людей.

Но главное – Янка была поэтом и певицей. Она стала явлением культуры: после смерти у нее появилась масса подражательниц, сложилась традиция сравнивать с ней чуть ли не всех более или менее талантливых женщин в роке. Для многих Янка была и остается единственной отечественной рок-певицей. Во многом это заслуга ее родителей, которые довольно рано обнаружили у дочери талант и не мешали ему развиваться.

Яна Станиславовна Дягилева родилась в Новосибирске 4 сентября 1966 г. Отец, Станислав Иванович, был

теплоэнергетиком, а мать, Галина Дементьевна, – инженером промышленной вентиляции. Семья жила бедно в деревянном доме без элементарных удобств в центре города, занимая втроем площадь 14 кв. м.

Янка была тихим, домашним ребенком, любила находиться в одиночестве, наедине с книгами. Она много болела, родители решили укрепить здоровье дочери спортом, и некоторое время она довольно успешно занималась конькобежным спортом, потом плаванием.

Янка пошла в одну из самых престижных школ Новосибирска. Училась средне, хотя считалась способной. Она проявляла склонность к гуманитарным предметам, много читала: «Круг интересов у Яны был, я бы сказал, очень интересный: это все великие, это – Цветаева, Ахматова, Николай Гумилев, Платонов – вот такой уровень чтения», – говорил отец о школьных годах Яны. Потом она решила учиться музыке, начала заниматься в музыкальной школе по классу фортепиано и бросила. После Янка решила освоить гитару. Уже в школьные годы она писала стихи, но они не сохранились (первые известные стихи датируются 1985 г.).

В 1983 г. Яна закончила школу. Отец, оценивая склад характера и увлечений дочери, хотел, чтобы она поступила в Кемеровский институт культуры, но мать Янки была против. В итоге, в 1984 г. она стала студенткой Новосибирского института инженеров водного транспорта, вошла в ансамбль политической песни «Амиго», объездила с концертами всю область. Это был ее первый концертный опыт. Увлечения той поры – английская поэзия, гитара, песни Гребенщикова и Жанны Бичевской. Будучи еще никому не известной, она путешествовала автостопом по стране, посещала всевозможные рок-мероприятия, в том числе в Москве и Питере.

Примерно тогда же Янка близко сошлась с «рок-мамой» Ириной Летяевой, которая координировала рокер-скую деятельность в Новосибирске. Иногда люди, приходившие в ее однокомнатную квартиру, жили там месяцами (Янка прожила тут несколько лет), здесь же останавливались, приезжая на гастроли, Гребенщиков, Шевчук, Кинчев, Науменко, Башлачев. В декабре 1985-го Янка познакомилась с СашБашем – Александром Башлачевым.

Вообще история ее знакомства с Башлачевым обросла массой легенд. Вроде бы после первого знакомства Саша приезжал в Новосибирск уже специально к Янке и задержался на месяц. Тогда в ее черновиках появилась строчка: «Ты увидишь небо, я увижу землю на твоих подошвах». Они очень дружили, Саша дарил ей

свои записи, черновики песен; он как-то сказал отцу Янки: «Ваша дочь знает о жизни гораздо больше, чем вы можете подумать…» Отец после бесед с Башлачевым начинает смотреть на творчество дочери по-иному, да и сама она стала гораздо серьезнее относиться к своим стихам, некоторые из них оформила в качестве песен. Но как бы там ни было, – в дружбе Яны и Александра нет никакого подтекста, а их творчество существует параллельно. Факт их знакомства представляет чисто человеческий интерес, но для понимания песен Янки или Башлачева он не дает ничего нового.

8 октября 1986 г. после многолетней болезни умерла мать Янки, что стало для нее сильным ударом. В декабре снова приехал Башлачев, который находился в тяжелой депрессии, и она как-то помогла ему справиться с этим состоянием. Однако самой выкарабкаться было значительно труднее, и в конце 1986 г. Янка бросила институт. На работу устраиваться тоже не стала – не было ни желания, ни сил. «Мне не нужны деньги», – объясняла она, живя на 40 копеек в день на двоих с «рок-мамой».

Тогда же Янка начала петь «свое», пока только для подруг – она была не уверена в себе, мнительна и не могла адекватно оценить силу своего таланта. Постепенно Янка начала выходить на публику в молодежном клубе новосибирского Академгородка.

Сейчас трудно судить, что было бы, если бы в апреле 1987 г. она случайно не познакомилась с Егором Летовым, лидером панк-группы «Гражданская оборона». Янке хватило недели, чтобы влюбиться в Егора и остаться с ним на полтора года.

Летов много дал ей – вытолкнул на сцену, заставил петь, помог обрести уверенность в себе, научил работать в студии. Но он был диктатором и в творчестве (по словам одного из его друзей-музыкантов: «его только пусти в группу – хоть кем, хоть барабанщиком, хоть флейтистом – это в итоге получится «Гражданская оборона»), и в быту. Он мог устроить Янке скандал за то, что она не вовремя вышла из комнаты, прилюдно кричал на нее. А она, при всем своем свободолюбии, полностью покорялась воле избранника, абсолютно верила ему, на многое закрывала глаза и многое же прощала.

Егор находился в розыске, и летом – осенью 1987 г. они с Янкой автостопом путешествовали по стране. По ходу давали концерты – везде, где только можно было, поскольку Егор считал, что любое творчество должно быть обнародовано. Он пытался расшевелить Янку, вытащить ее на публику, хотя бы в качестве приложения к «Гражданской обороне». Егор солировал, она подпевала, иногда пела 2–3 свои песни. Янка постепенно становилась знаменитой, многие приходили на концерты Егора и

Янки (именно в такой последовательности и никак иначе) послушать именно ее.

В сентябре музыканты добрались до Питера, где Янка в последний раз встретилась с Башлачевым. Он был в депрессии, никем и ничем не интересовался и к Янки-ному появлению отнесся более чем равнодушно. Она была подавлена и расстроена; результатом стали написанные за несколько часов песни, вошедшие в альбомы «Не положено» и «Деклассированным элементам».

Вообще, в 1987–1988 гг. Янка написала очень много известных стихов и песен, прошла череда ее квартирных концертов по всей стране. В разных городах начали ходить по рукам ее записи, в основном акустические. Янка становится известной, ей предлагают запись на фирме «Мелодия», но она отказывается. Примерно в это же время ее песни потихоньку начинают появляться на радио, причем сама она, по-видимому, об этом не знает.

1988 г., отмеченный самоубийством Башлачева, стал для Янки переломным. В ее творчестве наступают перемены: стихи и песни становятся все более темными и мрачными, все чаще звучит тема смерти. Янка начинает тяготеть к акустике, стремится делать самостоятельные проекты – начинаются ссоры с Егором Летовым, который пытается полностью контролировать ситуацию.

До этого времени Янка пела в основном так, как этого хотел Егор, в соответствии с его представлениями о музыке: «Раздражающую меня этакую скорбную, пассивную и жалкую констатацию мировой несправедливости, заметно присутствующую в Янкином голосе и исполнении, я решил компенсировать собственной агрессией… Возможно, в результате возникло не совсем ей свойственное (а, может быть, и совсем не свойственное), зато получилось нечто общее, грозное и печальное, что в моем понимании – выше, глубже, дальше и несказанно чудеснее изначального замысла».

Концертами дело не ограничивалось – Летов фактически диктовал Янке, как ей писать ее же альбомы, – он делал и записывал их исключительно по своему разумению. Летов безжалостно препарировал записи, сделанные Яной, украшая их по-своему, – так было, например, с ее первой акустической записью «Не положено», которая относится к 1987–1988 гг. Примерно в 1990 г. Егор Летов, не советуясь с Янкой, дополнил запись различными студийными и концертными версиями ее песен. Он даже выпустил этот альбом в «улучшенном» виде, но, правда, уже после смерти Янки, ибо при жизни она всячески

открещивалась от этой версии своего творчества. Подобные вещи происходили и с другими ее записями.

Нельзя сказать, что она не сопротивлялась и не спорила, но в итоге все равно уступала. Янка не успела почти ничего записать так, как хотелось ей самой. Нет практически ни одной электрической записи, где инструменты звучали бы адекватно ее песням, не портили бы их, не заглушали, а, наоборот, выгодно оттеняли и делали еще лучше, еще выразительнее. Вообще говоря, деструктивная летов-ская трактовка ее вещей то нравилась Янке, то не нравилась, но записываться она хотела самостоятельно, на свое усмотрение. Разговоров об этом велось предостаточно, однако реального шанса так и не представилось.

Постепенно отношения Янки с Егором Летовым становятся все хуже, ссоры приводят к разрыву отношений – начиная с лета 1990 г. все концерты, в которых выступала Янка, проходят без участия Егора. Тандем распался. «Чтобы с ним жить, надо быть ему равным. Если ему уступаешь, он тебя сминает», – говорила она, устав от постоянной борьбы. Постепенно отходя от Егора, Янка почти перестает общаться и с остальными своими товарищами. В какой-то момент она осталась практически одна – без подруг, без семьи, без любимого человека.

Начиная с февраля 1990 г., после участия в концертах памяти Александра Башлачева, у Янки начинает прогрессировать депрессия: «Башлачев протоптал дорожку, и мне пора по ней. От меня в этой жизни всем только неприятности и страдания. Все вздохнут с облегчением, когда я исчезну», – повторяла она после приезда домой. Янка почти перестает писать песни и стихи, прекращает давать концерты, замыкается в себе. Тогда же в ее жизни появился Сергей Литаврин, с которым у нее установились отношения, основанные на молчании. Янка жила с ним в общежитии Новосибирского университета, но в начале 1991 г. они расстались.

Она вернулась в свой пустующий дом на Ядринцовской: отец женился второй раз и переехал к жене. Янки-на депрессия обострилась после зимнего приезда Летова, с которым произошла очередная ссора, хотя они уже давно не были вместе. Эта встреча совершенно придавила Янку, она все чаще уединялась в своей комнате, на все вопросы отвечая: «Мне не о чем говорить». Редко выходила из дома, похудела, практически не спала по ночам, потеряла интерес к людям. Она дала «обет молчания» и несколько недель не говорила ни слова… Отец и его новая жена Алла Викторовна пытались вытащить Янку, заинтересовать ее фольклором – вроде бы помогло, она начала постепенно приходить в себя.

Наверное, все закончилось бы благополучно, но в апреле 1991 г. неожиданно умер сводный брат Янки – сын Аллы Викторовны Сергей. Они очень дружили, Сергей ценил и уважал Янку, говорил, что после двух неудачных браков он впервые встретил близкую по духу и интересную женщину. Он погиб из-за халатности врачей 23 апреля, а родные узнали об этом только 4 мая.

На следующие праздники родители забрали ее на дачу, чтобы как-то отвлечь, самим отвлечься – эта поездка стала для Янки последней.

Ее отец не выносил запаха дыма, и она уходила курить в лесок неподалеку от дома. Так было и вечером 9 мая. Около 6 часов вечера она ушла покурить и долго не возвращалась, ее нашли неподалеку от дачи, вернули. А через час Янка опять исчезла. На этот раз искали до 2-х часов ночи, обежали весь лес, но безуспешно. Решили, что она уехала в город, как часто бывало, тем более что вечером в семье произошла размолвка.

Вернувшись в город, отец обзвонил всех Янкиных знакомых, обошел все места, где она могла бы быть, но поиски не дали результатов. В милиции, в соответствии с правилами, заявление о пропаже приняли только на третий день. О ее гибели никто и не думал.

Кто-то из друзей сообщил о пропаже Янки в Москву – вдруг она объявится там. Собственно, и тревогу-то подняли в Москве, не дома. В Новосибирске, в общем-то, были уверены: ушла, погуляет, вернется; так и отвечали москвичам на их встревоженные звонки. Потом журналист Юрий Щекочихин, толком и не знавший, кто такая Янка, сумел активизировать новосибирскую милицию, которая занялась поисками.

Янку нашли только через неделю, 17 мая. Ранним утром ее тело обнаружил рыбак, вышедший на реку Иня. Тело несло по воде более 40 км, и Янку смогли опознать только по одежде.

Выводы следствия: самоубийство или несчастный случай. Однако предположить несчастный случай трудно – Янка прекрасно плавала. Кроме того, 10 мая некоторые близкие друзья вроде бы получили открытку, подписанную Янкой. Текст был примерно таким: «Пускай у тебя все будет хорошо. Я тебя очень люблю. Дай Бог избежать тебе всех неприятностей». Впрочем, среди друзей ходила версия об убийстве, но следствие сочло, что для этого предположения нет оснований. Медицинская экспертиза была очень подробной, но следов насильственной смерти не обнаружила. Дело закрыли.

Янку похоронили на Заельцовском кладбище Новосибирска рядом с сыном Аллы Викторовны. Ее отец до последнего дня не

верил, что его дочь – звезда. Только похороны, на которые собралось больше тысячи человек с разных концов России, убедили его в этом.

Сейчас на могилу Янки приходят лишь родственники, друзья да самые преданные поклонники (да и то сказать, Новосибирск – не Питер и не Москва, там проездом на могилу кумира не попадешь). Еще десять лет назад там постоянно было много народу, а теперь даже на годовщину смерти приходит не больше десятка человек.

ЕСЕНИН СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

(род. в 1895 г. – ум. в 1925 г.)

«Может,
окажись
чернила в «Англетере»,
вены
резать
не было б причины».

В. Маяковский, «Сергею Есенину»

«…быть Есениным легко».

М. Цветаева

Цитата из энциклопедии: «Есенин Сергей Александрович (1895–1925) – русский советский поэт. С первых сборников («Радуница», 1916; «Русский часослов», 1918) выступил как тонкий лирик, мастер глубоко психологизированного пейзажа,

певец крестьянской Руси, знаток народного языка и народного характера…».

В общем-то, подобное можно прочесть про любую хоть сколько-нибудь известную фигуру из плеяды российских поэтов первой четверти двадцатого века. И, по мнению серьезных литературоведов, многие из них не только не уступали в даровании Сергею Есенину, но и превосходили его (собственно, вот оценка своего таланта, данная самим поэтом: он «небольшой, но ухватистой силы»). Тем не менее, многие его современники проходят сегодня как строки списка «поэты Серебряного века русской поэзии», а его имя живет самостоятельной жизнью. И надо заметить, что жизнь эта отнюдь не отличается добропорядочностью…

Возможно, именно беспутный образ жизни, вызывавший постоянные пересуды и сплетни современников, бесчисленные романы и бесконечная череда пьяных дебошей стали непременным обрамлением поэтической деятельности Есенина. Он впустил всех нас в свою частную жизнь, похожую то ли на авантюрный сериал, то ли на фотовыставку папарацци, и сделал зрителями.

Иногда даже возникает ощущение, что Есенин не просто писал стихи, но сознательно строил свою карьеру в соответствии с законами шоу-бизнеса: стихи – скандал – внимание публики – очередной скандал – запой и так далее… И уже непонятно, что публике интереснее: творчество поэта или пикантные подробности его личной жизни. И еще менее понятно, что же стало истинной причиной самоубийства Сергея Есенина: творческий кризис, пьяный угар, болезнь или желание лишний раз пощекотать нервы поклонниц в расчете на то, что кто-то придет, спасет, вынет из петли.

Шоу продолжается, и по сей день биография Есенина вызывает толки… Множатся и обрастают подробностями «правдивые» истории любовных похождений поэта, персонажами которых становятся уже не только женщины, но и мужчины. Возникают «сенсационные опровержения» версии о его самоубийстве: мол, поэт в последние месяцы 1925 г. был абсолютно здоров, никаких оснований расставаться с жизнью у него не было; его убили «враги»-чекисты (все сплошь участники сионистского заговора). Одновременно появляются «достоверные» сведения о том, что Есенин был тайным осведомителем НКВД – вот потому-то власти ему благоволили.

Такая же разноголосица сопровождает и творчество поэта. Одни приводят неопровержимые доводы в пользу того, что революция 1917 г. стала для Есенина личной трагедией: называя

себя «последним поэтом деревни», он оставался крестьянином в душе и тяжело переживал оторванность от земли; поэтические образы Есенина религиозны по своей сути, и это обостряло и без того плохие отношения с официальной критикой. Другие утверждают, что он, напротив, с восторгом принял революцию, искренне воспевал новый быт и социалистические преобразования в Советской России. Третьи говорят, что Есенин, с его потомственной крестьянской хваткой, просто-напросто использовал советскую власть в своих интересах…

Кто из исследователей прав, сегодня трудно судить, но одно, пожалуй, можно утверждать – жизнь Сергея Есенина не могла закончиться; она могла только оборваться. Он не относился к тем людям, которые чинно покидают бренный мир, дожив до преклонных лет.

* * *

21 сентября (3 октября) 1895 г. в семье старообрядцев Есениных из села Константиново Рязанской области родился сын, которого назвали Сергеем. Сын богатого крестьянина, он с малолетства воспитывался у деда по матери, человека предприимчивого и зажиточного, знатока церковных книг. Мальчик окончил четырехклассное сельское училище, затем, в 16 лет, церковно-учительскую школу в Спас-Клепиках. Писать он начал девяти лет от роду, и за это время им было написано более 30 стихотворений, составлен рукописный сборник «Больные думы», который он пытался опубликовать в Рязани.

В 1912 г. Есенин переехал в Москву, где в магазине купца Крылова служил его отец, и некоторое время помогал ему. В марте 1913 г. Сергей устроился в типографию Товарищества И. Сытина помощником корректора, и вскоре корректор типографии – Анна Изряднова – стала его первой гражданской женой и родила сына Юрия.

Она вспоминала о Есенине так: «Только что приехал из деревни, но на деревенского парня не был похож – на нем был коричневый костюм, высокий крахмальный воротник и зеленый галстук. С золотыми кудрями он был кукольно красив… Настроение было у него упадочное – он поэт, никто не хочет его понять, редакции не принимают в печать, отец журит… Все жалованье тратил на книги, журналы, нисколько не думал, как жить…»

Жизнь с Анной с первых дней стала тяготить Есенина, он совершенно не думал о семье – больше всего его заботил

поэтический успех. Наконец, в 1914 г. его стихи, хотя и не лучшие, напечатали, и в 1915 г. Есенин оставил Анну с маленьким ребенком, решив попытать счастья в журналах северной столицы. Он перебрался в Санкт-Петербург, где сразу же свел знакомство с русскими поэтами-символистами, прежде всего с Александром Блоком.

М. Горький вспоминал: «Я видел Есенина в самом начале его знакомства с городом: маленького роста, изящно сложенный, со светлыми кудрями, одетый как Ваня из «Жизни за царя», голубоглазый и чистенький… Город встретил его с тем восхищением, как обжора встречает землянику в январе. Его стихи начали хвалить чрезмерно и неискренне, как умеют хвалить лицемеры и завистники». А. Блок назвал Есенина «талантливым крестьянским поэтом-самородком», а его стихи – «свежими, чистыми, голосистыми», чем во многом определил успех поэта в Северной Пальмире.

Сергей предстал перед петербургской творческой интеллигенцией в образе наивного и простодушного деревенского паренька, хотя ни наивности, ни простодушия в нем не было – по крайней мере, так считал его близкий друг Анатолий Мариенгоф. Он вспоминал, как Есенин объяснял ему свой успех в Петрограде: «…С бухты-барахты не след идти в русскую литературу. Искусную надо вести игру и тончайшую политику…Не вредно прикинуться дурачком. Шибко у нас дурачка любят… Каждому надо доставить удовольствие… Пусть каждый считает: я его в русскую литературу ввел. Им приятно, а мне наплевать». Верная тактика сработала: за несколько недель Есенин завоевал славу посланца русской деревни в самых влиятельных и изысканных петроградских литературных кругах. Он стал модным поэтом, любимцем журналов и гостиных. Поэт читал стихи императрице, а в 1916 г. вышел первый сборник его стихов – «Радуница».

В 1917 г. он горячо принял революцию и был назван возмущенной общественностью за принятие революции «предателем», хотя принял ее Есенин по-своему, с хитрой оглядкой. Он бредил славой, а революция давала ему возможность ухватить ее за хвост. И дело было не только в том, что революцию сделали мужики и деревня почувствовала себя победительницей. Просто в той рафинированной и утонченной культуре, что стремительно уходила на дно, Есенину было уготовано скромное место – талантливый самородок. А теперь пришло его время: поэт отринул петербургскую культуру, начал освобождаться от своего прошлого и стремительно возноситься на вершину славы.

Тогда же, в 1917 г., в его жизни появилась Зинаида Райх. Есенин и Райх отправляются в путешествие по русскому Северу, а 4 августа 1917 г. венчаются под Вологдой в церкви Кирика и Иулиты. В марте 1918 г. поэт вернулся в Москву, где стал одним из основателей группы имажинистов (имажинизм – литературное течение, в котором утверждается самоценность образа как такового, незначимость смысла, превосходство формы над содержанием), ас 1919 по 1921 г. возглавлял ее. В то время он был частым гостем в столичных литературных кафе, где читал свои новые стихи и очень много пил.

К тому времени брак с Зинаидой, в котором у Есенина родились двое детей, Константин и Татьяна, закончился разводом. Отчасти виной тому были регулярные загулы и пьянство мужа, сопровождавшиеся рукоприкладством; отчасти – отношение к Райх есенинского окружения, которое ни в грош не ставило ни ее талант, ни прочие качества. Потом, после мучительного расставания с Сергеем и тяжелой болезни, Зинаида стала женой выдающегося режиссера Всеволода Мейерхольда и ведущей актрисой его театра.

Окончательно порвав с Зинаидой Райх, Есенин с легкостью относился к случайным встречам, с удовольствием пил и скандалил в кабаках… Он был бездомен и бесприютен, когда в его жизнь ворвалась Айседора Дункан, знаменитая американская танцовщица, приехавшая в Россию, чтобы открыть студию танца для русских девочек.

В 1922 г. Есенин женился на Айседоре, которая была старше на пятнадцать лет. Их роман произвел настоящий фурор, особенно когда поэт, нарочито подчеркивающий свое происхождение, сопровождал жену во время ее выступлений в Европе и США. Есенин мог, например, из окна гримерной Айседоры Дункан в Симфони-Холле в Бостоне размахивать красным флагом и кричать: «Да здравствует большевизм!» Во время поездки в США супруги начали часто ссориться, причем зачастую скандалы происходили на публике. Этот брак тоже распался.

После разрыва с Дункан Есенин возвратился в Москву, и началась пора затяжных попоек, в результате которых свет увидели самые скандальные сборники поэта – «Исповедь хулигана» и «Москва кабацкая». Есенин стал совсем другим – исчезло юношеское обаяние, испарились жизненная цепкость и деловая хватка. Сломленный, больной человек стремительно катился вниз, менял женщин, пил, погибал – и сам стремился к гибели. За ним тянулись слухи о диких скандалах, поговаривали и об эпилептических припадках. «От кудрявого, игрушечного

мальчика остались только очень ясные глаза, да и они как будто выгорели на каком-то слишком ярком солнце, – писал М. Горький. – Беспокойный взгляд их скользил по лицам людей изменчиво, то вызывающе и пренебрежительно, то вдруг неуверенно, смущенно и недоверчиво…»

Вернувшись из-за границы, Есенин со своими сестрами поселился у Галины Бениславской, ставшей для поэта близким другом и помощником; она вела все его литературные дела. Летом 1925 г. Есенин женился на внучке Льва Толстого – Софье, хотя, по отзывам современников, был не прочь сочетаться браком и с племянницей Федора Шаляпина, и, похоже, выбрал Толстую, загадав на орел-решку. Однако и Софья не сумела отвлечь мужа от алкоголя и кокаина.

Уже с 1921 г. в поэзию Есенина вошли мотивы увядания: «О, моя утраченная свежесть, / Буйство глаз и половодье чувств!»; «Отцвела моя белая липа…»; «Отговорила роща золотая…»; «Потеряла тальянка голос, / Разучилась вести разговор» и т. п. А в последние два года жизни поэта тема смерти властвует в его стихах: в произведениях Есенина отмечено около четырехсот упоминаний о смерти, из них более трети приходится на последние два года (в половине этих последних стихов поэт говорит о самоубийстве).

Под влиянием тяжелого пристрастия к алкоголю у поэта развивается страх одиночества и мания преследования, которые, видимо, стали и причиной, и поводом для самоубийства – поводом сугубо клиническим, обусловленным психической болезнью. Вот слова А. Мариенгофа, знавшего Есенина лучше, чем кто бы то ни было: «Есенинская трагедия чрезвычайно проста. Врачи это называли «клиникой». Он и сам в «Черном человеке» сказал откровенно: осыпает мозги алкоголь. Вот проклятый алкоголь и осыпал мозги, осыпал жизнь». И еще: «В последние дни своего трагического существования Есенин был человеком не больше одного часа в сутки. От первой, утренней, рюмки уже темнело его сознание. А за первой, как железное правило, шли – вторая, третья, четвертая, пятая».

Время от времени Есенина клали в больницу, где самые знаменитые врачи лечили его самыми новыми способами. Они помогали так же мало, как и традиционные средства, которыми его тоже пытались лечить. Известный психиатр профессор П. Ганнушкин предупреждал близких поэта о большой вероятности попыток самоубийства. Основанием для столь мрачного прогноза послужили приступы депрессии и тяжелый наследственный алкоголизм.

В июне 1925 г. Есенин постоянно говорил Софье Толстой –

еще невесте: «А умереть я все-таки умру. И очень скоро». Решение «уйти» стало у него маниакальным. Он ложился под колеса дачного поезда, пытался выброситься из окна, перерезать вену обломком стекла, заколоть себя кухонным ножом. В редкие трезвые минуты Есенин жаловался, что жизнь ему опротивела, что он всё растерял, что у него не осталось ни друзей, ни близких и что он сам уже никого не любит.

В ноябре 1925 г. Есенин добровольно лег в психиатрическую клинику П. Ганнушкина, откуда, не долечившись, сбежал 21 декабря 1925 г. На следующий день поэт отправился в Ленинград, где прошли последние четыре дня его короткой жизни. Перед отъездом он побывал у всех родных: навестил детей от брака с Зинаидой Райх и попрощался с ними; зашел к Анне Изрядновой, просил беречь сына и на прощание произнес: «Смываюсь, уезжаю, чувствую себя плохо, наверное, умру». Мужу своей сестры Кати сказал, как о чем-то решенном: «Я ищу гибели. Надоело все».

Перед отъездом Есенин отправил своему приятелю поэту Вольфу Эрлиху телеграмму: «Немедленно найди 2–3 комнаты. 20-х числах переезжаю жить Ленинград. Телеграфируй», но Эрлих подходящей квартиры не нашел. Поэт хотел начать в Ленинграде новую жизнь – он привез с собой не только все свои вещи, но и рукописи, сборники, записи. Он собирался издавать журнал и работать над первым полным собранием своих сочинений. Приехав в Ленинград 24 декабря, Есенин поселился в гостинице «Англетер». Держался он настороженно и говорил, что за ним не то следят, не то собираются следить «люди из Москвы». Поэт боялся оставаться в номере и по вечерам и ночью подолгу сидел в вестибюле. Он просил никого не пускать к нему в номер, так как за ним охотятся, на него уже открыто несколько «политических» дел. В реальности же двенадцать из тринадцати дел были связаны с его пьяными дебошами. В состоянии опьянения Есенин начинал буйствовать, и его агрессия пресекалась милицией – отсюда «уголовные дела».

Да и вообще насчет гонений поэт, по меньшей мере, сгустил краски. Валентин Катаев пишет, что Есенин «был любимцем правительства». Ему вторит Владислав Ходасевич: «Всякий, сказавший десятую долю того, что говорил Есенин, давно был бы расстрелян. Относительно же Есенина был только отдан в 1924 г. приказ по милиции – доставлять в участок для вытрезвления и отпускать, не давая делу дальнейшего хода». Когда летом 1925 г. поэт работал над «Персидскими мотивами» в Баку, его поселили на одной из лучших дач с огромным садом, фонтанами и всяческими восточными затейливостями, чтобы создать «иллюзии Персии в Баку».

Всю жизнь Есенин фатально шел к гибели, но, по-видимому, не собирался действительно кончать жизнь самоубийством. Заявляя, что жизнь потеряла для него всякий смысл, он, как это бывает, и жаждал смерти, и одновременно боялся ее. В общем-то, если забыть о психической болезни поэта вследствие алкоголизма (а это, видимо, основная причина гибели), то его самоубийство напоминает т. н. демонстративный суицид, когда решение об уходе из жизни продиктовано преимущественно желанием обратить на себя внимание, а самоубийца предпринимает все возможное, чтобы его остановили.

Складывается впечатление, что Есенин приложил немало усилий, чтобы подстраховать себя, обеспечить спасение. Однако все усилия оказались тщетными, и страховка не сработала – слишком сложной оказалась ее схема.

Итак, Есенин живет в гостинице «Англетер», встречается с друзьями… Утром 27 декабря он пишет свое знаменитое прощальное стихотворение «…До свиданья, друг мой, до свиданья», но поскольку в номере не оказалось чернил, то пишет его кровью, предварительно сделав три неглубоких пореза на левой руке. Вот эти строки:

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.
До свиданья, друг мой, без руки и слова,
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

Позже к Есенину зашел Вольф Эрлих. В номере поэта в это время находились жившие в той же гостинице супруги Устиновы и несколько случайных знакомых (которые могли, заметив порезы на руке, поинтересоваться, что же произошло; не заметили). Видный партиец, литературный функционер Георгий Устинов просто обожал Есенина и как поэта, и как друга. Сергей Есенин вырвал из блокнота листок с написанным утром стихотворением и сунул Эрлиху со словами: «Прочтешь дома, потом, когда будешь один». Через некоторое время Эрлих попрощался и ушел, но вскоре вернулся: забыл портфель. Есенин сидел у стола и просматривал старые стихи. Простились вторично.

За делами Эрлих забыл о листочке, лежавшем у него в кармане, и прочел стихи только на следующий день, когда поэта уже не было в живых. Можно попытаться восстановить логику

Есенина: Эрлих придет вечером домой, наверняка прочтет стихи, увидит, что они написаны кровью, и бросится спасать… Есенин, наверное, не понимал, почему Эрлих никак не отреагировал на прощальные восемь строк, – ему не могло прийти в голову, что тот попросту забыл о листке со стихами.

В десять вечера поэт спустился к портье и еще раз специально попросил, чтобы в номер к нему никого не пускали. Но можно вообразить, какой бы поднялся шум, если бы в гостиницу все же явился Эрлих с «кровавой» запиской и потребовал немедленно пустить его к Есенину. После разговора с портье Сергей стучался к Устиновым, но Георгия Устинова не оказалось дома.

Оставалось надеяться, что Эрлих все же прочтет стихи и примчится в гостиницу. Есенин смастерил петлю, причем узел не был самозатягивающимся. О том, что произошло потом, можно только догадываться: может, полутораметровая тумба, на которую взобрался поэт, упала, и он не сумел выбраться из петли; может, в дверь кто-то постучал, а он решил, что это Эрлих будет взламывать замок и успеет его спасти… А может, это досужие домыслы – кто знает.

Утром 28 декабря 1925 г. Есенина нашли повесившимся в номере ленинградской гостиницы «Англетер». Жена Устинова хотела пригласить его на завтрак, но не могла достучаться. Комендант гостиницы открыл номер своим ключом. Есенин висел в петле, прикрепленной к водопроводной трубе, схватившись за нее руками, как будто пытался спастись. На его лице застыло выражение ужаса… Через много лет все это дало повод рассуждать об убийстве поэта и выдвигать самые невероятные версии его гибели.

Сергея Есенина хоронили в Москве. На Ваганьковском кладбище собрались все его женщины: мать, сестры, жены и возлюбленные. Сергея хоронили Анна Изряднова, Зинаида Райх, Галина Бениславская, Софья Толстая… Айседора Дункан прислала телеграмму. «…Его дерзкий дух стремился к недостижимому… Я оплакиваю его смерть с болью и отчаянием».

Через год Галина Бениславская застрелилась на могиле Сергея Есенина. В 1927 г. в Ницце погибла Айседора Дункан. В 1939 г. Зинаиду Райх убили в ее собственной квартире. Софья Толстая сохранила верность поэту и старательно берегла все, что было связано с его жизнью, разбирала архив, готовила к изданию его сочинения.

ИУДА ИСКАРИОТ

(род. в? г. – ум. в 33 г. н. э.)

…разве предательство Иуды, искупительная жертва и гибель Спасителя не были необходимы, священны, предопределены и предречены в древнейшие времена? Разве была бы польза… была бы хоть крохотная польза, если бы изменилось хоть на йоту божественное предначертание и не совершилось бы дело спасения, если бы уклонился этот самый Иуда по соображениям морали или рассудка от назначенной ему роли и не пошел на предательство?

Герман Гессе, «Путь сновидений: Птица»

«Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав Кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам. И, бросив сребреники в храме, он вышел, пошел и удавился» (Мф. 27:3–5) – это все, что сказано в Евангелии о самоубийстве Иуды Искариота, человека, который сыграл свою роль в истории развития

цивилизации. Вот уже две тысячи лет идут споры о том, почему он все-таки покончил с собой (и покончил ли); нет единого мнения о личности Иуды. Самоубийство Иуды и его предательство Христа до сих пор вызывают горячие споры о свободе человеческой воли и ее границах, о роли двенадцатого апостола в мировой истории, о том, почему Иисус вообще приблизил к себе предателя и, главное, почему Искариот предал.

Р. Хазар в книге «Сын Человеческий» говорит о том, что в Евангелиях нельзя усмотреть серьезных мотивов для предательства: «…Квартус (Иоанн. – *Прим. ред.*) сводит все к банальному расточительству, которое якобы возмутило Иуду: "Мария же, взяв фунт нардового чистого драгоценного мирра, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его; и дом наполнился благоуханием от мирра. Тогда один из учеников Его, Иуда Симонов Искариот, который хотел предать Его, сказал: "Для чего бы не продать это мирро за триста динариев[17] и не раздать нищим?"» (Ин. 12:3–5). Однако несостоятельность этого мотива сразу же обнаруживается при сравнении данного эпизода с параллельным местом в Евангелии от Марка, в котором сказано, что не Иуда, а «некоторые же вознегодовали и говорили между собою: к чему сия трата? ибо можно было бы продать его более, нежели за триста динариев и раздать нищим» (Мк. 14:4–5).

После истории с мирровым маслом Иуду Искариота нельзя узнать. Он идет в Синедрион и изъявляет желание предать Иисуса: «Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребреников; и с того времени он искал удобного случая предать Его» (Мф. 26:14–16; см. также Мк. 14:10–11, Лк. 22:1–6).

И была тайная вечеря, где Иисус указал на Иуду как на предателя. А после «Иуда, один из двенадцати, пришел, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и старейшин народных. Предающий же Его дал им знак, сказав: "Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его". И, тотчас подошед к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его. Иисус же сказал ему: друг, для чего ты пришел? Тогда подошли, и возложили руки на Иисуса, и взяли Его» (Мф. 26:47–50; см. также Мк. 14:43–46, Лк. 22:47–48, Ин. 18:3).

Канонические Евангелия дают единственную мотивировку поступка Иуды – корыстолюбие. Тридцать сребреников, полученные Искариотом за предательство, стали символом предательства. Однако многим корысть кажется лишь внешней маскировкой истинных причин предательства. Каиниты, манихеи и богомилы (христианские учения, отличные от евангелических в

аспекте отношения к Иуде) представляли Искариота как избранника Христа, совершившего подвиг предательства и возложившего на себя тяжесть презрения и покарания. Из всех апостолов Христос избрал Иуду, который принял всемирный позор и поругание. Эти учения утверждают, что предательство Иуды было предопределено и занимало свое место в деле искупления. Было необходимо, чтобы в ответ на жертву Христа некий человек, представляющий всех людей, совершил равноценную жертву. Этим человеком стал Иуда Искариот, который смог опуститься до предательства. Отсюда тридцать сребреников, поцелуй и добровольная смерть, чтобы еще вернее быть проклятым.

Как все обстояло на самом деле, сегодня не дано узнать, а образ Иуды Искариота останется тайной. Справедливо или по ошибке, но его имя навечно стало символом предательства. Данте поместил его в последний круг ада, где вмерзший в лед Дит терзает каждой из своих пастей по предателю: Брута, Кассия и Иуду. Данте следовал традиции представления Иуды как совершенного злодея.

Эту же традицию продолжил несколькими веками позже Даниил Андреев в «Розе мира», хотя и отказавшись от канонической версии о предательстве ради денег. Он увидел Иуду как лазутчика, ненавидящего Христа. Искариот втерся к нему в доверие, предал, убедился, что казнь состоялась, и оборвал свою жизнь после выполнения миссии. В этой интерпретации самоубийство Иуды является «зеркалом» по отношению к казни Христа, но отражение дано как бы в негативе. Искариот повторил распятие: повесившись на дереве, он предал себя смерти на возвышении и повторил фигуру распятия. Д. Андреев, впрочем, не уточняет стремился ли Иуда к намеренной насмешке над распятием или речь идет о некоем мистическом совпадении.

Бытует мнение о разочаровании Иуды в своем Учителе как основополагающем мотиве совершенного преступления – и, как следствие, мести за несбывшиеся надежды. Именно так объясняет предательство Иуды Э. Шюре: «Надо думать, что эта черная измена была вызвана не низкой жадностью к деньгам, но честолюбием и несбывшимися надеждами… Иуда, не способный на малейший идеализм, мог сделаться учеником Христа из одних лишь мирских побуждений. Он рассчитывал на немедленное земное торжество Пророка и на свое собственное возвышение… Когда Иуда увидал, что дела принимают худой оборот, что Иисус погиб, Его ученики на дурном счету и сам он обманут во всех своих ожиданиях, разочарование его превратилось в ярость. Несчастный предал Того, Кого считал неистинным Мессией,

обманувшим все его надежды…» Разочарование могло толкнуть Иуду на предательство – с тем, чтобы неминуемая казнь пророка вызвала народную смуту, стала отправной точкой национального антиримского восстания. Именно такого взгляда и придерживается Томас де Куинси: «Иуда предал Иисуса Христа, дабы вынудить его объявить о своей божественности и разжечь народное восстание против гнета Рима».

Категорическое неприятие Иуды христианской церковью ярко проявляется и в изобразительном искусстве. Так, в византийско-русской иконографической традиции Иуда всегда повернут в профиль (так традиционно изображали бесов), чтобы зритель не встречался с ним глазами. На фресках Беато Анжелино Искариот в знак своего апостольского сана несет нимб, но только темный. На картинах в сцене тайной вечери Иуда в основном повернут спиной к зрителям (это касается работ художников не только эпохи Возрождения, но и конца XIX ст.).

Тем не менее, литераторы, философы и теософы отступали от идеи абсолютной греховности Иуды. Начало реабилитации Иуды положил Анатоль Франс в сборнике «Сад Эпикура», предположив, что Иуда погубил свою душу ради спасения мира. Найти оправдание Иуде Искариоту пытались немецкий драматург Карл Вейзер в книге «Иисус», шведский писатель Тод Гердберг в книге «Иуда». В работах Д. Ф. Штрауса и Эрнеста Ренана под названием «Жизнь Иисуса» можно найти анализ несоответствий между четырьмя Евангелиями. В романе эстонского протестантского священника Кальмуса «Иуда» высказана мысль, что Синедрион обманул Иуду, убедив его в том, что если не они арестуют Христа, то это сделают римляне. Фактически Синедрион обещал обеспечить Иисусу определенную безопасность, убежище на некоторое время, но отдав Иуде деньги, как бы освободил себя от данного слова.

Леонид Андреев изображает Иуду как человека ревнивого и недоверчивого, убежденного в лживости человека, в том, что его постоянно дурачат (даже хорошим к нему, Иуде, отношением). И только Иисуса Иуда любит всем сердцем, болезненно ревнуя к нему остальных учеников и не веря в их бескорыстие и искренность. А на предательство он пошел, потому что надеялся на то, что люди в очередной раз одурачат его: Иуда знает, что они погубят Сына Человеческого, но раз они всегда обманывали, не подведут и на этот раз. Иисус спасется. Но в этот раз люди не обманули Иуду и с радостью проводили самого дорогого для него человека на казнь. Впервые в жизни Иуде не соврали, но он оказался очень и очень жестоко обманут. Оказалось, что даже во вранье люди лгут, а предателем и лжецом называют Иуду.

Идею обмана Иуды продолжили Аркадий и Борис Стругацкие в романе «03, или Отягощенные злом», где предательство представлено как договор с Христом, как вовлечение Искариота в своего рода игру, нужную для повышения падающего авторитета. В итоге оказывается, что игра – обман, все происходит в реальности, и Иуда в отчаянии кончает с собой, не в силах пережить содеянное.

Вообще, идея о существовании договоренности между Иисусом и Иудой достаточно популярна (хотя и не имеет евангелических подтверждений). Так считает, например, Никое Казандакис, написавший роман «Последнее искушение Христа», легший в основу одноименного фильма:

«– Брат мой, час настал, – кивнул Иисус Иуде, не отходившему от него. – Готов ли ты?

– Я снова спрашиваю тебя, равви: почему ты выбрал меня?

– Ты же знаешь, что сильнее тебя никого нет. Остальные не вынесут… Ты ходил к первосвященнику Каиафе?

– Да. Он говорит, что ему нужно знать, где и когда.

– Скажи ему – в канун Пасхи, после праздничной трапезы в Гефсиманском саду. Мужайся, Иуда, брат мой. Я тоже стараюсь не падать духом».

И далее:

«– Прости меня, Иуда, брат мой, – промолвил Иисус, – но это необходимо.

– Я же уже спрашивал тебя, равви, нет ли другого пути?

– Нет, Иуда, брат мой. Я бы тоже предпочел другой путь; до сегодняшнего дня я ждал и надеялся, но – напрасно. Нет, другого пути нет. Настал конец света – конец мира. Этот мир – царство дьявола – будет уничтожен, только когда наступит Царствие Небесное. Я принесу его. Как? Своей смертью. Другого пути нет. Не дрожи, Иуда, брат мой. Через три дня я восстану из гроба.

– Ты говоришь это только для того, чтобы успокоить меня, чтобы я предал тебя и сердце мое не разорвалось. Ты говоришь – я выдержу, ты хочешь придать мне сил. Нет, чем ближе час… нет, Иисус, я не вынесу этого!

– Вынесешь, Иуда, брат мой. Господь придаст тебе сил столько, сколько потребуется. Это необходимо, необходимо, чтобы я был казнен, а ты предал меня. Мы оба должны спасти мир. Помоги мне.

Иуда опустил голову.

– А ты бы предал своего учителя?

Иисус надолго задумался.

– Нет, боюсь, я не смог бы. Потому Господь и сжалился надо мной и поручил мне более легкое дело – быть распятым, – и, взяв

Иуду под руку, он продолжал уговоры: – Не бросай меня. Помоги мне. Разве ты не говорил с первосвященником Каиафой? Ведь служители Храма уже готовы и вооружены, чтобы схватить меня? Ведь все устроилось, как мы и договаривались, Иуда. Так отпразднуем же сегодня вместе Пасху, а потом я дам тебе знак, и ты приведешь их. Впереди лишь три темных дня – они промелькнут, как молния, а на третий день, в воскресение, мы возликуем и обнимемся снова!»

Итак, именно истинная вера в священную миссию Спасителя, божественную сущность – все то, на чем зиждется христианство и Церковь вот уже две тысячи лет, побудило Иуду Искариота предать Иисуса в руки первосвященников. В то же время вера в душе Искариота сочеталась с сомнениями. Отец Сергий Булгаков пишет, что Иуда хотел спровоцировать ситуацию, когда появилась бы ясность – Мессия или не Мессия. Иуда предал Иисуса, надеясь таким образом не только ускорить наступление Царства Божьего на земле, но и убедиться, что Иисус сумеет спастись и доказать тем самым, что Он действительно тот, за кого Себя выдает: Мессия, предсказанный пророками, и Царь Израильский. Причем для двенадцатого апостола самым важным было – создать условия для неизбежного проявления истины, которую ему уже не довелось узнать.

Р. А. Смородинов в книге «Сын Человеческий» на основе филологического анализа греческих оригиналов приводит доказательства тождественности Иуды и Иисуса. Согласно его версии, Иуда Искариот – записанное по-другому и трансформированное при переводе с греческого имя Иисуса Христа, из-за неверной транскрипции приведшее к случайной ошибке и раздвоению. Василий Розанов, российский философ начала XX века, отстаивал похожую идею, которая состоит в том, что у Иуды была его собственная, тайная и настоящая миссия спасения. Иуда и есть истинный Христос, а Христос – это отвлекающий двойник. В этой версии цена за спасение мира поднимается еще выше, ведь платой становятся не мучения плоти (распятия), а вечное проклятие и позор.

Эта же идея присутствует и у Х. Л. Борхеса в рассказе «Три версии предательства Иуды»: «Иуда, неким таинственным образом – отражение Иисуса. Отсюда тридцать сребреников и поцелуй, отсюда добровольная смерть, чтобы еще верней заслужить Проклятие… Бог стал человеком полностью, но стал человеком вплоть до его низости, человеком вплоть до его мерзости и бездны. Чтобы спасти нас, он мог избрать любую судьбу из тех, что плетут сложную сеть истории;…он избрал самую презренную судьбу: он стал Иудой».

Иисус и Иуда – оказываются как бы двумя ипостасями единого лица – Сына Человеческого, двумя антагонистическими сущностями, составляющими цельную личность пришедшего в мир Мессии. Не соверши Иуда предательства, не был бы распят Иисус во имя спасения человечества, не увенчалось бы успехом начатое им дело, и новая религия – христианство – не пустила бы корни. Без Иуды невозможна была бы и жертва Иисуса.

Некоторые исследователи считают, что вина Иуды оказывается преувеличенной, даже если строго подойти к толкованию канонического текста: «…истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит. Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал на груди Иисуса. Ему Симон Петр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит. Он, припав к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! кто это? Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Искариоту. И после сего куска ВОШЕЛ В НЕГО САТАНА. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее». (Евг. от Иоанна, 13, 21–27). Ведь в таком случае получается, что Иуда не мог отвечать за свои действия, так как находился под влиянием дьявольских сил. И самоубийство становится естественной развязкой: когда трезвый рассудок вернулся к Иуде, он ужаснулся содеянному и лишил себя жизни. Однако священники возражают, что если в душе человека поселился Бог, то Сатана в нее проникнуть не сможет.

Священник Яков Кротов делает ряд замечаний относительно толкования поступка Иуды. С его точки зрения, слова «вошел в него Сатана» следует толковать так, что в каждом человеке дремлют темные силы, которые могут пробудиться при определенных обстоятельствах. Сергей Аверинцев в этой связи сказал, что алчность и корыстолюбие Иуды не являются сущностью его предательства, но они – это та щель, через которую мог действовать на Иуду Сатана.

С этой точки зрения предать Иисуса мог каждый из двенадцати апостолов. Они все, собственно говоря, отступились, но есть разница: ученики просто бежали, а не стали предавать Иисуса. Особенно явно это следует, во-первых, из тройного отречения Петра, а во-вторых, из того, что из всех учеников Христа Иуда был единственным, кто хоронил его. Однако Петр остался в числе святых апостолов, а Иуда нет, потому что покаяние Петра было глубже и искреннее, чем покаяние Иуды. В Толковой Библии говорится: разве плакал Иуда так, как плакал Петр?

Но если судить по Матфею, то Иуда раскаялся полностью: он

не постыдился сказать, что выступил в качестве лжесвидетеля. Он разорвал сделку, вернув деньги[18], – это очень важный момент вот с какой точки зрения. В древности, когда человек продавал дом, он имел право в течение года вернуть его. Если покупатель не хотел отдавать дом, то он прятался, чтобы продавец не успел его найти и отдать деньги. Однако продавец мог вернуть деньги в храм – и тогда сделка считалась расторгнутой. Возможно, вернув полученные деньги, Иуда пытался таким образом разорвать сделку с первосвященниками.

Иисус говорил: «Впрочем, Сын Человеческий идет, как писано о Нем; но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предастся: лучше было бы этому человеку не родиться» (Мф. 26:24). Иуда предает Учителя, однако действия его предначертаны Всевышним, хотя и добровольны: Иуде неведомо предначертанное свыше, как и истинные намерения Бога. В библейской мысли свобода выбора и предопределение не противоречат друг другу, хотя, судя по евангелическим источникам, Иисус много пророчествовал о своей судьбе и гибели.

Надо сказать, что пророчества Иисуса навели протестантского теолога Г. Фолькмара на мысль, что весь рассказ об Иуде и его предательстве является вымыслом. Легенда об Иуде Искариоте возникла никак не раньше 70-х годов I века, ибо в посланиях Павла и Апокалипсисе об Иуде ничего не говорится. Ответ на вопрос: «Что побудило христиан создать легенду о предателе из числа близких учеников Иисуса?» – есть в Евангелии от Иоанна: «Но да сбудется Писание: "ядущий со Мною хлеб поднял на Меня пяту свою"» (Ин.13:18). Христианские писатели находили фразы, которые можно было истолковать в мессианском смысле и доказать, что пророчества сбылись.

Можно предположить, что автор рассказа о предателе нашел в Псалтыри изречение и решил, что это – мессианское пророчество: «Даже человек мирный со мною, на которого я полагался, который ел хлеб мой, поднял на меня пяту» (Пс. 40:10). То обстоятельство, что псалмопевец говорит о сотрапезнике, побудило автора рассказа сделать предателем не просто ученика Иисуса, а близкого ученика, с которым Учитель делил хлеб, то есть из числа Двенадцати.

Оставалось придумать предателю имя, которое не вызывало бы никаких конкретных воспоминаний, но которое ввиду универсальности подходило бы под любую историческую личность. Таким именем стало имя Иуда как синоним слова еврей, а таким прозвищем стало прозвище Искариот – муж из Кариота. В Палестине было несколько городов с названием

Кариот (К'рииййот), причем «к'рииййот» означает «город». Таким образом, имя Иуда Искариот (Й'hуда Иш-к'рииййот) можно перевести как «городской еврей», «еврей из города».

Более поздние исследователи тоже обратили внимание на имя и этническую принадлежность Иуды, однако они считают Кериот названием поселения. Иуда означает «Бог да будет восславлен». Прозвище Искариот (по-арамейски Кериот) значит дословно «человек из Кериота». Как уже говорилось, существует два городка с таким названием, и неизвестно, о каком идет речь. Один Кериот был расположен в Иудее, и если предположить, что это родина Иуды, то он был в окружении Христа единственным иудеянином. Сам Христос и остальные его ученики были галилеянами, между населением этих областей существовала вражда. «Можно предположить, – пишет С. Михайлов, – что иудей был чужаком среди галилеян, – отсюда и скрытая неприязнь, вылившаяся в конце концов в целый ряд обвинений в адрес Иуды, непонимание его миссии, нежелание дать его поступку объективную оценку».

Что касается происхождения Иуды, то достоверных сведений о нем нет, кроме того, что он, видимо, родился в Кериоте, а отца его звали Симон. Когда он был подростком, родители перебрались в Иерихон, где он жил и служил в различных коммерческих предприятиях своего отца, пока не заинтересовался проповедью и деятельностью Иоанна Крестителя. Родители Иуды были саддукеями, и когда их сын примкнул к ученикам Иоанна, они отреклись от него.

Кроме того, если не считать Евангелий и Деяний апостолов, об Иуде и его предательстве не упоминает ни один из писателей Библии. Об Иуде ни слова не говорит Юстин, который полностью пересказывает повествование Евангелий, вплоть до непорочного зачатия, а это – аргумент в пользу того, что даже в третьей четверти II века Юстин не знал истории о предательстве Иисуса.

Лишь около 177 г. о предательстве Иисуса намекает Цельс (в передаче Оригена). И только Ириней оказывается хорошо знакомым с историей предательства.

На этом можно было бы признать, что весь рассказ о предательстве является художественным вымыслом, назидательной историей, и поставить точку. Однако в истории о предательстве, исключая отмеченные выше детали, нет ничего сверхъестественного, чтобы безоговорочно признать ее мифом. И даже если это миф – нет истории более поучительной, более страшной и более неоднозначной, чем история смерти Иуды Искариота.

КАРДАНО ДЖИРОЛАМО

(или Джеронимо, или Иеронимо)

(род. в 1501 г. – ум. в 1576 г.)

Хуренито изучил математику, философию, токарное ремесло, электротехнику, гидрологию, египтологию, игру на окарине, шахматную игру, политическую экономию, стихосложение и ряд других наук, ремесел, искусств, игр. Он с исключительной легкостью овладевал языками. Вот на каких он говорил совершенно безукоризненно: испанский, английский, французский, немецкий, русский, итальянский, арабский, ацтекский, китайский. Десятки других языков и наречий он знал вполне корректно.

И. Эренбург, «Необычайные похождения Хулио Хуренито»

Есть такое выражение – человек эпохи Возрождения, что означает универсальность знаний и умений, наличие таланта во

многих областях человеческой деятельности. Один и тот же человек становился специалистом в математике, медицине, богословии, биологии, архитектуре, физике и совершал открытия в каждой из этих дисциплин. В общем-то, по тем временам такая универсальность не была чем-то из ряда вон выходящим – общий уровень знаний об окружающем мире был сравнительно невысок, не существовало специальных наук в современном понимании этого слова, а слова «ученый» и «философ» были синонимами. Большую роль в этом сыграла инквизиция, подчинившая в Средние века науку религии (это происходило в Европе: арабский мир переживал расцвет науки, а славянский – татаро-монгольское иго). Любое научное открытие, не совпадающее с религиозными догматами, становилось поводом для вынесения смертного приговора. Впрочем, этот подход сохранился и в эпоху Возрождения – достаточно вспомнить судьбу Джордано Бруно, которого сожгли на костре в 1600 г.

Так или иначе, но в эпоху Возрождения многие просвещенные люди совершали открытия – большие и маленькие – в совершенно разных, подчас не связанных между собой областях. Эта эпоха дала миру многих замечательных ученых. Один из них – Джироламо Кардано.

Джироламо Кардано (его еще называют Джеронимо, или Иеронимо) родился в итальянском городе Павия в 1501 г. Его отец, Фацио Кардано, был юристом по профессии, но в то же время страстным математиком-дилетантом, большим поклонником Евклида и другом Леонардо да Винчи. Он передал увлечение математикой своему сыну, который приобрел в этой области мировую славу (правда, с этим связана почти детективная история, о которой речь пойдет ниже).

Джироламо Кардано стал математиком и механиком, врачом и алхимиком, хиромантом и личным астрологом Папы Римского. Он лечил королей и епископов, писал труды по медицине. Ему принадлежит изобретение санаторного метода лечения туберкулеза, он предложил целый свод методов обучения глухонемых, сделал еще ряд важных медицинских открытий.

Карданный вал тоже назван в его честь – он придумал этот широко применяемый и сегодня (почти пятьсот лет спустя!) механизм для усовершенствования экипажа императора Карла V. Мало того, Кардано принадлежат фундаментальные открытия в математике. Он первым применил комплексные (мнимые) числа, а в возрасте 23 лет написал трактат, заложивший математические основы теории вероятностей.

Этот трактат имел под собой сугубо практическую основу: после смерти Кардано-старшего мать не смогла оплатить учебу

сына на медицинском факультете. Тогда юный Кардано решил… выиграть нужную сумму. Это решение предстает в особом свете, если знать, что его отец был убит за жульничество в карты, хотя был вовсе не шулером, а известным математиком. План увенчался блестящим успехом – Кардано оплатил образование, играя в азартные игры по собственной системе. Эта система легла в основу теории вероятностей, а Кардано продолжал играть и дальше. Вот фрагмент знаменитой «Книги о своей жизни»: «В течение многих лет я отдавал всего себя двум играм: более сорока лет – шахматам и около двадцати пяти – игре в кости, и в течение этих лет, я не стесняюсь сказать об этом, я играл каждый день». Он добавляет, что посвятил шахматам специальную книгу, в которой, по его словам, «раскрыл много значительных проблем».

Еще один эпизод этой фантастической (но и характерной для титанов Возрождения) жизни – заточение в тюрьму инквизиции. Кардано был добрым и заботливым семьянином, однако его дети оставляли желать лучшего (они явно выросли не в то время, им значительно больше подошел бы период упадка Римской империи и интриги при дворе Нерона). В общем, в тюрьму его привел младший сын, надеясь заслужить этим должность официального палача и «пытателя» инквизиции. «Если заглянуть в душу, какое животное является более коварным, лживым, опасным, нежели человек?» – с горечью вопрошал Джироламо после того, что с ним произошло.

Кардано попал в тюрьму по доносу математика Ник-коло Тартальи, ненавидевшего его. Тарталья – это прозвище, от итальянского слова «tartaglia» – «заика» (когда ему было шесть лет, его город захватили французские войска, мальчику рассекли горло, и с тех пор он говорил с большим трудом).

В 1506 г. умер отец Никколо, и после его смерти семья впала в полную нищету. «С тех пор я учился сам, и у меня не было другого наставника, кроме спутника бедности – предприимчивости», – пишет Тарталья в одной из своих книг. Он выучился, сдал экзамены на звание «магистра абака» (учителя арифметики) и стал преподавать сначала в частном лицее, а потом в университетах Брешии, Вероны и Венеции.

В те времена популярными были научные турниры, участники которых состязались в решении задач, предложенных противником. Победитель получал деньги, славу и возможность получить хорошее место. В 1534 г. Тарталья получил вызов от ученика профессора математики Болонского университета Сципиона дель Ферро. Никколо узнал, что его соперник владеет секретом решения кубического уравнения, полученным от

учителя. Он «применил все рвение, прилежание и искусство, чтобы найти правило этих уравнений, и это удалось за десять дней до срока благодаря счастливой судьбе». Поединок состоялся 12 февраля 1535 г., и за два часа Тарталья справился со всеми предложенными ему задачами, а тот не решил ни одной из предложенных Никколо.

Именно тогда к Тарталье и обратился Джироламо Кардано с просьбой сообщить ему алгоритм решения кубического уравнения. Тот отказал. Кардано продолжал упрашивать Тарталью открыть секрет, но каждый раз получал отказ. Наконец в 1539 г. Тарталья сдался, но взял с ученого слово не публиковать полученные сведения. Однако в 1545 г. Джироламо Кардано издал труд «Великое искусство, или О правилах алгебры», где привел алгоритмы решения уравнений третьей и четвертой степени. В предисловии к книге автор писал: «…в наше время Сципион дель Ферро открыл формулу, согласно которой куб неизвестного плюс неизвестное равен числу… Соревнуясь с ним, Никколо Тарталья, наш друг, будучи вызван на состязание с учеником дель Ферро… решил… ту же самую проблему и после долгих просьб передал ее мне». И хотя Кардано честно написал о том, от кого он узнал секрет решения уравнения третьей степени, но авторство метода прочно закрепилось за ним (с тех пор этот способ так и называется – формула Кардано). Это был первый прецедент установления научного приоритета; с тех пор автором открытия считается тот, кто раньше опубликует его. Тарталья, разумеется, счел, что его обокрали, и написал обидчику гневное письмо.

Кардано не ответил, но один из его учеников вызвал Тарталью на диспут по «геометрии, арифметике или связанным с ними дисциплинам, таким как астрология, музыка, космография, перспектива, архитектура и др.». Тарталья потерпел поражение, поскольку ему трудно было выступать публично. Бесславный проигрыш уронил его научный авторитет и сильно навредил дальнейшей карьере. В результате он возомнил Кардано своим злейшим врагом и отомстил ему, написав донос в инквизицию.

Непосредственным поводом к аресту стало то, что Кардано поклялся в невиновности своего старшего сына, обвиненного в убийстве жены. Как выяснилось впоследствии, сын действительно убил супругу (кстати, его заставили на ней жениться, чтобы скрыть другое убийство). Кроме того, Кардано в свое время составил гороскоп Иисуса Христа, что тоже вызвало неудовольствие святых отцов.

На самом деле тюремное заключение было, пожалуй, удачным исходом дела – Джироламо по тем временам вообще

могли бы сжечь на костре как еретика: его рассуждения не давали однозначного указания на существование Бога. «Что такое Бог?» – задавался он вопросом, и сам отвечал: «Если бы я знал это, я был бы Богом» (ибо никто иной знать этого не может). Мир, по Кардано, материален и вечен, в нем совершается непрерывное движение. Заполняющая собою все сущее пассивная первоматерия под действием тепла и света принимает разнообразнейшие формы. Основные ее элементы – воздух, земля и вода. Они способны к самодвижению, источник его – расчлененная «мировая душа», создающая всеобщую одушевленность, в которой и проявляет себя Бог. Это были рассуждения язычника, верящего в существование души у растений и камней.

В общем, Кардано попал в тюрьму и сгнил бы там, если бы не заступничество архиепископа, которого Джироламо когда-то вылечил от астмы.

Сына-убийцу в итоге казнили. После этого Кардано долго не мог успокоиться, ему всюду мерещились заговоры и враги, он лишился сна. «В 1560 г., в мае, страдая из-за смерти моего сына, я постепенно потерял сон. <…> Тогда я стал молить Бога сжалиться надо мной: из-за постоянной бессонницы я едва не умер или не сошел с ума. <…> Я молил Его послать мне смерть – то, что позволено всем людям, и лег в постель».

Заснув, Кардано услышал голос, велевший ему поднести ко рту изумруд, который он носил на шее. Он проделал, что ему было велено, и сразу прошли скорбь и болезненные воспоминания. И так было каждый раз, как только он подносил ко рту изумруд; но, говорил Кардано, «когда я ел или занимался делами и не мог прибегнуть к помощи изумруда, я мучился от испытываемой скорби до смертного пота». Он также рассказывает, как он чудесным образом изучил латинский, греческий, французский и испанский языки; ученый говорил, что какой-то шум в ушах предупреждал его, если кто-то начинал затевать против него козни; он писал также: «Среди природных явлений, которым я был свидетелем, первым и наиболее выдающимся явилось то, что я родился в эпоху, когда впервые познан весь мир».

Будучи знаменитым врачом, Кардано в 1552 г. был приглашен в Шотландию для врачебных консультаций и лечения архиепископа Гамильтона, астму которого он лечил «исключительно современными методами и достиг блестящих результатов. Несчастный епископ после этого прожил еще двадцать лет, пока не был приговорен к смерти за предательство». Во время своей поездки в Шотландию Кардано (который в придачу ко всему оказался астрологом) был представлен 15-

летнему королю Эдуарду VI и составил для него гороскоп. Король был слаб здоровьем, но знаменитый ученый предсказал ему блестящую карьеру, долгую и счастливую жизнь, период тяжелых болезней лишь в возрасте 55 лет 3 месяцев и 17 дней. Эдуард VI умер через 9 месяцев после составления гороскопа. Сам Кардано впоследствии утверждал, что прекрасно знал о скорой смерти короля, но был научен горькой судьбой других астрологов и знал, что предсказывать смерть правителям небезопасно. Он хорошо помнил, что неблагоприятные предсказания неоднократно становились причиной репрессий астрологов. Например, в годы «парадов планет» (1186, 1524) и появления наиболее ярких комет многие астрологи предсказывали Всемирный потоп, Второе пришествие и т. п., что становилось причиной последующих гонений на них. Однако не только глобальные предсказания, но и индивидуальные прогнозы могли стать причиной репрессий со стороны правителей, которые попросту мстили астрологам, услышав не то, что им хотелось.

Надо сказать, что Кардано тоже поплатился за свои астрологические экзерсисы, однако гнев монарших особ тут совершенно ни при чем. Славясь уменьем составлять гороскопы, однажды, подвыпив, он составил собственный гороскоп. Там был точно указан день его смерти, и в обозначенный день Кардано покончил с собой, чтобы подтвердить точность своих предсказаний. Это произошло за три дня до его семидесятипятилетия, 21 сентября 1576 г.

В конце жизненного пути ученый написал автобиографическую книгу «О моей жизни», в которой есть такие строчки: «Сознаюсь, что в математике кое-что, но в самом деле ничтожное количество, я заимствовал у брата Никколо». Видимо, его все-таки мучила совесть.

Кроме автобиографии, Джироламо написал еще целый ряд сочинений, среди которых особо выделяются «О многообразии вещей» и «Тайны вечности». По словам исследователей, это были «не связанные между собой сочинения, богатые отступлениями; нечто вроде энциклопедий, лишенных какого-либо объединяющего плана».

Кардано был весьма плодовитым писателем, свидетельством чему является десятитомное «Полное собрание сочинений». Спустя тринадцать лет после «Великого искусства, или О правилах алгебры» (1545) он публикует книгу о метопоскопии – толковании морщин на лбу. Большой популярностью пользовалось его сочинение «О тонкости», охарактеризованное одним современным исследователем как своего рода «энциклопедия домашнего хозяйства»; в ней можно было найти

краткую информацию обо всем: как ставить метки на домашнем белье или поднять затонувший корабль, как различать грибы; о происхождении гор, сигнализации с помощью факелов и об универсальном соединении, известном как «карданное соединение».

А его автобиография и сегодня читается с живым интересом. Кардано предстает в ней как исключительный человек со сверхъестественными способностями, который на голову выше своих современников, все события жизни в его описании необычны и сопровождаются чудесами. Жизнь Джироламо Кардано – одна из наиболее необычных, которые мы знаем. Впадая из одной крайности в другую, из противоречия в противоречие, он соединял возвышенную мудрость и невероятную нелепость.

КАТОН МЛАДШИЙ (УТИЧЕСКИЙ) МАРК ПОРЦИЙ

(род. в 95 г. до н. э. – ум. в 46 г. до н. э.)

Один стремится к бессмертию продолжением своего рода, другой делает большие земные дела, чтобы обессмертить свое имя, и только третий ведет праведную и святую жизнь, чтобы достигнуть бессмертия, как жизнь вечную.

Даниил Хармс

Вслед за эпохой полулегендарных римских царей в Древнем Риме установилась республика, которая в каком-то смысле явила собой образчик грязных политических игр. Политическая борьба в Риме редко была честной; запугивание оппонентов, взяточничество и подкуп, убийства и привлечение армии для решения политических конфликтов – таковы были суровые будни римских правителей. На общем, довольно грязном фоне резко выделяется фигура Марка Порция Катона Младшего, отличавшегося от большинства современных ему политических

деятелей.

Итак, кто же такой Марк Порций Катон и почему он назван Младшим? Дело в том, что в Риме была распространена традиция называть детей в честь знаменитых предков. В данном случае речь идет о прадеде героя статьи – Марке Порции Катоне Цензоре, который принес известность роду Катонов и был поэтому Старшим. Катон Цензор прославился тем, что, подражая древним, вел суровый и простой образ жизни: работал в поле вместе со своими рабами, ел простую пищу, не пил вина. Кроме того, он был талантливым оратором и писателем.

Катон Старший быстро сделал политическую карьеру. Занимая различные должности, он проявил себя как прекрасный полководец, справедливый и неподкупный, но суровый судья. В пятидесятилетнем возрасте был избран на почетную должность цензора, за что и получил свое прозвище. В его обязанности входило следить за поведением и благонадежностью граждан, оценивать их имущество с целью разделения их на имущественные классы и трибы. Исполняя обязанности цензора, он защищал старинные обычаи и законы.

Однако в старости Катон Старший изменил своим идеалам. Слова о вреде богатства и роскоши, которые он произносил, все больше расходились с делом; он предался накопительству, отказался от простой жизни и полюбил роскошные пиры. Он тиранил своих рабов, жестоко наказывая их за малейшие провинности, а в конце жизни, потакая интересам римских купцов (лоббируя их интересы, как бы сказали сегодня), стал призывать сограждан к войне с Карфагеном. Именно ему принадлежит ставшая крылатой фраза: «А кроме того, я считаю, что Карфаген должен быть разрушен», которой он завершал любую свою речь в сенате.

И все же, несмотря на перемены, произошедшие с Ка-тоном Цензором в старости, римляне очень уважали его, и многие последующие поколения считали Катона Старшего образцом для подражания. И надо сказать, что лучшие качества Катона Цензора проявились в его правнуке.

Марк Порций Катон Младший родился в 95 г. до н. э. Его родители рано умерли, и он вместе с братом Цепио-ном и тремя сестрами воспитывался в семье дяди по материнской линии, Ливия Друза. Уже в детстве мальчик проявлял твердость духа, упорство, целеустремленность и бесстрашие. Он был немного тугодумом, знания усваивал медленно, но, запомнив что-то, уже не забывал. Кроме того, мальчик все время доискивался сути явлений, отказываясь принимать что бы то ни было на веру, чем доставил немало трудностей учителям.

Катон был очень привязан к брату. Как-то, когда он был совсем мал, его спросили: «Кого ты любишь больше всех?» – «Брата», – ответил мальчик. «А потом?» – «Брата», – сказал он снова. И еще несколько раз повторил свой ответ.

С юных лет Марк вел скромный образ жизни, хотя от отца ему досталась внушительная сумма денег.

Первой ступенькой в карьере Катона Младшего стал сан жреца Аполлона, получив который он начал самостоятельную жизнь. В это время он стал уделять большое внимание наукам, в особенности учениям о нравственности и государстве. Катон упражнялся и в ораторском искусстве, но делал это, подобно Демосфену, в одиночестве. Как-то приятель сказал ему: «Катон, люди порицают твое молчание». Марк ответил: «Лишь бы они не порицали мою жизнь. Я начну говорить только тогда, когда буду уверен, что это лучше, чем промолчать». Кроме того, молодой человек старался закалять свое тело: и в холод и в жару он ходил без головного убора, предпочитал пешие прогулки, даже если его спутники ехали верхом.

Во время войны с рабами (так римляне называли войну с повстанцами под предводительством Спартака) Катон добровольцем вступил в войско. Особыми подвигами себя не увенчал, но его скромный образ жизни, повиновение приказам, смелость в сочетании с разумными решениями произвели на военачальника хорошее впечатление. Он даже хотел наградить Катона, но тот отказался, сказав, что не совершил ничего, что было бы достойно награды.

В 67 г. до н. э. Катон был избран военным трибуном и направлен в Македонию, где возглавил один из легионов. Он стремился не демонстрировать свои положительные качества, а воспитывать их в своих подчиненных. Очень скоро Катон заслужил искреннее уважение и любовь солдат своей простотой, суровым образом жизни и красноречием. Здесь, в Македонии, его застало известие о тяжелой болезни брата, который находился во Фракии (историческая область на востоке Балканского полуострова). Рискуя жизнью, Катон отправился в путешествие по бурному морю на маленьком суденышке, однако, прибыв во Фракию, обнаружил, что опоздал – Цепиона уже не было в живых. Умеренный во всем остальном, устроил любимому брату роскошные похороны.

Когда истек срок военной службы Катона, подчиненные провожали его с редкими даже для императора почестями. Воины плакали, бросали ему под ноги плащи и целовали руки.

Катон решил предпринять путешествие в Азию – римляне называли так территорию, известную нам как Малая Азия. И

снова он удивил всех своей беспримерной по тем временам скромностью – никогда ничего не просил у властей городов, в которые прибывал, хотя как знатный римлянин мог требовать пышного приема в любом колониальном городе.

Возвратившись в Рим, Катон некоторое время вел жизнь частного лица, иногда выступая в суде. Он уже достиг возраста, в котором можно было бы баллотироваться на должность квестора[19], но не торопился, считая, что сперва нужно досконально изучить все, что с ней связано. Став квестором, Катон повел себя не так, как большинство молодых чиновников на его месте, которые рассматривали эту должность как стартовую ступень в своей политической карьере и поэтому передоверяли дела казначейства служителям и писцам, что приводило к постоянным злоупотреблениям.

Не таков был он. С первых же дней вступления в должность Катон самостоятельно исполнял все обязанности и вскоре изобличил многих нечистых на руку подчиненных. В казначейство Катон приходил раньше всех, а уходил последним. Его старания не прошли даром, и вскоре в делах был наведен такой порядок, какого не было никогда. Когда наступил последний день квестуры Катона, чуть ли не весь Рим явился проводить его с должности.

С таким же усердием Катон посещал сенат. Он никогда не пропускал заседания, если на то не было уважительной причины, приходил первым и уходил последним, всегда отстаивал истину. Вскоре его порядочность, честность и принципиальность вошли в поговорки (например, один из ораторов, выступая в суде, как-то сказал: «Одному свидетелю верить нельзя, будь это сам Катон»). Катон, в отличие от многих своих современников, не рассматривал государственную деятельность как средство обогащения или удовлетворения своих амбиций, а считал ее обязанностью честного и порядочного человека.

Искренность Катона хорошо отражает такой случай. По окончании срока квестуры он решил отправиться в свои поместья и жить там, проводя время за чтением и общением с философами. Друзья советовали ему добиваться должности народного трибуна, но напрочь лишенный честолюбия Катон говорил, что власть, которую дает эта должность, разумно употреблять только в крайних случаях. Он отправился в поместье, и уже в пути его нагнала новость о том, что в Рим едет некто Метелл с целью выдвинуть свою кандидатуру на должность трибуна. Узнав об этом, Катон приказал поворачивать назад – он справедливо считал, что Метелла позвал Помпей, преследуя свои корыстные цели. Поэтому он счел необходимым помешать ему и решил все

же стать народным трибуном, чтобы получить право вето относительно решений должностных лиц, кроме цензоров и диктаторов, и сената.

Вообще, Катон постоянно оказывал сильнейшее сопротивление власти Помпея. Так, после раскрытия заговора Катилины (66–63 гг. до н. э.) он проявил твердость и, несмотря на противодействие со стороны Цезаря, настоял на казни заговорщиков. Затем, после возникновения в 60 г. до н. э. первого триумвирата (тайного союза между Помпеем, Цезарем и Крассом с целью захвата государственной власти), Катон был чуть ли не единственным, кто открыто выступал против Помпея и Цезаря. В это время ему постоянно грозила смерть – достаточно вспомнить об излюбленных методах римской политической борьбы, – но он неизменно проявлял мужество и стойкость.

Чтобы хоть на время избавиться от Катона, триумвиры прибегли к помощи своего союзника Клодия, который был тогда народным трибуном. Клодий провел в народном собрании закон, согласно которому Катон должен был отправиться на Кипр и покорить тамошнего царя Птолемея (одного из младших детей египетского царя Птолемея IX).

Катон подчинился и, несмотря на нежелание покидать Рим, с честью выполнил возложенные на него обязанности. Он отправил к Птолемею посла с предложением уступить остров без сопротивления в обмен на сан жреца Афродиты на Кипре, что должно было обеспечить царю безбедную и почетную жизнь. Сам же Катон отправился на Родос и стал готовиться к возможной войне, но получил известие о самоубийстве Птолемея. Тогда он отправился в Византию, где должен был выполнить еще одно поручение народного собрания. Прибыв оттуда на Кипр, Катон, никому не доверяя, самолично занялся продажей царских сокровищ и ценных предметов обихода. Вырученные средства торжественно привез в Рим, пройдя по улицам священной столицы с войском. От почестей он снова отказался.

После возвращения Катон продолжил борьбу с Помпеем, Цезарем и Крассом. Он протестовал против практики запугивания политических конкурентов, подкупа избирателей и других чинимых триумвирами беззаконий. Однако большинство его усилий оказались тщетными. Часть аристократов была подкуплена, другие просто боялись, а народ уже привык к заработку, который приносили каждые выборы.

Катон, однако, не был слеп в своей вражде к Помпею. Когда во время выборов в Риме возникли беспорядки, он поддержал предложение наделить Помпея чрезвычайными полномочиями, считая, что безвластие, вызванное беспорядками, хуже, чем

единовластие.

Через некоторое время случилось то, о чем, несмотря на вражду, Катон предупреждал Помпея. Цезарь, чье могущество, слава и богатство возросли за время Галльских войн, вступил с Помпеем сперва в тайную, а затем и в открытую политическую борьбу. Отношения между бывшими союзниками усугубились тем, что в 53 г. до н. э., проиграв войну с парфянами, погиб Красе. Триумвират распался. Между Цезарем и Помпеем возникло политическое противостояние. Катон принял сторону Помпея, считая его власть меньшим из двух зол.

Когда Цезарь, перейдя Рубикон, повел свои войска на Рим, Катон предложил сенату предоставить Помпею неограниченные полномочия. Он говорил, что тот, кто стал причиной великих бедствий, должен и избавить римлян от них. Помпей, не имея войск для защиты столицы, тем не менее решил покинуть Рим.

По жребию Катон получил в управление Сицилию, однако, прибыв в сицилийский город Сиракузы, он узнал, что войска Цезаря тоже высадились на острове. Помпей тем временем покинул Италию. Зная, что на подмогу к противнику приходят все новые и новые силы, Катон оставил Сицилию и присоединился к Помпею, который собрал в Греции внушительное войско.

Надеясь на перемирие, Катон советовал Помпею затягивать войну, не желая братоубийственных сражений. Он настоял на принятии постановления, согласно которому ни один из подвластных Риму городов не мог быть разграблен и ни один римлянин не должен быть убит вне поля сражения.

Перед битвой при городе Диррахия Катон произнес речь, необычайно воодушевив воинов. Они храбро бросились на врага, обратив его в бегство, и лишь нерешительность Помпея не позволила разгромить войска Цезаря. Сторонники Помпея ликовали, и только Катон был грустен при виде множества римлян, павших жертвой властолюбия полководцев. Помпеянцы меж тем считали, что война уже выиграна. Начав преследование отступающего противника, Помпей оставил Катона с частью войска в Диррахии.

Однако в битве при Фарсале (9 августа 48 г. до н. э.), несмотря на армию, вдвое превосходящую силы противника, Помпей потерпел сокрушительное поражение (вообще эта битва, хотя и была междоусобной, оказала большое влияние на мировую историю). Помпей бежал в Египет, где был убит опекунами малолетнего царя Птолемея XII, так как он был союзником Клеопатры, претендовавшей на египетский трон и рассчитывающей на военную помощь Помпея. Однако Клеопатра смогла повернуть ситуацию в свою пользу и соблазнила Цезаря,

против которого вела интригу вместе с Помпеем.

Катон повел оставленные ему войска в Нумидию[20], где хотел соединиться с войсками Сципиона и Аттия Вара, вступивших в союз с царем Нумидии Юбой (будущим мужем дочери Антония и Клеопатры). Пеший переход длился 27 дней. Встретившись с союзниками, Катон отказался стать во главе войска, уступив эту должность Сципиону. На то были свои причины. Во-первых, Сципион был консулом, т. е. высшим должностным лицом, а Катон – только претором. Во-вторых, римляне верили, что роду Сципионов суждено побеждать в Африке (в свое время Сципион Африканский Старший разбил Карфаген во второй Пунической войне, а Сципион Африканский Младший – в третьей).

Войска стали в оборону близ города Утика. Катон подготовился к осаде – он собрал в городе огромные запасы хлеба и воды, привел в порядок старые и построил новые укрепления. В 47 г. в Африке высадился Цезарь. Сципиону, так же как ранее Помпею, Катон советовал не вступать в открытое сражение, а выжидать. Сципион, однако, не внял советам, и 8 апреля 47 г. до н. э. в битве при городе Тапсе его войско было разгромлено.

Наутро известие об этом достигло Утики. Узнав о разгроме Сципиона, Катон собрал находившихся в городе сенаторов и Совет Трехсот, в который входили знатные граждане Утики римского происхождения. Катон предложил собравшимся самим решить, стоит ли продолжать войну против Цезаря. Воодушевленные мужеством Катона члены Совета сначала решили продолжать борьбу, но после переменили мнение и даже стали подумывать о том, чтобы выдать сенаторов Цезарю.

В это время к стенам города прибыли спасшиеся после битвы при Тапсе остатки конницы. Воины не хотели входить в Утику, опасаясь предательства со стороны горожан, но Катон уговорил кавалерию войти в город для защиты находящихся там сенаторов.

В конце концов Совет Трехсот принял решение сдаться и отправить к Цезарю посла, чтобы просить его о пощаде. Катон собрал сенаторов и предложил им спасаться, пока конница еще находится в городе. Он распорядился закрыть все ворота, кроме ведущих к морю, и стал готовить суда и припасы для отплытия беглецов.

Тут произошел еще один показательный случай. Невдалеке от города разбил лагерь бывший помпеянец Марк Октавий, который прибыл во главе двух легионов и отправил к Катону посланника с предложением договориться о разделе власти и командования. Тот не ответил, а своим друзьям сказал: «Можно ли удивляться, что наше дело погибло, если властолюбие не оставляет нас даже

на самом краю бездны».

И еще пример. Римская конница, покидая город, начала грабить жителей. Узнав об этом, Катон бросился на улицу и стал вырывать из рук первых попавшихся ему на глаза воинов добычу. Солдаты устыдились и сами стали возвращать награбленное.

В качестве посла от Совета Трехсот к Цезарю должен был отправиться его родственник, Луций Цезарь. Он обратился к Катону с просьбой помочь ему составить оправдательную речь взамен на то, что Луций будет просить Цезаря о прощении для него. Катон ответил: «Если бы я хотел спастись милостью Цезаря, мне самому следовало бы идти к нему. Но я не желаю, чтобы тиран, творя беззаконие, еще и связал меня благодарностью. В самом деле, ведь он нарушает законы, даря, словно господин и владыка, спасение тем, над кем не должен иметь никакой власти! А как тебе выпросить у него прощение для Трехсот, мы подумаем сообща, если хочешь». Все эти поступки совершал человек, уже давно принявший решение покончить с собой. Но благородный Катон не мог себе позволить такой роскоши, как спокойно уйти из жизни, пока оставались люди, нуждавшиеся в его помощи и защите.

Обсудив с Луцием его будущую речь, Катон призвал своего сына и друзей. Он обсуждал с ними разные темы, в частности запретил сыну участвовать в государственных делах, объяснив это так: «Обстоятельства больше не позволяют заниматься этими делами так, как достойно Катона, заниматься же по-иному – позорно».

Обедал Катон, как всегда, сидя (обычно римляне возлежали за обеденными столами). После обеда, на котором присутствовали многие друзья Катона, начался философский разговор. Во время обсуждения одного из вопросов Катон произнес длинную и прочувствованную речь, и окружающие поняли, что он собирается покончить с собой. Желая развеять эти подозрения, Катон перевел разговор на злободневные темы, однако ему не удалось усыпить бдительность сына. Порций украдкой пробрался в спальню отца и унес оттуда его меч.

Вечером, после прогулки с друзьями и сыном, Катон снова возбудил подозрение спутников, необычайно тепло прощаясь с ними. Придя в спальню, он стал читать диалог Платона «О душе». Уже почти дочитав книгу, Катон обнаружил отсутствие меча, позвал слугу и спросил, кто унес меч. Раб ничего не ответил. Не желая, чтобы слуги догадались о его истинных намерениях, Катон продолжил чтение, но через некоторое время как бы невзначай велел принести меч. Не дождавшись его, он стал проявлять беспокойство и принялся звать все новых слуг, давая им то же

поручение. В конце концов, Катон возмутился и стал кричать, что его слуги и сын хотят предать его безоружным в руки врага. Он даже ударил одного из слуг в порыве гнева и повредил себе руку.

На его крики прибежали друзья и Порций. Сын со слезами просил отца успокоиться. Катон отвечал: «Где и когда, неведомо для меня самого, уличили меня в безумии, что теперь никто со мной не разговаривает, никто не старается разубедить в неудачном, на чужой взгляд, выборе или решении, но силой препятствует мне следовать моим правилам и отбирает оружие?! Что же ты, мой милейший? Ты еще вдобавок свяжи отца, скрути ему руки за спиной, чтобы, когда придет Цезарь, я бы уже и сопротивляться не смог! Да, сопротивляться, ибо против себя самого мне не нужно никакого меча – я могу умереть, задержав на короткое время дыхание или одним ударом размозжив себе голову о стену».

Выслушав отца, Порций плача вышел из его спальни. Покинули Катона и все остальные, кроме входивших в число его приближенных философов Деметрия и Аполлонида. К последним Катон обратился с такой речью: «Неужели вы думаете силой удерживать среди живых человека в таких летах, как мои, и караулить меня, молча сидя рядом? Или же вы принесли доводы и доказательства, что Катону не страшно и не стыдно ждать спасения от врага, коль скоро иного выхода он не находит? Отчего же вы не пытаетесь внушить нам это, не переучиваете на новый лад, чтобы мы, отбросив прежние убеждения и взгляды, с которыми прожили целую жизнь, стали благодаря Цезарю мудрее и тем большую питали к нему признательность? Со всем тем я еще не решил, как мне с собою быть, но, когда приму решение, я должен иметь силу и средства выполнить его. Решать же я буду, в известной мере, вместе с вами – сообразуясь с теми взглядами, каких, философствуя, держитесь и вы. Итак, будьте покойны, ступайте и внушите моему сыну, чтобы он, коль скоро уговорить отца не может, не обращался к принуждению».

Через некоторое время после ухода философов маленький мальчик принес меч. Проверив его остроту, Катон произнес: «Ну, теперь я сам себе хозяин». Затем, отложив оружие, вернулся к чтению. Перечитав книгу дважды, Катон крепко заснул, его храп был слышен даже за пределами спальни. Около полуночи он позвал лекаря и своего помощника Бута. Лекарь перевязал воспалившуюся рану на руке, а Бут был отправлен к морю, чтобы узнать, все ли отплыли. Домашние подумали, что это хороший признак и Катон принял решение остаться в живых.

Получив известие от помощника, что почти все беглецы отплыли, но на море сильное волнение, Катон снова послал Бута

к морю проверить, не вернулся ли кто и не нуждается ли в помощи. Под утро он задремал.

Вскоре вернулся Бут и сказал, что в гавани все в порядке. Катон лег, как будто собирался спать, а помощника попросил закрыть дверь. Оказалось, он только хотел убедиться перед смертью, что беглецы благополучно отбыли из города. Как только Бут вышел, Катон вонзил себе в живот меч, но умер не сразу. Упав с кровати, он опрокинул стоявший рядом столик. На шум в комнату ворвались слуги, друзья и Порций. Они застали Катона в луже крови, с вывалившимися внутренностями, но еще живого. Врач успел вложить внутренности на место и зашить рану, но Катон, очнувшись, оттолкнул врача и, разорвав швы, умер.

Ему было сорок восемь лет.

Весть о его смерти разлетелась с невероятной быстротой. Вскоре весь Совет Трехсот собрался у дома Катона, а через некоторое время к ним присоединились и толпы горожан. Даже известие о приближении Цезаря не смогло пересилить уважение к покойному, которое было так велико, что, несмотря ни на что, были устроены пышные похороны. Катона похоронили на берегу моря, а позже на этом месте поставили его статую.

Узнав о смерти Катона, Цезарь сказал: «Ох, Катон, ненавистна мне твоя смерть, потому что и тебе ненавистно было принять от меня спасение!».

Его сыну Цезарь не причинил вреда. Позднее он геройски погиб в битве при Филиппах, сражаясь на стороне Брута.

КЛЕОПАТРА VII ФИЛОПАТОРА

(род. в 69 г. до н. э. – ум. в 30 г. до н. э.)

«Если бы нос Клеопатры был чуть короче, облик мира стал бы иным».

Паскаль

«У нее, как у настоящей дочери Птолемея, не было ничего женственного, кроме тела и хитрости. Свою наружность, таланты, всю себя Клеопатра всегда подчиняла холодному расчету, постоянно имея в виду интересы государства, или, вернее, свои личные выгоды».

Гуго Вилльрих

Клеопатра Египетская – одна из самых знаменитых женщин древней истории. Живая легенда древнего мира, которая превратилась в безжизненный идол, имя нарицательное. Дошедший до нас образ последней царицы Древнего Египта настолько невероятен, что существует сам по себе, без всякой

связи с реальной женщиной. Лубочный образ сладострастной и томной красавицы, созданный сначала классиками литературы, а потом растиражированный Голливудом, давно уже похоронил историческую личность. Красивая, умная и страстная последняя женщина-фараон, истинная египтянка и гордая дочь Птолемеев – вот вкратце наши представления о Клеопатре.

Сегодня Клеопатра – не более (но и не менее) чем трафарет, образец для женщин, желающих примерить на себя роль роковой красавицы, к ногам которой бросают царства. Она, реальная женщина, превратилась в романтическую легенду о самой прекрасной из живущих. Образ, конечно, соблазнительный, но уж слишком нереальный. Какая-то коллективная проекция.

Однако находятся люди, стремящиеся очистить образ египетской царицы от пыли тысячелетий. Историк Люси Хугс-Холлит отстаивает историческую Клеопатру – умную, циничную, отчаянную владычицу Древнего Египта. Действительно, трудно поверить в то, что Клеопатра могла столько лет править страной только благодаря своим «женским чарам» – если бы это было так, ее бы давно уничтожили или, во всяком случае, превратили бы в наложницу без права голоса. Конечно, обольщение было одним из способов завоевания власти, но для того, чтобы ее удержать (в условиях постоянных войн и политических убийств), нужно было обладать незаурядным стратегическим умом, политической изворотливостью и жесткостью.

Джон Апдайк сделал попытку проникнуть в первое столетие до нашей эры, на которое пришлись 38 лет жизни египетской царицы, но и он не смог продраться сквозь дебри фальсификаций и скабрезных анекдотов, полностью замутивших первоначальный облик Клеопатры.

И наконец, финальным аккордом стало открытие в Британском музее выставки 11 скульптур, которые неопровержимо являются портретами Клеопатры. Элизабет Тейлор и Вивьен Ли отказались бы играть египетскую царицу, если бы видели эти статуи раньше: малорослая и коренастая толстушка с кривыми зубами и длинным, как у Буратино, носом. И это тот самый нос, от которого, по словам Паскаля, зависели судьбы мира!

Клеопатра действительно носила титул египетской царицы, но ее корни уходили в старинный греческий род династии Птолемеев. Первый фараон этой династии был соратником Александра Македонского, который в 331 г. до н. э. основал Александрию, изгнав персов из Египта. Вторжение его войск в 332 г. до н. э. было воспринято египтянами как избавление. После смерти Александра Македонского в 323 г. до н. э. его империя

распадается, и через некоторое время Египет попадает под власть Птолемея Лага (Сотера), одного из полководцев Александра Великого, который был наместником. Александрия становится столицей Египта, не только торговым, но и культурным центром. Здесь живут многие философы, писатели, художники, основывается библиотека, делаются многие технические открытия.

Он основал династию Птолемеев, и его преемники поначалу проводили мудрую и гибкую политику: восстанавливали разрушенные персами храмы, строили новые святилища. Но с восшествием на престол Птолемея IV (221–205 гг. до н. э.), который на пути к власти убивает мать, сестру и брата, начинается кризис. Бесконечные дворцовые интриги, убийства, затяжные военные кампании становятся нормой египетской жизни.

Вообще говоря, в династии Птолемеев было семь цариц, носивших имя Клеопатра, но той самой знаменитой правительницей стала Клеопатра VII. Она была очень умна, своенравна и независима, знала семь языков, с почтением относилась к старым богам и старалась поддерживать обычаи и ритуалы. Клеопатра подчеркивала свое божественное происхождение, объявляя себя земным воплощением Изиды и соблюдая порядки древности.

Ее отец Птолемей XII ничем не выделялся из череды предшествующих правителей, кроме, пожалуй, любви к игре на флейте (он даже получил от александрийцев прозвище «флейтист»). Он взошел на престол в 80 г. до н. э. и правил до 58 г. до н. э., пока его старшая дочь, сестра Клеопатры – Береника, не устроила восстание и не заняла престол. Птолемею пришлось бежать в Рим. Вернувшись в 55 г. до н. э. с римским отрядом, он подавил восстание и казнил непокорную дочь.

В 51 г. до н. э. Птолемей XII умирает, и власть переходит к Клеопатре VII и ее брату Птолемею XIII. В это время ей было около 18 лет, а ее брату – меньше 11. Согласно обычаям того времени, Клеопатра и Птолемей становятся мужем и женой[21], а в Египте воцаряется двоевластие, причем и Птолемей, и Клеопатра пытаются «перетянуть одеяло на себя» и стать единовластными правителями страны.

Через два года после воцарения Клеопатры и Птолемея в Риме началась война между Юлием Цезарем и Помпеем. Помпей обратился за помощью к египетским правителям, и Клеопатра помогла ему, выступив против Цезаря. Помпей потерпел поражение и бежал в Египет, где в это время произошло столкновение между Птолемеем и Клеопатрой, в результате

которого ее изгнали в Сирию.

Когда Помпей прибывает в Египет, его убивают в знак верноподданнических чувств к Цезарю, который, приехав в Александрию, становится судьей между Клеопатрой и ее братом. Птолемей сделал все, чтобы не допустить свою жену к Цезарю, тем более что она поддержала противника. По преданию, Клеопатра все же проникла к божественному – ее, завернутую в тюк с тряпьем, бросил к ногам императора слуга. И Цезарь не устоял: он утвердил Клеопатру на троне и объявил законной правительницей Египта. Однако волнения не улеглись, произошли столкновения между римлянами и египтянами.

В марте 47 г. до н. э. Птолемей XIII погибает, и это становится финальным аккордом в «войне Клеопатры» (в ходе которой между делом была сожжена большая часть Александрийской библиотеки). Чтобы не раздражать египтян, царица выходит замуж за очередного младшего брата Птолемея XIV Неотероса, оставаясь любовницей Цезаря. В июне 47 г. до н. э. у нее рождается сын, которого она называет Птолемей XV Цезарион, объявляя тем самым во всеуслышание о том, кто является истинным отцом ребенка. В 46 г. до н. э. Клеопатра с сыном, братом-мужем и свитой торжественно переезжает в Рим.

В Риме никто не придавал значения тому, сколько любовниц имел Цезарь, но признав Клеопатру своей женой, он нанес оскорбление республике. Более того, в храме Венеры была установлена золотая статуя «этой египтянки», и ей воздали божественные почести. К оскорблению народа добавилось оскорбление богов! Наконец, Цезарь официально признал ее ребенка, что дало пищу для слухов о том, что именно Птолемея он намерен сделать своим законным наследником, и значительно сократило его жизнь.

15 марта 44 г. до н. э. Цезарь получил 23 ножевых ранения. Он умер, оставив наследство своему приемному сыну Октавиану. В завещании не было ни слова о Цеза-рионе, и Клеопатра возвратилась в Александрию. Год спустя неожиданно умер ее муж-брат, но доказать причастность Клеопатры к этой смерти не удалось.

В Риме тем временем снова началась гражданская война. Октавиан, Марк Антоний и Лепид поднимают свои войска против сената, причем обе конфликтующие стороны требуют помощи от Египта. Клеопатра помогает понемногу и тем, и другим. В конце концов, победу одерживает Октавиан, который становится во главе Римской империи. Марку Антонию достаются восточные провинции, и он призывает Клеопатру к ответу за действия во время войны.

Царица приплывает к Марку Антонию и устраивает роскошный четырехдневный пир, а затем вместе с обольщенным Антонием возвращается в Александрию, где они проводят время в пирах и празднествах. От Марка Антония у нее рождается двойня: Александр Гелиос и Клеопатра Селена.

В это время в Риме умирает законная жена Марка Антония, и Октавиан решает женить его на своей сестре. Антоний не может отказать и возвращается в Рим, но вскоре отправляется на войну с Парфией. По дороге на войну он вызывает Клеопатру в Сирию и женится на ней, дарит ей Финикию, Кипр, часть Сирии, Киликию. После этого царица возвращается в Египет и, посетив по пути Иудею, продает полученные в качестве свадебного подарка земли Ироду Великому.

Марк Антоний терпит поражение в битве с Парфией и возвращается к Клеопатре. В 35 г. до н. э. произошло повторное сражение, и на этот раз победа остается за римлянином, который посвящает ее возлюбленной. Во время торжественного шествия в честь победы (которое, кстати, состоялось в Египте, а не в Риме) на щитах воинов была начертана первая буква имени Клеопатры, что означало полное признание ее женой Марка Антония.

По Риму ползут слухи, что Марк Антоний хочет расколоть Римскую империю и перенести столицу в Александрию. В 32 г. до н. э. сенат объявляет войну Клеопатре, оставляя возможность Марку Антонию вернуться в Рим, но он остается в Египте и начинает готовиться к сражению.

2 сентября 32 г. до н. э. возле мыса Акциум в Адриатическом море состоялось сражение, в разгар которого флагманский корабль Клеопатры резко повернул и уплыл с поля боя. Марк Антоний последовал за ним, посеяв панику среди своих воинов. Битва была проиграна.

В августе 30 г. до н. э. под Александрией состоялось новое сражение, на этот раз сухопутное. Войска Марка Антония перешли на сторону Октавиана, и город был сдан практически без боя. Во время битвы Антонию сообщили, что Клеопатра заперлась в своей гробнице и отравилась, и римлянин покончил жизнь самоубийством, бросившись на меч. Однако слух о смерти Клеопатры оказался ложным (бытует мнение, что она сама его и пустила), и Антоний умирает на руках Клеопатры через несколько часов.

Октавиан устроил Марку Антонию пышные похороны и позволил Клеопатре остаться во дворце, взяв в заложники ее детей. Октавиан требовал, чтобы она отказалась от своих прав на престол, обещая трон Цезариону. На самом же деле, добившись у Клеопатры отказа от прав на престол, Октавиан собирался

отвезти ее в Рим в цепях, как рабыню, и провести по площади во время торжественного шествия. Цезариону же был подписан смертный приговор.

Разумеется, Клеопатра не должна была знать о планах Октавиана, но один из ее поклонников сообщил ей о намерениях императора. И Клеопатра приняла решение.

12 августа она попросила разрешения посетить гробницу Марка Антония, после чего в ее покои пришел крестьянин с корзиной фиговых плодов, на дне которой свернулся аспид – одна из самых ядовитых змей.

И снова легенда – говорят, Клеопатра серьезно готовилась к отходу в мир иной и тщательно продумывала весь ритуал. Во-первых, она остановилась на самоубийстве, ибо могла подготовиться к нему. Во-вторых, способ должен был быть не мучительным и не безобразящим ее – следовательно, яд. Она долго подбирала подходящий, пробуя разные составы на рабах и наблюдая за тем, как они умирали. Удовлетворительные результаты были получены при помощи яда аспида. На нем Клеопатра и остановила свой выбор. Змея, которую извлекли из корзинки с фруктами, была раздражена тем, что ее побеспокоили, и укусила царицу. Укус оказался смертельным.

Историки спорят о том, была ли змея вообще, и если была, то какая именно – кроме аспида на роль убийцы претендуют египетская кобра и рогатая змея. Спорят они потому, что змею никто не нашел. Против того, что змея действительно была, свидетельствует тот факт, что вместе с Клеопатрой практически мгновенно умерли обе служанки, Ирас и Хармион. А ведь даже самая ядовитая змея не может убить трех человек, укусив их одного за другим, – на это у нее не хватит яда. Именно поэтому даже самая разъяренная змея после первого укуса стремится сразу же скрыться. Кроме того, в Древнем Египте была очень хорошо развита наука о ядах. Вполне вероятно, что Клеопатра воспользовалась одним из них, чтобы умереть мгновенно безболезненной смертью. В то же время укус змеи – это очень болезненный способ самоубийства, и вряд ли египетская царица могла предпочесть его яду.

Но как бы там ни было, в день самоубийства царицы Октавиан получил послание, в котором Клеопатра просила его похоронить себя рядом с Марком Антонием, и он, обеспокоившись, послал в спальню царицы стражу. Когда римляне ворвались туда, то увидели, что Клеопатра мертва. Она была облачена в царские одежды и корону Птолемеев.

Октавиан оставил в живых детей Антония и Клеопатры, но 30 августа того же года казнил Цезариона и протащил статую

царицы Египта перед толпой на праздничном шествии в Риме. Вообще, он насаждал в Риме образ Клеопатры – неистовой распутницы, «египетской отъявленной колдуньи», и даже после его смерти в Римской империи по традиции продолжали оскорблять ее, обзывая «царственной шлюхой».

Именно в таком виде, прямо из скандальной римской хроники образ Клеопатры вошел в будущие века. Каждая эпоха предлагала свою версию, но каждый раз царица олицетворяла коварный и развратный Восток. Бок-каччо, например, считал ее «совершенно неистовой бабой, скандально известной по всему миру своей алчностью, жестокостью и распутством».

Образ Клеопатры – «смертоносной обольстительницы» был доведен в XIX веке до абсурда, когда Пушкин в «Египетских ночах» воскресил древнюю сплетню (взятую, кстати, все из той же римской хроники) о ее бесчисленных любовниках, которые покупали ночь с нею ценой собственной жизни. Эта экзотическая ипостась египетской царицы имела особую привлекательность для романтиков и декадентов (Готье восторженно писал о ее «утонченной жестокости», Суинберн воспевал ее «холодное и черствое сердце»). Свои варианты представили миру Чосер, Шекспир и Шоу.

В результате такой обработки подлинная биография была расцвечена пикантными анекдотами, невероятными домыслами, небылицами и фантазиями.

Но историческая Клеопатра была одной из самых удивительных женщин во всей древней истории. Она, истинная царица, хорошо знала цену власти и умела править в условиях глубокого кризиса. Ее политическое честолюбие не знало границ, она мечтала о новом неслыханном подъеме Птолемеевой державы, пытаясь всеми правдами и неправдами оттянуть политическую деградацию Египта и его превращение в одну из провинций Римской империи. Благодаря могущественному покровительству Египет, несмотря на свою зависимость от Рима, номинально был свободной страной – на его территории действовали египетские, а не римские законы.

«У Клеопатры был хищный инстинкт политического выживания, отточенный ею долгими годами династических конфликтов и междоусобиц. Отсюда ее невероятная стратегическая мобильность и политическая изворотливость, неутомимая изобретательность, с помощью которых она удерживала на плаву тонущий корабль египетского государства», – пишет Елена Клепикова. Клеопатра – расчетливая и честолюбивая царица Египта – не имела ничего общего с созданным римлянами образом похотливой восточной

распутницы, у которой только и дел было, что закатывать в Александрии невообразимо роскошные пиры да содержать мужской гарем.

Впрочем, как заметил один проницательный историк, человечество вряд ли откажется от сказочных подробностей из жизни Клеопатры вроде легендарного глотания растворенной в уксусе бесценной жемчужины, расплаты жизнью за ночь с правительницей, аметистового амулета, предохранявшего от опьянения, или ночного горшка из чистого золота.

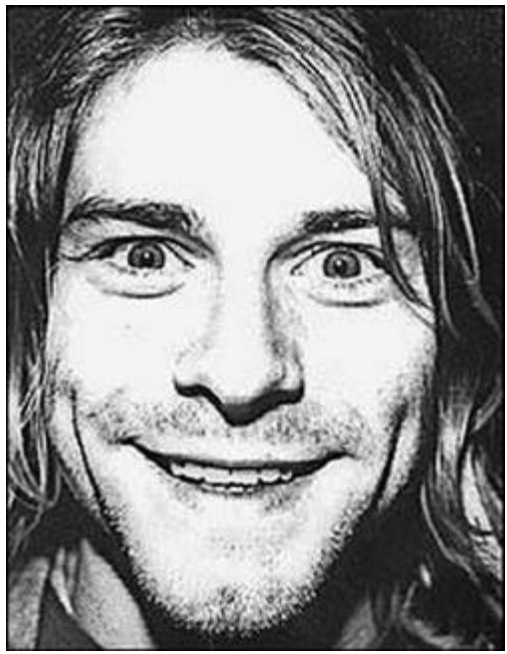
Точно так же невозможно отказаться от мифа о неотразимой красоте Клеопатры, несмотря на все, даже самые убедительные находки археологов. Человечество постановило: Клеопатра была прекрасна, мудра и неистова. А ведь то, что царица не была красавицей, видно по ее изображениям на монетах: резкое волевое лицо с очень длинным носом, свидетельствующее скорее о силе и решительности, чем о красоте. Да и античные источники – Плутарх, например, – отмечают, что «красота этой женщины была не тою, что зовется несравненною и поражает с первого взгляда, зато обращение ее отличалось неотразимою прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкою убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, оставлял свое жало».

Сейчас маятник качнулся в другую сторону, и Клеопатру стало модно представлять не в виде жрицы любви, а в роли эдакой бизнес-леди – предприимчивой и дельной царицы. «Все это очень даже может быть, – пишет Апдайк. – Однако черты трудолюбивой и рачительной царицы бледнеют перед потрясающими и исторически неопровержимыми фактами ее любовных связей: она родила детей Юлию Цезарю и Марку Антонию, ее длительный роман с Антонием вызвал в конце концов войну за контроль над Римской империей, кончившуюся двойным самоубийством любовников».

В общем, едва проступивший смутный облик египетской царицы снова заволакивается туманом, но на этот раз не вражеских измышлений, а добрых намерений и идеализации. Несомненным же остается следующее – Клеопатра оказалась последней царицей Древнего Египта, и ее смерть стала началом гибели могущественного государства, когда-то наводившего ужас на страны всей Северной Африки. Вместе с потерей сложившегося в веках государственного устройства начала гибнуть и культура страны, символом истории которой осталась Клеопатра.

КОБЕЙН КУРТ ДОНАЛЬД

(род. в 1967 г. – ум. в 1994 г.)



В двадцатом веке мы бы поняли, что являемся актерами в плохой комедии и что у этой комедии нет ни автора, ни зрителей, а в городе существует еще только один театр – кладбище.

Джон Фаулз, «Дэниэл Мартин»

Не можешь запретить – возглавь. Похоже, именно эта уходящая в глубь времен административная мудрость сделала Курта Кобейна идолом подростков всего мира в 90-х и не дает его звезде померкнуть и сегодня.

Наверное, для шоу-бизнеса нет менее удобного «сырья», чем музыка, которую принято называть альтернативной. Она мало кому нравится, если подходить к ней с точки зрения оптово-розничной продажи, поэтому ее страшно выпускать на радио. Общение с ее исполнителями – это что-то из области дрессировки тигров; никогда не знаешь, что они выкинут в следующий раз: то ли напьются, то ли разобьют всю технику, то ли подхватят какую-нибудь неприятную болезнь, то ли вообще расстанутся с этим

бренным миром. Да и сами музыканты из кожи вон выпрыгивают, чтобы вести настоящий «рок-н-ролльный» образ жизни (в отличие от послушных поп-звезд, которые, по крайней мере, не срывают концерты и не выставляют свои вредные привычки напоказ, появляясь перед публикой чистыми ангелочками на радость родителям правильных девочек и мальчиков).

Вот только возникает вопрос: откуда же взялся этот образ «настоящего рокера», «бунтаря против затхлых устоев общества и засилья попсы»? Вы будете смеяться – его создал шоу-бизнес, буквально канонизировав Джима Моррисона, Дженис Джоплин и Джими Хендрикса, а заодно их пристрастие к наркотикам, алкоголю, непредсказуемость, буйные выходки, любовь к порче инструментов, а также движимого и недвижимого имущества. В общем, все эти поступки, которые в «приличных семьях» – а какая семья не считает себя приличной – принято осуждать (в амплитуде от либерального порицания поведения кумиров при признании несомненных достоинств их творчества до телесных наказаний с выбрасыванием на помойку любимых записей). Заключительным аккордом стало тиражирование лозунга «живи быстро, умри молодым» в качестве жизненного принципа «правильного» рок-музыканта.

На выходе получаем портрет бунтаря, борца за свою независимость: бескомпромиссный, сходящий с ума от пошлости и глупости окружающих, а потому отвергнутый, одинокий, никем не понятый, свободный от всех и вся, погибший во цвете лет и лишь тогда, слишком поздно, принятый обществом. Короче говоря, потаенная мечта почти каждого подростка во всей своей красе. Одна проблема – бунтари сгорают слишком быстро, а дрова в топку коммерческих продаж нужно подбрасывать так, чтобы у каждого поколения подростков был свой бунтарь, отвергаемый отсталыми родителями и не похожий ни на кого, кто был раньше.

Ну, в 60-е было просто: рок-н-ролл сам по себе был совершенной новостью, взрывом. Его энергию в конце концов удалось направить в мирное русло: высокая мода-календари-постеры-пластинки-биографии-фильмы-легенда о роке 60-х. Дети отвергали устои родителей, протестовали против войны во Вьетнаме и слушали рок.

В 70-е стало сложнее – ни одна из групп не могла претендовать на вызов обществу, все они действовали в уже установленных рамках. А следующее поколение уже подрастало… И тут где-то на помойке удалось отыскать Sex Pistols – совершенно асоциальных типов, которых даже отмывать не стали перед тем, как вывести на продажу. Их окрестили панками. Они

довольно быстро и успешно сыграли предназначенную им роль, эффектно исполнив в финале поножовщину с летальным исходом. Ну и дальше по схеме: высокая мода-календари-постеры-пластинки-биографии-фильм-легенда о панк-роке 70-х.

Ничем не ознаменовали себя 80-е[22]: эпатаж стал нормой, музыканты – плохие, ломали инструменты, виртуозно играли на гитарах, раскрашивали лица, изображали из себя сатанистов, рычали в кадр – в общем, ничего особенного.

Шоу-бизнес встретился с реальной проблемой: большое число подростков оказалось не охваченным массовой истерией, начали падать доходы. Начался активный, чтобы не сказать лихорадочный, поиск идола. Искомый персонаж должен был соответствовать следующим требованиям: быть в меру фотогеничным, пройти трудное детство, пережить одиночество и непонимание, быть довольно неуживчивым (бунтарство), с вредными привычками («секс-наркотики-рок-н-ролл»), с неустойчивой психикой (нервные срывы, ранний уход) и повернутым на себе и своем творчестве (явный признак гения). Да, желательно, чтоб знал, с какой стороны на гитаре струны, и выучил пару аккордов, а также мог в большом количестве сочинять депрессивные тексты об одиночестве, бренности мира и тщете всего сущего, столь близкие сердцу каждого подростка.

В общем-то подходящих кандидатур было довольно много, но им всем чего-то не хватало: кто-то слишком серьезно относился к чистоте стиля, кто-то не мог заразить аудиторию своим настроением, кто-то плохо выглядел на экране, кто-то был слишком озабочен своим будущим… И тут снова «выстрелил» Сиэтл, откуда когда-то начал свой путь и где похоронен Джими Хендрикс. На этот раз «снарядом» оказалась Nirvana и Курт Кобейн, ибо для нового поколения Джими Хендрикс мало что значил. И хотя Nirvana не стала ни первой «альтернативной» группой из штата Вашингтон, получившей премию «Грэмми», ни первой обладательницей «золотого» диска, а до 1991 г. ее название на афишах скрывалось под словосочетанием «…и другие группы», Курт оказался единственным кандидатом на роль мученика рок-н-ролла 90-х, каковым его и сделали. Кобейн стал рок-идолом буквально в одночасье, за три года до смерти, хотя сам он не питал никаких иллюзий насчет собственного творчества: «Мы являемся одной из тех групп, которые внезапно врываются в сознание даже далеких от рока людей, облегчая переход среднего класса к ношению кожаных курток», а свой «звездный» альбом «Nevermind» вообще считал поп-музыкой.

Но как бы то ни было, биографы и журналисты присвоили ему почетное звание «последней легенды рок-н-ролла», «рупора

поколения», его сравнивали с Джимом Моррисоном «…по тому магнетизму, который исходил от него на сцене, по той атмосфере отчаянного одиночества, что царила вокруг обоих, и тому презрению к социальным условностям, которое, казалось, было их врожденным качеством». Множество людей начали искать глубинный смысл текстов песен, сочиненных Кобейном, о которых сам автор отзывался недвусмысленно: «Когда я сочинял эти песни, то сам не знал, что хочу ими сказать. Даже и мысли не допускаю, чтобы как-то их разобрать и объяснить».

Смерть Кобейна – на радость журналистам – вполне вписалась в каноны «классической рок-н-ролльной истории» (трудное детство, непонимание окружающих, уход в музыку, годы безвестности, громкая слава, наркотики, внезапная гибель) и до сих пор приносит приличные дивиденды.

Курт Дональд Кобейн, гитарист и вокалист будущей супергруппы Nirvana родился 20 февраля 1967 г. в портовом городке Хокуаим, штат Вашингтон (США). Когда Курту было шесть месяцев, семья переехала в соседний Абердин – захолустный городишко в ста милях на юго-запад от Сиэтла, знаменитый своим гигантским трэйлерным парком и многочисленными борделями. Абердин того времени был местом повальной безработицы, унылого климата и самоубийств. Он никогда не был благополучным, но в середине семидесятых на него обрушились настоящие экономические бедствия. Сам Курт Кобейн описывал его как «мертвый городишко лесорубов на побережье Тихого океана».

Правда, в течение первых девяти лет жизни Курт был огражден от мрачных реалий Абердина своими детскими фантазиями: он выдумал себе подружку Боду и разговаривал с ней, пел песни, слушал «Битлз». Его мать вспоминала: «Курт очень рано начал петь. Он пел во весь голос даже по дороге в магазин. Сын радовался каждому новому дню, но старался избегать общества других детей и большую часть времени проводил в одиночестве».

Мальчик рос в большом семействе, находясь под присмотром восьми тетушек и дядюшек, которые его баловали. Отец Курта, Дональд Кобейн, работал автомехаником. Мать, Вэнди О'Коннор, сменила за свою жизнь массу профессий от воспитательницы до официантки. Семейство с великим трудом приобрело дом, в котором прошли первые годы Курта. Он был первенцем у родителей (через три года у него появилась сестра Ким).

Курт рос крайне расторможенным, ему был поставлен диагноз «гиперактивность»: он был не способен сосредоточиться на каком-то одном деле, не мог контролировать свои поступки и

эмоциональные проявления; был склонен к бессмысленным и непредсказуемым действиям, испытывал затруднения в общении с окружающими. Для лечения ему были прописаны сильнодействующие препараты, которые Курт принимал в большом количестве, и лекарственная зависимость сохранилась у него на всю жизнь. То ли из-за гиперактивности, то ли из-за лечения, но Кобейн с детства часто болел и беспричинно впадал в депрессивное состояние.

Когда Курт пошел в школу, у него обнаружились недюжинные художественные способности – он даже получил несколько наград за работы по рисованию и дизайну. Однако музыка интересовала его значительно больше, чем что бы то ни было еще – возможно, это также было следствием гиперактивности, ведь импровизируя на гитаре и ударных (Курт начинал как барабанщик), он получал возможность выплеснуть эмоциональное напряжение, разрядиться. В 1975 г. Курт уже играл на гитаре в школьном ансамбле, а поскольку он был левшой, то инструмент пришлось перестраивать на левую руку.

Тем временем благополучию в семье Кобейнов настал конец. Родители мальчика развелись, и он окончательно замкнулся в себе. Год Курт прожил с матерью, затем два года провел с отцом, живя с ним в трейлере. Мать вышла замуж второй раз, на этот раз за портового грузчика, запойного пьяницу и любителя огнестрельного оружия: у него был целый арсенал, который он периодически угрожал пустить в ход.

В июле 1979 г. окончил жизнь самоубийством, выстрелив себе в живот, дядя Курта, которого мальчик очень любил. Он впал в депрессию и свел к минимуму свои отношения со сверстниками. «Я часами сидел в своей спальне и бренчал на гитаре, – говорил Курт. – Я не имел ни малейшего понятия, что из-за моего затворничества девицы считали меня большим оригиналом и постоянно за мной приударяли. Однако ни одной из претенденток не удалось меня «раскрутить», так как в то время мне казалось, что я гомосексуалист. На самом деле это была самая настоящая мизантропия». Иногда на Курта накатывали приступы бессмысленного вандализма, когда он без зазрения совести врывался в пустующие квартиры и переворачивал в них все вверх дном.

На четырнадцатилетие Курту подарили электрогитару и усилитель. Его отец вступил в клуб филофонистов и начал получать почтой музыкальные пластинки, благодаря чему подросток увлекся хэви-метал-роком, затем и панк-роком. Кобейн быстро уловил суть панка, и этот откровенный нигилизм пришелся ему по душе. Курт решил собрать свою группу, но затея

потерпела полное фиаско – через неделю репетиций участники группы подрались и расстались. Идею стать рок-звездой пришлось на время отложить.

Тем временем Курт стал поклонником местной панк-группы The Melvins: он ходил на все концерты и репетиции, помогал таскать аппаратуру, настраивать инструменты и активно участвовал в пьянках-гулянках, обычно продолжавшихся до утра (кстати, в 1986 г. The Melvins выпустили альбом, вошедший в историю как первая пластинка в стиле гранж[23]).

За несколько недель до окончания школы, в мае 1985-го, Кобейн бросил учебу, и мать выгнала его из дому. Парню пришлось жить у друзей, ночевать под мостом, в кабинах грузовиков. Он бродяжничал и сменил десяток работ, нигде подолгу не задерживаясь, поскольку был не в состоянии справляться со своими обязанностями: то спал, то портил имущество владельцев, то воровал. Что касается развлечений, то Курт с приятелями занимался тем, что расписывал стены родного города нецензурными и богохульными надписями. В конце концов, его поймали с поличным, оштрафовали и посадили на месяц в тюрьму.

К этому времени Кобейн основательно занялся созданием собственной группы, но никак не мог найти ребят, которые сработались бы с ним (собственно, проблема состава преследовала группу на протяжении всего времени ее существования). Тогда же Курт впервые попробовал героин, и вскоре уже не мог себя контролировать: наркотик был нужен ему постоянно. Однажды в поисках денег он пришел к матери и, когда она отказала, исполосовал свои руки ножом прямо у нее на глазах. С большим трудом врачам удалось вернуть конечностям наркомана работоспособность, но вопрос о том, сможет ли Курт играть на гитаре, еще долгое время оставался открытым.

Так или иначе, но в 1987 г. Кобейн наконец нашел человека, с которым организовал группу, названную в конце концов Nirvana. Идея так назвать команду пришла ему в голову в период лечения от героиновой зависимости в наркологической клинике. «Мне хотелось, чтобы название было звучным, красивым, но спорным в плане его толкования», – говорил Кобейн.

Спустя два года группа выпустила свой первый альбом «Bleach» и отправилась в тур по Европе и Америке в качестве «…и другие». «Это был дикий тур, – вспоминал Курт, – мы получали за вечер от 50 до 100 фунтов, которые сразу же "просаживали"». Уже в первый вечер Кобейн переломал все гитары, причем не только своей группы, но и других, выступавших вместе с ними. При переезде в Швейцарию выяснилось, что Курт потерял паспорт – в

общем, продюсер был сам не рад, что привез в Европу «толпу идиотов».

У группы появились почитатели, но до коммерческого успеха было далеко. Так продолжалось до сентября 1991 г., когда на прилавках магазинов появился альбом «Never-mind», который сейчас называют не иначе как «библия гранжа», «лучший рок-альбом 90-х» и т. д. В Америке началась «нирваномания», а диск «Nevermind» получил все мыслимые и немыслимые награды. Когда «Nevermind» получил признание в альбомных хит-парадах, Nirvana главным образом занималась созданием хаоса – да от нее больше ничего и не требовалось. Группа попала в цепкие когти музыкальной индустрии, жаждавшей свежей крови.

Это была даже не слава, это была истерия: миллионы поклонников, интервью, съемки, концерты. Когда началось мировое турне Nirvana, уже в статусе супергруппы, на концертах царили хаос и атмосфера разрушения.

Склонный к депрессии ипохондрический молодой человек проснулся знаменитым, но испытал не радость, а усталость и раздражение. Слава требовала усилий: нужно было участвовать в концертах, дисциплинированно и в срок выпускать альбомы, давать «правильные» интервью «нужным» изданиям, а Курт с его гиперактивностью, которая усугубилась наркозависимостью, органически был не способен на это. Главной проблемой Кобейна стала проблема контроля над собой.

В 1991 г. Курт познакомился со своим alter ego – Кортни Лав. Кортни родилась в 1966 г., и за несколько лет перед ней прошла целая вереница «пап». Наибольший след оставил Хэнк Харрисон, техник Grateful Dead, с которым Кортни посетила не один концерт этой группы, засветилась на обложке их диска, а в трехлетнем возрасте даже отметилась в Вудстоке.

Семья Кортни переехала в Портленд, а после этого она долго путешествовала с матерью по миру. Потом Лав сбежала из дому на Тайвань, затем в Японию, где зарабатывала на жизнь стриптизом и приобщилась к наркотикам. В 1982 г. Кортни приехала в Ливерпуль к друзьям, где увлеклась музыкой, но толку из этого не вышло. В 1984 г. девушка вернулась в Штаты, поработала стриптизершей и направилась в Лос-Анджелес, поближе к Голливуду. Там она снялась в нескольких фильмах (на вторых ролях), но потом сочла за благо вернуться к стриптизу. Впрочем, Кортни не оставляли амбиции рок-звезды, и в марте 1990 г. был создан бэнд под названием Hole («Дыра»), который дебютировал в 1991 г.

Собственно, именно на концерте, где участвовали и Hole, и Nirvana, Курт и познакомился с Кортни. Родственные души нашли

друг друга: оба были совершенно асоциальны, увлекались наркотиками, постоянно встревали в какие-то скандальные истории. Результатом их романа стало бракосочетание, состоявшееся в феврале 1992 г. К этому моменту Кортни была беременна, и в августе у пары родилась дочь Френсис Бин, которая вопреки прогнозам и зловещим репортажам в «желтой» прессе оказалась здоровым и жизнерадостным ребенком.

Тем же летом после одного из концертов Курт Кобейн попал в госпиталь из-за передозировки героина: таким странным образом он лечился от болей в желудке, которые постоянно преследовали его. Музыканта удалось спасти, но зависимость от наркотиков усилилась.

Мало того, когда Курт вернулся в свой дом в пригороде Сиэтла, то обнаружил, что прорвало канализацию и безвозвратно погибли все его записные книжки с новыми и старыми стихами. Работа над новым альбомом оказалась под угрозой срыва из-за отсутствия текстов, что означало разрыв отношений с продюсерами и выплату огромной неустойки. Кобейн двое суток не выходил из студии, записав 80 % вокала и восстановив по памяти все тексты. Напряженная работа привела к нервному срыву, Курт впал в невменяемое состояние и начал угрожать, что покончит жизнь самоубийством. Пришлось вызвать полицейских, которые реквизировали оружие, имеющееся у Кобейна, и на три часа изолировали его в одиночной тюремной камере.

В сентябре 1992 г. Курт вновь был вынужден обратиться за медицинской помощью из-за сильных болей в желудке, и врачи вынесли вердикт – героиновая зависимость.

Новый альбом, над которым работала группа, носил рабочее название «I Hate Myself And I Want To Die» («Я ненавижу себя и хочу умереть»), однако в продажу он вышел как «In Utero» («В утробе»). Несмотря на смену названия, содержание полностью соответствовало идее саморазрушения: отрицательные эмоции превалировали над положительными, в музыке было слишком много пессимизма и мрака, тексты являли собой фантасмагорические зарисовки депрессивного характера.

Последним альбомом в дискографии Nirvana стала запись «Unplugget In New York», сделанная 18 ноября 1993 г. К тому времени состояние здоровья Кобейна трудно было назвать даже удовлетворительным. Тем не менее, Курт уверенно заявил, что группа выпустит еще как минимум два альбома, после чего он займется сольной карьерой.

8 января 1994 г. Nirvana отыграла в Сиэтле свой последний концерт на родине, а через неделю отправилась на гастроли в Европу. Турне началось довольно удачно: Курт позировал для

рекламных фото, в шутку закусив дуло револьвера. Однако на первом же концерте он сорвал голос, и остальные 23 концерта были отменены из-за полной неработоспособности солиста.

4 марта Кобейн уехал в Рим, где уже находилась его супруга с дочкой. Ночью они поссорились, Кортни гордо ушла, а 6 марта обнаружила мужа без сознания в гостиничном номере. Происшествие было представлено как несчастный случай, но, как выяснилось позже, Курт пытался покончить жизнь самоубийством, съев и запив шампанским пятьдесят таблеток транквилизатора. Его снова удалось реанимировать, и вскоре супружеская чета вернулась на родину.

Две недели после возвращения Курт держал себя в руках, но потом опять сорвался. 18 марта 1994 г. Кортни собрала его ближайших родственников и друзей, чтобы те помогли ей наставить супруга на путь истинный. К этому времени Курт был не способен ни репетировать, ни тем более выступать. Он сидел с отсутствующим выражением лица, молчаливый и задумчивый. После встречи Курт решил пополнить свой арсенал, хотя в доме уже имелся револьвер и автомат.

25 марта 1994 г. Кортни уехала в Лос-Анджелес, чтобы записать со своей группой альбом. Периодически она звонила мужу и уговаривала его пройти реабилитационный курс (просьба звучала довольно забавно, если учесть тот факт, что она исходила от наркоманки со стажем). В конце концов Курт согласился, но пробыл в больнице всего два дня, постоянно поддерживая связь с женой. Его последний звонок был самым странным. «Что бы ни случилось, я хочу, чтобы ты знала, что вы сделали отличный альбом», – сказал он. Кортни спросила, что он имеет в виду, что случилось. Но Курт лишь ответил: «Просто помни, что бы ни случилось, я люблю тебя».

С первого по восьмое апреля о местонахождении лидера Nirvana никто из его родственников и близких друзей, по их утверждениям, ничего не знал. Спустя четыре дня Кортни Лав наняла частного детектива Тома Гранта. Она хотела выяснить, кто пользуется кредитной карточкой ее мужа. На следующий день она попросила Гранта выяснить, куда делся сам Кобейн, который второго числа исчез из реабилитационного центра.

По официальной версии, Курт Кобейн вернулся в Сиэтл и встретился со старым приятелем, которого попросил купить для него ружье, якобы для самообороны. 5 апреля 1994 г. он вернулся в свой дом, накачанный героином и снотворным (даже треть дозы наркотиков, содержащихся в его крови, могла привести к летальному исходу). Курт включил телевизор, а потом направился на второй этаж гаражной пристройки рядом с домом,

где обычно жила няня его дочери. Выбрав ручку с красными чернилами, он написал свое последнее послание выдуманной подружке детских лет Боде, жене, дочери, коллегам и поклонникам, запечатал письмо в конверт, затем взял ружье и выстрелил себе в голову.

В пятницу 8 апреля 1994 г. в 8 часов 45 минут утра по местному времени в полицейском управлении Сиэтла был зарегистрирован телефонный звонок. Звонивший назвал себя Гарри Смитом, электриком, проверявшим состояние охранной сигнализации в доме Кобейнов. В 8 часов 30 минут утра он поднялся по лестнице на второй этаж и увидел через окно в комнате над гаражом окровавленный труп мужчины. Прибывшие полицейские обнаружили тело погибшего, одетого в джинсы, балахон и кеды: мужчина выстрелил себе в рот из крупнокалиберной винтовки «Ремингтон». После осмотра места происшествия была зарегистрирована смерть в результате самоубийства – никаких следов насильственных действий обнаружено не было.

Мистер Смит позвонил не только в полицию, но и на местную радиостанцию, которая передала сообщение о том, что в доме Кобейна обнаружен труп мужчины, покончившего с собой выстрелом в голову. В 12 часов 45 минут была произведена идентификация трупа по отпечаткам пальцев, и, к ужасу миллионов поклонников, эксперты констатировали, что погибший – Курт Кобейн. Чтобы покончить с жизнью, Курт поставил винтовку между ног и выстрелил себе в рот.

Через пару часов автомобильное движение на бульваре Лэйк Вашингтон было парализовано как минимум пятью тысячами поклонников, пришедшими проститься со своим кумиром. К ночи толпа не разошлась, и в темноте зажглись тысячи свечей. По стране прокатилась волна самоубийств среди подростков – более 70 человек покончили с собой после известия о гибели их кумира; некоторые из них убили себя выстрелом в рот.

Nirvana смогла сделать то, что не удалось в свое время Sex Pistols: панк-рок получил, наконец, многомиллионную аудиторию. Кумиром подростков стал явный аутсайдер, нигилист, обладающий всеми возможными пороками – наркоман, асоциальная личность, психопат.

Курт Кобейн был предан земле 10 апреля 1994 г. в Сиэтле. Его похоронили со всеми почестями в присутствии огромного числа горюющих поклонников, прибывших со всей Америки. Сегодня место захоронения Кобейна превращено в мемориальный комплекс, утопающий в живых цветах.

Спустя девять месяцев Том Грант впервые публично высказал

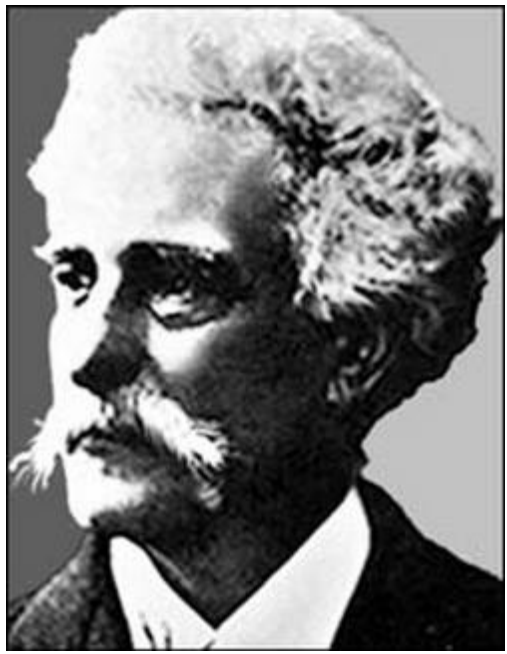
утверждение, что Курт Кобейн был убит. Спустя некоторое время он назвал заказчика убийства: его жену Кортни Лав. Люди, верящие в виновность Лав, требуют разного: одни – смертной казни, другие – покаяния.

Мир высокой моды тоже откликнулся на происходящее. Дизайнеры решили, что гранж – это шикарно, и разработали модели поношенных свитеров, рваных джинсов и дурацких колпаков.

Ждем фильма… И следующего рок-идола.

ЛАФАРГ ПОЛЬ

(род. в 1842 г. – ум. в 1911 г.)



– …Нет меня. Нигде нет.

– Тогда, тогда… Тогда я выбегу в поле, – сказал Медвежонок. – И закричу: «Е-е-е-жи-и-и-к!», и ты услышишь и закричишь: «Медвежоно-о-о-к!..» Вот.

– Нет, – сказал Ежик. – Меня ни капельки нет. Понимаешь?

– Что ты ко мне пристал? – рассердился Медвежонок. – Если тебя нет, то и меня нет. Понял?

– Нет, ты – есть; а вот меня – нет.

Медвежонок замолчал и нахмурился.

– Ну, Медвежонок!..

Медвежонок не ответил. Он глядел, как месяц, поднявшись высоко над лесом, льет на них с Ежиком свой холодный свет.

С. Козлов, «Если меня совсем нет»

Иногда трудно привнести человеческие черты в биографии теоретиков социализма. И не потому, что они какие-то «монстры»,

просто доступные биографические материалы всячески обходят темы личного характера. Подчас возникает впечатление, будто эти люди не занимались ничем, кроме создания рабочих партий и руководства ими. Впрочем, нет, в промежутках между съездами и митингами они писали научные и политические труды, посвященные актуальным проблемам современности.

Но это же совершенно не так! Ведь они женились, выходили замуж, рожали и воспитывали детей, спорили, ходили в театры, читали книги – в общем, жили полнокровной жизнью, которая сегодня скрывается от нас за теоретическими выкладками, острополитической полемикой и статьями в старых энциклопедиях. И это грустно, ведь уходит целый пласт истории Европы, личности которого остаются как бы за кадром, как будто их дела совершались сами по себе, без участия конкретных людей.

А ведь насколько понятен многим из нас – чисто по-человечески – поступок Поля Лафарга и его жены Лауры, которые договорились не дожидаться невзгод старости и заранее решили, что уйдут из жизни прежде, чем им исполнится семьдесят. Так они и поступили, проявив завидное самообладание, достойное древнегреческих философов.

Поль Лафарг, видный французский социалист, последователь Маркса, известный и своими научными исследованиями, и публицистическими памфлетами, родился 15 января 1842 г. в Сантьяго на острове Куба. Наверное, можно попытаться найти в этом некий символ – один из величайших теоретиков рабочего движения родился на острове, который, в конце концов, оказался последним оплотом социализма. Ну а в те времена на Кубе никто и не помышлял о революции.

Поль вырос в достаточно богатой семье французского виноторговца, которая в 1851 г. вернулась во Францию, где он получил приличное среднее образование. Потом Лафарг стал студентом Высшей медицинской школы в Париже, а в 1864 г. примкнул к социалистическому движению, которое на тот момент пыталось противостоять чрезмерной эксплуатации человеческого труда, монополизации капитализма, несправедливому перераспределению доходов и сверхприбыли.

Став социалистом, он принял участие в международном революционном студенческом конгрессе в октябре 1865 г., и был исключен из школы. В начале 1866 г. Лафарг занялся теорией и практикой социализма профессионально – переехал в Лондон, вступил в 1-й Интернационал и стал членом его Генерального совета. 1-й Интернационал – это первая массовая международная организация рабочих (1864–1876), основателями и

руководителями которой были К. Маркс и Ф. Энгельс.

Поль Лафарг все же завершил медицинское образование и в 1868 г. получил диплом в Англии. Тремя годами раньше он познакомился с семьей Карла Маркса, оказавшего большое влияние на политические взгляды юноши, и с его дочерью Лаурой. В апреле 1868 г. они сыграли свадьбу, и в дальнейшем Лаура полностью посвятила себя мужу. Супруги поклялись друг другу отдать свои жизни делу освобождения рабочего класса, а когда их сил будет недоставать для этого, уйти из жизни.

Характер и склонности Лауры видны из анкеты, заполненной ею в альбоме сестры Женни:

«…Достоинство, которое вы больше всего цените в людях вообще, – правдивость;

в мужчинах – справедливость;

в женщинах – милосердие;

Ваша главная черта – нерешительность;

Ваше представление о счастье – знание о том, что тебя любят;

Ваше представление о несчастье – презрение к себе;

Простительный недостаток – сны наяву;

Непростительный недостаток – сны наяву;

То, что вам отвратительно, – чепец;

Любимое занятие – чтение;

Любимый поэт – Шекспир;

Любимый прозаик – Сервантес;

Любимый герой – Шелли;

Любимый цветок – роза;

Любимый цвет – лазурный;

Любимые имена – Барри, Перси, Эдуард, Чарлз;

Любимое изречение – «Познай самого себя»;

Девиз – Magna est Veritas et praevalebit (Истина превыше всего, и она восторжествует [лат.])…»

Итак, Лаура стала верной женой и соратницей Поля Лафарга, который, вернувшись в 1868 г. во Францию, продолжил создавать там очаги социалистических преобразований: участвовал в создании федерации Интернационала в Париже, затем в Бордо. В 1871 г. супруги оказали поддержку и приняли активное участие в Парижской коммуне. Лафарг пытался вызвать движение в пользу Коммуны в провинции, но после неудачи вынужден был бежать в Испанию.

В Испании, а затем в Португалии он продолжает развивать рабочее движение, организовывая секции Интернационала и ведя борьбу с влиянием идей М. Бакунина, убежденного анархиста и проповедника народничества. Поль Лафарг принял деятельное участие в работе Гаагского конгресса I Интернационала в 1872 г.,

где разгорелась настоящая борьба между анархистами и умеренными социалистами. Последние победили: анархисты были исключены из рабочего движения.

В 1880 г., после возвращения в Париж из длительной эмиграции, Лафарг стал сотрудником органа гедовской[24] рабочей партии «Равенство» («Egalité»). Вернувшись во Францию после амнистии коммунаров, он быстро выдвинулся в ряды влиятельнейших вождей французского рабочего движения. За 28 лет до своей смерти Лафарг вместе с Жюлем Гедом выработал основы программы французской социалистической партии, которым впоследствии неукоснительно следовал (даже тогда, когда сам Гед отошел от изначальной идеологии).

Однако было бы неправильно считать Лафарга только публичным политиком. Он был критиком, публицистом, писал философские трактаты, труды по социологии, занимался антропологией и даже был автором фантастических памфлетов (впрочем, этот факт малоизвестен). Работы Лафарга, будучи значительным явлением в разных областях общественных наук, вызывали полемику, а зачастую и заслуженную критику: «Лафарг сияет оптимизмом. Все будет превосходно. Упрек в уродливом расширении власти государства и чиновничества при коммунистическом строе, говорит он, вполне несправедлив. Напротив, у коммунистов совсем не будет ни государства, ни чиновников… В коммунистическом строе, по описанию самого Лафарга, принудительная власть… существует – стало быть, ясно: существует и государство, хотя бы его назвали как-нибудь иначе. То же самое относится и к чиновнику. Чиновник есть лицо, поставленное властью для обязательного восполнения какой-либо функции и облеченное для того соответственными полномочиями…Едва ли нужно доказывать, что не свобода, а жесточайший деспотизм ждет последователей Лафарга в его коммунистическом строе».

В целом же перу Лафарга принадлежит ряд выдающихся научных трудов и брошюр. Самый крупный теоретический труд – «Происхождение и развитие собственности» – посвящен изучению процесса зарождения различных форм собственности и дальнейшему его развитию. Эта работа представляет собой скорее историко-антропологическое исследование, чем политическую агитацию: «Существуют еще и в настоящее время дикари, не имеющие никакого понятия о земельной собственности, ни личной, ни коллективной, и едва дошедшие до индивидуального владения предметами личного присвоения, – пишет Поль Лафарг. – Первобытный человек не дошел еще до идеи личной собственности по той основной причине, что он не осознает своей

индивидуальности, как личности, отдельной от той кровной группы, среди которой он живет… Коммунизм был колыбелью человеческого рода; цивилизация разрушила повсюду этот первобытный коммунизм, но его сохранившиеся следы и теперь еще, назло жадному дворянству и буржуазии, составляют общественное достояние». Далее Лафарг подробно прослеживает судьбу древней коллективной собственности – ее дробление на семейные участки вместе с отделением семьи от родовой общины, возникновение крупной феодальной земельной собственности и так далее.

В небольших очерках о происхождении абстрактных понятий, идеи правосудия, идеи добра он очень удачно показывает, что все они прямо или косвенно зарождаются в ходе общественного развития, а в дальнейшем трансформируются под воздействием частной собственности.

Перу Лафарга принадлежит ряд атеистических памфлетов и небольших этюдов. Ранние из них написаны в духе анархистского атеизма, более поздние – с марксистских позиций. Таковы его сочинения «Происхождение и эволюция понятия души», «Миф об Адаме и Еве», «Миф о непорочном зачатии», «Обрезание, его социальное и религиозное значение» и другие.

Вот пример религиозных воззрений Поля Лафарга: «Логично, что капиталист верит в провидение, внимательное к его нуждам, в бога, который выбирает его из тысяч и тысяч, чтобы осыпать богатствами его праздность и социальную бесполезность. Еще логичнее, что пролетариат игнорирует существование божественного провидения потому, что он знает, что никакой небесный отец не даст ему его ежедневного хлеба. Пролетарий сам для себя провидение.

Условия его жизни делают невозможным другое понятие провидения: в его жизни нет, как в жизни буржуа, тех превратностей судьбы, которые как по волшебству выводили бы его из его печального положения… Случаи и непредвиденные удачи, которые располагают буржуа к суеверным идеям, не существуют для пролетариата».

В целом, несмотря на свои атеистические позиции (а скорее, благодаря им), в 1891–1893 гг. Лафарг, будучи депутатом парламента, в своих речах выдвигал вопрос о необходимости привлечения к борьбе рабочих-католиков. Позже, после 1905 г., когда возникла Объединенная социалистическая партия, он настаивал на необходимости антивоенной пропаганды, оставаясь при этом последовательным и даже несколько радикальным интернационалистом. Поль Лафарг высказывал в своих работах мысль об искусственности разделения народов на нации, и это

становилось основой для его призывов к объединению рабочего движения.

Он был связан с российским революционным процессом, активно публиковался в России. Придавал большое значение революции 1905–1907 гг., считая, что ее победа всколыхнет западноевропейское рабочее движение. Однако революция закончилась тем, что давно существовало в Европе, – созданием парламента (Государственной Думы), а что касается террористических вылазок анархистов, то Лафарг был убежденным противником таких методов борьбы. Так что надежды его не оправдались.

Поль и Лаура продолжали активно работать над распространением социалистических и даже коммунистических идей; незадолго до смерти они познакомились с другой четой революционеров – В. И. Лениным и Н. К. Крупской. Ленин очень высоко ценил творчество Лафарга, считая его лучшим и активнейшим распространителем марксизма.

Казалось бы, жизнь кипит, но близилось время исполнения юношеской клятвы. 14 (27) ноября 1911 г. Поль Лафарг и его жена Лаура отравились в своем имении Дравейль в пригороде Парижа, впрыснув под кожу синильную кислоту.

В предсмертной записке Поль написал: «Я здоров душой и телом. Ухожу из жизни, пока жестокая старость не отняла духовные и физические силы, не лишила меня радости жизни… Я умираю с радостной уверенностью, что дело, которому я посвятил вот уже 45 лет, восторжествует. Да здравствует коммунизм, да здравствует международный социализм!»

Владимир Ленин был потрясен, но и восхищен двойным самоубийством. В разговоре с Надеждой Крупской он был категоричен: «Если не можешь больше для партии работать, надо уметь посмотреть правде в глаза и умереть так, как Лафарги…»

По словам Г. Чхартишвили, супруги Лафарг подали пример последовательно материалистической жизни и смерти, послуживший своего рода прологом к последующему нарастанию суицидальной волны у людей преклонного возраста. Кого еще может назвать история в качестве примера такой верности юношеским идеалам!

ЛОНДОН ДЖЕК

(Настоящее имя – Джон Гриффит Лондон)

(род. в 1876 г. – ум. в 1916 г.)

Моя весна была зловещим ураганом,
Пронзенным кое-где сверкающим
лучом;
В саду разрушенном не быть плодам
румяным —
В нем льет осенний дождь и не смолкает
гром.
Душа исполнена осенних созерцаний;
Лопатой, граблями я, не жалея сил,
Спешу собрать земли размоченные
ткани,
Где воды жадные изрыли ряд могил…

Ш. Бодлер, «Враг» («Цветы зла»)

Бродяга, исследователь новых стран, рыболов, золотоискатель и рабочий, социолог, философ и фермер – вот кем был Джек Лондон. За свою жизнь он успел повидать и пережить столько, что хватило бы на несколько судеб. Он прошел путь от американской мечты до американской трагедии, явив собой пример небывалого, фантастического взлета и фатальной безысходности, приведшей к драматическому финалу.

Джек Лондон был писателем по призванию, искателем приключений по духу, фермером по устремлениям и социалистом по убеждениям. Все эти противоречивые, а зачастую и несовместимые ипостаси воплотились в одном человеке. Его перу принадлежат и насыщенные подлинным дыханием жизни романы и повести, и откровенно ремесленнические поделки. Издатели то отвергали его рукописи с порога, то дрались за них. В нем могли одновременно уживаться идеи Маркса и Ницше. Интеллектуалы считали его одним из самых интересных собеседников, а заходившие в его дом бродяги знали наверняка: у Джека их всегда ждет стаканчик виски…

И рождение, и смерть писателя окутаны если и не тайной, то во всяком случае флером скандальности.

В июне 1875 г. жители Сан-Франциско прочли в газете жуткую историю – женщина выстрелила себе в висок, после того как бессердечный муж отказался признать ее дитя и выгнал из дому, когда она не стала делать аборт. Женщиной была Флора Уэллман, родом из Огайо, мужчиной – странствующий астролог, профессор Генри Уильям Чейни (который, кстати, никогда не был официально женат на Флоре). Забеременев, Флора сначала заявила профессору, что ребенок не от него, а потом поменяла решение. Когда же Чейни отказался признать его, она инсценировала попытку самоубийства. Через полгода, 12 января 1876 г. на свет появился мальчик, которому суждено было прославиться под именем Джека Лондона.

В то время Флоре Уэллман было около тридцати. В двадцать лет она переболела тифом, и после этого у нее несколько помутился рассудок и осталась некоторая сумятица в голове. Друзья отзывались о ней как о девице умной, одаренной, но нервной, подверженной перепадам настроения. Флора происходила из хорошей семьи, получила разностороннее образование: училась музыке, окончила колледж, много читала, обладала изящным слогом и превосходно держалась в обществе. Когда ей исполнилось двадцать пять лет, она покинула отчий дом. Флора вела странный образ жизни, объявляя себя женой самых разных людей, одним из которых оказался и профессор Чейни, познакомивший ее с тайнами астрологии и спиритизма

(молодая женщина, кстати, очень увлекалась общением с духами предков и частенько использовала сына в качестве медиума, чем не раз доводила его до нервных припадков).

В общем, профессор Чейни исчез из жизни Флоры после того, как она обвинила его во всех смертных грехах, а сама она через восемь месяцев после рождения ребенка вышла замуж – за Джона Лондона. Джек узнал о том, что Джон Лондон не родной его отец, лишь в возрасте двадцати одного года и попытался найти своего предполагаемого отца – профессора Чейни. Однако тот выказал стойкое нежелание знакомиться с Джеком – уж очень болезненными были воспоминания об обстоятельствах его появления на свет, да и в отцовстве своем профессор очень сомневался.

Неизвестно, как, но Флоре удалось заарканить сорокалетнего Джона, который стал заботиться о мальчике как о родном сыне (чего нельзя сказать о Флоре, переложившей все заботы о ребенке на плечи своей приемной дочери, а его сводной сестры Элизы). Джон Лондон уже был женат, имел десятерых детей. Когда началась гражданская война, он сражался на стороне северян, потерял одно легкое, а после войны получил участок земли и занялся сельским хозяйством.

После смерти первой жены один из сыновей Лондона заболел, и врач посоветовал отправить мальчика в Калифорнию. Единственным известным Джону городом в Калифорнии был Сан-Франциско, куда он и отправился с больным сыном и двумя младшими дочерьми. Через десять дней мальчик умер, а девочек пришлось поместить в Протестантский приют для сирот. Джон еще оплакивал жену и сына, когда приятель уговорил его пойти на спиритический сеанс, где вместо вестей от старой жены Лондон обрел новую.

Джон Лондон был человеком простым и трудолюбивым, имел мягкий характер, и в доме заправляла энергичная, хорошо образованная, но неуравновешенная и непрактичная жена. Джон доверял ей вести финансовые дела, и в результате семья бедствовала. Флора забывала платить по счетам, вовлекала мужа в авантюры, ввязывалась в аферы – и семья разорялась, не успев встать на ноги, и была вынуждена кочевать с места на место, дорого расплачиваясь за очередные «хозяйственные увлечения» Флоры. Надо сказать, что авантюризм, страсть к прожектерству и разбазариванию денег Джек в полной мере перенял от матери вместе с неуравновешенностью натуры и нетерпеливостью. И в то же время его знакомые утверждали, что часто он вел себя как прожженный деляга и скупердяй, подозревая всех и вся в желании выманить у него лишнюю копейку.

В конце концов, Лондоны оказались в Окленде, где узнали настоящую нищету – случайные заработки отца не могли обеспечить сносного существования. Маленькому Джеку пришлось разделить с отчимом бремя ответственности за благополучие семьи – он просыпался в три часа ночи и бежал продавать утренние газеты, потом шел в школу, а после школы – снова разносить газеты, теперь уже вечерние. По субботам он развозил лед, а по воскресеньям устанавливал кегли в кегельбане.

Несмотря на тяготы, Джек неплохо учился и рано пристрастился к чтению. Позже мальчик узнал о существовании городской библиотеки и стал одним из самых верных ее поклонников. Он очень любил читать про приключения, и библиотекарша припасала для него книжки.

Когда Джеку исполнилось тринадцать, отчим не смог больше работать – он попал под поезд и стал калекой. Теперь на мальчика легла забота о матери, отчиме, двух сводных сестрах. О продолжении учебы нечего было и думать: Лондон поступает на консервную фабрику, где рабочий день длится 10 часов, и получает всего 10 центов в час.

А рядом было море, которое таило в себе не только сокровища, дальние странствия и приключения, но и возможности заработка. Здесь, в порту, обретались «устричные пираты», грабившие по ночам чужие садки и получавшие за ночь столько, сколько Джек зарабатывал за три месяца.

И парень ушел из дому, бросил завод, занял денег, купил себе бот и стал «устричным пиратом». При этом пристрастился к выпивке, что несколько раз ставило его на грань жизни и смерти. Однажды он выпил столько, что едва не отравился, а в другой раз чуть не утонул, свалившись пьяным в воду. Придя в себя после этого неприятного приключения, Джек бросил пиратствовать и начал борьбу со своими бывшими компаньонами, поступив на работу в патруль. Однако дело было не в том, что он резко изменил мировоззрение, просто заработок у патрульных был неплохим, да к тому же законным.

Еще через какое-то время Джек нанялся матросом на шхуну «Софи Сазерлэнд» и отправился бить котиков к берегам Японии и в Берингово море. Через полгода морских приключений он вернулся домой, отдал заработок матери и стал искать работу на берегу. Единственным вариантом оказалась джутовая фабрика: 10 часов в день, 10 центов в час.

Тем временем в США разразился очередной кризис, и безработные всей страны решили идти в Вашингтон, требуя работы. Узнав об этом походе, Джек решил стать одним из солдат этой «армии», но опоздал к выходу колонны. Он бродяжничал,

ездил в товарных поездах, нанимался сезонным рабочим, периодически присоединялся к армии безработных, иногда попрошайничал и крал продукты, прикрываясь принадлежностью к идущим на Вашингтон. На протяжении всей своей бродяжьей жизни Джек вел дневник, куда аккуратно записывал все события, интересные разговоры, путевые заметки. Тогда же он стал социалистом, встретив людей, которые рассказали ему об этом учении. Правда, в Вашингтон Джек так и не попал, а добрался до Ванкувера (Канада), где месяц провел в тюрьме за бродяжничество, после чего нанялся матросом на корабль и вернулся домой в Окленд.

Здесь по совету матери он принял участие в литературном конкурсе, объявленном местной газетой, и получил первую премию (25 долларов) за очерк «Тайфун у берегов Японии». Лондон убедился в том, что его сочинения достойны печати и что писательский труд может приносить доход. Намерение стать профессиональным писателем окрепло и переросло в твердую цель.

Джек решил получить образование и снова сел за школьную парту, подрабатывая по субботам и воскресеньям мытьем полов и окон. Тогда же он вступил в социалистическую партию и стал постоянным членом литературного клуба Окленда. Наконец, Лондон усиленно готовился к экзаменам в университет, занимаясь по девятнадцать часов в сутки. В 1896 г. его принимают в Университет Беркли (Калифорния).

Наконец-то он получил возможность вступить в общество, прежде ему недоступное, перед которым он благоговел и к которому так тянулся. Джек попал в совершенно новый для себя мир, далекий от портовых драк, попоек, товарных вагонов. Он влюбился в этот мир, а заодно и в Мейбл Эпплгарт, девушку из интеллигентной семьи инженера. Мейбл ответила Джеку взаимностью, но он даже думать не смел о создании семьи, ведь за душой у него не было и цента.

И тут началась золотая лихорадка. Газеты трубили о золоте на Клондайке и о фантастических заработках счастливчиков. Джек недолго раздумывал и весной 1897 г., отучившись в университете всего один семестр, отправился на поиски золота. Лондон повторил судьбу десятков тысяч золотоискателей: через 16 месяцев скитаний, больной цингой, он вернулся домой без гроша в кармане и узнал, что за это время умер отчим. Правда, в отличие от других неудачливых охотников за золотом Джек привез с собой путевые заметки и очерки нравов золотоискателей. Он был уверен, что это и есть самая большая ценность, которую можно было найти на приисках.

Снова встал вопрос о заработке, и Лондон, поработав в кочегарке, решает заняться писательством – если верить газетам, на этом можно неплохо заработать. Флора поддерживает сына в его начинании, впрочем, она всегда была готова увлечься любой безумной идеей. Джек трудился днями и ночами, упорно работая над сюжетом и стилем своих рассказов и установив ежедневную норму в тысячу слов. На последние деньги он рассылал свои новеллы в журналы, но они неизменно возвращались обратно. Джек не думал о том, что стал профессиональным писателем – ему отчаянно были нужны деньги, а заработать их по-другому у него не было ни малейшей возможности.

Раз в неделю он приходит на обед к Мейбл, однако вскоре прекращает эти встречи: его единственный костюм заложен в ломбарде. А рассказы все возвращаются и возвращаются… Мейбл считает Джека фантазером, признаваясь, что его творчество ей совсем не нравится, ведь пышущие мужской силой рассказы Лондона очень отличались от слащавой сентиментальной прозы, популярной тогда в США. Он начал задумываться о самоубийстве.

И тут наконец Джеку улыбнулась удача: в 1898 г. сразу два журнала приняли его рассказы, и он получил свой первый писательский гонорар. Он был уверен, что это – только начало будущей лавины публикаций. Но пока что первая публикация оказалась последней… Лондон сделал Мейбл предложение, состоялась помолвка, но мать девушки резко отказала ему, а Мейбл не смогла воспротивиться ее воле.

1899 г. стал переломным в судьбе писателя. В Бостоне, считавшемся литературным центром страны, вышел сборник рассказов «Сын волка», а это означало признание. Наладилась и семейная жизнь: Джек Лондон женился на подруге Мейбл, Бесси Маддерн, которая родила ему двух дочерей – Джоанн и Бекки. Правда, женитьба не внесла успокоения в повседневный быт писателя, его мать не приняла невестку.

Лондон трудился не покладая рук. Итог трехлетней литературной работы – три сборника «северных» рассказов, роман и повесть. Его имя прочно входит в число имен ведущих американских писателей, сотрудничества с ним добиваются многие журналы и издательства. Поэтому Джек ничуть не удивился, когда в июле 1902 г. получил телеграмму от Ассоциации американской печати с предложением немедленно отправиться в Южную Африку, чтобы сделать репортаж о последствиях англо-бурской войны. Однако в Лондоне писателя догнало сообщение, что путешествие отменяется. Недолго думая, Джек приобрел поношенную одежду и поселился в лондонских трущобах. Результатом этого эксперимента стала книга очерков

«Люди бездны», бросившая вызов современному обществу.

В 1901 г. социалисты Окленда выдвинули кандидатуру Лондона на пост мэра, но на выборах за него подали голоса всего 245 человек. Впрочем, неудача не обескуражила Джека; он по-прежнему оставался ярым социалистом – все его письма к соратникам по партии начинались словами: «Дорогой товарищ» и оканчивались: «Ваш во имя революции, Джек Лондон».

В 1903 г., после выхода в печать повести «Зов предков», Лондона признали классиком литературы.

Летом того же года писатель оставил жену и двух дочерей и женился на Чармиан, племяннице редактора журнала, в котором был опубликован первый рассказ Джека. Чармиан во многом была похожа на мать писателя, Флору. Она оставалась рядом с Джеком, которого безумно ревновала к работе, друзьям, фермерству, вплоть до трагического финала – по ее собственному признанию, ночь после смерти писателя была первой, когда она спокойно заснула, не думая о его реальных и мнимых похождениях.

Отношения между Лондоном и его первой женой Бесс, самолюбивой и гордой, так и не наладились; с годами они лишь осложнялись бесконечными ссорами из-за денег, завещания, влияния на детей. Отношения между сестрами, старшая из которых, Джоан, была копией матери, а младшая, Бекки, – отца, тоже оставляли желать лучшего.

В конце 1903 г. писатель закончил роман «Морской волк» и отправился в качестве военного корреспондента в Японию. Его репортажи о русско-японской войне печатаются на первых полосах. Когда Лондон вернулся в США в начале 1904 г., «Морской волк» занял прочное место среди бестселлеров.

Слава и деньги поставили писателя перед выбором между голодным бунтом и куском хлеба с маслом. Голодное детство подсказало ему ответ – Джек стал работать на публику. Он больше не мог голодать.

Лондон работал по-прежнему, порой до головной боли, но из его жизни исчезло то, что всегда подпитывало его творчество: настоящая мужская работа, борьба со стихией, обстоятельствами, окружающей действительностью. Писатель приобрел ранчо в графстве Сонома и занялся сельским хозяйством, следуя исключительно передовым технологиям. Здесь он провел последние 11 лет своей жизни, стремясь организовать образцовое хозяйство и устроить своего рода коммуну. Однако из этой затеи ничего не вышло, во многом из-за недоверия Джека к окружающим: рабочим, подрядчикам, соседям (впрочем, они сами частенько давали для этого повод).

Джек Лондон загорелся идеей построить яхту по последнему

слову техники и объездить на ней весь мир. Однако он нашел «помощников», которые, выкачав из него десятки тысяч долларов, сконструировали «Снарк» – невероятно красивую яхту, которая оказалась почти неприспособленной к настоящему плаванию. Тем не менее, Лондон вышел на ней в открытый океан, не желая признавать, что роскошное судно оказалось жалкой посудиной. Впрочем, профессиональные качества команды оказались вполне под стать кораблю – они несколько раз теряли курс, чуть не тонули, и только чудом яхта не развалилась на куски. За время плавания Джек создал, наверное, самое лучшее свое произведение – почти автобиографический роман «Мартин Иден», историю борьбы простого парня за место в обществе. Роман закончился трагедией – добившийся успеха, но исчерпавший себя Мартин покончил с собой.

Потерпев фиаско со «Снарком», Лондон пытается занять себя новым проектом и построить «Волчье логово» – настоящий замок в густом лесу, вдали от жилья и дорог, на площади в 15 тыс. квадратных футов. Дом был построен на сваях, способных выдержать любые сейсмические бури: за пять лет до этого Сан-Франциско был уничтожен страшным землетрясением. Но недаром говорят: кому суждено быть повешенным, не утонет. «Волчьему логову» суждено было погибнуть не от землетрясения. Лондоны уже готовились к переезду, как вдруг огонь в течение нескольких часов уничтожил здание. Писатель до конца дней был уверен, что это поджог. Думали, правда, что пожар возник в результате возгорания промасленной ветоши, небрежно брошенной рабочими. Неожиданная гибель «Волчьего логова» так и осталась одной из загадок, окружавших имя Джека Лондона.

1913 г. стал вообще несчастливым для Джека, его словно преследовал злой рок. Он попал в больницу с приступом аппендицита, и его пришлось срочно оперировать. Чармиан родила дочь, которая не прожила и трех дней. Плохо шли дела и на ранчо – погибла любимая лошадь, заморозки погубили урожай фруктов, саранча атаковала эвкалиптовые саженцы; кукурузные плантации были сожжены суховеем, эпидемия погубила свиней. Наконец, Лондон вел одновременно несколько тяжб: за право пользования водоемом неподалеку от ранчо и за авторские права на свои произведения.

В общем, все изменилось к худшему. Объезжая ранчо, он замечал теперь, что рабочие увиливают от дела, стараются содрать с него больше, а сделать поменьше, считая ранчо прихотью богача. Потерпели неудачу и попытки Джека добиться хоть одного доброго слова или жеста участия от Джоан, своей старшей дочери.

Но было еще одно, пожалуй, самое жестокое открытие: сорокатрехлетняя Чармиан оставалась капризным и неуравновешенным ребенком, целиком поглощенным ничтожными ребяческими забавами. Он страстно желал сына, который станет продолжателем его дел. Джек еще надеялся найти и полюбить женщину, которая тоже полюбит его и подарит сына. Зная, что Чармиан никогда не даст ему этого, он горевал, что умрет, не дождавшись ребенка.

Алкоголь постепенно становится необходимой частью жизни писателя, несмотря на то, что у него развивается тяжелая почечная недостаточность. Болезнь заставляла его пить, пьянство усугубляло болезнь. К виски его толкал упадок духа, но, напившись, он еще больше падал духом. Молодость ушла, ушли здоровье, ясность мысли, а работал он по-прежнему изо всех сил – и ежедневная кварта шотландского виски валила его с ног. Ему и раньше случалось выпивать, теперь же он был пьян постоянно.

Писатель по-прежнему регулярно работал, отправляя свои произведения на книжный рынок. Годовой доход составил 75 тыс. долларов, но расходов становилось все больше, и Лондон был вынужден работать, работать, работать… В течение 1914–1915 гг. читатели получили возможность прочитать еще пять новых книг, и, очевидно, публика несколько устала от его творений. Весьма холодно принимают его роман «Маленькая хозяйка большого дома», не привлекает внимания и сборник рассказов «Черепахи Тасмана».

Писатель чувствовал себя очень плохо, однако продолжал прежний образ жизни: много работал, пил, курил и совершенно не придерживался предписанной врачами диеты. Но было еще кое-что, о чем не ведала ни одна живая душа, кроме его сводной сестры Элизы: его мучил страх, что он сойдет с ума. Мозг его был слишком истощен, чтобы работать; а между тем приходилось писать каждый день. Он боялся, что когда-нибудь мозг не выдержит, а кроме того, он был уверен в дурной наследственности, считая мать не совсем нормальной. Джек просил Элизу не бросать его, не отправлять в больницу, если он сойдет с ума. Элизе ничем не удавалось унять его страх, и каждый раз она клялась, что никогда не расстанется с ним, не отправит в больницу, будет сама заботиться о нем.

21 ноября 1916 г. Джек лег спать, как обычно, в 8 часов вечера, а в 7.45 утра конюший застал его без сознания. На полу валялись две почти пустые бутылочки из-под морфия и атропина, а на ночном столике лежал листок из блокнота с какими-то расчетами – как оказалось, смертельной дозы. Доктор Томсон, первым вызванный к больному, диагностировал отравление

наркотиками и послал в аптеку за противоядием. Затем приехал личный терапевт Лондона, и последним прибыл доктор Портер. Сообща они пытались привести Джека в чувство: промыли желудок, ввели лекарства, сделали искусственное дыхание. Все было безуспешно, вывести его из комы им не удалось. Он умер, не приходя в сознание.

Джек Лондон ушел из жизни в 41 год, когда другие только начинают путешествовать. И как это часто бывает со знаменитостями, его смерть не получила однозначного объяснения, оставшись самой большой загадкой его жизни. Согласно распространенной версии, писатель покончил жизнь самоубийством, повторив судьбу своего героя – Мартина Идена, однако миссис Чармиан Лондон настаивала, что смерть ее мужа не должна быть приписана ничему другому, кроме уремического отравления.

МАЯКОВСКИЙ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ

(род. в 1893 г. – ум. в 1930 г.)

«…Двенадцать лет подряд человек Маяковский убивал в себе Маяковского-поэта, а на тринадцатый – поэт встал и человека убил… Если есть в этой жизни самоубийство, оно не там, где его видят, и длилось оно не спуск курка, а двенадцать лет жизни… Никакой державный цензор так не расправлялся с Пушкиным, как Маяковский с самим собой…»

Марина Цветаева

Владимир Маяковский написал предсмертную записку за два дня до своей гибели. Письмо было написано карандашом и почти не содержало знаков препинания. Вот этот текст:

«Всем. В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил.

Мама, сестры и товарищи, простите – это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет.

Лиля – люби меня!

Товарищ правительство, моя семья – это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская. Если ты устроишь им сносную жизнь – спасибо. Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

Как говорят – «инцидент испорчен»,
любовная лодка разбилась о быт.
Я с жизнью в расчете
и не к чему перечень
взаимных болей, бед и обид.
Счастливо оставаться.

Владимир Маяковский. 12/IV – 30 г.

Товарищи Вапповцы, не считайте меня малодушным. Сериозно – ничего не поделаешь. Привет. Ермилову скажите, что жаль – снял лозунг, надо бы доругаться. В столе у меня 2000 рублей – внесите в налог. Остальное получите с Гиза. В. М.».

* * *

«Не сплетничать» не получается вот уже больше семидесяти лет – масштаб личности «покойника» настолько велик, что его предсмертная воля осталась неисполненной. Да и биография Владимира Маяковского под стать его стихам и рисункам – такая же бурная и полная неожиданных поворотов и в то же время отражающая твердость позиции поэта во всем, что касалось основных принципов его жизни и творчества.

Владимир родился в семье лесничего 7 (19) июля. Какого года? Сам Маяковский в своей автобиографии «Я сам» пишет: «… 1894 г. (или 93 – мнения мамы и послужного списка отца расходятся. Во всяком случае, не раньше). Родина – село Багдади, Кутаисская губерния, Грузия». Ребенок появился на свет в день рождения своего отца Владимира, и потому его тоже назвали Володей.

Мальчик рос и воспитывался в дворянской семье, получал вполне либеральное и светское домашнее воспитание. Он прекрасно владел русским, французским и, конечно же, грузинским языком, что, кстати, стало причиной анекдотического случая, произошедшего при поступлении Владимира в Кутаисскую классическую гимназию в 1901 г. Сам Маяковский пишет в автобиографии: «…Экзамен в гимназию… Священник

спросил – что такое "око". Я ответил: "Три фунта" (так по-грузински). Мне объяснили любезные экзаменаторы, что "око" – это "глаз" по-древнему, церковнославянскому. Из-за этого чуть не провалился. Поэтому возненавидел сразу – все древнее, все церковное и все славянское. Возможно, что отсюда пошли и мой футуризм, и мой атеизм, и мой интернационализм».

1906 г. От заражения крови умер отец Владимира, уколов палец медной булавкой. С тех пор он панически боялся малейших ран и бесконечно дезинфицировал порезы и ссадины, страшась смерти от незамеченной царапины. У многих, не знавших причин такой болезненной мнительности, это вызывало улыбку: гигант Маяковский бросался за йодом, случайно уколов палец; ему становилось плохо при виде даже капли крови, он требовал перевязки и широкомасштабных медицинских мероприятий. Кстати, потом этот страх стал почвой для домыслов о невозможности самоубийства поэта.

После смерти отца семья Маяковских осталась без средств: «…После похорон отца – у нас 3 рубля. Инстинктивно, лихорадочно мы распродали столы и стулья. Двинулись в Москву. Зачем? Даже знакомых не было… Денег в семье нет. Пришлось выжигать и рисовать. Особенно запомнились пасхальные яйца. Круглые, вертятся и скрипят, как двери. Яйца продавал в кустарный магазин на Неглинной. Штука 10–15 копеек. С тех пор бесконечно ненавижу… русский стиль и кустарщину…».

После множества просьб и хождений по чиновникам удалось добиться пенсии 50 рублей в месяц. Но денег все равно не хватало, и комнаты выбирали самые дешевые, поэтому соседями Маяковских всегда были студенты. Так Володя, не по годам рослый и серьезный, втянулся в революционную деятельность.

1908 г. В. Маяковского отчислили из московской гимназии № 5 за неуплату и неуспеваемость, и он поступил в Строгановское училище, где учился изобразительному искусству, но «…29 марта 1908 г. нарвался на засаду… Ел блокнот. С адресами и в переплете. Пресненская часть. Охранка. Сущевская Часть». Разумеется, его выгнали из училища.

1908–1911 гг. Заключение и ссылка. В Бутырской тюрьме Маяковский начал писать стихи: «…Исписал… целую тетрадку. Спасибо надзирателям – при выходе отобрали. А то б еще напечатал!..» Выйдя из тюрьмы он оставил «революцию», решив, что должен прежде всего получить образование: «…Я должен пройти серьезную школу. А я вышиблен даже из гимназии, даже и из Строгановского. Если остаться в партии… перспектива – всю жизнь писать летучки, выкладывать мысли, взятые из правильных, но не мной придуманных книг… Я прервал

партийную работу. Я сел учиться… Думалось – стихов писать не могу. Опыты плачевные. Взялся за живопись… Поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества: единственное место, куда приняли без свидетельства о благонадежности».

1911 г. Владимир поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества и завязал дружбу с художником и поэтом Давидом Бурлюком, который организовал литературно-художественную группу футуристов. «…В училище появился Бурлюк. Вид наглый. Лорнетка. Сюртук. …Уже утром Бурлюк, знакомя меня с кем-то, басил: "Не знаете? Мой гениальный друг. Знаменитый поэт Маяковский". Толкаю. Но Бурлюк непреклонен. Еще и рычал на меня, отойдя: "Теперь пишите. А то вы меня ставите в глупейшее положение"». Пришлось писать: выходит книга Маяковского «Я» («Себе, любимому, посвящает эти строки автор…»), его стихи появляются на страницах альманахов «Молоко кобылиц», «Дохлая луна», «Рыкающий Парнас».

1912 г. Маяковский становится постоянным участником диспутов о новом искусстве, выставок и вечеров, проводившихся радикальными объединениями художников-авангардистов. Футуристы вошли в поэзию шумно, эпатируя читателя и слушателя своими литературными экспериментами, необычностью названий своих сборников («Пощечина общественному вкусу», «Взял» и т. п.), разрисованными лицами, нарочитой скандальностью публичных выступлений: «…Газеты стали заполняться футуризмом. Тон не очень вежливый. Так, например, меня просто называли «сукиным сыном».

Владимир Маяковский дразнил публику и едкой иронией, и броскими стихами, и всем своим видом. Он не мог не обратить на себя внимание: высокий, красивый, задиристый, любящий споры с публикой. «Здоровенный, с шагом саженным» Маяковский создавал образ площадного оратора, слова которого не могут быть красивы, они – «судороги, слипшиеся комом». Уже это было настоящим скандалом для критики и публики, привыкшей к изысканным поэтическим образам и манерности поэтов.

Но наибольшим нападкам подверглась… желтая кофта поэта, в которой он выступал. Ей приписывались какие-то демонические свойства и тайный смысл, она была воплощением футуристического эпатажа. Но, как это часто бывает, ее появление стало результатом случайности: «…Костюмов у меня не было никогда. Были две блузы – гнуснейшего вида. Испытанный способ – украшаться галстуком. Нет денег. Взял у сестры кусок желтой ленты. Обвязался. Фурор. Значит, самое заметное и красивое в человеке – галстук. Очевидно – увеличишь галстук, увеличится и фурор. А так как размеры галстуков

ограничены, я пошел на хитрость: сделал галстуковую рубашку и рубашковый галстук. Впечатление неотразимое».

1914 г. Маяковского исключили из училища за участие в скандальных выступлениях футуристов, но к тому времени он был уже довольно известен.

1915 г. Июль этого года стал поворотным пунктом в биографии Владимира Маяковского. Этим летом он получил сердечную рану, от которой так и не смог оправиться до самой смерти, до выстрела в сердце 14 апреля 1930 г. Начался путь Маяковского к гибели, но пока он пишет: «…Радостнейшая дата. Июль 1915-го года. Знакомлюсь с Л. Ю. и О. М. Бриками».

С этого момента и до конца жизнь поэта становится собственностью Лилии Юрьевны Брик, жены Осипа Брика… Он посвящал ей все поэмы. Она стала его музой, то заставляя страдать, то давая надежду, но всегда неукоснительно следя, чтобы у поэта не было серьезных отношений с другими женщинами. А Осип Брик занимался изданием стихов Маяковского и не мешал Лиле. И когда в 1928 г. вышел первый том собрания его сочинений, посвящение гласило: Л.Ю.Б, несмотря на то, что за прошедшие годы поэт не раз серьезно влюблялся и даже собирался создать семью.

Итак, 1915 г. Эльза, сестра Лили Брик, привела своего давнего ухажера Володю Маяковского в петроградскую квартиру Бриков. Он недавно закончил поэму «Облако в штанах» и решил прочесть ее. Закончив чтение, Маяковский, словно сомнамбула, приблизился к Лиле и, спросив: «Можно, я посвящу это вам?», вывел над заглавием поэмы: «Лиле Юрьевне Брик». Первое издание поэмы было выпущено Осипом Бриком в сентябре 1915 г., несмотря на огромное количество цензурных правок: «… Облако вышло перистое. Цензура в него дула. Страниц шесть сплошных точек. С тех пор у меня ненависть к точкам. К запятым тоже».

В том же году Маяковского забирают в действующую армию, на фронт: «…Забрили. Идти на фронт не хочу. Притворился чертежником. Ночью учусь у какого-то инженера чертить авто. С печатанием еще хуже. Солдатам запрещают. Один Брик радует. Покупает все мои стихи по 50 копеек строку… Паршивейшее время. Рисую (изворачиваюсь) начальниковы портреты. В голове разворачивается "Война и мир", в сердце – "Человек"».

Лиля Юрьевна позже вспоминала: «…Мои отношения с О. М. перешли в чисто дружеские, и эта любовь не могла омрачить ни мою с ним дружбу, ни дружбу Маяковского и Брика…Они стали необходимы друг другу… Все мы решили никогда не расставаться и прожили жизнь близкими друзьями».

1917 г. Революция. Она была принята Маяковским сразу и безоговорочно. Он считал, что футуризм в искусстве является прямой аналогией роли большевиков и пролетариата в истории и политике. Организовал группу «Ком-фут» (Коммунистический футуризм; 1918 г.).

Под влиянием революционных событий Маяковский настойчиво ищет новые формы, жанры, темы, работает над агитплакатами РОСТА: «…Пишу и рисую. Сделал тысячи три плакатов и тысяч шесть подписей». «Окна РОСТА» становится лабораторией, в которой он, по собственным словам, освобождал стих «от поэтической шелухи на темах, не допускающих многословия». Стремясь использовать все художественные средства для поддержки нового государства, пропаганды новых ценностей, Маяковский пишет злободневную сатиру, стихи и частушки, пьесу «Мистерия Буфф».

1919 г. Семейство Брик, членом которого стал Владимир, перебралось в Москву. Они поселились в крохотной комнатке в Полуэктовом переулке, на двери повесили табличку: «Брики. Маяковский». Такие таблички будут красоваться на дверях всех их квартир до самой смерти поэта. Они жили втроем, вернее, вчетвером, как писал потом Маяковский в поэме «Хорошо!»: «Двенадцать квадратных аршин жилья. Четверо в помещении – Лиля, Ося, я и собака Щеник».

1919–1925 гг. Маяковский много пишет, деятельно участвует в газете «Искусство коммуны», в 1923 г. создает объединение «Левый фронт искусств» (ЛЕФ), в которое входят писатели, художники, театральные и кинорежиссеры, архитекторы, издает журналы «ЛЕФ» (1923–1925) и «Новый ЛЕФ» (1927–1928). Много путешествует по Европе, СССР, едет в США. Он становится глашатаем нового искусства в новой стране.

В это время отношения Лили и Маяковского стремительно ухудшались. Она пускалась из одной любовной истории в другую, а он начал уставать от ее непостоянства. Однако жить продолжали вместе – главным образом, благодаря Осипу Брику, который понимал, что без Маяковского их семья просто не выживет…

1926 г. Поэт только что вернулся из Америки и рассказал Лиле, что в Нью-Йорке у него был роман с русской эмигранткой Элли Джонс и теперь она ждет от него ребенка. Брик ответила: «Знаешь, Володя, пока тебя не было, я решила, что наши отношения пора прервать». В эту ночь Маяковский написал Элли: он окончательно убедился, что никого, кроме Лили, не любил и никогда полюбить не сможет. Что касается ребенка, то он, конечно, примет на себя все расходы…

1927 г. У Маяковского устанавливаются серьезные отношения с Натальей Брюханенко. В Ялту, где отдыхала влюбленная пара, немедленно полетело отчаянное Лилино письмо: «Ужасно крепко тебя люблю. Пожалуйста, не женись всерьез, а то меня ВСЕ уверяют, что ты страшно влюблен и обязательно женишься!» И Владимир снова возвращается к Лиле.

1928 г. Маяковский едет в Ниццу, чтобы встретиться с Элли Джонс и в первый и последний раз увидеть свою дочь. В Париже, куда поэт приехал из Ниццы, он познакомился с эмигранткой Татьяной Яковлевой, моделью Дома Шанель, и влюбился в нее сразу и всерьез, как когда-то в Лилю. Вернувшись в Москву, он рвался назад, в Париж, слал телеграммы: «По тебе регулярно тоскую, а в последние дни даже не регулярно, а еще чаще»; «Тоскую по тебе совсем небывало». Лиля тоже не находила себе места, но от ревности – раньше Маяковский так писал только ей. Поэт пишет стихотворение «Письмо товарищу Кострову о сущности любви» и посвящает его Яковлевой. Для Лили это означало измену.

Она сделала все, чтобы разрушить отношения Владимира и Татьяны. Однажды якобы случайно прочла в присутствии Маяковского письмо своей сестры Эльзы, жившей в Париже, о том, что Яковлева якобы помолвлена с неким виконтом дю Плесси. Поэт в бешенстве выбежал из квартиры. У него оставалась последняя возможность все исправить – съездить во Францию и лично увидеться с Яковлевой, но разрешения на поездку он не получил…

Брик ревновала Маяковского (или его славу?) к другим женщинам. Татьяна Яковлева хранила письма поэта до самой смерти, а ее письма не сохранились. Став наследницей архива покойного поэта, Лиля Юрьевна уничтожила всю переписку Маяковского с другими женщинами.

1929 г. Постепенно менялось отношение властей к еще недавно обласканному Маяковскому. В Ленинграде с треском провалилась постановка написанной им пьесы «Баня», его итоговую выставку «20 лет работы» не посетило ни одно официальное лицо, хотя были приглашены все, включая Сталина. Маяковский крайне тяжело переживал опалу.

Лиля, чтобы отвлечь поэта от мрачных мыслей и воспоминаний о Татьяне Яковлевой, познакомила его с актрисой МХАТа Вероникой Полонской, женой известного актера Михаила Яншина. Маяковский по-мальчишески влюбился в нее. Когда Вероника с беспокойством спросила у возлюбленного, что скажет Лиля Юрьевна, если узнает об их связи, то услышала в ответ, что она отреагирует примерно так: «Живешь с Норочкой? Ну что ж,

одобряю».

1930 г. Весной 1930 г. Лиля с Осипом уехали в заграничную поездку. Стоило Лиле уехать, как Маяковский стал требовать, чтобы Нора оставила сцену, бросила Яншина и вышла за него замуж. Говорил, что ему невыносимо тяжело жить одному, что ему страшно.

13 апреля поэт встретился с Вероникой Полонской у известного писателя Валентина Катаева. Полонская вспоминала, что он был груб, ревновал, угрожал раскрыть характер их отношений. Скандал казался неизбежным. Ночью они расстались, и Вероника отправилась домой.

Продолжение объяснения состоялось в комнате на Лубянке утром 14 апреля. Владимир требовал, чтобы Вероника немедленно ушла из театра и осталась у него. Видя его состояние, она пообещала после спектакля объясниться с мужем и переселиться к поэту в Лубянский проезд. Маяковского это не устраивало – он требовал немедленного решения, но потом вроде бы согласился с доводами Полонской. Как только она вышла из квартиры, раздался выстрел…

Владимир Маяковский выстрелил себе в сердце.

15 апреля 1930 г. в газетах появилось сообщение: «Вчера, 14 апреля, в 10 часов 15 минут утра в своем рабочем кабинете (Лубянский проезд, 3) покончил жизнь самоубийством поэт Владимир Маяковский. Как сообщил нашему сотруднику следователь тов. Сырцов, предварительные данные следствия указывают, что самоубийство вызвано причинами чисто личного порядка, не имеющими ничего общего с общественной и литературной деятельностью поэта. Самоубийству предшествовала длительная болезнь, после которой поэт еще не совсем поправился».

Позже имя Вероники Полонской, названной поэтом в посмертной записке членом своей семьи, как-то затерялось в истории, так же как и имена остальных женщин, которых любил поэт. Кроме Лили Брик, разумеется. А она всю свою долгую жизнь проклинала ту поездку, повторяя, что если бы она была рядом, Маяковский остался бы жив. Она не сомневалась, что это было самоубийство.

* * *

А через десятки лет появились разоблачительные публикации, которые утверждают, что никакого самоубийства не было, а был заговор и покушение на жизнь Владимира

Маяковского. Наибольшее хождение получила, разумеется, «чекистская» версия, согласно которой поэт был убит агентами ОГПУ, – это вообще наиболее популярное объяснение странных событий 1920–1950-х годов.

Другой вариант объяснения самоубийства поэта гласит: «Ищите женщину!» И надо признать, что в случае Владимира Маяковского этот вариант позволяет понять очень многое, хотя его, конечно же, нельзя считать исчерпывающим.

Есть и третий: Маяковский продал душу «дьяволу советской власти», став певцом революции за блага, которые она ему дала: возникла красивая версия об осознании поэтом своей вины. Сначала он продал свой дар «силам зла», а потом пробудился и раскаялся. Так считала, например, Марина Цветаева, безответно влюбившаяся в него после их первой и единственной встречи.

Есть и четвертый вариант. Григорий Чхартишвили в своей книге «Писатель и самоубийство» пишет: «…очевидной, большой причины не было вовсе, зато мелких называют целый ворох: холодок в отношениях с властью, запрет на поездку в Париж… провал юбилейной выставки, пробоина в «любовной лодке»… Вряд ли какая-то из этих мотиваций могла побудить «агитатора, горлана, главаря» выстрелить из револьвера в собственное сердце…

Мысль о самоубийстве была хронической болезнью Маяковского, и, как каждая хроническая болезнь, она обострялась при неблагоприятных условиях… В молодости, по собственным словам, он дважды играл в «русскую рулетку». Есть основания предполагать, что 14 апреля 1930 г. поэт решил попробовать в третий раз…

Оснований для гипотезы об «игре в самоубийство» немного, но все же они имеются. Первое… – два предыдущих сеанса «русской рулетки». Второе – странный, не соответствующий масштабу личности тон предсмертной записки: ненужные, суетливые детали… Такое ощущение, что это не предсмертная записка, а соблюдение некоей формальности человеком, который вообще-то в скорую смерть не верит. Ну и, разумеется, третье: в барабане револьвера был всего один патрон…».

Но как бы то ни было, Владимир Владимирович Маяковский – выдающийся русский советский поэт и художник, новатор в области поэзии и искусства плаката, создатель нового поэтического языка – ушел из жизни в роковом для искусства возрасте 37 лет.

МИСИМА ЮКИО [25]

(Настоящее имя – Кимитакэ Хираока)

(род. в 1925 г. – ум. в 1970 г.)

«Вот все, что мы знаем о нем, – и вряд ли когда-либо узнаем больше: смерть всегда была единственной его мечтой. Смерть представала перед ним, прикрывая свой лик многообразными масками. И он срывал их одну за другой – срывал и примерял на себя».

Юкио Мисима, «Дом Киоко»

Красота для японца значит совсем не то же самое, что для европейца; она является гораздо более объемным понятием, несущим в себе больше смысловой нагрузки. Это отмечают и сами жители Страны восходящего солнца, и представители во многом отличной и, быть может, даже чуждой ей европейской культуры. Именно это имел в виду Рабиндранат Тагор, говоря: «Япония дала жизнь совершенной по форме культуре и развила в людях такое свойство зрения, при котором правду видят в красоте, а красоту в

правде». Об этом же на церемонии вручения Нобелевской премии в 1968 г. говорил Ясунари Кавабата, отмечая главную особенность японской национальной культуры – умение открывать красоту как важнейшую ценность.

Неудивительно, что в Японии, стране с особым мироощущением, где красоту находят там, где ее и не придет в голову искать в вещах обыденных, лишенных малейшего налета поэзии, а иногда и попросту отвратительных (с точки зрения европейца, разумеется) – появился Юкио Мисима, которого Кавабата называл лучшим японским писателем второй половины XX века. Мисима очень рано понял, что единственная нетленная ценность – Красота (в этом смысле на писателя огромное влияние оказало творчество Ф. М. Достоевского с его рассуждениями о природе и значении красоты). Но его занимала не хрупкая материальная красота, а та, что живет в умах людей после того, как сам источник Прекрасного умирает, ведь вечно прекрасным Храм становится лишь благодаря Герострату.

Мисима оборвал свой жизненный путь, едва преодолев рубеж в сорок пять лет, да по-другому и быть не могло – он всю жизнь был заворожен идеей ухода. Смерть как единственный способ сохранения истинной красоты манила его: даже иероглифы, составляющие его псевдоним, звучат как «Зачарованный Смертью – Дьявол».

Славу Юкио Мисиме принес не только литературный талант, но и необычный и даже скандальный образ жизни. Он дирижировал симфоническим оркестром, занимался кэндо[26], каратэ и тяжелой атлетикой, летал на боевом самолете, семь раз совершил кругосветное путешествие и выпустил несколько фотографических альбомов. В последние годы жизни Мисима фанатично увлекся идеей монархизма и самурайскими традициями, создал и содержал на собственные средства военизированную организацию националистического толка «Общество щита». Ироничные журналисты сразу же присвоили ей наименование «игрушечная армия капитана Мисимы»; после смерти писателя «Общество щита», члены которого оказались статистами в разыгранном Мисимой действе самоубийства, сразу же распалось.

Но как бы то ни было, Мисима в первую очередь был писателем, он творил изо дня в день на протяжении тридцати лет из отпущенных ему сорока пяти. Будучи невероятно работоспособным, он оставил после себя огромное наследие – 40 романов (пятнадцать из которых были экранизированы еще при жизни писателя), 18 пьес, сотни рассказов, новелл и публицистических эссе. Среди наиболее известных произведений

писателя романы «Исповедь маски» (1949), «Шум прибоя» (1954), «Золотой Храм» (1956), «Дом Киоко» (1959), тетралогия «Море изобилия» (1966–1970). У нас, правда, они появились лишь почти четверть века спустя после смерти автора – в советское время писателя именовали не иначе как «самурайствующим фашистом», «идеологом ультраправых кругов», который «выступал за возрождение верноподданнических традиций, проповедовал фашистские идеи», а его самоубийство – «…продуктом политики милитаризации, проводимой американо-японской реакцией…». Стоит ли после этого удивляться, что произведения писателя, трижды выдвигавшегося на Нобелевскую премию по литературе, начали переводить на русский язык только сейчас?

Мисима прославился и как драматург, режиссер и актер театра и кино, его пьесы вот уже многие годы идут на всех континентах мира. Разумеется, в отечественных театрах они появились лишь в последние годы – да и невозможны были в советское время спектакли с вызывающими названиями вроде «Маркиза де Сад» и «Мой друг Гитлер». Театр Мисимы – это сочетание классической формы с неожиданным, зачастую шокирующим содержанием. В его пьесах всегда силен элемент эпатажа, провокации – и в самом их замысле, и в подборе персонажей, а особенно в обилии парадоксальных, дерзких и даже кощунственных высказываний. Виртуозное владение всеми жанрами старинной японской драмы дало Мисиме возможность вдохнуть новую жизнь в традиционные формы японского театра но, кабуки и дзерури[27].

Сам писатель говорил, что романы – его жены, а пьесы – любовницы, и каждый год ему необходима новая. Начиная с 1953 г., Мисима каждый год писал по большой пьесе. Для этого он снимал номер в отеле, в котором уединялся на три дня, – и пьеса была готова к постановке. Мисима всегда начинал с последней реплики последнего акта, а затем быстро и почти без исправлений записывал весь текст, который очень быстро приобретал скандальную известность.

Он был крупнейшим и самым талантливым драматургом в истории современного японского театра. И не только театра – мало найдется драматургов и режиссеров, которые так детально, действие за действием, продумают, поставят и сыграют свою жизнь. Мисима построил свою жизнь по законам собственных пьес: сочинил последнюю реплику, впечатляющий и дерзкий финал – коллективное самоубийство, а потом подчинил ему все свои поступки.

Вильям Шекспир говорил: «Вся жизнь – театр, и люди в нем актеры», но, пожалуй, не найдется второго писателя, который бы

воспринял эти слова настолько буквально. «…Все говорят, что жизнь – сцена. Но для большинства людей это не становится навязчивой идеей, а если и становится, то не в таком раннем возрасте, как у меня. Когда кончилось мое детство, я уже был твердо убежден в непреложности этой истины и намеревался сыграть отведенную мне роль, ни за что не обнаруживая своей настоящей сути», – произносит Мисима устами персонажа романа «Исповедь маски».

Главной – и чуть ли не единственной – темой, по-настоящему волнующей Мисиму, было тождество Красоты и Смерти. Именно этому посвящены все романы и рассказы Юкио Мисимы (за исключением романа «Шум прибоя» – светлой романтической истории о первой любви юноши-рыбака и девушки-ныряльщицы; да и тот, по собственному признанию Мисимы, был лишь насмешкой, автор хотел разыграть читателей). В общем, получается, что единственное, к чему он по-настоящему стремился всю жизнь, – это смерть, причем красивая смерть.

Предсмертная записка Мисимы гласила: «Жизнь человеческая ограничена, но я хотел бы жить вечно». Вечная жизнь дорогого стоит, но Мисиме в его 45 лет было чем платить за право стать легендой, у него была слава, бурное прошлое, богатство, совершенное тело, семья, ученики. Писатель, превозносивший добровольный уход из жизни, не мог умереть естественным образом. Это было бы нелепо и смешно, а для истинного японца, который к тому же объявил себя поборником самурайского кодекса чести, нет ничего более унизительного, чем дать своими действиями повод для насмешек.

Родился Кимитакэ Хираока (настоящее имя Юкио Мисимы) в 1925 г. в семье государственного чиновника. Кимитакэ был странным ребенком, да это и неудивительно – он рос в совершенно ненормальных условиях. Семи недель от роду его забрала к себе тяжелобольная бабушка, властная и истеричная женщина. До двенадцати лет мальчик жил с ней в одной комнате, оторванный от сверстников (ему запрещалось гулять и играть). Он почти не видел родителей, младших брата и сестру. В общем, Юкио рос очень скрытным, очень молчаливым, погруженным в собственные фантазии мальчиком.

Фантазии у него были довольно странными для ребенка (если, конечно, забыть о том, в каких условиях он рос). В них постоянно фигурировали кровь и смерть, прекрасных принцев рвали на куски свирепые драконы: «…Огромное наслаждение доставляло мне воображать, будто я погибаю в сражении или становлюсь жертвой убийц. И в то же время я панически боялся смерти. Бывало, доведу горничную до слез своими капризами, а

на следующее утро смотрю – она как ни в чем не бывало подает мне с улыбкой чай. Я видел в этой улыбке скрытую угрозу, дьявольскую гримасу уверенности в победе надо мной. И я убеждал себя, что горничная из мести замыслила меня отравить. Волны ужаса раздували мне грудь. Я не сомневался, что в чае отрава, и ни за что на свете не притронулся бы к нему…»

В шесть лет по протекции своего деда, бывшего губернатора Южного Сахалина, он поступает в привилегированную школу Гакусюин, где учатся дети из знатных семей, в том числе из императорской. Через тринадцать лет заканчивает ее первым учеником своего выпуска. В 1944 г. его, отличника, вместе с другими приглашают в императорский дворец, и император Японии Хирохито вручает ему часы.

Писать Мисима начинает еще в школе. К шестнадцати годам (именно в этом возрасте он берет псевдоним) из-под его пера выходит повесть «Цветущий лес». Написанная накануне вступления Японии во Вторую мировую войну, она впервые раскрывает внутренний мир автора, для которого Красота и Смерть являются понятиями доминирующими, определяющими саму жизнь и во многом равнозначными. До крайности милитаризованная страна и ощущение неотвратимости наступающей войны играют свою роль, усиливая чувство Прекрасного на фоне угрозы разрушения. Впрочем, в душе Мисимы они отнюдь не являются контрастными.

Война усугубляет ощущение надвигающегося конца света. Позднее Мисима напишет: «Нарциссизм, свойственный возрасту, что отделяет юношу от мужчины, способен впитывать любые внешние обстоятельства. Даже крушение Вселенной. В двадцать лет я мог вообразить себя кем угодно. Гением, обреченным на раннюю гибель. Последним восприемником традиционной японской культуры. Декадентом из декадентов, императором декадентского века. Даже летчиком-камикадзе!»

В сорок пятом, когда стало ясно, что императорская Япония обречена, двадцатилетний Мисима, продолжая грезить о смерти, тем не менее уклоняется от реальной возможности умереть – под предлогом слабого здоровья избегает призыва в армию. Потом еще не раз умозрительное влечение к смерти будет отступать при возникновении не воображаемой, а реальной угрозы, только к 60-м годам жажда саморазрушения станет неодолимой. В 1948 г. Мисима писал: «Мне отчаянно хочется кого-нибудь убить, я жажду увидеть алую кровь. Иной пишет о любви, потому что не имеет успеха у женщин, я же пишу романы, чтобы не заработать смертного приговора».

Настоящую популярность писателю приносит роман

«Исповедь маски» (1949), написанный в традиционном для Японии биографическом жанре. В нем 24-летний автор препарирует собственные чувства и юношеские переживания, предлагая читателю заглянуть в свой внутренний мир. Книга действительно становится исповедью, в которой Мисима признается в собственной гомосексуальности и в садистской предрасположенности. Это произведение становится финальным аккордом в его разрыве с семьей – перед началом работы над романом Мисима, выпускник престижного Токийского университета, увольняется из министерства финансов, где работал юристом. Вместо карьеры государственного чиновника он выбирает зыбкую дорогу писательства, ведущую к славе, и не ошибается.

Вслед за «Исповедью маски» он пишет роман «Жажда любви» (1951), позднее включенный ЮНЕСКО в список коллекции шедевров японской литературы. После публикации этой книги за Мисимой прочно закрепляется репутация мастера психологической прозы.

Пятидесятые годы стали для писателя периодом метаний, попыток уйти в литературу, театр, спорт. В 1952 г., совершая первое кругосветное путешествие, он попадает в Грецию, которая производит настоящий переворот в его душе. В мраморных статуях античных богов и атлетов Мисима открывает ранее казавшееся ему немыслимым «бессмертие красоты». Он начинает понимать красоту физического и духовного здоровья, возможность гармонии души и тела: «Греция излечила меня от ненависти к самому себе, от одиночества и пробудила во мне жажду здоровья», – вспоминал Мисима.

Результатом поездки стал роман «Шум прибоя» (1954), на который писателя вдохновила история Дафниса и Хлои. Это произведение о любви лишено и тени извращенности, никогда – ни прежде, ни после – Мисима не писал так просто и поэтично о человеческом чувстве. Он попытался примерить маску жизнелюбия и оптимизма: «Мои мысли о смерти заросли плющом, словно старый замок, в котором никто больше не живет». Однако этот роман и это время стали лишь проблеском в мрачной картине мира Юкио Мисимы.

Душевные переживания писателя вылились в роман «Золотой Храм» (1956), который стал его эстетическим манифестом. Мисима обосновывает необходимость уничтожения красоты для ее сохранения на века. Слова дзэн-буддистской молитвы, неотвязно сопровождающей мысли и поступки героя романа, отражают жизненное кредо самого писателя: «Встретишь Будду – убей Будду, встретишь патриарха – убей патриарха, встретишь

святого – убей святого, встретишь отца и мать – убей отца и мать, встретишь родича – убей и родича. Лишь так достигнешь ты просветления и избавления от бренности бытия».

«Золотой Храм» основан на реальном факте сожжения древнего храма Кинкакудзи послушником буддийского монастыря. Мисима представляет свою версию произошедшего: автор последовательно описывает все движения души поджигателя, приводящие его к выводу, что только гибель прекрасного Храма может сделать его еще прекрасней, ибо он тленен, в отличие от хранимого в душе образа. Красота и смерть – едины, и единственный истинный храм – это смерть. Писатель воспевает смерть столь упоенно, что становится очевидно – эйфория после путешествия в Грецию прошла, он снова вернулся к теме смерти и разрушения. Теперь возврат был окончательным.

Мисима примеряет очередную маску – на этот раз маску отрицания. В 1959 г. выходит роман «Дом Киоко», который писатель назвал своим исследованием нигилизма: «Персонажи мечутся, повинуясь зову своих склонностей, профессий и сексуальных влечений, но в конце концов все дороги, сколь бы извилисты они ни были, приводят к нигилизму». «Дом Киоко» в чем-то перекликается с новеллой «Смерть в середине лета», где Мисима с отстраненностью патологоанатома исследует душу матери, одновременно потерявшей двух сыновей, ее путь от первого шока к полному успокоению.

Девять лет спустя появляется рассказ «Патриотизм» – прямая противоположность предыдущим произведениям автора по эмоциональности, искреннему сопереживанию героям, силе чувств. Рассказ повествует о мятеже монархически настроенных офицеров, который был жестоко подавлен в 1936 г. В новелле, в частности, описывается самоубийство супружеской четы, мотивированное патриотическими чувствами и преклонением перед императором. Весьма подробно и детально описан процесс совершения харакири. Сам Мисима считал, что «Патриотизм» – это рассказ о счастье, ибо мучительная смерть молодого красивого тела и была для него высшим проявлением счастья.

Неизвестно, когда именно Мисима продумал финал собственной жизни, но, похоже, «Патриотизм» стал первым шагом на его пути к собственной смерти. Почему Мисима, который так любил рассуждать о смерти, но избегал ее в реальности, все-таки решился встретиться с ней? Он был писателем в зените славы, известным актером и режиссером – что ждало его дальше? Лишь постепенное угасание славы – читатели и критики привыкли бы к нему, к его экстравагантным выходкам, появились бы подражатели, тиражи книг приносили бы стабильный доход, был

бы написан еще десяток-другой романов. В общем, жизнь вошла бы в тихое русло, появилась бы рутина, и он стал бы одним из многих в ряду японских писателей XX века (ну, может, чуть более известным).

А Мисима жаждал бессмертия, достичь которого можно было лишь умерев. Причем смерть должна быть достаточно эффектной и эстетичной (он не мог позволить себе некрасивой смерти – величайшего события в жизни любого человека). Самой красивой смертью, разумеется, было сочтено самоубийство – последняя реплика в жизненном спектакле Юкио Мисимы стала ясна. Осталось лишь добавить недостающие части пьесы.

Во-первых, нужно было выбрать красивый способ самоубийства (такого рода склонность к прекрасному вообще характерна для японских литераторов). Во-вторых, требовалось расстаться с жизнью так, чтобы не возникало желания сравнивать смерть Мисимы с уходом других японских писателей. А это была задача не из простых, ибо множество способов самоубийства были уже «заняты». Так, отравившись, Мисима попал бы в тень Акутагавы (1927), Хаттори Тацу (1956) и Кано Асихэя (1960); утопившись – Номуры Вайхана (1921), Икуты Сюнгэцу (1930), Дадазая Осамы (1948); повесившись – Арисимы Такэо (1923), Макино Синъити (1936), Като Митно (1953), Кубо Сакаэ (1958); вскрыв вены – Танаки Хидэмицу (1949); перерезав горло – Каваками Бидзана (1908 г.); бросившись под поезд – Хара Тамики (1951) и Кусаки Ёко (1952); застрелившись – Хасуды Дзэммэя (1945).

В общем-то, оставался только один красивый и «не занятый» способ – харакири, однако во второй половине XX века он выглядел анахронизмом. Могли счесть сумасшедшим, а то и высмеять, а войти в вечность как объект насмешек Мисима не мог, обстоятельства ухода должны были быть достаточно трагичными. Смерть должна была сохранить, законсервировать красоту, но не смех. Харакири, средневековый способ самоубийства, как нельзя лучше подходило для целей Мисимы, сочетая в себе и кровь, и невыносимые страдания. А поскольку харакири считалось привилегией самурайского сословия, то для того чтобы прибегнуть к нему во второй половине двадцатого столетия, требовалось стать крайним, фанатичным националистом.

Мисима, убежденный западник, светский лев и нигилист, меняет убеждения и становится ревнителем национальных традиций, исступленным поборником самурайских обычаев и ярым монархистом, создает и возглавляет студенческую военизированную организацию «Общество меча», которой

отводилась важная роль в обеспечении достаточной эффектности сцены прощания писателя с жизнью, ибо задуманный финал предполагал внушительную массовку. Мисима внезапно воспылал любовью к японским Силам самообороны, завел себе влиятельных друзей в армейской верхушке и среди лидеров самого консервативного крыла правящей партии.

Итак, основной ход финального действа был определен, роли розданы, оставалось создать нужные декорации, подготовить грим и костюмы. Вспарывать мечом хилое, жалкое тело, доставшееся Мисиме от природы, было бы надругательством над эстетикой смерти (вот описание внешности Мисимы того времени: «…бледен как смерть…тщедушное тело болтается в непомерно широкой одежде»). Тогда он принимает решение сделать собственное тело совершенным, «создать из себя полную свою противоположность» – как физически, так и духовно.

Начав с занятий плаванием, Мисима переходит к культуризму, кэндо, карате. Год шел за годом, и чудо свершилось: мускулы налились силой, движения стали уверенными и ловкими. Успехи Мисимы в спорте были поразительны, и он очень ими гордился. Когда в 1963 г. статью о культуризме в энциклопедии снабдили фотографией писателя, он сказал, что это «счастливейший момент его жизни». Он выпустил фотоальбом, позируя обнаженным: пусть потомки видят, какой прекрасный храм был разрушен; Мисима стал «…самым совершенным произведением Мисимы» (Дональд Кин, американский японовед).

Но все это был фасад, подготовка грядущего спектакля. Главное происходило в тиши рабочего кабинета, за письменным столом, когда писатель оставался один. «Как описать радость работы, когда она идет хорошо? – писал Мисима в своем дневнике. – Словно оседлал земной шар, зажав его между ног, и одним взмахом хлыста погнал вперед, в черную бездну. А мимо, царапая щеки, проносятся звезды…»

Собственно, все было готово к финальной сцене – оставалось лишь дописать тетралогию «Море изобилия». Последняя точка в рукописи была поставлена 25 ноября 1970 г.

В тот же день Юкио Мисима покончил жизнь самоубийством, предварив его грандиозным спектаклем. Мисима, неоднократно поражавший эксцентричными выходками японскую публику, устроил последнее в своей жизни представление.

Занавес поднялся ровно в 11.00 25 ноября 1970 г. Из машины, остановившейся во дворе столичной военной базы Итигая, вышел затянутый в опереточный мундир «Общества щита» Юкио Мисима в сопровождении четырех молодых людей, одетых так же, как он.

На боку у писателя висел старинный меч XVI века. Гостей провели в кабинет коменданта базы генерала Маситы, даже не забрав у них оружие, ибо Мисиму на базе знали и относились с большим почтением.

В 11.05 по сигналу своего предводителя его спутники привязали генерала к стулу и забаррикадировали дверь. Дверь попытались взломать, чтобы захватить налетчиков, но Мисиме, обладателю пятого дана по фехтованию, не составило труда отбить два неуверенных вторжения растерянных штабных офицеров, ранив несколько человек.

В 11.30 Мисима потребовал, чтобы во дворе собрали весь гарнизон, так как он хочет говорить речь. Требование террористов собрать во дворе солдат гарнизона было принято. В 12.00 Мисима вышел на балкон, взобрался на парапет и начал произносить заранее подготовленную речь, но его почти не было слышно: над базой уже пятнадцать минут висели полицейские вертолеты; взбудораженные солдаты кричали и шумели – не могли уразуметь, зачем знаменитый писатель захватил их командира.

«Самураи вы или нет?! Мужчины или нет?! Ведь вы воины! Зачем же вы защищаете конституцию, которая запрещает существование армии?» – надсаживал голос Мисима. Но солдаты не желали слушать выспренные речи полоумного писателя. «Идиот!», «Слезай оттуда!», «Отпусти командира!», «Пристрелите его!» – кричали они.

Через пять минут, так и не закончив речи, Мисима вернулся в комнату, расстегнул мундир, надетый на голое тело, приспустил брюки, снял с руки часы и сел на красный ковер. Один из студентов протянул ему бумагу и кисточку – Мисима собирался написать своей кровью прощальное стихотворение, как того требовал самурайский обычай. Однако он не стал писать его. Взяв в руки кинжал и трижды прокричав «Да здравствует император!», он вонзил клинок в левую нижнюю часть живота. Закончив длинный горизонтальный разрез, он рухнул лицом на ковер. Теперь, согласно ритуалу, секундант должен был прекратить муки самоубийцы, отрубив ему голову мечом. Один из спутников Мисимы, Морита, которому через минуту тоже предстояло умереть, трижды опускал клинок на еще живое тело, но попасть по шее так и не сумел. Другой студент отобрал у него меч и закончил дело: голова покатилась по полу… Он же потом отрубил и голову Мориты, и он последовал вслед за учителем, подобно тому как в новелле «Патриотизм» за поручиком последовала его верная жена… Только после этого полиции удалось ворваться в кабинет…

Вообще говоря, это было не харакири, а сэппуку. Термин «харакири», привычный для европейцев, у японцев имеет ироническую окраску и употребляется в отношении самурая, неудачно распоровшего живот. Истинный социальный смысл этого действия определяется как демонстрация беспредельной верности вассала господину. В данном случае сюзереном для Мисимы был император, во имя которого он решил умереть (хотя он лично видел Сына Неба всего однажды – в сентябре 1944 г., когда Кимитакэ Хираока с отличием окончил школу и был приглашен в императорский дворец).

Разумеется, смерть Юкио Мисимы породила поток версий и домыслов относительно истинных причин этого поступка. Самоубийство Мориты вкупе с отчетливыми гомосексуальными мотивами «Исповеди маски» дало повод рассматривать происшедшее как «синдзю» – одновременную гибель влюбленных, издавна окутанную в Японии романтическим ореолом. Эту версию особенно охотно подхватила пресса, но люди, хорошо знавшие Мисиму в зрелом возрасте, не считают ее правдоподобной.

Что касается политической подоплеки самоубийства писателя, то как общественную акцию его расценили лишь ультраправые, нуждавшиеся в героическом символе для привлечения в свои ряды молодежи. Националисты, которые при жизни Мисимы относились к нему с подозрением и даже враждебностью, тут же объявили писателя носителем «истинно самурайского духа» и стали ежегодно отмечать годовщину его смерти. В серьезных же исследованиях политическая мотивировка самоубийства писателя либо отметается начисто, либо ей отводится роль второстепенная: к такому выводу приходит всякий, кто хотя бы поверхностно изучил его биографию и творчество.

Многие сочли, что Мисима был болен психически и совершил самоубийство в невменяемом состоянии. Когда премьер-министра Японии Сато спросили, как он расценивает поступок писателя, тот пожал плечами: «Да он просто свихнулся». Наверное, и в самом деле трудно говорить о душевном здоровье Мисимы, однако к роковому шагу его подтолкнула не вспышка безумия. Вся жизнь писателя, отраженная в его произведениях, была, по сути, подготовкой к кровавому финалу. Исчерпывающий ответ на вопрос потрясенных современников «почему?» дан на страницах написанных им книг.

Мисима пробовал жизнь на вкус во всех ее проявлениях. Принимаясь за какое-нибудь занятие, он увлекался им настолько, что порой достигал в нем вершин, но этого, к сожалению, не

хватало для того, чтобы забыть обо всем на свете. Непереборимая тяга к Смерти не отпускала писателя, и, может быть, только благодаря ей он и стал тем, кем мы его знаем.

Сегодня Мисима может поспорить за звание известнейшего японского писателя с Акутагавой Рюноскэ, Кобэ Абэ, Ясунари Кавабатой и Кэндзабуро Оэ. Вот только стремился ли к этому сам писатель? Он ведь просто «играл отведенную ему роль, не обнаруживая своей настоящей сути», а многочисленные перевоплощения были всего лишь масками, из-под которых он исповедовался в книгах. Но занавес опущен, а свет погашен, и все, что нам остается, это восхищаться завораживающей игрой актера, блестяще сыгравшего свою трагическую роль: актера, носившего имя Юкио Мисима – Зачарованный Смертью…

МОНРО МЭРИЛИН

(Настоящее имя – Норма Джин Бейкер-Мортенсон)

(род. в 1926 г. – ум. в 1962 г.)

«П р и н ц е с с а: …Вам сказали, что я сегодня умру?

Х о з я й к а: Ох!

П р и н ц е с с а: Да, да, это гораздо страшнее, чем я думала. Смерть-то, оказывается, груба. Да еще и грязна. Она приходит с целым мешком отвратительных инструментов, похожих на докторские. Там у нее лежат необточенные серые молотки для ударов, ржавые крюки для разрыва сердца и еще более безобразные приспособления, о которых не хочется говорить».

Евгений Шварц, «Обыкновенное чудо»

В Голливуде были актрисы красивее и талантливее Мэрилин Монро – фантастические Бэт Дэвис и Вивьен Ли, интеллектуальная Ингрид Бергман, роковые красавицы Марлен Дитрих и Элизабет Тейлор, бессмертная Грета Гарбо,

несравненные Одри и Кэтрин Хепберн, изумительной красоты женщина Ким Новак… Однако именно Мэрилин Монро прочно ассоциируется у зрителей всего мира с Голливудом и американской мечтой. Но если ей было предначертано стать символом и душой американского кино, то почему же ее ждала такая страшная судьба?

Мэрилин Монро, урожденная Норма Джин Бейкер-Мортенсон, скончалась 5 августа 1962 г., в возрасте 36 лет от смертельной дозы снотворного. Ее уход до сих пор остается одной из наиболее загадочных смертей XX века, относительно которой существует несколько версий, ни одна из которых не имеет неопровержимых подтверждений. Самыми правдоподобными являются четыре: 1) убийство по заказу Кеннеди; 2) убийство, совершенное мафией; 3) несчастный случай; 4) самоубийство.

Официальной версией смерти кинозвезды стало самоубийство: пребывая в жесточайшей депрессии, Мэрилин сознательно приняла сверхдозу снотворного. Но чем была вызвана депрессия? Какие обстоятельства привели к трагическому исходу? Обсуждать эти вопросы можно бесконечно, но, если не касаться особенностей ее личности, уходящих корнями в глубокое детство, то главной причиной станет «Фабрика грез» – Голливуд, про который недаром говорят, что он убивает своих актеров. До и после Мэрилин при трагических обстоятельствах ярчайшие звезды погибали молодыми: Джин Харлоу (умерла в 26 лет со словами: «Я не хочу жить, оставьте меня в покое!»), Рита Хейворт (сошла с ума и беспрерывно выла), Грейс Келли (погибла в автокатастрофе), Натали Вуд (утонула возле своей яхты), Джуди Гарланд (покончила с собой) и многие другие. Мэрилин стала еще одной жертвой этой ярмарки тщеславия, на которой ей пришлось заплатить за свой «звездный» статус слишком высокую цену.

Ее не признавали киномагнаты, коллеги по цеху относились, мягко говоря, снисходительно, а руководители студий попросту травили. Пожалуй, они никогда бы не снимали Мэрилин, если бы не письма зрителей, приходившие в таком количестве, которое не могло бы обработать ни одно почтовое отделение. Но, несмотря на толпы поклонников, она была очень одинока и подвержена депрессиям.

Причин уйти из жизни у Мэрилин было более чем достаточно, особенно если учесть, что все напасти свалились на нее одновременно. Во-первых, она боялась сойти с ума, как когда-то ее мать, и, судя по всему, небеспочвенно – во всяком случае, в 1958 г. психиатр находит у Мэрилин признаки шизофрении. Во-вторых, на протяжении жизни актриса несколько раз пыталась

покончить с собой. В-третьих, в 1962 г. вышла снятая независимой студией драма «Неприкаянные», в которой Монро вышла за уготованные ей Голливудом рамки в меру глупенькой и безмерно сексуальной блондинки. Фильм получил негативные отзывы критиков, зрители его не приняли, и у Мэрилин произошел нервный срыв, который также мог стать причиной для самоубийства. Наконец, она пережила очередное предательство близких людей – сначала Джона, а потом Роберта Кеннеди.

Глядя на смеющиеся и лучащиеся весельем фотографии Мэрилин Монро, трудно даже представить, насколько тяжела и безрадостна была ее жизнь, особенно в последние годы. Девушка с обложки, воплощение американской мечты, неподражаемая – вот немногие из эпитетов, которыми до сих пор награждают ее журналисты. Вещи Мэрилин уходят с аукциона за баснословные деньги, а при жизни с ней не хотела иметь дела ни одна студия. Ее состояние ежегодно увеличивается, хотя в начале своего пути Мэрилин (тогда еще Норма Джин) голодала. По большому счету, она добилась всего, чего хотела от жизни – правда, уже после смерти.

Жизнь Мэрилин Монро принято называть сказкой о Золушке, поскольку детство ее было связано с сумасшедшей матерью и детскими домами, юность – с работой на авиационном заводе, а молодость – со славой, которой не было границ. Она больше всего на свете хотела стать великой кинозвездой. Мэрилин была готова на все что угодно, лишь бы добиться своей цели. Она так нуждалась в тепле, которого была лишена в детстве, что ей нужно было признание миллионов зрителей для подтверждения собственной значимости. Ее целью была не слава, а любовь, стабильность, спокойное, безопасное и обеспеченное существование, которых она так и не получила.

Все, кто знал Мэрилин, говорили о том, как повлияло на нее отсутствие любви к маленькой Норме Джин. Позднее, когда Мэрилин Монро стала звездой, сквозь ее ослепительную маску проступила унизительная неуверенность в себе. На съемочных площадках, при работающей камере возник ее знаменитый «страх сцены» – причина производственных задержек практически во всех фильмах, где она снималась (Мэрилин могла часами сидеть в гримерной, боясь выйти на съемочную площадку, чем приводила в ярость продюсеров).

Она ушла из школы в десятом классе, ее образование продолжалось на голливудских улицах, и всю жизнь Мэрилин страдала от невозможности восполнить недостаток культуры. В то же время ее библиотеке мог позавидовать самый рафинированный интеллектуал.

Отличительной чертой личности Мэрилин Монро была двойственность, выражающаяся в импульсивной неуравновешенности и частой смене настроений. Она могла быть необязательной и нетактичной, могла пообещать и тут же забыть о своем обещании. И она же бывала предупредительной и расточительной ради удовольствия видеть радостные и благодарные лица вокруг себя. В то же время свою жизненную программу Мэрилин реализовывала с умом и хитростью, умело используя момент, втираясь в доверие, используя связи и покровительство. Такое впечатление, что в актрисе уживалось два совершенно разных человека – да, собственно так и было. Эти люди – Норма Джин и Мэрилин.

Норма Джин, неуверенная и чувствовавшая себя повсюду чужой девушка, стала звездой экрана, публичным божеством, всемирной богиней. С необыкновенным упорством стремилась Мэрилин Монро к недостижимой цели, которую поставила перед собой. Одной красотой, или обаянием, или сексапильностью, или тем, что для продвижения к цели она пользовалась собственным телом, нельзя объяснить ее удивительную карьеру. Основой успеха Мэрилин была железная решимость добиться славы, затушевать наследие Нормы Джин.

Норма Джин появилась на свет 1 июня 1926 г. Ее мать, Глэдис Монро Бейкер, назвала дочь в честь известной тогда актрисы Нормы Толмэдж. Отцом ребенка был записан некто Мортенсон, но Норма Джин Бейкер-Мортенсон никогда не видела его. Ходили слухи о том, что настоящим отцом девочки был известный голливудский актер. Во всяком случае, мать как-то показала дочери фотографию какого-то мужчины, похожего на Кларка Гейбла, сказав, что это и есть ее настоящий отец.

Глэдис работала на киностудии, а в свободное время развлекалась. Ей было не до дочери, и она отдала ее в семью Болендеров, где Норма пробыла до восьмилетнего возраста. Были годы Великой депрессии, и Болендеры брали детей на воспитание ради пособия, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Нельзя сказать, чтобы к девочке плохо относились, но это были чужие люди, которым она была, в общем-то, безразлична. Глэдис иногда навещала свою дочь, а когда та подросла, водила в кино, покупала мороженое.

Летом 1932 г. Глэдис вдруг решила воссоединиться с дочерью и забрать ее к себе. А в 1933 г. она впала в тяжелейшую депрессию, от которой так и не оправилась до конца жизни. Девочка оказалась предоставленной самой себе, ею никто не занимался – отца она никогда не видела, а матери снова было не до нее. Норму Джин взяла на воспитание подруга матери Грейс

Эткинсон Мак-Ки, движимая честолюбивыми планами сделать из нее звезду Голливуда.

В начале 1935 г. мать Нормы Джин помещают в психиатрическую лечебницу, а Грейс оформляет опекунство над ребенком. К несчастью, примерно в то же время Грейс завела роман с Эрвином Годдардом, который к тому моменту был разведен и имел трех дочерей. В августе 1935 г. Грейс с Эрвином поженились и взяли к себе одну из его девочек. У Годдарда не было постоянных заработков, и молодожены не могли кормить еще и Норму Джин, так что ей пришлось перебраться в приют. Там она провела почти два года, до июня 1937 г. Грейс, как когда-то мама, приезжала по субботам и водила будущую звезду Голливуда в кино, покупала ей мороженое.

В июне 1937 г. Грейс забрала девочку из приюта, но однажды ее пьяный муж попытался изнасиловать одиннадцатилетнюю Норму Джин, и она сбежала к дальним родственникам. Примерно через год ребенок переживает вторую попытку изнасилования, на этот раз со стороны двоюродного брата, которому на тот момент было 12 лет.

Норма Джин снова переезжает, на этот раз к тетке Грейс, а от нее опять к Годдардам. В начале 1942 г. Эрвина Годдарда переводят на запад, и семья готовится к отъезду. Брать с собой Норму никто не собирался, и было принято решение выдать девушку замуж за ее ухажера Джима Дагерти. Ему было 20 лет, он работал в похоронном бюро. Бракосочетание состоялось 19 июня 1942 г. Шестнадцатилетняя Норма бросила школу и переселилась к Джиму.

Через год после свадьбы он нанялся в торговый флот, а Норма Джин стала работать на авиационном заводе, но через некоторое время ушла оттуда, чтобы начать карьеру модели. Ее фотографии попали в рекламное агентство «Голубая книга». В канун Рождества 1945 г. Дагерти заявил, что она должна выбрать: сниматься для журналов или быть его женой. Оставив Норму Джин принимать решение, Дагерти ушел в море, где и получил от нее очередное послание, которое содержало все бумаги, необходимые для развода. 13 сентября 1946 г. суд штата Невада предоставил им развод. Больше они никогда не встречались.

Так кончилась семейная жизнь Нормы Джин и началась жизнь актрисы Мэрилин Монро. В 1946 г. она заключила свой первый контракт с киностудией «XX Century Fox» и стала сниматься в эпизодических ролях в мелодрамах, вестернах, комедиях. Больших работ в кино у нее в это время почти не было. Мэрилин знала одно: чтобы стать «звездой», надо много работать и учиться, и она учится, где только можно, не жалея ни времени,

ни денег, которых у нее не так уж много. Она приходила в студию каждый день, где в специальных классах ей ставили голос, учили декламации, движению, танцам и прочему.

В 1949 г. фотограф Том Келли снял знаменитый календарь «Золотые грезы» с изображениями обнаженной Мэрилин, принесший ей славу. Эта слава положила начало ее экранной популярности. Аура Мэрилин неизменно притягивала к ней людей из съемочных групп. Первый большой фильм – «Девушки из хора» – принес ей известность, и Мэрилин Монро попало в число звезд Голливуда. За четыре года актриса снялась в шестнадцати фильмах, которые не оставили заметного следа в ее жизни. Она пыталась вырваться из того образа, который ей навязали в самом начале, но продюсеры не желали ничего менять: за ней закрепился образ простодушной соблазнительной блондиночки, который приносил вполне приличный доход.

В 1950 г. Джонни Хайд – крупнейший агент Голливуда, который помог Мэрилин пробиться к вершинам славы, умер от сердечного приступа после того, как она ответила отказом на его предложение руки и сердца. После его смерти Монро попыталась свести счеты с жизнью, а через несколько дней после этого познакомилась с Артуром Миллером, драматургом и скандально известным писателем. «Он увлек меня тем, что умен. У него ум сильнее, чем у любого из мужчин, которых я когда-либо знала. Он понимает мое стремление к самосовершенствованию», – искренне говорила она о Миллере. Их следующая встреча состоялась через пять лет.

В 1953 г. Мэрилин стала кинозвездой, но ее популярность как фотомодели сослужила плохую службу: ее не считали актрисой. К тому моменту давно уже ходили слухи о романе Мэрилин Монро и звезды бейсбола Джо Ди Маджио. Они постоянно заявляли прессе, что совместных планов на будущее у них нет, но в январе 1954 г. сочетались браком. С самого начала Ди Маджио не нравилась актерская и модельная карьера Мэрилин, он был необычайно ревнив, порой дело доходило до рукоприкладства.

Вообще-то, Норма Джин всю жизнь легко приспосабливалась к окружению. Она практически полностью перенимала вкусы, привычки и мировоззрение того, с кем была близка. С ним связывались какие-то необыкновенные надежды, которые чаще всего разбивались вдребезги. Так получилось и с Ди Маджио. Может быть, она смогла бы ужиться и с ним, если бы он не покусился на самое сокровенное – ее мечту стать великой звездой. Норма Джин была податлива во всем, но Мэрилин была несгибаема в стремлении к славе кинозвезды.

В октябре 1954 г. она заявила, что они с Джо разводятся. Хотя

этот брак продержался всего 9 месяцев, Ди Маджио всю свою жизнь помогал Мэрилин и выручал ее в самых сложных ситуациях. Когда он умирал, то произнес: «Наконец-то мы будем вместе».

Как бы то ни было, их брак распался, и взоры актрисы обратились в другую сторону – к интеллектуальной элите. Со стороны это казалось смешным, ведь Мэрилин все считали пустоголовой и поверхностной, хотя это было не так. Достаточно сказать, что в число ее настольных книг входили произведения З. Фрейда, К. Станиславского, Ф. Достоевского, Л. Толстого – набор, в общем-то, нетипичный для голливудской красотки.

В 1955 г. Мэрилин Монро возобновила знакомство с Артуром Миллером, и они около года тайно встречались. В начале 1956 г. Миллер развелся со своей первой женой, и тогда же прошло слушание дела о членстве Артура Миллера в коммунистической партии, в результате которого он был сначала приговорен к годичному тюремному заключению, а потом оправдан. Мэрилин, не боясь испортить свою карьеру, поддерживала Артура во время всего процесса, и вскоре он объявил о том, что собирается жениться на ней.

Бракосочетание состоялось летом 1956 г., и их брак длился четыре с половиной года. Не раз Мэрилин называла Артура «своей жизнью». 20 января 1961 г. они развелись. Официальной причиной было «несходство характеров».

Это был странный брак: она – символ красоты и женственности, идол массовой культуры; он – человек, ведущий богемный образ жизни, мастер эпатажа, оппозиционер. Очевидно, для Миллера их брак был пьесой о сходстве противоположностей, видимо, он видел в этом какой-то интеллектуальный изыск… Ну а Мэрилин, как всегда, полностью отдалась своему новому увлечению и растворилась в муже, который относился к ней, в общем-то, с пренебрежением, позволял себе двусмысленное поведение по отношению к ней. В дальнейшем это очень повредило актрисе во время совместной работы со знаменитым актером Лоуренсом Оливье на съемках фильма «Принц и хористка» в Британии.

Мэрилин Монро уехала в Англию, когда поняла, что Америка не допустит изменения ее привычного образа. Мэрилин надоело полностью зависеть от хозяев и исполнять их распоряжения, у нее возникла творческая потребность самостоятельно определять свою жизнь, находиться не на периферии работы над фильмом, а в центре. Она вступила в иной, по сравнению с голливудским, творческий мир. С одной стороны, это означало необходимость внутренне перестроиться, отвыкнуть от чьего бы то ни было

патронажа, а с другой – долгожданный разрыв с Голливудом.

В съемках фильма «Принц и хористка» участвовало много крупных художников, аристократов Англии, которые высокомерно относились к простолюдинке Норме Джин. Ее муж Артур Миллер тоже чуть ли не публично демонстрировал пренебрежение к ней.

Режиссер фильма и партнер по роли Лоуренс Оливье никак не мог поладить с Мэрилин: она его не слушала, а он никак не мог поверить в ее дар и интуицию. Съемки проходили очень тяжело, но Миллер предпочитал ссориться не с Оливье, а с Мэрилин: для писателя было важнее сохранить добрые отношения в Британии, где его пьесы получили широкую поддержку.

Нетрудно представить душевное состояние актрисы к концу съемок: когда собственный муж интригует у нее за спиной, а Лоуренс Оливье, от которого зависит успех фильма, смеется над ней. Из-за сумасшедшей неуверенности в себе Мэрилин не осознавала, что была нужнее Оливье, чем он это пытался представить, поскольку должна была обеспечить ему мировую славу.

Премьера картины прошла с шумным успехом, и Мэрилин Монро стала первой американской актрисой, удостоенной аудиенции у английской королевы. Вернувшись в Голливуд, Мэрилин снова снималась в комедиях. Но удача отвернулась от нее. Голливуд вытеснял актрису.

Миллер стал автором сценария лучшего из ее фильмов «Неприкаянные», где она снялась с Кларком Гейблом. Мэрилин Монро впервые попробовала себя в жанре драмы. Она показала себя как многогранная глубокая актриса, способная отказаться от шаблонов и сыграть яркий реалистический образ. Опыт оказался удачным, но критика и зрители не приняли фильм. «Неприкаянные» оказались последним фильмом Монро.

Мэрилин была абсолютно одинока. Ей так и не удалось создать настоящую семью, ни один избранник не оправдал ее надежд. Детей у нее не было, хотя она всю жизнь мечтала стать мамой. И снова Норма Джин боролась с Мэрилин – желание иметь детей было несовместимо со звездной карьерой. Кроме того, состояние здоровья актрисы оставляло желать лучшего, и она не могла родить. Впрочем, однажды Монро рассказала своей подруге Эми Грин, что в 15 лет родила ребенка, которого отдали в приют. Правда это или фантазия Мэрилин – неизвестно[28].

Чтобы добиться чувства безопасности, она купила дом, как советовал психотерапевт, но это оказалось еще одной ошибкой. Врач тут же приставил к ней под видом экономки свою близкую

подругу, бывшую медсестру с жестким характером. Ее присутствие сделало жизнь актрисы кошмаром, который преследовал ее день и ночь. Она была под постоянным наблюдением, не имея свободы ни в передвижениях, ни в поступках (во всяком случае, так казалось Мэрилин). Чтобы поговорить по телефону с друзьями, она выходила на улицу и звонила из уличного автомата. Мэрилин знала, что в доме стоят «жучки», да и «экономка» была начеку каждую секунду. Фактически актриса так и не обрела прочный и постоянный дом, где она бы чувствовала себя спокойно и безопасно.

И чем дальше, тем больше требовалось душевных сил, чтобы справляться с сильнейшим внутренним напряжением, которое усиливалось с каждым днем. Она слишком легко поддавалась влиянию, и ее старались направить «куда надо», не умела различить реальность и фантазии, часто принимала желаемое за действительное, безоговорочно доверяла не тем людям. Актриса была постоянно недовольна собой, что усложняло ситуацию. Она все сильнее увлекалась транквилизаторами и снотворным. После развода с Артуром Миллером физическое состояние Монро настолько ухудшилось, что киностудия была вынуждена разорвать с ней контракт. Мэрилин снова попыталась покончить жизнь самоубийством.

В последние два года ее жизнь была перенасыщена мужским вниманием, в том числе и со стороны весьма и весьма влиятельных людей. Но она переоценила свои силы, руководствуясь нелепой романтической мечтой стать «первой леди». В результате оказалась втянутой в постельно-политическую интригу, в которой участвовали и будущий президент США Джон Кеннеди, и министр юстиции Роберт Кеннеди.

Именно они (прямо или косвенно) способствовали смерти Мэрилин Монро. У нее был продолжительный роман с Джоном, который прервался так же внезапно, как начался, а потом он «переправил» актрису Роберту, который должен был утешить Мэрилин после очередного предательства. Роберт был влюблен в нее какое-то время, у них был роман, но когда и Роберт попытался прервать отношения, у Монро случился нервный срыв. Она кричала, угрожала выступить перед прессой и рассказать всю правду о Кеннеди, демонстрировала Роберту дневник[29], в котором были записаны все их разговоры (очевидно, там содержалось немало опасного).

Можно себе представить, что он почувствовал, когда не только узнал о существовании этого дневника, но и услышал угрозу Мэрилин созвать пресс-конференцию и обнародовать его

содержание. Пресс-конференция была назначена на 6 августа 1962 г., но в ночь с 4-го на 5 августа Мэрилин Монро не стало.

Официальная версия гласит, что она покончила с собой в состоянии депрессии, вызванной тяжелыми личными обстоятельствами и нервным срывом.

После смерти актрисы кто-то перерыл весь ее дом, но дневник в кожаном переплете так и не был найден. Были ли это сотрудники спецслужб или кто-то еще, и какое они имеют отношение к смерти звезды – неизвестно. Телефонная трубка была снята. Кому звонила Мэрилин перед смертью, также остается неизвестным – с телефонной станции пропала запись об этом разговоре.

МОРОЗОВ САВВА ТИМОФЕЕВИЧ

(род. в 1862 г. – ум. в 1905 г.)

Буржуй – не меценат старого времени; он содержит и подкармливает искусство – но так, что оно живет им самим, как жук в навозе.

Кароль Ижиковский

Весь опыт моей жизни научил меня одной грустной вещи – дать денег можно только богатому, помочь можно только сильному.

Марина Цветаева

Сегодня, когда речь заходит о поддержке «культурных мероприятий», частенько вспоминают об утраченных традициях российского меценатства, приводя в пример купца Третьякова, основавшего художественную галерею в Москве, Савву Мамонтова, поддерживавшего художников и содержавшего частную оперу. Но самым именитым в этом ряду стал фабрикант Савва Тимофеевич Морозов, принадлежавший к поколению

«новых» предпринимателей. В отличие от своих отцов и дедов, молодые купцы имели европейское образование, художественный вкус, разнообразные интересы, а духовные и социальные проблемы занимали их ничуть не меньше финансовых.

Савва Морозов – один из богатейших купцов Российской империи, текстильный промышленник – получил образование в Англии и был влюблен в театр. Эта любовь имела вполне материальное воплощение – не будь щедрых морозовских пожертвований, мир не увидел бы Художественного театра, не узнал бы о системе Станиславского. Более того, не поддержи в свое время Морозов начинание своего друга Кости Алексеева, сына золотопромышленника, ставшего впоследствии режиссером Станиславским, история России могла бы пойти по-другому: не будь МХТ, не играла бы там Мария Андреева, покорившая купца, не познакомила бы Савву с товарищами…

Но история не знает сослагательного наклонения, и все произошло так, как произошло. На первый взгляд, история хотя и скандальная, но банальная: влюбленный миллионер стреляется в заграничной поездке и отписывает своей возлюбленной, актрисе, целое состояние. Но это только на первый взгляд, если не принимать во внимание, что актриса – большевичка, а большая часть наследства пошла в партийную кассу. Да и сам Савва долгие годы финансировал революционную деятельность большевиков. И – как это часто бывает – возникли слухи об убийстве Морозова большевиками из-за наследства (и слухи эти, кстати, на руку родным Саввы, ибо нет для православных, в особенности старообрядцев, большего греха, чем самоубийство).

По иронии судьбы, Морозов финансировал тех, кто потом жестоко расправился с купечеством и оборвал традиции меценатства, о которых так горестно вздыхают сегодня деятели культуры и искусства. В общем, история жизни Саввы Морозова приводит к весьма противоречивым выводам: людям, зарабатывающим деньги, просто необходимо быть бездуховными и циничными и иметь узкий крутозор – в целях личной безопасности. Кроме того, им надо запретить посещать музеи и театры, и упаси их Бог влюбляться в актрис – ради общественного блага. Но это все так, философические упражнения с позиций сегодняшнего дня, а тогда все виделось совсем иначе.

В начале XX века элиту московского купечества составляли два с половиной десятка семей, и семь из них носили фамилию Морозовы (несмотря на старообрядчество, Морозовы жили по принципу «на Бога надейся, да сам не плошай»).

Промышленники Морозовы происходили из крепостных крестьян господ Рюминых, живших во Владимирской губернии.

«Савва сын Васильев», основатель первого предприятия, купил в 1820 г. вольную за астрономическую сумму в 17 тысяч рублей. Он был пастухом, извозчиком, рабочим-ткачом, ткачом-кустарем, потом стал владельцем мелкого заведения. Предприимчивый крестьянин открыл мастерскую, выпускавшую шелковые кружева и ленты. Сам работал на единственном станке и сам же пешком ходил в Москву, за 100 верст, продавать товар скупщикам.

Вскоре бывший крепостной Морозов был зачислен в московские купцы первой гильдии. Дожив до глубокой старости, Савва Васильевич так и не одолел грамоты, но это не мешало ему вести дела. В работе ему помогала жена, Ульяна Афанасьевна, а наследниками четырех фабрик Морозова в Орехово-Зуеве, Глухове и Твери, объединенных названием «Никольская мануфактура», стали сыновья, с детства приставленные к делу.

Младший сын Тимофей за дело взялся рьяно. Он, который сам успел побывать в крепостных, был настоящим «кровопийцей»: постоянно снижал заработную плату своим рабочим, изводил их бесконечными штрафами. Многие дивились: он обращался с рабочими хуже, чем большинство помещиков с крепостными.

Результатом его управления стала Морозовская стачка в 1885 г., после которой его отстранили от дел, и управление фабрикой было передано его старшему сыну Савве. Савва воспитывался в духе религиозного аскетизма и в исключительной строгости, как это было принято в старообрядческих семьях. Чрезвычайно набожная хозяйка дома, Мария Федоровна, применяла освященные веками «формы воспитания» – за любой проступок юную купеческую поросль нещадно драли.

Надо сказать, что набожность Марии Федоровны принимала странные формы: в семейной молельне ежедневно служили священники из Рогожской старообрядческой общины, а сама Мария Федоровна всегда была окружена приживалками. Она не пользовалась электрическим освещением, считая его бесовской силой. По этой же причине не читала газет и журналов, чуралась литературы, театра, музыки. Боясь простудиться, не мылась в ванне, предпочитая пользоваться одеколонами. По субботам братьям Савве и Сергею выдавалась одна чистая рубаха на двоих, которая обычно доставалась Сереже – маминому любимчику, а Савва донашивал ту, что снимал с себя брат.

Любой ее каприз был законом для домочадцев, да это и неудивительно, ведь выйдя замуж за Тимофея Саввича, она внесла в качестве приданого миллионы. Однако в придачу к миллионному состоянию семья Морозовых получила от нее склонность к душевным расстройствам, жертвой которой пали ее сын Савва и дочь Александра, покончившие с собой во цвете лет в

период сильных душевных потрясений.

Вообще, будущий промышленник и меценат Савва Тимофеевич Морозов, Савва Второй, в детстве не отличался особым послушанием. По его собственным словам, еще в гимназии он научился курить и не верить в Бога. Характер у него был отцовский: решения принимал быстро и навсегда.

Савва Морозов окончил Московский университет, где помимо основных дисциплин серьезно изучал философию, историю. Потом продолжил образование в Кембридже, писал диссертацию и одновременно осваивал текстильное дело у ткачей Манчестера. После Морозовской стачки и болезни отца Савва вернулся в Россию и принял управление делами. Ему было 25 лет.

Вскоре Тимофей Саввич скончался. Вдова, Мария Федоровна, пережила его на два десятилетия. Савва стал директором предприятия, но, по сути, не был полноправным хозяином: 90 % паев принадлежало его матери. Казалось, он связан в решениях по рукам и ногам, но Савва Второй не был бы сыном своих родителей, не унаследуй он от них неуемную энергию и сильную волю. Сам о себе он говорил: «Если кто станет на моей дороге, перейду и не сморгну». До поры до времени так и было…

Савва выписал из Англии новейшее оборудование, на мануфактуре были отменены штрафы, изменены расценки, построены новые бараки. Дела шли блестяще: Никольская мануфактура занимала третье место в России по рентабельности, и морозовские изделия вытесняли английские ткани даже в Персии и Китае. При этом фабрикант заботился и об улучшении условий труда и быта рабочих (к концу XIX века при ней действовали 3 больницы, 3 училища, роддом, богадельня, библиотека), что было по тем временам из ряда вон выходящим явлением. Савва Тимофеевич финансировал строительство родильного приюта, жертвовал деньги на лечение душевнобольных, давал деньги на издание книг, жертвовал Красному Кресту. Кроме того, он первым из русских промышленников стал принимать на работу местных, российских инженеров, которых тогда начало выпускать Императорское техническое училище в Москве. У него было несколько собственных стипендиатов-рабочих, а двое даже обучались за границей.

Помимо производственных успехов, Савва одержал победу и на любовном фронте, влюбившись в жену своего двоюродного племянника Сергея Викуловича Морозова – Зинаиду. В России развод не одобрялся ни светской, ни церковной властью, а уж для старообрядцев это было просто немыслимым событием. Савва пошел на чудовищный скандал и семейный позор – свадьба все-

таки состоялась.

У молодой семьи дела шли успешно: пока Савва Тимофеевич работал на фабрике и учреждал всевозможные выставки, Зинаида Еригорьевна организовывала благотворительные балы и базары, заводила «полезные знакомства» и вела светскую жизнь, что способствовало росту авторитета Морозовых и Никольской мануфактуры в высших кругах. Морозовым вообще везло на властных, надменных, умных и очень честолюбивых жен.

Зинаида Григорьевна увлекалась светской жизнью, салонами, гостями, а Савва Тимофеевич проводил время в маленькой, скромно обставленной комнатке на втором этаже их прекрасного особняка, одного из красивейших в Москве (дом сразу же после постройки стал столичной достопримечательностью; сейчас он находится в ведении МИД РФ). Вообще-то Савва Морозов был крайне неприхотлив, даже скуп – дома ходил в стоптанных туфлях, на улице мог появиться в заплатанных ботинках. Зинаида Григорьевна, напротив, старалась иметь только «самое-самое» (во многом это был ответ на пренебрежение, с которым даже самые бедные дворяне относились к купечеству). Вскоре Савва Второй разочаровался в семейной жизни – супруги оказались чужими друг другу людьми. Бешеная обоюдная страсть скоро переросла в равнодушие, а потом и в полное отчуждение. Они жили в одном доме, но практически не общались, несмотря на то, что у них было четверо детей: два сына и две дочери.

После смерти Саввы Тимофеевича Зинаида Григорьевна покровительствовала Левитану, Чехову, Поленову, Серову, поддерживала МХТ. В возрасте 37 лет она в третий раз вышла замуж за Анатолия Анатольевича Рейнбота, генерал-майора свиты Его Императорского Величества, московского градоначальника. В этом браке Морозова наконец-то осуществила свою старинную мечту – стать дворянкой и официально войти в высший свет.

Морозов ворочал большими капиталами, но его влекли и другие люди – творческие, одержимые. Отличаясь эрудицией и широтой кругозора, Савва Морозов с удовольствием читал Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Бунина, Леонида Андреева, Горького, наизусть знал многие пушкинские стихи и «Евгения Онегина».

Когда К. Станиславский и В. Немирович-Данченко, задумавшие открыть новый драматический театр, обратились к нему за помощью, Савва Тимофеевич взял на себя не только финансовую сторону дела (уже в первый год его затраты составили 60 тысяч рублей), но и всю хозяйственную. Он, став содиректором театра, вникал в мельчайшие подробности его

жизни и отдавал ему все свободное время. Морозов не только щедро жертвовал деньги, но и сформулировал основные принципы деятельности театра: сохранять статус общедоступного, не повышать цены на билеты и играть пьесы, имеющие общественный интерес.

Он решил подарить Московскому художественному театру зал в центре города, в Камергерском переулке, и профинансировал все строительные и отделочные работы, которые были выполнены в очень сжатые сроки – с апреля по октябрь 1902 г. Строительство нового здания обошлось Морозову в 300 тысяч рублей, а общие расходы мецената на Художественный театр составили приблизительно 500 тысяч рублей.

Савва Тимофеевич был натурой увлекающейся и страстной. Недаром побаивалась матушка Мария Федоровна: «Горяч Саввушка!.. Увлечется каким-либо новшеством, с ненадежными людьми свяжется». Став завсегдатаем Художественного театра, Морозов сделался поклонником Марии Федоровны Андреевой – самой красивой актрисы русской сцены. Завязался бурный роман. Савва восхищался ее редкостной красотой, преклонялся перед талантом. Но только обычного театра ей было мало, она была связана с большевиками и добывала для них деньги. Позже охранка установит, что Андреева собрала для РСДРП миллионы рублей. «Товарищ феномен», как называл ее Ленин, сумела заставить раскошелиться на нужды революции крупнейшего российского капиталиста.

Савва Тимофеевич пожертвовал большевикам значительную часть своего состояния. При его поддержке издавалась ленинская «Искра», газеты «Новая жизнь» в Петербурге и «Борьба» в Москве. Он сам нелегально провозил типографские шрифты, прятал у себя наиболее ценных «товарищей» (например, Л. Б. Красин работал у него на фабрике инженером), доставлял запрещенную литературу на собственную фабрику.

Но можно ли объяснить помощь, оказываемую им большевикам, только готовностью бросить все сокровища мира к ногам любимой? Наверное, нет. Савва был умным и расчетливым человеком и только из-за любви давать большевикам деньги, скорее всего, не стал бы, считает Н. Вико. Пожалуй, стоит вспомнить, что Морозовы – старообрядцы, а они всегда были в оппозиции к преследующей их власти. Морозов, получивший образование в Англии, чувствовал необходимость демократических свобод. Он интересовался новыми идеями, и Андреева познакомила его с новыми людьми, у которых их было в избытке, – большевиками. Как писал Марк Алданов, «Савва

субсидировал большевиков оттого, что ему чрезвычайно опротивели люди вообще, а люди его круга в особенности».

Увлеченность мецената привела к личной трагедии, которая началась с того, что Станиславский поссорился с Немировичем-Данченко – и как раз из-за Марии Андреевой, которая постоянно устраивала скандалы. В конце концов, в 1904 г. Морозов отказался от своего директорства. Вместе со своим близким другом Максимом Горьким и Марией Федоровной он затеял новый театр. Но тут-то Андреева и Горький полюбили друг друга. Это открытие было для Саввы тяжелейшим потрясением. Но даже после того как Андреева и Горький стали жить вместе, Морозов все равно трепетно заботился о ней.

Таковы были факты личной жизни Саввы Морозова. В общественной же дела обстояли ничуть не лучше.

Всерьез поддавшись идее переустройства государства и под влиянием событий 9 января 1905 г., Морозов написал в Комитет министров докладную записку «О причинах забастовочного движения. Требования введения демократических свобод в России», в которой подробно рассмотрел ситуацию в России, описал причины забастовок и предложил способы их устранения, предполагавшие пересмотр законодательной системы.

Однако прежде чем представлять этот документ в правительство, Савва Тимофеевич ознакомил с ним пайщиков мануфактуры и других промышленников. Купцы, разумеется, записку не одобрили. Более того, Савве Тимофеевичу пригрозили, что если он не прекратит распространять революционные идеи, его признают недееспособным и отстранят от ведения дел. Тем не менее, Морозов выступил в Московской городской думе со своей программой переустройства, но у большинства слушателей его речь вызвала лишь недоумение. Чтение докладной записки совпало с беспорядками в Орехово-Зуеве. Забастовщики требовали выплаты «наградных» дважды в год, увеличения заработной платы, уменьшения рабочего дня до восьми часов.

Столкнувшись с реальной забастовкой, Морозов оказался бессилен воплотить свои идеи в жизнь. Несмотря на то что требования рабочих совпадали с его программой, под давлением пайщиков он был вынужден отказать бастующим по всем пунктам. А после этого его отстранили от управления, воспользовавшись услугами психиатра Г. И. Россолимо и объявив Морозова душевнобольным.

По Москве поползли слухи о нервном истощении Саввы Морозова, вспомнили о самоубийстве его сестры Александры и сумасшествии ее сына. Вняв настойчивым советам матери, Савва удалился в имение Покровское. Он понял, что остался в

совершенной изоляции. Талантливому, умному, сильному, богатому человеку не на кого было опереться. Любовь оказалась ложью, светская жена раздражала. В своем кругу друзей у него не было, да и вообще среди купцов было невообразимо скучно. Пришло понимание истинного отношения к нему со стороны «товарищей»: большевики видели в нем всего лишь дойную корову и беззастенчиво пользовались его деньгами. В письмах «искреннего друга» Горького сквозил откровенный расчет.

Савва впал в жестокую депрессию. Слухи о его безумии усилились. По настоянию жены и матери был созван консилиум, который поставил диагноз: тяжелое нервное расстройство. Врачи рекомендовали лечение за границей. Перед отъездом Морозов отдал Марии Андреевой оформленный несколько лет назад страховой полис на сумму 100 000 рублей на случай своей смерти, по нему она могла получить эти деньги после его гибели и передать большевикам.

Савва Тимофеевич уехал в Канн, где в мае 1905 г. в номере «Ройяль-отеля» выстрелил себе в сердце. Ему было 44 года.

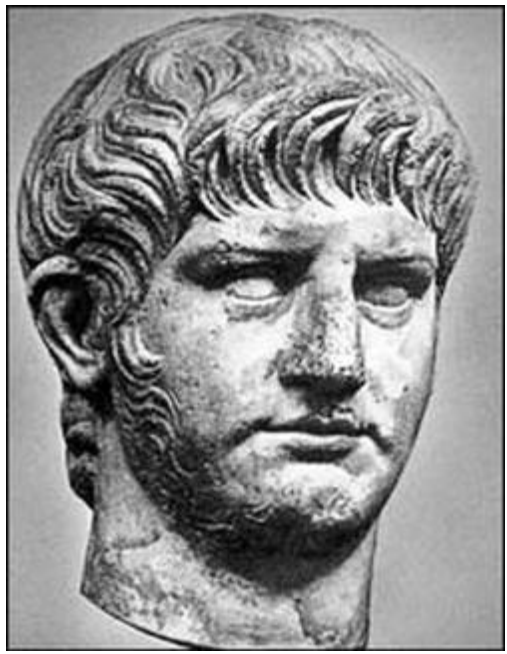
Это событие возбудило в России массу слухов о причинах самоубийства и привело к судебному процессу из-за страхового полиса. Родственники Саввы стремились добиться признания полиса, находящегося у Андреевой, недействительным, однако он оказался неоспорим. Деньги были выплачены актрисе, и большую часть страховки она передала в фонд РСДРП (бытует недоказуемая версия, что Морозов погиб именно из-за этой страховки – его якобы застрелили агенты большевиков).

Слова «самоубийство» в российских газетах, разумеется, не было – к чему религиозной семье такой позор. Хоронили Савву Тимофеевича Морозова на Рогожском старообрядческом кладбище, где произносить надгробные речи, к радости полиции, было не принято. Лишь мать шептала: «Слабенькое сердечко было у Саввушки, бедного… Вот оно и лопнуло».

У него остались два сына – Тимофей и двухгодовалый Савва и две дочери – Мария и Люлюта. Сын Саввы Тимофеевича Морозова Тимофей рано умер, а его внук, тоже Савва Тимофеевич, стал литератором и написал книгу о своем деде.

НЕРОН

(род. в 37 г. – ум. в 68 г.)



К о р о л ь: Я страшный человек!

Х о з я и н: Ну да!

К о р о л ь: Очень страшный. Я тиран.

Х о з я и н: Ха-ха-ха!

К о р о л ь: Деспот. А кроме того, я коварен, злопамятен, капризен… И самое обидное, что не я в этом виноват.

Х о з я и н: А кто же?

К о р о л ь: Предки. Прадеды, прабабки, внучатые дяди, тети разные, праотцы и праматери. Они вели себя при жизни как свиньи, а мне приходится отвечать.

Евгений Шварц, «Обыкновенное чудо»

После победы Октавиана Августа над Марком Антнонием и Клеопатрой в Риме воцарилось единовластие. Государство стало империей, или, как говорят современные историки, принципатом (Август настаивал на том, чтобы его называли принцепсом – первым гражданином). Дело в том, что формально

государственный строй можно было назвать республиканским. Но на деле отныне Августу и его наследникам принадлежала практически неограниченная власть. После смерти Августа власть перешла к его пасынку Тиберию, от него – к Калигуле. После убийства Калигулы императором стал Клавдий.

Нерон родился в 37 г. н. э. в приморском городе Антии, находящемся в сорока километрах от Рима. Отец, Гней Домиций Агенобарб, был внучатым племянником Октавиана Августа. Его мать, Агриппина Младшая, была сестрой Калигулы. По легенде, после рождения сына астролог сказал ей, что мальчик будет царем, но убьет свою мать. На что Агриппина ответила: «Пусть убьет меня, лишь бы царствовал». При рождении Нерон получил имя Луций Домиций Агенобарб.

Отец мальчика умер в 40 г. В 41 г. к власти пришел Клавдий, дядя Агриппины. Он вернул племянницу из ссылки, куда после смерти мужа ее отправил Калигула.

В 48 г. жена Клавдия, Мессалина, воспользовавшись его отсутствием, попыталась развестись с ним, выйти замуж за своего любовника и сделать того императором. Но осуществить задуманное не удалось, и по приказу Клавдия Мессалина была убита. В 49 г. Клавдий женился на Агриппине, а в 50 г. усыновил Луция, который при этом получил имя Тиберий Клавдий Нерон. Воспитание юноши было поручено знаменитому философу, писателю и политическому деятелю Сенеке.

В 53 г. Нерон женился на дочери Клавдия, Октавии. Как мы уже знаем, Агриппина была готова на все ради того, чтобы ее сын правил Римом. Она опасалась, что Клавдий передаст власть по наследству своему сыну от Мессалины, Британику. Поэтому в 54 г. вместе со своими сообщниками отравила Клавдия. Благодаря поддержке Секста Афрания Бурра, начальника императорской гвардии, Агриппина добилась передачи власти Нерону.

Агриппина и Нерон устроили Клавдию роскошные похороны. Во время церемонии Нерон прочитал написанную Сенекой похвальную речь умершему. По его же настоянию Клавдий был обожествлен, а его жрицей назначили Агриппину.

Нерон был еще чрезвычайно молод, и власть – беспрецедентный случай – оказалась в руках женщины. Агриппина стремилась если не присвоить, то хотя бы разделить могущество, которое она преподнесла сыну. Она принимала активное участие в государственных делах, тайно присутствовала на заседаниях императорского совета, стоя за занавесями. По ее поручению было осуществлено не одно убийство: она без ведома сына расправлялась не только с его реальными политическими

противниками, но и с людьми, которые могли стать на пути Нерона в дальнейшем. К периоду возвышения Агриппины принадлежит и еще одно беспрецедентное событие: выпуск монет, на которых были изображены повернутые друг к другу лицом профили Нерона и его матери.

Но власть Агриппины оказалась недолгой. В 55 г. по приказу Нерона был отравлен его сводный брат Брита-ник. Это не входило в планы Агриппины. Она считала, что Британик, как младший наследник Клавдия, может пригодиться ей в том случае, если сын выйдет из-под контроля. Вскоре Нерон отселил мать в отдельную резиденцию.

Большое влияние на молодого императора оказывали упоминавшийся ранее Бурр и его воспитатель Сенека. На первых порах философ смог внушить Нерону необходимость ограничивать свою власть и не злоупотреблять ею. В своей инаугурационной речи император говорил, что не станет единовластным правителем: не будет по собственному усмотрению решать государственные вопросы и не станет единолично принимать решения в судебных разбирательствах. Пусть сенат управляет Италией и провинциями. Сам же он будет заниматься лишь делами провинций, управляемых военной властью.

Казалось, что Нерон начал выполнять свои обещания. В первые годы его правления сенату вернулась власть, которая уже давно была только формальной, и он, как во времена республики, стал решать важные государственные вопросы. Нерон также ввел достаточно полезные реформы в судебном деле. Молодой принцепс пренебрежительно относился к почестям и лести. Например, он отверг два предложения сената: поставить ему статую из чистого золота или серебра и считать началом года не январь, а декабрь, так как в декабре родился Нерон. Речи молодому императору писал Сенека, да и во многих его поступках чувствовалась воля философа.

Кроме того, Нерон много внимания уделял народу. Он устраивал денежные раздачи, с невиданным ранее размахом организовывал многочисленные праздники, зрелища и игры. В начале своего правления Нерон пытался провести несколько полезных реформ: запретить убийства гладиаторов, убрать стражников из цирков и театров, ограничить дань, которую собирали с провинций, был противником смертной казни. Но по тем или иным причинам все его начинания не прижились. Эти неудачи разочаровали императора и привели к тому, что он постепенно утратил интерес к государственным делам.

Нерон был страстным поклонником греческой культуры. Он

предпочитал носить греческие одежды и прически. По образцу Олимпийских игр основал в Риме игры Нерона.

Возможно спорный в других случаях тезис о том, что власть портит человека, в случае Нерона оправдался на сто процентов. Он все меньше интересовался проблемами государства и все больше времени уделял всевозможным развлечениям: выступал на соревнованиях певцов, играл в театрах, увлекался скачками и даже участвовал в них в качестве возницы, писал стихи, правда, некоторые источники утверждают, что зачастую он выдавал творчество талантливых молодых поэтов за свое собственное. Но притчей во языцех стали его сексуальные увеселения. Среди развлечений такого рода называют и гомосексуальные отношения (еще одна дань греческим традициям), и связь с собственной матерью. Бурр и Сенека по возможности старались скрыть эту сторону жизни императора.

Вскоре Нерон влюбился в вольноотпущенницу Акте и вознамерился вступить с ней в брак, но этому воспротивилась Агриппина. Боясь в результате такой женитьбы окончательно потерять влияние на сына, она грозила разгласить обстоятельства, благодаря которым он пришел к власти. Но яблочко от яблони недалеко падает. Нерон успел перенять от Агриппины многое, и в 59 г. он с величайшей изобретательностью подготовил убийство матери. Корабль, на котором она должна была плыть, был специально подготовлен к тому, чтобы это плавание стало последним. На покои Агриппины должна была обрушиться кровля, а сам корабль распасться на две части. По случайности женщине удалось спастись и вплавь добраться до берега. Но это ее не спасло: не сумев погубить мать таким оригинальным способом, Нерон банально подослал к ней убийц. Легендарное пророчество сбылось. Конечно, теперь император не мог выдать произошедшее за несчастный случай. Поэтому в сенате он заявил, что Агриппина замышляла покушение на его жизнь.

На беду своих приближенных, Нерон сильно повзрослел. В 62 г. н. э. умер, а по некоторым сведениям – был отравлен Бурр. Новые начальники преторианцев – солдат, охранявших императора, во всем потакали склонностям к развлечениям и безудержному разврату принципата. Сенека, не выдержав такой компании, ушел от дел. В этом же году Нерон развелся с дочерью Клавдия, Октавией, а позже приказал ее убить. Затем он женился на супруге Сальвия Отона (будущего императора), красавице Поппее Сабине, отправив ее бывшего мужа управлять одной из провинций.

В 64 г. произошло еще одно событие, которое вменяют в вину

Нерону. В Риме вспыхнул грандиозный пожар. Во время пожара император якобы наблюдал за горящим городом с башни и читал свое сочинение «Крушение Трои». Утверждают, что поджог устроили по приказу Нерона, чтобы освободить место для его нового дворца. Сам император обвинил в поджоге христиан. Многие члены христианской общины были сожжены заживо. Когда был построен новый дворец, то по размерам, богатству и роскоши с ним не могло сравниться ни одно предыдущее здание. Здесь, однако, надо сказать, что о людях, лишенных во время пожара крова, Нерон позаботился. Из своих средств он построил временные жилища для погорельцев.

Между тем недовольство знатных римлян самодурством, преступлениями и образом жизни Нерона росло. В 65 г. раздался первый тревожный звоночек: был обнаружен и раскрыт заговор против императора. Лидеры заговорщиков были казнены или вынуждены совершить самоубийство. Так, по приказу императора покончил с собой обвиненный в причастности к заговору Сенека.

Расправившись с заговорщиками, в 66 г. Нерон отправился в Грецию, где провел два года. Там он участвует во всевозможных театральных представлениях, состязаниях певцов, декламирует стихи, выступает в скачках. Править Римом он оставил своего вольноотпущенника Гелия. Находясь в Греции, Нерон, чтобы компенсировать свои огромные затраты, разграбил казну нескольких городов и казнил, конфисковав имущество, многих богатых греков. В конце своего пребывания в Греции торжественно объявил ее свободной страной.

В 68 г. правление Нерона подошло к логическому завершению. Находясь в Неаполе и наблюдая за состязаниями атлетов, император получил известие о восстании, которое поднял в Галлии наместник Юлий Виндекс. К нему присоединился Сервий Гальба, наместник одной из испанских провинций. Легион, находившийся в его распоряжении в Испании, он повел на Рим. Волнения начались и в Африке. Нерон мог поторопиться и подавить восстание в зародыше. Но он продолжал жить в Неаполе и проводить время за своими прежними развлечениями. Единственное, что предпринял император, – попытался подослать к Гальбе убийц. Но покушение не удалось. Нерон принял решение вернуться в Рим, где отозвал для подавления восстания войска, отправленные в поход на Кавказ, и собрал новый легион. Затем он как бы впадает в апатию и, не в силах ничего предпринять, становится пассивным наблюдателем.

В Риме начались волнения. Город страдал от недостатка продовольствия. Наконец пришло известие о том, что бунт

распространился на все войско. 10 июня начальник преторианцев Нимфидий Сабин уговаривает своих подчиненных перейти на сторону Гальбы.

В ночь на 11 июня Нерон обнаружил, что его покинули телохранители. Он послал за друзьями, но никто из слуг не вернулся. Тогда Нерон сам пошел в покои друзей. Все двери оказались заперты, и никто не отвечал. Когда он вернулся в спальню, выяснилось, что слуги разбежались и унесли приготовленный ларец с ядом. Попытка найти какого-нибудь опытного воина или гладиатора, от руки которого он мог бы принять смерть, тоже не увенчалась успехом. С криком «Неужели нет у меня ни друга, ни недруга?» Нерон выбежал из дома, скорее всего, намереваясь броситься в Тибр.

То ли ему не хватило мужества, то ли еще оставалась надежда на спасение, но император стал искать место для укрытия. С тремя или четырьмя спутниками, босой, с головой закутавшись в темный плащ, он вскочил на коня и поскакал в находящуюся недалеко от Рима усадьбу одного из вольноотпущенников, Фаона.

Не успели беглецы тронуться в путь, как произошел подземный толчок и вспыхнула молния. Проезжая мимо находящегося невдалеке лагеря, они услышали крики. Солдаты проклинали Нерона и восхваляли Гальбу. Какой-то прохожий спросил у них: «Что слышно о Нероне в Риме?»

Добравшись до поворота к имению, беглецы отпустили коней и пешком, через заросшую терновником тропинку добрались до задней стены виллы. Чтобы утолить мучавшую его жажду, Нерону пришлось пить воду из лужи. При этом он сказал: «Вот напиток Нерона» (дело в том, что он очень любил охлажденную снегом кипяченую воду). Фаон предложил беглецу временно спрятаться в яме, из которой брали песок, но Нерон отказался идти живым под землю. Через выкопанный подкоп он на четвереньках проник на виллу, добрался до какой-то комнатки и в изнеможении упал на убогую постель: подстилку, прикрытую плащом. Нерон выпил тепловатой воды, но есть грубый хлеб, несмотря на мучивший его голод, отказался.

Спутники убеждали его уйти от позора, совершив самоубийство, как это было принято у римлян. Но Нерон никак не мог решиться на это. Чтобы скрыть свой страх, он приказал снять с него мерку и вырыть по ней могилу. Потом продолжил давать различные распоряжения, касающиеся будущих похорон: собрать куски мрамора для надгробья, принести воду, чтобы омыть тело, дрова, чтобы совершить сожжение. При этом он часто всхлипывал и приговаривал: «Ах, какой великий артист

погибает».

Пока происходили эти приготовления, прибыл гонец с известием, что сенат признал Нерона врагом государства и разыскивает его, чтобы казнить. Император все еще не мог решиться на последний шаг. Он спросил у окружающих, какая казнь ему грозит. Ответ привел его в ужас: по древнему обычаю, его должны были сечь розгами до смерти. Достав приготовленные заранее кинжалы, он проверил их остроту, но снова спрятал, говоря, что время еще не пришло. Умом Нерон понимал, что другого выхода уже нет. Он уговаривал сам себя: «Живу я гнусно, позорно – не к лицу Нерону, не к лицу, – нужно быть разумным в такое время – ну же, мужайся!», но побороть страх не мог. В страхе он обращался к друзьям, чтобы те примером помогли ему решиться на последний шаг.

Но тут прибыли всадники, которых послали на его розыски. Нерон воскликнул: «Коней, стремительно скачущих, топот мне слух поражает» (цитата из Илиады). Затем с помощью своего советника Эпафродита пронзил себе шею мечом. Когда ворвались всадники, он еще был жив. Их начальник сделал вид, что пытается помочь Нерону, и зажал рану плащом. В ответ на это умирающий смог произнести: «Поздно!» и «Вот она, верность». Нерон умер 7 июня 68 г., на тридцать втором году жизни.

Приближенные императора организовали шикарные похороны. Его бывшие враги не стали препятствовать этому. После сожжения останки Нерона были помещены в родовую усыпальницу Домициев.

Народ воспринял известие о его самоубийстве по-разному. Большинство радовалось смерти тирана. По улицам Рима бегали радостные простолюдины во фригийских колпаках (фригийский колпак надевался на рабов, отпускаемых на волю, поэтому этот головной убор считался символом свободы). Но были и люди, жалевшие о смерти Нерона. Его усыпальница была постоянно украшена цветами, на форуме время от времени появлялась статуя Нерона в консульской тоге и послания, сообщавшие о том, что он жив и скоро вернется в Рим, чтобы отомстить врагам. Также объявилось несколько (не менее трех) лженеронов, последний из которых заявил о себе через двадцать лет после смерти настоящего императора.

В конце этой статьи нельзя не сказать несколько слов в защиту нашего героя. По мнению части современных историков, Нерон был далеко не такой отрицательной фигурой. Дело в том, что исторические источники, появившиеся вскоре после его смерти («Жизнь двенадцати цезарей» Светония и «Анналы» Тацита) могут быть необъективны. Во все времена не так давно

свергнутые лидеры подвергались самому резкому осуждению. А более поздние источники приводят сведения, прошедшие через призму христианских воззрений, а ведь Нерон был противником христианства. Например, ко времени его правления якобы относятся мученические смерти святых Петра и Павла. Не удивительно, что под пером христианских историков Нерон мог превратиться в дьявола во плоти.

ПЕТРОНИЙ ГАЙ (ТИТ) АРБИТР

(род. в.? г. – ум. предположительно в 66 г. н. э.)

Смерть – это вопрос стиля.

Владимир Набоков

Бесчеловечность цезарей, описанная историками, до сих пор заставляет содрогаться неподготовленных читателей. Трудно понять, чего было больше в характере прославленных пурпуроносных императоров – первобытной дикости или просвещенного бесстыдства. Казалось, что все эти качества объединил в себе император Нерон, сочетавший звериную жестокость с наглым лицемерием. Он приговорил к смерти собственную мать и отправил ее в плавание на корабле, который развалился на воде, а когда женщина спаслась, устроил за ней настоящую охоту. Он погубил своего учителя Сенеку, несмотря на абсолютную преданность того, по приказу императора была казнена его сестра… Нерон, как и многие деспоты, имеющие безграничную власть, отличался крайней подозрительностью и бессмысленной жестокостью, в особенности по отношению к «приближенным к телу» – именно они погибали первыми.

Хотя смерть Петрония больше похожа на суицид, но правильнее считать ее смертной казнью, поскольку к самоубийству римские граждане именно приговаривались, дабы лишний раз не позорить белоснежных тог. С точки зрения общества, этот вид казни был весьма милосердным, поскольку имущество казненного не отходило в казну, а оставалось в распоряжении семьи.

Итак, Петроний, автор уже тогда скандального романа «Сатирикон», стал одной из множества жертв нероновского произвола. «Сатирикон» написан прозой со стихотворными вставками в духе скептически-презрительного отношения к миру. Это сочинение до XVII в. было известно только в разрозненных отрывках, и лишь в 1650 г. был найден обширный цельный фрагмент.

Это единственный в своем роде римский приключенческий роман, пародия на «Одиссею» и любовные греческие романы. В произведении присутствует пара влюбленных: Энколпий и мальчик Гитон, которых разлучает и толкает навстречу приключениям оскорбленный Энколпием божок Приап[30]

(подобно тому, как Одиссей путешествовал из-за гнева Посейдона). «Сатирикон», однако, не высмеивает любовные романы – Петроний лишь стремится развлечь читателя откровенными сценами, подчас далеко выходящими за пределы того, что считалось пристойным в литературе.

Энколпий, главный герой и рассказчик, вместе со своими друзьями Гитоном и Асцилтом (тоже влюбленным в Гитона) ведут беспокойную жизнь, странствуя с места на место, ввязываясь в авантюры, не гнушаясь также краж и разврата, ревнуя друг друга. Герои попадают во всевозможные переделки: автор изображает притоны и оргии тайных культов, сцены скандалов на площади или в маленькой гостинице, ведет читателя на корабль и в картинную галерею, знакомит с колдуньями, сводницами, искательницами любовных приключений, рабами, вольноотпущенниками, охотниками за наследством, ворами, моряками, воинами и даже преподавателем риторики и бродячим поэтом. В уста последнего Петроний вложил две поэмы: о гражданской войне и о взятии Трои, причем первая пародировала Лукана, а вторая намекала на поэтические амбиции самого Нерона.

В приключенческой форме Петроний нарисовал картину нравов, характерную для времен заката Рима: рост значения вольноотпущенников, экономическая депрессия, безбрачие и бездетность верхушки, распространение восточных религий, упадок искусств. Больше всего Петрония волнуют судьбы искусства. Он неоднократно возвращается к этому вопросу, вкладывая в уста своих персонажей рассуждения об упадке изобразительных искусств, красноречия и поэзии, гибели подлинного искусства слова. «В моей чистой речи, – пишет сам Петроний, – улыбается веселая грация, и язык мой вещает с ясной прямотой о том, что делает весь народ». Все более или менее серьезные рассуждения перемежаются натуралистическими деталями эротического характера.

«Сатирикон» сохранился отрывками, мы не знаем ни начала, ни конца романа. В конце XVII в. французский офицер Нодо попытался присочинить начало и конец якобы на основании найденной им полной рукописи. Фальсификация была разоблачена, но мнимые «дополнения» Нодо продолжают фигурировать в переводах «Сатирикона», ради «целостности».

Надо сказать, что поэтический дар, прославивший Петрония в веках, по-видимому, стал причиной его смерти. Петроний – мастер прозы и поэзии, одинаково легко владевший самыми разными литературными стилями. Нерон, который сам писал стишки, очень болезненно относился к успехам других на

литературном поприще. За свой талант поплатились и придворный поэт Лукан, и философ Сенека, и Петроний.

Прекрасно образованный Петроний умел пользоваться жизнью и был в Риме авторитетом в области хорошего вкуса (его называли арбитром изящества – arbiter elegantiarum – отсюда и его прозвище), а в качестве знатока придворного этикета и отношений он снискал симпатию и доверие Нерона в самых интимных делах.

Те скудные сведения о Петроний, которыми мы располагаем, дошли до нас лишь благодаря короткому отрывку из летописей Тацита. Гай (по другим сведениям – Тит) Петроний «проводил день во сне, ночь в делах и жизненных утехах; если другие достигают славы своим добрым рвением, то он приобрел ее праздностью: его считали не мотом и расточителем, как это обычно бывает с прожигателями жизни, а мастером изысканных наслаждений. Непринужденная и несколько небрежная вольность его слов и поступков сообщала им привлекательный оттенок откровенной непосредственности. Однако в должности проконсула Вифинии, а потом и консула, он проявил энергию и деловитость. Затем, вновь погрузившись в пороки – или в подражание порокам, – он был принят в самый узкий круг приближенных Нерона, как арбитр изящества, и Нерон находил подлинное наслаждение и негу только в тех излишествах, которые получили одобрение Петрония».

Когда император обходился без совета Петрония, досуг или развлечения Нерона едва ли можно было назвать изысканными или роскошными. Поэтому советник Нерона Тигеллиний, ревнуя к сопернику, чей опыт по части науки удовольствий намного превосходил его собственный, попытался сыграть на жестокости императора и обвинил Петрония в участии в заговоре. Для обвинения был подкуплен раб; заключенного лишили юридической защиты, и большая часть его домашнего имущества находилась под арестом.

Ожидая своей участи, Петроний боялся и надеялся, и это было невыносимо, однако вовсе не имел намерения суетно покончить с жизнью. Он вскрыл себе вены на пиру, желая полностью насладиться последними часами жизни. Петроний беседовал с друзьями, подкреплял себя сном и обедом, слушал музыку – так что смерть его, хотя и вынужденная, пришла нежданной гостьей. «Он не спешил расстаться с жизнью, – рассказывает далее Тацит, – и, открыв себе жилы, то перевязывал их, когда ему хотелось, то снова открывал; он беседовал с друзьями, но не о серьезных материях и не с тем, чтобы стяжать славу твердостью духа. Он слушал не рассуждения о бессмертии

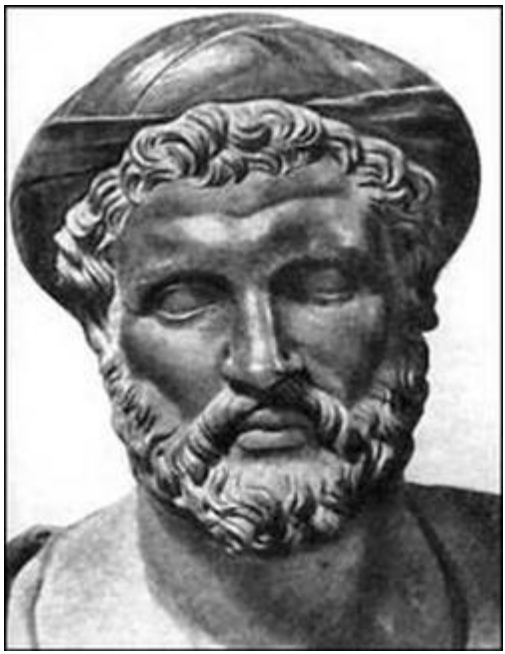
души или о философских истинах, а легкомысленную поэзию и пустые стишки. Рабов – одних он щедро наградил, других велел наказать ударами. Он вкусил пищи, затем предался сну, и его смерть, в действительности вынужденная, была похожа на естественную».

Петроний отказался от традиционного восхваления Нерона, Тигеллиния и иже с ними на смертном одре. Вместо этого он перечислил оргии императора, назвав по имени всех партнеров по любовным играм, будь то мужчина или женщина, с описанием сексуальных опытов Нерона, и, запечатав, отослал Нерону. Затем уничтожил свой перстень с личной печатью, чтобы, использовав его, невозможно было кого-либо обвинить после его смерти при помощи подложного письма.

Уже самой своей смертью он посмеялся над Нероном и над судьбой, которую тиран уготовил ему. Но это была не единственная причина, по которой Петроний избрал самоубийство путем сцеживания крови по капле. Столь странный способ объясняется тем, что Петроний был приверженцем эпикурейства с его призывом к наслаждению. Правда, наслаждение Петроний понимал в более вульгарном и привычном нам смысле, чем философы-эпикурейцы, для которых вершиной человеческой деятельности является атараксия (покой), а наслаждение суть уклонение от страданий и достижение спокойного и радостного состояния духа. Так или иначе, Петроний даже в смерти был последователен: ведя, в общем-то, легкий и беззаботный образ жизни, получая удовольствие от музыки, вкусных кушаний и приятной беседы, он не изменил ему и перед лицом вечности.

ПИФАГОР

(род. ок. 580 г. до н. э. – ум. ок. 500 г. до н. э)



Велик от Земли до Сатурна предел,
Невежество в нем я осилить хотел.
Я тайн разгадал в этом мире немало,
А смерти загадку, увы, – не сумел.

Ибн-Сина

Трудно найти человека, у которого имя Пифагора не ассоциировалось бы с теоремой, названной его именем. Пожалуй, даже те, кто навсегда распрощался с математикой после школы, сохраняют воспоминания о «пифагоровых штанах», которые во все стороны равны, даже если не вполне четко представляют себе, что это значит. Самое забавное состоит в том, что соответствующее соотношение сторон прямоугольного треугольника было известно халдейским мудрецам задолго до Пифагора. Он – а может, кто-то из его учеников – лишь обобщил имеющиеся сведения и создал теорему. И вообще есть данные, что Пифагор за всю свою жизнь не написал ни одного научного или философского труда – они

созданы его последователями, а Пифагору лишь приписываются. Правда, Диоген Лаэртский, указывает, что Пифагор все же написал три книги: «О воспитании», «О делах общины» и «О природе». А вот все остальное, что создавалось пифагорейской школой, просто приписывалось основоположнику по традиции. Кроме того, тайный и мистический характер пифагорейских изысканий, которые не подлежали разглашению за пределами школы, обусловил невозможность отделить вклад Пифагора и его ближайших учеников от результатов, полученных пифагорейцами позднее.

Вообще сведения о Пифагоре весьма и весьма противоречивы, мнения о его роли в истории научной и философской мысли расходятся самым кардинальным образом. Одни воспевают его педагогическую и политическую деятельность, а другие открыто обвиняют в мошенничестве. Вот что пишет один из самых оригинальных античных философов Гераклит: «Пифагор… занимался собиранием сведений больше всех людей на свете и, понадергав себе эти сочинения, выдал за свою собственную мудрость многознание и мошенничество». Да и рассказы об открытиях пифагорейцев в области математики и астрономии многими учеными рассматривались как мифотворчество: Э. Франк доказывал, что пифагорейской науки не существовало до 400 г. до н. э. В. Буркерт говорил, что научный вклад раннего пифагореизма был равен нулю, ибо нельзя считать наукой мистику чисел и игры с противоположностями типа «чет-нечет» и «предел-беспредельное».

Впрочем, в последнее время принято считать, что Пифагор и его первые ученики все же оставили свой след в науке. Задача состоит в том, чтобы найти этот след среди легенд и преданий, появившихся еще в эпоху раннего пифагореизма, но особенно распространившихся в первых веках нашей эры. Гегель следующим образом характеризует степень достоверности информации о жизни Пифагора: «Биография Пифагора дошла до нас сквозь призму представлений первых веков нашей эры – она написана более или менее в том стиле, в котором нам рассказывают о жизни Христа…»

Противоречивый образ Пифагора сочетал в себе черты гениального математика и религиозного проповедника, глубокого мыслителя и политического деятеля, создателя первой в истории человечества научной школы, не лишенной в то же время элементов явного шарлатанства.

О популярности Пифагора свидетельствуют монеты с его изображением и подписью «Пифагор», выпущенные в 430–420 гг. до н. э. в Абдерах. Для того времени это случай беспрецедентный.

Во-первых, изображения философов на монетах стали появляться гораздо позже и, как правило, в их родных городах. Во-вторых, это вообще первый портрет на греческих монетах, во всяком случае, первый подписанный портрет.

В целом, никакому однозначному определению образ Пифагора не поддается, а наиболее частые эпитеты, применяемые к нему, – «легендарный» и даже «полумифический». Да, собственно, и Пифагор – это не имя, а прозвище, данное мудрецу за то, что он высказывал истину с постоянством Дельфийского оракула («Пифагор» значит «убеждающий речью»).

Что касается биографии Пифагора, то он сам в день своего 80-летия поведал ученикам, что его отец Мнесарх сразу после бракосочетания с Парфенисой направился с ней в Дельфы к Оракулу. Там им было сказано: «Пуститесь морем к Сирии, и дитя, прекрасное, как Аполлон, и мудрое, как Пифия, увенчает желание Парфенисы в Сидоне». «Это были слова Оракула, – продолжал Пифагор. – Ему нужно было иметь великую отважность в произнесении их, но они льстили отцу моему».

В общем, Пифагора считали отпрыском Аполлона и лишь на словах – сыном Мнесарха. Сохранилось и поэтическое свидетельство:

Фебу, Зевесову сыну,
Рожден Пифагор Пифаидой,
Той, что в Самосской земле
Всех затмевала красой.

Мнесарх, резчик по драгоценным камням, прибыл на остров Самос, расположенный у самых берегов Малой Азии, где около 580 г. до н. э. у него родился сын. Мальчик был сказочно красив, а вскоре проявил и свои незаурядные способности.

Отец часто брал ребенка в деловые поездки, благодаря которым у него развилась любознательность и желание познать новое. Кроме того, от путешественников и капитанов кораблей он узнавал о чудесных странах – Египте и Вавилонии, мудрость жрецов которых изумляла и манила его.

Среди учителей юного Пифагора традиционно называются имена Гермодаманта и Ферекида Сиросского (хотя информация эта не вполне достоверна). Целые дни юноша проводил у ног Гермодаманта, слушая стихи Гомера. Страсть к музыке и поэзии великого Гомера он сохранил на всю жизнь и, уже будучи признанным мудрецом, начинал день с исполнения одной из песен греческого поэта. Ферекид, второй учитель Пифагора, считался основателем италийской школы философии. Он

направил взор ученика к природе и советовал в ней одной видеть главного учителя.

Пытливому уму юного Пифагора скоро стало тесно на Самосе, и он отправился в Милеты, где встретился с Фалесом – одним из семи мудрецов. Фалес посоветовал ему отправиться за знаниями в Египет.

В 548 г. до н. э. Пифагор прибыл в Навкратис – самосскую колонию, а оттуда, изучив язык и религию египтян, уехал в Мемфис. Несмотря на рекомендательное письмо фараона, жрецы не спешили передавать Пифагору свое тайное знание, предлагая ему сложные испытания. Но, влекомый жаждой к новому, он преодолел их, хотя, судя по последним данным, египетские жрецы не многому могли его научить. В то время египетская геометрия была чисто прикладной наукой, удовлетворявшей потребность в измерении земельных участков.

Научившись всему, что дали ему жрецы, Пифагор убежал от них и двинулся на родину, в Элладу. Он решился на сухопутное путешествие, во время которого его захватил в плен Камбиз, царь Вавилона, направлявшийся домой.

Пифагор знал, что Вавилон – величайший город мира. Грандиозная панорама города, раскинувшего свои дворцы и высокие стены по обоим берегам Евфрата, привела его в восторг и изумление. Вавилон не шел в сравнение ни с одним греческим городом, особенно поражали широкие, прямые улицы, на которых располагались трех-четырехэтажные дома.

Жизнь Пифагора в Вавилоне не была особенно трудной, так как великий властитель Кир был терпим к пленникам. Вавилонская математика оказалась более развитой, чем египетская, и Пифагору было чему поучиться у халдейских жрецов. Он составлял таблицы расположения звезд и небесных тел, изучал халдейскую теорию чисел. Видимо, отсюда берет свое начало числовая мистика, приписывание числам божественной силы, которая преподносилась Пифагором как философия.

В 530 г. до н. э. Кир двинулся в поход против племен Средней Азии и, воспользовавшись переполохом в городе, пленник бежал на родину. На Самосе в то время царствовал тиран Поликрат. Пифагор попытался создать свою школу (точнее секту, общину), в основу которой положил аристократическую идеологию. Школа вызвала неудовольствие жителей и правителя острова, и философу пришлось покинуть родину. Он переселился в южную Италию – колонию Греции – и здесь, в Кротоне, повторил попытку основать школу.

О пребывании Пифагора в Кротоне сохранилось интересное свидетельство. Когда он прибыл туда, то расположил к себе весь

город как человек много странствовавший, необыкновенный и богато одаренный судьбой. Пифагор обладал величавой внешностью, благородством речи и нрава. Произнеся долгую и прекрасную речь, он очаровал старейшин, собравшихся в совете, затем по их просьбе дал наставления юношам, после этого детям, собранным вместе, и, наконец, женщинам, которых созвали, чтобы послушать его.

Пифагор был человеком с сильными социальными и политическими убеждениями, а также глубоким чувством собственной значимости. Он был явным лидером и пророком, но человеком хитрым и склонным к мистификации, хорошо понимающим, что нужно делать, чтобы достичь успеха.

В частности, важную роль в его успехе сыграло то, что Пифагор прибыл в Кротон в тяжелый для города период и сумел использовать эту ситуацию в своих целях. Он, как пишет Диоген Лаэртский, «…соорудил себе комнатушку под землей и наказал матери записывать на дощечке все происходящее, отмечая при этом время [событий], а потом спускать ему [эти заметки], доколе он не вернется [на землю]. Мать сделала, как он сказал. А Пифагор некоторое время спустя вернулся [наверх] тощий как скелет, пришел в народное собрание и объявил, что прибыл из Аида, причем зачитал им все, что произошло [за время его отсутствия]. Те были так взволнованы сказанным, что заплакали, зарыдали и уверовали, что Пифагор прямо-таки божественное существо…»

В Кротоне Пифагор учредил школу – пифагорейский союз, который просуществовал более двух веков. Впрочем, это была не столько научная школа, сколько религиозно-этическое братство – нечто вроде монашеского ордена, члены которого обязывались вести «пифагорейский» образ жизни, включавший наряду с целой системой аскетических предписаний и табу также обязательства по проведению научных исследований. Сегодня такую организацию назвали бы тоталитарной сектой.

Устав пифагорейского союза определял условия приема и образ жизни его членов. В союз принимались свободные люди обоего пола, выдержавшие многолетнюю проверку своих умственных и нравственных качеств. Собственность была общей, и перед вступлением в союз личное имущество сдавалось специальным экономам. В основе пифагорейской этики лежало требование победы над страстями, подчинение старшим, культ дружбы и товарищества, почитание Пифагора.

Собрав группу учеников, Пифагор посвящал их в глубокую мудрость, открытую им, а также в основы оккультной математики, музыки и астрономии. Эдуард Шюре писал: «Эта

маленькая община избранных как бы освещала собой раскинувшийся внизу многолюдный город. Ее светлая ясность привлекла благородные инстинкты юности, но нелегко было проникнуть в ее жизнь, и все знали, как труден доступ в среду немногочисленных избранных».

Свою школу Пифагор создал как тайную организацию со строго ограниченным числом учеников из аристократии, и попасть в нее было не просто. Претендент должен был выдержать ряд испытаний.

Сначала новичок попадал в гимнастический зал, где вместе с другими учениками упражнялся в различных играх. Этот зал не походил на другие: здесь не было ни громких криков, ни хвастовства своей силой или мускулами, среди молодых людей царствовала вежливость. Пифагор запрещал в своей школе единоборство, говоря, что вместе с развитием ловкости оно вносит элемент гордости и озлобления.

Затем пифагорейцы приглашали новичка свободно высказаться, не стесняясь оспаривать их мнения. В восторге, что его слушают, он начинал разглагольствовать, и в это время появлялся Пифагор, чтобы проследить за его жестами. Древний философ придавал особое значение смеху и походке молодых людей: «Смех – самое несомненное указание на характер человека». Он считал, что смех не сможет скрыть характер злого.

Еще одним испытанием был обет пятилетнего молчания. Все это время принятые в школу могли слушать голос учителя из-за занавеса, а увидеть могли лишь тогда, когда их «души будут очищены музыкой и тайной гармонией чисел».

Слава Пифагора как воспитателя была настолько велика, что все юноши хотели стать его учениками, а их отцы предпочитали, чтобы они проводили время с ним, нежели занимались собственными делами. Платон в своем единственном упоминании о Пифагоре называет его «предводителем юношества», создавшим особый образ жизни. В то же время пифагорейские сообщества были разбросаны по десятку городов Южной Италии, а затем собственно Греции, и совместные занятия, равно как и общее руководство, были в этой ситуации невозможны. Маловероятно, чтобы даже в Кротоне времени Пифагора занятия касались всех членов общества.

Значительное внимание Пифагор и пифагорейцы уделяли развитию математики. Считается, что Пифагор первым обосновал, что в прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов (теорема Пифагора). Он и его школа закладывают основы теории чисел и принципы арифметики. Арифметическим путем пифагорейцы решают многие

геометрические задачи того времени. Интерес, с которым он и его последователи изучали характер чисел и отношения между ними, вел к определенной абсолютизации чисел, к мистике чисел, приданию им магического всесилия. Числа были подняты на уровень реальной сущности всех вещей; отсюда приписываемое Пифагору изречение «все есть число».

Многое было сделано пифагорейцами и в области астрономии. Согласно древним источникам, впервые идея шарообразности Земли была высказана Пифагором. Это была чисто греческая идея, чуждая представлениям восточных астрологов и звездочетов. Другое достижение пифагорейцев состояло в том, что они первыми в Греции научились распознавать пять планет, ими была обнародована система мира, в которой, помимо пяти планет – Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна, вокруг «центрального огня» вращались также Солнце, Луна, Земля и так называемая Противоземля.

Следует еще упомянуть о пифагорейской концепции «гармонии сфер», послужившей соединительным мостиком между музыкальными и астрономическими исследованиями пифагорейцев и раскритикованной позднее Аристотелем. Впрочем, в дальнейшем, особенно в Средние века, идея гармонии небесных сфер пользовалась колоссальной популярностью.

Учение Пифагора о мире пронизано мифологическими представлениями. Так, мир представляется как живое и огненное шаровидное тело. Мир вдыхает из окружающего беспредельного пространства пустоту, или, что для Пифагора то же самое, воздух. Проникая извне в тело мира, пустота разделяет и обособляет вещи.

Кроме упомянутых областей знания, пифагорейцы занимались медициной; во всяком случае, известно, что ряд членов пифагорейского союза принадлежал к сословию врачей (Кротон был центром знаменитой в то время медицинской школы).

Наконец, важную составляющую системы обучения представляла ее этико-религиозная сторона. Основными элементами религии Пифагора были: вера в переселение души человека после смерти в тела других существ, ряд предписаний и запретов относительно пищи и поведения, а также учение о трех образах жизни, наивысшим из которых признавалась жизнь не практическая, а созерцательная. Религиозно-этическое учение Пифагора, в основе которого лежала идея переселения души, вызывало язвительные замечания современников-философов. Вот эпиграмма, посвященная Пифагору поэтом и философом Ксенофаном:

Шел, говорят, он однажды, и видит – щенка избивают.
Жалостью схваченный, он слово такое изрек:
«Стой! Перестань его бить! В бедняге умершего друга
Душу я опознал, визгу внимая ее».

Все это привело к противоречивости оценок личности Пифагора. Одни считают его основателем европейской научной традиции, другие – «шаманом», предводителем экстатических культов и тайных мистерий, третьи полагают, что он соединял в себе оба эти качества. Поэтому трудно понять, что представлял собой Пифагор и созданная им школа. Есть, правда, еще одно мнение, согласно которому пифагорейский союз – исключительно политическая организация, а все научные изыскания – побочный продукт деятельности на пути к власти.

Дело в том, что религиозные взгляды пифагорейцев весьма тесно связаны с их политической ориентацией и пониманием морали, которая обосновывала «кастовое» разделение общества и необходимость абсолютного подчинения демоса аристократии. Религию и мораль Пифагор считал основными атрибутами упорядочения общества. Пифагорейский подход испытывает влияние элементов персидской и индийской мистики. Его учение о бессмертии души строится на принципах полной подчиненности человека богам:

Бессмертных сначала богов, как велит нам закон, почитай,
Их почитая, также отдай уважение богоравным умершим!

Религиозные и моральные принципы пифагорейского учения наложили отпечаток на структуру и деятельность пифагорейского союза. Большинство принципов союза носило тайный характер и было доступно лишь его членам. Авторитет Пифагора был непререкаемым, его философия весьма длительное время преподавалась исключительно членам союза, и лишь некоторые моральные принципы разрешалось распространять «в народе».

Что касается пропаганды религиозных взглядов, то тут картина была полностью противоположной. В пифагорейском понимании распространение «религии» являлось основной обязанностью каждого члена союза.

Целью Пифагора было не только передать свое учение группе избранных учеников, но и применить его к воспитанию юношества и жизни государства. В конце своей жизни философ даже попытался провести реформу государственного устройства,

идеал которого состоял в порядке и гармонии. Он хотел сверх политической власти (Совета Тысячи) создать власть науки с совещательным или решающим голосом во всех вопросах (Совет Трехсот, который пополнялся исключительно из числа посвященных). Таким образом, Пифагор стремился поставить во главе государства умных правителей, «опирающихся на высшее знание».

Политическое влияние сторонников Пифагора возрастало постепенно, по мере их возмужания и включения в государственную деятельность. Нет никаких сведений о том, что пифагорейское сообщество, совершив в Кротоне государственный переворот, заняло место законного правительства в совете старейшин. Пифагор не занимал никакой должности. Это не значит, что он стоял в стороне от политики – пифагорейская школа активно вмешивалась в политическую жизнь италийских полисов, что привело в конце концов к ее разгрому и бегству большинства ее адептов из Италии. Впрочем, это произошло уже после смерти Пифагора в Метапонте.

Влияние пифагорейцев на политику осуществлялось не в форме прямого правления, а путем участия отдельных членов союза в деятельности правительства каждого из городов. Когда вождям пифагорейской общины в Кротоне удалось на определенное время получить власть, против них выступил не какой-то вождь демократии, а Кил он – знатнейший и богатейший из граждан Кротона. Однажды он пришел к Пифагору, желая спьяну вступить в братство. Получив отказ, он начал борьбу с Пифагором и поджег его дом. Во время пожара пифагорейцы спасли жизнь своему учителю ценой собственных жизней, после чего Пифагор затосковал и вскоре покончил жизнь самоубийством.

По другим сведениям, Пифагор во всеуслышание объявил, что он возвращается в Аид, из которого пришел. Он удалился в пещеру, вход в которую завалили камнями, где провел сорок дней без пищи, а когда вход открыли, то оказалось, что его там нет. Эта подробность, а также широкая проповедческая активность Пифагора дали некоторым исследователям повод отождествлять его с Иисусом Христом, хотя это, конечно же, неверно.

Со смертью Пифагора пифагорейский союз начал терять былую силу: после перехода власти в руки демократии во многих городах были сожжены дома, где собирались пифагорейцы, часть из них была убита, другие бежали в континентальную Грецию, где возникли центры пифагореизма. Но теперь они не играли самостоятельной роли в политике. Борьба с пифагорейством закончилась (не ранее 450 г. до н. э.) разгромом кротонской

общины пифагорейцев и переселением ее уцелевших руководителей в Тарент, Регину и другие греческие города.

РАДИЩЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

(род. в 1749 г. – ум. в 1802 г.)

Я вашему величеству служу
Из верности престолу, вот и плата.
Быть господином – дело короля,
Долг подданного – быть слугой
и сыном
И вместе с остальными делать все,
Что требуется честью и любовью.

Уильям Шекспир, «Макбет»

О Радищеве чаще всего пишут (точнее, писали) так: «Александр Николаевич Радищев – первый в России революционный писатель…предшественник декабристской и революционно-демократической мысли XIX в.». Биография писателя превратилась в своего рода «житие революционера», а литературная репутация А. Н. Радищева незаметно и прочно

срослась с оценкой его политических взглядов. При этом как бы само собой разумеется, что главные произведения Радищева – «Путешествие из Петербурга в Москву» и ода «Вольность», входящая в состав «Путешествия…». А ведь Радищев еще был автором многих «неполитических» произведений, ставших событиями в истории русской литературы, кроме того, он сыграл заметную роль в истории русского масонства и масонской поэзии конца XVIII века.

Александр Николаевич Радищев родился 20 августа 1749 г. Сашенька был первенцем в семье дворянина – потомка денщика Петра I (впоследствии семья изрядно увеличилась, у Саши появились семь братьев и четыре сестры). Первые годы жизни писателя прошли в Немцове Калужской губернии, затем семья перебралась в имение Верхнее Аблязово Саратовского наместничества (сейчас Пензенская область).

Вначале воспитателями мальчика были крепостные – няня Прасковья Клементьевна и дядька Петр Мамонтов по прозвищу Сума, который научил Александра русской грамоте по Часослову и Псалтырю. Когда ребенку исполнилось шесть лет, в доме появился «француз». Вскоре, однако, выяснилось, что гувернер был полуграмотным беглым солдатом, почти не знавшим языка, и с ним расстались. Спустя еще год отец повез мальчика в Москву, где он был представлен директору Московского университета А. М. Аргамакову. Дети Аргамаковых занимались на дому с профессорами и преподавателями университетской гимназии, и Александр присоединился к ним. С 8 до 13 лет он учился в доме дяди по программе гимназического курса, бывал на экзаменах, гимназических и студенческих диспутах, много читал.

В 1762 г. Александра, происходившего из богатой семьи, владевшей более чем 3 тыс. крепостных, приняли в Санкт-Петербургский придворный пажеский корпус, он покинул Москву и переехал в столицу. С 1762 по 1766 год Радищев учился в пажеском корпусе.

В 1766 г. Екатерина повелела отправить в Лейпцигский университет для научных занятий двенадцать молодых дворян, в том числе шесть пажей, «наиболее отличившихся поведением и успехами в учении». Среди избранных был и Александр Радищев. Екатерина II собственноручно составила инструкцию относительно их занятий: «1) Обучаться всем латинскому, французскому, немецкому и, если возможно, славянскому языкам, в которых должны себя разговорами и чтением книг экзерцировать. 2) Всем обучаться моральной философии, истории, а наипаче праву естественному и всенародному и несколько Римской истории и праву. Прочим наукам обучаться

оставить всякому по произволению».

На содержание студентов были выделены значительные средства, но приставленный к дворянам воспитатель Бокум утаил большую часть денег, и студенты сильно нуждались. С самого выезда из Петербурга у него начались столкновения со студентами, которые вылились в скандал. Бокум оболгал молодых людей, выставив их бунтовщиками, и посадил под строгий караул, лишь вмешательство посла привело к их освобождению.

Этот эпизод, наверное, так и остался бы неприятным воспоминанием в жизни А. Н. Радищева, если бы не литературная деятельность, на которую повлияли труды Вольтера, Гельвеция и Руссо, приведшая его в сибирский острог. Судьи припомнили участие в «беспорядках», так что Александр Николаевич оказался закоренелым бунтовщиком, заслуживающим наистрожайшего наказания.

В 1771 г. по окончании Лейпцигского университета Радищев вернулся на родину, готовый, по его собственным словам, «жертвовать и жизнию для пользы Отечества». Он рассчитывал принять участие в создании нового законодательства, обещанного Екатериной, но вынужден был довольствоваться скромной должностью протоколиста в Сенате. Радищев занимался составлением судебных протоколов, касающихся в основном крестьянских бунтов и волнений, жалоб крестьян, случаев помещичьего произвола. Должность сенатского протоколиста, вероятно, не устраивала его, и при первой возможности он перешел на военную службу, а потом вышел в отставку.

В 1772 г. он входит в литературные круги столицы, и в журнале «Живописец» печатается одно из его первых сочинений – «Отрывок из путешествия в ***». В том же году Радищев переводит «Размышления об истории Греции» Мабли, в которых прославлялась греческая демократия (снабдив книгу комментариями, в одном из них он писал, что самодержавие есть «наипротивнейшее человеческому естеству состояние»).

Примерно с этого времени Радищев принимает участие в работе «Общества, старающегося о напечатании книг», и сближается с масонами. Он продолжает сочинять, но до 1789 г. включительно ни одно из произведений Радищева не публиковалось. Надо сказать, что вообще его творчество – один из наиболее сложных пластов русской литературы XVIII века. Во-первых, существующая огромная исследовательская литература о нем по большей части устарела и мешает адекватному чтению произведений писателя. Во-вторых, его сочинения, как правило, написаны «темным», наполненным масонской символикой

языком. В 1780 г. Радищев пишет «Слово о Ломоносове»; в 1782 г. – «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске, по долгу звания своего», посвященное открытию в Петербурге памятника Петру I.

В 1783 г. умирает горячо любимая жена писателя, и он полностью погружается в литературную деятельность. В том же году он пишет оду «Вольность» – первое революционное стихотворение в России, в котором славит тираноборцев Брута, Вильгельма Телля и американскую демократию. Вольность – «бесценный дар», и препоной ей являются законы, создаваемые самодержавием, освящаемые церковью, утвердившие рабство.

В 1788 г. Радищев перешел на службу в Петербургскую таможню в качестве помощника управляющего, а потом стал и управляющим, не прекращая при этом своей литературной деятельности.

В 1789–1790 гг. одно за другим публикуются несколько произведений писателя, написанных на разные темы. Это сатирическое «Житие Федора Васильевича Ушакова», рассказывающее о жизни в Лейпциге русских студентов, которое Радищев, будучи начальником Петербургской таможни, публикует анонимно. Выходит написанное много раньше «Письмо к другу…», а также «Беседа о том, что есть сын Отечества», где он отказывает большинству представителей дворянского общества в праве называться патриотами.

В 1789 г. А. Н. Радищев завершил работу над своим самым известным трудом – книгой «Путешествие из Петербурга в Москву». В том же году он приобрел типографию, в которой с помощью друзей в мае 1790 г. печатает 650 экземпляров книги. В 24 главах произведения, каждая из которых носит название какой-нибудь станции по дороге из Петербурга в Москву, писатель излагает свою политико-философскую теорию, требующую уважения прав и свобод личности, отмены крепостного права, справедливого раздела земель и содержащую республиканскую программу.

Екатерина II отнеслась к «Путешествию…» крайне неблагожелательно, сказав об авторе этой книги, что «он бунтовщик хуже Пугачева». Радищева арестовали и посадили в Петропавловскую крепость, книгу изъяли из продажи и запретили (запрет продержался вплоть до 1905 г.). Следствие вела лично императрица, и в июле 1790 г. писатель был приговорен к смертной казни. Под давлением следствия Радищев заявлял о своем раскаянии, отказывался от книги, надеясь смягчить приговор, и смертная казнь была заменена на «десятилетнее безысходное пребывание» в сибирском остроге в г. Илимске, что

под Иркутском. Закованный в кандалы Радищев был отправлен в Сибирь.

Возможно, Екатерина была бы не так строга и дело ограничилось бы простой конфискацией книги (как это происходило со многими другими), ведь она была просвещенной императрицей, вела переписку с Вольтером, но… Радищев глотнул воздуха европейской вольности только по милости Екатерины, а потом проявил неблагодарность и употребил полученные знания во зло ее правлению. Императрица, очевидно, усмотрела в его книге не бунт, но личное оскорбление, а этого она простить не могла.

В Сибири Радищев написал религиозно-философский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии» и незавершенное сочинение «Ангел тьмы», а также историческое сочинение «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» и экономический трактат «Письмо о китайском торге».

После смерти Екатерины II император Павел I в 1798 г. переводит Радищева под полицейский надзор в имение Немцово, где он находится под домашним арестом и продолжает свою литературную деятельность.

В результате очередного дворцового переворота Павел I был убит и на престол взошел его сын, Александр I. Радищев был полностью амнистирован и получил полную свободу. Его пригласили принять участие в работе Комиссии по составлению законов, и он вернулся в Петербург, где занялся подготовкой реформ. Служа в Комиссии, Радищев активно работал над законодательством, касающимся уничтожения крепостного права, ликвидации сословных привилегий, отмены телесных наказаний, но ни одному из его проектов не был дан ход.

Его травили, угрожали новой ссылкой, и именно этим Г. Чхартишвили объясняет самоубийство А. Н. Радищева: «..Унижения, физические страдания и, что хуже всего, неизбежные этические компромиссы, на которые пришлось пойти, чтобы выжить, – вот компоненты тяжелой нравственно-психической травмы, подтачивающей души бывших узников. Особенно тяжела эта ноша людям думающим, тонко чувствующим, с развитым чувством собственного достоинства. Эта мина замедленного действия может взорваться в любой момент под воздействием обстоятельств, хотя бы частично воссоздающих обстановку перенесенного кошмара. Когда травмированному человеку кажется, что все это может повториться вновь, смерть – и та выглядит предпочтительней… Рассерженный вельможа пригрозил Радищеву повторной Сибирью…Писатель содрогнулся, вспомнив о цепях, повозке с

жандармом, казематах. Содрогнулся – и наложил на себя руки».

Но думается, что дело не только в страхе перед новым заключением. Есть еще одно – Радищев, чудом избежавший смертной казни, проведший 10 лет в ссылке, казалось, дожил до реализации собственных идей. И тут все рухнуло в тартарары; оказалось, что его снова обманули – реформ не будет.

Возможно, что в условиях либерального царствования Александра I слова вельможи были пустым сотрясанием воздуха, но… Вот что они означали для Радищева: он слишком легко поверил в то, что жизнь в России меняется, а вся его законодательная работа бесцельна и бессмысленна. Да и легко ли дворянину (хоть и пережившему опалу) смириться с тем, что его судьба отныне и навсегда зависит от расположения чиновничьей сошки, что на самом-то деле он до конца жизни продолжает оставаться «подследственным» и решение по его «делу» может быть пересмотрено в любой момент.

Чувствуя невозможность осуществления своих идеалов, Радищев решил покончить жизнь самоубийством. И кто сможет упрекнуть его в том, что он решился на этот отчаянный шаг? Радищев знал, что дальнейшая жизнь в постоянном страхе означает для него бесчестье, и выбрал честь (тем более, что ценой отказа от своих убеждений один раз он уже выжил – повторить это снова он не мог). Тяжелобольной и сломленный Александр Радищев утром 23 сентября 1802 г. принял яд и после долгих мучений умер в возрасте 53 лет.

Факт самоубийства был тщательно скрыт, и его похоронили по церковному обычаю на Волковом кладбище как «умершего от чахотки». Могила Александра Николаевича Радищева затеряна, и ее местонахождение неизвестно.

САВИНКОВ БОРИС ВИКТОРОВИЧ

(род. в 1879 г. – ум. в 1925 г.)

Пролитая кровь точно так же может быть символом беспомощности, как и разбитое окно.

Кароль Ижиковский

«Пусть Эрну все-таки взорвет. Пусть повесят Ваню и Федора. Губернатор все-таки будет убит. Я так хочу. Внизу на площади под окном копошатся люди – черные муравьи. Каждый занят своей заботой, мелкою злобой дня. Я презираю их».

Борис Савинков, «Конь бледный»

Борис Савинков – «профессиональный террорист», как он сам себя называл – довольно известная личность в истории русской революции. В студенческие годы он был опасным преступником, покушавшимся на жизнь видных государственных чиновников. Под псевдонимом В. Ропшин он писал книги, основанные на автобиографическом материале. Савинков был незаурядным

человеком, ненавидя бюрократию и самодержавие, он не мог оставаться в стороне от революционных свершений. Революция – как борьба против режима, в которой приемлемы любые средства, – стала смыслом его жизни.

Борис Савинков руководил охотой на царских сановников и красных комиссаров, писал талантливые книги и сам был персонажем советских детективов. Им восхищались Уинстон Черчилль и Зинаида Гиппиус, Бенито Муссолини и Сомерсет Моэм. Хорошо знавший его А. Луначарский назвал Савинкова «артистом авантюры». Ему были посвящены кинофильм «Крах» (1969) и роман В. Ардаматского «Возмездие» (1972). Сегодня бурная и неоднозначная политическая деятельность писателя-террориста по-прежнему вызывает интерес, а проза В. Ропшина переиздается и экранизируется (роман писателя «Конь бледный» лег в основу еще не вышедшего на экраны фильма К. Шахназарова).

Если попытаться коротко изложить его биографию сухим языком энциклопедии, то получится примерно следующее: «Савинков Борис Викторович (литературный псевдоним В. Ропшин); Род. 19(31). 1.1879, Харьков; ум. 7.5.1925, Москва, русский политический деятель, один из лидеров партии эсеров, писатель. После окончания гимназии Савинков поступил в Петербургский университет, но за участие в студенческом движении был исключен. С 1898 г. входил в социал-демократическую группу. В 1901 г. принимал участие в социал-демократической группе пропагандистов Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»[31] и после ареста был выслан в Вологду. В 1903 г. совершил побег. В Женеве вступил в «Боевую организацию» эсеров. В 1903–1906 гг. один из руководителей «Боевой организации». Участвовал в убийстве министра внутренних дел В. Плеве, московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. В 1906 г. арестован, приговорен военным судом к повешению, но бежал в Румынию. В 1907 из-за разногласий с руководством выходил из партии эсеров. В 1909 г. опубликовал повесть «Конь бледный», в которой выразил разочарование в террористической борьбе. В 1911 г. эмигрировал во Францию. Издал роман «То, чего не было» (1914), посвященный событиям Революции 1905–1907 гг. и показывающий распад партии эсеров. В годы Первой мировой войны (1914–1918) добровольцем служил во французской армии. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. вернулся в Россию. Был комиссаром Временного правительства при Ставке верховного командования, затем комиссаром Юго-Западного фронта, товарищем военного

министра. Савинков поддерживал связи с Л. Корниловым, был членом реакционного «Совета Союза казачьих войск». Безуспешно способствовал созданию общей платформы между Л. Корниловым и А. Керенским. В сентябре 1917 г. не счел нужным давать объяснения своей деятельности ЦК, по его словам, не имеющему ныне «ни морального, ни политического авторитета», и был исключен из партии эсеров. Во время Октябрьской революции неудачно пытался освободить Зимний дворец. После Октябрьской революции 1917 г. участвовал в мятеже Керенского – Краснова; входил в антисоветский «Гражданский совет», образованный на Дону генералом Алексеевым; участвовал в создании Добровольческой армии. В феврале – марте 1918 г. создал в Москве подпольный контрреволюционный «Союз защиты родины и свободы». В 1919 г. за границей вел переговоры с правительствами стран-участниц Антанты о помощи белым войскам. Во время советско-польской войны 1920 г. был председателем «Русского политического комитета» в Варшаве, участвовал в подготовке антисоветских военных отрядов (С. Н. Булак-Балаховича и др.). В 1921–1923 гг. руководил шпионско-диверсионной деятельностью против СССР. В Париже в 1923 г. вышла его повесть «Конь вороной» о бесперспективности белого движения. Арестован 16 августа 1924 г. в Минске после нелегального перехода советской границы. На суде раскаялся в своих преступлениях, признал крах попыток свержения Советской власти. 29 августа 1924 г. был приговорен к расстрелу, замененному лишением свободы на 10 лет. В тюрьме Савинков имел возможность заниматься литературным трудом. Он написал и послал письма некоторым руководителям белой эмиграции с призывом прекратить борьбу против Советского государства. Покончил жизнь самоубийством».

Довольно впечатляющий «послужной список» для сорока шести лет жизни, не правда ли? Но вот вопрос: что побудило Бориса Савинкова (как, впрочем, и многих других) стать террористом? И еще – если он так серьезно занимался политикой, то зачем ему нужна была литературная деятельность?

Известно, что к террору прибегают тогда, когда мирные средства не дают результата; террор – это политика тех, у кого нет другого способа быть услышанными (во всяком случае, по их мнению). Терроризм не возникает из ниоткуда; за ним всегда стоит какая-то мощная идея, способная увлечь людей настолько, что они готовы жертвовать ради нее свободой и даже жизнью. Печально, но идея терроризма привлекает прежде всего молодежь – самую романтичную и радикально настроенную часть населения.

В начале XX в. Россия переживала глубокий политический, идейный и духовный кризис, общество утратило точки опоры и появились личности, предлагающие свой план социальных преобразований. В том числе таких, которые были связаны с кровавыми политическими убийствами, публичными расправами и террором, который в основном практиковали члены левых организаций (народовольцы, эсеры, большевики, анархисты и пр.). В «большой террор» шли женщины, поляки, евреи – все, кто чувствовал себя «человеком второго сорта» в царской России. К террористам присоединялись и наиболее вольнодумные из студентов. Страну захлестнула волна политических убийств: в 1905 г. эсерами было совершено 54 «акции», в 1906 г. – 82, а в 1907-м – 73. К 1914 г. эсеры совершили около 300 терактов (а ведь были еще представители «правого» терроризма: черносотенцы и т. п.). По некоторым данным, в России начала XX века совершалось до 600 терактов в год – чуть ли не два покушения ежедневно!

Губернаторов, жандармов, военных убивали за подавление рабочих и крестьянских восстаний – кровь за кровь! Общество рукоплескало террористам (при известии о смерти ненавистного России министра Плеве даже самые далекие от революции люди аплодировали), присяжные выносили оправдательные приговоры…. После гибели московского губернатора по столице ходили развеселые шутки вроде: «Наконец-то Великий князь пораскинул мозгами».

Читая воспоминания террористов (и особенно террористок), не устаешь удивляться тому, насколько они были романтичны и устремлены к высоким идеалам. Их поступки беспримерно жестоки, но не циничны; они казнятся тем, что от их рук гибнут невинные люди (но, разумеется, тут же списывают эти смерти на «царских сатрапов» – ведь если бы не «мучители», то не было бы нужды бросать бомбу и люди бы не пострадали). Каждый из них пришел в «бомбисты» после долгих нравственных поисков, и потому особое значение уделялось «этике террора». Например, выбор жертвы: карать следовало тех, кто считался крайним реакционером, мрачной и омерзительной личностью, – тогда теракт вызовет симпатии в обществе. Горячо обсуждалась тема «ухода с акта»: должен ли революционер скрыться и продолжить борьбу или, наоборот, сдаться, а потом со скамьи подсудимых рассказать, что толкнуло его на крайний шаг, и с достоинством принять казнь? Как относиться к попутной гибели случайных людей? Надо ли убивать царя – ведь казнь народовольцами Александра II вызвала толки, что «убили государя, отменившего крепостное право»? Все это были не досужие рассуждения, а

важнейшие вопросы.

В такой обстановке одним из «передовиков» террора стал харьковчанин Борис Савинков, племянник знаменитого художника-передвижника Ярошенко, сын популярной в свое время писательницы (псевдоним – С. А. Шевиль) и либерального варшавского судьи, славящегося справедливостью и порядочностью. Старший брат Савинкова покончил с собой в якутской ссылке, куда попал за участие в революционной деятельности.

Однако приход Бориса в революцию не связан лишь с жаждой личной мести режиму – оппозиционность была общим настроением тогдашней интеллигенции, особенно ее студенческой части. Надо сказать, что Савинков начинал с относительно «вегетарианских» убеждений, был социал-демократом, членом «Петербургского Союза за освобождение рабочего класса», за что его сослали в Вологду. В ссылке его товарищами стали А. Луначарский (будущий нарком просвещения); П. Щеголев (в дальнейшем крупный историк и пушкинист), А. Ремизов (впоследствии известный писатель).

Вообще говоря, если бы не ссылка, то Савинков вполне мог бы остаться большевиком и возглавить какой-нибудь участок «красного фронта» (правда, в этом случае он тоже вряд ли бы умер своей смертью – скорее всего, его расстреляли бы в тридцатые годы). Но в Вологодской ссылке Борис Савинков проникся радикальными идеями социалистов-революционеров (эсеров). К тому моменту партия эсеров, возникшая в 1901–1902 гг. и провозгласившая себя преемницей «Народной воли», уже провела несколько терактов. Савинкова распирал бешеный темперамент, требующий немедленных действий, которых марксизм предложить не мог, и он понял, что его место – в рядах эсеров.

Эсеры, требуя ликвидации самодержавия, создания демократической республики, введения политических свобод, 8-часового рабочего дня и т. д., важное место отводили индивидуальному террору, для чего была создана «Боевая организация» – структура абсолютно закрытая и полностью самостоятельная. Верхушка партии эсеров лишь выносила приговор тому или иному царскому сановнику, остальное считалось делом «Боевой организации». Организация провела теракты против министров внутренних дел Д. Сипягина и В. Плеве, харьковского губернатора князя И. Оболенского и уфимского – Н. Богдановича, московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича Романова[32]; готовила покушения на Николая II, министра внутренних дел П. Дурново,

московского генерал-губернатора Ф. Дубасова и др.

Евно Азеф (глава «Боевой организации») и Борис Савинков (его заместитель) сами разрабатывали план действий и подбирали исполнителей. Никто не имел права вмешиваться в дела организации, что впоследствии обернулось скандалом: выяснилось, что Азеф – агент охранки с 1893 г. Именно он в 1901 г. выдал съезд партии эсеров в Харькове; в 1905 г. – почти весь состав «Боевой организации»; в 1908 г. по его доносу было казнено 7 боевиков. В том же году Азеф был разоблачен и приговорен к смерти соратниками по партии, но ему удалось скрыться[33].

Эсеры в 1905–1907 гг. участвовали в вооруженных выступлениях в Москве, Кронштадте, Свеаборге, имели своих представителей в Советах рабочих депутатов и Всероссийском крестьянском союзе. И конечно, продолжали совершать террористические вылазки. «Мы во всеуслышание порицаем террор как тактическую систему в свободных странах. Но в России, …где нет спасения от безответственной власти, самодержавной на всех ступенях бюрократической лестницы, – мы вынуждены противопоставить насилию тирании силу революционного права», – писал ЦК партии эсеров в обращении «Ко всем гражданам цивилизованного мира» (1905).

Оружием террористов были не только традиционные бомба, кинжал или револьвер, обдумывались и довольно экзотические методы. Савинков, к примеру, мечтал, нагруженный динамитом, ворваться в Зимний дворец. Инженер-анархист С. Бухало по его заказу конструировал самолет, способный развивать неслыханную по тем временам скорость 140 км/час. Управляемый террористом-самоубийцей аппарат должен был стартовать из Англии, набрать огромную высоту и спикировать на Царскосельский или Петергофский дворец, покончив тем самым с царем и его ближними. Савинков был в восторге от проекта: «это первый шаг к радикальному решению вопроса о терроре», «Боевая организация» становится непобедимой», «все надежды на научную технику». Научный прогресс – вот «единственный путь террора».

Обо всех этих событиях Борис Савинков пишет в своих «Воспоминаниях террориста» (1909), давая яркие психологические портреты своих товарищей по оружию – Ивана Каляева, Егора Сазонова, Доры Бриллиант, Евно Азефа. В том же году выходит и роман «Конь бледный» – талантливое беллетризированное обобщение подлинного опыта автора-террориста. Проницательный Савинков показывает, как право высшего суда, присвоенное его героем, перерождает его душу; он начинает ощущать тупиковость террористического пути. «Конь

бледный» стал в России бестселлером, хотя товарищи сочли его почти предательством.

Тогда же наступил и общий кризис террористической идеи в России. Историки отмечают, что покончить с массовым терроризмом удалось к 1910 г. Залогом успеха стали надежность, полнота и оперативность информации о деятельности групп бомбистов и постоянно увеличивавшийся штат секретных агентов (к 1917 г. их число приблизилось к 100 тысячам человек). В таких условиях в 1911 г. «Боевая организация» заявила о самороспуске, а Савинков, надломленный предательством Азефа, эмигрировал во Францию, заявив, что не желает далее находиться в партии. Гонорары за роман «Конь бледный» обеспечили ему скромное, но безбедное существование за границей; в России его наверняка ждал бы смертный приговор.

Савинков вернулся в Россию после февраля 1917-го и сделал стремительную карьеру. После Февральской революции 1917 г. эсеры вместе с меньшевиками входили в состав Временного правительства, занимали лидирующую позицию во ВЦИК, Исполкоме Совета крестьянских депутатов, во Временном совете Российской республики, получили большинство на выборах в Учредительное собрание. Савинков стал товарищем военного министра Временного правительства и комиссаром Временного правительства на Юго-Западном фронте, сыграл странную и драматичную роль в подготовке и крушении Корниловского мятежа в августе 1917-го.

После Октябрьской революции эсеры участвовали в антибольшевистских выступлениях, многие были вынуждены покинуть Россию. Савинков стал одним из основателей Добровольческой армии и организатором неудавшихся восстаний против большевиков в Ярославле, Рыбинске, Муроме. Он стал ярым врагом большевизма и, в конце концов, увидев невозможность победы над ним, уехал за границу.

В 1921 г. Борис Савинков создал в Польше «Народный Союз защиты Родины и свободы». Целью организации было: «свержение режима большевиков и установление истинно русского, демократического строя». При финансовой поддержке Пилсудского он пытался сначала из Варшавы, а затем из Парижа проводить знакомые ему революционные формы борьбы.

В том же 1921 г. Савинков встретился с Л. Красиным. Представитель РСФСР долго убеждал его прекратить борьбу против большевиков, предлагая место в представительстве Наркомата иностранных дел за границей. Савинков должен был использовать свое влияние и связи на благо Родины, в частности помочь получить заем в 10 миллионов фунтов стерлингов

золотом для восстановления экономики страны. Он ответил, что готов прекратить борьбу, если будут выполнены три условия: произойдет передача верховной власти свободно избранным советам, будет ликвидирован ВЧК и признана частная собственность на землю. Конечно, Борис Савинков понимал, что Красин не мог не только решать эти вопросы, но и обсуждать их, поэтому встреча окончилась ничем.

На следующий день Савинков встретился с Уинстоном Черчиллем, который пригласил его к премьер-министру Великобритании. Британскую верхушку интересовало мнение Бориса Викторовича о том, на каких условиях можно было бы признать Советскую власть. Савинков повторил требования, выдвинутые накануне Красину, и премьер согласился с изложенной программой. Черчилль также предложил ему посетить Каннскую конференцию[34] в частном порядке, чтобы в случае необходимости дать разъяснения по русскому вопросу. Кроме того, Савинкову была обещана финансовая поддержка. Но в Канне он оказался ненужным, обещанных денег тоже не было.

Тогда Борис Савинков обратил свои взоры на Апеннинский полуостров. Разъезжая по столицам европейских стран в поисках денежных средств, он в марте 1922 г. встретился с Бенито Муссолини с целью получить у него финансовую и политическую поддержку. В то время на итальянский фашизм смотрели как на вполне здоровое движение, борьбу решительных людей с двуличными демократиями. Поэтому было вполне естественно, что социалист Савинков интересовался опытом бывшего социалиста Муссолини.

Вообще же Савинков был настоящим авантюристом. Еще до встречи с Муссолини, в феврале 1922 г., он обосновался в Генуе под фамилией Гуленко, представившись журналистом из Константинополя. «Журналист» связался с резидентурой Иностранного отдела ГПУ в Италии, предложил свои услуги и представил ряд любопытных документов, по-видимому, из своего же архива. С «Гуленко» несколько раз встречался советский резидент, выказывая лжежурналисту полное доверие. Дошло до того, что Савинков чуть было не оказался в охране советской делегации, и разоблачение состоялось только благодаря действиям берлинской резидентуры.

Как свидетельствуют архивные материалы, советские спецслужбы рассматривали Савинкова как непримиримого противника, готового во имя своих политических амбиций идти на крайние меры. Человек, которого принимали высшие чиновники Англии, Франции, Польши и других стран, имевший связи со спецслужбами этих государств, был опасен для

большевиков. Он не только призывал к борьбе с Советской властью, но и активно воевал с ней, создавая в России многочисленные резидентуры. Его группы в России, насчитывавшие свыше 500 человек в разных городах, в 1921–1922 гг. устроили ряд террористических актов, но вскоре были арестованы. Призывы Савинкова к террору против советских лидеров не могли не беспокоить, и ему была объявлена настоящая война[35].

В мае 1922 г. был создан контрразведывательный отдел, на который возлагалась борьба с иностранным шпионажем, белоэмигрантскими центрами и подпольными контрреволюционными организациями на территории Советской России. Сотрудникам отдела и суждено было поставить последнюю точку в биографии «артиста авантюры» и писателя В. Ропшина.

Возникла идея легендировать в центре России широко разветвленную антисоветскую организацию под названием «Либерально-демократическая организация», которая признавая необходимость активной борьбы с большевиками, «к политическому и индивидуальному террору, а тем более террору экономическому… относится отрицательно». Контрразведчики всеми силами способствовали закреплению легенды о наличии подполья на советской территории. И старый конспиратор клюнул на эту удочку.

Операция по поимке Савинкова считается классикой спецслужб: чекистам все-таки удалось убедить его, что в СССР существует подпольная террористическая организация, и уговорить Бориса Викторовича вернуться в Россию и возглавить борьбу. В ночь на 16 августа 1924 г. он вместе с Дикгофом-Дерентальем и Любовью Ефимовной перешел советско-польскую границу.

В тот же день в Минске Савинков был арестован, и уже 29 августа 1924 г. ему был вынесен смертный приговор, который через несколько часов заменили десятью годами тюремного заключения. На суде он сказал: «После тяжкой и долгой кровавой борьбы с вами, борьбы, в которой я сделал, может быть, больше, чем многие и многие другие, я вам говорю: я прихожу сюда и заявляю без принуждения, свободно, не потому, что стоят с винтовками за спиной: я признаю безоговорочно Советскую власть и никакой другой».

Историки до сих пор не знают, что двигало террористом. Действительно ли он поверил в существование в России мифической подпольной организации или заключил с представителями политического руководства страны некий

«контракт», по которому в обмен на признание Советской власти получал право легально жить и работать на родине? Что касается событий, происходивших между 16 и 29 августа, то они в документах вообще не отражены (во всяком случае в тех, что находятся в открытом доступе). Между тем это ключевой момент в судьбе Савинкова, потому что дальнейшие события выглядят каким-то фарсом: на суде он кается, его приговаривают к расстрелу, который тут же заменяют десятилетним сроком. Сам же он считал, что признанием Советов и своими покаянными письмами соратникам за рубеж заслуживал прощения. Савинков не мог перенести того, что оказался практически никому не нужным. Его трагический конец был предрешен…

Последний год своей жизни Савинков провел во внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке. Чтобы облегчить его душевное состояние и закрепить на позициях признания и сотрудничества с Советской властью, были созданы максимально комфортные условия: он часто выезжал в город в сопровождении чекистов, посещал рестораны и театры, встречался со знакомыми, писал статьи. Савинков несколько раз обращался через печать к лидерам белой эмиграции с призывом прекратить бессмысленную борьбу. Его объемное письмо «Почему я признал Советскую власть» печаталось в эмигрантской прессе, в газетах и журналах многих стран Европы. По разрешению Ф. Дзержинского он находился в одной камере с фактической женой – Любовью Дикгоф-Дерентал; их обеспечивали книгами, продуктами, винами. Несмотря на льготный режим (а может, именно благодаря ему – обычные условия заключения давали бы ему моральное право чувствовать себя пострадавшим и продолжать борьбу с Советами), Савинков очень тяготился своим положением и просил как можно скорее решить вопрос о его освобождении.

В мае 1925 г. в деле террориста Б. Савинкова и литературной биографии В. Ропшина была поставлена точка. Ниже представлен отчет одного из непосредственных свидетелей событий 7 мая 1925 г. – работника контрразведывательного отдела ГПУ В. И. Сперанского:

ИЗ ОТЧЕТА В. СПЕРАНСКОГО

6 мая, когда я был в камере у Бориса Савинкова, он говорил мне, что послал заявление на имя начальника КРО Артузова с просьбой дать категорический ответ, будут ли его годы держать в тюрьме или же освободят и дадут возможность работать. Савинков на этот раз, как и вообще последние недели, произвел

на меня впечатление крайне нервничавшего, пессимистически настроенного человека и неоднократно повторял, что для него лучше немедленная смерть, чем медленная в тюрьме. В тот же день он сказал мне, что пишет заявление Ф. Э. Дзержинскому, где ставит определенно вопрос о своем освобождении из тюрьмы. При этом он обратился ко мне с просьбой передать это заявление т. Пузицкому и прибавил: «Я отношусь к Артузову с уважением, к Пузицкому с уважением и симпатией, а к Вам, Валентин Иванович, по-товарищески…»

7 мая утром я заходил к Савинкову в камеру и взял от него заявление на имя Ф. Э. Дзержинского, которое я передал т. Пузицкому. Савинков очень просил меня вывезти его за город в тот же день. Просьбу его о вывозе за город я передал т. Пузицкому.

В 20 часов 7 мая по служебной записке т. Пузицкого я получил из внутренней тюрьмы Савинкова для поездки с ним за город и доставил его в комнату № 192, где уже находились т. Пузицкий и уполномоченный КРО т. Сыроежкин.

В 20 часов 20 минут Савинков на автомобиле в сопровождении т. Пузицкого, т. Сыроежкина и меня выехал за город в Царицыно.

Савинков, сидевший на автомобиле между т. Пузицким и мною, чрезмерно почему-то в этот день нервничал, непрестанно закуривал и бросал папиросы, на что т. Пузицкий обратил внимание и спросил его, почему он так нервничает? Доехав до Царицына и пробыв там некоторое время, в 22 ч. 30 м. мы поехали обратно в Москву. Между прочим, когда мы шли по шоссе в Царицыно, Савинков взял меня под руку и так шел со мной. Это меня, помню, удивило, так как раньше он меня никогда под руку не брал, и я это объяснил его нервозностью в тот вечер и «товарищеским» отношением ко мне.

В Москву мы приехали в 23 часа и вместе с Савинковым вошли в комнату № 192, в ожидании прибытия конвоя из внутренней тюрьмы.

У меня очень разболелась голова, и я прилег на диван.

В комнате были Савинков, т. Сыроежкин и т. Пузицкий, последний из комнаты на некоторое время выходил. Савинков сидел около меня и говорил что-то о своей первой вологодской ссылке, то ходил по комнате, подходил к открытому окну и глубоко вдыхал воздух, говоря, что в камере так душно и так приятно вдохнуть в себя не камерный воздух. Я взглянул на свои часы – было 23 часа 20 минут, и в этот самый момент около окна послышался какой-то шум, что-то очень быстро мелькнуло в окне, я вскочил с дивана, и в это время из двора послышался как бы

выстрел. Передо мной мелькнуло побледневшее лицо т. Пузицкого и несколько растерянное лицо т. Сыроежкина, стоявшего у самого окна. Т. Пузицкий крикнул: «Он выбросился из окна… надо скорее тревогу…» и с этими словами выбежал из комнаты. Т. Сыроежкин тоже выбежал, и я остался в комнате один.

Показания снял Фельдман 10 мая 1925 г. г. Москва.

Расследованием факта самоубийства по поручению Ф. Дзержинского занимался особоуполномоченный коллегии ОГПУ В. Фельдман. В заключении он указал: «Савинков за последнее время тяготился своим положением человека, лишенного свободы, и неоднократно высказывал мысль: либо освобождение, либо смерть». И далее: «какой-либо халатности со стороны лиц, имеющих в данный момент обязанность его охранять, …или признаков этой халатности не усматривается и дознание подлежит прекращению».

12 мая Ф. Дзержинский дал поручение составить некролог для опубликования, отредактировал его и направил на согласование Сталину. 13 мая «Правда» опубликовала сообщение о самоубийстве Бориса Савинкова.

Где похоронен Борис Савинков – неизвестно.

Что касается личной жизни террориста-писателя, то он был трижды женат. Его первой женой была дочь классика русской литературы, второй – вдова его повешенного товарища Льва Зильберберга. Последней женщиной Б. Савинкова стала Любовь Дикгоф-Деренталь, жена его друга и соратника Александра. Это был «брак по Чернышевскому»: формально не порывая с мужем, Любовь Ефимовна открыто жила с Савинковым. Александр Дикгоф-Деренталь работал в СССР в Обществе культурных связей с заграницей и был расстрелян в 1939 г. Любовь Ефимовну тоже арестовали, она была в лагере, потом почти двадцать лет – в ссылке в Магадане. Ее амнистировали, и в 1960-м Любовь Ефимовна уехала в Мариуполь. Дальнейшие следы теряются. Ее посмертно реабилитировали только в 1997 г.

У Савинкова было трое детей – Виктор, Татьяна и Лев. Виктор погиб во времена репрессий. Лев Савинков жил в Париже, работал шофером, писал стихи, сочувствовал большевикам. Во время гражданской войны в Испании воевал на стороне республиканцев, ходил в тыл к франкистам, отличался отвагой и лихостью. Его командиром был Е. Сыроежкин – чекист, который брал Савинкова-старшего и был непосредственным очевидцем его гибели. Во время Второй мировой войны Лев вступил во французское Сопротивление. Он умер в 1987 г.

САФО (САПФО)

(род. в 612 г. до н. э. – ум. в 572 г. до н. э.)

«Ринься с высей горних, – как прежде было:
Голос мой ты слышала издалече;
Я звала – ко мне ты сошла, покинув
Отчее небо!»

Сафо, «Гимн Афродите»

«…напрасно искать во всем ходе истории женщину, которая в поэзии могла бы выдержать хотя бы приблизительно сравнение с Сафо…»

Страбон

Как только не называли Сафо! И «десятой музой», и шлюхой, и «царицей поэзии», и бесстыжей лесбиянкой (поэтесса действительно родилась на острове Лесбос). Ее имя носит и стихотворный размер (сафическая стопа), и любовь женщины к

женщине (сафическая любовь), хотя она возникла задолго до появления поэтессы: Плутарх утверждал, что интимные связи между женщинами были частым явлением повсеместно. А вот цитата из «Диалогов» Лукиана: «Женщины Лесбоса действительно были подвержены этой страсти, но Сафо нашла ее уже в обычаях и нравах своей страны, а вовсе не изобрела сама». Тем не менее именно Сафо принято считать чуть ли не «изобретательницей» однополой женской любви, потому что никогда прежде не звучала она в стихах с такой силой и пылом. Да и никакая другая любовь тоже.

Стихи Сафо оставляют буквально физическое ощущение страсти, которой великая поэтесса пылала к своим подругам. Главная тема Сафо – муки любви и неодолимое влечение, нежность и ревность, счастье общения и горечь разлуки. «… Любовь разрушает мою душу, как вихрь, опрокидывающий нагорные дубы, – говорила поэтесса. – Я буду отдаваться сладострастью, пока смогу видеть блеск лучезарного светила и восторгаться всем, что красиво!»

Им сказала: женщины, круг мне милый,
До глубокой старости вспоминать вам
Обо всем, что делали мы совместно
В юности светлой.
Много мы прекрасного и святого
Совершили. Только во дни, когда вы
Город покидаете, изнываю,
Сердцем терзаясь[36].

И хотя ни одно из ее произведений не дошло до нас целиком, даже обрывков строф и строк довольно, чтобы понять: не любить стихи Сафо было невозможно. «Смешаны с пламенем», – говорил о ее стихах Плутарх.

Сама она не отличалась красотой, была невысокой, хрупкой и очень смуглой. Сократ называл ее «прекраснейшей», но, видимо, это относится прежде всего к достоинствам ее ума и поэзии. Овидий вложил в уста Сафо такие строки: «Если безжалостная природа отказала мне в красоте, ее ущерб я возмещаю умом. Я невелика ростом, но своим именем могу наполнить все страны. Я не белолица, но дочь Кефая (Андромеда) нравилась Персею». Однако некоторые утверждали, будто Сафо имела золотые кудри и привлекала холодной неприступной красотой. Но они, вероятно, путали поэтессу со знаменитой куртизанкой Сафо Эфесской, которая жила гораздо позднее.

Дочь древнего аристократического рода, она родилась около

612 г. до н. э. на острове Лесбос в Эгейском море, у побережья Малой Азии. Ее мать звали Клеидой, отца – Скамандронимом. Он, несмотря на аристократическое происхождение, занимался торговлей и нажил немалое состояние. Кроме Сафо в семье было трое сыновей: Харакс, Ларих и Эвриг. Несмотря на семейное благополучие, будущая поэтесса не успела вкусить счастливого детства – в шестилетнем возрасте она лишилась родителей и осталась круглой сиротой. А в 595 г. на острове начались волнения, и Сафо с братьями были вынуждены бежать на Сицилию, откуда она вернулась лишь пятнадцать лет спустя.

Она воспитывалась в школе гетер, где развивали чувственность и склонность к искусствам. Сафо рано проявила способности к поэзии, в которой стала изливать те чувства, которые остальные стремились скрывать. Аккомпанируя себе на лире, она декламировала свои страстные строфы, покоряя слушателей не только красотой стиха, но и исполнением. Ее слог отличался от манеры других поэтов и вошел в историю мировой литературы под названием «сафический». Она писала оды, гимны, элегии, эпитафии, праздничные и застольные песни.

Когда Сафо вернулась на Лесбос, она была уже состоявшимся поэтом. И потому, поселившись в Митиленах (впоследствии ее стали называть Сафо Митиленской, чтобы отличать от Сафо Эфесской), возглавила школу риторики для девушек, которую назвала Домом муз. Сафо обучала девушек игре на музыкальных инструментах, танцам, декламации и, конечно же, стихосложению.

> Чистое мое и святое дело
> С девственницами Митилен продолжить,
> Песням их учить и красивым пляскам
> В дни твоих празднеств[37].

Это был один из своеобразных богемных салонов, которые пользовались в те времена в Греции большой популярностью. Женщины знатного происхождения собирались вместе, чтобы беседовать, сочинять и декламировать стихи, участвовать в любовных играх. Дом муз был не единственным «женским салоном» на Лесбосе, но стал самым знаменитым, потому что его хозяйкой была Сафо. Атмосферу, царившую в Доме муз, многие античные авторы уподобляют той, которая была в кругу Сократа и его учеников.

Говорят, в «пирах любви», проходивших в Доме муз, участвовали не только девушки, но и юноши. Впрочем, вряд ли кто-то сегодня точно ответит на вопрос, испытывала ли Сафо

влечение к противоположному полу: в ее стихах любовь к мужчине упоминается лишь однажды, да и то только затем, чтобы сразу же быть решительно отвергнутой в пользу страсти к женщине.

Об избранницах Сафо известно не слишком много. Была красавица Аттида, с которой поэтессе пришлось расстаться (об этом поведал папирус, найденный в Египте в 1896 г., когда с момента расставания минуло уже много веков). Другая ее возлюбленная, Родопа, стала причиной жестоких ссор между поэтессой и ее братом Хараксом, который впоследствии решил увезти Родопу в Египет, чтобы обладать ею безраздельно. Но Родопа, не ответившая на любовь Сафо, не досталась и Хараксу: когда она купалась в Ниле, орел унес одну из ее сандалий и уронил перед фараоном Амазисом. Тот был настолько поражен миниатюрным размером сандалии, что приказал во что бы то ни стало разыскать ее владелицу. После долгих странствий слуги Амазиса нашли Родопу и привезли ее к владыке.

У Сафо были романы и с мужчинами. Ею увлекался поэт Алкей, однако их роман остался платоническим. Алкей долго собирался сказать Сафо о своей любви, но так и не решился, а лишь упомянул в своих стихах о неспособности признаться: «Сказал бы, но стыжусь».

По некоторым источникам, у Сафо был муж Керкил, от которого она родила дочь Клеиду, названную в честь бабушки. Сафо нежно любила дочь и посвятила ей прекрасные строки:

> У меня ли девочка
> Есть родная, золотая,
> Что весенний златоцвет —
> Милая Клеида!
> Не отдам ее за все
> Золото на свете[38].

Судьба жестока к поэтам – по неизвестным нам причинам и муж, и ребенок Сафо прожили недолго, и, пытаясь заглушить горе, поэтесса всецело отдалась лесбийской любви. Однако большинство исследователей склонны считать, что этот «брак» – не более чем насмешка: имя «Керкил» происходит от греческого слова kerkos, означающего мужской детородный орган. Что же касается Клеиды, то хотя Сафо и называла ее «прекрасное дитя», речь, скорее, шла еще об одной из ее подруг, а не о дочери. Впрочем, как знать – сведения о жизни Сафо не очень достоверны и давно стали легендой…

Смерть Сафо, как ни странно, тоже связана с мужчиной.

Полагают, что Сафо умерла около 572 г. до н. э., покончив жизнь самоубийством из-за несчастной любви к красавчику Фаону, греческому юноше, перевозчику с Лесбоса или Хиоса на малоазийский берег. Как это обычно бывало у греков, последняя любовь поэтессы, по легенде, не обошлась без вмешательства богов: Фаон однажды переправил на азиатский берег Афродиту, и та в благодарность за услугу подарила юноше чудодейственную мазь, превратившую его в красивейшего из мужчин.

Сафо полюбила его без памяти, но он остался холоден к ней: она казалась ему старой, да и внешность у нее была самая заурядная. Что касается ее стихов, то он, простой перевозчик, видимо, просто не мог оценить их по достоинству. В общем, Сафо, забывшая ради него всех своих подруг, ничем не смогла пленить Фаона – слишком большая пропасть разделяла их. Сафо, не найдя взаимности, поняв, что изменила себе и потеряла все, ничего не обретя взамен, бросилась с Левкадской скалы в море (по преданиям, тот, кто страдал от безумной любви, находил на Левкаде забвение). Правда, многие историки считают, что не было никакого прыжка в море: «броситься с Левкадской скалы» – это метафора, означавшая у древних греков очищение души от страстей. Иными словами, Сафо стремилась избавить свою душу от мучительных переживаний неразделенной любви, и это, очевидно, ускорило ее смерть, но она могла уйти из жизни куда более прозаическим путем (может, и самоубийства никакого не было).

Впрочем, возможен и другой вариант – Сафо, кончая жизнь самоубийством, следовала традициям своего времени, когда многие философы и поэты уходили из жизни во цвете лет, не желая принимать тяготы старости (Сафо было сорок лет, так что по тем временам она считалась уже пожилой дамой, и холодность Фаона только подчеркнула это). И она действительно бросилась с Левкадской скалы, прекрасно осознавая всю символичность такого шага. Уход Сафо стал ее последним стихотворением о жизни, принесенной на алтарь любви и пламенной страсти. Необыкновенная женщина, с «божественной печатью на челе», не могла уйти из жизни как простые смертные; и жизнь ее, и смерть должны были быть отмечены чем-нибудь легендарным: «…Я любила, я многих в отчаянии призывала на свое одинокое ложе, но боги ниспослали мне высшее толкование моих скорбей… Я говорила языком истинной страсти с теми, кого сын Киприды ранил своими жестокими стрелами… Пусть меня бесчестят за то, что я бросила свое сердце в бездну наслаждений, но, по крайней мере, я узнала божественные тайны жизни! Моя тень, вечно жаждущая идеала, сошла в чертоги Гадеса, мои глаза,

ослепленные блестящим светом, видели зарождающуюся зарю божественной любви».

Сегодня можно искать подтверждение и опровержение различных версий о гибели великой поэтессы, творения которой и по сей день остаются непревзойденными шедеврами любовной лирики. Но разве это так уж важно?

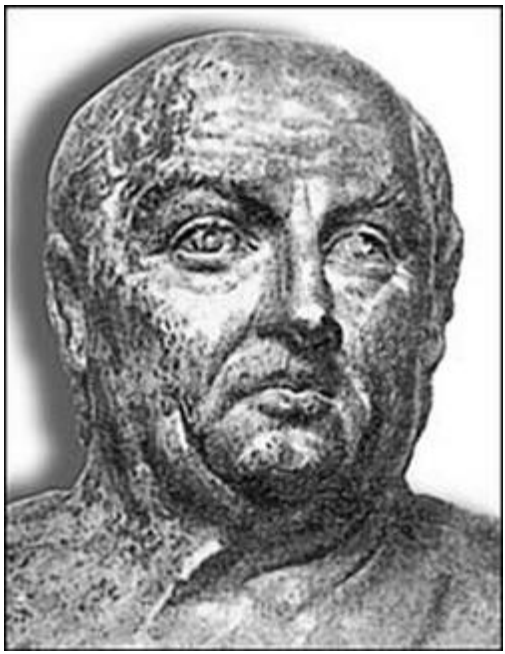
Намного важнее, что многие поколения поэтов выросли на ее стихах. Овидий, Гораций, Катулл и Апулей превозносили их до небес и даже рекомендовали девушкам, уверяя, что волшебная гармония и утонченность слов искупают чувственность и даже распутность строк Сафо. Сафо стала родоначальницей любовной лирики и символом женской поэзии, она привнесла эротику в литературу и узаконила стихотворные проявления страсти. Сафо совершила настоящую поэтическую революцию – отныне в стихах можно и должно было повествовать не только о великих битвах, героях, богах и титанах, но и делиться личным, обнажать душу, рассказывать о человеческой любви.

Любовные стихи Сафо и история ее жизни не могли не раздражать моралистов, склонных изображать ее не иначе как развратницей. Спустя лишь одно поколение после смерти Сафо поэт Анакреон писал, что с острова Лесбос идет зло, которое нужно искоренить, – интимные отношения между женщинами. До наших дней дошли фрагменты шести комедий под названием «Сафо» и двух под названием «Фаон», в которых едко высмеивается пылкая чувственность поэтессы. Один из современников Цицерона посвятил особое исследование вопросу, была ли Сафо проституткой. Века спустя французская королева Мария-Антуанетта обвинялась в том, что «возглавляла секту моральных уродов, называвших себя сафистками». Зато в 10-е годы XX века забытую сегодня поэтессу Софию Парнок восхваляли как «русскую Сафо», а во второй половине XX века имя Сафо подняли на щит американские сторонницы однополой любви.

Правда, за всей этой борьбой между моралистами и поборниками свободы нравов едва не забылось самое главное: стихи Сафо. Но если время почти стерло профиль поэтессы с древних митиленских монет (а именно ее митиленцы сочли достойной украсить свои деньги), то над стихами Сафо две с половиной тысячи лет оказались не властны.

СЕНЕКА МЛАДШИЙ ЛУЦИЙ АННЕЙ

(род. ок. 4 г. до н. э. – ум. в 65 г. н. э.)



…Ни скверна, ни лукавство не пятнают
Его благих желаний; но страшись:
Великие в желаниях не властны;
Он в подданстве у своего рожденья;
Он сам себе не режет свой кусок,
Как прочие; от выбора его
Зависят жизнь и здравье всей
державы…

Уильям Шекспир, «Гамлет»

Если быть кратким, то биография Луция Аннея Сенеки Младшего выглядит так. Родился в Испании, но большую часть жизни провел в Риме, был философом-стоиком и писателем, а одно время – воспитателем и главным советником императора Нерона. Благодаря Сенеке первые пять лет царствования Нерона впоследствии вспоминали как время образцового правления. Благосклонность императора позволила Сенеке нажить огромное

состояние, за что он подвергался неоднократным нападкам, ибо доходы эти далеко не всегда были получены честным путем. В 62 г. н. э. Сенека испросил у Нерона разрешение уйти в отставку. Тремя годами позже император вынудил Сенеку покончить жизнь самоубийством после обвинения в причастности к заговору против него.

Правление Нерона стало символом разнузданной и неоправданной жестокости, коварных убийств, тирании, варварских развлечений и постоянно разоблачаемых заговоров (реальных и мнимых). Справедливости ради надо отметить, что и предшественники Нерона не отличались чистоплотностью в выборе средств – в ходу были самые разнообразные способы убийства неугодных, в число которых очень часто попадали родственники, мешающие продвигаться к власти. В общем, Нерон стал достойным продолжателем семейных традиций. В конце концов, он покончил жизнь самоубийством, но до того успел сжечь Рим (ибо ему не хватало вдохновения для описания гибели Трои), организовать массовые преследования и казни христиан, погубить многих близких людей, среди которых его мать Агриппина (которая в свое время отравила своего мужа Клавдия и еще нескольких человек), обе жены, поэты Петроний и Лукан.

В такой обстановке и протекала жизнь Сенеки – противоречивой и неоднозначной личности, в которой уживались призывы к самоограничению и жажда обогащения, желание вести уединенный образ жизни философа и болезненное честолюбие, стремление продемонстрировать необходимость морального абсолюта и постоянные компромиссы со своей совестью.

Строго говоря, самоубийство Сенеки не было добровольным, он оставался рабом самого себя, несмотря на полные пафоса философские рассуждения о том, что добровольный уход из жизни есть поступок более нравственный, чем жизнь в рабстве (не социальном, но моральном). Сенека в возрасте 69 лет покончил с собой по приказу Нерона, что стало особой милостью – ведь имущество философа не конфисковывалось, а оставалось его наследникам. Милость императора повлекла за собой тяжелейшие мучения, притом не только Сенеки, но и его жены, решившей уйти из жизни вместе с мужем. Пожалуй, никто не сможет лучше описать трагическую кончину Сенеки, чем его современник, римский историк Корнелий Тацит в своих «Анналах»: «…сохраняя спокойствие духа, Сенека велит принести свое завещание, но так как центурион воспрепятствовал этому, обернувшись к друзьям, восклицает, что раз его лишили возможности отблагодарить их подобающим образом, он завещает им то, что остается единственным, но зато самым

драгоценным из его достояния, а именно – образ жизни, которого он держался, и если они будут помнить о нем, то заслужат добрую славу, и это вознаградит их за верность. Вместе с тем он старается удержать их от слез то разговором, то прямым призывом к твердости, спрашивая, где же предписания мудрости, где выработанная в размышлениях стольких лет стойкость в бедствиях? Кому неизвестна кровожадность Нерона? После убийства матери и брата ему только и остается, что умертвить своего воспитателя и наставника.

Высказав это и подобное этому как бы для всех, он обнимает жену свою Паулину и, немного смягчившись по сравнению с проявленной перед этим непоколебимостью, просит и умоляет ее не предаваться вечной скорби, но в созерцании его прожитой добродетельно жизни постараться найти достойное утешение, которое облегчит ей тоску о муже. Но она возражает, что сама обрекла себя смерти, и требует, чтобы ее убила чужая рука. На это Сенека, не препятствуя ей прославить себя кончиной и побуждаемый к тому же любовью, ибо страшился оставить ту, к которой питал редкостную привязанность, беззащитною перед обидами…

После этого они одновременно вскрыли себе вены на обеих руках. Но так как из старческого и ослабленного скудным питанием тела Сенеки кровь еле текла, он надрезал себе также жилы на голенях и под коленями; изнуренный жестокой болью, чтобы своими страданиями не сломить дух жены и, наблюдая ее мучения, самому не утратить стойкости, он советует ей удалиться в другой покой. И так как даже в последние мгновения его не покинуло красноречие, он позвал писцов и продиктовал многое, что впоследствии было издано.

Однако Нерон, не питая личной ненависти к Паулине, жене Сенеки, и не желая усиливать вызванное его жестокостью всеобщее возмущение, приказывает не допустить ее смерти. По приказу воинов рабы и вольноотпущенники перевязывают ей руки и останавливают кровотечение. …Она лишь на несколько лет пережила мужа, с похвальным постоянством чтя его память; лицо и тело ее отличались той мертвенной бледностью, которая свидетельствовала о невозместимой потере жизненной силы.

Между тем Сенека, тяготясь тем, что дело затягивается и смерть медлит с приходом, просит… применить заранее припасенный… яд цикуты. Яд был принесен, и Сенека его принял, но тщетно, так как члены его уже похолодели и тело стало невосприимчивым к действию яда. Тогда Сенеку погрузили в бассейн с теплой водой, и он обрызгал ею стоящих вблизи рабов со словами, что совершает этою влагою возлияние Юпитеру

Освободителю. Потом его переносят в жаркую баню, и там он испустил дух, после чего его труп сжигают без торжественных погребальных обрядов. Так распорядился он сам в завещании, подумав о своем смертном часе еще в те дни, когда владел огромным богатством и был всемогущ».

Почему же жизнь Сенеки, одного из выдающихся римских философов и латинских писателей, закончилась столь трагически? Ответ лежит на поверхности – его смерть стала результатом политической деятельности, которой он когда-то начал заниматься под давлением отца. А образ жизни вообще трудно согласовать с поведением философа-моралиста и со многими его собственными писаниями. Бесполезно рассуждать о том, что толкало Сенеку в гущу политики: честолюбие и корыстолюбие, которым он, по всей видимости, не был чужд, а может, вера в то, что философ рядом с правителем может принести пользу людям. Четырнадцать лет он провел в центре придворных интриг, восемь лет направлял политику императора, причем тактика уступок и компромиссов часто приводила к действиям, которые никак не согласуются с его этикой. И все же Сенека стремится осмыслить каждый свой шаг, каждый поступок, соотнести его с моральной нормой, не потерять ответственность за совершаемое.

Луций Анней Сенека родился в римской провинции Бетика в Южной Испании в городе Кордуба (Кордова) в 4 г. до н. э. и прожил около семидесяти лет. Отец Сенеки – ритор Луций Анней Сенека Старший – был не только знатным и богатым римским всадником, но и настоящим римлянином старого закала, уверенным в справедливости богов, в величии Рима, в низменности философии, заниматься которой он не позволил своей жене Гельвии, матери Сенеки. Он мечтал о политической карьере для сыновей, хотя понимал всю опасность такого пути. Родители стремились дать детям хорошее образование и возможность сделать карьеру, а потому переехали в Рим, где маленький Анней (средний из троих сыновей Сенеки Старшего) жил у тетки, муж которой был префектом Египта.

Отцу удалось направить рвение пылкого юноши к государственной жизни, и тот начал успешную адвокатскую карьеру. Однако Анней Сенека Младший страдал бронхиальной астмой, и после очередного приступа его посещали мысли о самоубийстве. Правда, постепенно они покинули юношу, чему во многом способствовало влияние учителей, приверженцев кинической и стоической философских школ (впоследствии сам Сенека остановил свой выбор на стоическом мировоззрении). Один из учителей убедил его отказаться от мясной пищи: «Под

его влиянием, – пишет Сенека, – я перестал есть животных, и по прошествии года воздержанье от них стало для меня не только легким, но и приятным. Мне казалось, что душа моя стала подвижной…»[39]. Но боясь быть заподозренным в принадлежности к христианам, которые также не ели мяса, он бросил вегетарианство.

Для поправки здоровья Сенека на много лет уезжает в Египет, где пишет несколько сочинений, не дошедших до нас (например, «О стране и обрядах египтян»). Долгая отлучка расширила его взгляды, пробудила интерес к иному, неримскому укладу жизни, который он потом пытался привить в столице.

По возвращении в Рим Сенека продолжает успешную карьеру и входит в сенат. Там одна из его речей вызвала такую зависть Калигулы, что тот распорядился убить философа; его спасло только вмешательство одной из императорских наложниц, убедившей Калигулу, что слабый здоровьем оратор и так скоро умрет.

Калигулу сменил император Клавдий, но это ничего не изменило – в 41 г. из-за происков Мессалины, жены Клавдия, Сенека был обвинен в прелюбодеянии. Сенаторы требовали смерти для своего слишком ярко блиставшего сотоварища, и Клавдию пришлось ходатайствовать о замене казни ссылкой. Сенека уехал на Корсику, где написал трактаты «О краткости жизни», «В утешение Гельвии». Он писал о пользе философии, о том, что выполнение долга перед государством не приносит ничего, кроме тревог и волнений, оно отнимает возможность обратить взгляд на себя. В общем-то, трактат стал результатом горьких размышлений Сенеки о собственной участи: яркий, талантливый человек, стремящийся принести благо государству, пал жертвой интриг тех, кто стремится лишь к личной выгоде. Во время корсиканской ссылки он настолько ощутил себя философом и гражданином мира, что собирался в случае помилования отправиться в Афины и заняться исключительно философией. Однако намерение это так и осталось не осуществленным.

После убийства Мессалины, в 48 г. ссылка философа закончилась, и он снова вышел на политическую арену. Причиной положительного изменения судьбы Сенеки снова стала жена Клавдия – на этот раз Агриппина. Она добилась его возвращения из ссылки и вернула ко двору воспитывать ее единственного сына Гая Домиция Агенобарба Нерона. Принимая место наставника, Сенека не мог не знать о планах Агриппины и опасностях, ожидавших его самого. Предполагалось, что в память о благодеянии философ будет предан Агриппине, но он не

принимал никакого участия в ее интригах.

Нерону было двенадцать, и Сенека в течение пяти лет занимался его воспитанием. В 54 г. Агриппина отравила собственного мужа и, совершив еще несколько хладнокровных убийств, привела сына на римский трон.

Воспитывая Нерона, Сенека создал для него трактат «О милосердии», и, став императором, Нерон первые пять лет своего сравнительно мягкого правления (убийство матери и сводного брата, т. е. реальных претендентов на престол, как бы не в счет) прислушивался к воспитателю. Заняв трон, император полностью подпадает под влияние своего наставника, и в нем пробуждается мечта о просвещенной тирании[40], наподобие древнегреческой, которую идеализировал. Начитавшись книг о тиранах – покровителях искусств и наук, Нерон начинает осуществлять свой план «идеального государства», которое очень быстро трансформируется в деспотию.

Сенека полагал, что монархия при справедливом и умном царе может быть залогом благоденствия государства, а потому стремился упрочить собственные позиции при императоре. В результате в 59 г. Нерон приказал убить Агриппину, а Сенека был вынужден не только санкционировать убийство, но и оправдать его перед сенатом. Тацит писал: «Косвенно выказав порицание временам Клавдия, вину за все творившиеся в его правление безобразия Нерон возложил на свою мать, утверждая, что ее смерть послужит ко благу народа… Вот почему неприязненные толки возбуждал уже не Нерон – ведь для его бесчеловечности не хватало слов осуждения, – а сочинивший это послание и вложивший в него утверждения подобного рода Сенека».

Конечно, будь Сенека только политиком, он должен был бы приветствовать уничтожение Агриппины, всегда боровшейся с ним за влияние на Нерона и делавшей ставку на самые низменные инстинкты сына. С точки зрения здравого смысла Сенека понимал, что, противодействуя убийству, предотвратить его не сможет, а остатки влияния на Нерона потеряет. Но его соглашательство шло вразрез с выдвигаемыми им самим же морально-этическими постулатами. Сенека-политик встал на пути у Сенеки-философа, или наоборот.

Так или иначе, его положение стало двойственным, жизнь разошлась с начертанной и окончательно избранной им программой. Сенека принимает от своего воспитанника бесчисленные подарки, его богатства растут настолько, что разговоры о несоответствии проповеди Сенеки и его поступков становятся все громче. В оправдание философ пишет трактат «О блаженной жизни», где пытается примирить философские

воззрения с действительностью: «Мне говорят, что моя жизнь не согласна с моим учением. В этом в свое время упрекали и Платона, и Эпикура, и Зенона. Все философы говорят не о том, как они сами живут, но как надо жить. Я говорю о добродетели, а не о себе, и веду борьбу с пороками, в том числе и со своими собственными: когда смогу, буду жить как должно. Ведь если бы я жил вполне согласно моему учению, кто был бы счастливее меня, но теперь нет основания презирать меня за хорошую речь и за сердце, полное чистыми помыслами».

Тогда же, начиная с 59 г., Нерон вступил на путь самого разнузданного произвола, который закономерно привел к гибели весь дом Юлиев-Клавдиев, бывших властителями Рима почти в течение ста лет. Но и прекрасно понимая, что происходит, Сенека медлит уйти. Что удерживало его: жажда ли власти, как утверждали недоброжелатели, надежда ли хоть в чем-то обуздать Нерона, или страх перед опасностью слишком резкого разрыва с ним, – сказать трудно. Лишь в 62 г. Сенека ходатайствует об отставке и хочет вернуть Нерону все полученные от него богатства, но император отказывается принять их обратно. Сенека уезжает в собственное поместье и уходит на «досуг».

В том же году он пишет трактат «О спокойствии души». Деяние остается для него истинным поприщем добродетели и тех, кто ей привержен, прежде всего деяние на благо государства. Человек имеет право на досуг и не отслужив свой срок, – доказывает он в книге «О досуге». «Нравственные письма к Луцилию» – последнее произведение Сенеки, диалог с Луцилием, наместником в Сицилии, который хочет стать философом. Здесь раскрываются его этические воззрения. В общем, он погружается в философию и демонстративно отстраняется от общественной жизни.

Но уход Сенеки в частную жизнь не обезопасил его. Он понимал это и прямо писал, что безопасности не может гарантировать даже «досуг». Но и Нерон ощущал, что личность учителя, всегда воплощавшая для него норму и запрет и по традиции сопоставляемая всеми с новым (а вернее, истинным) обликом бывшего воспитанника, является преградой на его пути. В это время доносчики пытаются связать имя Сенеки с аристократической оппозицией, возглавляемой Пизоном. В 65 г. заговор, участники которого были объединены только страхом и личной ненавистью к императору, был раскрыт. Нерон, пользуясь этим, приказал своему наставнику умереть, хотя непричастность Сенеки была практически доказана.

В общем-то, с высоты сегодняшнего дня можно сказать, что Сенека сам уготовил себе гибель, когда, связав себя с Нероном,

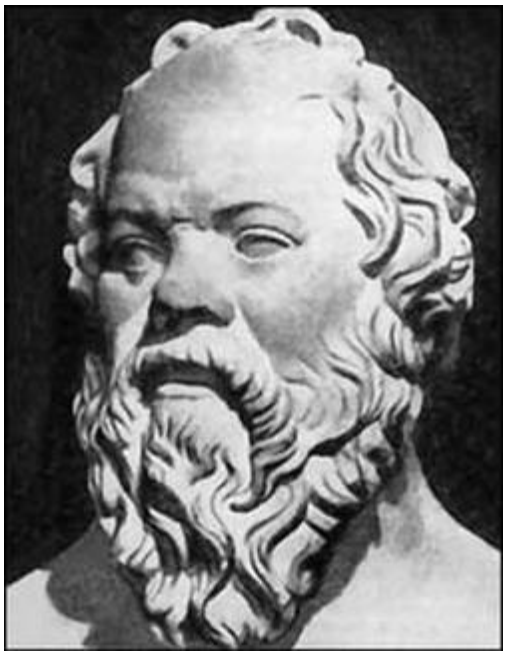
пошел по пути уступок. Уходя из жизни добровольно, но в то же время по приказу, он вскрыл себе вены вместе с женой, не сумев на практике примирить философию как нравственную норму и служение государству. Сенека нашел для себя единственный выход из этого противоречия и снял его. Сенека-философ не смог ужиться с Сенекой-политиком, показав пример расхождения мировоззрения и образа жизни. Сенека-политик был сыном своего времени, своей среды, которая была аморальной, а следовательно, он не мог быть примером добродетели.

Сенека-философ был стоиком, утверждавшим идеальный образ мудреца, преодолевшего человеческие страсти, духовно независимого и своим примером учащего людей самосовершенствованию (некоторые мотивы его философии, близкие христианству, породили легенду о знакомстве Сенеки с апостолом Павлом и даже фиктивную их переписку). Он проповедовал воздержание, умеренность, абсолют морали, и возрождался тогда, когда Сенека-политик оказывался не у дел. Поэтому-то большую часть своих сочинений он создал в последние три года жизни. Многие произведения Сенеки утрачены («Религия египтян», «Индия» и др.), но сохранившееся составляет немалое собрание сочинений: девять трагедий, в которых он подражал великим греческим трагикам V в. до н. э., десять диалогов на философско-этические темы, сочинение «Естественные вопросы»; знаменитые «Нравственные письма к Луцилию» (124 письма).

Был еще Сенека-писатель, который создавал трагедии на мифологические сюжеты («Медея», «Федра», «Эдип», «Фиест» и др.), девять из которых дошли до наших дней. Долгое время считалось, что эти трагедии принадлежат другому Сенеке, и на протяжении Средних веков Сенека был известен только как философ-моралист. Св. Джером даже включил его в свой список христианских святых, опираясь на переписку Сенеки с апостолом Павлом (которой на самом деле никогда не было). Сенека оказал влияние на таких мыслителей Возрождения и Нового времени, как Петрарка, Эразм Роттердамский, Бэкон и Монтень.

СОКРАТ

(род. ок. 469 г. до н. э. – ум. в 399 г. до н. э.)



«Цикута сделала Сократа великим… он выпил сок цикуты как способ стать бессмертным».

Сенека

Можно ли считать смерть Сократа самоубийством? С одной стороны – нет, ведь он был приговорен судом к смертной казни. А с другой – он имел возможность избежать смерти, но не сделал этого, потому что это противоречило бы его философским принципам. Сократ принял яд добровольно.

Чем же он провинился перед Афинами и почему ему пришлось умереть, выпив чашу с «государственным ядом» – цикутой[41], который приобрел горькую славу причины смерти многих прославленных мужей Греции?

Как получилось, что Сократ, добрый, но насмешливый человек, постоянно толкующий о вечном, оказался чуть ли не самым опасным смутьяном и бунтарем в истории древних Афин? Ведь он был настоящим патриотом и во время войны Афин со Спартой доблестно исполнил свой воинский долг. Более того,

Сократ не стремился к активной общественной деятельности, а просто вел непритязательную жизнь философа.

Вообще, наши сведения об учении Сократа не совсем надежны, поскольку сам Сократ ничего не писал, предпочитая написанному живой разговорный язык. Поэтому все, что мы о нем знаем, нам известно от его учеников – Ксенофонта и Платона.

Сократ родился ок. 469 г. до н. э. Его отец – Софро-ниск, был ваятелем, мать, Фенарета – повитухой. Некоторое время Сократ помогал отцу в мастерской, однако скульптура не привлекала юношу, и он бросил это занятие. Сократ получил довольно приличное образование: он учился логике и риторике у софиста Критона и жены Перикла Аспазии, изучал музыку и математику. В беседах со жрицей Диотимой овладел методом ведения диалога, которым впоследствии не раз пользовался в философских спорах.

Во времена Перикла любой афинский гражданин мог выступить в народном собрании, но он должен был уметь ясно высказать свое мнение. Для этого нужно было учиться красноречию и ораторскому искусству, овладевать умением логически и последовательно излагать свои мысли. Обучали этому философы-софисты. Софистика заключалась в чрезвычайно гибком манипулировании фактами, сознательном применении в споре неправильных доводов (софизмов), всякого рода уловок, замаскированных внешней, формальной правильностью.

На этом фоне увлечения софистикой появляется Сократ, который полностью отрекся от прежнего предмета философии – естественных наук – и стал говорить о человеке, о нравственности, об образе жизни. Его стремление анализировать обычные человеческие поступки вызывало у многих современников неприязнь, а порою даже испуг.

В отличие от софистов, признававших относительность и субъективность истины, Сократ стремится найти абсолютную истину. Будучи врагом софистики, он считал, что каждый человек может иметь свое мнение, но истина должна быть одной для всех. На достижение такой истины и направлена философия.

Считая, что сам он не обладает истиной, Сократ помогал родиться ей в душе собеседника. Этот метод он уподоблял повивальному искусству своей матери. Подобно тому, как та помогала детям появляться на свет, Сократ помогал рождаться истине. Поэтому свой метод он называл майевтикой – повивальным искусством, целью которого было дать определение какого-либо общего понятия. Сократ, например, ставил вопрос: что есть мужество как таковое, каково понятие мужества, выражающее все его проявления и оттенки?

Однако любое определение понятия изначально не может вместить в себя все многообразие частных случаев и претендовать на абсолютное знание, и Сократ, по-видимому, хорошо это понимал. Тем не менее, он предлагал собеседнику дать определение. Ничего не подозревающий бедняга с удовольствием это делал, а затем Сократ доводил его слова до абсурда или заставлял противоречить самому себе. Собеседник в любом случае терпел фиаско, а философ фактически поступал так же, как нелюбимые им софисты, стремящиеся любой ценой победить в споре.

Сократ излагал свои взгляды, ведя разговоры на улицах, площадях, в общественных и частных местах. Сократические беседы-полемики, часто иронические, обычно ставили собеседника в тупик и задевали его самомнение. Аристократы считали Сократа развязным простолюдином, а демократы видели в нем своего разоблачителя. Эти беседы уже при жизни сделали его популярнейшей фигурой не только в Афинах, но и во всей Элладе.

У Сократа было много учеников (т. н. сократиков), и большинство из них впоследствии основали свои философские школы: Антисфен (основатель кинизма), Платон (основатель объективного идеализма), Эсхин (ставший впоследствии врагом Демосфена), Евклид (знаменитый математик, заложивший основы геометрии), Ксенофонт и другие. Сам Сократ был двоеженцем (законы Афин это позволяли), но плохим семьянином и не заботился ни о женах, ни о трех своих сыновьях. Все время он посвящал философским беседам и спорам, и у него было много учеников. В отличие от софистов, Сократ не брал денег за обучение, а заботу о хлебе насущном и для себя, и для тех, за кого он был в ответе, переложил на плечи других.

Его философия сводилась к пониманию добродетельной жизни, достигаемой умеренностью, воздержанием, разумными потребностями. Прямо или косвенно осуждались или высмеивались честолюбие, стремление к богатству, роскоши, подчинение человека своим страстям, чувствам, прихотям (потом его идеи были доведены до абсурда киниками).

Призыв «Познай самого себя!» и утверждение: «Я знаю, что я ничего не знаю» стали для Сократа определяющими. Это исходные тезисы сократовской философии, выражающие ее суть – вопросы познания и нравственности. Целью его философских исканий является стремление помочь людям, чтобы они нашли «сами себя», поскольку творить добро можно лишь тогда, когда знаешь, в чем оно состоит. И вообще знание того, что такое добро и что такое зло, делает людей добродетельными и счастливыми.

Истинная нравственность, по Сократу, – знание того, что есть благо, и прекрасное и вместе с тем полезное для человека, что помогает ему достичь блаженства и жизненного счастья. Но прекрасное, благое, доброе, справедливое, как абсолютные и неизменные истины – даются с трудом в процессе познания. Так, для него мораль сливается с абстрактно-всеобщим знанием.

Убеждение в существовании единственной истины означает для Сократа, в частности, что есть нормы, стоящие выше индивидуальных мнений, и общие для всех, что различие между добром и злом не относительно, а абсолютно. Поэтому философ стремился оградить молодое поколение и умы правителей от влияния низменных идей, появившихся в греческом обществе, пытаясь научить людей истине. Однако общество, в особенности правители, не оценили благих намерений Сократа.

Большое волнение в февральские дни 339 г. до н. э. вызвало в Афинах сообщение о том, что молодой малоизвестный писатель Мелет подал жалобу на семидесятилетнего философа, требуя его смерти. Вот текст обвинения: «Это обвинение составил и, подтвердив присягой, подал Мелет, сын Мелета из дема Питтос, против Сократа, сына Софрониска из дема Алопеки. Сократ повинен в отрицании богов, признанных городом, и во введении новых божественных существ; повинен он и в совращении молодежи. Предлагается смертная казнь».

За что же афиняне невзлюбили философа? Вот мнение самого Сократа, высказанное им на суде в своей защитительной речи:

«…Сам я не считаю себя мудрым. Но вот мой друг Херефонт, прибыв однажды в Дельфы, осмелился обратиться к оракулу с вопросом: есть ли кто на свете мудрее Сократа, и Пифия ответила ему, что никого нет… Чтобы понять смысл прорицания, надо было обойти всех, кто слывет мудрым. И вот какое впечатление я вынес: те, что пользуются самой большой славой, показались мне чуть ли не лишенными всякого разума. Из-за этой самой проверки… многие меня возненавидели так, что сильней и глубже и нельзя ненавидеть.

Я и посейчас брожу повсюду – все выискиваю и допытываюсь по слову бога, нельзя ли мне признать мудрым кого-нибудь из граждан или чужеземцев; и всякий раз, как это мне удается, я, чтобы подтвердить изречение бога, всем показываю, что этот человек не мудр. Вот чем я занимался, поэтому не было у меня досуга заняться каким-нибудь достойным упоминания делом, общественным или домашним… Кроме того, следующие за мною по собственному почину молодые люди, те, у кого вдоволь досуга, сыновья самых богатых граждан, рады бывают послушать, как я испытываю людей, и часто подражают мне сами… От этого те,

кого они испытывают, сердятся не на самих себя, а на меня и говорят, что есть какой-то Сократ, негоднейший человек, который портит молодежь…»

Такая речь была поистине самоубийственной, поскольку вряд ли могла вызвать что-то, кроме крайнего раздражения. Свыше 500 судей приняло участие в процессе, и триста человек против двухсот пятидесяти приговорили Сократа к смерти через отравление.

По ряду соображений казнь была отложена на 30 дней, на протяжении которых Сократ оставался в заключении. Он не захотел воспользоваться существующими возможностями уплаты штрафа или замены казни на изгнание, ведь это значило бы, что он согласился со справедливостью приговора. С другой стороны – побег, который ему предлагали совершить, т. е. противодействие исполнению приговора, противоречил бы его учению об абсолютности общественных норм. Если бы Сократ бежал, то преступил бы закон, а значит, отказался бы признать его абсолютность, а ведь даже несправедливый приговор остается приговором и обязателен для исполнения. Таким образом, философу ничего больше не оставалось, кроме как следовать ему.

Последний день жизни Сократ провел в тюрьме, беседуя со своими ближайшими учениками, в числе которых был и Антисфен, рассуждая о жизни и смерти. Вечером к нему пришла жена Ксантиппа, родственники и три его сына, с которыми он простился и попросил удалиться. Смерть Сократа описал Платон, хотя он и не присутствовал во время последней беседы.

Наконец, к философу вошел служитель с кубком, полным яда. Сократ, увидев его, спросил, что он должен делать с этим кубком. Тот ответил: «Ты должен только испить его, затем ходить взад и вперед до тех пор, пока у тебя отяжелеют бедра, а потом лечь, и тогда яд будет продолжать свое действие…».

Сократ очень бодро и без злобы опорожнил кубок. Он ходил взад и вперед, а когда заметил, что бедра отяжелели, то лег прямо на спину, как велел ему тюремный служитель. Время от времени служитель дотрагивался до стоп и бедер умирающего… Наконец, он сильно сжал его стопу и спросил, чувствует ли он что-либо при этом. Сократ ответил, что нет. Служитель надавил на колено, затем на бедра, затем выше, показывая, что его тело становится холодным и оцепенелым. После этого он прикоснулся к нему еще раз и сказал, что как только действие яда дойдет до сердца, то наступит смерть.

Когда живот уже сделался совершенно холодным, Сократ отбросил накидку, которой прикрывался, и сказал: «Мы должны принести в жертву Асклепию петуха, сделайте это немедленно».

Это были его последние слова. «Будет исполнено, – прозвучал ответ учеников. – Но подумай, не имеешь ли еще чего-нибудь нам сказать?» Но Сократ ничего не ответил, вскоре после этого его тело вздрогнуло, и он умер.

Жертвоприношение петуха Асклепию, богу врачевания, обычно полагалось за выздоровление. Имел ли в виду Сократ выздоровление своей души и освобождение ее от бренного тела? Или это была его обычная ирония?

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

(род. в 1817 г. – ум. в 1875 г.)

…Я раздумал лечиться. Это безнадежно. И мучиться я тоже больше не хочу. Я достаточно попробовал. Других предостерегаю. Будьте осторожны с белыми, растворимыми в 25 частях воды кристаллами. Я слишком им доверился, и они меня погубили…

М. Булгаков, «Морфий»

«Первый Толстой» русской литературы прославил свою фамилию в веках на редкость многообразным творчеством: замечательными историческими произведениями (более чем десятком пьес, повестью времен Иоанна Грозного «Князь Серебряный», «страшными» фантастическими повестями («Упырь», «Семья вурдалака», «Встреча через триста лет»), участием в создании (вместе с братьями Жемчужниковыми) коллективного образа директора Пробирной палатки и поэта Козьмы Пруткова, многие афоризмы и пародии которого давно

«потеряли» свое авторство, и, наконец, дивными стихотворениями, ставшими впоследствии популярными романсами («Колокольчики мои…», «Средь шумного бала…», «Ты не спрашивай, не распытывай…») и даже народными песнями («Кабы Волга-матушка…»). И все же, несмотря на то что его драма «Царь Федор Иоаннович» уже более ста лет не сходит с театральной сцены; несмотря на то что почти половина стихотворений Толстого стали романсами на музыку Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова, Балакирева, Рахманинова, Листа и многих других; несмотря на то что почти все читали Козьму Пруткова, – несмотря на все это, биографию поэта Алексея Константиновича мы знаем очень и очень плохо.

Будущий писатель родился 24 августа (5 сентября) 1817 г. в Петербурге. По материнской линии он происходил из рода Разумовских и был правнуком последнего украинского гетмана. Мать Алексея, Анна Перовская, в 1816 г. вышла замуж за пожилого вдовца, графа Константина Петровича Толстого, который был братом известного в то время рисовальщика, скульптора и гравера Федора Толстого.

Брак был несчастливым; вскоре после рождения сына между супругами произошел открытый разрыв, и Алешу увезли из Санкт-Петербурга.

Детские годы Толстого прошли в Черниговской губернии, в родовом поместье Разумовских Красный Рог (отсюда ранний псевдоним писателя – Краснорогский). Много времени Алеша проводил в селе Погорельцы, принадлежащем его дяде Алексею Перовскому. В своей автобиографии Толстой позже писал: «Еще шести недель я был увезен в Малороссию матерью моею и моим дядею со стороны матери, Алексеем Алексеевичем Перовским, бывшим позднее попечителем Харьковского университета и известным в русской литературе под псевдонимом Антона Погорельского. Он меня воспитал, и первые мои годы прошли в его имении».

Перовский, вошедший в русскую литературу под именем Антония Погорельского, принимал самое горячее участие в воспитании племянника, написав для него, в частности, одно из лучших своих произведений – волшебную повесть для детей «Черная курица, или Подземные жители». Он поддерживал рано возникший у Толстого интерес к литературной деятельности, к искусству.

Алеша был очень способным мальчиком: в 6 лет он уже говорил и писал на французском, немецком и английском языках. У него была исключительная память: позже, когда он стал взрослым, друзья давали ему прочесть любой текст, и после

первого знакомства с ним Толстой мог воспроизвести его дословно.

Вероятно, примером и влиянием Погорельского отчасти объясняется и обращение Толстого к жанру фантастической повести в его первых прозаических сочинениях – «Упыре», а также написанных по-французски «Семье вурдалака» и «Встрече через триста лет». Однако писательская деятельность Алексея Константиновича началась только в сороковых годах.

В 1825 г., вернувшись в Петербург, Алексей Перовский просит своего друга Василия Жуковского, учителя наследника престола, составить мальчику протекцию при дворе, и Алешу представляют восьмилетнему цесаревичу, впоследствии императору Александру II. Мальчик попал в число детей, которые приходили к наследнику по воскресеньям для игр.

Эта детская дружба продолжалась в течение всей жизни писателя; супруга Александра II, императрица Мария Александровна, также ценила и личность, и талант Толстого.

В 1826 г. Алексей Толстой с матерью и дядей отправился в путешествие в Германию; в его памяти особенно резко запечатлелось посещение Гете в Веймаре и то, что он сидел у великого старика на коленях. Чрезвычайное впечатление на мальчика произвела Италия с ее произведениями искусства. «Мы начали, – пишет он в автобиографии, – с Венеции, где мой дядя сделал значительные приобретения в старом дворце Гримани. Из Венеции мы поехали в Милан, Флоренцию, Рим и Неаполь, – и в каждом из этих городов росли во мне мой энтузиазм и любовь к искусству, так что по возвращении в Россию я впал в настоящую «тоску по родине», в какое-то отчаяние, вследствие которого я днем ничего не хотел есть, а по ночам рыдал, когда сны меня уносили в мой потерянный рай».

Получив хорошую домашнюю подготовку, Толстой в 1834 г. был зачислен «студентом» в московский архив министерства иностранных дел, где мог знакомиться с историческими документами, а в 1836 г. выдержал экзамен «по наукам, составлявшим курс бывшего словесного факультета» при Московском университете, и был причислен к русской миссии при германском сейме во Франкфурте-на-Майне. В том же году умирает Перовский, оставив Толстому значительное состояние.

В 1841 г. состоялась первая публикация произведения Алексея Толстого, пишущего под псевдонимом Краснорогский. Это была фантастическая повесть «Упырь». Она не прошла мимо внимания критиков 1840-х годов, вызвав у них неоднозначную реакцию. Спустя несколько лет писатель вернулся к фантастике, написал и опубликовал такие рассказы, как «Семья вурдалака»,

«Встреча через триста лет», «Амена». Однако «Упырь» при жизни Толстого больше не переиздавался. Интерес к этому произведению возник лишь в конце XIX в., и в 1900 г. оно было переиздано, получив высокую оценку критики.

С 1843 г. Толстой служил во II отделении собственной канцелярии Его Императорского Величества, получил придворное звание и, продолжая часто ездить за границу, вел светскую жизнь, благодаря которой в 1851 г. на маскараде познакомился с С. А. Миллер, своей будущей женой.

Алексей Толстой поражал современников не только литературными талантами, но и огромной физической силой. Тонкий лирик, автор более чем 150 сентиментальных романсов гнул подковы, вгонял пальцем в стену гвозди. У одного из его друзей долго хранилась серебряная вилка, ручку и каждый зуб которой Алексей Константинович скрутил винтом собственными пальцами. Впрочем, во многом это было следствием сравнительно несерьезного отношения к своему творчеству и незаурядного чувства юмора.

Дав выход своим сатирическим талантам, Толстой с 1854 г. печатает в журнале «Современник» стихи и литературные пародии от имени Козьмы Петровича Пруткова, директора Пробирной палатки и поэта. Козьма Прутков – это самый известный в русской литературе случай литературной мистификации. У него есть даты рождения и смерти (11 апреля 1803 г. – 13 января 1863 г.). Соответственно имеется и биография: «Между тем он пробыл в государственной службе (считая гусарство) более сорока лет, а на литературном поприще действовал гласно только пять лет (в 1853–1854-х и в 1860-х гг.)». Козьма Прутков обладает и характерной внешностью: «…нельзя не указать и тех подробностей его наружности и одежды, коих передачу в портрете он вменял художникам в особую заслугу; именно искусно подвитые и всклокоченные, каштановые, с проседью волоса, две бородавочки: одна вверху правой стороны лба, а другая вверху левой скулы; кусочек черного английского пластыря на шее; под правою скулой, на месте постоянных его бритвенных порезов…»

Однако известно, что литературную личность Козьмы Пруткова создали и разработали три лица, а именно: Алексей Михайлович и Владимир Михайлович Жемчужниковы (которые больше ничем не прославились) и их двоюродный брат граф Алексей Константинович Толстой. В работе над некоторыми стихами и комедиями принимал участие и третий из Жемчужниковых – Александр Михайлович.

Так или иначе, примкнув ненадолго к кружку

«Современника», Толстой участвовал в создании цикла юмористических произведений Козьмы Пруткова. Трудно определить, какие именно творения принадлежат Алексею Константиновичу, но несомненно, что его вклад был весомым: юмористическая жилка была очень сильна в нем. Он обладал весьма тонким, хотя и добродушным чувством юмора; многие из лучших и наиболее известных его стихотворений обязаны своим успехом именно иронии, разлитой в них.

В 1855 г. во время крымской войны Толстой пытается организовать добровольное ополчение. Когда затея проваливается, он поступает в число егерей так называемого «стрелкового полка Императорской фамилии». Принять участие в военных действиях ему было не суждено: он заболел тифом и едва не умер под Одессой. По-видимому, именно тогда Толстой начинает принимать морфий и опий, прописываемые врачами как болеутолители, от которых не смог отказаться до самого конца жизни. Во время болезни за писателем ухаживала Софья Андреевна Миллер (урожденная Бахметьева), на которой он позднее женился. Его письма к жене, относящиеся к последним годам жизни, дышат такою же нежностью, как и в первые годы этого очень счастливого брака.

В 1856 г. состоялась коронация Александра II, который сделал Алексея Толстого флигель-адъютантом[42].

Однако писатель был одним из тех редких людей, которые не только всячески уклоняются от почестей, но и борются с людьми, от души желающими им добра и предоставляющими возможность достигнуть видного положения. Некоторое время Толстой колебался: ему казалось привлекательным быть при Государе, как он выразился в письме к нему, «бесстрашным сказателем правды», но быть просто придворным граф не хотел. Своей жене Софье Андреевне, одной из самых образованных женщин в России, он писал:

> Исполнен вечным идеалом,
> Я не служить рожден, а петь.
> Не дай мне, Феб, быть генералом,
> Не дай безвинно поглупеть.

В общем, по некотором размышлении, Алексей Константинович решил покинуть военную службу, оставить двор, и тогда Государь пожаловал ему чин егермейстера, т. е. оставил должность, не требующую никакой деятельности. В этом чине Толстой остался до конца жизни, не неся никакой службы (кроме короткого периода работы в секретном комитете о раскольниках).

С середины 60-х годов некогда богатырское здоровье графа пошатнулось, в том числе из-за пристрастия к наркотикам. Поэтому большую часть времени он жил на курортах за границей, в Италии и Южной Франции, но подолгу бывал и в своих русских имениях – Пустыньке (под Петербургом) и Красном Роге (ныне Брянская обл.). Тогда же Толстой полностью погрузился в литературную деятельность и создал самые значительные свои произведения. Он писал не только на русском, но также на немецком и французском языках. Граф Толстой переводит на русский Байрона, Шенье, Гете, Гейне, шотландских поэтов, а на немецкий – русских писателей.

В эти годы он создает драматическую поэму «Дон Жуан» (1861), исторический роман «Князь Серебряный» (1863), первое собрание стихотворений (1867), драматическую трилогию «Смерть Иоанна Грозного» (1866), «Царь Федор Иоаннович» (1868), «Царь Борис» (1870).

Впрочем, Алексей Толстой так и не добился постановки всех трех пьес на российской сцене. «Смерть Иоанна Грозного» была разрешена к постановке в столицах, но на провинциальной сцене после первых спектаклей была запрещена цензурой. «Царь Федор Иоаннович» более полугода рассматривался в цензурном комитете, после чего автору предложили произвести текстуальные изъятия, а также устранить некоторых духовных лиц из сценического варианта. Во спасение целого драматург поступился частью.

Окончательный результат ошеломил Толстого: несмотря на первоначально данное цензурным комитетом разрешение, пьеса была снова запрещена к постановке. Это оказалось для Алексея Константиновича тем большей неожиданностью, что императрица Мария Александровна, которой автор читал свои произведения, выказала ему восхищение. Несколько месяцев спустя Толстой писал: «Я не горжусь, что я русский, я покоряюсь этому положению. Когда я думаю о красоте нашей истории до проклятых монголов, до проклятой Москвы, еще более позорной, чем сами монголы, мне хочется броситься на землю и кататься в отчаянии от того, что мы сделали с талантами, данными нам Богом… Русская нация сейчас немногого стоит. Русское дворянство – полное ничто, русское духовенство – канальи, меньшая братия – канальи, чиновники – канальи. Смеем говорить о гнилом Западе. Если бы перед моим рождением Господь Бог сказал мне: граф, выбирайте народ, среди которого вы хотите родиться, я бы ответил: "Ваше Величество, везде, где Вам будет угодно, но только не в России"».

Толстой не примыкал ни к одному из политических течений.

С годами в нем крепло чувство отчуждения, противопоставленности всему, что окружало его, он писал: «Я живу в таком уединении, что сделался подобен зельтер-ской воде, закупоренной в бутылки». Славянофилы отталкивали его своим квасным патриотизмом, а «всяких» либералов и революционеров Толстой почти ненавидел: «Печать в руках теоретиков-социалистов, журналы клеймят меня ретроградом, власти считают меня революционером». А на самом деле он не был ни тем ни другим.

В последнее десятилетие своей жизни писатель сочинял весьма разнообразные произведения: баллады в былинном духе («Роман Галицкий», (1870), «Илья Муромец» (1871)), лирические и сатирические стихи («История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (1868, опубл. 1883); «Сон Попова» (1873, опубл. 1882)), поэмы «Портрет» (1874), «Дракон» (1875).

28 сентября (10 октября) 1875 г. Алексей Константинович Толстой скончался в своем имении Красный Рог, приняв чрезмерную дозу морфия. Медицинское заключение о причине смерти графа Толстого – «передозировка морфия» – констатирует факт, но не отвечает на главный вопрос: была ли смертельная передозировка результатом случайного недосмотра или обдуманного, преднамеренного расчета.

Безусловно, трудно провести черту между смертью из-за случайного превышения дозы и намеренным самоубийством, но «А. К. Толстого не принято причислять к самоубийцам, а между тем обстоятельства его смерти недвусмысленны, – считает Г. Чхартишвили. – Граф стал одной из многочисленных жертв медицинского невежества: врачи той эпохи еще плохо представляли себе пагубные последствия привычного употребления возбуждающих средств и часто прописывали морфий или опиум в качестве обычного лекарства».

Превозмогая многообразные хвори и физические страдания, граф давно уже стал морфинистом. Он постоянно увеличивал дозу морфия, что, естественно, приводило к серьезным психическим осложнениям. В последний период жизни у него даже началось раздвоение личности.

В 1870 г. Толстой писал друзьям: «Кстати, я уже во второй раз чуть было не умер». За год до смерти он подробно рассказывал о своих непереносимых страданиях: «Голова моя болит всякий день, но раза два-три в неделю она трещит, ноет, горит и разрывается вместе с шеей и спиною. Половина торса точно подвергнута настоящему обжогу раскаленным железом или кипятком, страдания невообразимые иногда до крика».

Граф Алексей Константинович Толстой умер в своем

поместье, выпив целый пузырек морфия и одним махом покончив со всеми страданиями – физическими и душевными.

ТУРБИНА НИКА ГЕОРГИЕВНА

(род. в 1974 г. – ум. в 2002 г.)

…Когда деньги закончились, женщина… поднялась на телевизионную башню и прыгнула вниз со 139-метровой высоты. Но так как в тот день дул сильный ветер, она разбилась не на асфальтовой площадке у подножия башни, а ее отнесло через все овсяное поле к самой кромке леса, где бросило на верхушки елей. Несмотря на это, она тут же, на месте, скончалась.

Бульварная пресса с благодарностью подхватила этот случай. Самоубийство как таковое, интересная траектория полета, тот факт, что речь здесь шла о художнице, подававшей некогда большие надежды и к тому же имевшей привлекательную внешность, – все это обладало высокой информативной ценностью. Состояние ее квартиры оказалось таким катастрофическим, что фотографам удалось сделать в ней живописные снимки: тысячи опустошенных бутылок, повсюду следы разрушения, порванные в клочья картины, комки пластилина на стенах и даже испражнения по углам комнаты!..

П. Зюскинд, «Тяга к глубине»

У психологов есть расхожая фраза: у одаренных детей

будущее остается в прошлом. И еще обозначение – бывший одаренный ребенок. Это значит – несостоявшийся вундеркинд, «переросший» свой талант, как перерастают болезни. Или – ребенок, утративший свои способности из-за сильнейшей перегрузки. Как спортсмен, вынужденный покинуть большой спорт после травмы, или, например, певец, потерявший голос.

Вообще-то, очень небольшая часть одаренных детей, вырастая, реализует себя в той мере, которая соответствует их способностям; с ходу вспоминаются разве что Моцарт да Лермонтов… Намного больше забытых «маленьких гениев», которые по мере взросления становятся «как все», только намного инфантильнее и амбициознее. Правда, их амбиции, как правило, не связаны со стремлением к социальным успехам и самореализации, а сводятся к желанию заниматься только тем, что им интересно, и находиться при этом в центре внимания. Неприятное сочетание, не правда ли?

Но как осуждать человека, если знаешь, что с младых ногтей его взращивали в атмосфере преклонения, когда взрослые дяди и тети с подчеркнутым почтением прислушивались к каждому слову «чуда», да еще и освобождали от всего, что не связано со сферой его одаренности. И пока «обычные» дети набивали свои первые шишки, учились разрешать конфликты, мыть посуду, принимать совместные решения, страдать и излечиваться от неразделенной любви, зубрить неинтересные предметы и думать о будущей профессии, от вундеркинда требовалось лишь поражать окружающих мощью своего таланта. А когда вундеркинд вырастал и спрос с него становился больше, то вдруг выяснялось, что особых достижений ждать не приходится.

Почему? Потому что, как это ни странно, мало кто занимается развитием таланта одаренных детей, а не его эксплуатацией. Их ориентируют не на самореализацию в будущем, а на сиюминутные всплески и озарения. А ведь, как это ни банально, развитие способностей должно сопровождаться выработкой умения ставить цели и достигать их, навыков командной работы, понимания других людей. И чудо-детей (в отличие от «обычных») нужно этому специально учить, так как чаще всего им негде набрать этот опыт, поскольку они «выпадают» из социального окружения: со сверстниками им неинтересно, а старшие к себе не пускают – слишком малы.

Итак, «звездные дети» взрослеют и… Блестящие умы становятся рядовыми исполнителями, а в «звезды» выходят те, на кого не возлагалось особых надежд. Это становится трагедией для экс-вундеркиндов, развивших свои способности, но не приобретших психологических умений и навыков для их

реализации. По некоторым данным, девять из десяти «бывших одаренных» считают себя полными неудачниками, твердят, что жизнь не удалась. И в самом деле: трудно осознавать себя «бывшим» в семьдесят лет, а каково это, например, в двадцать пять, а то и в шестнадцать? Каково понимать, стоя на пороге жизни, что главные достижения уже были? Видеть жалостливые или злорадные взгляды и слышать шепот за спиной: «Да-да, тот самый… Да ничего особенного, а ведет себя, как будто Нобелевскую премию получил…»? И «бывшие одаренные» (не все, но многие) приобретают невроз, приводящий иногда к необратимым последствиям.

Ярким примером нереализованности таланта – к сожалению – стала Ника Турбина, «ребенок-поэт», прогремевшая на весь мир в середине восьмидесятых и погибшая в полном забвении в начале нового века. Ее жизнь – это история амбиций взрослых людей, расплачиваться за которые пришлось Нике. Когда она умерла, газеты вспомнили о ней и запестрели заголовками: «Выросшая девочка-вундеркинд покончила с собой!» Ника разбилась, упав из окна пятого этажа. За два года до того она уже падала (а может, выпрыгивала?) и тоже с пятого этажа, но другого дома. Тогда ей повезло, а во второй раз судьба ее не пощадила.

В 2000 г. режиссер Анатолий Борсюк выразил свое впечатление от встречи с Никой: «Ей 26 лет, вся жизнь впереди, а такое ощущение, будто она уже ее прожила почти до конца». А через два года Ники не стало. Она погибла, не дожив до 28 лет.

А как красиво все начиналось!.. Издание первого поэтического сборника в девять лет, покровительство Евгения Евтушенко, гастроли по всему миру, интервью, запись пластинки на фирме «Мелодия». Ее первыми словами были: «А есть ли душа?» В два года она начала рифмовать, и мама с бабушкой записывали за ней стихи, которые, по словам бабушки, буквально распирали Нику. Позже, когда ей было уже семь, она выходила на сцену перед огромным залом, маленькая, но очень серьезная девочка с прической, как у Марины Цветаевой, и читала взрослым голосом свои стихи. В десятилетнем возрасте на гастролях в США она сообщила, что мечтает о большой кукле и Микки Маусе – просто прелесть что за девочка. В двенадцатилетнем возрасте Ника получила в Венеции «Золотого льва» – престижную премию в области искусств, высший знак поэтического признания. Она стала вторым в СССР поэтом, получившим его, после Анны Ахматовой. Все умилялись: она отбила у льва лапы, чтобы проверить, правда ли он золотой. Ее спрашивали, кем она хочет быть, и Ника уверенно отвечала – актрисой, удивляя всех вокруг: как это, с таким поэтическим даром, и вдруг театральное

поприще.

Пока ее слава гремела, с ней работали профессора медицины, экстрасенсы и поэты. Какими только эпитетами ее не награждали! Ее называли эмоциональным взрывом, блистательным талантом, пришельцем из космоса, ребенком-Пушкиным, поэтическим Моцартом и просто последовательницей творчества несравненной Ахматовой.

А девочку к тому времени уже много лет мучили сильнейшие приступы астмы, удушье приходило поздно вечером, и она боялась спать по ночам. Чтобы скоротать долгие ночные часы, Ника начинала рифмовать. Ее бабушка вспоминала: «Это могло случиться когда угодно, но чаще всего ночью. После двух часов. Она звала нас с мамой и приказывала: «Пишите». И мама записывала. Она сажала ее в подушки: Нику мучили приступы астмы (в одной руке ингалятор, в другой – ручка), и быстро-быстро писала. Никуша задыхалась, у нее начинался приступ, а стихи словно перли из нее, не давая покоя». И она диктовала стихи – совсем не детские, трагические, например, такие:

Я – полынь-трава,
Я – полынь-трава,
Горечь на губах,
Горечь на словах,
Я – полынь-трава…
И над степью стон.
Ветром окружен
Тонок стебелек,
Переломлен он…
Болью рождена
Горькая слеза.
В землю упадет —
Я – полынь-трава…

Скептики говорили, что эти стихи принадлежат другому, взрослому поэту. Она ответила на эти обвинения стихотворением:

Не я пишу свои стихи?
Ну хорошо, не я.
Не я кричу, что нет строки?
Не я.
Не я боюсь дремучих снов?
Не я.
Не я кидаюсь в бездну слов?
Ну хорошо, не я.

Мистики верили, что Нике диктует стихи душа умершего гения. Девочка подтверждала: «Это не я пишу. Кто-то водит моей рукой». Она говорила, что к ней приходит Звук – неведомо откуда доносившийся голос, диктовавший строки и заставлявший писать.

Ника не спала до двенадцати лет, пока не начала отступать астма. А вместе с болезнью ушел Звук. Постепенно девочку забыли – не только те, кто ею непосредственно занимался, но и почитатели ее таланта, публика, страна. С покровителями, фондами, чиновниками, журналами все было кончено до 2002 г., когда газеты снова заговорили о поэтическом даре Ники – правда, теперь уже в прошедшем времени. Впрочем, нет, иногда журналисты вспоминали о ней, приходили брать интервью, искали пикантные подробности жизни бывшего вундеркинда. Ника Турбина осталась в прошлом, ее настоящее никого не волновало.

Мама Ники была художницей, но так и не смогла реализоваться. Ей очень хотелось, чтобы в семье была знаменитость, и она с самого раннего детства читала дочери серьезных поэтов – Ахматову, Мандельштама, Пастернака. Дедушка Ники, Анатолий Никаноркин, был писателем, хотя и малоизвестным. Бабушка Людмила Владимировна, женщина чрезвычайно энергичная, стала главной движущей силой процесса, как бы сегодня сказали, «раскрутки» юного гения. Работая заведующей бюро обслуживания в ялтинской гостинице, она как-то подсунула Юлиану Семенову – знаменитому писателю, автору бестселлера «Семнадцать мгновений весны», тетрадку со стихами обожаемой внучки. К идее немедленно прочесть поэтические экзерсисы очередного дарования писатель отнесся без энтузиазма – сколько он уже навидался таких мам и бабушек, уверенных в уникальности своих чад. Но на этот раз…

На этот раз любящая бабушка не ошиблась. Стихи действительно были удивительными, особенно если учесть нежный возраст их создательницы. Юлиан Семенов увез тетрадку с собой в Москву, и уже через месяц стихи Ники появились в «Комсомольской правде», где он когда-то начинал корреспондентом. Началось победное шествие Ники Турбиной, которому немало способствовал Евгений Евтушенко.

В центральной прессе появились публикации о ялтинском вундеркинде. Нику наперебой зазывали на литературные вечера. Она собирала концертные залы – народ приходил посмотреть на чудо. Посещать ялтинскую школу (кстати, это была бывшая

гимназия Брюханенко, в которой училась Марина Цветаева) стало абсолютно некогда: все время отнимали гастрольные поездки. Стали звучать предупреждения: осторожнее, не искалечьте психику девочки, и без того неустойчивую. Но близкие Нике люди, похоже, не слышали их. Да и как могло быть иначе, когда первый поэт России писал о ней: «Я не случайно назвал Нику поэтом, не поэтессой. С моей точки зрения, налицо редчайшее явление, а может быть, чудо: восьмилетний поэт».

В девять лет у нее вышла первая книга стихов – «Черновик», вступительное слово к которой написал Евгений Евтушенко (книгу перевели на двенадцать языков). Евтушенко стал ее главным наставником, он буквально пробил издание книги стихов Ники Турбиной в издательстве «Молодая гвардия». «Молодая гвардия» в ту пору открывала многие таланты, но чтобы выпускать книги детей – такого не было. Руководство редакции по работе с молодыми авторами высказывало опасение, что издание книги и нагнетание ажиотажа могут сильно повредить девочке. Но Евтушенко был неудержим, а главный редактор издательства и его заместитель не стали ему перечить. Книгу издали тиражом в 30 тысяч экземпляров, по нынешним временам цифра недосягаемая. К моменту ее выхода – конец 1984-го – Ника Турбина уже была известной советской поэтессой.

Кроме книжки, вышла пластинка со стихами девочки, которая стала лучшим ответом всем сомневающимся. Как вспоминал Евтушенко, «уже после первых строк, произнесенных ею, отпали все сомнения в том, что ее стихи – это плод литературной мистификации. Так могут читать только поэты. В голосе было ощущение особого, выношенного звона».

Ника принимала свалившуюся на нее славу как должное – она стала логичным и естественным продолжением бабушкиных восторгов, которые девочка слышала с раннего детства. Нику возили по всему миру, ее судьбу полностью доверили Евгению Евтушенко. Он возил девочку в США, потом в Венецию на фестиваль «Поэты и Земля», где она была награждена премией «Большой Золотой лев». Ей было двенадцать лет.

А потом сказка кончилась. Через много лет Ника так говорила о том времени: «По улицам слона водили. Это была Ника Турбина. А потом слона бросили и забыли». Она взрослела, перестала быть очаровательной крошкой, читающей недетские стихи. Девочка становилась подростком со всеми трудностями переходного периода, помноженными на особенности личности вундеркинда, а ее семья оказалась к этому не готова. Более того, складывается впечатление, что ни мама, ни бабушка Ники просто не понимали – или не хотели понимать? – что происходит с

девочкой. Они как будто сняли с себя ответственность за нее, словно Ника – взрослый состоявшийся человек, а не ребенок, который из последних сил требует любви, тепла и ласки. Впрочем, наверное, тяжело считать ребенком человека, пишущего стихи так, будто он прожил на свете уже много лет.

«Она создавала радость в течение всей нашей жизни. Но с Никушей всегда были проблемы. Когда она совсем маленькая была, писала сложные стихи, до 12 лет вообще не спала. Я обращалась к врачам в Москве, в Киеве, умоляла – сделайте так, чтоб ребенок не писал стихи, чтобы можно было нормально жить. Потому что когда Никуша не спала, мы с ней тоже не спали. Жизнь была очень сложная на этом фоне. А чем старше она становилась, тем сложнее. Никуша росла, постоянно влюблялась, и из-за этого тоже много проблем было и у нее, и у родных. Она была очень трудным ребенком», – говорила бабушка.

А вот слова ее мамы: «Когда Ника была маленькая, лет восьми, к нам приезжала дама из-под Москвы, профессор, она занималась инопланетянами. Так вот, она сказала, что Никуша до тринадцати лет будет писать стихи, а потом станет такой, какая она сейчас. Это был ребенок, который писал стихи, болел своими болезнями, жил в своем замкнутом кругу. Сейчас продают детские яйца-киндерсюрпризы, внутри которых подарок спрятан. И вот жил этот подарочек там, а когда ей исполнилось тринадцать лет, коробочка раскрылась, и оттуда выскочил чертенок. Такой неожиданно взрослый. Нам с ней стало очень сложно, с ней начались беды. Ника резала себе вены, выбрасывалась из окон, пила снотворное, ей было страшно. Я так понимаю, что ей было страшно входить в жизнь, в которой она оказалась…».

Конечно, всем было бы лучше, если бы Ника оставалась вечным ребенком, тогда бы не было проблем, тогда бы не потерялась изюминка ее самородного поэтического дара. Но она росла, а значит, ее стихами нужно было заниматься всерьез – оттачивать слог, развивать талант. Вот только сама Ника, разумеется, не понимала (да и не могла понять) необходимости кропотливой творческой работы: ведь до сих пор стихи появлялись сами собой, без малейших усилий. А заняться развитием ее дара было, к сожалению, некому. И дар ушел.

В это же время из жизни Ники пропал и Евгений Евтушенко. Позже, после ее смерти, поэта стали обвинять во всех смертных грехах: мол, использовал девочку для поддержания собственной славы, а потом, когда понял, что талант угас, бросил на произвол судьбы, не помогал ей. А что ему было делать с Никой? Давать ей образование? Учить самому? Выводить из тяжелого стресса? Да,

некоторое время Евгений Евтушенко нес бремя ответственности за судьбу Ники Турбиной, но так не могло длиться вечно. В конце концов, у нее были мама, бабушка и дедушка, которые и должны были бы ею заниматься – лечить, холить, снимать нервное напряжение, решать бытовые вопросы, учить девочку, растить ее талант…

Но мама вышла замуж второй раз и родила еще одну дочку, Машу, заявив во всеуслышание, что второй гений ей не нужен: хватит, натерпелась. Ей стало не до подрастающей Ники, которая не создавала ничего, кроме проблем. Дедушка? Писатель Никаноркин известен, по большому счету, только в связи со своей знаменитой внучкой, так что в литературном плане он мало что мог дать. А равно и в воспитательном: Ника с раннего детства верховодила, и дедушка не был для нее педагогическим авторитетом. Бабушка же, которая столько сил вложила в прославление Ники, крутилась, стремясь обеспечить Турбиных, она была единственной, кто работал в этой семье.

Тринадцатилетнюю Нику отправили в одиночное плавание – из Ялты в Москву (сама она утверждает, что ушла из дому). Девочка стала ходить в обычную школу, где ей приходилось нелегко, ведь оказалось, что кроме как сочинять стихи она, в общем-то, ничего не умеет. Большую часть школьной программы она пропустила из-за гастрольных поездок, и даже грамотно писать толком не научилась (вечная проблема одаренных детей) – у нее была своя скоропись, непонятная окружающим.

В 1989 г. в издательстве «Дом» при советском Детском фонде вышла вторая книга Ники Турбиной «Ступеньки вниз, ступеньки вверх», но ее никто не заметил. Сегодня вообще мало кому известно о существовании этой книги, а те, кто держал ее в руках, отзываются о ней весьма сдержанно.

С этого времени жизнь Ники покрыта туманом – расходятся даты, факты, свидетельства. Иногда даже возникает ощущение, что она целенаправленно мистифицировала окружающих, добавляя своей жизни романтический флер. Вероятно, девушка делала все возможное, чтобы вернуть себе хоть толику былого внимания и преклонения, ставших частью ее жизни.

В 1990 г. Ника отправилась в Швейцарию по приглашению поклонника, который помнил ее еще маленькой, и вышла за него замуж. Ему было семьдесят шесть лет, он был владельцем клиники в Лозанне. По одной версии, муж Ники был милейшим человеком, по другой – чуть ли не маньяком, «ужасно ревнивым старикашкой». Так или иначе, но он целыми днями пропадал в своей клинике, и Ника, замученная бездельем, начала пить, а через год сбежала от него домой, в Москву. Там никто уже не

вспоминал девочку-вундеркинда – на дворе был 1991 г. Самое интересное, что о замужестве Ники известно исключительно с ее же слов – некоторые даже сомневаются, а было ли оно на самом деле. Вернувшись после развода в Москву, она поселилась на окраине, в бывшей квартире матери – жуткой хрущевке без телефона. Какое-то время училась не то во ВГИКе, не то в ГИТИСе (Ника еще в 14 лет удачно снялась в фильме «Это было у моря»; у нее была необычная, роковая внешность – зеленые глаза, каштановые волосы, родинка над губой).

Когда на Нику обрушилась любовь, она не сумела с ней справиться, мучаясь сама и мучая своего любимого, ялтинского парня Костю. Она считала, что он ее предает, а он просто хотел семью, детей, налаженный быт, а это претило Нике. Она категорически отказывалась иметь детей, мотивируя это ответственностью за ребенка. И снова непонятно, действительно ли она так считала, или это был элемент эпатажа, желания привлечь к себе внимание. «Родить, конечно, можно, – говорила Ника. – Эгоизм мой будет удовлетворен. А дальше что? Чтобы родить ребенка, нужно нести за него полную ответственность и знать, что ты посвятишь ему все, что возможно, и не только в мечтах, а реально… Я бы не хотела, чтобы у моего ребенка было такое детство, как у меня (я не имею в виду поэзию, славу)».

Позднее Анатолий Борсюк резюмировал: «С нею, действительно, очень сложно. Она совершенно не приспособлена к жизни… Ей нужен человек, который заслонил бы ее своей спиной, избавил от быта, от необходимости покупать себе одежду, еду, платить за квартиру, пробивать публикации. Не знаю, найдется ли сейчас человек, желающий искренне ее полюбить, помочь». А пока такого человека не было, Ника спивалась, причем, что называется, ударными темпами.

В 1994 г. она поступила на актерско-режиссерское отделение Российской академии культуры, кстати, для нее удалось добиться разрешения не сдавать письменный экзамен по русскому языку – грамотно писать она так и не научилась.

Несмотря на тяжелый алкоголизм, первые полгода Ника проучилась очень хорошо, не притрагивалась к спиртному. Она даже дала расписку: «Я, Ника Турбина, даю слово своей преподавательнице Алене Галич, что больше пить не буду». Алена, дочь поэта и музыканта Александра Галича, стала ее близкой подругой и не раз вытаскивала из всевозможных историй. Ника снова писала стихи – на любом клочке бумаги.

17 декабря, в день своего 20-летия, девушка сорвалась, запила и незадолго до экзаменов уехала в Ялту к Косте, с которым встречалась уже несколько лет. На сессию она не

вернулась. Восстановиться в институте удалось не сразу и только на заочное отделение. С Костей они все-таки расстались, у него больше не было сил нянчиться с Никой.

А бабушка по-прежнему жила ее избранностью, продолжала считать единственной в своем роде. И даже алкоголизм любимой внучки был использован в подтверждение этой идеи: «Никакие зашивания на нее не действовали. Она тут же вырезала ампулы. Врачи говорили – это уникальное явление, на нее не действуют никакие методы. Ни-ка-ки-е! Это была страшная трагедия!» Мама Ники вообще снимала с себя ответственность за судьбу дочки: «Иногда единственное желание – взять кувалду и стукнуть ее по башке… Потому что она пьет водку. С другой стороны, она взрослый человек и имеет право делать все, что хочет, не спрашивая меня».

Ника продолжала спиваться. Вокруг нее постоянно роились какие-то темные личности. В ночь с 14 на 15 мая 1997 г. она выпала с балкона пятого этажа, поссорившись с одним из своих ухажеров-собутыльников. Желая доказать свое, девушка бросилась к балкону, не удержалась, повисла и тут же протрезвела. Приятель схватил ее за руки, Ника пыталась забраться назад, но не смогла. Спасло ее только то, что, падая, она зацепилась за дерево. Была сломана ключица, поврежден позвоночник. Ника перенесла двенадцать операций.

После этого случая Алена Галич поняла, что подруге необходимо серьезное лечение. Еще в детстве, когда бабушка ездила с ней по всему миру, американские врачи говорили, что при такой нагрузке ребенку необходимы консультации психолога. И теперь Галич договорилась, что Нику на три месяца положат в клинику в США, добилась скидки на лечение. Но когда американцы согласились, мама Ники внезапно увезла ее в Ялту. А там она попала в местную психиатрическую больницу после буйного припадка, чего раньше с ней как будто бы не случалось. Вызволяли ее оттуда не мама и не бабушка, а все та же любимая преподавательница и… Костя.

Потом Ника вернулась в Москву. В свою комнату, оставшуюся от матери и ее второго мужа, которые уже давно развелись. Она продолжала приглашать то подруг, то друзей. Так появился Саша, в прошлом талантливый актер, который служил в театре у Розовского, но был выгнан за пьянство. В последнее время они с Никой преподавали в детском театральном кружке на окраине Москвы. Ну и, конечно же, выпивали.

Саша, сыгравший довольно неприглядную роль в судьбе Ники, вызывал безоговорочное доверие бабушки: «Это удивительный человек, мы ему полностью доверяли… Я знала:

если они вместе, он ее оберегает. Я была спокойна. Саша – удивительный человек. Саша актер, талантливый парень. За Никушей он ухаживал, как за ребенком. Лелеял ее».

К тому времени в грузной, усталой, потухшей женщине уже нельзя было узнать блистательную Нику Турбину, держащую в восхищенном оцепенении тысячные концертные залы.

11 мая 2002 г. Ника разбилась насмерть, выбросившись из окна пятого этажа. Ее друзья узнали об этом случайно, только через восемь дней. Почему так? «У Ни-куши дома не было телефона, – объясняла Алена Галич. – Я два раза давала ей деньги на установку, но каждый раз они пропивались. Месяца три назад она купила себе «мобильник», но вскоре пропила и его. В начале мая я была занята переездом на новую квартиру – закрутилась совсем. К тому же Саша скрывал ее смерть от всех. Насколько я знаю, он просто беспробудно пил, и ему некогда было заниматься похоронами Ники».

18 мая, узнав о смерти подруги, Алена помчалась в морг больницы Склифосовского – проститься. Увиденное ужаснуло ее: Нике даже цветов никто не принес, а у гроба топтались пьяные Сашины дружки. Прощаясь с ней, Алена обещала исполнить ее мечту: издать книгу стихов. Полупьяный Саша бродил рядом с гробом и вставлял свои комментарии, было такое ощущение, что он боялся, как бы Ника вдруг не очнулась и не заговорила.

Потом Саша выпроводил Алену с сыном из морга, убедив ее, что тело кремируют прямо в больнице. И он, и дружки тоже ушли – они направлялись куда-то выпивать. Алена не сообразила, что он врет и при морге нет никакого крематория. Обман раскрылся вечером, когда ей позвонила подруга, которая, приехав проститься с Никой, увидела, как служащие тащили гроб с приколотой к нему запиской: «На кремацию в Николо-Архангельский крематорий». Они ругались, что им никто не оплатил «погрузочно-разгрузочные» работы. Единственное, что она смогла сделать, – дать денег «грузчикам», чтобы те не швыряли гроб с Никой. Вот так Ника Турбина, которая больше всего на свете боялась остаться одна, отправилась в последний путь без единого близкого человека рядом.

Когда произошла трагедия, мать Ники находилась в Ялте. Саша позвонил ей и рассказал о случившемся: мол, Ника и ее приятели находились в квартире и выпивали. Вечером они позвали Нику сходить погулять, вдруг она подошла к окну и выпрыгнула из него. Бабушке Саша рассказал совсем другую историю: якобы в квартире они были втроем – он, Ника и ее подруга Инна. Когда у них кончилась водка, Саша и Инна ушли в магазин, а в это время Ника выбросилась из окна. Однако

непонятно, насколько можно доверять его словам; существуют также версии о несчастном случае и даже убийстве.

Так или иначе, в справке о смерти Турбиной в графе «причина смерти» стоит прочерк. А в медицинском заключении указано, что смерть наступила в результате травмы, но ручкой дописано: «Падение с пятого этажа, место и обстоятельства травмы неизвестны». Милицию попросили дать письменное подтверждение того, что ее гибель не была самоубийством, чтобы похоронить Нику по церковному обряду.

Ее отпевали через сорок дней после смерти в Москве в Высоко-Петровском монастыре. Алена Галич добилась, чтобы прах ее ученицы захоронили на Ваганьковском кладбище.

Она утверждала, что Ника и в последние годы постоянно писала стихи, о существовании нескольких сотен неопубликованных стихов дочери говорит и мать. Да и сама Ника уверяла, что пишет, только ничего не помнит на память – из-за алкоголя, а блокнот со стихами куда-то запропастился.

В ялтинской квартире Ники Турбиной все осталось так же, как в 1974 г., когда она родилась: трехкомнатная квартира на пятом этаже, творческий беспорядок, узкий коридорчик, темные маленькие комнаты и огромное количество книг, стопками лежащих рукописей и картин. Комната Никуши – самая большая в квартире. Кровать, стол и стеллажи с книгами. Никакой роскоши и совсем мало уюта. Одна стена красная, другая синяя, третья – зеленая… В общем, творческая обстановка, способствующая появлению гения, но, увы, не помогшая ему реализоваться, найти себя во взрослой жизни.

По мнению обожавших Нику ялтинцев, ее погубили столичные соблазны и амбиции семейства. А ее родственники считают, что причиной смерти их девочки стали людская черствость и зависть. Бабушка даже написала пьесу о жизни Ники, в которой обличила «бездушную толпу», «черную силу жалких людей». В общем, получается, что виноваты все и никто.

И последнее. Утверждать, что талантливый человек талантлив во всем – величайшее заблуждение. Неправда, что ребенок, с малых лет занимающийся искусством, обязательно вырастет светлой, сильной, полноценной личностью. Увы, это далеко не так. На глазах многих людей из «поэтического Моцарта» Ника Турбина превращалась в маргинала, абсолютно неприспособленного к жизни. Она так и не сумела справиться с собственной жизнью, смириться с непоэтической действительностью.

ФАДЕЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

(род. в 1901 г. – ум. в 1956 г.)

«…Оттого что мы все пойдем
По Таганцевке[43], по Есенинке
Иль большим Маяковским путем…»

Анна Ахматова

Горькие слова Анны Ахматовой оказались пророческими не только для опальных «инженеров человеческих душ», но и для, казалось бы, самого преданного советской власти писателя – Александра Фадеева. Его хрестоматийную биографию можно было бы считать образцовой, если бы не самоубийство, которое, на первый взгляд, кажется совершенно нелогичным.

Александр Фадеев родился 24 (10) декабря 1901 г. в селе Кимры Корчевского уезда Тверской губернии в семье сельского учителя, придерживавшегося революционных взглядов. Раннее детство он провел в Вильно (ныне Вильнюс) и Уфе, а в 1908 г.

переехал к отчиму на Дальний Восток. С 1912 по 1919 г. Александр учился во Владивостокском коммерческом училище, откуда ушел, не закончив восьмой класс. В училище он пристрастился к книгам, много читал, публиковал в рукописных ученических журналах свои стихи, очерки, рассказы.

Подростком Александр приобщился к революционной деятельности и в 17 лет стал большевиком-подпольщиком (кличка «Булыга»). Трагическая гибель его двоюродных братьев Всеволода и Игоря Сибирцевых укрепила Фадеева в его идеологических позициях. В апреле 1919 г. он был направлен в партизанские районы Дальнего Востока, участвовал в боях под Спасском и был тяжело ранен. В начале 1921 г. его, двадцатилетнего парня и преданного большевика, избрали делегатом X съезда партии.

Во время работы съезда, 2 марта 1921 г., в Кронштадте вспыхнул мятеж – восстал гарнизон города и экипажи некоторых кораблей Балтийского флота, – организованный эсерами, меньшевиками, анархистами. Его идеологи (в их числе и террорист Борис Савинков, выбросившийся из окна внутренней тюрьмы Лубянки в 1925 г.) выдвинули лозунг «Советы без коммунистов». Мятеж долго не удавалось ликвидировать, и тогда съезд принял решение направить на его подавление около трехсот делегатов. В их числе был и Александр Фадеев, уже имевший опыт боевых действий. Восстание было жестоко подавлено, около тысячи моряков погибло, более двух тысяч были ранены, восемь тысяч повстанцев бежало в Финляндию.

По окончании Гражданской войны Фадеев хотел остаться в армии, но врачи признали его негодным к военной службе. Он поступил в Московскую горную академию, но ушел со второго курса – его призвали на партийную работу.

Так определилась политическая биография Александра Фадеева. Он на долгие годы попал в руководящую «обойму»; ему был поручен писательский фронт. С 1926 по 1932 г. Фадеев был одним из руководителей Российской Ассоциации пролетарских писателей (РАПП), в 1939–1944 и 1954–1956 гг. – секретарем, а с 1946 г. – генеральным секретарем и председателем правления Союза писателей СССР. В 1950 г. Фадеева избрали вице-президентом Всемирного Совета Мира, а в феврале 1951 г. – депутатом Верховного Совета РСФСР по Бологовскому избирательному округу Калининской области. Вот таким, по-большевистски прямолинейным, выглядел жизненный путь писателя, который завел его в тупик. 13 мая 1956 г. Александр Александрович Фадеев, автор программных произведений «Разгром» и «Молодая гвардия», застрелился в своем кабинете.

Многим казалось, что он испугался разоблачения культа личности Сталина, указания которого неукоснительно выполнял. Непосредственным поводом к выстрелу якобы стал следующий случай. После начала реабилитации невинно пострадавших при Сталине некоторые из тех, кто был арестован и посажен по ордерам, завизированным Фадеевым, вернулись в Москву. Один из этих людей публично назвал Фадеева негодяем и чуть ли не плюнул ему в лицо. Этого было достаточно для того, чтобы Фадеев решил – наступил час расплаты.

Складывается довольно неприглядная картина – всесильный партийный чиновник от искусства, уничтожавший талантливых собратьев по перу, понял, что его время окончилось, и, мучимый угрызениями совести, решился на единственно возможный в его случае шаг. Возможно, что Александр Фадеев испытывал что-то похожее, но его поступки далеко не так однозначны, как может показаться на первый взгляд. Борис Пастернак как-то сказал: «Фадеев… ко мне хорошо относится, но если ему велят меня четвертовать, он это выполнит…» И эти слова наиболее точно характеризуют Александра Александровича.

Он был настоящим большевиком и с юных лет чувствовал себя солдатом партии, которая всегда права, а его самого называли тенью Сталина. Фадеев, конечно же, не мог оставаться в стороне от репрессий, его подпись стоит под многими ордерами на арест (о готовящемся аресте режиссера Мейерхольда Фадеев узнал за пять месяцев, и все это время, встречаясь с Всеволодом Эмильевичем, молчал). Он возглавлял кампании травли «неугодных» деятелей искусства и в то же самое время тайком помогал опальным писателям. В 1946 г. Фадеев возглавил кампанию против Зощенко и Ахматовой, но он же в 1940-м голосовал за выдвижение поэтессы на Сталинскую премию, хлопотал о жилье и персональной пенсии для нее.

Ему адресовано много упреков от коллег по перу, причем вручались они и после его гибели. 16 мая 1967 г. Александр Солженицын направил открытое письмо в адрес IV Всесоюзного съезда советских писателей: «…Многие авторы при жизни подвергались в печати и с трибун оскорблениям и клевете, ответить на которые не получали физической возможности, более того, подвергались личным стеснениям и преследованиям (Булгаков, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Зощенко, Платонов, Александр Грин, Василий Гроссман). Союз же писателей не только не предоставил им для ответа и оправдания страниц своих печатных изданий, не только не выступил сам в их защиту, но руководство Союза неизменно проявляло себя первым среди гонителей. Имена, которые составят украшение поэзии XX века,

оказались в списке исключенных из Союза либо даже не принятых в него. Тем более, руководство Союза малодушно покидало в беде тех, чье преследование окончилось ссылкой, лагерем и смертью (Павел Васильев, Мандельштам, Артем Веселый, Пильняк, Бабель…). Этот перечень мы вынужденно обрываем словами «и другие». Мы узнали после XX съезда партии, что их было более 600, ни в чем не виновных писателей, кого Союз послушно отдал их тюремно-лагерной судьбе».

Только Борис Пастернак рискнул в «Людях и положениях» напомнить о «детской» улыбке Фадеева, которую тот ухитрился пронести «через все хитросплетения политики», равно как и о предсмертной записке, обращенной Фадеевым к себе: «Ну, прощай, Саша».

Иногда сопоставляют судьбы Фадеева и Маяковского, находя в них много общего: привлекательная внешность, революционная деятельность, любовь власть имущих, всенародная слава, любовные похождения, способ самоубийства. Однако на деле их творческие судьбы различны. В отличие от Маяковского, одного из лидеров футуризма, чья литературная деятельность началась еще в 1912 г., Александр Фадеев представлял новую генерацию писателей, биография и творчество которых определились революцией и участием в Гражданской войне на стороне красных.

Да, Фадеев ушел из жизни так же, как когда-то Маяковский, выстрелив себе в сердце. Да, он оставил письмо, адресованное партии и правительству, так же как когда-то это сделал поэт. Но если Маяковский обращался к партии как к близкому, понимающему человеку, то Фадеев подготовил обвинительный акт. Прощальные слова руководителя главной писательской организации СССР не содержали в себе благодарности за высокий пост. Начиналось оно так:

«Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы – в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены или погибли, благодаря преступному попустительству власть имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40–50 лет». А вот финал письма: «Литература – этот высший плод нового строя – унижена, затравлена, загублена. Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина.

Тот хоть был образован, а эти – невежды.

Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушиваются подлость, ложь и клевета, ухожу из этой жизни. Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже трех лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять.

Прошу похоронить меня рядом с матерью моей».

Письмо, адресованное Фадеевым ЦК КПСС, было «арестовано» и получило огласку лишь спустя 34 года после смерти писателя. А партия не замедлила ответить на прощальный крик души писателя в газете «Правда». «Фадеев в течение многих лет страдал алкоголизмом, который привел к ослаблению его творческой деятельности… В состоянии тяжелой депрессии, вызванной очередным приступом, Фадеев покончил жизнь самоубийством», – писала газета. Но это была очередная неправда – в литературных кругах Москвы знали, что Александр Александрович, который вообще-то был склонен к пьянству, последние месяцы не пил. Он покончил с жизнью в здравом уме. Более того, Фадеев долго готовился к этому поступку, ездил по памятным местам, посещал старых друзей, как бы прощаясь с тем, что было ему дорого…

Занятый партийной работой, подавленный личным влиянием Сталина, втравленный в навязанную идеологическую борьбу в писательской среде, Фадеев многое упустил как литератор, несмотря на несомненный талант психологического прозаика и богатейший материал. Свои первые произведения – повесть «Разлив» и рассказ «Против течения» («Рождение Амгуньского полка») Александр Фадеев написал еще в 1922–1923 гг.

До 1926 г. он находился на партийной работе в Краснодаре и Ростове-на-Дону и параллельно писал роман «Разгром», в котором «главным движущим конфликтом… выступает борьба против японских интервентов и белого казачества». В 1927 г., после издания романа, Фадеев стал знаменитым и принял решение стать профессиональным писателем.

Еще в юности он оценил всю силу художественной правды толстовского стиля, отвергающего любую недостоверность и фальшь. В итоге он оказался едва ли не единственным советским писателем, который свою неистовую веру в социалистический реализм сочетал с толстовской эстетикой, требующей полного жизнеподобия. Максим Горький, конструируя социалистический реализм, говорил: «Нам необходимо знать не только две действительности – прошлую и настоящую. Нам нужно знать еще

третью действительность – действительность будущего». Постепенно эта гипотеза некоего идеального коммунистического будущего становилась единственной дозволенной реальностью. А в «Разгроме» двадцатипятилетний автор, бывший красный партизан, нисколько не поступаясь своим коммунистическим фанатизмом, смотрел правде в глаза. Он пытался создать коммунистическую литературу, набожно хранящую верность действительности – психологической, батальной, эротической, что сделало роман уникальным памятником советской литературы, выхолощенной цензурой.

Вообще, на примере «Разгрома» видно, как «правильная» трактовка привела к искажению его основной идеи в сознании нескольких поколений. Покрытый хрестоматийным глянцем «Разгром» просто не рассматривался как объект раздумий: все казалось ясным и лежащим на поверхности. Такая «ясность» не замедлила проявиться и при резкой смене идеологии: разгром «Разгрома» стал непременным атрибутом перестроечной критики, хотя высокую оценку ему давали не только партийные издания: «Этот роман написан… совсем не по обычному трафарету, по какому сочиняются и пишутся многими пролетарскими писателями десятки и сотни повестей и романов. И чем решительнее пролетарская литература пойдет по этому новому для нее пути, тем скорее завоюет она себе «гегемонию» органически, а не механическими средствами», – писали критики.

В 1929 г. А. Фадеев начал работу над большим, но оставшимся незаконченным романом «Последний из удэге» (работа длилась 27 лет, он время от времени печатал отдельные главы, но роман так и остался незавершенным). Действие «Последнего из удэге» разворачивается весной 1919 г. во Владивостоке, в охваченных партизанским движением районах, в таежных деревнях. По замыслу Фадеева, тема революционного переустройства Приморья должна была быть показана сквозь призму патриархальной жизни удэге, малого дальневосточного народа. Глубокое погружение в мир удэге в корне отличает роман Фадеева от лубочных поделок 30-х годов, авторы которых рапортовали о социалистическом преобразовании национальных окраин. Фадеев стремился вписать жизнь маленького безвестного племени во всемирную историю… Роман постоянно дополнялся новыми главами, но так и не был завершен. Он стал произведением, несущим в себе искренне и художественно выраженную правду времени, и даже незавершенностью своей «Последний из удэге» утверждает, в конечном итоге, реальную и органическую связь времен, смысл человеческой истории, череду и смену одних эпох другими.

Однако литературная деятельность Александра Фадеева была тесно связана с политической и в итоге оказалась подчинена идеологическим веяниям времени. В 1931 г. в журнале «Красная новь», где он исполнял обязанности ответственного редактора, появилась повесть Андрея Платонова «Впрок». Фадеева вызвал к себе разъяренный Сталин: «Вы напечатали эту кулацкую, антисоветскую писанину?»… Так были похоронены фадеевские планы по сочетанию художественной правды и коммунистического идеала. Литература, по существу, отошла на второй план; писатель превратился в мичуринский гибрид придворного льстеца и цепного пса. Понимал ли это сам Фадеев? Почти наверняка. В день смерти Михаила Булгакова, подвергнутого остракизму, Фадеев разрыдался во время разговора с вдовой писателя. Возможно, он оплакивал себя…

Почему? Да потому, что казавшаяся безграничной власть над «инженерами человеческих душ» была фантомом, колоссом на глиняных ногах. Все его поступки были полностью подконтрольны куда более реальной власти Сталина. «Всемогущий» Фадеев постоянно находился между молотом сталинского гнева и наковальней общественного мнения, отношения к нему репрессированных писателей. Фадеев знал, что в любой момент может отправиться вслед за писателями, ордера на арест которых он подписывал. И все же подписывал. Фадеев сделал свой выбор – и много ли найдется людей, которые осмелились бы поступить по-другому и остались бы при этом в живых? Через много лет, незадолго до своей смерти, Сталин спросит его: «Что ж это вы, товарищ Фадеев, не проявили бдительности и не разоблачили Алексея Толстого как английского шпиона, а Эренбурга – как французского?!» Только смерть генералиссимуса спасла знаменитых прозаиков от ссылки, а то и гибели.

В годы Великой Отечественной войны Фадеев стал журналистом и, будучи корреспондентом газеты «Правда» и Совинформбюро, объехал ряд фронтов. Его жена, актриса МХАТ Ангелина Степанова, не смогла уехать в эвакуацию с театром из-за тяжелой болезни. Александр Фадеев устроил ее в писательскую «коммуну» в Чистополе. По дороге в эвакуацию Ангелина встретила Марину Цветаеву, но познакомиться с ней так и не успела… В августе 1941 г. Цветаева повесилась в Елабуге, не сумев устроиться судомойкой в Чистопольский дом писателей.

Осенью 1943 г. писатель отправился в освобожденный от врагов Краснодон, и собранный там материал лег в основу романа «Молодая гвардия». В 1945 г. роман был окончен и опубликован. На протяжении ближайших двадцати лет в СССР не

было произведения более популярного, чем «Молодая гвардия». Книга отвечала чувствам народа, пережившего трагедию войны и знавшего цену, заплаченную за Победу. Фадееву удалось воссоздать портрет поколения, чья юность пришлась на военные годы.

Но в декабре 1947 г. в «Правде» появилась статья, где говорилось: «Из романа выпало самое главное, что характеризует жизнь, рост, работу комсомола, – это руководящая, воспитательная роль партии, партийной организации». Фадеев приступил к переработке романа. В 1951 г. была создана вторая редакция, которую писатель дополнял и позже: «Семь глав автор написал заново, двадцать пять основательно переработал, в семь глав внес поправки и дополнения… Он подвергал редактуре решительно все: и собственно авторскую речь, и лирические отступления, и сцены непосредственного сюжетного действия». Фадеев безжалостно переписывал биографии главных героев, подчиняя все факты главному – руководящей линии партии.

1953–1956 гг. стали для писателя временем глобальной переоценки ценностей, пришло трезвое осознание бесплодности и незначительности «неисчислимых бюрократических дел», которое привело к тяжелейшему кризису. «Когда подводишь итог жизни своей, невыносимо вспоминать все то количество окриков, внушений, поучений и просто идеологических пороков, которые обрушились на меня», – писал Фадеев.

После смерти Сталина, и особенно после XX съезда партии, Фадеев почувствовал, что на него, генерального секретаря Союза писателей, в годы сталинских репрессий обрушивался не только груз ответственности за события того времени, но и «подлость, ложь и клевета». Повод к этому давало и отношение к нему новой власти: «…в течение уже трех лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять».

Самоубийство Фадеева многими воспринималось как заслуженное возмездие, как суд совести. Но даже если он и испытал ее муки, то и это выгодно отличает его от многих литературных, а чаще окололитературных деятелей, чьи имена теперь известны, которые доносы в НКВД сделали второй профессией и самоубийством не кончили.

Вдобавок писатель переживал семейные неурядицы – Фадеев и его жена Ангелина Степанова, актриса МХАТ, поначалу жили очень дружно, хотя им редко удавалось подолгу быть вместе: она все время в театре, на гастролях, он тоже постоянно в делах, разъездах. Когда удавалось, они встречались, обживали новую квартиру, обустраивали дачу в Переделкино. Нехватку личного общения им заменяли письма… Но постепенно у Фадеева

появлялись новые увлечения, Ангелина Степанова перестала появляться с ним в обществе. Она была не из тех людей, кому можно было задавать вопросы о личной жизни, да никто и не смел заговаривать с ней об этом.

На семейные неурядицы наложилась многолетняя тяга писателя к спиртному; по мере продвижения по служебной лестнице Александр Фадеев все больше и больше уходил в себя, стал пить, и жить с ним рядом было тяжело.

Еще один аспект его трагедии заключался в тяжелом творческом кризисе. Кончилась неудачей его работа над романом «Черная металлургия», ибо материалы, которыми пользовался писатель, оказались фальшивкой. И Фадеев в какой-то момент почувствовал, что просто не в силах написать ничего яркого и по-настоящему значительного.

Все связалось в такой тугой узел, что развязать его казалось невозможным. Рушилась старая жизнь, а новой не предвиделось. И Фадеев принял последнее важное решение в своей жизни.

С ночи 12 мая до самой смерти Фадеев находился у себя на даче в Переделкино. Последнее утро прошло тихо и спокойно: Александр Александрович работал в кабинете на втором этаже, двенадцатилетний сын готовил уроки внизу. Наступило время обеда, и мальчика попросили позвать отца к столу. Он отправился в кабинет, но буквально через несколько секунд с диким криком скатился с лестницы: папа был мертв. На прикроватном столике лежало письмо, адресованное ЦК КПСС. Председатель МГБ Серов, одним из первых прибывший на место трагедии, сурово взглянул на окружающих: «Кто раскрывал конверт?» Никто – до его прибытия к письму не посмел прикоснуться даже следователь.

Жена Александра Фадеева в это время была на гастролях в Белграде. Весть, которую никто не решался ей сообщить, пришла 14 мая 1956 г. После спектакля ее посадили в машину и, сказав, что Фадеев тяжело заболел, отвезли в Будапешт – прямых рейсов из Белграда на Москву не было. Правду она узнала в киевском аэропорту, на промежуточной стоянке, где, одолжив у стюардессы мелочь, купила газету. На третьей странице она увидела портрет Александра Фадеева в траурной рамке…

Ангелина Степанова обратилась к властям с просьбой дать ей ознакомиться с содержанием письма. Ей было отказано. Что было написано в письме, она узнала в начале 90-х, когда его опубликовали в прессе. О ней и для нее не было почти ничего – только просьба простить его…

После похорон Степанова вернулась в Белград. Прибыв в театр за два часа до начала спектакля, она молча прошла гримироваться и так же молча, не слушая соболезнований, вышла

на сцену. Никто не знает, чего ей стоило это спокойствие. Театр стал ее спасением, она полностью ушла в актерскую работу. Ангелина Иосифовна Степанова ушла из МХАТа в 1994 г., прослужив в театре больше 70 лет. Умерла она 18 мая 2000 г., за несколько месяцев до своего 95-летия.

ФРЕЙД ЗИГМУНД

(род. в 1856 г. – ум. в 1939 г.)

А ты живи, как будто там внутри не этой смерти пухнущий комочек, не костный мозг и не подкожный жир, а так, как будто там какой-то жар цветочный, цветочный жар, подтаявший пломбир.

Дмитрий Воденников

Несколько тысяч лет назад самоубийство было одним из самых почетных способов расставания с жизнью, особенно когда речь шла о приближающейся старости или неизлечимой болезни. Считалось, что самостоятельно уйти из жизни достойнее, чем трусливо дожидаться неминуемой смерти. Позже, в эпоху расцвета христианской этики, ситуация кардинально изменилась: добровольный уход стариков стал смертным грехом, поскольку означал, во-первых, нарушение воли Всевышнего относительно срока жизни человека, а во-вторых, гордыню, нежелание мириться с ниспосланными страданиями. Самоубийство перестало быть альтернативой дряхлению, а предсмертные тяготы считались духовным испытанием, очищающим и возвышающим дух перед

встречей с вечностью.

Впрочем, в XX веке ситуация изменилась – слишком мало стала значить религия, слишком многие перестали верить в главенство духа над плотью. Не последнюю роль в этом сыграл психоанализ, который, по словам Альберта Эйнштейна, «…оказал огромное воздействие на мировоззрение нашей эры». Психоанализ, изобретенный Зигмундом Фрейдом в 1895 г., начинался как одно из направлений психиатрии и психологии, а в результате стал причиной культурного переворота, произошедшего в XX веке.

С момента его появления свобода человеческой воли стала фантомом – если верить психоаналитикам, никто не знает истинных мотивов своего поведения. Разум и сознание человека представляют собой всего лишь маскировку, благовидное прикрытие для истинных побуждений и желаний, глубоко скрытых в бессознательном. В общем, после появления психоанализа человек перестал быть рабом Божьим, превратившись в раба своих богопротивных желаний и побуждений, о которых даже не имел никакого понятия (а потому не мог с ними справиться и слепо подчинялся им).

В том, что Зигмунд Фрейд развенчивал божественность природы человека, нет ничего удивительного: его идолом были объективные законы существования живой материи. Он начинал как нейрофизиолог и участвовал в нескольких крупных открытиях, касающихся строения нервной ткани (причем одних этих открытий достаточно, чтобы прославить его имя). Однако сегодня никто, за исключением, пожалуй, историков науки, не связывает имя Фрейда с физиологией центральной нервной системы.

Главным его достижением стало кардинальное изменение представлений об источниках и мотивах человеческих мыслей и поступков. В своей теории Фрейд утверждал, что человек подчиняется непреодолимой и неосознаваемой силе либидо[44]. Прежде всего речь идет о сексуальности, которая проявляется уже у младенцев и которую «цивилизованный» человек вынужден подавлять под влиянием требований общества. «Непристойные» и «неприемлемые» желания вытесняются в бессознательное, откуда руководят поведением человека, проявляясь в снах, шутках, автоматических жестах, оговорках, описках, навязчивых действиях, в забытых словах и делах. То, что содержится в бессознательном, не может быть осознано индивидом самостоятельно, так как является разрушительным для его личности и представлений о самом себе. Впрочем, психоаналитик может извлечь на поверхность сознания вытесненные желания и

страхи, тем самым ослабив их влияние.

Позднее, в 20-е годы XX в., Фрейд уточнил свои взгляды относительно природы бессознательного и показал, что человеком управляют не только сексуальные желания, но и стремление к разрушению (в том числе к саморазрушению). Один из его учеников дал остроумные наименования этим силам, назвав их именами греческих богов любви и смерти Эроса и Танатоса. Названия оказались настолько удачными, что их стали приписывать Фрейду, хотя в его работах они не встречаются.

Вообще, в конце XIX века заявление Фрейда о первостепенном значении Эроса было подобно крушению мирового порядка. Тогда даже малейший намек на то, что «приличные» мужчины, и особенно женщины, имеют тело и плотские желания, считался верхом неприличия; любовь была исключительно неземной и высоко духовной. В моде была сковывающая движения одежда, которая искажала очертания тела, а правила хорошего тона запрещали естественное и искреннее проявление чувств.

Непристойный подтекст усматривался буквально во всем: порядочный мужчина носил галстук, чтобы закрывать «адамово яблоко» (кадык) и не наводить окружающих на мысль о грехопадении Адама и Евы, ножки рояля тщательно драпировались – вдруг кто-то обнаружит сходство с женскими ножками и испытает чувственное возбуждение, слова «грудь», «живот», «губы» считались неприличными. Юноши и девушки не могли оставаться наедине – в противном случае они или должны были сочетаться браком, или за девушкой закреплялась слава «падшей».

Одновременно с пуританскими нравами светских салонов Европы процветала (и в то же время как бы не существовала) разветвленная сеть увеселительных заведений, которые тайно посещали добропорядочные молодые люди и почтенные отцы семейств. Да и в высшем свете отсутствие любовника или любовницы считалось не добродетелью, а глупостью – и при этом внебрачные связи осуждались всеми и каждым.

Общество разыгрывало спектакль благочестия и пристойности, и актеры вели двойную жизнь, постоянно находясь в состоянии нервного и эмоционального напряжения. Результатом этого было огромное количество душевных расстройств, бесконечные истерические припадки, переполненные психиатрические клиники, эпидемия самоубийств, убийства проституток, расцвет опиомании и кокаиномании, притонов, где удовлетворялись самые изощренные фантазии и пороки… Однако общество благополучно

закрывало глаза на эту закулисную жизнь, пока не появились работы Зигмунда Фрейда.

Сам Фрейд, надо заметить, мог бы служить образцом добродетели (даже кокаин, о котором в то время было известно очень мало, он употреблял в интересах науки), и это особенно шокировало его современников, которые не могли объяснить интерес к сексуальности ничем иным, кроме извращенности ума и полной аморальности. Позднее ситуация изменилась – многие исследователи ядовито замечали, что именно добродетель Фрейда, то есть невозможность выплеснуть энергию либидо, заставила его создать психоаналитическую теорию (что, впрочем, вполне ее подтверждает). Что касается сегодняшнего дня, то отношение к Фрейду стало панибратским – «старина Фрейд», «дядюшка Фрейд» или вообще «Зигги» превратился в помешанного на сексе персонажа анекдотов, которому всюду чудятся фаллические символы.

При этом совершенно упускается из виду, что он, будучи врачом-психиатром, искал прежде всего эффективные методы лечения неврозов. Психоанализ возник как терапевтическая техника, способ преодоления душевных болезней, в которых Фрейд увидел результат нарушения деятельности сексуальной сферы. Несмотря на то что он настаивал на своем открытии, изначально психоанализ не претендовал на раскрытие тайн бытия. Другое дело, что он довольно быстро вышел за рамки медицины и стал отправной точкой для многих гуманитарных и философских исследований.

Благодаря Фрейду получили толчок к развитию позднейшие школы и течения психологии – как те, что продолжали и развивали его идеи, так и те, что родились на волне критики психоаналитической теории. За сорок три года работы над своей теорией Зигмунд Фрейд сделал для развития представлений о душевной жизни человека больше, чем философы и врачи предшествующих веков. Именно психоанализу мы обязаны многими событиями культурной жизни XX века – фильмами, книгами, картинами, направлениями искусства.

Зигмунд Фрейд родился 6 мая 1856 г. в Австро-Венгрии, в моравском городке Фрейбурге (ныне Пршибор, Чехия). Он был первенцем. Его отец Якоб торговал шерстью, а мать Амалия вела хозяйство и год за годом рожала детей (их в семье было восемь). Что касается более отдаленных предков, то в роду Амалии как будто бы был ученый, но отцовская линия представлена исключительно торговцами. Мать Зигмунда была третьей женой Якоба и годилась ему в дочери. Семья жила бедно и несколько раз переезжала в поисках лучшей жизни, пока не осела в Вене в

1860 г. Однако ситуация не изменилась – Фрейды продолжали бедствовать, несмотря на помощь родственников.

По одним данным, родители Фрейда были ортодоксальными иудеями, по другим – атеистами, которые распрощались с пережитками прошлого. Обе точки зрения маловероятны: родители Зигмунда Фрейда чтили традицию, отмечая главные праздники, но не придавали особого значения их духовному смыслу. Тем не менее, существовало божество, которому истово поклонялось семейство Фрейд – будущее детей (в первую очередь, сыновей).

Отцовские амбиции были велики, Якоб вынашивал грандиозные планы относительно своих сыновей – точнее, сына, поскольку после Зигмунда (и умершего в младенчестве Юлиуса) Амалия рожала только девочек. Все интересы родителей и таланты сестер были положены на алтарь великого будущего первенца. Мальчик находился в привилегированном положении: все его желания моментально выполнялись, покупались нужные книги и учебники, дорогие письменные принадлежности. Для приготовления уроков ему выделяли керосиновую лампу, в то время как вся семья сидела при свечах. Одна из сестер Зигмунда училась играть на фортепиано; как-то раз он пожаловался, что ее музицирование мешает ему делать уроки, – и с музыкой в доме было покончено. Вообще, если судить по воспоминаниям старшей из сестер, Анны, Зигмунд пользовался в доме большой властью. Когда ему было пятнадцать, он запретил ей читать «неподобающие для девушки» книги Дюма и Бальзака, а позже не допустил ее бракосочетания с шестидесятилетним дядюшкой, которое отец рассматривал как способ решения финансовых проблем семьи.

Фрейд, несмотря на бедность семьи, получил серьезное образование. Сначала его учил сам Якоб, потом он пошел в частную еврейскую школу, а в девять лет – в государственную школу Леопольдштадт. Поначалу он не блистал, но вскоре стал одним из лучших учеников класса и оставался на первых ролях все восемь лет учебы. Зигмунд выделялся способностями, острым умом, страстью к чтению и живым интересом к новейшим достижениям науки. Он с отличием закончил гимназию и задумался о продолжении образования, что представляло определенную проблему: в Австро-Венгрии евреи имели право изучать только торговое дело, юриспруденцию и медицину.

Зигмунд долгое время собирался стать юристом (он даже изучал историю, политику и философию), но в итоге, прочтя труды Чарльза Дарвина, увлекся естествознанием. Из-за существующих ограничений Фрейд не мог поступить на

биологический факультет и потому избрал медицинский, хотя никакого тяготения к врачеванию не испытывал. Изучая медицину, он увлекся вопросами неврологии и физиологии и по окончании университета продолжил научную деятельность.

Во второй половине XIX века живая материя (особенно человеческое тело) подвергалась самым тщательнейшим исследованиям, основанным на доктрине о том, что «в организме действуют только обычные силы физики и химии». Эти слова принадлежат физиологу Эрнсту фон Брюкке, прилежным учеником которого был Фрейд. Под руководством Брюкке он, еще будучи студентом, исследовал нервные клетки у золотых рыбок, изучал обезболивающие и стимулирующие свойства кокаина и его влияние на выносливость человека, писал об анатомии мозга. Высокую оценку специалистов получили работы Фрейда по гистологии.

В 1879 г. он отслужил год в армии (для студента-медика служба заключалась в больничных дежурствах), а в марте 1881 г. получил степень доктора медицины и разрешение вести частную практику. Зигмунд не придавал большого значения полученному разрешению, поскольку плохо знал клиническую медицину, она его не интересовала. Он продолжал исследования в лаборатории Брюкке, получая грошовый заработок.

Через некоторое время Фрейд все же стал практикующим врачом в одной из венских клиник. Он работал под началом крупнейшего психиатра и невропатолога того времени Т. Мейнарта, который, впрочем, поощрял его научные занятия. Так что параллельно клинической работе Фрейд написал несколько статей о новых методах исследования нервной ткани, которые быстро получили известность в мире науки. Позднее его наблюдения сыграли важную роль в создании нейронной теории, лежащей в основе современной неврологии. В 1885 г. Фрейд получил звание доцента.

Возможно, он и не стал бы практикующим врачом, поскольку испытывал к лекарскому ремеслу нечто вроде отвращения, если бы не собирался жениться на Марте Бернайс, в которую влюбился с первого взгляда. Она жила в Вене со своей матерью-вдовой, сестрой Минной и братом Эли. Девушка выросла в ортодоксальной семье (дед Марты был главным раввином Гамбурга) и воспитывалась в строгости, что очень импонировало Фрейду.

Родители невесты были против свадьбы, в том числе из-за безбожия и необеспеченности жениха. Тем не менее, в 1882 г. состоялась тайная помолвка Зигмунда с Мартой. Фрейд рассчитал, что сможет жениться на Марте лишь через девять лет,

однако свадьбу сыграли через четыре года. Все это время он беспокоился о приличиях; например, запрещал Марте оставаться у подруги, которая «вышла замуж до свадьбы», что было совершенно непростительно. Зигмунд не позволял ей кататься на коньках, поскольку существовала вероятность того, что ей придется брать под руку мужчину. Он подарил невесте «Дон Кихота», но тут же устыдился своего поступка, поскольку забыл, что «там много грубых и отвратительных мест» и эта книга – «… чтение не для девушек». Вообще Фрейд был довольно строг с Мартой. Он исходил из популярной тогда идеи о врожденной аморальности женщины и считал, что «приучая бедняжек к лести и галантности, мы наносим им вред».

Марта стала образцовой женой. Она родила трех сыновей и трех дочерей и обеспечивала Зигмунду, что называется, надежный тыл. Она не обращала внимания на скандальную славу Фрейда и сплетни, связанные с ним. Марта игнорировала слухи о любовной связи Зигмунда с ее сестрой Минной, поселившейся в их венской квартире и сопровождавшей Зигмунда в многочисленных поездках. Точно так же она поступила, когда пошли толки о его гомосексуальных наклонностях, основанные на близкой дружбе с Вильгельмом Флиссом. Вопреки правилам хорошего тона, рекомендующим сдержанность в проявлениях чувств, Зигмунд отправлял ему глубоко прочувствованные письма о своей тоске, о нетерпении, с которым он ждет следующей встречи. Во время одной из таких встреч Фрейд упал в обморок, и для его последователей это послужило поводом объявить, что в основе происшествия лежит неконтролируемое гомосексуальное чувство.

Так или иначе, но Марта с бесконечным терпением пережила и четыре года после помолвки, и бедность первых лет семейной жизни, и всеобщее презрение, которое вскоре сменилось всеобщим же признанием. Но до признания было еще очень далеко, а пока, в 1882 г. в жизни Фрейда произошло событие, сильно повлиявшее на дальнейшее развитие его взглядов.

Зигмунд Фрейд стал учеником и другом известного психиатра Иосифа Брейера, который практиковал гипноз и добивался хороших результатов. Надо сказать, что в то время основными клиентами неврологов и психиатров были девушки и женщины – весь уклад жизни способствовал развитию у них истерических расстройств: судорожных припадков, мнимой слепоты и немоты, нервной горячки, болезненных симптомов, не имеющих физической причины, и т. д. Врачи часто прибегали к гипнозу, который на некоторое время ослаблял проявления болезни и приносил некоторое облегчение. Однако мало кто

задумывался о причинах лечебного воздействия гипноза – большая часть медиков считала больных истерией обычными симулянтами, искусно изображающими различные болезни – паралич, астму, болезни желудка и т. д.

В конце 1882 г. Фрейд познакомился с историей одной из пациенток Брейера – случаем Анны О., которому суждено было стать отправным пунктом психоанализа (как система он начал складываться лишь в 1895 г.). Итак, Анна О. потеряла отца, после чего у нее развились истерические симптомы: паралич, нарушение кожной чувствительности, расстройства речи и зрения, а также раздвоение личности. При переходе от одной личности к другой она впадала в гипнотическое состояние, в котором рассказывала о своей жизни. Однажды Анна поведала о том, как у нее появился один из симптомов, а когда пришла в себя, оказалось, что он исчез. Основываясь на этом случае, Брейер создал новый метод лечения: погрузившись в гипнотическое состояние, пациент подробно рассказывал о событиях, сопутствующих появлению того или иного симптома, после чего он исчезал.

Лечение Анны О. шло успешно, но Брейер внезапно отказался от работы с ней. Причиной стали страстные чувства, которыми воспылала к нему пациентка. После отказа Брейера от продолжения сеансов у Анны случился истерический припадок, символизирующий роды, – оказалось, что во время лечения у нее развилась мнимая беременность, не замеченная врачом. Брейер был потрясен и растерян, он не мог найти объяснения произошедшему. Случай Анны О. пробудил у Фрейда интерес к истерии и возможностям ее лечения.

В 1885 г. он решил поближе познакомиться с методами лечения истерии, применяемыми французским врачом Шарко. Французская школа невропатологии славилась богатым клиническим материалом и большими успехами в изучении гипноза и истерии, но в Вене эти исследования были встречены скептически. Фрейд отправился на стажировку в парижскую клинику Сальпетриер, где практиковал Шарко.

Незадолго до поездки он сжег в печи большую часть своих писем и бумаг. На вопрос Марты, зачем он это делает, Зигмунд объяснил, что хочет затруднить работу своим биографам, поскольку заранее питает к ним неприязнь. Марта не поняла, о чем он говорит, и Фрейд пояснил, что у великих людей всегда есть биографы… Трудно точно сказать, происходил ли этот разговор на самом деле, но Фрейд, несомненно, верил в свое особое предназначение, что придавало ему силы в самые тяжелые времена. Перед отъездом он писал своей невесте: «Моя маленькая

принцесса, я приеду с деньгами. Я стану великим ученым и вернусь в Вену с большим, огромным ореолом над головой, и мы тотчас же поженимся».

Стажировка в Сальпетриере не снискала ему ни славы, ни богатств, но стала поворотным моментом в его судьбе. Шарко уделял большое внимание фантазиям больных, справедливо полагая, что истоки истерических расстройств заключены в психике, а не в физиологии (до начала XX века считалось, будто причиной истерии является «блуждающая матка» – представление, сохранившееся со времен Гиппократа). Шарко обратил внимание на то, что во время истерических припадков пациенты часто воспроизводят реальные или выдуманные любовные сцены (о чем потом не помнят), а иногда лечение заканчивается безосновательными обвинениями врачей в совращении. Он поделился с Фрейдом мыслью о том, что причины болезни кроются в особенностях половой жизни пациентов. Эта идея в сочетании с наблюдениями самого Фрейда, а также случаем Анны О. навела его на мысль о существовании сферы психики, скрытой от сознания и состоящей в основном из сексуальных желаний, так или иначе проявляющихся во время лечения.

В 1886 г. он вернулся в Вену и сделал доклад «Об истерии у мужчин», в котором изложил идеи Шарко о причинах возникновения этой болезни. Доклад был принят скептически, и о нем вскоре забыли. Пережив глубокое разочарование, Фрейд вернулся к неврологии, не оставляя, однако, ни врачебную практику, ни научную деятельность. Вышли его работы «Афазия» (1891 г.), «Проект научной психологии» (1895 г.), «О детском параличе мозга» (1897 г.). Совместно с Брейером он продолжил изучение истерии, и в 1895 г. они издали книгу «Этюды истерии», где впервые раскрыли связь невроза с неудовлетворенными влечениями и эмоциями, вытесненными из сознания.

Фрейд интересовался не только гипнотическим, но и естественным сном, а точнее – сновидениями, которые считал способом исполнения желаний, невозможных в реальности. Мысль о том, что «сценарий» наших сновидений при его кажущейся нелепости – не что иное, как код потаенных желаний, удовлетворяющихся в образах-символах этой формы ночной жизни, пришла Зигмунду Фрейду 24 июля 1895 г., когда он сидел в северо-восточном углу террасы одного из венских ресторанов. По этому поводу Фрейд иронически заметил, что на этом месте следовало бы прибить табличку: «Здесь доктором Фрейдом была открыта тайна сновидений». Он писал тогда Флиссу: «Все стало на свои места, все шестеренки пришли в зацепление, и

показалось, что передо мной как будто машина, которая четко и самостоятельно функционировала… Все пришло к своей взаимосвязи…»

Фрейд говорил о том, что главная сила, направляющая поступки, мысли и желания человека, – это энергия либидо, то есть сексуального влечения. Именно ею наполнено бессознательное, которое противостоит моральным нормам и нравственным устоям, присутствующим в сознании. Фрейд описал иерархическую структуру психики, состоящую из трех «уровней»: сознания, предсознательного и бессознательного. Предсознательное состоит из тех желаний и мыслей, которые могут быть легко осознаны. Что касается бессознательного, то его содержание полностью скрыто от человека, а осознание сильно затруднено. Кроме того, Фрейд обозначил те элементы психики человека, между которыми происходит постоянная борьба. Он назвал их Оно (Id), Я (Ego) и Сверх-Я (Super-Ego). Супер-Эго сосредоточивает в себе общественные нормы и правила; Оно представляет собой «бурлящий котел» бессознательных влечений и желаний, требующих удовлетворения. Что касается третьего элемента, то «…Я, движимое Оно, стесненное Сверх-Я, отталкиваемое реальностью, вынуждено прилагать все свои усилия для гармонизации отношений между этими тремя его "хозяевами"».

Открытия Фрейда были встречены Веной в штыки; по его собственным словам, «отношение к ним было отрицательным, проникнутым чувством презрения, сострадания, или превосходства». Построенные по законам естествознания описания бессознательного произвели на научное сообщество впечатление чего-то низменного и непристойного. Теория Фрейда была принята как «шутка дурного тона», и с 1896 по 1902 г. он оказывается в полной изоляции. Даже Брейер, не желая вредить своей карьере, разрывает дружбу с ним. За это время Зигмунд Фрейд получает все новые подтверждения истинности своих взглядов и позднее называет этот период своей жизни «прекрасное, героическое время». Кроме того, несмотря на неприятие со стороны маститых ученых, идеи Фрейда находят признание у молодежи. В 1902 г. у него собираются единомышленники, образуется психоаналитический кружок. В этот период он пишет «Психопатологию обыденной жизни» (1904), «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905), «Пять лекций по психоанализу» (1909). Психоанализ начинает входить в моду.

У Фрейда появились ученики: Альфред Адлер, Карл-Густав Юнг, Вильгельм Райх, Отто Ранк и многие другие… Однако они

друг за другом «предавали» своего учителя, выйдя за рамки «ортодоксального» психоанализа и основав собственные психологические направления. Фрейда покидали самые талантливые ученики, и он не видел среди оставшихся достойного преемника. Годом раскола в психоанализе считается 1912-й, когда вышел второй том книги Юнга «Символы и трансформации либидо».

Фрейд активно работал, психоанализ стал знаменит во всей Европе, в США, в России и постепенно получал признание в научной среде. Показателем настоящей славы было чествование в 1922 г. Лондонским университетом пяти великих гениев человечества – Филона, Мемонида, Спинозы, Фрейда и Эйнштейна.

В это же время Фрейд вывел психоанализ за рамки медицины и психологии, рассматривая законы развития культуры и общества. Социально-политическая обстановка в Европе начала 20-х годов заставляет его обращаться к темам психологии масс, психологическим основам религиозных и идеологических догматов. Главные из работ этого периода: «Тотем и табу», «Массовая психология и анализ человеческого "Я"», «Недовольство культурой», «Будущее одной иллюзии» (имеется в виду религия). Во всех этих работах Фрейд решает тему соотношения индивидуального сознания и массовой психологии, строит своего рода психоаналитическую культурологию. Тогда же он пересматривает свою теорию влечений, внося в нее новый элемент – стремление к разрушению, позднее названное Танатосом, о чем подробно пишет в своей работе «По ту сторону принципа удовольствия».

В 1923 г. из-за пристрастия к сигарам у Фрейда развивается рак челюсти и ему делают операцию. Надо сказать, что в его роду многие умирали от рака, и он боялся заболеть им. Узнав диагноз, Зигмунд Фрейд договорился со своим лечащим врачом Максом Шуром, что тот поможет ему совершить самоубийство, когда положение дел станет безнадежным. После этого он прожил еще шестнадцать лет, продолжая активно работать, его график был расписан на несколько лет вперед.

В 1933 г. к власти в Германии пришел фашизм и книги Фрейда были преданы огню. 11 мая 1933 г. под управлением доктора Геббельса в Берлине жгли книги Маркса, Эйнштейна, Фейхтвангера, сочинения евреев и неевреев, придерживавшихся антифашистских взглядов. Когда очередь дошла до книг Фрейда, церемониймейстер провозгласил: «Против преувеличенной оценки души и половой жизни, во имя доблести человеческой души я предаю пламени писания Зигмунда Фрейда». Вслед за

Берлином сожжение книг состоялось во Франкфурте, где всего несколько лет назад ученому вручили премию Гете. Узнав о происшедшем, Фрейд воскликнул: «Какой прогресс! В Средние века они сожгли бы меня самого, а теперь удовлетворяются сожжением моих книг!»

Несколько лет прошли в относительном спокойствии, хотя было очевидно, что оно в любой момент может быть разрушено. Фрейду предлагали покинуть Австрию, но он отказывался. Однако после захвата Австрии нацистами его жизнь оказалась в опасности.

15 марта 1938 г. квартиру Фрейда ограбили штурмовики. В тот же день был арестован и позднее отпущен его сын Мартин. Через неделю к Фрейду нагрянули люди из гестапо и увели с собой младшую дочь, Анну[45], которую к вечеру отпустили. Врач Фрейда, Шур, заранее снабдил Мартина и Анну смертельными дозами веронала на случай, если их будут пытать. Фрейду об этом не сказали.

О положении Зигмунда Фрейда было сообщено президенту США Рузвельту, который поручил представителям посольства постоянно охранять его. Одновременно начались переговоры с высшими кругами Лондона, чтобы добиться признания профессора «приемлемым иммигрантом». В конце апреля Лондоном были даны четкие инструкции относительно выдачи виз. «Выдающиеся лица, имеющие международную репутацию в области науки, медицины, исследований или искусства» получали визы в первую очередь, и им нельзя было отказать в выдаче виз без специального разрешения. Фрейд попадал в эту категорию автоматически.

Однако он не мог уехать, не уплатив налог на выезд из страны. Из-за этой задержки часть сопровождающих уехала раньше, чем сам Фрейд (в списке, кроме него самого, было еще пятнадцать имен). 25 мая ученый узнал, что налог составил 31 329 рейхсмарок, которые нужно было заплатить до 21 июня. Поскольку его банковские счета были конфискованы, то налог заплатила его ученица, французская подданная Мария Бонапарт, которой он впоследствии возвратил долг.

Теперь Фрейд мог уезжать, но прежде должен был еще подписать документ, в котором говорилось, что власти обошлись с ним «со всем уважением и вниманием, положенным научной репутации». Он якобы спросил, можно ли что-нибудь добавить, и дописал ироничное предложение: «Я могу сердечно порекомендовать гестапо любому», но эта история не более чем вымысел.

Четыре сестры Фрейда остались в Вене (через несколько лет

они погибли в печах Освенцима и Майданека). Он попрощался с ними, и в субботу 4 июня сел в «Восточный экспресс», отправляющийся с Западного вокзала в 15.25. Его сопровождал представитель дипломатической миссии США в Вене. Через двенадцать часов Фрейд уже был вне опасности – поезд шел по территории Франции.

Обустроившись в Лондоне, профессор Фрейд продолжил работать – вел сеансы психоанализа, заканчивал книгу «Моисей и единобожие», принимал посетителей, среди которых были Герберт Уэллс, Сальвадор Дали, посланцы от Королевского научного общества, принявшего профессора в свои ряды.

В марте 1939 г. опухоль Фрейда стала расти, и теперь она уже не поддавалась операции. Кроме того, он начал страдать от сердечной недостаточности. В конце июля профессор был вынужден отказаться от практики, и Макс Шур проводил у него почти все время. Обсуждая Гитлера и вероятное будущее, Шур спросил Фрейда, считает ли он, что эта война будет последней. «Для меня – последней», – ответил тот. Его имя было включено в «особый список» гестапо, куда входили люди, которых нужно было найти в первую очередь после завоевания Британии.

Зигмунд Фрейд ушел из жизни 23 сентября 1939 г., через три недели после начала Второй мировой войны. 21 сентября 1939 г., во вторник, восьмидесятитрехлетний Фрейд взял врача за руку и сказал: «Мой дорогой Шур, вы, конечно же, помните нашу первую беседу. Тогда вы пообещали, что поможете, когда придет мое время. Теперь моя жизнь превратилась в сплошную пытку и больше не имеет смысла». Шур ответил, что помнит свое обещание. «Спасибо, – ответил Фрейд. – Поговорите с Анной и, если она не возражает, покончим с этим».

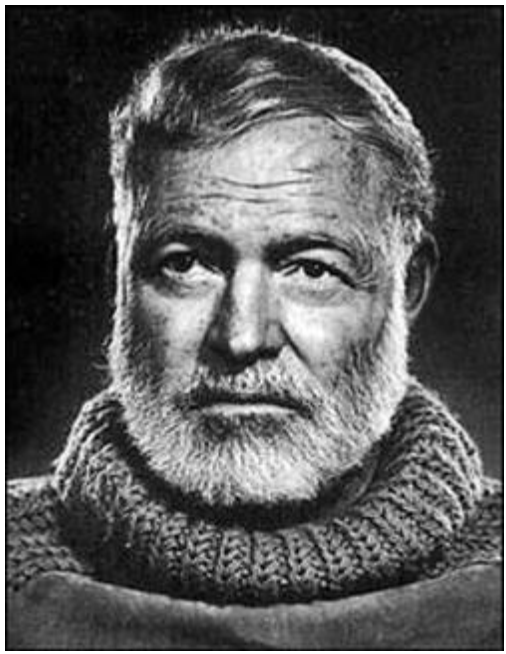
После беседы с дочерью Фрейда Шур сделал ему инъекцию большой дозы морфия и повторил ее дважды в течение следующих тридцати шести часов, постепенно увеличивая. 22 сентября Зигмунд Фрейд впал в кому, из которой уже не вышел. Он умер в три часа, в ночь с пятницы на субботу 23 сентября 1939 г. По мистическому совпадению, которое сам Фрейд наверняка счел бы чем-то большим, чем простая случайность, он умер в Йом Киппур[46].

Сегодня личность Фрейда стала легендарной, а его работы единодушно признаны вехой мировой культуры. Еще при жизни великого ученого вышла его биография, написанная Стефаном Цвейгом. После Второй мировой войны в США психоанализ стал «второй религией», ему отдали дань многие мастера американского кино: Винсенте Минелли, Николас Рей, Альфред Хичкок, Чарли Чаплин. Нобелевский лауреат по литературе,

французский философ Жан-Поль Сартр написал сценарий «Фрейд», по которому режиссер Джон Хьюстон снял фильм… Сейчас почти невозможно найти писателя или ученого, философа или режиссера XX века, который не испытал бы на себе прямого или косвенного влияния психоанализа. Фрейд выполнил свое обещание, данное им когда-то своей жене, – он стал великим человеком. Но все так же остался без ответа вопрос, поставленный им еще в конце XIX века: «К чему пришел человек, как ничтожно должно быть влияние религии и науки, которая должна была занять место старой религии, если человек уже не отваживается решить, когда очередь того или другого умереть?»

ХЕМИНГУЭЙ ЭРНЕСТ МИЛЛЕР

(род. в 1899 г. – ум. в 1961 г.)



«Все истории, если продолжить их достаточно далеко, заканчиваются смертью, и тот не правдивый рассказчик, кто утаит это от вас».

Эрнест Хемингуэй

Интересная вещь – фамильные черты? Из истории мы знаем о косолапости целых династий египетских фараонов, о характерной внешности (выпяченная нижняя губа и нос с горбинкой) членов рода Габсбургов, а также о «болезни царей» – гемофилии, которая поражала правящие дома Европы, породнившиеся с английским престолом (вспомним и Романовых). Наука подтверждает: по наследству передаются цвет глаз и волос, телосложение, болезни и многое другое. А литература внесла свою лепту в список фамильных особенностей – суицидальные наклонности Хемингуэев.

Судьба далеких предков писателя неизвестна, но в XX веке самоубийство затронуло три поколения этой семьи: застрелился отец писателя, его брат, отравилась снотворным внучка. А уход из

жизни Эрнеста Хемингуэя является, наверное, самым известным «творческим» самоубийством – именно оно первым приходит на ум, когда начинаешь вспоминать известных людей, добровольно расставшихся с жизнью.

Эрнест родился и вырос в семье не просто добропорядочной, но ханжеской. Складывается впечатление, что его родители, Кларенс и Грейс, не столько жили, сколько втискивали свою жизнь в стандарт «добродетели» со всеми ее приметами. Она – в положенный срок выходит замуж за достойного человека и полностью посвящает себя семье (а разве может поступить иначе честная девушка?). Он – почтенный гражданин, имеет постоянный доход, содержит семью и пользуется уважением соседей. У них пятеро очаровательных детишек. Он ходит на охоту, как подобает настоящему мужчине. Она протестует, как положено жене, но ничего не может сделать, ибо мужчины всегда ходят на охоту. В общем, жизнь Кларенса и Грейс очень похожа на сценарий сериала из жизни Америки начала века – шаблонные характеры, избитые фразы, предсказуемые поступки.

Впрочем, как часто бывает в тех же сериалах, при ближайшем рассмотрении оказывается, что все не так уж безоблачно. И не так уж безнадежно «правильно» – в семействе витает легкая сумасшедшинка, которая часто становится причиной появления талантов и знаменитостей (правда, за счет психического равновесия их самих и окружающих).

Итак, с самого начала. Отец Эрнеста, практикующий врач Кларенс Эдмонсон Хемингуэй, когда-то мечтал овладеть секретами традиционной индейской медицины и свойствами целебных трав, стать врачом-миссионером и уехать куда-нибудь в дальние страны, подальше от родного города. Он даже провел одно лето с индейцами племени сиу, изучая их способы лечения малярии. Но, конечно, потом выкинул из головы все эти глупости, остепенился и стал практикующим врачом в родном Оук-Парке, пригороде Чикаго.

Мать писателя, урожденная Грейс Холл, была талантливой оперной певицей. Она выступала с большим успехом, и ей предложили контракт в «Метрополитен-опера». Но разве может приличная девушка опозорить свою семью и стать певичкой (хотя бы даже и оперной примой), тем более что она уже была помолвлена с Кларенсом Хемингуэем? Грейс, разумеется, выполнила свой долг и вернулась к жениху.

Был ли этот брак счастливым? Какое может быть счастье в семье, где два талантливых человека похоронили свои мечты в угоду мнению соседей?

У Кларенса и Грейс было пятеро детей (три девочки и два

мальчика). У мамы был странный способ воспитания – до шестилетнего возраста она воспитывала двух старших детей, Марселину и Эрнеста, как близнецов. То наряжала их в мальчишеские курточки и штанишки, то надевала на них – обоих! – девичьи платьица и банты… В возрасте трех лет Эрнест очень боялся, что Санта-Клаус на Рождество перепутает и, позабыв, что он мальчик, принесет ему не тот подарок. Мама даже задержала поступление Марселины в школу, чтобы они с Эрнестом учились вместе. Зачем? Бог весть… Эрнест, во всяком случае, возненавидел свою мать за подобное обращение и удивлял многих своих знакомых нелицеприятными высказываниями в ее адрес.

Когда мальчик подрос, отец стал приобщать его к охоте и рыбалке, а мать – к музицированию (она решила научить Эрнеста игре на виолончели); родители как будто стремились воплотить свои нереализованные мечты и таланты. В итоге он на всю жизнь возненавидел виолончель и полюбил охоту с рыбалкой. Да иначе, наверное, и быть не могло – виолончель прочно ассоциировалась у него с платьицами и сервизиками, а охота – это настоящее мужское дело.

Вообще, отец приложил много усилий, чтобы воспитать Эрнеста как настоящего мужчину. Правда, впоследствии результат ему не очень понравился, ибо далеко выходил за рамки добропорядочности. А может быть, отец просто завидовал Эрнесту, ставшему воплощением отцовской мечты о вольной жизни охотника, – воевал, попадал в опасные переделки, в него влюблялись красивейшие женщины, а сам он был знаменит, красив, и мужественен. Став взрослым, Эрнест далеко ушел от основ добродетели, которые так свято блюли его родители. Настолько далеко, что стал воплощением шаблона «настоящего мужчины» – сильного, бесшабашного охотника и рыболова, выпивохи и задиры.

Но это было позже, а пока Эрнест восхищался отцом и старался вести себя так, чтобы никто не перепутал его с девчонкой. Рассказывают, что как-то мальчик бежал за молоком на соседнюю ферму, споткнулся, упал и проткнул горло палочкой, которую держал в руке (были задеты обе миндалины). Хлынула кровь, он кое-как добрался до дома. Хорошо, что папа был врачом и остановил кровотечение, а то хемингуэевской прозы могло бы и не быть. Это, кстати, был первый раз, когда Эрнест Хемингуэй оказался под угрозой смерти, но далеко не последний – на протяжении всей жизни он попадал в авто– и авиакатастрофы, подрывался на минах, находился под обстрелом, рисковал жизнью на собственной яхте. Он как будто искал

смерти, а она не брала писателя. Она была единственной женщиной, которая с самого начала не проявляла к нему никакого интереса.

Когда Эрнесту исполнилось 12, дед подарил ему ружье – он не читал Чехова, просто считал, что у настоящего мужчины обязательно должно быть собственное ружье.

После окончания школы в 1917 г. Хемингуэй хотел вступить в армию и принять участие в Первой мировой войне, однако из-за травмы глаза призван не был. Он стал полицейским репортером газеты «Стар» в Канзас-Сити, выезжал на места преступлений, бывал в тюрьмах, притонах, общался с полицейскими, грабителями и насильниками. Вспоминая свою работу в газете, Хемингуэй говорил, что за семь месяцев в «Стар» он научился рассказывать просто о простых вещах.

В девятнадцать лет он добровольцем отправился на фронт в Италию, где едва не погиб, спасая раненого снайпера. Когда он выносил его с нейтральной полосы, рядом разорвалась мина, а позже пуля крупнокалиберного пулемета раздробила его колено. Врачи обнаружили в теле Эрнеста двадцать шесть осколков и свыше двухсот ран. Находясь на лечении в госпитале, Хемингуэй влюбился в сестру милосердия Агнес Куровски. Она ответила на его ухаживания, он сделал ей предложение. А потом получил письмо, где она как бы между делом сообщила, что собирается замуж за итальянского лейтенанта. Для Эрнеста это оказалось большим ударом. Но он справился с ним – через десять лет история любви к Агнес и впечатления пережитой войны легли в основу романа «Прощай, оружие».

Возвратившись в Оук-Парк, Хемингуэй обнаружил, что жизнь в предместье Чикаго чрезвычайно скучна. Он поступил на работу в редакцию чикагского журнала, где познакомился с писателем Шервудом Андерсоном. Тот убедил его уехать в Париж, чтобы избавиться от «бездуховной» атмосферы американского Среднего Запада. Эрнест стал европейским корреспондентом газеты «Торонто Стар». В сентябре 1921 г. он женился на Элизабет Хэдли Ричардсон, и они уехали в Европу. В Париже Хемингуэй сблизился с такими видными литераторами, как Эзра Паунд, Гертруда Стайн, Джеймс Джойс, Скотт Фицджеральд. В Париже из-за рассеянности Хэдли он лишился рукописи своего первого почти законченного романа и некоторых других работ.

В Париже вышли первые книги писателя – «Три рассказа и десять стихотворений» (1923) и сборник рассказов «В наше время» (1924), в котором шокирующе подробно были описаны эпизоды греко-турецкой войны. Когда была издана книга, Эрнест прислал родителям шесть экземпляров, думая, что им теперь есть

чем гордиться – непутевый сын стал писателем. Они же восприняли сыновний жест как личное оскорбление. Они испугались, что творчество сына может бросить на них тень, ибо темы, освещаемые Эрнестом, далеко выходили за пределы дозволенного в приличных домах Оук-Парка.

Как вспоминала сестра писателя Марселина, прочтя книгу, отец угрюмо молчал, а мама картинно заламывала руки, с рыданиями вопрошая, чем она заслужила такое наказание. Отец вернул все присланные Эрнестом экземпляры книги в Париж, в издательство, а сыну написал, что не потерпит в своем доме «…ни подобной мерзости, ни его самого».

Что же такого омерзительного было в книгах? По тем временам они были совершенно непристойны. Во-первых, герои Хемингуэя разговаривали не на тщательно отфильтрованном литературном языке, а позволяли себе выражения, более уместные на войне. Во-вторых, главный герой оказался болен венерической болезнью, и то, что Эрнест посмел написать об этом, привело отца в неистовство: «Мне казалось, что всем своим воспитанием я давал тебе понять: порядочные люди нигде не обсуждают свои венерические болезни, кроме как в кабинете врача. Видимо, я заблуждался, и заблуждался жестоко…» – написал он будущему нобелевскому лауреату. С тех пор писатель перестал ставить родителей в известность о своих литературных успехах и несколько лет вообще не писал домой.

Тогда же Хемингуэй издал скороспелую пародию на Шервуда Андерсона «Вешние воды», а в октябре 1926 г. опубликовал свой первый серьезный роман «И восходит солнце» (в СССР издавался под названием «Фиеста») с посвящением жене и сыну.

В это время в жизнь писателя вошла Полина Пфейффер, корреспондентка модного журнала «Vogue». Заведя знакомство с четой Хемингуэй, она стала подругой жены, а потом любовницей мужа. Верной и любящей Хэдли оставалось только демонстрировать свободомыслие и широту взглядов, а Эрнесту – ждать, когда женщины договорятся между собой. Все было бы проще, если бы не одно обстоятельство: он по-прежнему любил Хэдли. Впрочем, эта двусмысленная ситуация не могла продолжаться вечно, и он решил развестись. Когда друг Хемингуэя спросил, почему это произошло, тот ответил кратко и безапелляционно: «Потому что я сукин сын».

Роман удался. Гонорар за книгу он перевел на счет Хэдли, считая разрыв с ней величайшим грехом в своей жизни и мучительно переживая его. В это время Хемингуэй впервые задумался о самоубийстве. Так было и в дальнейшем – Хемингуэй справлялся с болью, выплескивая жизненные передряги на

бумагу; впоследствии критики даже говорили, что художественная проза писателя более автобиографична и реалистична, чем его рассказы о себе.

В 1927 г., после выхода в свет еще одного сборника рассказов – «Мужчины без женщин», Хемингуэй со своей второй женой вернулся в США (от этого брака у Эрнеста было двое сыновей). Поселившись во Флориде, в Ки-Уэсте, писатель работал над романом «Прощай, оружие», который был окончен в 1929 г.

Это роман о том, что перенес сам писатель на войне, о любви и одиночестве человека, у которого война отнимает все, что было для него ценным. Это ода «потерянному поколению», которое видело смысл жизни в боксе, рыбалке, корриде, пьянстве и любви. «Потерянное поколение» – так Гертруда Стайн назвала мужчин, вернувшихся с Первой мировой войны, имея в виду то, что они не могут созидать и живут лишь военным прошлым.

Дела Эрнеста шли в гору, он был известным писателем, полным творческих планов. Лишь однажды его жизнь была омрачена неприятным событием – в 1928 г. застрелился отец, измученный диабетом, страдающий от сильных болей в ногах, влезший в долги. О его смерти Эрнест узнал в поезде: когда ему принесли телеграмму, он ехал с пятилетним сыном Джоном из Нью-Йорка в Ки-Уэст. «Папа покончил с собой. Срочно приезжай…» Он перепоручил ребенка проводнику и пересел на поезд, идущий в Чикаго.

В 30-е годы в творчестве Хемингуэя наметился спад: в это время он творит не прозу, а свой нетленный образ. Писатель активно пропагандирует свой «мужественный» образ жизни: влюбляется в корриду, едет на сафари в Африку (что потом вошло в его рассказы того периода), много пьет, ввязывается в драки. Жизнь с Полиной не принесла ему новых литературных удач, она не годилась на роль музы. Ее устраивал писательский статус мужа, который стал частью ее комфортной жизни. И Хемингуэй снова начал заводить романы, причем некоторые из них довольно эксцентрического свойства.

Одна из его возлюбленных, Джейн Мейсон, забиралась к нему в номер отеля по водосточной трубе. Они развлекались гонками по бездорожью на ее маленьком спортивном автомобиле. Это была игра: кто первый вскрикнет «Осторожно!» или «Тормози!», тот и проиграл. Когда по инициативе Эрнеста их бурный роман завершился, Джейн пыталась покончить с собой, но осталась жива и прожила еще очень долго (она скончалась в 1980 г.).

Затем Хемингуэй встретил Марту Геллхорн, талантливую журналистку, писательницу и весьма привлекательную женщину (впоследствии она стала его третьей женой), и они вместе

направились в Испанию, где началась гражданская война. Писатель собрал деньги в помощь республиканцам, занял сорок тысяч долларов и купил двадцать четыре санитарные машины и большую партию медикаментов. Он побывал на самых опасных участках фронта, писал репортажи, начал съемки фильма «Испанская земля».

В конце лета 1937 г. Хемингуэй вновь в Мадриде. Он умудрялся работать даже под артиллерийским огнем и бомбежками – и все увиденное отразилось позднее в романе «По ком звонит колокол», посвященном событиям гражданской войны в Испании. Роман стал настолько знаменитым, что даже те, кто не читал его, знают, почему не стоит спрашивать, по ком звонит колокол. Ведь он звонит по тебе.

Возвратившись домой, Хемингуэй курсировал между Ки-Уэстом, где жила Полина с двумя его сыновьями, и Флоридой, куда переехала Марта. В 1940 г., через две недели после того как Эрнест получил развод с Полиной, они с Мартой поженились и обосновались на Кубе, где, по словам известного писателя Габриэля Гарсиа Маркеса, жили в доме «в окружении девяти тысяч книг, четырех собак и пятидесяти четырех кошек».

Впрочем, вскоре стали проступать контуры отнюдь не радостной семейной жизни. Их связывала война, опасности, разлуки и встречи. Когда же смутные времена закончились, война из внешнего мира переместилась в личные отношения. Его раздражали ее любовь к гигиене и очень жесткое отношение не только к себе, но и к окружающим: слабостей Марта не прощала никому. Ее не устраивали частые и длительные отлучки в море, веселые и шумные попойки после возвращения на берег. Кроме того, Марте, считавшей себя прирожденной военной корреспонденткой, не сиделось дома, она оказалась еще большей искательницей приключений, чем Эрнест.

Надвигалась новая мировая война, и Хемингуэй, вооружив собственную яхту «Пилар» и снабдив ее акустической аппаратурой, начал охоту за немецкими подводными лодками, занимался этим на протяжении двух лет. Весной 1944 г., узнав, что готовится открытие второго фронта в Европе, писатель по настоянию Марты вылетел в Великобританию, и в Лондоне попал в автомобильную катастрофу. Травмы были так серьезны (на его голову наложили 48 швов), что многие газеты мира успели сообщить о его гибели прежде, чем он пришел в себя.

Едва оправившись от травм, Хэмингуэй сделал предложение Мэри Уэлш Ноэль, которая стала его последней женой. «Он подошел ко мне, – вспоминала Мэри Уэлш, – и в присутствии всех сказал: «Я хочу, чтобы вы вышли за меня замуж. Я хочу быть

вашим мужем». Я попросила его не говорить глупостей: мы ведь едва знали друг друга, и я даже подумала, уж не хочет ли он меня разыграть. Но он говорил совершенно серьезно».

Доказывая серьезность своих намерений, Эрнест начал ухаживать за Мэри и даже засел писать для нее небольшую поэму. Шутя говорил, что хочет доказать ей, что если из-за головных болей не может летать, то его голова достаточно хорошо работает, чтобы писать стихи.

Но вскоре Хемингуэй уже летал на бомбардировщиках над Германией, передавая репортажи о рейдах союзной авиации, а 6 июня вместе с войсками союзников вступил на землю Нормандии. Его отряд, собранный из французских партизан, зачастую двигался впереди армейских подразделений (командир 4-й американской дивизии генерал Бартон однажды на штабном совещании сообщил: «Старина Эрни Хемингуэй находится в 60 милях впереди нас, опередив всю 1-ю армию. Он шлет нам оттуда информацию»). 25 августа 1944 г. отряд Хемингуэя в числе первых вошел во французскую столицу. Он так активно участвовал в боевых действиях, что едва не попал под трибунал за нарушение правил Женевской конвенции о поведении военных корреспондентов. Это, впрочем, не помешало ему получить Бронзовую звезду за храбрость.

В 1945-м он вернулся на Кубу, чтобы засесть за работу над двумя книгами, но опять попал в автокатастрофу на шоссе близ своего кубинского дома. Хемингуэй снова остался в живых и снова развелся со своей женой.

14 марта 1946 г. Хемингуэй женился на Мэри Уэлш, с которой прожил до конца жизни. Этот брак тоже не принес ему успокоения (да и не мог такой искатель приключений стать достопочтенным главой семейства). Накал романтических чувств писателя довольно быстро остыл, и союз сохранялся в основном благодаря долготерпению Мэри. Не очень способствовала их семейному счастью и влюбленность Эрнеста в Адриану Иванчич.

Когда они познакомились, ей было девятнадцать, а ему за пятьдесят. Их роман длился шесть лет, и в 1950 г. Эрнест пригласил Адриану на Кубу. Когда ее не было рядом, Хемингуэй тосковал, а все зло срывал на жене, появляясь дома в обществе гаванских проституток, швыряя тарелки с едой на пол и ругая жену последними словами.

Когда приехала Адриана, ее поселили в домике для гостей на территории хемингуэевского поместья. Вместе с ней писатель организовал «Общество Белой Башни», в которое входили его друг, актер Гарри Купер, Марлен Дитрих, Ингрид Бергман, 40 любимых кошек мастера, которые жили на первом этаже башни, и

симпатяга спаниель по кличке Черный пес. Общество получило свое название в честь башни, построенной по заказу Мэри Уэлш для мужа, чтобы тот мог спокойно работать.

В это время Хемингуэя начинают преследовать мучительные приступы головной боли – последствия трех автомобильных аварий, многочисленных травм головы, инфекционных болезней (вплоть до опасности менингита)… Но после нескольких лет напряженной работы писатель завершает роман «За рекой в тени деревьев» (1950), действие которого происходит во время Второй мировой войны в Италии. Критика единодушно признала этот роман неудачным: манерным, сентиментальным, самодовольным.

В 1951 г. Хемингуэй попал в очередную аварию на своей яхте «Пилар». Он расшиб затылок о железную скобу, повредил глаз, потерял много крови. В заключение рентген показал «…семь осколков в правой икре, одиннадцать – в левой, и еще фрагменты разрывной пули – тоже в левой. Один фрагмент давил на нерв. Врач хотел резать. Но этот фрагмент стал двигаться. Он завис в удобном месте и зарос оболочкой…».

Начинаются разговоры о творческом закате Хемингуэя, но, как обычно, слухи о его смерти (на этот раз творческой) оказались сильно преувеличенными. В 1952 г. журнал «Лайф» печатает повесть «Старик и море» – вершину творчества писателя. Репутация Хемингуэя была восстановлена. В 1953 г. он получил за повесть Пулитцеровскую премию – высшую литературную награду США.

В том же году они с женой направились в охотничью экспедицию в Африку, к подножию Килиманджаро. Самолет потерпел аварию, писатель получил новые ранения и ожоги. Второй раз в его жизни газеты спешат опубликовать сообщения о гибели и некрологи… И он снова выживает.

Вернувшись на Кубу, Хемингуэй долго не мог вернуться к работе из-за головных болей. Он чувствовал себя настолько плохо, что в октябре 1954 г. не прилетел в Стокгольм на вручение присужденной ему Нобелевской премии по литературе «за повествовательное мастерство, в очередной раз продемонстрированное в повести «Старик и море», а также за влияние на современную прозу».

Казалось бы, о творчестве можно забыть. И тут судьба пришла писателю на помощь.

В 1956 г., приехав в Париж, Хемингуэй поселился в отеле «Ритц», где он часто бывал в молодости. Оказалось, что в его подвале обнаружили два чемодана писателя, которые хранились там с конца 20-х годов. В них были его записные книжки и рукописи, которые он считал потерянными… И Хемингуэй решил

написать о своей жизни в 20-е годы, воспоминания о Париже. Эту книгу он назвал «Праздник, который всегда с тобой». Это произведение – о молодости, бедности, любви и надеждах, которые не оставляют человека никогда. Книга была опубликована в 1964 г., уже после смерти писателя. Посмертно был издан и роман «Острова в океане».

На Кубе произошла революция, и в конце 50-х годов писатель с женой перебрались в Кетчем, штат Айдахо, где он часто бывал прежде. Из нового дома открывался прекрасный вид на горы, рядом текла река, где было много рыбы. Здесь было все, что он так любил в жизни. Но… У Хемингуэя развился диабет и болезнь печени – следствие неуемной страсти к спиртному. Давление скакало, старые раны и шрамы, полученные в войнах и авариях, все чаще напоминали о себе. Многочисленные травмы головы сказались на зрении. Теперь он мог читать только первые десять минут, потом буквы расползались. Но хуже было то, что и писать он больше не мог – не только буквы, но даже слова и мысли растекались, превращались в кашу. Сидя перед листом бумаги, Хемингуэй с горечью осознавал, что за целый день не может выдавить из себя ни одной фразы.

В дополнение ко всему писателя стала угнетать паранойя, у него развилась мания преследования и мучил навязчивый страх разорения. Жена уговорила его лечь в клинику Мэйо, известную своими психотерапевтами. Осенью 1960 г. Хемингуэю назначили электрошок, всего он принял тринадцать процедур. Если в начале лечения наблюдалось некоторое улучшение, то вскоре стало ясно: электрошоковая терапия идет ему во вред. 30 июня 1961 г. писатель вернулся в Кетчем.

2 июля 1961 г. Эрнест Хемингуэй зарядил двумя патронами охотничью двустволку, поставил ружье между колен, вставил оба дула в рот и пальцами правой ноги нажал на спусковые крючки. Мэри, «…услышав выстрел, сбежала с лестницы… увидела у входной двери на полу распростертое тело Эрнеста. Большую часть его головы снесло выстрелом, везде была кровь».

Писателя похоронили не на кладбище, а на специально купленном им еще в 1939 г. участке земли в открытом поле. На этом поле Эрнест похоронил двух близких друзей. Летом 1961 г. к этим могилам прибавилась еще одна. На надгробье написано: «Эрнест Миллер Хемингуэй. Июль 21, 1899 – Июль 2, 1961».

Эрнест Хемингуэй когда-то сказал: «Настоящий мужчина не может умереть в постели. Он должен либо погибнуть в бою, либо пуля в лоб». В бою смерть его не взяла, а мирная жизнь оставляла ему только один выход. После его смерти с легкой руки журналистов пошла гулять фраза о том, что у Хемингуэев

привычка к самоубийству. Они даже не подозревали, насколько верны эти слова.

Двадцать лет спустя за Хемингуэем последовал его брат Лестер, боготворивший Эрнеста с самого детства и написавший его биографию «Мой брат, Эрнест Хемингуэй», изданную в 1962 г., через год после самоубийства писателя. Эти мемуары долгое время служили главным источником для биографов, и Лестер охотно отвечал на их вопросы – было видно, что он подражает старшему брату даже после его смерти. В 1982 г. Лестер Хемингуэй застрелился.

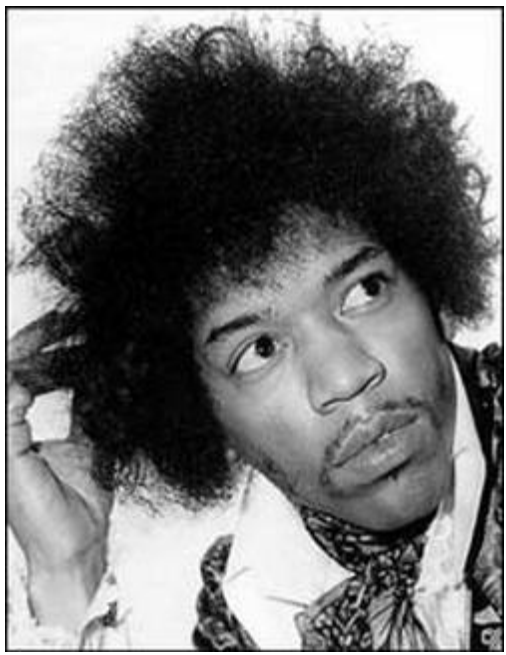
Еще через 14 лет добровольно ушла из жизни внучка писателя, Марго Хемингуэй. В 16 лет она бросила школу, зарабатывала самыми разными способами, потом отправилась в Нью-Йорк и к 20 годам стала самой высокооплачиваемой моделью, вышла замуж. Марго сыграла главную роль в фильме «Губная помада». Фильм с треском провалился, а ее игру оценили от «ужасно» до «ужаснее некуда». Марго начала сильно пить, ее брак распался, развод был оформлен только в 1978-м, но к тому времени она сбежала с французским режиссером Бернаром Фуше. В 1980-м они поженились, жили в Париже, и Марго еще дважды появилась на обложках журналов – когда выходила замуж и когда разводилась. Потом она увлеклась буддизмом и индейской магией, предалась в одиночестве пьянству, а осенью 1990-го ее доставили в больницу с нервным расстройством на почве алкоголизма. Пройдя курс лечения, Марго выписалась, но через несколько месяцев к списку ее болезней – алкоголизм и эпилепсия – добавилась булимия, неутолимое желание есть.

Обстоятельства ее смерти страшны. Со своими родителями она давно не общалась, с обоими мужьями развелась, а детей у нее не было. Подруга, обеспокоенная тем, что Марго несколько дней не отвечает на телефонные звонки и не открывает двери, забралась по приставной лестнице в окно и увидела на кровати тело. Оно было в таком состоянии, что идентифицировать его удалось только по зубной карте. В комнате Марго нашли пустую упаковку от сильнодействующего снотворного…

ХЕНДРИКС ДЖИМИ

(Джон Аллен Хендрикс; Джеймс Маршалл Хендрикс)

(род. в 1942 г. – ум. в 1970 г.)



«Так и я могу… Ты «Мурку» сыграй!»

Промокашка, х/ф «Место встречи

изменить нельзя»

Джими Хендрикс был гитаристом от Бога. Можно, конечно, ограничиться перечислением композиций музыканта, которые даже сегодня, через тридцать четыре года после его смерти, мало кто может повторить. Можно описать, как он, левша, играл на инструменте, перевернув его «вверх ногами», – зубами, локтями, держа за спиной. Можно вспомнить его игру на облитой бензином пылающей гитаре и фокус, когда он «разговаривал» с ней (как когда-то «разговаривал» со скрипкой Паганини, с которым Хендрикса постоянно сравнивали). Но все это не более чем трюки, необходимые для привлечения публики и поддержания

собственного имиджа. Многие только ради того и приходили на концерты Джими, чтобы поглядеть на его цирковые номера.

А ведь именно он сделал электрогитару самостоятельным и независимым инструментом, ведь до того она выполняла лишь аккомпанирующую роль. На родине, в США, к изысканиям Хендрикса относились без интереса, а его эксперименты оставались в лучшем случае непонятыми. Многие американцы вообще считали Джими помешанным – нормальный человек, по их мнению, не мог так обращаться с гитарой. Зато его приняли в Англии – колыбели рок-музыки.

Джими выработал стиль, который настолько отличался от традиционной манеры гитарной игры, что потряс даже его коллег по цеху. Майк Блумфилд, в ту пору считавшийся одним из лучших гитаристов, вспоминает: «Это был взрыв мегатонной водородной бомбы, сопровождающийся залпами русских «катюш», – я видел их в каком-то кино про войну, – вот примерно так я бы описал звуки, которые он извлекал из своей гитары…На кошмарной громкости он извлекал любой звук, какой хотел, и при этом играл невероятно чисто. До сих пор не понимаю, как он это делал. Джими… вытворял такое, что после того концерта я год не мог заставить себя взять в руки гитару».

В одном из интервью Джими иронично заметил: «Забавно, как большинство людей любит покойников. Стоит тебе умереть, и живые тобой заинтересуются». После гибели Хендрикса им заинтересовались буквально все – от боссов шоу-бизнеса до подростков, прежде воротивших нос от его визжащей гитары. Он был объявлен святым, положившим жизнь на алтарь электрогитары.

Джими Хендрикса часто называют феноменом, учитывая не только его фантастическую технику, но и то, что он появился как бы из ниоткуда. На самом же деле его взлету предшествовал тернистый путь, который начался 27 ноября 1942 г.

В этот день Люсиль Хендрикс, жена солдата Эла Хендрикса, родила в Сиэтле (штат Вашингтон) первенца, которого назвала Джоном Аленом. В 1946-м ребенка переименовали – отец нарек его Джеймсом Маршаллом, и Джонни превратился в Джимми (через много лет одна из букв «м» в его имени была выброшена). В пять лет он впервые сыграл на акустической гитаре, предварительно опробовав возможности губной гармоники и скрипки. Это была любовь с первого аккорда…

Отец считал, что из Джими выйдет неплохой художник, но тот все свободное время уделял гитаре, чем немало раздражал папу. С восьми лет он уже играл в школьных группах. Школьные учителя постоянно говорили отцу, что мальчик просто бредит

инструментом, и тот в порыве благодушия приобрел для сына… укулеле – гавайский щипковый инструмент. Это, похоже, был намек на то, что на гитару Джими может не рассчитывать, во всяком случае от отца. Однако мальчик умудрился заработать пять долларов (по тем временам довольно приличную для подростка сумму) и купил себе первую акустическую гитару.

Родители Джими развелись. Его мать сильно пила, и в конце концов спиртное ее доконало – она умерла, когда мальчику было 15 лет. Отец запретил сыну даже появляться на похоронах матери, поскольку не имел ни малейшего желания поддерживать какие-либо связи с родственниками покойной жены.

Все эти неурядицы отразились на Джими. Примерным учеником он не был, часто менял школы, не находя общего языка с педагогами. Кроме того, сказывался и повсеместный расизм – последний раз чернокожего Джими выгнали из школы за то, что он взял за руку белую девочку. Школьным проблемам немало способствовали и неоднократные приводы в полицию: то разбитое окно, то драка, то езда без водительских прав.

В 1959 г. Джеймс Маршалл пошел в армию и записался в ВВС, где стал парашютистом. Даже в армии он не расставался с гитарой.

Во время одного из прыжков Джеймс неудачно приземлился, повредил себе ногу и вскоре демобилизовался, а в 1961 г. начал карьеру музыканта. Поначалу он играл в провинциальных командах, а в 1964-м переехал в Нью-Йорк, где стал аккомпанировать самым разным исполнителям, среди которых были такие звезды, как Тина Тернер и Литтл Ричард.

С Литтлом Ричардом Хендрикс работал под псевдонимом Морис Джеймс. Их отношения были нелегкими: взбалмошный Литтл Ричард считал, что Хендрикс подражает ему, и всячески третировал гитариста. Имидж Литтла Ричарда действительно сильно повлиял на сценический облик гитариста: позже он начал выступать в ярких рубашках, с лентой в волосах, надевал на шею золотые цепи и кулоны. Но в 1965 г. этих новшеств никто не оценил, равно как и попыток Джими разнообразить свою гитарную игру, держа, например, инструмент над головой.

После совместной работы с Литтлом Ричардом в 1964 г. Хендрикс позволил вовлечь себя в конфликт, затеянный артистом вокруг контракта. После этого Литтл Ричард указал ему на дверь. Вновь наступило «смутное время», когда звезды упорно держали его в своей тени, ставя в вину «чрезмерную экстравагантность».

И все же в июне 1966 г. осуществилась мечта Джими о собственной группе, которую он назвал The Rainflowers, а затем переименовал в The Blue Flames. Изменился и псевдоним

гитариста – он стал Джимми Джеймсом. Он выступал в клубах богемного района Нью-Йорка Гринвич-Виллидж. Имеено оттуда поползли слухи о чернокожем парне-левше, выделывающем чудеса с соло-гитарой. Его слава непрерывно росла. И вот однажды, в июле 1966 г. взглянуть на Хендрикса пришел Чез Чендлер, басист группы The Animals.

Чендлер собирался уйти из своей группы и заняться продюсированием. Хендрикс стал первой его находкой. Кстати, именно Чендлер решил, что одной буквы «м» в имени достаточно, и предложил ему псевдоним «Джими Хендрикс», под которым тот прославился. Чез сразу оценил мастерство гитариста и предложил ему переехать в Лондон. Хендрикс не испытывал бурного восторга: он уже знал, что такое отношение звезд сцены к конкурентам. Согласие было дано лишь после того, как Чендлер пообещал познакомить его с Эриком Клэптоном. 23 сентября 1966 г. Джими Хендрикс прибыл в Британию, где для него началась новая жизнь.

Чез организовал концерт Хендрикса в Лондоне. В те годы мнение Чендлера ценилось очень высоко, и на концерт Хендрикса собрался полный зал. Весь первый ряд заняли известнейшие музыканты: Эрик Клэптон, Пит Тауншед с Роджером Долтри (The Who) – ведущие английские гитаристы тех лет, а также Пол Маккартни, Джордж Харрисон (The Beatles) и Мик Джагер (Rolling Stones). Успех был полным, и Джими начал свой звездный полет, который продлился четыре года.

Чез познакомил гитариста с басистом Ноэлом Реддингом и ударником Митчем Митчеллом, и они составили рок-трио Jimi Hendrix experience. Дела JHE поначалу шли неважно. Фирма «Decca» отказалась выпускать дебютный сингл, клубы не давали площадок; было время, когда Чендлеру пришлось продать бас-гитару, чтобы содержать своих подопечных. Но с декабря 1966-го группа стала уверенно набирать обороты.

Тогда же был придуман «фирменный» трюк Джими – сожжение гитары. Весной 1967 г. вышел дебютный альбом «Are You Experienced?», после которого трио JHE было признано третьей по значимости группой Англии, Хендрикс – вторым музыкантом после Клэптона, а альбом разделил первое место с «Сержантом Пеппером» The Beatles. Чернокожий гитарист одним махом превратился в мэтра.

Потом было триумфальное возвращение Джими на родину, в США, и поп-фестиваль в Монтерее (Калифорния), сцену которого Хендрикс покидал уже в качестве живой легенды. До конца лета 1967 г. продолжалось турне группы по США: скандальная слава сменилась доброжелательностью музыкальных критиков и

интересом зрителей, приходивших на концерты в основном посмотреть на то, как Джими ломает гитару или играет на ней зубами.

Пресыщенность славой, потребность в острых ощущениях привели музыканта к наркотикам. Сказывалась и страшная усталость от тяжелейших гастролей. Его концерты становились все более зрелищными и одновременно – разрушительными. Коронным номером Хендрикса стал ритуал разбивания и сожжения гитары, но и он приелся Джими; ему надоело быть клоуном.

В это время покинул своих подопечных Чез Чендлер. Джими стал много пить и злоупотреблять наркотиками, и в августе 1968 г. состав JHE дал первую трещину – Ноэл Реддинг основал свою группу. Время от времени трио еще давало концерты, но 20 июня 1969 г. произошел окончательный развал.

Джими переживал распад своей группы тяжело – он почти потерял контроль над собой, много пил и почти ничего не писал. Но в августе 1969-го у него появилась возможность вернуть былую энергию – Хендрикса пригласили на Вудстокский фестиваль, и он создал новую группу.

И был фестиваль в Вудстоке… Говорят, когда на третий день небо заволокли тучи, то Хендрикс своей игрой прогнал дождь. Гвоздем вудстокской программы стала композиция «Звездно-Полосатый Флаг» – вариации на тему национального гимна США, где основная мелодия едва проступала в водопаде чудовищных, воспринимаемых с огромным трудом звуков. Слушатели расценили импровизацию как протест против вторжения США во Вьетнам и устроили Джими овацию.

После Вудстока группа Хендрикса дала еще несколько концертов. Она распалась 28 января 1970 г., когда Джими внезапно покинул сцену прямо во время концерта.

Летом 1970 г. Хендриксу предложили турне по Европе и пригласили на рок-фестиваль «Остров Уайт» в Англии. В начале августа 1970 г. он открыл студию звукозаписи в Нью-Йорке, а в конце месяца отправился на фестиваль в Уайт. К тому моменту Джими не был в Британии уже два года и заметно волновался, когда толпы журналистов встретили его в аэропорту Лондона. На рок-фестивале было 400 тысяч зрителей. Хендрикс играл старые хиты, но аппаратура была ужасной, и скрежет усилителей сводил на нет все его старания. Все закончилось тем, что он разбил гитару о сцену. Публика снисходительно аплодировала. Это был последний концерт Джими в Англии.

Европейское турне началось в Дании и завершилось там же. В начале сентября состоялось последнее выступление Джими

Хендрикса, хотя тогда этого еще никто не знал. Концерт стал повторением английской ситуации: плохая аппаратура, старый репертуар, погасший музыкант. Джими был даже рад прервать гастроли, так как мог спокойно вернуться в Лондон.

6 сентября Джими Хендрикс вернулся в британскую столицу и остановился в отеле «Камберленд». Первые дни были посвящены выяснениям отношений с менеджерами и дружеским застольям. 10 сентября Джими позвонил своей подруге Монике Даннеман и договорился встретиться 15-го. Ночь с 17 на 18 сентября была занята попойками с разными собутыльниками в разных местах. Ближе к четырем часам утра Джими решил, что пора вернуться в отель.

Примерно в 10.20 утра 18 сентября 1970 г. Моника собралась в магазин за сигаретами и посмотрела на Джими, который крепко спал. «Перед тем как выйти из квартиры, я еще раз взглянула на него: из его носа и рта шли рвотные массы, – потом рассказывала она следователю. – Я пыталась разбудить Джими, но не смогла. На ночном столике лежала короткая записка: "Жизнь – только миг, любовь – привет. С Богом!"»

Потом она увидела пустую упаковку снотворного, и решила, что Джими выпил все десять таблеток, но позже полицейский нашел одну на полу. «Вероятно, Джими принял их вскоре после того, как я заснула (около 7 утра), – утверждала Моника. – Наверное, он вставал с кровати, чтобы взять таблетки из шкафчика».

Девушка позвонила своему другу, чтобы посоветоваться, что делать, потом вызвала «скорую помощь». Когда машина прибыла, Джими был жив, но по дороге в больницу скончался. Следователь так и не смог найти убедительных доказательств, говоривших в пользу самоубийства или несчастного случая. Причиной смерти, указанной в официальном заключении, стало удушье от собственной рвоты в результате интоксикации барбитуратами.

Без четверти двенадцать бездыханное тело доставили в госпиталь. К четырем часам известие о смерти Джими Хендрикса стало медленно расползаться по Лондону.

И тут бывший вокалист знаменитой британской группы The Animals Эрик Бердон сделал сенсационное заявление. Он заявил, что у него есть написанная Джими Хендриксом незадолго до кончины поэма на пяти страницах, посвященная Монике, и что это его «предсмертная записка». Выступая по британскому телевидению, Бердон сказал, что «Джими ушел, когда сам захотел» и оставил ему наследие в виде аудио– и киноматериалов. Да и сам Хендрикс за полмесяца до смерти в одном из интервью вскользь обронил, что вряд ли доживет до 28

лет: «В тот момент, когда я почувствую, что не могу предложить ничего нового в музыке, я перестану существовать на этой планете…»

Так или иначе, загадка смерти музыканта не была разгадана ни в 1970 г., ни в 1993-м, когда следствие по делу о смерти Джими Хендрикса было возобновлено. Впрочем, вскоре Скотланд-Ярд закрыл его за отсутствием новых доказательств. В общем, до сих пор так и не прояснилось: был ли это несчастный случай или самоубийство…

В 2002 г. тело Джими эксгумировали и перенесли в огромный мавзолей, который станет частью мемориального комплекса в его честь на кладбище Рентой неподалеку от Сиэтла. Останки легендарного гитариста были тайно извлечены из могилы Хендрикса и перезахоронены на новом месте 26 ноября 2002 г., за день до шестидесятилетнего юбилея музыканта. Надгробие с первой могилы Хендрикса также было перевезено вместе с останками.

ЦВЕЙГ СТЕФАН

(род. в 1881 г. – ум. в 1942 г.)

«Это неправда, что старики не знают страданий. Они страдают так же, как и молодые, только им еще труднее».

Уильям Голдинг, «Шпиль»

Жизненная история Стефана Цвейга – это летопись крушения гуманистических идеалов и надежды на силу человеческого разума, переживания утраты своего места в жизни. Самоубийство писателя стало следствием экзистенциального кризиса, который он так часто описывал в своих великолепных новеллах, проникнутых глубоким психологизмом.

Экзистенциальный кризис – кризис существования – это чрезвычайное происшествие в судьбе человека, особое время, когда он понимает невозможность жить как раньше. В момент кризиса человек испытывает чувство невосполнимой утраты смысла жизни, боль, тоску, тревогу. Парадоксально, но случается так, что человек задумывается о смысле жизни только перед лицом смерти, ведь переживание кризиса существования – это

всегда выбор между жизнью и небытием, между поиском нового смысла и отказом от него… И не всегда человек находит в себе силы жить дальше, ведь причиной кризиса становится полное отчаяние. К кризису нельзя подготовиться – он приходит внезапно; но иногда человек долгие годы живет «на краю», постоянно глядя в глаза смерти.

Кризис существования часто настигает художников, поэтов, писателей во времена общественных потрясений. Так произошло и со Стефаном Цвейгом, который оборвал свою жизнь в феврале 1942 г., в самый разгар Второй мировой войны. Казалось: он был знаменит, богат, жил с любимой и любящей женой в пригороде Рио-де-Жанейро. Личных причин для самоубийства у писателя не было, но после многочисленных побед гитлеровской армии и успехов союзных им японцев (Перл-Харбор, захват Сингапура) он испытал глубочайшее отчаяние от того, что в мире воцарились силы зла, что война бесконечна, и решил расстаться с жизнью. Вместе с ним ушла и его вторая жена, Шарлотта Альтман. Они одновременно покончили с собой, выпив яд.

Стефан родился в зажиточной культурной семье евреев, в Вене – столице Австро-Венгерской империи. Он, ассимилированный еврейский юноша, воспитывался в Вене с верой в поступательное движение человечества к счастью и единению народов. Впоследствии молодой Стефан уходит от своего еврейства к идее единения европейских народов (для воплощения которого – хотя бы частичного – понадобилось более ста лет). Редактор отдела фельетонов Теодор Герцль печатает его в популярнейшей «Нойе фрайе пресс», но на просьбу редактора помочь в организации сионистского движения Цвейг отвечает вежливым отказом: эта тема слишком мелка по сравнению с проблемами Европы.

Во многом его мировоззрение определялось общими настроениями, царившими в космополитичной и толерантной Вене (об этом говорит хотя бы тот факт, что именно в столице Австро-Венгрии развивался психоанализ – скандальное по тем временам учение, утверждавшее главенствующую роль сексуальности в жизни человека). В конце XIX – начале XX века Вена была одним из европейских центров модернизма – новейшего направления в искусстве, отмеченного печатью упадка, декаданса, вычурностью форм и туманностью содержания. Всю духовную жизнь тех лет пронизывало неотвязное и болезненное предчувствие смерти, которое определяло ведущее настроение литературы. Писатели утверждали бессилие человека перед судьбой, изображая его безвольной игрушкой обстоятельств, рабом рока.

Молодой Цвейг, только начинавший входить в литературу, испытал сильное воздействие модернизма. Опубликованный им в 1901 г. сборник стихов «Серебряные струны» нес в себе мотивы одиночества и жестокой любви, смешанные с восторженным преклонением перед «чистой» красотой; меланхолические раздумья над тщетой жизни и бренностью мира. За спиной у него была гимназия с ее казенным режимом, тайное чтение запретных стихов Поля Верлена и Артюра Рембо[47] – столпов французского символизма; начало учебы в университете, увлечение романами Августа Стриндберга, Эмиля Золя, импрессионизмом, театром, где шли пьесы Генрика Ибсена, звучала музыка Клода Дебюсси и Мориса Равеля.

Цвейг очень рано ощутил литературу как жизненное призвание, но как писатель нашел себя не сразу. Довольно скоро он понял, что каноны модернизма сковывают и тормозят его творческое развитие. Особую роль в этом сыграло знакомство с русской литературой, прежде всего с романами Ф. М. Достоевского. Они потрясли Цвейга и сделали его одним из самых ярых поклонников русского романиста на Западе. Многие новеллы Цвейга написаны под воздействием Достоевского, точнее, проповедуемого писателем культа страдания и тезиса о невозможности устранить «бесовское» начало в человеке иным путем, кроме пути смирения и приятия земного горя как непреложности.

Идеи Достоевского не противоречили мировоззрению Цвейга, его вере в европейский прогресс и либеральную демократию, а спокойно уживались с ним. Проникаясь любовью и состраданием к малым мира сего, австрийский писатель выступал против «извечного» Зла во имя «извечной» же Справедливости. Особенно ярко эти идеи Цвейга обнаруживаются в его стихотворной трагедии «Терсит» (1907) на античную тему, где, впрочем, колорит античности сохранился только в именах действующих лиц. Трагедия утверждает право униженных и оскорбленных на счастье и сострадание, в которых им отказали жизнь и люди.

В это время Цвейг совершает несколько продолжительных путешествий по странам Западной Европы, в Индию, Индокитай и переходит от поэзии к прозе. В 1911 г. писатель опубликовал сборник новелл «Первые переживания», главными героями которых стали дети, именно их глазами писатель смотрит на окружающую действительность. Дети обнаруживают, что мир родителей не так уж и хорош, что многие поступки взрослых прямо противоречат тем словам, которые они произносят. Цвейг как бы проверяет истинную ценность мира, на первый взгляд пристойного и благополучного, в который рано или поздно

войдут его герои.

Люди в его новеллах разобщены, они почти не знают душевной близости; каждый прячет свои внутренние переживания и чувства, и лишь эгоистическая сторона их натур раскрывается легко, внося в людские отношения неискренность. Но Цвейг, тем не менее, верил, что страдание и отчужденность могут быть преодолены милосердием человека к человеку, что добро в конце концов восторжествует. Писатель уделял огромное внимание проникновению в суть психологических переживаний своих персонажей, стараясь отыскать мотивы поведения и поступков героев в реалиях жизни.

Далекий от политики, Цвейг испытал настоящее потрясение осенью 1914 г., когда началась Первая мировая война. Она нанесла серьезный удар по мировосприятию писателя, которого пугал воинствующий немецкий национализм, идея завоевания мира и покорения народов германской цивилизацией. Рушились его идеалы, вера в единство народов, в гуманизм и либеральную демократию.

Цвейг, будучи убежденным пацифистом, всеми силами пытался уклониться от военной службы. Он по знакомству был зачислен офицером на архивно-библиотечную должность в Вене. Единственная поездка в сторону фронта состоялась в 1915 г., когда Цвейг был командирован в Галицию, только что очищенную от российских войск, для сбора плакатов и листовок на русском языке. Работа была несложной: на каждой украинской станции местные жители приносили к его вагону охапки русских плакатов, за что получали небольшую плату.

В это время в Германии и Австрии началась травля деятелей культуры, открыто выступающих против войны, – ее жертвой стал Герман Гессе, будущий нобелевский лауреат. Контакты с мастерами прозы государств – противников Германии расценивались как предательство, и все же Цвейг пытается нелегально восстановить оборванные связи с писателями и поэтами стран Антанты, выступая против войны как таковой. В 1916 г. он едет в Швейцарию на тайную встречу с Ромэном Ролланом. При переезде через границу 35-летнего Стефана Цвейга поражает мысль об абсурдности происходящего: он проезжает две альпийские деревушки, одну в Австрии, другую – в Швейцарии. Цвейг потрясен осознанием того, что в одной деревне матери могут не волноваться за судьбу своих детей, а в другой юношей вытаскивают из мирной жизни и отправляют в окопы Галиции за тысячу километров от дома.

И все же он верил в силу слова, в проповедь гуманизма. «Мы с недоверием взирали на огненные письмена, появлявшиеся на

наших стенах…» – писал Цвейг в мемуарах «Вчерашний мир». «Мы думали, что железнодорожники скорее взорвут все рельсы, чем позволят отправить своих товарищей как пушечное мясо на фронт; мы рассчитывали на женщин, которые откажутся принести в жертву Молоху своих детей и мужей; мы были убеждены, что духовная, моральная сила Европы с триумфом проявит себя в критический миг».

Но – увы! – война началась, и более того – значительная часть населения поддерживала ее. «Мой мир, мир, который я любил беззаветно, – разрушен, все семена, которые мы посеяли, – развеяны», – с отчаянием писал он.

Многие иллюзии писателя были развеяны войной, но труднее всего он расставался с верой во всемогущество слова. Цвейг начал выступать как публицист, с трудом пробиваясь сквозь рогатки военной цензуры со статьями, пропагандирующими идеи солидарности европейских народов.

«Ежедневно я задаю себе вопрос – что делать, что делать? – писал он Ромену Роллану. – Теперь все уже решено: я вижу, что война будет длиться до бесконечности… чтобы помешать этому, необходимо действовать, необходима революция…И я предвижу, что Европа, которая сегодня залита кровью, будет завтра охвачена огнем!»

Эти настроения отразились и в художественных произведениях писателя. В одном из лучших своих стихотворений – «Полифем» (1917), – уподобляя войну циклопу, пожирающему свои жертвы, Цвейг писал: «…Но берегись, Полифем! Тайно разгорается пламя мести в наших душах. Жри, пей, жирей, Полифем! Хотя ты и надеешься жрать вечно, но мы расколем твой череп и, вырвавшись из кошмара, крови и ужаса, мы – братья народов, братья времени – пойдем по твоему зловонному трупу к вечному небу мира».

В 1918 г. им была написана трагедия «Иеремия», которая вобрала в себя ненависть Цвейга к войне. Написанная не для постановки, а для чтения, она преследовала одну цель – убеждать и волновать. Действие в ней развивается стремительно; автор не прячет своих идей – он высказывает их прямо, его симпатии и антипатии ясны. И когда в 1919 г. французский писатель и общественный деятель, коммунист Анри Барбюс организовал международную группу «Кларте», ставившую своей целью пропаганду идей интернационализма и борьбу с войной, Цвейг незамедлительно присоединился к ней (в группу вошли также А. Франс, Р. Роллан, Г. Уэллс и другие видные деятели культуры).

В статье «Границы поражения» Цвейг сформулировал свое кредо. Он считал, что после заключения Версальского мира в

Европе не оказалось ни победителей, ни побежденных. Поверженными оказались лишь идеи гуманизма, братства народов, человеческой свободы. И все же он надеялся, что прошедшая мировая война будет последней, став наглядным уроком для народов и прививкой против военного решения политических проблем. Цвейг пришел к мысли, что изменить и очеловечить мир можно исключительно путем воспитания нравственного начала в человеке, чувства сострадания к ближнему, милосердия и жалости. Подобно древнегреческим стоикам, он сделал страдание – неизменный спутник человека, источник любви ко всем страждущим – одним из краеугольных камней собственного мировоззрения.

В 1920 г. в статье «Призыв к терпению», опубликованной в журнале «Тагебух», Цвейг с печалью писал: «Мы – потерянное поколение, мы никогда не увидим Европу объединенной…» Защищая единство европейской культуры как предпосылку прогресса, он выступал и против того, что назвал «колонизацией Европы» Америкой, подразумевая не только проникновение в Европу американских финансов, но и духовное воздействие США на западноевропейскую культуру.

Цвейг окончательно уверился в том, что движущими силами исторического прогресса являются одинокие творцы, чья воля и сознание сообщают истории созидательные импульсы. Этот взгляд на взаимодействие человеческой личности и общества лег в основу всех его биографических очерков, которые Цвейг начал интенсивно писать в двадцатые годы, реализуя прежние замыслы. Наиболее значительные из очерков в 1935 г. были объединены им в единый цикл, получивший название «Строители мира» (в это время писатель, преследуемый нацистами, уже покинул Австрию и жил в Великобритании). Надо сказать, что Цвейг, по сути, стал родоначальником жанра литературной биографии, столь распространившегося позднее. Написанные им портреты, разумеется, субъективны и нарисованы сквозь призму личности писателя. Среди жизнеописаний, составивших цикл «Строители мира», можно найти очерки о международном авантюристе XVIII века Казанове, о Фридрихе Ницше, Бальзаке, Стендале, Фрейде, Толстом, Диккенсе, Достоевском и многих других.

Проблема глобального одиночества человека, затронутая Цвейгом еще в ранней новеллистике, заняла в его творчестве центральное место. Она составила подтекст известнейшей новеллы «Письмо незнакомки», в которой писатель рассказал о трагической судьбе женщины и о бессилии любви. Очевидно, что Стефан Цвейг, еврей по национальности, стал ощущать вокруг себя пустоту – к власти пришли нацисты, и все его заслуги теперь

ничего не значили. И вот ирония судьбы – Австрия породила величайших деятелей науки и культуры (Л.-В. Бетховен, В.-А. Моцарт, Г. Малер, З. Фрейд, С. Цвейг), все достижения которых уничтожались другим австрийцем – Гитлером.

Испытывая разочарование в общественном развитии послевоенной Европы, Цвейг возложил ответственность на политиков, которые, по его мнению, неумело и неразумно руководят обществом. Его отрицательное отношение к политикам постепенно перерастало во враждебность к политике вообще. Опубликованный в 1929 г. памфлет «Жозеф Фуше. Портрет политического деятеля» предостерегал современников от излишнего доверия к нынешним политическим деятелям, которые вели за спиной народов тайную и опасную игру, чреватую гибельными последствиями. Однако, как известно, «если вы не интересуетесь политикой, то рано или поздно она заинтересуется вами» – эта фраза как нельзя лучше описывает дальнейшую судьбу Стефана Цвейга.

Заняв еще в годы Первой мировой войны пацифистские позиции, писатель не изменил им и с приходом к власти Гитлера. Свои взгляды он проповедует в наиболее кризисном произведении – «Триумф и трагедия Эразма Роттердамского» (1933) – биографии знаменитого философа, мастера социального компромисса. Автор «Похвалы глупости» – один из самых проницательных умов эпохи Возрождения, живя в сложное время, занимал нейтральную позицию, не примыкая ни к одному из боровшихся между собой политических лагерей. Цвейг видел в этом образец мудрости и обратился к его образу затем, чтобы подкрепить собственную позицию. Стремясь сохранить то, что в предсмертной Декларации он назвал «высшим благом», – личную свободу, писатель полагал, что сможет бороться с нацизмом в одиночку.

Однако это оказывается невозможным. 10 мая 1933 г. книги Цвейга были публично сожжены на костре не за гуманизм, а как «еврейская зараза», не имеющая права на существование. Его стали преследовать. Он фактически оказался в изоляции, живя в Зальцбурге со своей женой.

Показательной является история совместной работы с композитором Рихардом Штраусом над оперой «Молчаливая женщина», к которой Цвейг писал либретто по его просьбе. Первое письмо, которое писатель отослал Штраусу, датированное 25 октября 1931 г., было им подписано полностью – именем и фамилией. Под последним письмом, отправленным Штраусу в декабре 1935 г., стояла странная подпись – Морозус (имя героя их оперы). Цвейг не рискнул поставить свое имя под письмом, ибо

почта композитора, назначенного в Германии на пост президента рейхсмузик-каммер (государственная музыкальная палата), перехватывалась гестапо. Писатель опасался и за свою судьбу, так как над Австрией нависла угроза присоединения к фашистской Германии.

Тревога Цвейга была не напрасной: оперу «Молчаливая женщина», поставленную в 1935 г. в Дрездене, сняли с репертуара гитлеровские власти. Главной причиной запрещения оперы послужило то, что либретто к ней было написано евреем. А творческая связь Штрауса с «неарийским» литератором привела к отставке композитора с поста президента рейхсмузик-каммер.

Тридцатые годы стали для Цвейга периодом нового духовного кризиса, из которого он так и не смог выбраться. В 1934 г. писатель выехал в эмиграцию, один, без жены, которая осталась в Зальцбурге. Весной 1938 г. он, уже находясь в Англии, узнает о смерти своей престарелой матери, которая жила в Вене. Больной женщине помогал пожилой родственник. Когда ночью понадобилась врачебная помощь, приехавшая медсестра отказалась остаться до утра, сославшись на только что введенные в Австрии «Нюрнбергские законы», согласно которым арийка младше 40 лет не могла ночевать в одном доме с евреем любого возраста.

Цвейг меняет гражданство и становится британским подданным. Эмигрируя в Лондон, он надеялся найти на Британских островах защиту для мира и европейской культуры. Но и здесь его постигает страшное разочарование. Англия – оплот демократии, парламентаризма и прав человека, предает Чехословакию и потакает агрессору.

Осень 1938 г. крушит духовные основы Цвейга: западная цивилизация не может или не хочет остановить продвижение Гитлера. Хаос, звериное язычество и культ насилия оказываются мощнее, чем силы разума, человечности и прогресса. Первый и единственный роман Цвейга «Нетерпение сердца», написанный в 1939 г., содержал попытку по-новому осмыслить вопрос о жизненном долге человека.

В 1940 г. писатель переехал в США, где оставался до августа 1941-го, после чего перебрался в Бразилию. Получив развод, Цвейг вновь женился, на этот раз на своей ассистентке (которая ушла из жизни вместе с писателем). Он писал много, как одержимый, будто хотел забыться, убежать от надвигающейся депрессии.

Стефан Цвейг с женой поселился в маленьком курортном городке Петрополисе, возле Рио-де-Жанейро. Постепенно теряя связь со своими друзьями, оставшимися в Европе, писатель с

тоской замечает, как вокруг него образуется пустота. Он старается найти забвение в работе: пробует завершить монументальную биографию Бальзака, над которой трудился около тридцати лет, публикует книгу «Бразилия – страна будущего», пытается осмыслить жизненный опыт в мемуарах «Вчерашний мир», задуманных им как картина европейской жизни за последние пятьдесят лет.

23 февраля 1942 г. бразильский беженец-иммигрант Стефан Цвейг ушел в небытие. Нацизм отобрал у писателя не только друзей и дом в Зальцбурге с уникальной коллекцией манускриптов, но и нечто более важное – уверенность в торжестве идеалов демократии, братства и мира. Да, в Бразилии ему не грозила никакая опасность, но в Европе шла кровавая война, в которой погибли миллионы людей. Он невыносимо страдал оттого, что стал свидетелем «гибели своей родины», что его «духовная отчизна – Европа уничтожает самое себя». От его слов веет отчаянием человека, утратившего веру в себя, в человечество, в будущее мира.

Цвейг пережил крупнейшие политические катаклизмы, изменившие облик мира и судьбу поколений. «Мы, те, кому сейчас шестьдесят лет, чего мы не видели, не перестрадали, не пережили? – писал он в своих мемуарах «Вчерашний мир». – Мы перелистали от корки до корки каталог всех мыслимых катастроф… Все бледные кони Апокалипсиса проскакали через мою жизнь – революции, голод, инфляция, террор, эпидемии, эмиграция… Нам пришлось увидеть войны, начавшиеся без объявления войны, концентрационные лагеря, пытки, ограбление и массовые бомбежки… Для нашего поколения не существовало… возможности спрятаться, поставить себя в стороне от событий. Не было страны, куда можно было бы бежать, не было покоя, который можно было бы купить, всегда и повсюду настигала нас судьба и втягивала в свою безжалостную игру».

В предсмертной «Декларации», обошедшей весь мир, Стефан Цвейг подвел итог своей жизни: «Чтобы в шестидесятилетнем возрасте начать жизнь заново, нужны особые силы. А мои уже исчерпаны долгими годами бездомных скитаний. Поэтому я считаю за лучшее своевременно и достойно уйти из жизни, в которой высшим благом для меня были личная свобода и доставлявшая мне огромную радость умственная работа. Я приветствую всех моих друзей. Возможно, они увидят утреннюю зарю после долгой ночи. Я, самый нетерпеливый, ухожу раньше их».

ЦВЕТАЕВА МАРИНА

(род. в 1892 г. – ум. в 1941 г.)

«Кто создан из камня, кто создан из
глины,
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – бренная пена морская».

Марина Цветаева

«Совершенно ломовой извощик – эта поэтесса Марина Цветаева».

Р. М. Хин-Гольдовская

Марина Цветаева из тех людей, к которым невозможно относиться равнодушно. Знакомишься с ее стихами, и если не отвергаешь их сразу, то влюбляешься на всю жизнь. Сообразно с отношением к творчеству поэтессы складывается и отношение к ее жизни (в которой, кстати говоря, было довольно много если не

двусмысленных, то, во всяком случае, неоднозначных событий). Горячие поклонники Цветаевой находят массу оправданий и объяснений самым вопиющим фактам; ненавистники, напротив, в черном свете представляют самые невинные поступки поэтессы. И даже самый факт ее самоубийства, совершенного под страшным давлением жизненных обстоятельств, либо возносит поэтессу к вершинам святости, либо служит лишним подтверждением низменности ее натуры – в зависимости от того, кто рассуждает о жизни Цветаевой.

Сейчас, в общем-то, не так и важно, что именно толкнуло Марину Ивановну в петлю – очень уж безнадежной и мрачной была в тот момент ее жизнь: напрасное возвращение на родину, арест дочери, мужа и сестры, почти полная изоляция, невозможность найти хоть какую-нибудь работу (даже судомойки), тяготы эвакуации, проблемы с взрослеющим сыном. «Я не знаю судьбы страшнее, чем у Марины Цветаевой», – пишет Надежда Мандельштам, а она-то повидала много горя (особенно если учесть ее собственную судьбу и судьбу мужа, опального поэта Осипа Мандельштама).

Надо было быть очень сильным человеком, чтобы достойно выйти из таких тяжелых обстоятельств. Цветаева, похоже, им не была – всю жизнь она прожила как будто на грани срыва, словно не могла существовать в ином режиме. Но с другой стороны – нужно обладать очень крепкой психикой, чтобы всю жизнь балансировать «на краю» и не сорваться. Поэтесса много писала о смерти, как бы одновременно боясь и желая пристальней разглядеть ее.

Цветаева была чрезвычайно серьезна: она не любила шуток и не умела шутить, слово «игра» было для нее ругательным; она сжигала себя и других своей убийственной серьезностью. Она была слишком сосредоточена «на себе», чтобы ценить людей и мир вокруг себя: дневники велись для будущих биографов, черновики постоянно переписывались, чтобы не было помарок – для издателей, круг общения – «чтоб не стыдно», увлечения – «напоказ». Постоянно влюбляясь, она требовала от своих избранников взрыва чувств и страдала, не получив его; ее дети имели право на жизнь только в качестве «обрамления» таланта поэтессы; муж был нужен для долгой разлуки и тоски по нему в перерывах между романами. Кажется, Марина Цветаева делала все, чтобы попасть в центр внимания и стать объектом наиболее скандальных сплетен, – странные отношения с Софьей Парнок, равнодушие к голодной смерти двухлетней дочери, бурные «Любови», несколько попыток самоубийства. И ведь не скрывала ничего, напротив, все описывала стихами, да еще снабжала

комментарием в записных книжках: «Живу, созерцая свою жизнь, всю жизнь – у меня нет возраста и нет лица». Она жила не то что не для современников, а даже не для себя – для биографов.

Так какова же истинная Марина Цветаева? Снимала ли она когда-нибудь маску? И снова Надежда Мандельштам: «Марина Цветаева произвела на меня впечатление абсолютной естественности и сногсшибательного своенравия. Я запомнила стриженую голову, легкую – просто мальчишескую – походку и голос, удивительно похожий на стихи. Она была с норовом, но это не только свойство характера, а еще и жизненная установка. Ни за что не подвергла бы она себя самообузданию, как Ахматова. Сейчас, прочтя стихи, письма Цветаевой, я поняла, что она везде и во всем искала упоения и полноты чувств. Ей требовалось упоение не только любовью, но и покинутостью, заброшенностью, неудачей… В такой установке я вижу редкостное благородство, но меня смущает связанное с ней равнодушие к людям, которые в данную минуту не нужны или мешают "пиру чувств"».

Ну, положим, это мнение постороннего человека. Но вот выдержки из письма Сергея Эфрона, горячо любимого по собственным словам поэтессы, мужа: «Марина – человек страстей. Отдаваться с головой своему урагану для нее стало необходимостью, воздухом ее жизни. Кто является возбудителем этого урагана – неважно. Почти всегда… все строится на самообмане. Человек выдумывается, и ураган начался. Если ничтожество и ограниченность возбудителя урагана обнаруживаются скоро, Марина предается ураганному же отчаянию… И это все при зорком, холодном (пожалуй, вольтеровски циничном) уме… Все заносится в книгу. Все спокойно, математически отливается в формулу. Громадная печь, для разогревания которой необходимы дрова, дрова и дрова… качество дров не столь важно… Нечего и говорить, что я на растопку не гожусь уже давно». И это о той, которая:

…Неба дочь! —
С полным передником роз!
Ни ростка не нарушила!..

Иногда даже кажется, что и самоубийство стало частью постановки о «трагедии поэта», ведь пройди она ад войны, эвакуации, арестов и расстрелов близких (как, например, Анна Ахматова), тщательно выстраиваемый образ нездешней, не от мира сего посланницы поэзии рухнул бы как карточный домик. А для Марины Цветаевой это было, по-видимому, неприемлемо.

Впрочем, судите сами, ведь жизнь поэта трудно мерить

обыденной меркой. Особенно если поэт – женщина, вошедшая в историю искусства. Итак, с самого начала…

* * *

26 сентября (8 октября) 1892 г. в Москве, в семье Ивана Владимировича Цветаева и его жены, Марии Александровны Мейн, родилась Марина, а спустя два года – Анастасия. Отец Марины был профессором Московского университета, основателем Музея изящных искусств. Мать – пианисткой, учившейся у А. Рубинштейна.

Детство девочки проходило в Москве, а летние месяцы, до 1902 г., – в Тарусе на Оке. Писать стихи, по ее словам, она начала с семи лет.

Психоаналитик Лили Фейлер так характеризует Марину Цветаеву: болезненный нарциссизм и депрессия из-за нехватки родительской любви. В самом деле, ее детство никак не назовешь безоблачным: отец, влюбленный в покойную первую жену и детище всей своей жизни – Музей. Мать, влюбленная в потерянного возлюбленного, похоронившая свою музыкальную карьеру, – жесткая, властная, раздражительная женщина, умершая от туберкулеза в 36 лет. Младшая сестра, несравненно и явно более любимая (во всяком случае, по мнению Марины). Правила, законы, запреты.

Цветаева постоянно утверждает свое право на самостоятельное существование, на нелюбовь к детям, к играм, к семье. Но за этим – презрение к людям, преувеличение любого промаха у других, отсутствие гибкости и понимания, готовность судить: «они» понимают, как писать донос, как клянчить у родителей игрушки, и вообще, «они» читают газеты, что с «ними» разговаривать. Из этого чувства превосходства растут многие особенности цветаевского мировосприятия – от нестандартного синтаксиса до всепоглощающей серьезности и отсутствия чувства юмора, ибо настоящий юмор – игра, а игра – это глупости, это для детей.

По всему выходит, что окружающие, даже мать, не понимали маленькую Марину, насмехались над ее попытками творить. Дом не додал ей тепла, ласки, доброты, а лишь укрепил ощущение отверженности.

Однако на защиту семьи встает Анастасия Цветаева, младшая сестра поэтессы. Она с грустью отмечала, как сильно исказила Марина образ матери, отца, самой Аси, весь душевный лад их дома. Анастасия не отрицает, что ее, тяжело болевшую в детстве,

мать чуть больше жалела и опекала; Марине этого оказалось достаточно: мать – не мать, дом – чужбина.

Конечно, простоты в Марии Александровне и ее отношениях с Мариной не было. В Асе мать находила больше непосредственности и простоты, вероятно, с ней было проще. С Мариной же было гораздо сложнее: у нее слишком рано определился свой, закрытый для других внутренний мир. Отсюда и детская мечта о «семье, где я буду одна… и самая любимая дочь».

В 1902 г., когда Мария Александровна заболела чахоткой, семья выехала за границу. Мать умерла, когда Марине было 14 лет. Ни старшая сестра Валерия, ни кто-либо из родственниц не выразили желания продолжить воспитание Марины и Аси. Их единственным воспитателем стал отец, но влияния на Марину он не имел.

Школьные годы девочки начались в пансионе для благородных девиц Дервиз. Очки, которые она никогда не снимала из-за сильной близорукости, угрюмое лицо, постоянная углубленность в себя, медленная походка, сутулая фигура делали ее более взрослой, чем она была на самом деле. Марина ни с кем не сближалась и казалось, ни на кого не обращала внимания. Многие не любили ее за кажущееся самомнение и отчужденность от других пансионерок. Среди девочек она вела себя с деланной развязностью, даже грубостью, и никто не подозревал, что под этой маской скрывается человек с мягким характером и нежной, чуткой душой. Она была изгнана из пансиона за свободомыслие и распространение революционных идей.

За 1908–1910 гг. Марина Цветаева переменила несколько гимназий, не задержавшись ни в одной, так как охладела к ученью и получала образование лишь из уважения к отцу. Вот как описывает Марину ее старшая сестра Валерия: «Ее нельзя назвать злой, нельзя назвать доброй. В ней стихийные порывы. Уменье ни с чем не считаться. Упорство. Она очень способна, умна. Труд над тем, что ей любо, – уже не труд, а наслаждение!»

В 17 лет Марина начала курить и пить и впервые попыталась расстаться с жизнью – застрелиться во время спектакля, в котором главную роль играла Сара Бернар (об этом свидетельствует Анастасия Цветаева). Вообще Марина в это время грезила Францией, Наполеоном и даже уговорила отца отпустить ее в Сорбонну на курс классической литературы.

Но главное – она писала стихи, и в октябре 1910 г., будучи гимназисткой, на собственные деньги издала свой первый сборник «Вечерний альбом». Критики и коллеги-поэты приняли сборник очень благожелательно. Особенно хвалил стихи юной

поэтессы Максимилиан Волошин, с которым она познакомилась в 1911 г. Марина отправилась в Коктебель, на знаменитую волошинскую дачу, где встретилась с Сергеем Эфроном, и он сразу поразил ее своей красотой и хрупкостью. Образ Сережи встал в ряд образов мужского благородства и чести: герцог Лозэн, Наполеон, молодые генералы 1812 г. Эта «картинка» сформировалась у Марины до встречи с Сережей, она была влюблена в нее, и когда произошла реальная встреча с реальным человеком, девушка тут же заменила его на нарисованный ею идеал, кроме которого уже ничего видеть не желала, сменив реальный объект на фантазийный объект любви.

«Необыкновенный» – назвала Марина Эфрона после знакомства. У Сережи была действительно необыкновенная семья: его мама происходила из дворянского рода Дурново, но ради революционного движения бросила родителей. Она ушла в революционный терроризм и вышла замуж за еврея – Сережиного папу. Его младший брат застрелился в Париже, мама от горя повесилась в ту же ночь. Сережа с большим трудом пережил эту трагедию, ибо был очень привязан к брату и матери.

С первого дня знакомства и на всю жизнь Марина усвоила, что Сережа необыкновенно раним и чувствителен, к этому прибавлялось восхищение старомодными дворянскими понятиями о чести, долге и героизме: это и отказ матери от родительской помощи, и ее бедность, и героическая способность не жалеть о совершенном.

27 января 1912 г. Марина Цветаева и Сергей Эфрон обвенчались, а 5 (18) сентября у них родилась дочь Ариадна (Аля), которой мать посвятила такие строки:

Все будет тебе покорно,
И все при тебе – стихи.
Ты будешь, как я – бесспорно —
И лучше писать стихи…

Она ждала, что Аля станет чем-то гениальным, из ряда вон выходящим, но надеждам Марины Ивановны не суждено было сбыться. Ариадна Эфрон и вправду была замечательно талантливым человеком, но реализоваться ей помешала трудная судьба – сталинские лагеря, поселение.

В 1912 г. появляется вторая книга Цветаевой – «Волшебный фонарь», а затем в 1913 г. – избранное «Из двух книг», куда вошли лучшие стихотворения начинающей поэтессы. В том же году, 31 августа, умирает отец Марины – И. В. Цветаев.

Поиск своего нового «я» отражается в откровенной,

автобиографичной поэзии Цветаевой 1913–1915 гг. Она ищет и находит новые пути демонстрации себя: в посвящениях Блоку и Анне Ахматовой, в дружбе-любви с Софьей Парнок, во влюбленности в Асю Тургеневу, в осмыслении своей женско-мужской природы…

Цветаева отвергала любые устоявшиеся роли, и ее демонстративное «бунтарство» подчас проявлялось в откровенной грубости. Протест против правил и норм был настолько силен, что она не примкнула ни к какому из модных тогда поэтических течений, у нее появились если не враги, то, во всяком случае, люди, которых она откровенно раздражала своей самовлюбленностью, сочетавшейся с фантастической работоспособностью.

Но была совсем другая Марина: в красном пальто с пелериной, отделанной по краям мехом, в модных туфлях на высоких каблуках, со свободной и легкой походкой. Трудно было поверить, что еще несколько лет назад она не занималась своей внешностью, скромно и даже небрежно одевалась и издевалась над пансионерками, которые захлебывались от восхищения, рассказывая о виденных ими «туалетах».

Цветаева отклонялась и от дворянских норм; пример тому – брак с Сергеем Эфроном, не имевшим ко времени женитьбы ни аттестата зрелости, ни определенного социального статуса, полубогемное существование в первые годы семейной жизни и несомненное нарушение традиционных норм поведения замужней женщины своего класса в дальнейшем. До конца жизни она была склонна влюбляться не только в мужчин, но и в женщин, в надежде компенсировать субъективную нехватку любви в детстве.

Цветаева подавляла в себе желания, создавая иллюзорный образ женщины, которой «не нужно» простых человеческих радостей: любви, общения, материнства, – пишет Л. Фейлер. Это замещалось представлением о себе как о «рожденном поэте». Подавленная агрессивность проявлялась в ненависти к «пошлости» быта, жизни вне поэзии, и этот конфликт в конце, когда пришли реальные испытания, логически привел к самоубийству…

Про характер Цветаевой, ее ранимость, тонкость внутреннего строя, обнаженность чувств говорили много, основываясь в основном на ее письмах, дневниках и творчестве. Но вот интересный штрих…

В марте 1914 г. замужняя Цветаева пишет философу В. Розанову любовное послание («Ах, как я Вас люблю и как дрожу от восторга, думая о нашей первой встрече в жизни – может быть,

неловкой, может быть, нелепой, но настоящей».). Спустя два месяца она обращается к нему с «просьбой» о помощи и «…вполне бесцеремонно, – пишет биограф Цветаевой А. Саакянц, – диктует, что надлежит ему делать: "Директор здешней гимназии на Вас молится… Так слушайте: тотчас же по получении моего письма пошлите ему 1) «Опавшие листья»[48] с милой надписью, 2) письмо, в котором Вы напишете о Сережиных[49] экзаменах… Письмо должно быть ласковым, милым, «тронутым» его любовью к Вашим книгам, – ни за что не официальным. Напишите о Сережиной болезни (у директора уже есть свидетельства из нескольких санаторий), о его желании поступить в университет, вообще – расхвалите… Обращаюсь к Вам, как к папе"».

«…Расчетливо, деловито, сжато, – продолжает А. Саакянц. – Да разве же это просьба? Это приказ… Так обращаются к прислуге».

Или удивительное, рвущее душу любовное стихотворение, продиктованное сильнейшей страстью:

Не думаю, не жалуюсь, не спорю.
Не сплю.
Не рвусь ни к солнцу, ни к луне, ни к морю,
Ни к кораблю.
Не чувствую, как в этих стенах жарко,
Как зелено в саду.
…
На, кажется, надрезанном канате
Я – маленький плясун.
Я – тень от чьей-то тени. Я – лунатик
Двух темных лун…

Стихотворение обращено к… брату Сергея Эфрона Петру, умиравшему от туберкулеза. Стихи посланы ему в письме 14 июля 1914 г., а 28 июля он скончался. Поэтесса явно сгорает от страсти, но стихотворение вызывает странные чувства, и вот почему.

В июне Цветаева с дочерью едут в Коктебель. 14 июня туда же приезжает Сергей Эфрон и привозит плохие новости о старшем брате. Петр умирает от туберкулеза. Однако никто не торопится к умирающему; в Москву семья Цветаевых возвращается только в начале июля. Более того, нигде – до того, как Цветаева узнала, что Петр Эфрон обречен, – нет ни строчки об их отношениях (притом, что малейший намек на роман тут же переносился Мариной Ивановной на бумагу). И вдруг – вспышка страсти…

Приехав с семьей в Москву в начале июля, Цветаева

бросилась к Петру в клинику и 10-го числа послала ему письмо: «Я ушла в 7 часов вечера, а сейчас 11 утра, – и все думаю о Вас, все повторяю Ваше нежное имя». И три дня спустя, 14 июля: «Если бы не Сережа и Аля, за которых я перед Богом отвечаю, я с радостью умерла бы за Вас, за то, чтобы Вы сразу выздоровели». И стихи в том же письме…

А 16 июля, еще при жизни своего возлюбленного, поэтесса умудрилась подарить это же стихотворение своему мужу, который настолько переживал внезапную страсть Марины, что решился идти на войну добровольцем. Цветаева, правда, изменила первые три строфы, но… Вот уж воистину «…холод хитрости змеиной и скользкости…» – это характеристика, данная своей «подруге» Марине Софьей Парнок.

Вообще события Первой мировой войны отразились на лирике Цветаевой, хотя и своеобразно – на первом плане все равно оставалось «я» поэтессы, но стихи стали менее автобиографичными. Эти годы отмечены появлением в ее творчестве фольклорных мотивов, традиций городского романса и даже частушек. Следующим поворотом стал 1917 г. – далекая от политики Цветаева показала, что способна писать не только об интимных чувствах: церковная Россия, юнкера, убитые в Нижнем Новгороде, Корнилов, белогвардейцы – такие герои появляются в лирике поэтессы.

Она отторгает происходящие события, занимает позицию вне социума. Вот слова Ильи Эренбурга: «…В одном стихотворении Марина Цветаева говорит о двух своих бабках – о простой, родной, кормящей сынков-бурсаков, и о другой – о польской панне, белоручке. Две крови. Одна Марина. Только и делала она, что пела Стеньку-разбойника, а увидев в марте семнадцатого солдатиков, закрыла ставни и заплакала: «Ох, ты моя барская, моя царская тоска»… Ей, по существу, неважно, против чего буйствовать, как Везувию, который с одинаковым удовольствием готов поглотить вотчину феодала и образцовую коммуну. Сейчас гербы под запретом, и она их прославляет с мятежным пафосом, с дерзостью…»

13 апреля 1917 г. у Цветаевой рождается дочь Ирина, и ее судьба становится вопиющим примером расхождения слов и дел Марины Ивановны. Итак, снова цитата из давнишнего письма к Петру Эфрону о его умершей дочке: «Вы… рассказывали о Вашей девочке. Все во мне дрожало». Конечно, только человек тонкой душевной организации мог так остро реагировать на чужое горе, но с собственной дочерью поэтесса обходилась так, что даже самые ярые поклонники стараются обойти эту тему, не найдя Цветаевой оправдания. Пишет В. Швейцер: «Ирина росла

болезненной, слабой, едва ходила и почти не умела говорить… С нею было неинтересно…ею нельзя было похвастаться перед знакомыми… сестры С. Я. Эфрона хотели забрать Ирину… навсегда». Или: «Всю ночь болтали, Марина читала стихи… Когда немного рассвело, я увидела кресло, все замотанное тряпками, и из тряпок болталась голова – туда-сюда. Это была младшая дочь Ирина, о существовании которой я до сих пор не знала». Это уже близкая подруга Цветаевой В. К. Звягинцева.

В 1919 г. кто-то посоветовал Марине Ивановне отдать девочек в приют, и она отдала и Алю, и Ирину. Через месяц она застала их там тяжело больными – и забрала Ариадну. Больше она в приюте не бывала. О смерти младшей дочери узнала, по ее же словам, случайно, через несколько дней (собственно, точная дата так и осталась неизвестной – то ли 15, то 16 февраля 1920 г.). М. Цветаева отмечает это страшное событие всего одним стихотворением (зато каким!):

…Две руки – ласкать, разглаживать
Нежные головки пышные.
Две руки – и вот одна из них
За ночь оказалась лишняя… —

да письмом к той же В. Звягинцевой: «С людьми мне сейчас плохо, никто меня не любит, никто – просто – не жалеет, чувствую все, что обо мне думают, это тяжело… Мне хочется плакать, потому что никто – никто – никто за все это время не погладил меня по голове». Больше (за всю жизнь) о младшей дочери ни слова. Баба с возу, как говорится…

«…Прежняя, привычная и понятная жизнь была уже разрушена. Цветаева осталась с дочерью и должна была выживать», – пишет доброжелательный биограф, как бы упуская, что на дворе – Гражданская война и кроме Цветаевой должны были выживать Ахматова, Блок, Есенин, Маяковский, Мейерхольд и многие миллионы других людей…

Воспев Белую гвардию в книге «Лебединый стан», она, разумеется, не могла рассчитывать на поддержку со стороны Советов, и в 1922 г. последовала за мужем, которого не видела уже четыре года, в эмиграцию. Однако если в России Цветаева была недостаточно «красной», то за границей она оказалась недостаточно «белой». Поэтесса бедствовала, и это изменило ее отношение к литературной профессии: словесность стала источником средств существования, а литература – ремеслом.

1 апреля 1925 г. у М. Цветаевой рождается сын Георгий, который получил семейное прозвище Мур.

Основным событием ее литературной судьбы в эмиграции стал роман – неясно реальный или выдуманный – с неким К. Родзевичем («Будь! Не отдавай меня без боя! Не отдавай меня ночи, фонарям, мостам, прохожим, всему, всем. Я тебе буду верна. Потому что я никого другого не хочу, не могу (не захочу, не смогу). Потому что то мне дать, что ты мне дал, мне никто не даст, а меньшего я не хочу. Потому что ты один такой»). Были и знаменитые цветаевские любовные «романы в письмах», заканчивавшиеся для нее трагедией непонимания (с Вишняком, Бахрахом, Иваском и Штейгером): все эти мужчины в конце концов были вынуждены прервать свою корреспонденцию с ней. Почему? Да потому, что все до единого поэтические знаки внимания со стороны мужчин Марина Цветаева всегда воспринимала как любовное внимание к ней как к женщине, даже когда его не было (Бахрах, например, написал позитивную рецензию на творчество поэтессы, Штейгер и Иваск прислали ей восхищенные и благодарные письма). Кроме того, был эпистолярный и поэтический роман-диалог с Борисом Пастернаком и немецким поэтом Марией-Райнером Рильке, пушкиноведческая проза, публичные чтения…

Большинство из созданного в те годы так и осталось неопубликованным. Последний прижизненный авторский сборник Цветаевой «После России» вышел в Париже весной 1928 г.

В 1935 г. у Марины Ивановны произошел конфликт с дочерью, и та ушла из дому, а 15 марта 1937 г. вообще уехала в Советский Союз. 10 октября Францию покинул Эфрон, который к тому моменту уже несколько лет работал на НКВД (милый, чуткий, ранимый, «необыкновенный» Сережа уже шесть лет страстно хотел вернуться в Россию, но условием его возвращения стало сотрудничество с «органами»). В результате он оказался замешан в политическое убийство и бежал из Франции в СССР.

В ноябре 1937 г. французская полиция вместо исчезнувшего Сергея Эфрона арестовала его жену Марину Цветаеву и стала ее допрашивать. Поэтесса, которая только на допросе узнала о том, что ее муж с 1931 г. является агентом НКВД и организатором убийства Игнатия Рейсса, начала читать свою поэму «Молодец», написанную в 1924 г. Сюжет первой части поэмы таков: у девушки Маруси появляется жених-чужак. Мать девушки советует ей узнать, где он живет, намотав петельку на пуговицу и выследив путь жениха по ниточке домой. Ниточка приводит Марусю на кладбище, где ее жених… грызет покойника, оказавшись упырем. Позже он предупреждает Марусю, что загрызет ночью ее брата, если она не остановит его, сказав правду о том, что видела его на

кладбище, назвав по имени (т. е. упырем) и осенив крестом. Маруся не выдает жениха, и он загрызает ее брата. На следующую ночь он предупреждает ее, что если она не остановит его, он загрызет ее мать. Маруся его не останавливает. На третью ночь он приходит к ней, выпивает ее кровь, и Маруся умирает. «Его искренняя вера могла быть обманута, но моя вера в него остается непоколебленной», – заявляет напоследок Марина Цветаева полиции. Потрясенные полицейские отпустили ее, но поэтессе пришлось перебраться с насиженного места в другой район Парижа, чтобы скрыться от окружавшего ее презрения. Только две семьи в Париже продолжают общаться с ней. В течение долгих восемнадцати месяцев Марина голодала и скрывалась с Муром от знакомых в дешевой гостинице. Она очень постарела и похудела. Находясь в состоянии отчаяния и усталости, она почти не могла писать больше писем. Но главное, она перестала писать стихи.

Возникает вопрос: действительно ли Марина Цветаева не знала о деятельности своего мужа? Ответ не так прост. С одной стороны, что еще она могла предполагать, если он нигде не служил, но каждый месяц приносил домой несколько тысяч франков жалованья? И потом, как считает Ирма Кудрова, у Цветаевой была связь с Советским Союзом после Сережиного исчезновения: получила же она инструкции о том, как ей действовать дальше и как добраться до Москвы. А с другой стороны, она настолько мало интересовалась «земным» вообще и реальностью собственного мужа в частности, что вполне могла оставаться в неведении относительно источников дохода. Она настолько была поглощена собой, своими собственными переживаниями и своим творчеством, что ее это просто не интересовало.

Марина подала в Советское посольство прошение о возвращении в СССР, как бы выполняя данное когда-то мужу обещание: «Если Вы только живы, я буду ходить за вами как собака до конца своих дней». Когда-то именно эти слова она написала мужу, передав послание через Илью Эренбурга и не зная, жив ли Сергей.

18 июня 1939 г. Марина с Муром прибыли в Москву. Здесь она узнала, что ее сестра Анастасия с 1937 г. находится в ссылке (только в 1959 г. она была реабилитирована). Сбежав из Франции, С. Эфрон поселился на даче в Болшеве (Подмосковье), где, практически не выходя из дому, получал регулярное жалованье – до самого ареста, вскоре после которого его расстреляли (Цветаева об этом так и не узнала). Туда же, в Болшево, направилась и Марина с сыном.

Приезд Марины Ивановны изменил обстановку в доме, внеся

напряженность, поскольку она была совершенно не приспособлена для сосуществования с другими людьми. Цветаева постоянно находила в невинных поступках окружающих следы направленного против нее заговора, после чего происходили мелодраматические уверения в том, что ее любят и чтут.

А еще она читала свои стихи… Вся поэтесса была как бы выполнена в серых тонах – коротко стриженные волосы, лицо, папиросный дым, платье и даже тяжелые серебряные запястья – все было серым. Всем своим видом она бросала вызов, как будто утверждая, что за каждый стих готова платить жизнью. Цветаева читала, как на плахе, хоть это и не идеальная позиция для чтения стихов. Стихи были необычайны, но чтением дело и ограничивалось – их не публиковали.

А потом начались аресты: 27 августа 1939 г. забрали Ариадну; 10 октября – Сергея. Из протоколов допросов в Бутырской тюрьме известно, что через месяц после ареста под воздействием пыток Аля дала показания против любимого отца, признав его французским шпионом. Но известно также, что больной туберкулезом, слабый, избитый, психически больной, галлюцинирующий Сергей Эфрон ни разу не признал себя виновным, никого не оклеветал и, жалея, даже пытался поддерживать предавших его людей на очных ставках. Существует также тюремная легенда о том, что когда его вызвал на допрос Берия, то был настолько возмущен непреклонностью слабого и больного Эфрона, что в ярости застрелил его прямо в своем кабинете.

В начале ноября М. Цветаева с сыном покидают Болшево и уезжают в Голицыно (Подмосковье). Марина занята передачами для Сергея Эфрона в Бутырскую тюрьму, пишет письма Берии с просьбами принять участие в судьбе ее мужа и дочери, добиться их освобождения. Естественно, безрезультатно… После Сережиного ареста она пережила еще несколько романов в Голицино (в том числе увлечение Таней Кваниной) и позже в Москве (с молодым Арсением Тарковским), закончившихся, как обычно, плачевно.

В июне 1940 г. Цветаевой приходится уехать из Голицына, она остается фактически на улице. В августе поэтесса почтой отправляет телеграмму в Кремль: «Помогите мне я в отчаянном положении, писательница Марина Цветаева». Ей дают комнату, и она живет там с сыном до начала войны. Поэтесса подбирает стихи для сборника в надежде издать его, но дело заканчивается разгромной рецензией, обвинениями в безыдейности творчества, а это означало, что Марина Ивановна может ставить крест на своей поэтической карьере. Все это время она занимается

переводами, но они практически не приносят денег.

Потом началась война и эвакуация в Татарстан, куда Цветаева с сыном отправилась на пароходе 8 августа 1941 г. вместе с другими писателями. Б. Пастернак, провожая ее, дал поэтессе веревку, не подозревая, какая роль ей уготована. К. Паустовский рассказывал: «Пастернак пришел к Цветаевой помочь укладываться. Он принес веревку, чтобы перевязать чемодан, выхваливал ее крепость и пошутил, что она все выдержит, хоть вешайся на ней. Ему впоследствии передавали, что Цветаева повесилась на этой веревке, и он долго не мог простить себе эту роковую шутку».

21 августа поэтессе удается снять часть комнаты в Елабуге, где они с сыном живут, отгородившись занавеской. 24 августа 1941 г. Цветаева отправилась в Чистополь, надеясь получить работу судомойки в писательской столовой, но совет писательских жен счел, что она может оказаться немецким шпионом.

28 августа она вернулась в Елабугу, и ей удалось заработать немного денег, стирая белье местному милиционеру. Не выдержав унижений, 31 августа 1941 г. Марина Ивановна Цветаева повесилась в сенях на той самой веревке, которую дал ей Пастернак, оставив записку:

«Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что больше я не могла жить. Передай папе и Але – если увидишь, – что любила их до последней минуты, и объясни, что попала в тупик.

Дорогие товарищи! Не оставьте Мура. Умоляю того из вас, кто может, отвезти его в Чистополь к Н. Н. Асееву. Пароходы – страшные, умоляю не отправлять его одного. Помогите ему и с багажом – сложить и довезти в Чистополь. Надеюсь на распродажу моих вещей. Я хочу, чтобы Мур жил и учился. Со мной он пропадет. Адрес Асеева на конверте. Не похороните живой! Хорошенько проверьте!»

Квартирная хозяйка все удивлялась: «Вещей у них было много… могла бы она еще продержаться… Успела бы, когда бы все съели… Привезла ведь два кило муки, крупы, одно кило сахару и несколько серебряных ложек».

2 сентября Марину Ивановну похоронили на Елабужском кладбище, и оно стало местом паломничества любителей поэзии, хотя могила поэтессы не найдена.

Мур вскоре погиб на фронте. Смерть Марины лишила арестованных Сергея и Алю продовольственных посылок, которые являются основной ценностью для заключенных (предполагалось ведь, что Сергей жив, так как в тюрьме еще принимали передачи

на его имя). Аля вернулась из ссылки только в 1955 г. В том же году была реабилитирована Анастасия Цветаева.

ЧАЙКОВСКИЙ ПЕТР ИЛЬИЧ

(род. в 1840 г. – ум. в 1893 г.)

Люблю ли я музыку? Я не знаю: слишком часто я ее и ненавижу. Но музыка любит меня, и стоит лишь кому-то покинуть меня, как она мигом рвется ко мне и хочет быть любимой.

Фридрих Ницше

Петр Ильич Чайковский стал еще одним в ряду знаменитостей, чья смерть не дает покоя поклонникам и потомкам: постоянно появляются новые версии, обнаруживаются очередные сенсационные подробности (зачастую не подтвержденные документально), в архивах находятся все новые свидетельства очевидцев… Иногда даже кажется, что отличительным признаком страстного поклонника является какая-то органическая неспособность принять официальную причину смерти своего кумира. Фанат ищет доказательства убийства (желательно преднамеренного и из рук спецслужб) там, где было самоубийство. Он отвергает смертельную болезнь своего идола (если только она не душевная и не свидетельствует о его,

идола, терзаниях) и стремится объявить, что истинная причина смерти – самоубийство под маской неизлечимой хвори.

Именно такая история произошла и с Петром Ильичом. По официальной версии, объявленной братом Чайковского Модестом, он стал жертвой эпидемии холеры в Москве. 21 октября 1893 г. Чайковский заболел, неосмотрительно выпив стакан сырой воды в трактире, и в ночь на 25 октября скончался. Казалось бы – куда уж более веская причина, и к чему искать иные. Но не таков истинный поклонник; он не верит в прозаические причины. Да и болезнь какая-то… неаппетитная что ли…

И началось… Уже тогда, в 1893 г., поползли слухи, что композитор покончил с собой – чем, как не самоубийством, может быть питье сырой воды в общественном месте, да еще в разгар эпидемии (столь странный способ был выбран, чтобы похоронили по церковному обряду, а не за воротами кладбища, в безымянной могиле, как всех самоубийц). По слухам, поступок связывали с холодным приемом публикой последнего произведения Чайковского – 6-й «Патетической» симфонии, которой он сам дирижировал во время ее премьеры за несколько дней до смерти. Очередной провал стал страшным ударом, которого композитор не смог перенести. По другим найденным не так давно свидетельствам, причиной возможного самоубийства было желание избежать скандала из-за связи Чайковского с родственником императорской семьи. Если бы скандал разразился, то Петра Ильича якобы ожидало лишение всех прав, ссылка в Сибирь (что, впрочем, вряд ли, ведь государь, узнав о причине смерти композитора, прослезился и молвил: «Герцогов у нас много, а Чайковский был один!»).

В общем, фактов, слухов и домыслов (как их еще называют, версий) о жизни Петра Ильича Чайковского предостаточно, и читатель сам для себя решит, какова же была истинная причина его смерти.

* * *

Чайковский – великий композитор, составивший эпоху в истории мировой музыкальной культуры. Композиторское творчество он сочетал с деятельностью педагога-воспитателя, критика-публициста, дирижера. Основная идея его замечательных произведений – протест и борьба против темных сил жизни, воздвигающих препятствия на пути человека к счастью.

Петр Ильич Чайковский родился 25 апреля (1 мая) 1840 г.

в уральском городе Воткинске, где работал его отец, горный инженер. Он с детства не мог слушать музыку без волнения, был ли это его любимый В.-А. Моцарт или народные песни. Чайковский говорил о себе, что «с самого раннего детства проникся неизъяснимой красотой… русской народной музыки». Действительно, его музыкальность проявилась рано – с пяти лет он начал учиться игре на фортепьяно. Уже в ту пору у него сложился внутренний слух, позволяющий слышать музыку, не подходя к роялю. Однако в заботах о благополучном будущем мальчика родители определили его в Петербургское училище правоведения, где он пробыл с 1850 по 1859 г. Возникшая в ранние годы любовь композитора к музыке подкрепилась здесь посещением концертов, участием в хоре. Он также брал частные уроки игры на рояле.

В Петербурге же в 1850 г. десятилетний мальчик впервые услышал на сцене театра оперу Глинки «Иван Сусанин». Воспоминание об этом главном музыкальном событии детства осталось у него на всю жизнь. Возможно, оно и определило в дальнейшем выбор пути.

Нервный и впечатлительный мальчик болезненно пережил отрыв от семьи, от матери, которую очень любил; суровая полувоенная атмосфера училища оказала сильнейшее влияние на формирование душевного склада композитора, приглушив в нем энергию и заронив в душу меланхолию и тоску. Когда ему исполнилось 14 лет, умерла мать, и от этой потери Петр Ильич так и не смог оправиться – даже 25 лет спустя он проводил целые дни, перечитывая бережно сохраненные письма матери.

Окончив училище, Чайковский был вынужден поступить на службу, хотя ему это было тягостно и неинтересно, а канцелярская рутина оказалась совершенно невыносимой. После мучительных колебаний, вопреки мнению своих родственников и друзей, Чайковский порывает с чиновничьей карьерой, чтобы поступить в 1862 г. в недавно открывшуюся Петербургскую консерваторию – первую в России. Теперь он – студент среди таких же будущих музыкантов, и кое-кто из его бывшего круга при встрече уже не раскланивается с ним.

Будучи одним из лучших студентов, П. И. Чайковский окончил Петербургскую консерваторию по классу ее основателя Антона Рубинштейна с серебряной медалью и переехал в Москву. С 1866 г. он начал преподавать в только что открывшейся Московской консерватории, основанной братом его учителя Николаем Рубинштейном. Москва в ту пору была более вольной и либеральной, чем Петербург, и весь уклад музыкальной московской жизни тоже был гораздо демократичнее.

Обычно день Петра Ильича был сильно загружен – работа в консерватории требовала много времени (он вел три дисциплины – теорию, гармонию и, конечно, композицию). Кроме того, Чайковский писал обзоры о московской музыкальной жизни в газеты «Современная летопись» и «Русские ведомости». Наконец, несмотря на большую занятость преподавательской работой, он необычайно много написал в московские годы (а их было одиннадцать). Не уповая на вдохновение, композитор, по его собственному признанию, работал, как ремесленник, каждый божий день.

Шесть из одиннадцати московских лет он прожил на квартире своего московского патрона Николая Рубинштейна, что при абсолютной разности их темпераментов и привычек немало усложняло его творческую жизнь. Затворнику Чайковскому порой приходилось спасаться в трактире от шумной компании хлебосольного хозяина квартиры…

Тем не менее первое крупное произведение композитора – симфония «Зимние грезы», написанная в 1866 г., – было посвящено именно ему, Николаю Рубинштейну. По музыкальному языку это была принципиально новая вещь, в ней прозвучали скрытые, затаенные, хрупкие человеческие чувства – новая поэзия русской души.

Одна за другой возникали оперы, симфонии, камерные сочинения. В течение московского периода Чайковский пишет еще две симфонии, Первый концерт для фортепьяно с оркестром, симфонические поэмы «Франческа да Римини», «Ромео и Джульетта», балет «Лебединое озеро», струнные квартеты, романсы и оперу «Кузнец Вакула», названную во второй редакции «Черевички». Однако его путь к успеху был нескор, и произведения, вошедшие в золотой фонд мировой классики, не принесли ему в свое время ни славы, ни денег. Были и разочарования – провал «Лебединого озера», непонятого публикой, а первая опера «Воевода» по пьесе Островского была сожжена композитором.

В апреле 1874 г. в Мариинском театре была показана третья опера Чайковского – «Опричник», по исторической трагедии И. И. Лажечникова. Несмотря на очевидный успех, она была вскоре снята с репертуара, но ее постановки в Одессе и Киеве оказались удачными, и российская музыкальная публика открыла для себя новое имя. И все же отношения с музыкальной критикой складывались сложно; она отторгала Чайковского.

Много работая, он жил отшельником, не поверяя свой сложный душевный мир даже близким друзьям, ибо неосторожное прикосновение глубоко ранило его плохо

защищенную душу. Его близкий друг Н. Кашкин писал: «Привыкнув к сосредоточенности с юношеских лет, Петр Ильич… скорее, был скрытен, но скрытность его была формой застенчивости. Свои общие мысли и пожелания высказывал он очень свободно и охотно, однако немногим лишь и очень редко доводилось проникнуть в глубокие тайники его души, где он стыдливо прятал свои дорогие мечты и чувства». Даже в переписке со своими братьями Анатолием и Модестом, которые вслед за ним тоже начали свой путь с училища правоведения в Петербурге, Чайковский почти не пишет о главном своем занятии – музыке, хотя оба они были очень музыкальны, и больше того – заменяли ему семью.

Композитор дважды пытался разорвать круг одиночества. Первый раз это было в 1868 г., когда он полюбил певицу из итальянской оперной труппы, приехавшей в Россию. Звали ее Маргарита-Жозефина Дезире Арто. Петр предложил певице руку и сердце, но свадьбе, назначенной на лето 1869 г., не суждено было состояться – друзья стали беспокоиться, что Чайковский окажется в тени славы француженки, и заразили этим страхом болезненно мнительного композитора, тяжело переживавшего нападки критики. В следующем сезоне Маргарита Арто вернулась в Москву, уже будучи женою оперного баритона той же труппы, и Чайковский пережил тяжелейшую депрессию.

Вторая история закончилась для него нервным срывом и бегством от жены. Слухи о «неестественных влечениях» композитора заставили его в 1877 г. жениться, и притом совершенно не по любви. Счастливой избранницей оказалась Антонина Милюкова, студентка консерватории, писавшая восторженные письма о своей бессмертной любви к Петру Ильичу и страстно желавшая выйти за него. По воспоминаниям многих, она была глупа, ей постоянно мерещилось, будто мужчины мечтают соблазнить ее, а о музыке своего мужа Антонина имела самое смутное представление.

Чайковский, надо сказать, женился на ней из жалости, ошибочно почитая ее чуть ли не пушкинской Татьяной, а через три месяца после свадьбы сбежал и всю оставшуюся жизнь пытался выпутаться из своих отношений с Антониной. Это стоило ему не только огромных средств, но и душевных сил. Однажды он даже пробовал покончить жизнь самоубийством: в октябре вошел по грудь в Москва-реку, надеясь схватить пневмонию и умереть (кстати, эта истеричная попытка стала позднее лишним доводом в пользу приверженцев теории о самоубийстве композитора).

Чайковский даже сочинял истории о собственных супружеских изменах, лишь бы получить развод, но Милюкова и

слышать ничего не хотела. Он стал подумывать об убийстве. Наконец, в 1881 г. выяснилось, что сама Антонина завела любовника, но на этот раз уже композитор решил не торопиться с разводом, боясь, что супруге будет что порассказать любопытствующим на суде. Вообще Антонина вела довольно свободный образ жизни, постоянно заводила романы и интрижки, родила нескольких внебрачных детей. Но, несмотря на все это, Чайковский содержал ее до самой своей смерти в 1893 г., а в 1896 г. Антонина попала в лечебницу для душевнобольных, где скончалась в 1917 г.

В общем, «семейная жизнь» не только подточила душевные силы композитора (у него был серьезный нервный срыв, после которого он принял решение ехать за границу), но и стоила ему огромных денег, которые помогала выплачивать новая – на этот раз совершенно бескорыстная – поклонница его таланта, вдовствующая миллионщица Надежда Филаретовна фон Мекк, осуществлявшая акты благотворительности в пользу нуждающихся музыкантов. Не считая различных дорогих подарков, он стал получать от нее безвозмездно суммы, позволявшие ему ни в чем не нуждаться и подолгу проживать за границей. Так продолжалось тринадцать лет, на протяжении которых они общались исключительно посредством писем, и даже когда Петр Ильич гостил в ее апартаментах в Италии, а Надежда Филаретовна сама проживала на вилле в полумиле ходьбы, они не встретились.

Надо сказать, что без поддержки баронессы Чайковскому пришлось бы туго – его произведения, одно за другим, оставались непонятыми российской публикой и критиками.

Так, написанная им в 1878 г. опера «Евгений Онегин», созданная композитором с необычайным воодушевлением и восторженно принятая друзьями, успеха у публики не имела, ведь в ней не было привычных сражений, заговоров, демонических страстей. Еще меньший успех сопутствовал Четвертой симфонии, а между тем даже этих двух произведений было бы достаточно, чтобы считать Чайковского одним из самых выдающихся деятелей мирового искусства.

В 80-х годах он создает оперы «Орлеанская дева» (1879), «Мазепа» (1883), «Чародейка» (1887), Пятую симфонию (1888), выступает в крупнейших городах Европы и Америки. Творчество композитора повсеместно встречает широчайшее признание – в 1893 г. в Кембриджском университете (Англия) ему было присвоено почетное звание доктора музыки. Однако на родине Чайковского не принимали, мнения критиков оставались противоречивыми; особенно досталось Пятой симфонии, которую

называли и рутинной, безыдейной… В тяжелую минуту он признался, что, если бы симфония уже не была напечатана, он бы уничтожил ее. При жизни композитора в России она больше не исполнялась. Полтора года напряженнейшей работы над оперой «Чародейка» тоже не ознаменовались успехом. Поставленная на сцене Мариинского театра в Санкт-Петербурге, она вызвала недоумение не только у публики, но даже у его друзей.

Девяностые годы – наиболее мрачные в жизни композитора. Он лишился материальной и моральной поддержки Н. Ф. фон Мекк, которая, подавленная смертью своего сына, сочла грехом перед семьей свою платоническую любовь к Чайковскому и в 1890 г. разорвала все отношения с ним. (Вообще о фон Мекк стоило бы написать не то что отдельный обзор – книгу, настолько много она сделала для композитора.) Он вступил в конфликт с Московским музыкальным обществом, где был директором, и консерваторией и даже намеревался снова переехать в Петербург.

В последний период жизни композитор создал наиболее трагические свои произведения – оперу «Пиковая дама» (1890) и Шестую симфонию (1893), которым предшествовали полный света и тепла балет «Спящая красавица», одобренный самим монархом и имевший огромный успех, и еще одно чудо – «Щелкунчик», детский балет-феерия.

Что до «Пиковой дамы», то она была написана Чайковским во Флоренции всего за сорок четыре дня. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что написал нечто особенное, и лавину нелестных отзывов, обрушенную на него, воспринял на удивление спокойно. Поставленная в Петербурге, Клеве, Москве, Праге и Одессе, опера все больше и больше завоевывала сердца слушателей, став одной из любимейших опер мирового репертуара. Чайковский полностью переосмысливает пушкинский сюжет, даже изменяет образы героев (Лиза из обычной приживалки в доме графини превращается в ее наследницу, Герман сильно облагорожен и выставлен трагическим романтиком) и переносит время действия на несколько десятилетий. В опере есть мистические элементы, которые придают ей неповторимую атмосферу: тайна трех карт держит в напряжении до самого конца, трагедия и смерть Лизы отзывается глубоко в душе, а при появлении призрака графини мурашки пробегают по спине.

Последние годы композитора нельзя назвать счастливыми. Поселившись в Клину в доме, почти целиком купленном на деньги Надежды фон Мекк, Петр Ильич, долго мечтавший о тихом и уютном прибежище, не нашел в нем покоя. Его психическое здоровье было сильно подорвано, а жизнь была далеко не безоблачной… Раньше он писал: «При моем малодушии и

способности от ничтожного толчка падать духом до стремления к небытию, что бы я был, если б не верил в Бога и не предавался воле Его?» Теперь же, создавая Шестую симфонию – свой последний труд, он почти кричал: «Зачем? Зачем? Для чего?» Зачем жизнь, когда она кончается смертью? Финал симфонии – это горестное прощание с жизнью, освещенное жаждой бытия и ненавистью к смерти. Шестая симфония – абсолютный Чайковский, его исповедь, трагедия его жизни, выраженная в музыке…

Публика не поняла и не приняла симфонию. Премьера провалилась.

Чайковский умер 25 октября (6 ноября) 1893 г. в Петербурге. Похоронили его на кладбище Александро-Невской лавры. «Я желал бы всеми силами души, – писал композитор, – чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличивалось число людей, любящих ее, находящих в ней утешение и подпору».

Как уже упоминалось, официальная причина смерти композитора – холера…

Долгие годы это никто не подвергал сомнению, но затем появилась версия о самоубийстве, главным адептом которой стала А. Орлова, работавшая в Доме-музее Чайковского в Клину. Эмигрировав в восьмидесятые годы из СССР, она сообщила о наличии неопровержимых доказательств того, что композитор покончил жизнь самоубийством. На Западе у версии нашлись как сторонники, так и противники, но у нас до сих пор практически все исследователи отвергают версию о самоубийстве.

Что же это за неопровержимые доказательства?

Во-первых, врач В. Бертенсон говорил мужу Орловой о том, что Чайковский отравился (о том же свидетельствуют сын врача А. Зандера, лечившего композитора, и племянник Чайковского Ю. Давыдов, который в своих воспоминаниях впоследствии отверг версию самоубийства). Косвенно слухи подтверждаются тем фактом, что тело композитора не было подвергнуто тем процедурам, которым подвергали тела умерших от холеры.

Во-вторых, в последнем произведении Петра Ильича, Шестой «Патетической» симфонии, слишком явно звучит тема смерти. Картина прощания с жизнью, изображенная в Шестой симфонии, не могла не вызвать размышлений, особенно после того, как за ее провальной премьерой последовала смерть композитора. Наконец, сама симфония посвящена самоубийце – родственнику Чайковского В. Давыдову.

В-третьих. В 1893 г. граф Стенбок-Фермор подал жалобу обер-прокурору сената на то, что Чайковский проявляет «… неестественное влечение» к племяннику графа (что в те времена

каралось законом). Чтобы избежать огласки, обер-прокурор будто бы собрал бывших однокашников композитора и устроил суд чести, на котором Чайковскому было предложено покончить жизнь самоубийством. Он мог избрать два способа: принять яд (и прослыть самоубийцей, вызвав немало лишних толков) и добровольно заразиться холерой, скрывая заболевание до момента, когда оно станет неизлечимым. Поскольку в России в это время свирепствовала эпидемия, то композитору достаточно было все время пить сырую воду. Шансы заболеть от этого холерой были достаточно высоки.

Доводы против самоубийства П. И. Чайковского суммирует автор одной из последних книг о композиторе Б. Никитин. Во-первых, «никакие страшные наказания Чайковскому не грозили», поскольку даже такой российский деятель, как князь Мещерский, не раз попадавший в скандальные истории из-за своих гомосексуальных похождений, не только не был наказан за них, но даже стал доверенным советником Александра III.

Кроме того, Чайковский в течение всей своей жизни, за исключением короткого периода, связанного с его женитьбой, не испытывал каких-либо особых страданий или угрызений совести из-за своих гомосексуальных склонностей: «…жил в свое удовольствие, не беспокоясь ни о чем». Так что патетические умозаключения о том, что «…мучительная гомосексуальность, потеря матери сделали для Чайковского нормальные отношения с женщиной практически невозможными», имеют под собой немного оснований.

Что же касается холеры, то сегодня невозможно сказать наверняка, стремился ли Петр Ильич намеренно ею заразиться, выпив стакан сырой воды. Сам Б. Никитин считает, что если бы, в самом деле, композитор намеренно заразил себя, то он, безусловно, никому не открыл бы своей тайны, ведь его смерть в этом случае должна была бы выглядеть естественной для всех без исключения. М. Буянов, президент Московской психотерапевтической академии, пишет, что у Чайковского вообще был навязчивый страх смерти и он запрещал в своем присутствии даже произносить это слово. От холеры, кстати, буквально в одночасье умерла мать композитора. Чтобы избавить от интоксикации, ее положили в теплую ванну, где она скончалась, поэтому Чайковский, умирая от холеры, запретил делать с собой то же самое.

Что же касается музыки, то, если верить тем, кто склонен считать Шестую симфонию прощанием с жизнью, получается, что акт самоубийства (после провала симфонии?!) был задуман Чайковским более чем за два года до события, ему

предшествовавшего. Конечно, искусство знает немало примеров самоубийств, запланированных задолго до их реализации, но им всегда предшествовали разговоры о смерти, о способах самоубийства, о скором уходе… В то же время, учитывая скрытность и малообщительность композитора, можно предположить, что именно в музыке Шестой симфонии и было выражено предупреждение о готовности расстаться с жизнью, но это, пожалуй, слишком смелое допущение. Особенно если учесть, что при таком подходе становятся малоубедительными версии, связанные с судом чести.

Итак, на каждый не очень убедительный довод тотчас же находится контрдовод (зачастую равной убедительной силы). А посему смерть Чайковского по-прежнему оставляет широкий простор для воображения потомков. Одни считают, что он умер своей смертью, другие уверены, что композитор покончил с собой, – возможно, истина еще прояснится…

ШПАЛИКОВ ГЕННАДИЙ

(род. в 1937 г. – ум. в 1974 г.)

Каждый поэт в России мечтает умереть под забором.

Виктор Ерофеев

Было много старушек, готовых умереть от старости. Мы все тоже умрем, но не от старости. Я хочу философствовать в такой хороший, редкий день. Мы очень плохо живем в молодости. Я всегда думаю, что все еще будет. Завтра? Нет, но будет, ежедневная жизнь – предисловие к празднику. Ничего не будет, это все неправда. Где оно, мое большое спокойствие к малым делам, равнодушное и веселое выражение лица?

Геннадий Шпаликов

Начать рассказ о Геннадии Шпаликове можно так. …Быть сценаристом – неблагодарное дело. Кто не знает фильмов «Я шагаю по Москве», «Мне двадцать лет», «Долгая счастливая жизнь», «Я родом из детства»? Да все, и каждый (во всяком случае

из тех, кто старше тридцати пяти) если не смотрел, то хотя бы слышал о них. Больше половины, пожалуй, вспомнит режиссеров этих кинолент и сыгравших в них актеров. Да и вообще имена режиссеров и актеров, начинавших в шестидесятые, стали легендарными: Георгий Данелия, Никита Михалков, Владимир Высоцкий, Марлен Хуциев, Лариса Шепитько, Михаил Венгер… А вот кто назовет автора сценариев всех этих – без преувеличения – уникальных в своем роде картин? Да и вообще кто вспомнит киносценаристов шестидесятых? А ведь именно Геннадий Шпаликов стал одним из самых многообещающих и талантливых молодых кинематографистов. Ему прочили прекрасное будущее, а он взял и покончил с собой…

Впрочем, можно начать и так. Судьба поэта в России – это особая тема. Особенно, когда речь заходит о Советском Союзе, где даже в самые светлые исторические «эпохи», например во время хрущевской оттепели, быстро рушились романтические идеалы свободы творчества. Этот период дал России не меньше поэтов, чем Серебряный век. Кого? Сразу на ум приходят поэты говорящие (Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Роберт Рождественский) и поющие (Булат Окуджава, Александр Галич, который поплатился жизнью за веру в послабление режима). Но мало кто вспомнит Геннадия Шпаликова, автора стихов и песен, получивших всенародную славу: «Я иду, шагаю по Москве», «"Рио-Рита", "Рио-Рита" – вертится фокстрот / На площадке танцевальной сорок первый год», «Пароход белый-беленький…». Ему прочили прекрасное будущее, а он взял и покончил с собой…

Трудно сказать, кем на самом деле был Геннадий Шпаликов, имя которого на долгое время было прочно забыто, несмотря на то что регулярно появлялось на экранах телевизоров. «В кино он сделал намного больше, чем в поэзии, но по жизни был гораздо больше поэтом, чем драматургом», – пишут одни. «Он был сценаристом, киношником с тонкой душой поэта, которая мешала ему «пробивать» свои задумки, но и определяла его удивительную кинематографическую чуткость. Фильмы по его сценариям давно стали культовыми, им подражало и продолжает подражать не одно поколение кинематографистов», – возражают другие.

Как бы то ни было, но Геннадий Шпаликов погиб страшной смертью одинокого (от него ушла жена с ребенком), спившегося и отчаявшегося человека, который давно уже «достал» своих прежних друзей постоянными просьбами подкинуть денег на выпивку. 1 ноября 1974 г. он повесился на чердаке одной из писательских дач в Переделкино.

Утром последнего дня своей жизни Геннадий отправился к

знакомому художнику и попросил у него в долг несколько рублей, но тот ему отказал. Зато некий режиссер чуть позже пошел ему навстречу и дал денег. После этого Шпаликов отправился на Новодевичье кладбище, где в тот день открывалась мемориальная доска на могиле режиссера М. Ромма. Здесь он попытался выступить с речью, но его не пустили к трибуне. После траурного митинга Шпаликов ушел с кладбища с Григорием Гориным, у которого выпросил некоторую сумму на дешевое вино.

Геннадий выпил вина и быстро захмелел – до этого он не пил несколько месяцев, писал сценарий фильма «Девочка Надя, чего тебе надо?». Приехав в Переделкино, он поднялся на второй этаж одной из дач и там повесился, соорудив петлю из собственного шарфа.

Тело Шпаликова первым обнаружил Григорий Горин, он вызвал милицию и успел до ее приезда спрятать бумаги покойного, которые, останься они на столе, наверняка бы пропали. Ему было всего тридцать семь – он сам когда-то напророчил, что проживет до 37 лет, как Пушкин, потому что дольше жить поэту неприлично.

Велик соблазн сделать глобальное обобщение, мол, Геннадий Шпаликов объединил в себе судьбу трех российских поэтов, добровольно ушедших из жизни. Он любил советскую страну с преданностью Маяковского, прожил последние годы, как Есенин: с запоями, загулами, приводами в милицию, а закончил ее – как Марина Цветаева (здесь тоже фигурирует нищета, отчаяние и Дом творчества писателей, правда, на это раз в Переделкине). Но все творчество Шпаликова восстает против такого пафоса: его стихи и фильмы не несли ни маяковской патетики, ни есенинского надрыва, ни цветаевской страстности.

Пожалуй, единственное, что действительно объединяло его с этими поэтами, – это приверженность теме самоубийства, которая красной нитью проходила через все его творчество, начиная с первых проб пера. И вот доказательство. Первый сценарий, написанный им в 19 лет, назывался «Человек умер». В нем, в частности, в издевательских тонах описан разговор студентов, обсуждающих самоубийство сокурсника по имени… Геннадий Шпаликов. А вот последний, изначально «непроходной» киносценарий «Девочка Надя, чего тебе надо?», законченный Шпаликовым за несколько дней до смерти и отосланный в Госкино на рассмотрение (так когда-то бросали перчатку, желая вызвать обидчика на дуэль). Краткое содержание сюжета: ударница производства, токарь Надя становится депутатом Верховного Совета СССР. Все идет хорошо, но в какой-то момент

удача поворачивается к ней спиной и отчаявшаяся Надя публично сжигает себя на городской свалке.

Много внимания уделено теме смерти и самоубийства и в дневниках Геннадия: «…Как пьяный кончал жизнь самоубийством, прыгая с Бородинского моста. Река была покрыта льдом. Он надеялся пробить лед и уйти под воду, чтобы не всплыть потом. Он прыгнул, но не пробил лед, а сломал об него ноги. Он сидел на льду пьяный, расстегнутый, замерзший и плакал от боли. А тем временем его знакомые и родные получили последние письма, где он все описал и со всеми распрощался, и его девушка плакала у телефона, потому что он позвонил ей полчаса назад и сказал, что он прыгнет с Бородинского моста». Или: «…если бы мне сказали: «Ты умрешь через пять дней», – я бы что-нибудь успел сделать и поговорил со всеми, но мне не сказали. Я почувствовал, что умру сегодня, и вот пишу вам это, все прекрасно сознавая».

Несмотря на суицидальные наклонности, Геннадий Шпаликов не был «певцом смерти»; напротив, по воспоминаниям современников, он был удивительно добрым, романтичным и оптимистичным человеком, стремившимся видеть в окружающей действительности только хорошее и передать свое мироощущение в стихах и фильмах. Более того, даже самоубийство он воспринимает не как самоуничтожение, а скорее как переход в другую реальность, более добрую и светлую. Как же так получилось, что человек, чьи фильмы стали, пожалуй, самыми светлыми за всю историю отечественного кинематографа, закончил свою жизнь в петле?

Геннадий родился 6 сентября 1937 г. в г. Сегеже Карело-Финской АССР, где его отец, Федор Григорьевич, военный инженер, в это время строил целлюлозно-бумажный комбинат (он погиб на войне в 1945 г., а мать Геннадия пережила сына на одиннадцать лет и умерла в 1985 г.). В 1939 г. семья Шпаликовых вернулась в Москву, а осенью 1941-го – эвакуировалась в Киргизию. Более подробной информации нет, ибо «… младенчество свое помню плохо. До пяти лет – туман…» – пишет Геннадий. В 1943 г. семья снова вернулась домой, в Москву: «Стояла зима… В нашей квартире – разбой. Не украли ничего, но нагажено, перепачкано все и всюду…. Вскоре отец Гены ушел на войну, а 29 января 1945 г. погиб в Западной Польше. Это стало первым переломным моментом в судьбе Геннадия и во многом определило темы его дальнейшего творчества, хотя тогда об этом еще никто не знал.

В том же году мальчик пошел в первый класс, а в 1947 г. его, как сына погибшего фронтовика, направили в Киевское

суворовское училище, где Геннадий проучился до 1955 г. (там проявляется его литературный талант: он пишет стихи и рассказы, появляются первые публикации). Окончив учебу, Геннадий поступил в Московское Краснознаменное военное училище им. Верховного Совета РСФСР. Казалось, дальнейшая судьба курсанта Г. Шпаликова определена – его ждет военная карьера, но во время учений он получил тяжелое ранение в ногу, попал в госпиталь («Я лежал где-то в Хлебникове, заросший, небритый, обыкновенный солдат со средним образованием, мало чем отличающийся от остальных») и был признан негодным для дальнейшего пребывания в училище. Его отчислили по состоянию здоровья.

Отчисление из училища стало вторым переломным моментом в жизни Геннадия – он решил поступать на сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии (ВГИКа): «…Меня приняли во ВГИК. Пройдя чудовищный конкурс, я попал в один из самых интересных институтов. Радости не было, легкости тоже. Ответственность за будущее и настоящее – это самое главное в мыслях и тогда, и сейчас. Как-то все сложится впереди».

Складывается – по-всякому. 29 марта 1959 г. Геннадий женился на Наталье Рязанцевой, которая была тогда студенткой сценарного факультета ВГИКа. Позже она стала признанной сценаристкой, ее перу принадлежат сценарии таких фильмов, как «Крылья», «Долгие проводы», «Открытая книга», «Чужие письма», «Портрет жены художника» и других. Впрочем, их брак был не очень долгим – в 1962 г. Геннадий и Наталья расстались, и он женился второй раз. Второй женой Геннадия стала актриса Инна Гулая (она сыграла в знаменитых фильмах «Когда деревья были большими», «Время, вперед!», «Долгая счастливая жизнь», «Хождение по мукам»).

Но это было потом, а пока сценарий Геннадия «Причал» – история любви бывшего боксера, ставшего шкипером баржи, чтобы спрятаться от своего прошлого, и провинциальной девочки Кати, сбежавшей из дома вслед за ним, – утверждается к постановке на «Мосфильме». В 1960 г. фильм был запущен в производство в качестве дипломной работы режиссеров Х. Дзюбы и В. Китайского. Однако работа была остановлена – В. Китайский покончил жизнь самоубийством (и только в 2000 г. Юрий Кузин, судьба которого достойна отдельного рассказа, поставил фильм по мотивам киноповести Геннадия Шпаликова «Ветры в карманах»).

В 1961 г. Геннадий оканчивает учебу во ВГИКе и начинает свою недолгую звездную карьеру. По его сценариям в 1962 г.

снимаются фильмы «Трамвай в другие города», «Звезда на пряжке», но это не главное. Главное – кинолента «Застава Ильича», которая совершила третий поворот в судьбе Геннадия Шпаликова.

«Застава Ильича» – романтическая повесть о послевоенном поколении, в которой в эпизодических ролях снялись: Андрей Тарковский, Андрей Кончаловский, Александр Митта, Павел Финн, Наталия Рязанцева. В фильм вошли документальные съемки вечера поэзии в Политехническом музее с участием Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Риммы Казаковой, Роберта Рождественского, Беллы Ахмадулиной и других.

Первый большой опыт в кино стал для Геннадия первым большим успехом. И сразу же за ним последовал удар судьбы. Картина не понравилась Хрущеву (в особенности сцена воображаемого разговора двадцатилетнего парня со своим погибшим отцом в его двадцать лет).

19 марта 1963 г., в день рождения дочери Геннадия, Дарьи, состоялось обсуждение фильма партийными чиновниками «от культуры». Марлен Хуциев (режиссер фильма) и Геннадий Шпаликов, по мнению чиновников, повели себя довольно дерзко. Фильм был запрещен к показу и отправлен на «доработку» и «исправление». В итоге в урезанном и покалеченном виде он вышел лишь в 1965 г. под новым нейтральным названием – «Мне двадцать лет».

Впрочем, когда картина еще только готовилась к прокату, Шпаликов уже стремительно работал над сценарием фильма, которому было суждено стать символом поколения 60-х. В 1964 г. вышел фильм «Я шагаю по Москве», сюжет которого даже невозможно пересказать – это просто рассказ об одном дне двух парней – провинциала и москвича – и девушки, который они вместе провели в Москве. Но этот незатейливый рассказ стал классикой советского кинематографа.

Георгий Данелия вспоминал о том, как все начиналось: «Пришел Гена Шпаликов, принес бутылку шампанского в авоське и сказал, что придумал для меня классный сценарий. И рассказал:

– Дождь, посреди улицы идет девушка босиком, туфли в руках. Появляется парень на велосипеде, медленно едет за девушкой. Парень держит над девушкой зонтик, она уворачивается, а он все едет за ней и улыбается…

– И что дальше?

– А дальше придумаем…

…Меня познакомили с французским продюсером. Он поинтересовался, какие фильмы я снимал. Переводчик

перечислил. Среди прочих назвал и «Я шагаю по Москве».

– Это не тот фильм, где идет девушка под дождем, а за ней едет велосипедист?

Сорок лет прошло с тех пор, как фильм показывали во Франции, а он запомнил именно то, с чего все началось…»

Кстати, в этой сцене снимались три девушки: две актрисы и журналистка. В субботу снимали общий план – идет светловолосая девушка, за ней едет велосипедист с зонтиком, а в понедельник девушка на съемку не явилась. Ассистенты ринулись во ВГИК и привезли другую, тоже светловолосую и стройную. Сняли крупный план, но тут оказалось, что у нее экзамен и ей надо уходить. Тогда пришлось снимать босые ноги корреспондентки «Известий», которая терпеливо ждала, пока мы освободимся, чтобы взять интервью.

В том же 1964 г. В. Туров поставил фильм «Я родом из детства» о тех, кто во время Великой Отечественной войны впервые почувствовал тяжесть утраты близких, желание мстить врагу и стремление к счастью. Эта лента: «…о детстве поколения, – пишет Геннадий Шпаликов в сценарии, – к которому так или иначе принадлежат все эти люди, детство у них было разное, но в чем-то удивительно похожее. Может быть, потому, что у всех в детстве была война, а это уже много. И еще, может быть, потому, что у половины из них нет отцов – это тоже объединяет…».

Название стало крылатым, его растиражировали настолько, что забылся первоначальный смысл. Начало этому тиражированию положила, как ни печально, Юлия Друнина – человек, менее всего стремящийся опростить и приземлить трагедию войны. Она, как бы вдогонку фильму, издала сборник стихов «Я родом не из детства», посвященный военной юности и развивающий мысль о не проходящей важности фронтовой темы для тех, кто пережил войну.

Сам Геннадий Шпаликов острее других чувствовал это дыхание смерти и тоску по отцам не только потому, что и его отец погиб на войне. Детские приятели концентрировали в нем чувство глобальной безотцовщины: в суворовское училище принимали только детей погибших фронтовиков. На его личные страдания накладывались рассказы друзей, прошедших оккупацию, видевших виселицы, переживших расстрелы. Это чувство военного детства стало главным в фильме «Я родом из детства», хотя тут же – как контраст с гибелью отцов и братьев – тяга к свету, к мечтам, к романтике. Все, что так ярко проявилось в фильме «Я шагаю по Москве».

В 1966 г. состоялся дебют Геннадия Шпаликова как

режиссера, он снял свой единственный фильм «Долгая счастливая жизнь». Кинокартина получила премию на фестивале авторского кино в Италии, а в СССР… Шпаликов был в опале, а потому фильм не то чтобы запретили, но не тиражировали и не выпускали в широкий прокат, обрекая режиссера и его семью на полунищенское существование. Одна из выдающихся лент советского кино заслужила в 1967 г. нелицеприятную проработку на студии и тираж всего в 89 копий.

Геннадий в соавторстве с Лазарем Лагиным (автором «Старика Хоттабыча») писал сценарии для мультфильмов: «Жил-был Козявин» и «Стеклянная Гармоника» (последний на музыку Альфреда Шнитке). Нужно ли говорить, что этот совместный труд опальных творцов остался практически незамеченным – ну кто слышал об этих мультфильмах (не говоря уже о том, чтобы их видеть)?

Несколько лет проходят без работы, без денег, а ведь у Геннадия жена и ребенок… «Я собирался увезти тебя к теплому морю, прошло уже три года, а мы все сидим над столом, покрытым клеенкой, и жуем печенку за два рубля», – пишет в своем дневнике Геннадий Шпаликов. Он начинает пить запоями, жена Инна разыскивает его по друзьям, по общежитиям. Геннадий и раньше выпивал («…За день до маминого приезда, то есть вчера утром, я сдал 15 бутылок из-под водки. Ровно 15 – ни больше, ни меньше», – отмечает он в дневниках 1958 г.), но сейчас тяга к спиртному стала патологической, наложившись на депрессию и отчаяние.

Наконец, в 1970–1972 гг. наступил небольшой просвет. По сценарию Шпаликова ставят фильмы Лариса Шепитько («Ты и Я») и Сергей Урусевский («Спой песню, поэт», фильм о Сергее Есенине). Сергей Урусевский (он был оператором, в частности, в фильмах Г. Чухрая «Сорок первый», М. Калатозова «Летят журавли») не намного пережил Геннадия и умер через две недели после его смерти.

А после этих фильмов – снова пустота, заполненная пьянством. Уходит жена, отворачиваются друзья: «Генка много пил, жена от него ушла, мать тоже не пускала, он болтался по друзьям, средств к существованию не было», – вспоминает Петр Тодоровский.

1 ноября 1974 г. Геннадий Шпаликов повесился в Доме творчества «Переделкино». Он был похоронен на Ваганьковском кладбище. После смерти Шпаликов оказался напрочь забытым – и даже знаменитые фильмы не помогали сохранить его имя в памяти зрителей. Впрочем, не так давно в Москве открыли мемориальную доску в память Геннадия Шпаликова, о нем

говорили теплые слова известные деятели российской культуры. Сейчас уже ясно, насколько велик оказался его так и не реализованный потенциал – притом, что он стал автором сценариев фильмов, пожалуй, наиболее точно выразивших состояние поколения шестидесятых.

Инна Гулая тяжело переживала смерть мужа, но свести счеты с жизнью, по собственному признанию, не имела права, ведь на руках была маленькая дочь. Однако через 16 лет, 27 мая 1990 г., уже будучи заслуженной артисткой России, ушла из жизни и она. Ее смерть до сих пор окутана покровом тайны. По одной из версий следствия, причиной гибели стала передозировка снотворного.

Дочь Геннадия Дарья стала киноактрисой, много снималась (в том числе у Александра Сокурова), но время ее профессиональной зрелости пришлось на конец 80-х – начало 90-х. Советское кино закончилось, а в российском она оказалась невостребованной.

Людей теряют только раз,
И след, теряя, не находят,
А человек гостит у вас,
Прощается и в ночь уходит…

ЭМПЕДОКЛ

(род. ок. 484 г. до н. э. – ум. в 424 г. до н. э.)

Теперь наступит ночь – и темнотою
Укроет мне главу. Но из груди,
Ликуя, рвется пламя. О тоска
По страшному!.. От смерти жизнь
опять
Воспламенится, ты же, о природа,
Ты чашу мне даешь, в которой, пенясь,
Клокочет ужас, чтобы жрец твой мог
Испить последний из земных
восторгов!
Доволен я, и больше ничего
Не нужно мне, – лишь тот алтарь, где
в жертву
Я мог бы принести себя. Я счастлив…

Фридрих Гёльдерлин

Во всей истории греческой философии трудно найти более яркую и колоритную фигуру, сочетавшую в себе философа, поэта, ученого-естествоиспытателя, врача, политического деятеля и религиозного проповедника. Эмпедокл вошел в историю греческой культуры как выдающийся философ, поэт, мастер ораторского искусства, основатель школы красноречия в Сицилии. Он как бы парит между врачом и кудесником, поэтом и ритором, мужем науки и художником, государственным человеком и жрецом, Богом и человеком. Он – наиболее многоцветный образ среди древнейших философов. С ним кончается век мифов, трагедий, но вместе с тем в нем уже виден новый грек: государственный муж-демократ, оратор, просветитель, аллегорик, человек науки.

Эмпедокл из Акраганта (Агригента; Сицилия, в то время греческий остров) жил в V в. до н. э., но точная дата рождения и смерти философа неизвестна. Он происходил из знатной семьи и возбуждал величайшее внимание уже одним своим видом. Эмпедокл ходил облаченный в пурпурное одеяние, с золотым поясом, в металлической обуви, с венком на голове. Красивое лицо, длинные волосы, аккуратная бородка, взгляд твердый,

властный. Черты его лица всегда были одинаково мрачны, и никто не видел, чтобы Эмпедокл улыбался; всюду, где он появлялся, за ним следовали слуги. На всех, кто с ним встречался, Эмпедокл производил ошеломляющее впечатление, которое усиливал высокий рост.

В политической борьбе, кипевшей в это время в Акраганте, он поддерживал сторону рабовладельческой демократии и твердой рукой стремился оградить этот уклад от попыток реставрации аристократической власти. Когда в его родном Акраганте аристократия временно победила, он вынужден был уйти в политическое изгнание. После свержения тирании жители города предложили ему стать их царем, но Эмпедокл отказался.

В преданиях о жизни философа много явного вымысла, в котором он предстает как мудрец, врач и чудотворец сверхчеловеческой мощи. Сохранился ряд, несомненно, фантастических сообщений о покорении Эмпедоклом природы. Например, существует рассказ о том, как он изменил климат Акраганта: философ будто бы пробил проход в скалах, стеной окружавших город, и через образовавшуюся брешь открыл в него путь для благотворных теплых ветров (в другом варианте, он сделал это для того, чтобы избавить город от чумы – через дыру в скале дули холодные северные ветры, выдувшие заразу). Другое предание гласит, что к Эмпедоклу пришли жители соседнего города, охваченного мором. Догадавшись, что причина болезней исходит от гнилостных испарений болота, находящегося близ города, он повернул русла двух рек, так что проточная вода устремилась в застоявшийся водоем. Вскоре мор прекратился, а соотечественники стали считать Эмпедокла богом (а он всячески поддерживал это убеждение).

Свои философские воззрения Эмпедокл представил в поэме «О природе», из 2000 строк которой до наших дней дошли только 340. Еще обширнее были «Очищения» (3000 стихов) – поэма нравственно-религиозного содержания, из которой сохранилось только 100 стихов.

В основе учения философа лежит концепция четырех элементов – огня, воздуха, воды и земли, которые он называет «корнями всех вещей».

> Вначале услышь, каковы суть четыре корня всего:
> сияющий Зевс и Гера, приносящая жизнь, и Гадес,
> и, конечно, Нестида, что людские источники
> слезами своими питает.

Имена богов являются аллегориями четырех стихий: Зевс –

огня, Гера – воздуха, Гадес – земли, Нестида – воды. Они вечны, неизменны и не могут ни возникать из чего-либо другого, ни переходить друг в друга. Все прочие вещи получаются в результате соединения этих элементов, которые представляют собой смесь отдельных частичек. Они, по выражению Аристотеля, укладываются подобно тому, как стена складывается из кирпичей.

Эти элементы управлялись с помощью двух сил, которые Эмпедокл называл Любовью (Дружбой, Приязнью, Гармонией, даже Афродитой – по имени богини любви, Кипридой, Весельем, Милостью) и Враждой (Ненавистью, Аресом). Он представлял жизнь природы как циклический или ритмический процесс, в котором попеременно берут верх то Любовь, соединяющая физические элементы, то Вражда, разделяющая эти элементы. Любовь соединяет разнородное и таким образом «из многого делает одно». Вражда, напротив, разделяет разнородное и так «из одного делает многое». Основные стихии и силы не могут ни возникать, ни уничтожаться. Соединяются и разъединяются только сочетания стихий.

Во время господства Любви в природе теряется своеобразие отдельных материальных элементов, пропадают свойства огня и любого другого из элементов – каждый теряет свой собственный вид. Во время господства Вражды элементы обретают своеобразие, выделяются и обособляются.

Исходную стадию развития мира Эмпедокл определяет термином сфайрос. Эта стадия представляет собой подлинное единство стихий, период универсальной власти любви. Вражда в это время поставлена «вне» мира, вытеснена за пределы сфайроса. Вторая стадия развития космоса начинается с возникновения отдельных вещей, вызванного постепенным приходом вражды и оттеснением любви к центру мира. Начинается разделение стихий, и в силу того, что огонь скапливается в одной половине мира, а воздух (эфир) – в другой, нарушается равновесие, приводящее к вращению мира (этим вращением объясняется, в частности, смена дня и ночи).

Третья стадия в развитии космоса определяется торжеством вражды: любовь вытеснена на обочину мира, а стихии разделены и располагаются слоями друг над другом, не смешиваясь. Вращение мира приобретает максимальную скорость, но начинает замедляться по мере того, как зажатая в центре мира Любовь начинает смешивать разъединенные элементы. Четвертая стадия определяется возвратом власти любви, а стихии опять соединяются.

Эмпедокл приписывал миру (космосу) яйцевидную форму и считал, что его оболочка состоит из затвердевшего воздуха.

Звезды имеют огненную природу и прикреплены к небесному своду, а планеты свободно парят в пространстве. Солнце, подобно огромному зеркалу, отражает свет, испускаемый огненной полусферой космоса. Луна находится на одной трети расстояния от Земли до небесного свода, она образовалась от сгущения облачной земной атмосферы и имеет плоскую форму, получая свой свет от Солнца. Неясно, какой представлял себе Эмпедокл форму Земли, но, согласно его представлениям, расстояние до небесного свода меньше, чем ширина Земли. Воды морей («пота Земли») первоначально находились в глубинах Земли, а затем были выжаты из нее, как из губки.

Гениальной для своего времени была догадка Эмпедокла о том, что свету требуется время для распространения в пространстве. Догадка эта настолько противоречила всем существующим представлениям о природе света, что даже Аристотель, один из величайших умов древности, отнесся к гипотезе философа отрицательно: «Эмпедокл и всякий другой, придерживающийся такого же мнения, неправильно утверждали, будто свет передвигается и распространяется в известный промежуток времени между Землей и небесной твердью, нами же это движение не воспринимается… Ведь на малом расстоянии это движение могло бы еще остаться незамеченным, а это уже слишком большая претензия, чтобы оно оставалось незамеченным на протяжении от востока до запада». Впрочем, лишь в XVII в. Олаф Рёмер впервые доказал, что свет распространяется в пространстве с огромной скоростью.

Не менее гениальным было и предвосхищение (хотя и наивное) идеи естественного отбора, предложенной Чарльзом Дарвином в XIX в. Уподобление взглядов Эмпедокла дарвиновским было бы слишком смелым шагом, но философ представил идею выживания целесообразных форм.

Согласно Эмпедоклу, любовь и вражда являются базовыми принципами возникновения жизни. На первой стадии в теплом, влажном иле зарождаются отдельные части тел:

> Много из земли выросло глав, что без шей пребывали,
> плеч лишены, очи блуждали здесь одиноко,
> которым недоставало чела…

На второй стадии органы, возникшие таким образом, бессистемно соединяются между собой, вследствие чего могут возникать «чудовища с двумя лицами и двойной грудью». Многие сочетания оказывались нежизнеспособными и гибли. На третьей стадии существовали, возникали уже только те организмы, части

которых образовывали жизнеспособные соединения, а на четвертой стадии происходило сочетание основных стихий, которые были способны не только жить сами, но и размножаться.

Учение о четырех элементах ложится и в основу теории Эмпедокла о строении живых организмов. Он объясняет различные свойства органических тканей пропорциями, в которых элементы входят в состав этих тканей. Наконец, философу принадлежит ряд замечательных идей и догадок, относящихся к вопросам физиологии, медицины и к выяснению механизма действия наших внешних чувств. В медицине Эмпедокл – один из родоначальников направления, представители которого полагали, что знать врачебное искусство невозможно тому, кто предварительно не исследовал, что такое человек. Медицина не может быть собранием знахарских рецептов, основанных лишь на слепом предании.

В теории чувственного восприятия Эмпедокл выдвинул гипотезу о том, что ощущения возникают на основе принципа «подобное познается подобным». Познание возможно потому, что человек и окружающий мир состоят из одних и тех же стихий, но соединенных в различных отношениях.

Эмпедокл является сторонником определяющей роли чувственного познания, согласно которому мыслить и чувственно воспринимать – одно и то же. Он полагал, что в основе истинного познания лежит ощущение; однако всякое наличное ощущение должно быть подвергнуто проверке разумом, вместилищем которого является кровь:

> Питается в бурных волнах крови
> И отсюда происходит подвижная мысль человека,
> Потому что мысль в людях – это кровь, омывающая сердце…

В учении Эмпедокла очень много от древней мифологии, а «корни вещей» характеризуются у него как божественные существа – живые и способные ощущать. В некотором противоречии с естественнонаучными воззрениями философа находится его поэма «Очищения», в которой он развивал религиозно-этическое учение, основанное на идеях переселения бессмертной души и нравственного очищения.

В частности, Эмпедокл был убежденным вегетарианцем, ибо так живо представлял переселение душ в животных, что раз и навсегда отказался от мяса. Даже когда ему приходилось приносить богам жертву, он жертвовал быка, но испеченного из муки с медом. Ученый мучился от того, что раньше ел мясо; ведь

в облике животного могли быть его отец или мать. Он проклинал тот день, когда его уста прикоснулись к кровавой пище; кажется, это и было совершенное им преступление, его «осквернение через убийство». Есть мясное для него значило почти то же, что пожирать самого себя, своих близких и родных:

Некогда был я юнцом, был и прелестной девицей,
Был и растением, птицей, рыбой безгласною в море.

К мысли о переселении душ присоединилась идея безграничного чувства сострадания. Смертные кажутся Эмпедоклу существами падшими и наказанными богами. Земля – это мрачная пещера: здесь обитают убийство, ненависть, болезни, гниение. Свое пребывание в этом мире, над которым тяготеет грех, он мог объяснить только тем, что когда-то, в далеком прошлом, вероятно, совершил какое-либо преступление, убийство, клятвопреступление.

Люди слабы, многие беды угрожают им и притупляют чувства. Жизнь свою человек проводит в борьбе; а затем преждевременный жребий уносит его силы и рассеивает их, словно дым. Только то, на что люди непосредственно наталкиваются, они и считают истиной; и всякий хвалится тем, что он нашел целое, но тщетно: человеку не дано ни увидеть это, ни услышать, ни объять чувствами. Эмпедокл жаждал великого очищения человека.

Целью жизни философа стало сделать хорошим то, что ненависть сделала дурным; нести идею единства в любви и самому помогать там, где он находил страдание.

Эмпедокл – по мнению Фридриха Ницше, трагический философ: «Самое поразительное в нем – это его необыкновенный пессимизм; но пессимизм в высшей степени активный. Как странствующий пророк, он всюду блуждает, чтобы насадить единое господство любви, после того как ему это не удалось в Агригенте… Он – просветитель, и поэтому его недолюбливают верующие. В то же время он признает еще весь мир богов и демонов, в реальность которых он верит не меньше, чем в реальность людей. Он сам чувствует себя как бы богом, находящимся в изгнании». Эмпедокл считал, что имеет особое предназначение быть спасителем человечества от скверны.

Да, он чувствовал себя чуть ли не богом, и, надо сказать, окружающие вполне разделяли его точку зрения. Вот один хвалебный гимн Эмпедоклу, который начинается от его имени, с приветствия друзьям: «Привет вам! Уже не как смертный, а как бессмертный бог, странствую я повсюду, всеми чтимый, как это и

надлежит, украшенный повязками и зеленеющими венками. И лишь только я вхожу в цветущие города, я встречаю почет от мужчин и женщин: громадные тысячные толпы их следуют за мной, вопрошая меня, где лежит путь к блаженству; одни из них жаждут предсказаний, другие хотят услышать волшебные слова, которые исцелили бы их от многообразных болезней, долго и ужасно терзавших их. Но ради чего я остаюсь здесь, как будто есть нечто великое в том, что я возвышаюсь над несчастным смертными».

В свое время он был легендарной фигурой. Диоген Лаэртский приводит версии смерти философа, которые были распространены среди приверженцев его учения. Первая из них напоминала некую раннюю версию христианского вознесения на небо: «…случилось такое, что впору лишь молиться: Эмпедоклу теперь надо приносить жертвы, как ставшему богом». Согласно второй версии, Эмпедокл бросился в кратер Этны, «этим он, хотел укрепить молву, будто он сделался богом», молву, которую сам поддерживал при жизни:

> Под конец же они у людей, обитающих землю, бывают
> Пророками, гимнов певцами, врачами, вождями народов,
> А затем уж восходят к богам, высшею славою чтимым.

Перед уходом из жизни Эмпедокл закатил огромный пир для восьмидесяти своих друзей и учеников. Багряный хитон, перепоясанный золотой тесьмой, дельфийский венок – эмблема служения Аполлону, медные сандалии на ногах делали его необыкновенно величественным. Яств, вина и веселья было достаточно.

Наконец празднующие уснули, а Эмпедокл направился к вулкану Этна и, веря в свое божественное предназначение, прыгнул в кратер. Он, согласно собственной теории, вернулся в огонь, из которого когда-то вышел.

Когда друзья и ученики Эмпедокла проснулись и обнаружили, что его нигде нет, то бросились его искать. Взобравшись на Этну и подойдя к кратеру, они увидели, как вулкан выплюнул медную сандалию. Такие сандалии в Акраганте носил только Эмпедокл…

notes

Примечания

1

Перевод Михаила Донского.

2

Преторы — высшие после консулов должностные лица, ведавшие судопроизводством.

3

Курия — здание для общественных собраний, иногда так называли и само собрание.

4

Изначально филиппиками назывались речи Демосфена, направленные против Филиппа Македонского, а позднее Цицерон заимствовал название у греческого оратора и патриота, намекая, в том числе, на свою верность идеалам Рима, которые попирал Марк Антоний.

5

Киликия — в древности область в Малой Азии на юге современной Центральной Турции.

6

Набатея — государство на территории современной Иордании, завоеванное Римом.

7

Общество получило наименование по названию «богемного» района Лондона – Блумсбери, где жили представители искусства, художественная, писательская и театральная элита.

8

Здесь и далее приведены цитаты из книги Р. Гари «Жизнь и смерть Эмиля Ажара» (перевод с франц. И. Кузнецовой).

9

Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия учреждена в России 12 февраля 1880 г. (после взрыва в Зимнем дворце, произведенного 5 февраля С. Н. Халтуриным) для руководства борьбой с революционным движением. Она просуществовала полгода и в августе 1880 г. была упразднена.

10

Надо сказать, что если бы усыновления не произошло, то вряд ли бы Германия обрела фюрера – дело в том, что фамилия Шикльгрубер для немецкого уха звучит довольно юмористически и сочетается с понятием «вождь нации» примерно так же, как фамилия Пушкин со словами «великий русский поэт Александр Сергеевич…».

11

Постмодернизм — направление философии, общественных наук и искусства, появившееся в середине XX века. В его основе непринятие иллюзий массового сознания, нашедшее свое отражение в социальных движениях конца 60-х годов. Кроме того, идея множественности жизненных миров, форм культуры не вписывалась в проблематику существовавших направлений философии, каждое из которых претендовало на всеобщность. Основная идея постмодернизма – привнесение неопределенности и контраста в порядок и простоту существующих стилей и направлений. Основная цель – не обнаружение новых фактов реальности, а переработка уже существующих, использование сплава различных стилей прошлого, часто с ироническим подтекстом. С момента своего появления постмодернизм рассматривался как феномен философии Франции, но уже с 70-х годов стал фактом европейской культуры.

12

Стокгольмское обращение — воззвание, требующее запрещения атомного оружия, установления строгого международного контроля за выполнением этого решения и объявления военным преступником того правительства, которое первым применит атомное оружие против какой-либо страны. Было подписано 15–19 марта 1950 г.

13

Макрокосм — рассмотрение Вселенной как человеческого организма в увеличенном виде, а человека – как Вселенной в миниатюре, и выведение отсюда, что между Вселенной и человеком существует такая же связь, как и между членами одного телесного организма. Поэтому, например, звезды могут иметь влияние на судьбу человека.

14

По некоторым данным, это сочинение (а также трактат «О разуме», от которого до нашего времени дошли лишь несколько строк) лишь приписывается Демокриту, а на самом деле его автором является учитель философа – Левкипп. Однако Демокрит мог создать произведение с аналогичным названием, как это было принято в то время, в развитие и продолжение идей учителя.

15

Клуб, открытый Четом Хелмсом.

16

Парнас — священная гора, считалась местом пребывания Аполлона и муз. На южном склоне Парнаса находился Дельфийский оракул и Кастальский источник, дарующий поэтическое вдохновение и славу.

17

300 динариев составляло годичную плату поденщику. Историк и священник Я. Кротов говорит о том, что по покупательной стоимости эта сумма примерно соответствовала современным десяти тысячам долларов США.

18

В «Деяниях апостолов» есть альтернативная версия смерти Иуды, совершенно не согласующаяся с Матфеем, Искариот не вернул старейшинам денег, а сам купил себе землю «неправедною мздою», а затем «низринулся» (надо полагать, нечаянно свалился) в овраг, вследствие чего «расселось чрево его, и выпали все внутренности его» (Деян. 1:16 и сл.).

19

Квестор — избираемая народным собранием должность. Число квесторов было различным в разные времена (от 2 до 20). Квесторы во времена Катона ведали казначейством. С должности квестора молодые римляне обычно начинали свою политическую карьеру.

20

Область в Сев. Африке, современная восточная часть Алжира.

21

Сама Клеопатра также была рождена в инцестном браке – ее родители были родными братом и сестрой. Египетские законы одобрительно относились к таким союзам: царская кровь не должна разжижаться. Как ни странно, на здоровье Клеопатры это не сказалось, чего не скажешь о ее брате, так что она являла собой редкое исключение.

22

В данном случае речь идет о западной рок-музыке. В СССР 80-е стали эпохой расцвета действительно подпольного «русского рока», ставшего альтернативой «официальным» вокально-инструментальным ансамблям и певцам с утвержденным репертуаром. Понятие «Поклонник рок-музыки» (а тем более «рок-музыкант») было фактически тождественно понятиям «оппозиционер», «противник существующего режима». В конце 80-х, на волне перестройки рок вышел из подполья, и его поклонников стали именовать «неформалами» (понятие, кстати, сохранилось и по сей день, хотя свой первоначальный смысл уже утратило и укоротилось до «нефор»). Несколько лет шли столь же жаркие, сколь и бессмысленные дискуссии (в том числе в прессе) на тему: «Нужна ли нашей молодежи рок-музыка»; считалось нормальным наставлять любителей рока на путь истинный, указывая им, какая музыка является «правильной» (особенно этим увлекалась шпана, которая периодически избивала «неформалов»). В конце концов СССР распался, и на просторах СНГ воцарился шоу-бизнес, который благополучно загнал рок обратно в подполье, на этот раз по причинам финансового характера – все стало как во всем мире.

23

Гранж — музыкальный стиль, представляющий собой смесь панк-рока, хард-рока и поп-музыки, в котором играли большинство альтернативных групп Сиэтла конца 80-х – начала 90-х годов XX в. (в том числе Nirvana).

24

Жюль Гед — деятель французского и международного социалистического движения, один из основателей французской рабочей партии и лидеров 2-го Интернационала, основанного в 1889 г.

25

В тексте использованы материалы статьи Г. Чхартишвили «Жизнь и смерть Юкио Мисимы, или Как уничтожить храм» (1993 г.)

Кэндо — «путь меча», национальное фехтовальное искусство.

27

Дзерури — японский театр марионеток.

28

В январе 2000 г. в Нью-Йорке объявился человек по имени Джозеф Ф. Кеннеди, который называет себя сыном бывшего президента США Джона Кеннеди и Мэрилин Монро. Он потребовал вернуть ему все движимое и недвижимое имущество, которое осталось после смерти актрисы. На вопрос о том, где же он был все это время, он сообщил, что 5 августа 1962 года его похитили неизвестные. Он не помнит своего детства, так как «попал в серьезную автокатастрофу и страдает потерей памяти». Скорее всего, это очередное мошенничество с целью получить большой капитал Мэрилин, ведь, по подсчетам экспертов, ее состояние после смерти ежегодно увеличивается на $5 000 000.

29

В конце 1954 года Мэрилин приобрела дневник в кожаном переплете. Туда она заносила отрывки разговоров с Джоном Кеннеди. Во время разговоров с друзьями Джон обсуждал политические проблемы или объяснял то или иное принятое правительством решение, естественно, эти разговоры не предназначались для широкой публики, но являли собой неотъемлемую часть жизни президента. Мэрилин никак не могла запомнить, о чем же ей говорил Джон Кеннеди, и однажды это вывело его из себя. Вот так и появился знаменитый дневник Мэрилин, который мог содержать компрометирующую информацию и на президента, и на политику страны в целом. Это был лакомый кусок и для политических конкурентов, и для мафии, и для самого президента.

30

Приап — греческое божество производительных сил природы; обладатель двух фаллосов из-за колдовства Геры. По одной из версий, Афродита, беременная Приапом от Диониса, сошлась с Адонисом, и ребенок родился с двумя фаллосами в память о «двойном» отцовстве. По другим мифологическим источникам, Приап – сын Афродиты и Зевса, на которого Гера наслала уродство из ревности. Он был оставлен в горах и подобран нимфами, силеном и сатиром. В римскую эпоху культ Приапа достиг расцвета; он вошел в круг римских божеств плодородия. Приап покровительствует рыбакам, матросам, проституткам, развратникам, кутилам. Праздники в честь Приапа в марте и июне сопровождались сексуальным неистовством и оргиями. Сам Приап сексуально ненасытен, его невозможно удовлетворить, и его гнев делает таким же обидчика.

31

Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» был создан В. И. Лениным в 1893 г. и представлял собой политическую организацию Петербурга, ставшую впоследствии зачатком революционной пролетарской партии в России. По делу «Союза борьбы» было в свое время арестовано и привлечено к дознанию 251 чел., из них 170 рабочих; в феврале 1897 г. 22 чел. были сосланы в Восточную Сибирь, в Архангельскую и Вологодскую губернии, многие высланы из Петербурга под надзор полиции.

32

После убийства Великого князя его жена попросила свидания в тюрьме с террористом Иваном Каляевым, который бросил бомбу в ее мужа. Великая княгиня Елизавета Федоровна была до слез растрогана разговором и просила о помиловании Каляева. Поэт и террорист Каляев помилования не получил. А в 1918 г. сама Елизавета Федоровна была расстреляна на Урале среди других Романовых.

33

В 1915 г. Азеф был арестован в Германии как русский шпион и умер в Берлине.

34

Каннская конференция (1922) – конференция Верховного совета Антанты (блока Англии, Франции и царской России, оформившегося в 1904–1907 гг. и объединившего в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. против германской коалиции более 20 государств), в которой участвовали представители Бельгии, Великобритании, Италии, Франции и Японии, а также представитель Германии, члены Репарационной комиссии (была создана в 1919 г. для определения суммы репараций, возложенных на Германию и ее союзников, и способов их взыскания) и наблюдатель от США; происходила 6–13 января в г. Канне (Франция).

35

В июне 1922 г. в Москве состоялся судебный процесс над 47 руководителями партии эсеров, 14 подсудимых приговорены к смертной казни (исполнение приговора отложено). В 1923 г. структуры партии в России ликвидированы органами госбезопасности, а большинство членов партии эсеров репрессированы и уничтожены. В том же году Б. Савинков (точнее, В. Ропшин) пишет продолжение романа «Конь бледный» – роман «Конь вороной», жестокую хронику российской революции и Гражданской войны.

36

Перевод Я. Голосовкера.

37

Отрывок из стихотворения «Моление к Гере» (Перевод Я. Голосовкера; Античная лирика. – М.: Художественная литература, 1998, с. 57).

38

Перевод Вяч. Иванова.

39

Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. С. 329.

Имеется в виду тирания в первоначальном смысле, как обозначение абсолютной монархии, а не в современном – негативно-метафорическом.

41

Вполне возможно, что древние называли цикутой вех ядовитый – Cicuta virosa, содержащий ядовитый алкалоид цикутотоксин. Однако большинство склоняется к тому, что цикута – это болиголов пятнистый или омег пятнистый (Conium maculatum), и ядовитым началом является содержащийся в них кониин. Минимальная смертельная доза для человека не выяснена, но она, безусловно, составляет всего несколько миллиграммов. Кониин – яд, вызывающий паралич окончаний двигательных нервов, а судороги, вызываемые ядом, приводят к удушью.

Через два тысячелетия, в XIX в. в Венской фармакологической школе широко проводились эксперименты, позволяющие проанализировать действие ядовитых веществ на человека, и историческая слава цикуты вызвала к ее яду особый интерес. Опыты на себе поставили несколько студентов, принимавших внутрь разовые дозы кониина от 3 до 8 мг. Они выявили местное раздражающее действие на слизистые, резко выраженную мышечную слабость, которая при малейшем мышечном напряжении приводила к болезненным судорогам. Отравление сопровождалось головной болью, головокружением, расстройством со стороны желудочно-кишечного тракта, сонливостью, помрачением сознания.

42

Флигель-адъютант — почетное звание, присваивавшееся офицерам, состоявшим в свите русских императоров.

43

Таганцев Владимир Николаевич (1889–1921), ученый-географ, профессор Петроградского университета. В 1921 г. арестован по сфабрикованному Петроградской ЧК делу «Петроградской боевой организации», расстрелян без суда вместе с поэтом Н. С. Гумилевым, мужем Анны Ахматовой.

44

Либидо (лат. libido – влечение, желание, страсть, стремление) – одно из основных понятий психоанализа. Либидо – инстинктивная сексуальная энергия человека, которая является главной движущей силой, заставляющей человека заниматься всеми видами активной деятельности. При невозможности прямого удовлетворения либидозных импульсов, наличии каких-либо препятствий либидо может приводить как к патологическим формам реагирования (истерические реакции, навязчивости, страхи, неврологическая симптоматика), так и отклоняться от первоначальных целей, выражаясь, например, в процессах творчества, религиозных чувствах, спортивных достижениях, политической деятельности и т. п.

45

Фрейд Анна (Freud, Anna) (1895–1982), британский психоаналитик австрийского происхождения, младшая дочь и преемница Зигмунда Фрейда, основательница детского психоанализа, систематизировавшая и разрабатывавшая психоаналитическую теорию в таких произведениях, как «Введение в психоанализ для педагогов» (1926) и «Эго и механизмы защиты» (1936); внесла значительный вклад в теорию и практику психоанализа в трудах «Психоаналитическое лечение детей» (1946) и «Нормальное и патологическое в детстве: оценка развития» (1965). В 1947 г. основала в Лондоне Хэмпстед скую клинику – крупнейший в мире детский психоаналитический лечебный и учебный центр.

46

Йом Киппур — День искупления, или Судный день, еврейский праздник, приходящийся на 10 день еврейского месяца тишри (ранняя осень).

47

Поль Верлен — французский поэт, один из основателей символизма. Он стремился к музыкальности стиха, его неточности, создающей дымку недосказанности и открывающей простор для воображения читателя. Умер в нищете. Кроме стихов, Поль Верлен знаменит своим романом с Артюром Рембо – французским поэтом, который утратил свой поэтический дар к 19 годам, создав удивительные по своей силе произведения.

48

Знаменитая книга русского философа Василия Розанова, содержащая размышления, короткие заметки, зарисовки и т. п.

49

Сергей Эфрон к моменту женитьбы на М. Цветаевой не имел полного гимназического образования, и хлопоты были продиктованы необходимостью получения аттестата зрелости для него.